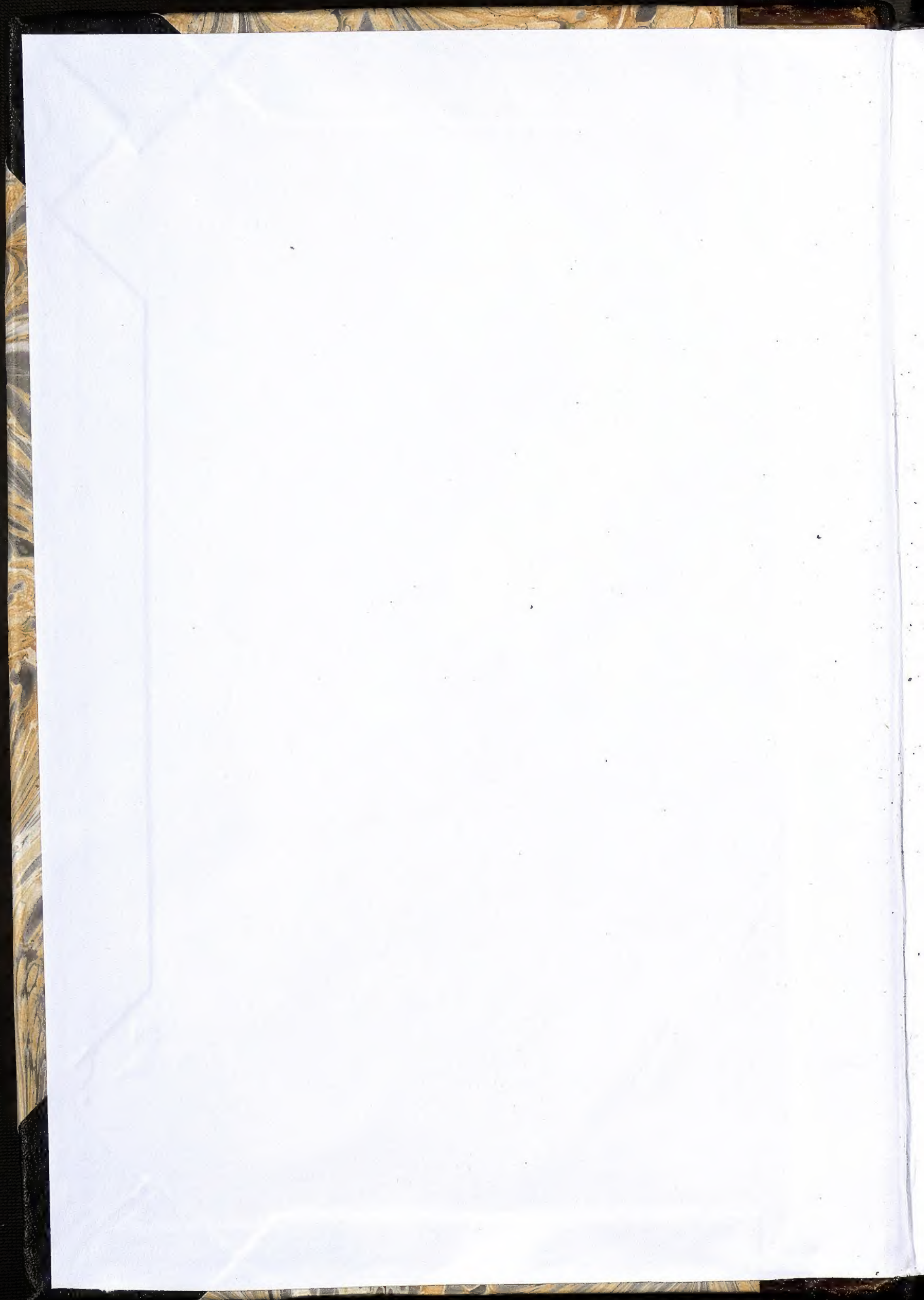


М. ГРУШЕВСКІЙ.

ОЧЕРКЪ
ИСТОРІИ КІЕВСКОЙ ЗЕМЛИ

отъ смерти Ярослава до конца XIV столѣтія.

То есть старѣишеи градъ въ ȥемли во всеи—Кыевъ.
Начальная лѣтопись.

Кіевъ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра В. І. Завадзкаго.
Б.-Васильковская ул., д. № 29—31.
1891.

Оттискъ изъ Университетскихъ Извѣстій 1891 года.
Печатано по опредѣленію Совѣта Университета св. Владиміра.

Отцу и матери

эту исторію родной земли

благоговѣйно посвящаетъ авторъ.

Помы́слихъ дни пе́рвыя, и лѣ̑та вѣ̑чная помянꙋ́хъ, и поꙋча́хся: но́щїю се́рдцемъ мои́мъ глꙋмля́хся, и тꙋжа́ше дх҃ъ мо́й. Еда̀ во вѣ́ки ѿри́нетъ Гдь҃, и не приложи́тъ благоволи́ти па́ки; Или̑ до конца̀ ми́лость свою̀ отсѣче́тъ; сконча̀ глаго́лъ ѿ ро́да въ ро́дъ; Еда̀ забꙋ́детъ ѹщедри́ти Бг҃ъ; или̑ ѹдержи́тъ во гнѣ́вѣ свое́мъ щедро́ты своѧ̑; И реко́хъ: нн҃ѣ нача́хъ: сїѧ̀ измѣ́на десни́цы Вы́шнѧгѡ. Ѱал. ѻ҃ѕ.

Предлагаемая работа написана была на тему, предложенную историко-филологическимъ факультетомъ университета св. Владиміра; она такимъ образомъ входитъ въ серію областныхъ монографій по русской исторіи, появлявшихся на страницахъ Извѣстій и Сборника сочиненій студентовъ университета, какъ Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ до 1434 г. Н. Молчановскаго, Исторія Сѣверской земли до пол. XIV в. П. В. Голубовскаго и Д. И. Багалѣя, Очеркъ исторіи Волынской земли до конца XIV в. А. Андріяшева.

Думаю, что въ настоящее время было бы совершенно излишнимъ трудомъ объяснять пользу и необходимость областныхъ монографій въ русской исторіи: въ недалекомъ будущемъ, вѣроятно, всякая отдѣльная область будетъ имѣть свою спеціальную исторію. Конечно, и Кіевская земля, болѣе даже, чѣмъ какая-либо другая, имѣетъ нужду въ спеціальной монографіи, какъ въ виду своей выдающейся роли въ ряду другихъ земель, такъ и въ виду того, что за этою ролью часто оставалась въ тѣни ея, такъ сказать, домашняя исторія. Вопросъ только въ выполненіи задачи...

Въ изслѣдованіи я старался по возможности установить взаимное отношеніе фактовъ внѣшней исторіи, найти ихъ связь съ внутреннею жизнью, угадать характеръ этой послѣдней, подмѣтить своеобразныя отличія исторіи Кіевской земли, выдѣляющія ее изъ ряда другихъ земель, ея, такъ сказать, индивидуальную физіономію, наконецъ—найти посредствующія звенья, связующія изслѣдуемую эпоху кіевской исторіи съ предшествующею и послѣдующею. Hoc erat in votis!...

Замѣчу, что уже въ выдѣленіи относящагося сюда историческаго матеріала я встрѣтилъ нѣкоторую спеціальную трудность. Кіевъ дол-

ĭое время былъ политическимъ средоточіемъ русскихъ земель, политика его князей того времени обусловливалась не только интересами Кіевской земли, кіевскаго стола, но и интересами тянувшихъ къ нему волостей. Если эта внѣшняя политика и ея интересы въ значительной степени были чужды для населенія Кіевской земли, то, съ другой стороны, несомнѣнно, что она все же оказывала значительное вліяніе на жизнь земли, еще болѣе—самого Кіева; поэтому я не могъ ее вполнѣ игнорировать и только старался выдѣлить то, что ближе касалось Кіева и Кіевщины; но, конечно, твердый критерій въ этомъ отношеніи установить и провесть послѣдовательно было довольно трудно.

Далѣе, стремясь главнымъ образомъ къ уразумѣнію взаимной связи и смысла историческихъ фактовъ, я опускалъ подробности въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ не заключали чего-либо интереснаго въ этомъ отношеніи, особенно описанія военныхъ дѣйствій и т. под.; эти подробности и безъ того можно найти въ любой подробной исторіи Руси, а между тѣмъ онѣ расширили бы еще болѣе настоящую работу, и такъ принявшую нежелательно-большіе размѣры. Я ограничивался въ такихъ случаяхъ краткимъ, схематическимъ изложеніемъ. Но въ тоже время я считалъ необходимымъ при составленіи спеціальнаго изслѣдованія подбирать тѣ извѣстія, которыя часто оставляютъ безъ вниманія или касаются лишь слегка общіе курсы, но которыя тѣмъ не менѣе представляютъ какую-либо цѣнность, интересъ для исторіи земли. Я также считалъ нужнымъ подробнѣе останавливаться на фактахъ кіевской исторіи, не объясненныхъ доселѣ или, какъ мнѣ казалось, неправильно истолкованныхъ. Это, естественно, заставляло меня дѣлать отступленія, вдаваться въ детальную критику и нарушать иногда равномѣрность въ распредѣленіи матеріала.

То же стремленіе принудило меня дать весьма значительное мѣсто гипотетическому элементу. Я полагаю, что съ однимъ „методомъ математическимъ", въ смыслѣ подведенія итоговъ категорическимъ утвержденіямъ источниковъ, наука не уйдетъ далеко; полагаю, что всякая гипотеза имѣетъ право на существованіе, разъ для нея есть основанія, разъ она въ состояніи объяснить что-нибудь и не противорѣчитъ неоспоримымъ даннымъ науки; полагаю, что никакая гипотеза не повредитъ успѣху изслѣдованія, если предлагается лишь, какъ гипотеза. И гипотетическій элементъ и детальная критика особенно

широко входятъ у меня въ изложеніе данныхъ послѣдняго періода—отъ монгольскаго нашествія до конца XIV в.: это зависѣло отъ самаго характера нашихъ свѣдѣній относительно этого времени.

При случаѣ я вездѣ дѣлалъ ссылки на бывшую въ моемъ распоряженіи литературу предмета. Весьма немногія изъ нихъ сдѣланы въ смыслѣ указанія на авторитетъ для защиты высказываемаго мною мнѣнія. Часто, придя самостоятельно къ какому-нибудь заключенію, я находилъ затѣмъ подобную мысль въ какомъ-либо трудѣ,—въ такомъ случаѣ я также дѣлалъ ссылку, чтобы не навлечь подозрѣнія въ присвоеніи чужого.

Довольно много приведено у меня въ примѣчаніяхъ цитатъ изъ Татищевскаго свода или указаній на него; я считалъ это необходимымъ въ виду того исключительнаго и доселѣ неопредѣленнаго положенія, какое занимаетъ онъ. Но весьма мало внесъ я изъ него въ свое изложеніе—причиною былъ мой личный взглядъ на трудъ Татищева; по моему мнѣнію, элементъ домысла, иногда тенденціознаго, широко входитъ въ извѣстія его, и послѣднія требуютъ еще самой строгой и кропотливой провѣрки и оцѣнки. Нѣсколько примѣровъ этого характера татищевскихъ извѣстій приведено мною въ разныхъ мѣстахъ настоящей работы; быть можетъ, со временемъ мнѣ удастся подробнѣе развить и обосновать свое воззрѣніе на этотъ предметъ въ отдѣльной работѣ.

Изслѣдованіе распадается на четыре отдѣла. Въ первомъ собраны историко-географическія данныя; главнымъ образомъ я остановился на опредѣленіи территоріи земли и обзорѣ населенныхъ мѣстъ изучаемаго времени; физическаго устройства земли я коснулся лишь слегка, такъ какъ это не требовалось настоятельно задачею настоящаго изслѣдованія, а между тѣмъ потребовало бы немало времени и спеціальныхъ занятій. Второй отдѣлъ, распадающійся на три главы, обнимаетъ обзоръ внѣшней исторіи земли до монгольскаго нашествія. Третій заключаетъ очеркъ политико-общественнаго строя и быта земли за это же время. Не раздѣляя традиціонныхъ мнѣній о фатальномъ значеніи для Кіевщины монгольскаго нашествія, я ставлю этотъ моментъ гранью въ своемъ изслѣдованіи потому, что съ нимъ, по моему мнѣнію, связаны были важныя измѣненія въ политической жизни земли, а также потому, что скудость источниковъ кіевской исторіи, все усиливающаяся съ самаго начала XIII в., заставляетъ наконецъ

измѣнить форму изслѣдованія: замѣнить связное изложеніе эпизодическимъ. Въ послѣднемъ отдѣлѣ сведены всѣ вообще данныя о Кіевской землѣ отъ монгольскаго нашествія до конца XIV в.; я не нашелъ возможнымъ отдѣлить и здѣсь также данныя внѣшней исторіи отъ данныхъ исторіи внутренней: послѣднихъ слишкомъ мало, а при скудости всѣхъ вообще свѣдѣній о землѣ за этотъ періодъ, приходится привлекать одинаково тѣ и другія данныя, чтобы прослѣдить какъ-нибудь общую судьбу ея.

„Але я, не бавячи предмовою сею, далей въ книгу сію отсылаю для лѣпшого зрозумѣня всѣхъ вашихъ милостей, хто схочетъ прочитати" [1]). Ожидая поправокъ и указаній критики, замѣчу, что многіе недочеты и пробѣлы въ настоящей работѣ мнѣ самому ясны; они были неизбѣжны уже потому, что для нея требовалось болѣе средствъ и времени, чѣмъ было въ моемъ распоряженіи (кое-что было исправлено уже во время печатанія—смотри въ концѣ книги). Но и въ настоящемъ своемъ видѣ работа не могла бы явиться безъ поддержки и сочувствія многихъ лицъ, оказывавшихъ мнѣ помощь своими совѣтами, указаніями, книгами. Считаю поэтому своею обязанностью принесть глубокую благодарность проф. В. Б. Антоновичу, В. С. Иконникову, П. В. Голубовскому, А. С. Грушевской, А. С. Синявскому и другимъ лицамъ, содѣйствовавшимъ мнѣ въ настоящихъ занятіяхъ; особенно много чувствую себя обязаннымъ проф. В. Б. Антоновичу, съ обычнымъ радушіемъ снабжавшему меня во все время работы научными пособіями и указаніями.

Въ заключеніе, для удобства читателя, прилагаю списокъ источниковъ и пособій, которыми пользовался я при составленіи настоящей работы.

---

[1]) Пол. соб. рус. лѣт. II с. 233.

ИСТОЧНИКИ.

Лѣтопись по Ипатскому списку, изд. 1871 г.

Лѣтопись по Лаврентьевскому списку, изд. 1872 г.

Лѣтопись Новгородская первая—въ Полномъ собр. рус. лѣтоп. т. III, прибавленія къ ней по сп. Комиссіи, Академическому, Толстовскому—въ изд. 1888 г.

Лѣтопись в. кн. литовскихъ (1-ая литовско-русская лѣтопись) въ Ученыхъ Зап. II отд. Академіи Наукъ т. I.

Latopisiec Litwy i Kronika Ruska pracą I. Daniłowicza, 1827.

Лѣтопись т. н. Быховца (2-я л.-русск. лѣтопись)—Pomniki do dziejow Litewskich przez Th. Narbutta, 1846.

Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго.

Лѣтопись Софійская первая (Софійскій временникъ)—изд. 1820 г. (П. М. Строева).

Лѣтопись Воскресенская т. I и II—въ Полн. собр. р. л. т. VII и VIII.

Лѣтопись Густинская—въ Полн. собр. р. л. т. II.

Лѣтопись Никоновская т. I и II (до 1362 г.)—въ Полн. собр. р. л. т. IX и X, т. IV (до 1407 г.)—изд. 1788 г.

Лѣтопись Тверская—Полн. собр. р. л. т. XV.

Лѣтопись Новгородская четвертая—Полн. собр. р. л. т. IV.

Лѣтопись Авраамки—Полн. собр. р. л. т. XVI.

Супрасльская рукопись, изд. Оболенскимъ, 1838 г.

Лѣтопись Псковская первая—Полн. собр. р. л. т. V.

Сборникъ лѣтописей, относящихся къ исторіи Южной и Западной Руси. Кіевъ. 1888 г.

Синопсисъ Кіевскій, изд. 1823 г.

Constantini Porphyrogeniti De administrando imperio (Corpus script. hist. Byzant. 1840).

Monumenta Poloniae historica t. I.

Dlugossi Historiae Polonicae l. XII, ed. 1711 и извлеченіе изъ него—О составѣ русск. лѣтоп. Бестужева-Рюмина.

Cromeri De origine et rebus gestis Polonorum etc. 1568. Basileae.

Guagnini Sarmatiae Europeae descriptio. 1581. Spirae.

Stryjkowski Kronika polska, litewska etc. wyd. 1846.

Сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ, изд. Срезневскимъ. 1860.
Чтеніе о Борисѣ и Глѣбѣ Нестора—въ Чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. и Древн. Россійск. 1859 г. кн. I.
Житіе Θеодосія—ibidem 1858 г. кн. III.
Житіе и чудеса св. Николая Мурликійскаго—въ Памятникахъ древней письменности, 1889.
Патерикъ Печерскій—въ изд. Яковлева (Памятники русск. литерат. XII и XIII в. 1872 г.).
Слово о полку Игоревѣ—въ изд. проф. Тихонравова 1868 г.
Памятники старинной русской литературы.
Русскія достопамятности т. I, 1815 г.
Текстъ Русской Правды изд. Калачевымъ, 1881 г.
Христоматія по ист. русск. права М. Ф. Владимірскаго-Буданова в. I, изд. 1885 г.
Собраніе путешествій къ татарамъ Языкова. 1825 г.
Мемуары относ. къ ист. Южной Руси т. I, 1890 г.
Книга Большого Чертежа изд. Спасскимъ. 1846 г.

Акты относ. къ ист. Западной Россіи, т. I и II.
Архивъ Юго-Западной Россіи, ч. VII т. I и II.
Archivum ks. Lubartowiczów Sanguszków, t. I.
Codex epistolaris Vitoldi col. opera A. Prochaska.
Historica Russiae Monimenta col. a Turgenevio, v. I.
Грамоты в. кн. литовскихъ, изд. Антоновичемъ и Козловскимъ.
Limites regni Poloniae et m. d. Lituaniae ed. Dogiel. 1758.
Русская историческая библіотека изд. Археограф. комиссіею т. VI.
Scarbiec diplomatów zebral I. Daniłowicz, t. I—II
Сборникъ матеріаловъ для историч. топогр. Кіева.
Сборникъ Муханова изд. 1866.
Supplementum ad Historica Russiae Monumenta.
Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae ed. Theiner.

ПОСОБІЯ.

Андріевскій М. Перепетово поле. Кіевск. Старина, 1882 г. кн. IX.
— Лѣтописный Юрьевъ. Ibidem. 1883 г. кн. IX.
— Давидова Боженка. Ibidem. 1885 г. кн. VI.
Андріяшевъ А. Очеркъ исторіи Волынской земли до конца XIV в.
Антоновичъ В. Б. Монографіи по ист. Западной и Юго-Западной Россіи. т. I.
— О новонайденныхъ монетахъ съ именемъ Владиміра—въ Трудахъ III археол. съѣзда. т. II.
— Зміевы валы въ предѣлахъ Кіевской земли. Кіевск. Старина 1884 кн. III.
— Археологическая карта Кіевской губерніи и „Объяснительная записка“ къ
— ней (рукопись).
— рефераты и статьи—въ Кіевск. Старинѣ 1882 г. кн. VII, 1888 кн. VII, Чтеніяхъ Общества Нестора кн. I—V.
Антоновичъ В. Б. и Драгомановъ М. П. Историческія пѣсни малорусскаго народа т. I.
Аристовъ О промышленности въ древней Руси.

Аристовъ О землѣ Половецкой, Извѣстія Нѣжинскаго ист.-фил. института за 1877 г.

Арцыбашевъ Повѣствованіе о Россіи т. I.

Багалѣй Исторія Сѣверской земли до пол. XIV в.

Барабашевъ Витовтъ и его политика до Грюнвальденской битвы.

— Лѣтописные источники для исторіи Литвы.

Барсовъ Н. Матеріалы для ист.-геогр. словаря Россіи. Географическій словарь Русской земли (IX—XIV в.) 1865.

— Очерки русск. истор. географіи. Географія Начальной лѣтописи. Изд. 1885 г.

Барсовъ Т. Константинопольскій патріархъ и его власть надъ русскою церковью.

Bartoszewicz Pogląd na stosunki Polski z Turcią i tatarami, Wilno 1860.

Бережковъ Св. Владиміръ—строитель городовъ, въ Чтеніяхъ общества Нестора т. II.

Бестужевъ-Рюминъ О составѣ русскихъ лѣтописей.

— Русская исторія т. I и II.

Бурачковъ Замѣтки по ист. геогр. южнорусскихъ степей — Кіевская Стар. 1886 кн. IV.

Бѣляевъ Разсказы изъ русской исторіи т. I.

— Крестьяне на Руси. 1860.

Бѣляшевскій Монетные клады Кіевской губерніи.

— статьи въ Кіевской Старинѣ 1888 кн. VII, 1889 кн. I, 1890 кн. XII, Кіевлянинѣ 1891 г. № 189.

Вадковскій Такъ называемыя поученія Ѳеодосія Печерскаго къ народу русскому Православн. Собесѣдникъ 1876 кн. X—XI.

Васильевскій Русско-византійскіе отрывки. Журналъ Мин. Нар. Просв. 1875 г. кн. XII.

— Древняя торговля Кіева съ Регенсбургомъ. Ibidem, 1888 г. кн. VII.

— Житіе св. Стефана Сурожскаго. Ibidem, 1889 г. кн. V.

Владиміровъ Обзоръ южнорусскихъ и западнорусскихъ памятниковъ письменности—Чтен. Общ. Нестора. IV.

Владимірскій-Будановъ М. Ф. Обзоръ исторіи русскаго права, изд. 1888 г.

— Населеніе Юго-Западной Россіи отъ половины XIII до полов. XV в.—Архивъ Юго-Западной Россіи VII. I.

— Населеніе Юго-Западной Россіи отъ полов. XV в. до Люблинской уніи—ibidem VII. II.

Волошинскій Описаніе Нѣжинскаго клада—въ Трудахъ комис. для опис. губ. Кіевск. Учебн. Окр. 1853 г.

Hammer Purgstall Geschichte der Goldenen Horde.

Гамченко Житомирскій могильникъ.

Гаркави Сказанія мусульманскихъ писателей о славянахъ и Руси.

Голубинскій Е. Е. Исторія русской церкви, т. I, полов. 1 и 2.

Голубовскій П. В. Исторія Сѣверской земли до пол. XIV в.

— Печенѣги, торки, половцы до нашествія татаръ.

— Болгары и хозары. Кіевск. Старина 1888 г. кн. VII.

Гошкевичъ Замокъ кн. Симеона Олельковича. 1890 г.

Градовскій Государственный строй древней Руси. Ж. М. Н. П. 1868 г. кн. X.

Гуттенъ-Чапскій Удѣльныя и пр. деньги древней Руси.

Дашкевичъ Н. П. Княженіе Даніила Галицкаго.

Дашкевичъ Н. П. Болоховская земля и ея значеніе въ русск. исторіи—въ Трудахъ III археол. съѣзда т. II.
— Новѣйшіе домыслы о Болоховѣ и болоховцахъ. Унив. Изв. (кіевскія) 1884, кн. VI.
— Первая унія Юго-Западной Руси съ католичествомъ. Ibidem 1884 кн. VIII.
— Замѣтки по исторіи литовско-русск. государства.
Довнаръ-Запольскій Очеркъ исторіи земель Кривичской и Дреговичской до нач. XIII в.
Дьяконовъ Власть московскихъ государей.
Евгеній м. Описаніе Кіево-Печерской Лавры.
— Описаніе Кіево-Софійскаго собора.
Завитневичъ Область дреговичей какъ предметъ археолог. изслѣдованій. Труды Кіевск. Дух. Акад. 1886 кн. VIII.
— рефераты въ Чтеніяхъ общ. Нестора т. IV и Кіевск. Старинѣ 1890 кн. V.
Забѣлинъ Исторія русской жизни I—II.
Закревскій Описаніе Кіева, т. I и II, изд. 1868 г.
Замысловскій Учебный атласъ русской исторіи.
— Объясненія къ учебному атласу—изд. 1887 г.
Зернинъ Нифонтъ еп. новгородскій. Архивъ ист.-юрид. свѣд. т. I.
Знаменскій Руководство къ рус. церковн. исторіи, изд. 1886 г.
Зубрицкій Исторія Галичско-русскаго княжества, т. I—III.
Ждановъ Пѣсни о князѣ Романѣ. Ж. М. Н. П. 1890, кн. IV сл.
Житецкій П. И. Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія.
Изслѣдованіе о кладахъ Волынской губерніи, 1885 г.
Иловайскій Исторія Рязанскаго княжества—Сочиненія т. I, 1885 г.
— Разысканія о началѣ Руси, изд. 1882 г.
— Исторія Россіи т. I и II.
Иконниковъ Опытъ изслѣд. о культ. значеніи Византіи въ русской исторіи.
Калачевъ Изслѣдованія о Русской Правдѣ, изд. 1846 г.
Календарь сѣверо-западн. края на 1889 г. („Брагинская волость“).
Карамзинъ Исторія Государства Россійскаго, изд. 1842 г. кн. I—IV.
Квашнинъ-Самаринъ По поводу Любечскаго синодика—Чтен. М. О. И. Д. Р. 1873 г. кн. IV.
Ключевскій Древнерусскія житія святыхъ.
— Боярская дума древней Руси, 1882, и въ Русской Мысли 1880 кн. I, III, IV, X.
Корсаковъ Меря и Ростовское княжество.
Костомаровъ Монографіи т. I и XII изд. 1872 г.
— Русская исторія въ жизнеописаніяхъ т. I, изд. 1888.
Котляревскій А. А. Сочиненія, т. I (Сборникъ II отд. Ак. Наукъ т. 49).
Коцебу Свитригайло, в. кн. литовскій. 1835.
Куникъ О русско-визант. монетахъ Ярослава I Владиміровича.
— и бар. Розенъ Извѣстія Аль-Бекри и другихъ авторовъ о Руси и Славянахъ.
Кузмичевскій Шолудивый Буняка въ украинскихъ народн. сказаніяхъ. Кіевск. Стар. 1887 кн. VIII и X.
Лашкаревъ Кіевская архитектура XI—XII в.—Труды III археол. съѣзда т. I.
Лашнюковъ Владиміръ Мономахъ и его время (Пособіе къ изученію русск. исторіи критическимъ методомъ, в. II, 1874).
Лебединцевъ П. Г. О св. Софіи Кіевской—Труды III археол. съѣзда т. I.

Лебединцевъ П. Г. Историческія замѣтки о Кіевѣ. Кіевск. Стар. 1884 кн. X.
— рефераты и статьи—въ Чтеніяхъ Общ. Нестора кн. I и II и Кіевской Старинѣ 1885 кн. I, 1887 кн. XII, 1889 кн. I.
Линниченко Вѣче въ Кіевской области.
— Взаимныя отношенія Руси и Польши до пол. XIV ст., ч. I.
Лимбертъ Предметы вѣдомства вѣча въ княжескій періодъ древней Россіи (Варшав. унив. извѣст. 1877 кн. I—III).
Майковъ Л. Замѣтки по русск. истор. географіи—Ж. М. Н. П. 1874 кн. VIII.
Макарій м. Исторія русской церкви т. I—III изд. 1868 г., т. IV—V изд. 1886 г.
Максимовичъ М. А. Собраніе сочиненій т. I и II.
Малышевскій Яцекъ Одровонжъ—Труды Кіев. Дух. Акад. 1867 кн. IV, VI, VII.
— Евреи въ Южной Руси и Кіевѣ въ X—XII в.
— Кіевскіе церковные соборы. Тр. К. Д. А. 1884 кн. XII.
Милорадовичъ Любечъ. 1871 г.
Молчановскій Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ до 1434 г.
Мухлинскій Изслѣдованіе о происхожденіи и состояніи литовскихъ татаръ (Актъ С.-Петерб. Унив. 1857 г.).
Пассекъ В. Княжеская и докняжеская Русь, Чтенія М. О. И. Д. 1870 г. кн. III.
Погодинъ Изслѣдованія, лекціи и замѣтки, т. IV—VII.
— Древняя русская исторія, т. I и II, съ атласомъ.
— Хронологическій указатель древ. рус. исторіи—Ученыя Записки II отд. Акад. Наукъ т. VII ч. II.
— Андрей Боголюбскій. 1850.
— О поученіи Мономаха—Извѣстія II отд. Ак. Наукъ т. X.
Полевой Н. Исторія русскаго народа т. I—IV, 1830—1833.
Похилевичъ Сказанія о населенныхъ мѣстахъ Кіевской губерніи.
— Уѣзды Кіевскій и Радомысльскій.
Праховъ А. В. Фрески Кіево-Кирилловской церкви XII в.—К. Стар. 1883 г. кн. V.
Прозоровскій Монета и вѣсъ въ Россіи до конца XVIII в. (Сборникъ Археол. общ. XII, 2).
Prochaska Latopis litewski, rozbiór krytyczny.
Пыпинъ Споръ южанъ и сѣверянъ о малорусскомъ языкѣ—Вѣстникъ Европы 1886 г. кн. VI.
Rulikowski Opis powiatu Wasylkowskiego, 1853.
Rulikowski i Radzimiński Kniaziowie i szlachta.
Рыбинскій Кіевская митрополичья каѳедра съ пол. XIII до к. XVI в. Тр. Кіев. Дух. Акад. 1891 кн. I сл.
Савельевъ Мухаммеданская нумизматика.
Самоквасовъ Замѣтки по исторіи русск. государств. устройства и управленія. Ж. М. Н. П. 1869 кн. XI—XII.
— Древніе города Россіи.
Самчевскій Торки, Берендѣи и Черные клобуки—Архивъ истор.-юрид. свѣд. т. II ч. I.
Семеновъ П. Географическо-историческій словарь Россійской имперіи.
Сергѣевичъ Вѣче и князь. 1867.
— Русскія юридическія древности т. I.
Słownik geograficzny królewstwa Polskiego.
Смерть Ярополка Изяславича—Современникъ т. XVI отд. II.
Смирновъ Крымское ханство подъ верхов. Отоманской порты до нач. XVIII в.

Smolka	Najdawniejsze pomniki dziejopisarstwa rusko-litewskiego, 1889.
Соболевскій	Очеркъ изъ исторіи русскаго языка.
—	Источники кіевскаго говора Ж. М. Н. П. 1885 кн. II.
—	Къ вопросу объ истор. судьбахъ Кіева. Кіевск. Унив. Изв. 1885 кн. VII.
—	Лекціи по исторіи русскаго языка.
Соловьевъ	Исторія Россіи, т. I—изд. 1883 г., т. II—1879, т. III—1880.
—	Исторія отношеній между князьями Рюрикова дома.
Срезневскій	Древніе памятники письма и языка. 1863.
—	Извѣстія о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ.
Stadnicki K.	Synowie Gedymina, t. I—1881, t. II—1853.
—	Bracia Władysława Jagiełły.
—	Olgierd i Kiejstut.
Стояновъ	Южнорусская пѣсня о событіи XI в. Кіевск. Стар. 1882 кн. VII.
Страшкевичъ	Клады, разсмотрѣнные въ мюнцъ-кабинетѣ Унив. св. Владиміра.
Татищевъ	Исторія Россійская т. II и III.
Теодоровичъ	Статистическія свѣдѣнія о Волынской епархіи т. I.
Терновскій	Изученіе византійской исторіи и ея тенденціозное приложеніе въ древней Руси, I—II.
Толстой И.	Древнѣйшія русск. монеты в. кн. Кіевскаго.
Филаретъ арх.	Исторія русской церкви, т. I—II, изд. 1857 г.
—	Русскіе святые, кн. I—XII, изд. 1861—66.
Филевичъ	Борьба Польши и Литвы-Руси за галич.-влад. наслѣдіе.
Хвольсонъ	Извѣстія Ибнъ-Даста о хозарахъ и пр.
Хлѣбниковъ	Общество и государство въ до-монгольскій періодъ.
Хмыровъ	Металлы, металл. издѣлія и минералы въ древней Россіи.
Хрущовъ	О древнерусскихъ историч. повѣстяхъ и сказаніяхъ.
Чистовичъ	Исторія западно-русской церкви т. I.
Шараневичъ	Исторія Галичско-Володимерской Руси.
—	O latopisach i kronikach ruskich XV i XVI wieku (z Rozpraw Wydziału filosof. Akad. Umiej. Krakow. t. XV).
Экземплярскій	Великіе и удѣльные князья сѣверной Руси въ Татарскій періодъ.
Ягичъ	Четыре критико-палеографич. статьи.
—	Критическія замѣтки по ист. русск. языка.
Ясинскій М.	Уставныя земскія грамоты литовско-русскаго государства.

Археологическій матеріалъ, собранный центральнымъ статистическимъ комитетомъ изъ донесеній волостн. правленій. Волынская губ. (рукопись).

Специальная карта Европейской Россіи изд. Генер. Штабомъ.

Списки населенныхъ мѣстъ—Полтавская и Черниговская губерніи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.
Географическій очеркъ.

Chivę-aemula sceptri Constantinopolitani, clarissimum decus Graeciae. Adamus Bremensis.
Kywen ein hepth ist von alders aller Russischen landen. Ягайло.
Вся честь, и слава, и величество, и глава всѣмъ землямъ Русскіимъ-Кіевъ. Никон. лѣт.

Территорія, политическимъ центромъ которой, начиная съ половины XI в., былъ городъ Кіевъ и которую мы называемъ Кіевскою землею, въ древнюю, до-монгольскую эпоху нашей исторіи почти не является съ этимъ именемъ [1]); обыкновенно она называлась Русскою землею по преимуществу: „земля Руская" или „Руськая", какъ передается это названіе въ южнорусской лѣтописи. Имя Руси, какъ извѣстно, употреблялось въ эту эпоху въ различныхъ значеніяхъ: такъ называли вообще всѣ русскія племена, противополагая ихъ инородцамъ, такъ называли Южную Русь въ противоположность сѣверной или сѣверо-восточной; въ тѣснѣйшемъ и собственнѣйшемъ значеніи это названіе прилагалось къ землѣ полянъ: въ этомъ смыслѣ „Русь" противополагалась землѣ древлянъ и, напримѣръ, г. Овручъ находился уже внѣ Руси [2]). Правдоподобно, то было исконное имя Полянской земли, которое распро-

---

[1]) Правда, мы встрѣчаемъ „Киевьскую волость" подъ 1142 г. въ Ипат. лѣт. (с. 222), но въ нѣсколько другомъ значеніи: въ смыслѣ кіевскаго аннекса (говорится о туровскихъ волостяхъ); „Киевьская область" (ibidem c. 463) можетъ означать окрестности Кіева.

[2]) См. Ипат. лѣт. с. 456: Рюрикъ находился тогда въ Овручѣ и Святославъ приглашаетъ его явиться „в Русь". Любопытно сходство этого имени съ именемъ рѣки Роси, протекающей здѣсь (Поросье называется иногда также Порусьемъ); тотъ же корень слышится какъ будто въ именахъ притоковъ Роси-Раставицы или Ростовицы, Россавы.

странялось на другія славянскія племена по мѣрѣ подчиненія ихъ кіевскимъ князьямъ и осталось потомъ по преимуществу за тѣми землями, которыя вмѣстѣ съ землею полянъ составили одно политическое тѣло, съ Кіевомъ во главѣ. Во избѣжаніе смѣшеній и двусмысленностей мы, конечно, должны отказаться отъ древней терминологіи и называть эту область землею Кіевскою.

Понятіе Кіевской земли сложилось исторически, и въ связи съ историческими событіями территорія ея претерпѣвала различныя измѣненія. Ядромъ ея, какъ сказано, служила земля полянъ, или „земля Польская", какъ ее еще называетъ лѣтописецъ [1]) (польскій-полевой). О разселеніи полянъ начальная лѣтопись сообщаетъ очень мало: „пришедше сѣдоша по Днепру и наркошася поляне" [2]). По новѣйшимъ археологическимъ изслѣдованіямъ территорія полянъ передъ христіанскою эпохою ограничивалась теченіемъ рѣкъ Днѣпра, Роси и Ирпеня [3]). Нѣкоторыя случайныя указанія, которыя даетъ лѣтопись, совпадаютъ вполнѣ съ этими предѣлами: на югѣ крайній изъ извѣстныхъ намъ за древнѣйшую эпоху населенныхъ пунктовъ—г. Родня у устья р. Роси [4]); западный рубежъ проходитъ по лѣтописямъ гдѣ-то недалеко отъ Днѣпра—одно такое указаніе мы имѣемъ для конца X в.,

---

[1]) Ипат. с. 12.

[2]) Ипат. с. 3.

[3]) Отъ колѣна, которое Раставица дѣлаетъ у м. Паволочи, западная граница Полянской земли направляется къ сѣверу и пересѣкаетъ Ирпень приблизительно около села Корнинъ (частное сообщеніе В. Б. Антоновича; см. также рефератъ его въ Чтеніяхъ ист. общ. Нестора, кн. III, с. 1). Южная граница земли отмѣчена могилами полянскихъ воиновъ—всадниковъ; такія могилы встрѣчаются въ большемъ количествѣ надъ Росью (напр. у селъ Краснополки, Зеленки, Рассавы, Яблунева, Мироновки, Пешекъ—Каневскаго у., Скибинецъ—Таращанскаго, Гамарни—Чигиринскаго (Объяснительная записка къ археологической картѣ Кіевской губерніи В. Б. Антоновича). Въ болѣе древнюю эпоху, до напора кочевниковъ, полянскія поселенія могли переходить за Рось, въ бассейны Тясмина и Буга; существованіе осѣдлыхъ поселеній за Росью доказывается кладами римскихъ монетъ: такіе клады, совершенно аналогичные, идутъ чрезъ всю Кіевскую губернію, отъ Чернобыля до Крылова. Ранѣе западнымъ рубежомъ полянъ считали обыкновенно р. Тетеревъ (Замысловскій. Объясненія къ учебн. атл. по рус. ист. с. 20). Г. Барсовъ на основаніи топографическихъ названій полагаетъ, что на западъ полянская земля простиралась до Погорынья, но доводы эти очень слабы; на югъ, по его мнѣнію, полянскія поселенія спускались первоначально довольно далеко, вѣроятно до пороговъ, и позднѣе были оттѣснены кочевниками (Географія начальной лѣтоп. с. 128—9).

[4]) Ипат. с. 51.

а другое для половины XII [1]), изъ чего можно заключить, что западный рубежъ Полянской земли остался приблизительно тотъ же и послѣ языческой эпохи, а можетъ быть, впрочемъ, только память о немъ оставалась.

Въ составъ Кіевской земли кромѣ того вошла земля древлянъ-земля Деревская или просто „Дерева" по лѣтописи [2]); территорію древлянъ точно опредѣлить пока нельзя: археологическихъ изслѣдованій въ этомъ направленіи пока сдѣлано довольно мало еще, а лѣтописныя данныя не достаточны. Неопредѣленное положеніе, которое позднѣе Погорынье (область по обѣимъ сторонамъ Горыни) занимало между Кіевскою и Волынскою землями, объясняется, можетъ быть, тѣмъ, что здѣсь сталкивались рубежи древлянъ и дулѣбовъ, и населеніе было смѣшанное [3]). Археологическія изслѣдованія, произведенныя г. Завитневичемъ между Мозыремъ и Туровымъ, привели къ тому заключенію, что южный берегъ Припети былъ заселенъ смѣшаннымъ древлянско-дреговичскимъ населеніемъ, а на сѣверномъ преобладало дреговичское: можно думать, что р. Припеть служила первоначально этнографическимъ рубежемъ (какъ то свидѣтельствуетъ и лѣтопись), но затѣмъ древлянское населеніе къ югу отъ нея было разрѣжено дреговичскими колонистами [4]). Раскопки, произведенныя

---

[1]) Лютъ, выѣхавъ изъ Кіева на охоту, заѣхалъ на древлянскую территорію (Ипат. с. 49). Въ 1136 г. Ольговичи съ половцами воевали „отъ Трьполя около Красна и Васильева и до Бѣлогорода, олиже до Киева и по Желанѣ и до Вышьгорода и до Деревъ" (Ипат. лѣт. с. 215, у Татищева—Исторія Россійская т. II с. 251—Древлянъ); очевидно за Бѣлгородомъ и Вышгородомъ начинались гдѣ-то уже „Дерева". Ср. Костомарова Монографіи т. I с. 124; Барсова Географія начальной лѣтописи с. 128.

[2]) См. напр. Ипат. с. 34, 35, 215.

[3]) Г. Андріяшевъ въ своемъ „Очеркѣ исторіи Волынской земли" (с. 37) высказалъ предположеніе, что Погорынье было исконною древлянскою областью, но населеніе ея было разрѣжено дулѣбами и тѣснимыми съ юга улучами и тиверцами. Барсовъ (Географ. нач. лѣт. с. 126—127) предполагаетъ здѣсь смѣшанное дулѣбско-дреговичское населеніе.

[4]) См. рефератъ г. Завитневича въ Чтеніяхъ историч. общества Нестора кн. IV отд. II, особ. с. 22—23, также другой рефератъ въ Кіевской Старинѣ за 1890 г. кн. V: „Къ вопросу о выработкѣ критерія для классифик. кургановъ", с. 261 сл.; критеріемъ для опредѣленія національностей служило погребеніе въ ямахъ (древлянскій типъ) и на почвенномъ слоѣ (дреговичскій). Собственно возможно пока и другое предположеніе, что дреговичское населеніе первоначально переходило за Припеть, но было разрѣжено потомъ древлянами. Окончательно вопросъ можетъ быть рѣшенъ только болѣе многочисленными раскопками, а пока первое предположеніе имѣетъ за себя авторитетъ лѣтописи: „сѣдоша ме-

имъ же въ углу между Припетью и Днѣпромъ, въ Рѣчицкомъ уѣздѣ, обнаружили здѣсь существованіе дреговичскаго, древлянскаго и сѣверянскаго погребальныхъ типовъ, съ сильнымъ преобладаніемъ перваго; дреговичское населеніе простиралось, вѣроятно, до Днѣпра, но было разбавлено древлянскими и сѣверянскими колонистами [1]). Какъ далеко простирались на югъ древлянскія поселенія, не извѣстно.

Начиная со смерти Ярослава, Древлянская земля соединяется въ одно княжество съ Полянскою, и затѣмъ связь эта продолжается непрерывно; хотя во второй половинѣ XII в. на территоріи древлянъ образовался Овручскій удѣлъ, но онъ не выдѣлился изъ Кіевской земли, и Древлянская земля и позднѣе оставалась частью послѣдней.

Съ Кіевомъ была связана еще земля дреговичей: вмѣстѣ съ землею полянъ и древлянъ она составила волость старшаго Ярославича-Изяслава, и эта связь, съ значительными впрочемъ промежутками, продолжалась затѣмъ до половины XII в.; въ первой половинѣ этого столѣтія эта земля называется даже прямо кіевскою волостью [2]). Тѣмъ не менѣе мы не будемъ включать ее въ область настоящаго изслѣдованія, такъ какъ самая связь ея съ Кіевомъ, какъ сказано, очень часто прерывалась на большіе промежутки [3]), и уже съ половины

жи Припѣтью и Двиною и наркошася Дреговичи" Ипатск. лѣтоп. с. 3. Это свидѣтельство лѣтописи принимается обыкновенно; напр. Замысловскій (Объясненія с. 20) помѣщаетъ древлянъ между рѣками Припетью, Горынью, Случью и Тетеревомъ. Г. Довнаръ-Запольскій въ своемъ, выходящемъ теперь, „Очеркѣ исторіи Кривичской и Дреговичской земель до нач. XIII в." полагаетъ, что южная граница Дреговичской земли проходила узкою полосою по южному берегу Припети (с. 2, 58). Барсовъ о границахъ древлянскихъ поселеній выражается довольно неопредѣленно; на югъ, по его мнѣнію, древлянскія поселенія простирались до верховьевъ Случи (Географія нач. лѣт. с. 127—128).

[1]) Результаты этихъ раскопокъ были изложены въ рефератѣ, читанномъ въ историч. общ. Нестора въ февралѣ 1891 г. Погребальные типы впрочемъ здѣсь отличаются неустойчивостью, и г. Завитневичъ остерегается объяснять ихъ разноплеменною колонизаціею.

[2]) Ипат. с. 222; „сѣдѣши во Киевьской волости", говорилъ Всеволодъ Ольговичъ Вячеславу о Туровѣ; и ниже кіевскою волостью называются дреговичскіе города, предлагаемые Всеволодомъ; этимъ, можетъ быть, объясняется и выраженіе лѣтописи: Всеволодъ посадилъ Ярополка (Изяславича) во Владимірѣ, „придавъ ему Туровъ" (изъ кіевскихъ волостей. Ипат. с. 143).

[3]) Связь эта продолжалась съ 1054 по 1073 годъ; затѣмъ въ Кіевѣ сидѣлъ Святославъ, а въ Туровѣ Мономахъ, до 1076 года; послѣ кратковременнаго соединенія въ 1078 году дреговичи переходятъ къ Изяславичамъ, между тѣмъ какъ въ Кіевѣ сидитъ Всеволодъ; съ 1093 г. и до 1125 Туровская волость находится вмѣстѣ съ Кіевомъ во власти Святополка, потомъ Мономаха, по смерти послѣдняго отдѣляется въ рукахъ Вячеслава и

XII в. она выдѣляется въ самостоятельное княженіе съ князьями изъ рода Святополка Михаила.

Итакъ Кіевская земля составилась главнымъ образомъ изъ земель полянъ и древлянъ; не зная точно всѣхъ этнографическихъ рубежей, мы не вездѣ можемъ опредѣлить, прихватывала ли она, и какъ много, территоріи другихъ сосѣднихъ племенъ (дреговичей, дулѣбовъ и пр.); вообще границы княжествъ рѣдко совпадали точно съ этнографическими границами, и Кіевская земля не составляла исключенія въ этомъ отношеніи.

Прежде чѣмъ обратиться къ обозрѣнію политическихъ границъ Кіевской земли, бросимъ взглядъ на ея территорію. Кіевская земля расположена на склонѣ одного изъ тѣхъ отроговъ, которые образуютъ въ сѣверо-восточномъ и восточномъ направленіяхъ Карпатскія горы. Гранитная гряда проходитъ въ юго-восточномъ направленіи по южной части земли, образуя водораздѣлъ бассейновъ Днѣпра и Южнаго Буга и наполняя холмистыми возвышенностями юго-западную и южную части ея. Эти возвышенности, пересѣченныя долинами и оврагами, достигаютъ на югѣ 600—1200 ф. высоты, къ сѣверу и сѣверо-востоку постепенно понижаются, спускаясь въ песчаную и болотистую низменность р. Припети, а на востокѣ круто обрываются долиною Днѣпра.

На склонахъ упомянутыхъ возвышенностей берутъ начало кіевскія рѣки, направляясь затѣмъ на сѣверъ, сѣверо-востокъ и востокъ въ бассейны Припети и Днѣпра. Такова Горынь (Горинъ), принимающая съ лѣвой стороны небольшіе притоки, изъ которыхъ въ лѣтописи упоминаются: Олыка (теперь Поляновка), Велья (теперь Вилія) и Стубель или Стубла [1]); съ правой стороны, уже за предѣлами Кіевской земли, въ нее падаетъ большая рѣка—Случь; изъ множества притоковъ послѣдней (Корчикъ, Цѣремъ, Смолка, Деревичка, Икопоть, Тыя) упоминается въ лѣтописи Хомора (или Хоморъ) [2]). Восточнѣе Горыни падаютъ въ Припеть Уборть и упоминаемая въ лѣтописи Уша съ при-

---

др. до 1142 г.; въ этомъ году соединяется съ Кіевомъ и снова отдѣляется до 1146 года; съ 1146 года она находится въ соединеніи съ Кіевскою волостью (съ незначительными промежутками) до смерти Юрія (1158), когда окончательно выдѣляется въ родѣ Святополка Михаила. Если сосчитать, то Туровская земля за этотъ періодъ около 40 лѣтъ жила отдѣльною жизнью и 60 слишкомъ—находилась въ соединеніи съ Кіевомъ.

[1]) Ипат. с. 270, 275, 511.

[2]) Ипат. с. 514, 516.

токомъ Нориною [1]). Съ правой стороны падаетъ въ Припеть еще кіевская рѣчка—Брагинка.

Рядъ притоковъ Днѣпра открываетъ Тетеревъ съ Иршею и Мыкою (слѣва), Здвижемъ и Гуйвою (справа); Рша и Вздвижъ упоминаются въ лѣтописи [2]). Далѣе слѣдуетъ Ирпень, порубежная рѣка Полянской земли, съ Унавою (Уновью) [3]); подъ самымъ Кіевомъ текли небольшія, но славныя рѣчки—Почайна и Лыбедь [4]), далѣе на югъ—Стугна съ Ольшаницею [5]), Красна и, наконецъ, знаменитѣйшая, послѣ Днѣпра, рѣка Кіевской земли—Рось; изъ притоковъ ея въ лѣтописи упоминается только Рутъ или Ротъ (теперь Ротокъ или Протока) съ Рутцемъ (теперъ Чернявка) [6]); другіе, значительные притоки Роси: Рассава, Каменка, Раставица—справа, слѣва—Роська и маленькая, но любопытная рѣчка Торчь. Еще южнѣе течетъ Тесмень (Тясминъ) [7]), а за тѣмъ слѣдуютъ уже рѣки бужскаго бассейна—Гнилой и Горный Тыкичи и Высь; послѣдняя упоминается и въ лѣтописи [8]).

Рѣки Полянской земли, за исключеніемъ Днѣпра, были, вѣроятно, всегда не судоходны; главная рѣка—Рось слишкомъ быстра, извилиста, преграждена порогами; торговою артеріею служилъ только Днѣпръ, и къ нему должно было тяготѣть населеніе. Для древлянъ путями сообщенія служили Припеть и Тетеревъ съ ихъ притоками; въ настоящее время судоходство происходитъ по Припети и Горыни, а по Случи, Уборти, Ушу, Тетереву, Иршѣ и Здвижу—сплавное дви-

---

[1]) Ипат. с. 285—6.

[2]) Здвижъ см. Ипат. с. 170; Иршу, мнѣ кажется, должно разумѣть въ Лавр. с. 313: разсказывается о преслѣдованіи Володимірком Изяслава—„сторожемъ же Володимерковымъ надстигшимъ его на Рси" (Лаврентьевскій сп., въ Радзивиловскомъ и Академическомъ—Рши); по Ипат. л. Изяслава догнали на р. Ушѣ и потому чтеніе „на Рси" лишено вѣроятія, а „на Рши" т. е. на Иршѣ, которая протекаетъ тамъ же, вполнѣ возможно.

[3]) Ипат. с. 372. Погодинъ (IV. 191) видитъ здѣсь мѣстечко Уновъ въ Галичинѣ, но это невѣроятно.

[4]) Ипат. с. 40, 43.

[5]) Ипат. с. 83, 279; Ольшаница-теперь Раковка, грязный ручей, см. Похилевичъ Сказанія о населенныхъ мѣстахъ Кіевской губ., с. 487 (только въ лѣтописи упоминается не село, а рѣка Ольшаница), см. также статью г. Андріевскаго „Перепетовское поле" въ Кіевской Старинѣ 1882, IX. с. 454.

[6]) Ипат. с. 301—303, 356; см. Перепетовское поле с. 439, 454.

[7]) Ипат. с. 449.

[8]) Ипат. с. 450.

женіе; въ древности, вѣроятно, движеніе происходило и на большомъ числѣ рѣкъ, и на большемъ ихъ протяженіи.

Кіевская земля находится на рубежѣ полосъ—лѣсной, съ песчаной почвою, и степной, черноземной; границею ихъ здѣсь приблизительно служатъ р. Стугна и верховья Ирпеня и Тетерева [1]). Древнѣйшій лѣтописецъ отмѣчаетъ большую разницу между землею полянъ и древлянъ: первые назывались такъ, „занеже в полѣ сѣдяху“, вторые—„зане сѣдоша в лѣсѣхъ“ [2]). Но земля полянъ могла считаться „полемъ“ только сравнительно съ лѣсною страною древлянъ (и то если имѣть въ виду южную ея часть); противополагая Кіевщинѣ южныя степи, лѣтопись называетъ „полемъ“ уже послѣднія [3]); въ другомъ мѣстѣ лѣтопись говоритъ о полянахъ, что они жили „въ лѣсѣ на горахъ, надъ рѣкою Днѣпрьскою“ [4]); около Кіева находился „лѣсъ и боръ великъ“, въ XII в. боръ находился на пути изъ Кіева въ Бѣлгородъ, и къ югу гдѣ-то находился „борокъ“ [5]). Въ настоящее время на полянской территоріи лѣсъ въ большихъ, сплошныхъ участкахъ сохранился только по нижнему теченію Ирпеня; несомнѣнно, сѣверный уголъ земли (къ сѣверу отъ Стугны) въ древности былъ значительно гуще покрытъ лѣсами. Къ югу отъ Стугны лѣсъ существуетъ отдѣльными рощами

---

[1]) О лѣсѣ см. въ статьѣ г. Майкова въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1874 кн. VIII с. 259 сл. и въ книгѣ П. В. Голубовскаго „Печенѣги, торки, половцы“ с. 2 слѣд. Черноземный рубежъ идетъ съ сѣверо-востока на юго-западъ, приблизительно съ Козельца на Васильковъ, Бердичевъ, Кременецъ (см. упомянутую статью Майкова с. 260 сл.) Распространеніе лѣса въ степныхъ пространствахъ Южной Руси составляетъ спорный вопросъ; одни держатся того мнѣнія, что степи эти искони были степями, другіе доказываютъ существованіе въ нихъ лѣса въ минувшія времена, въ болѣе или менѣе значительномъ количествѣ; см. объ этомъ Гео-ботаническія изслѣдов. о черноземѣ акад. Рупрехта—въ приложеніяхъ къ X т. Записокъ Академіи Наукъ, упомянутыя сочиненія г. Майкова (с. 261—2), П. В. Голубовскаго, а также Замѣтки по ист. геогр. южно-русск. степей г. Бурачкова въ Кіевск. Стар. 1886. IV. с. 673 сл. Этому вопросу были еще недавно посвящены работы гг. Докучаева и Палимпсестова (о нихъ см. Кіевск. Старину 1890., кн. I и V).

[2]) Ипат. с. 3, 16.

[3]) Ипат. л. с. 43, 341.

[4]) Это дало поводъ проф. Иловайскому предположить, что заявленіе лѣтописца о полянахъ: „въ полѣ сѣдяху“ есть не болѣе, какъ попытка истолковать имя „поляне“, которое, по мнѣнію этого ученаго, скорѣе имѣетъ сродство съ корнемъ „исполинъ“.—Розысканія о началѣ Руси с. 255—256. На мой взглядъ, имя полянъ можетъ показывать, что главнымъ и исконнымъ обиталищемъ ихъ было пространство къ югу отъ Стугны (ср. Перепетовское „чистое поле“).

[5]) Ипат. л. с. 5, 9, 296, 300, 354.

и островами, больше по берегамъ рѣкъ, особенно Роси; количество лѣсу, конечно, тутъ тоже уменьшилось съ тѣхъ поръ, но и въ древности онъ, вѣроятно, существовалъ въ значительномъ количествѣ только по побережьямъ рѣкъ, остальная же мѣстность носила степной характеръ; въ противоположность ей сѣверная часть Кіевской земли называется „лѣсною стороною" [1]). Пространство къ западу и сѣверу отъ Ирпеня и теперь покрыто сплошными лѣсами, только верховья Случи, Горыни, Буга опять обнажены отъ лѣса. Это распредѣленіе лѣса имѣло всегда громадное значеніе на культуру и бытъ. Обитатели Древлянской земли должны были уступать въ культурѣ своимъ восточнымъ сосѣдямъ; условія мѣстности располагали населеніе болѣе къ охотѣ и пчеловодству, чѣмъ къ земледѣлію. За то лѣсъ служилъ прекрасною защитою отъ кочевниковъ; онъ для послѣднихъ составлялъ всегда непреоборимую преграду [2]). Потому набѣги половцевъ направляются всегда на землю полянъ, преимущественно на обнаженныя, степныя ея части, гораздо рѣже проникаютъ они въ лѣсную полосу, за Кіевъ [3]), но въ глухіе древлянскіе лѣса половцы почти никогда не заходятъ [4]).

Переходя къ обозрѣнію политическихъ границъ Кіевской земли, должно прежде всего замѣтить, что главный матеріалъ для опредѣленія ихъ даютъ намъ извѣстія половины XII в.; поэтому я сначала постараюсь опредѣлить территорію Кіевской земли этого времени, а затѣмъ упомяну о позднѣйшихъ измѣненіяхъ ея границъ до половины XIII в. Что касается до послѣдующаго времени, то свѣдѣнія наши по исторической географіи Кіевской земли такъ скудны, что эти извѣстія и свои соображенія я изложу въ концѣ этого очерка, послѣ общаго обозрѣнія Кіевской земли за періодъ до-монгольскій.

Обозрѣніе границъ начнемъ съ востока. Этнографическую границу съ этой стороны составлялъ, какъ упомянуто, Днѣпръ; онъ же

---

[1]) Ипат. л. с. 515.

[2]) О значеніи лѣса, какъ оплота отъ кочевниковъ, см. у П. В. Голубовскаго (Печенѣги etc. с. 14—15).

[3]) Эти набѣги показываютъ, можетъ быть, что и въ сѣверномъ углу Полянской земли лѣсъ былъ значительно разрѣженъ уже земледѣльческимъ населеніемъ.

[4]) Я сказалъ „почти", имѣя въ виду преимущественно разсказъ лѣтописи о набѣгѣ половцевъ на Полоный и Сѣмычь (Ип. с. 380), которые могли находиться и въ древлянскихъ лѣсахъ (объ этихъ пунктахъ см. ниже).

выставляется иногда восточною границею Кіевскаго княжества, когда о границахъ его говорится въ общихъ чертахъ; правый берегъ его называется кіевскимъ, а лѣвый черниговскимъ [1]). Однако кіевскія владѣнія переходили и на лѣвый берегъ; на это есть нѣсколько болѣе или менѣе ясныхъ указаній въ лѣтописяхъ. Къ Кіевскому княжеству принадлежалъ прежде всего городъ *Саковъ*, который лежалъ за Днѣпромъ, къ югу отъ Кіева, и съ вѣроятностью пріурочивается къ теперешнему селу Салькову, въ 30 верстахъ отъ Кіева, внизъ по Днѣпру [2]); на принадлежность Сакова къ Кіеву указываютъ два лѣтописныя извѣстія, одно XI, другое XII в. [3]); Саковъ, кажется, составлялъ центръ небольшого заднѣпровскаго округа, населеніе котораго упоминается однажды въ лѣтописи подъ именемъ засаковцевъ [4]). Границею этого округа съ Переяславскою землею служила какъ будто рѣка Корань [5]). Далѣе, есть въ лѣтописи нѣкоторые намеки на то, что пространство между нижнимъ теченіемъ Десны и Днѣпра также принадлежало Кіеву; *Лутава* и *Моровійскъ* были, повидимому, крайними

---

[1]) См. Ипат. 393, 416, 435, 462 (како насъ раздѣлилъ дѣдъ нашь Ярославъ по Дънѣпръ, а Кыевъ вы не надобѣ). Основываясь на подобныхъ свидѣтельствахъ, Погодинъ (Изслѣдованія etc. IV, 212) считаетъ Днѣпръ восточною границею Кіевской земли, но въ приведенныхъ мѣстахъ лѣтописи нѣтъ рѣчи о точной границѣ. О лѣвобережныхъ владѣніяхъ Кіева см. Барсовъ Географія нач. лѣтописи с. 134, ср. также с. 147.

[2]) Разстоянія я опредѣляю по десятиверстной спеціальной картѣ Европейской Россіи Генер. Штаба.

[3]) Въ 1095 г. засаковцы, вмѣстѣ съ жителями Юрьева и другихъ городовъ, были поселены Святополкомъ у Витичева (Ипат. с. 160); во 2-й четверти XII в. въ войскахъ Всеволода Ольговича Кіевскаго фигурируетъ Лазарь Саковскій (Ипат. 222, 231)—вѣроятно посадникъ саковскій, позднѣе онъ былъ назначенъ тысяцкимъ кіевскимъ (см. Ипат. 245)—по крайней мѣрѣ послѣ появленія Лазаря тысяцкаго Лазарь Саковскій болѣе не упоминается. Что Саковъ находился на лѣвомъ берегу Днѣпра, видно изъ Ипат. с. 277; о мѣстоположеніи его см. Погодинъ Изслѣдов. IV. 153—154. Барсовъ Геогр. нач. л. с. 143.

[4]) Г. Андріевскій (Кіев. Стар. 1883 г. IX с. 6) сближаетъ, впрочемъ, засаковцевъ съ р. Саковицею, падающею въ Рось выше Корсуня.

[5]) О Корани Ипат. 219: гониша (переяславцы) по нихъ (дружинѣ кіевскаго князя) до Коранѣ, а дале не пусти Андрѣй дружины своея. Корань (Карань) течетъ параллельно Днѣпру и падаетъ въ Трубежъ ниже Переяслава у д. Карань; на десятиверстной картѣ Корань не показана вовсе, на трехверстной обозначена лишь нижняя часть этой рѣчки, а въ спискѣ населенныхъ мѣстъ Полтавской губерніи (изд. 1862 г. с. 5) стоящими на ней показаны села и деревни: Карань, Столпяги, Гречаники, Дѣвички, Староселье, Ковалинъ, Сошниковъ, Краснополье.

порубежными пунктами съ черниговской стороны [1]): здѣсь происходили свиданья, договоры князей черниговскихъ и кіевскихъ; Юрій, идя на Кіевъ, на Изяслава Давидовича, остановился у Моровійска и отсюда переговаривался съ нимъ, убѣждая его добромъ уйти изъ Кіева [2]). Границею кіевскихъ владѣній, можетъ быть, служило обширное болото Выдра, которое тянется отъ Десны въ сѣверо-восточномъ направленіи, къ западу отъ г. Остра [3]). Принадлежала ли Кіеву также полоса земли къ югу отъ устья Десны, противъ самаго Кіева? Источники не даютъ прямыхъ указаній, но мнѣ кажется, что принадлежала,—иначе она должна была, по всей вѣроятности, принадлежать Переяславской волости, которой принадлежалъ *Остерскій городокъ* [4]) и которая врѣзывалась бы тогда страннымъ образомъ между саковскимъ округомъ и кіевскимъ Задесеньемъ, а это невѣроятно; невѣроятно также, чтобы кіевскіе князья не позаботились пріобрѣсть эту полосу земли противъ Кіева. Подгородныя заднѣпровскія поселенія, какъ *Ольжичи*, *Городецъ*, находились такимъ образомъ, думаю, на территоріи Кіевскаго княжества [5]).

Такимъ образомъ Кіевская земля на значительномъ протяженіи была, повидимому, окаймлена узкою полосою заднѣпровскихъ владѣній; полоса эта, впрочемъ, не составляла какого-либо боевого, укрѣпленнаго рубежа, а является скорѣе какъ бы нейтральною полосою: при движеніяхъ ратей на Кіевъ столкновеній на лѣвомъ берегу обыкновенно не бываетъ, не видно здѣсь также особо укрѣпленныхъ го-

---

[1]) Оба эти поселенія существуютъ понынѣ подъ своими именами въ Остерскомъ уѣздѣ; что они принадлежали уже къ Черниговскому княжеству, см. Ипат. л. с. 343, 406.

[2]) Ипат. с. 329; о съѣздахъ у Лутавы и Моровійска см. напр. Ипат. с. 217, 331, 345. Любопытно еще одно мѣсто Ипат. лѣтоп. (с. 325): Ростиславъ отправился на Изяслава Давыдовича Черниговскаго; переправивъ войско за Днѣпръ у Вышгорода, оставилъ его тамъ, а самъ отлучился въ Кіевъ: это показываетъ, повидимому, что войско его не вступило еще на непріятельскую территорію.

[3]) Болото это, никогда не пересыхающее, начинается у д. Рожкова и тянется до с. Навоза, гдѣ соединяется съ Мневскимъ болотомъ; длина его 75 верстъ, ширина—отъ 100 саж. до 5 и болѣе верстъ. Матеріалы для геогр. и статистики. Черниговская губ. с. 43.

[4]) Ипат. 179, 289, 306; это теперешній г. Остеръ.

[5]) Любопытно, что во время нашествія Ольговичей въ 1135 г., когда они опустошали окрестности Городца, люди съ лѣваго берега Днѣпра хотѣли бѣжать на правый, а не къ Переяславлю (Ипат. с. 213).

родовъ; за всѣмъ тѣмъ обладаніе лѣвымъ берегомъ Днѣпра для Кіева было чрезвычайно важно. Когда Кіевъ захватилъ эту заднѣпровскую полосу—въ древнѣйшую ли эпоху, въ эпоху борьбы полянскихъ племенныхъ князей съ сосѣдними племенами, или позднѣе, при раздѣленіи на удѣлы Кіевскаго государства, мы не знаемъ; первое, впрочемъ, едва ли не вѣроятнѣе.

Сѣверо-восточную границу опредѣлить въ точности трудно; къ сѣверу, примѣрно, отъ устья Тетерева рубежемъ служилъ, вѣроятно, Днѣпръ, по крайней мѣрѣ до устья Припети. Сѣвернымъ рубежемъ Кіевской земли, пока къ ней принадлежала земля дреговичей, служилъ, вѣроятно, водораздѣлъ бассейна Припети, съ одной стороны, Березины и Нѣмана—съ другой [1]), но и послѣ отдѣленія Турово-Пинской земли за Кіевомъ остались нѣкоторыя земли къ сѣверу отъ Припети; такъ во второй половинѣ XII в. къ Кіеву принадлежитъ городъ *Брягинъ* [2]); Кіеву же принадлежалъ тогда *Мозырь* [3]). Кіевская граница отъ устья Припети шла по Днѣпру (крайній извѣстный намъ здѣсь черниговскій городъ-это Любечъ) или, можетъ быть, по водораздѣлу Днѣпра и р. Брагинки [4]), огибала Брягинъ и Мозырь, гдѣ нибудь недалеко къ западу отъ послѣдняго пересѣкала Припеть и направлялась затѣмъ на юго-западъ, гранича съ Турово-Пинскою землею; сколько нибудь точно опредѣлить направленіе границы здѣсь невозможно: въ этой мѣстности, удаленной отъ театра политическихъ событій, лѣтопись почти вовсе не называетъ населенныхъ пунктовъ; крайнимъ кіевскимъ городомъ на сѣверо-западѣ является Овручъ, а Дубровица (теперь Домбровица) на Горыни, къ югу отъ впаденія

---

[1]) См. Барсовъ. Географія с. 124, 132—134, Довнаръ Запольскій ор. с. с. 45.

[2]) См. Ипат. с. 443; это теперешній Брагинъ на р. Брагинкѣ въ Рѣчицкомъ уѣздѣ; о Брагинской волости см. статью въ Календарѣ сѣверо-запад. Россіи на 1889 годъ (с. 113 слѣд.).

[3]) „Изяславъ (Давыдовичъ) посла къ брату Святославу, дая ему Мозырь и Чичерескъ" Ипат. с. 341. Изяславъ сидѣлъ тогда въ Кіевѣ, Чичерскъ (на р. Сожѣ) оставался за нимъ изъ прежнихъ его черниговскихъ владѣній, а Мозырь, очевидно, принадлежалъ къ кіевскимъ (Турово-Пинская земля въ то время была самостоятельна). Что Мозырь входилъ въ территорію Кіевской земли, это подтверждается и позднѣйшею принадлежностью его къ Кіеву, о чемъ ниже. Обыкновенно его относятъ къ Турово-Пинской землѣ (Барсовъ. Словарь с. 126, Довнаръ Запольскій ор. с. с. 60).

[4]) Барсовъ Географія с. 148; по его мнѣнію здѣсь проходилъ этнографическій рубежъ.

Случи, принадлежала уже къ Турово-Пинскому княжеству; куда принадлежалъ городъ *Степань*, совершенно неизвѣстно [1]).

Съ запада Кіевская земля замыкалась Погориною; такъ называлась полоса земли по обѣимъ сторонамъ средней Горыни, занимавшая посредствующее положеніе между землями Кіевскою и Волынскою и служившая яблокомъ раздора между ними. Крайними пунктами ея съ запада были въ половинѣ XII в. *Пересопница* и *Зарѣческъ* (оба существуютъ подъ своими именами донынѣ), на р. Стублѣ, текущей въ Горынь; къ югу отъ нихъ—*Шумскъ* на р. Виліи и *Тихомль* на Горыни. *Чемеринъ* на р. Олыкѣ (теперь Поляновка, притокъ Горыни) и *Муравица*—принадлежали, повидимому, уже къ Волынской землѣ [2]). Крайнимъ восточнымъ пунктомъ Погорины былъ городъ *Корческъ* или *Коречьскъ*, теперешній Корецъ на р. Корчикѣ, Новоградволынскаго уѣзда [3]).

На юго-западѣ Кіевская земля доходила до Южнаго Буга; г. *Межибожье* въ половинѣ XII в. составлялъ частный кіевскій удѣлъ вмѣстѣ съ *Божскимъ*, *Котельницею* и еще двумя неизвѣстными по имени городами [4]). Отъ Межибожья первоначальный рубежъ шелъ, вѣроятно, по Бугу, до его поворота на югъ; у этого колѣна, на притокѣ Буга Деснѣ, стоялъ кіевскій городъ *Прилукъ*, упоминаемый въ XII в. [5]).

Южный рубежъ Кіевской земли вообще былъ подверженъ большимъ колебаніямъ; Русь постоянно вела борьбу со степью, и въ зависимости отъ успѣха этой борьбы измѣнялись границы ея поселеній [6]). Въ концѣ языческой эпохи, какъ было упомянуто, поселенія Руси

---

[1]) Глѣбъ Юрьевичъ Дубровицкій былъ изъ князей туровскихъ (Ипат. 426, 466). Г. Андріяшевъ высказалъ предположеніе, что Глѣбъ получилъ Дубровицу въ приданное за дочерью Всеволодка Городенскаго (Ист. Вол. з. с. 80). Карамзинъ (IV. пр. 175 с. 76) и Барсовъ (Географія с. 123) относятъ Степань къ Турово-Пинской землѣ, но онъ слишкомъ далеко лежалъ на югъ; М. А. Максимовичъ считалъ его въ числѣ городовъ погоринскихъ, какъ и Дубровицу (Собраніе сочин. II. с. 355, 401); не включилъ Дубровицу въ число турово-пинскихъ городовъ и г. Довнаръ Запольскій (ор. с. с. 58).

[2]) Ипат. л. с. 270—271, 284, 313. Пересопница и Зарѣческъ въ Ровенскомъ уѣздѣ, Чемеринъ и Муравица—Дубенскомъ, Шумскъ и Тихомель (около Ямполя)—въ Кременецкомъ; объ этомъ рубежѣ см. у Барсова Географія с. 122; его опредѣленіе принялъ и г. Андріяшевъ Ист. Волын. з. с. 15. Объ этихъ городахъ см. еще ниже.

[3]) Ипат. с. 276.

[4]) Ипат. 234, 243. 257.

[5]) Лавр. с. 296. Барсовъ. Географія с. 139—140.

[6]) Объ этомъ см. у Барсова, Географія с. 134 сл.

доходили до р. Роси; затѣмъ въ X в., съ появленіемъ въ сосѣдствѣ печенѣговъ, Поросье пустѣетъ, извѣстіе лѣтописи о г. *Роднѣ* стоитъ одиноко, и самый этотъ городъ затѣмъ не упоминается; св. Владиміръ хлопочетъ уже объ укрѣпленіи побережья Стугны, которое было ограждено рядомъ городовъ и валомъ; по словамъ епископа Брунона, осѣдлыя поселенія простирались въ это время только на два дня пути отъ Кіева [1]). Послѣ пораженія, нанесеннаго печенѣгамъ Ярославомъ, снова начинается наступательное движеніе Руси въ степь; создана, или скорѣе возобновлена была военная граница по Роси, укрѣпленная также валами и городами, и заселенная плѣнниками и переселенцами. Половецкія нападенія, происходившія въ концѣ XI в., опять было ослабили Поросье и, разрушивъ военную границу, оттѣснили населеніе снова въ область Стугны, но побѣдоносная борьба съ половцами начала XII в. возстановила Русь въ ея предѣлахъ, и послѣ того она уже не отступала (въ разсматриваемый періодъ) отъ береговъ Роси. Мало того, хотя за Росью лѣтопись не называетъ намъ такихъ пунктовъ, положеніе которыхъ было бы точно опредѣлено, однако нѣкоторыя соображенія заставляютъ думать, что Русь перешла затѣмъ за эту рѣку и придвинулась къ бассейну Южнаго Буга. Въ этомъ отношеніи любопытно извѣстіе лѣтописи (подъ 1190 г.) [2]), что половцы, производя свои набѣги, скрывались „по Висемь“, т. е. въ побережьи Выси, и оттуда, давъ отдыхъ конямъ, выѣзжали на новые набѣги; отъ Выси до Роси 70—100 верстъ, и едва ли бы половцы прятались по Выси, если бы владѣнія Руси не переходили за Рось. Едва ли бы и кіевскіе князья въ такомъ случаѣ ѣздили въ это же время охотиться „на устья Тесмени“ [3]). Рѣка Торчь, падающая въ Рось съ правой стороны, и стоящее на ней с. Торчище (въ Таращанскомъ у.), если ихъ и не связывать съ лѣтописнымъ Торческомъ, указываютъ во всякомъ случаѣ на существованіе здѣсь поселеній черныхъ клобуковъ. Уже за Росью, вѣроятно, находились города *Боровой* и *Чюрнаевъ*, на которые нападали половцы въ выше упомянутыя экспедиціи съ р. Выси. Наконецъ въ предмѣстьи гор. Черкасъ недавно была найдена весьма

---

[1]) Duxi te, ubi mea desinit terra, inimicorum incipit, сказалъ Владиміръ Брунону, проводивъ его до вала—Письмо Брунона къ императору Генриху II, Monumenta Poloniae histor. I. p. 225.

[2]) Ипат. с. 450.

[3]) Ипат. с. 449.

любопытная находка—четыре монетныя кіевскія гривны [1]), что можетъ указывать на существованіе здѣсь поселенія въ до-монгольскую эпоху. Правдоподобно, южную границу этихъ поселеній составляли теченіе Гнилого Тикича и водораздѣлъ между Высью и Тясминомъ, съ одной стороны, и Росью—съ другой, до Днѣпра, а затѣмъ рубежъ шелъ Днѣпромъ къ сѣверу, до устья Корани.

Если это наложить на современную карту, то въ половинѣ XII в., въ эпоху, предшествующую упадку, Кіевская земля (не включая Турово—Пинской волости) занимала приблизительно: Кіевскую губернію, за исключеніемъ уѣздовъ Уманскаго, Чигиринскаго и южныхъ частей Липовецкаго, Звенигородскаго и Таращанскаго, узкую прибережную полосу надъ Днѣпромъ въ Переяславскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи и Остерскомъ—Черниговской, затѣмъ южную часть Рѣчицкаго и юго-восточную Мозырскаго уѣздовъ Минской, уѣзды Овручскій, Ровенскій (исключая сѣвернаго угла), Житомирскій, Новоградъ-Волынскій, Заславскій, Острожскій (граница его съ Дубенскимъ проходитъ какъ разъ по старому кіевскому рубежу) и восточные углы уѣздовъ Кременецкаго и Староконстантиновскаго—Волынской и сѣверныя части уѣздовъ Летичевскаго, Литинскаго и Винницкаго Подольской губерній.

Во второй половинѣ XII в. и въ первой половинѣ XIII Кіевская земля потерпѣла значительныя потери въ западной части: отъ нея отошла Погорина и весь юго-западный уголъ земли. Распри за Погорину начались открыто съ половины XII в., когда Юрій отнялъ Кіевъ у Изяслава; раньше обладаніе Погориною если, можетъ быть, и служило тайною причиною несогласій кіевскихъ князей съ волынскими, однако вопросъ этотъ не выступалъ наружу, и Погорина находилась въ полномъ распоряженіи кіевскихъ князей [2]). Но Изяславъ, прогнанный на Волынь, въ 1150 г. требуетъ себѣ отъ Юрія земель

---

[1]) Объяснительная записка проф. В. Б. Антоновича. О поселеніяхъ за Росью см. также у Барсова, Географія с. 139, 298 сл. и П. В. Голубовскаго, Печенѣги etc. с. 138. Барсовъ обратилъ вниманіе еще на большое число поселеній, имена которыхъ показываютъ, что здѣсь проходилъ рубежъ: это разные „городки", „городища", которые тянутся отъ водораздѣла Выси и Тясмина до Буга; но тутъ и позже проходили рубежи населенной полосы. Тотъ же ученый полагалъ, что Заросье уже не причислялось собственно къ кіевскимъ владѣніямъ; мнѣ кажется, оно должно было находиться въ тѣхъ же отношеніяхъ къ Кіеву, какъ и Поросье, и нѣтъ никакихъ основаній дѣлать для него исключеніе.

[2]) Ипат. с. 144, 172, 181.

по Горыни: „то волость отца моего и моя по Горину“ [1]); претензіи Изяслава простирались до г. Корческа на востокѣ; нѣсколько разъ Погорина въ это время переходитъ изъ рукъ въ руки, но перевѣсъ остался за Кіевомъ [2]). Южная часть ея, города именно *Шумскъ*, *Тихомель*, *Выгошевъ*, *Гнойница*, были одновременно захвачены Володимиркомъ Галицкимъ, потомъ также возвращены [3]). Но затѣмъ всю вторую половину XII в. Погорина составляетъ постоянно самостоятельный удѣлъ Кіевской земли, въ которомъ сидятъ родичи кіевскихъ князей [4]); обособившись такимъ образомъ (особенно важно было въ этомъ отношеніи продолжительное, двадцатилѣтнее княженіе Владиміра Андреевича), Погорина, по мѣрѣ ослабленія Кіевскаго княжества, все болѣе и болѣе уходила изъ подъ вліянія Кіева и постепенно вошла въ сферу вліянія и интересовъ волынскихъ. Погоринскіе города: *Дорогобужъ*, *Пересопница*, *Шумскъ* упоминаются въ началѣ XIII в. въ числѣ городовъ Луцкаго княжества; Тихомель также упоминается, какъ волынскій городъ [5]). А въ области верхней Случи и въ Побужьи въ первой половинѣ XIII в. появляется группа Болоховскихъ городовъ, освободившихся изъ подъ власти кіевскихъ кня-

---

[1]) Т. е. по Горыни; Ипат. с. 276, также 281; приведенныя слова Изяслава довольно странны: отецъ его Мстиславъ, насколько намъ извѣстно, никогда не сидѣлъ на Волыни.

[2]) Ипат. л. с. 275, 280—281.

[3]) Ипат. л. с. 281, 312, 313; Большая и Малая Гнойница къ западу отъ Заслава, на границѣ Заславскаго и Острожскаго у.; мѣстоположеніе Выгошева неизвѣстно, указываютъ на Вышгородокъ въ Кременецкомъ у., см. Погодина Изслѣд. IV. с. 162, Андріяшева Ист. Волын. зем. с. 35. Что захваченные Володимиркомъ города принадлежали къ Кіевской землѣ (Погоринѣ), видно изъ того, что они называются *русскими* городами въ противоположность Галичу (Ипат. с. 312. 313), Шумскъ и позже принадлежалъ къ Погоринѣ (Ипат. с. 373). Если Изяславъ называетъ ихъ своими городами въ противоположность Кіевской волости (Ипат. с. 281—282), то потому, что онъ, сидя на Волыни, претендовалъ на владѣніе Погориною, но это не значитъ, чтобъ города эти были дѣйствительно волынскіе (см. „Болоховскую землю“ Н. П. Дашкевича въ Трудахъ III археологич. съѣзда II. с. 76). Что города эти не остались за Галичемъ, но были возвращены потомъ, видно изъ того, что они позже вошли въ составъ Волыни, вмѣстѣ со всею Погориною.

[4]) Въ 1146 г. Изяславъ посадилъ на Погоринѣ Вячеслава, переведя его изъ Турова; Вячеславъ просидѣлъ здѣсь до 1150 г.; въ слѣдующемъ году видимъ на Погоринѣ Владиміра Андреевича, который оставался здѣсь до смерти (1171 г.), послѣ него захватилъ Погорину Владиміръ Мстиславичъ, передавшій ее потомъ сыну Мстиславу. См. Ипат. с. 270, 297, 305, 335, 373, 386.

[5]) Ипат. л. с. 485, 488, 500, 513; Дорогобужъ существуетъ понынѣ на Горыни, ок. Гощи, въ Острожскомъ уѣздѣ.

зей и достигшихъ автономіи [1]). *Каменецъ* на Случи (теперь с. Каменка) былъ въ это время, повидимому, порубежнымъ городомъ, и мы видимъ его то въ рукахъ кіевскихъ князей, то волынскихъ [2]). Рубежъ проходилъ въ это время, вѣроятно, по средней Случи, колеблясь и подаваясь то на западъ, то на востокъ, поворачивалъ на юго-востокъ, огибая верховья Тетерева, Раставицы и Роси, и затѣмъ, какъ было упомянуто, направлялся, правдоподобно, водораздѣломъ Роси, Тясмина и Выси [3]). Относительно сѣверной и восточной границъ за это время мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, которыя бы свидѣтельствовали объ ихъ измѣненіи.

Перейдемъ къ обозрѣнію населенныхъ пунктовъ и урочищъ Кіевской земли. Начнемъ съ центра. *Кіевъ* занимаетъ, какъ извѣстно, свое старое мѣстоположеніе [4]). На мѣстѣ Стараго Кіева, на крутыхъ, обрывистыхъ холмахъ находился „городъ", окруженный стѣнами, вѣроятно деревянными [5]), которыя прорѣзаны были воротами: съ юга вели ворота Лядскія, съ юго-запада Золотыя, съ сѣверо-запада Жидовскія. Въ этомъ верхнемъ городѣ находились знаменитѣйшіе храмы

---

[1]) О Болоховскихъ городахъ смотри еще ниже, въ обозрѣніи населенныхъ мѣстностей.

[2]) Ипат. с. 468, 503, 516, 521; см. изслѣдованіе Н. П. Дашкевича „Болоховская земля" с. 77—78.

[3]) Что касается Поросья, то хотя Торческъ и принадлежалъ Мстиславу Мстиславичу въ то время, какъ онъ сидѣлъ въ Галичѣ, а потомъ на Понизьи (какъ велика была при этомъ волость, тянувшая къ Торческу, неизвѣстно), но эта волость не переставала считатся кіевскою, не была инкорпорирована галицкимъ владѣніямъ, и лѣтопись, говоря о передачѣ Даниломъ Торческа дѣтямъ Мстислава, выражатся такъ: Данилъ же из Русское земли (т. е. Кіевской) взя собѣ часть Торцький, и паки да и дѣтемь Мьстиславимъ (Ипат. л. с. 511).

[4]) Историческая топографія Кіева содержитъ не мало трудныхъ и спорныхъ вопросовъ и имѣетъ значительную литературу, но я ограничусь здѣсь лишь самыми общими свѣдѣніями. Главными пособіями для знакомства съ предметомъ служатъ въ настоящее время: большое „Описаніе Кіева„ Закревскаго (2-ое изд. 1868 г., 2 тома), второй томъ собранія сочиненій Максимовича и многочисленныя статьи и замѣтки о. П. Г. Лебединцева, помѣщавшіяся въ Трудахъ III археол. съѣзда, Чтеніяхъ истор. общества Нестора, Кіевской Старинѣ и пр. Небольшой, но весьма живой очеркъ Кіева см. у г. Иловайскаго (Исторія Россіи т. I ч. 2. с. 3—15).

[5]) Выраженіе лѣтописи: „заложи Ярославъ городъ великый Кыевъ" не можетъ служить доказательствомъ того, что стѣны были каменныя (какъ думалъ Погодинъ—Изслѣ-

Кіева: „митрополія“-св. Софія, громадный храмъ Богородицы Десятинной, монастыри св. Георгія, св. Ирины, Андреевскій—Янчинъ, Ѳедоровскій, Златоверхій—Михайловскій, Димитріевскій. Здѣсь же находился главный княжескій дворецъ—„великій дворъ Ярославль“, дворы князей и княгинь, бояръ; такъ упоминаются дворы извѣстныхъ бояръ: Коснячка, Чудина, Никифора, Воротислава, дворъ княгини Мстиславлей [1]); тутъ же, по сосѣдству этой кіевской аристократіи, можетъ быть и подъ опекой ея, пріютился и еврейскій кварталъ—„жидове“, вѣроятно около Жидовскихъ воротъ [2]). У подножья горы, надъ Днѣпромъ раскинулось Подолье, торговая и промышленная часть города; открытая съ сѣвера, она была защищена палисадомъ—„столпьемъ“, которое шло отъ горъ до Днѣпра—оно упоминается въ XII в.; далѣе за „столпьемъ“ разстилалось низменное „болонье“ по теченію р. Сѣтомля [3]). Съ верхнимъ городомъ Подолье сообщалось „Боричевымъ узвозомъ“ и другимъ, болѣе отлогимъ спускомъ-подъ горою Уздыхальницею. Здѣсь, на Уздыхальницѣ, помѣщаютъ нѣкоторые пресловутый Копыревъ конецъ, предмѣстье съ монастыремъ св. Симеона и церковью св. Іоанна [4]), другіе помѣщаютъ его въ долинѣ между Уздыхальницею и Щекавицею. На самомъ Подолѣ достовѣрно извѣстны только церкви св. Иліи и Успенья Богородицы, можетъ быть тождественная съ Пирогощею [5]). У южной оконечности Подола, въ устьѣ Почайны, которая падала въ Днѣпръ прежде гораздо ниже, противъ Крещатицкаго ручья, находилась главная пристань Кіева [6]).

дованія VII. с. 203); никакихъ остатковъ послѣднихъ пока не обнаружено. Въ послѣ-монгольское время Кіевъ, несомнѣнно, имѣлъ деревянныя стѣны—см. списокъ городовъ Воскресенской л. (I. с. 240): городъ Кіевъ древянъ, на Днѣпрѣ. Время составленія этого списка и происхожденіе его до сихъ поръ не установлено прочно; повидимому, онъ составляетъ собою сводъ данныхъ изъ разныхъ эпохъ и редактированъ не раньше конца XIV в.—см. Монографіи В. Б. Антоновича I с. 55, Замѣтки по ист. рус.-лит. госуд. Н. П. Дашкевича с. 49.

[1]) Ипат. с. 35, 120, 248.

[2]) Ипат. с. 208.

[3]) Ипат. с. 280, 353.

[4]) Ипат. с. 206, 217, 250, 283. Историческія замѣтки о Кіевѣ о. Лебединцева въ Кіевск. Старинѣ за 1884 г. кн. X. с. 243. Проф. Лашкаревъ предполагалъ Копыревъ конѣцъ на Кудрявцѣ, гдѣ существуетъ фундаментъ древней церкви.

[5]) О послѣдней см. замѣтку о. П. Лебединцева въ Кіевской Стар. 1887. XII. с. 779; его мнѣніе принято и проф. Малышевскимъ въ изслѣдованіи о церкви Богородицы Пирогощей—въ Чтеніяхъ общества Нестора кн. V и отдѣльно (с. 17—18).

[6]) Ипат. с. 40. О старомъ устьѣ Почайны см. въ Описаніи Кіева Закревскаго (II. с. 718 слѣд.) и въ упомянутыхъ Историч. замѣткахъ о. Лебединцева (с. 250 сл).

О многолюдности, обширности, богатствѣ города сохранилось не мало извѣстій. Такъ уже Дитмаръ, по слухамъ, называлъ его большимъ городомъ, въ которомъ 400 церквей, 8 рынковъ и несмѣтное множество народа. Адамъ Бременскій называетъ его соперникомъ Константинопольскаго престола, славнѣйшимъ украшеніемъ Греціи (т. е. странъ греческаго обряда) [1]. По извѣстію суздальской лѣтописи, во время пожара 1124 г. въ Кіевѣ „церквии единѣхъ изгорѣ близъ 6 сотъ" [2]. Эти громадныя цыфры церквей обыкновенно оправдываютъ такъ, что предполагаютъ въ этомъ числѣ многочисленныя часовни и домовыя церкви; по существующимъ даннымъ можно насчитать въ до-монгольскую эпоху въ Кіевѣ и его окрестностяхъ вмѣстѣ съ монастырями около 30 церквей. Что до рынковъ, мы знаемъ только большое „торговище" на Подольѣ, которое послѣ возстанія 1068 г. было переведено на гору, но снова является на Подольѣ въ XII в., и затѣмъ „Бабинъ торгъ" въ верхнемъ городѣ: его помѣщаютъ у Десятинной церкви [3].

Населеніе Кіева было дѣйствительно очень значительно; лѣтописецъ передаетъ, что во время мора 1192 г. отъ Филиппова дня до мясопущъ, въ два съ половиною мѣсяца, умерло, по словамъ гробовщиковъ, 7000 человѣкъ; а сколько кромѣ того обошлось безъ услугъ гробовщиковъ! Моръ этотъ не произвелъ однако значительнаго опустошенія: въ томъ же году кіевское населеніе проявило свою энергію довольно сильно, и лѣтописецъ не жалуется на запустѣніе; поэтому нужно предположить, что населенія въ городѣ было, примѣрно, не менѣе ста тысячъ [4]. Бойкая торговля привлекала сверхъ туземцевъ много „насельниковъ" [5] изъ разныхъ мѣстъ: здѣсь существовала цѣлая колонія новгородцевъ, имѣвшихъ свою „божницю" [6], колоніи западныхъ купцовъ—нѣмцевъ или „латинъ", тоже имѣвшихъ свои церкви [7], проживало, несомнѣнно, много грековъ по духовнымъ и торговымъ дѣламъ; о еврейскомъ кварталѣ я уже упомянулъ, есть намеки

---

[1]) Thietmari Chronicon l. VIII, c. XVI (въ Monum. Pol. Hist. I. p. 318). Adami Bremensis Gesta l. II. c. 19 (въ Scriptores rerum Germanicarum. 1846 p. 62).

[2]) Лаврент. л. с. 278.

[3]) Ип. 120, 122, 249. Закревскій ор. с. I. с. 200.

[4]) Ип. с. 150—151, см. Иловайскій Исторія т. 1 ч. 2. с. 14.

[5]) Ип. с. 478: множество вѣрныхъ Кыянъ и насельницы ихъ.

[6]) Лавр. с. 302.

[7]) Ипат. л. с. 393, 1 Новгор. с. 50. См. также буллу папы Григорія IX къ кіевскимъ католикамъ 1234 г., въ Historica Russ. Mon. I. № 39. Объ иноземныхъ церквахъ

на существованіе и армянской колоніи; вѣроятно, проживали въ Кіевѣ и восточные купцы [1]). Смуты XII вѣка, двукратное разореніе Кіева—должны были тяжело отражаться на благосостояніи города его торговлѣ и уменьшать постепенно его населеніе; въ частности, еврейская колонія, вѣроятно, сильно уменьшилась еще раньше, послѣ погрома 1113 г. [2]). Тѣмъ не менѣе иностранныя колоніи упоминаются въ Кіевѣ вплоть до монгольскаго нашествія.

Вокругъ Кіева, во всѣхъ направленіяхъ, находился цѣлый рядъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ, историческихъ поселеній и урочищъ. На сѣверо-западѣ отъ города, по дорогѣ въ Вышгородъ находились урочища *Дорогожичи*, съ монастыремъ св. Кирилла, и *Капичъ* [3]); на западѣ—*Буличи* (можетъ быть теперешнія Бѣличи) и знаменитая *Желанъ*, мѣсто многихъ битвъ и схватокъ (должно быть на мѣстѣ теперешняго с. Жуляны) [4]); гдѣ-то на Лыбеди находилось сельцо *Предславино*, гдѣ жила когда-то Рогнѣдь [5]). Къ югу отъ города, за долиною, по которой протекалъ Крещатицкій ручей, на Кловскомъ холмѣ находился монастырь Стефанечь съ церковью Влахернской Божьей

см. 1 Новгор. (с. 26): „а что гости иноземьця всякого языка, затворишася въ цьрквахъ и вьдаша имъ животъ"; правдоподобно, тутъ рѣчь идетъ о церквахъ не туземныхъ; ср. Ист. рус. церкви Голубинскаго т. I. пол. 2. с. 705—706. Несомнѣнно существовалъ во второй четверти XIII в. костелъ св. Маріи, при которомъ основали около 1230 г. свой конвентъ доминиканцы; самый костелъ, повидимому, существовалъ и раньше, см. Длугошъ l. VI. p. 649. Малышевскій,—Доминиканецъ Яцекъ Одровонжъ, Труды Кіевской Дух. Акад. 1867 г. кн. VI· с. 435.

[1]) На присутствіе армянъ въ Кіевѣ указываютъ: полемическія замѣчанія о нихъ въ посланіяхъ Θеодосія къ Изяславу и Никифора къ Ярославу (см. у Макарія—Ист. русской церкви, приложенія 5 и 10, с. 338 и 365), въ Уставѣ бѣлечьскомъ м. Георгія (изд. у Голубинскаго Ист. руск. церкви, томъ I половина 1 509 сл., § 6), а главное—свидѣтельство Патерика (въ житіи св. Агапита), что врачъ армянинъ „научи на св. Агапита) единовѣрники своя" дать ему смертнаго зелья (Патерикъ въ изд. Яковлева с. 132); ср. Исторію рус. церкви проф. Голубинскаго т. I. пол. 2, с. 708. О сарацинахъ упоминаетъ Θеодосій въ вышеупомянутомъ поученіи, вспомнимъ также Петра „Сурянина"—т. е. сирійца, придворнаго княжескаго доктора начала XII в. (Патерикъ с. 101).

[2]) Ср. Евреи въ Южной Руси проф. Малышевскаго с. 112.

[3]) Ипат. с. 50, 372, 414, 457.

[4]) Ипат. с. 154, 215, 354, 365. Лавр. 297. Погодинъ Изслѣдов. и пр. IV с. 190. Похилевичъ—Кіевскій и Радомысльскій у. с. 16 и 86; авторъ полагаетъ, что имя Желани носилъ теперешній ручей Борщаговка, въ с. Жулянахъ; это весьма вѣроятно. Закревскій (I с. 311) полагалъ, что лѣтописная Желань находилась между Лыбедью и Кирилловскимъ монастыремъ.

[5]) Ипат. с. 53.

Матери [1]). На юго-востокъ оттуда, надъ Днѣпромъ, было урочище *Угорское* и въ немъ княжескій дворецъ („подъ Угорьскимъ“) [2]), тутъ же была и церковь св. Николая—у Аскольдовой могилы [3]); нѣсколько ниже лежало село *Берестово*—здѣсь упоминается церковь св. Апостолъ, а позднѣе, вмѣстѣ съ нею или на мѣстѣ ея, былъ монастырь Спаса, который многіе отождествляютъ съ Германовскимъ (Германечь) [4]). Вся эта мѣстность была, какъ видно, укрѣплена, и въ укрѣпленіе вели Угорскі ворота; кажется, что вся она составляла княжеское помѣстье, и самый Печерскій монастырь, находившійся въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Берестовымъ, едвали не былъ расположенъ на этой княжеской землѣ [5]). Ниже Печерскаго монастыря—урочище *Выдобичи*, монастырь Всеволожъ св. Михаила и „красный дворъ“, выстроенный Всеволодомъ [6]). Кромѣ упомянутыхъ трехъ княжескихъ дворцовъ, былъ гдѣ-то еще „Новый дворъ“, затѣмъ за Днѣпромъ „Рай“, загородный дворъ кн. Юрія; на островѣ, противъ Выдобичъ, былъ, кажется, также загородный княжескій дворецъ, въ которомъ жилъ Изяславъ Мстиславичъ въ 1149 г. [7]), и послѣ татарскаго нашествія жилъ тамъ же, вѣроятно, Михаилъ Всеволодичъ [8]); наконецъ Теремецъ, упоминаемый подъ 1150 г., вѣроятно теперешній хуторъ Теремки по дорогѣ въ Васильковъ, былъ, можетъ быть, такъ же княжескимъ загороднымъ дворцомъ [9]).

Днѣпровское русло подъ Кіевомъ образуетъ много рукавовъ и заливовъ; отъ нижней Десны отдѣляется рукавъ Черторыя и образуетъ большой островъ противъ Кіева, теперешній Трухановъ; на этомъ островѣ извѣстно урочище Долобское озеро, соединявшееся протокомъ

---

[1]) Ипат. с. 162, 188, 201.

[2]) Ипат. с. 307.

[3]) Ипат. с. 13.

[4]) Ипат. с. 109, 127, 425. Исторія рус. церкви м. Макарія II. с. 91. Ист. рус. ц. Голубинскаго I. 2. с. 483.

[5]) Мнѣ кажется вполнѣ вѣроятнымъ мнѣніе г. Иловайскаго, который отождествляетъ княжескій дворъ „подъ Угорьскимъ“ съ дворомъ на Берестовѣ (Ипат. л. с. 90, 161), см. Ист. Россіи т. I. ч. 2, с. 515; здѣсь же и объ Угорскихъ воротахъ (Ипат. с. 296).

[6]) Ипат. с. 162, 475.

[7]) „Для увеселенія“—поясняетъ Татищевъ (Исторія Россійск. II с. 337).

[8]) Ипат. с. 261, 336, 474, 524.

[9]) Лавр. с. 311. Сборникъ матер. для истор. топогр. Кіева, отд. III. с. 106. Похилевичъ, Уѣзды Кіевскій и Радомысльскій с. 88.

съ Черторыею; небольшой волокъ отдѣлялъ это озеро отъ днѣпровскаго залива—Золотьчи; эти урочища замѣчательны, какъ мѣста княжескихъ съѣздовъ [1]); этимъ же путемъ: Долобскимъ озеромъ и затѣмъ волокомъ въ Золотьчу, прошелъ въ 1151 г. Юрій, желая обойти лодьями Кіевъ [2]). Другой протокъ, только менѣе значительный чѣмъ. Черторыя,—Радосынь(теперь Радунка), упоминаемая въ лѣтописи подъ 1111 г. [3]). На островѣ, образуемомъ ею, у теперешняго с. Вигуровщины, находился знаменитый *Городецъ*, много разъ упоминаемый въ XI и XII в., мѣсто княжескихъ съѣздовъ, опорный пунктъ въ походахъ на Кіевъ; тотъ же Городецъ, вѣроятно, слѣдуетъ разумѣть и подъ „*Песочномъ городкомъ*“, изъ котораго въ 1237 г. любовался „красотою и величествомъ“ Кіева ханъ Менгу [4]). Чтобы покончить съ Заднѣпровьемъ, намъ нужно назвать еще нѣсколько пунктовъ: у устья Десны, на южномъ берегу ея, нѣкоторые помѣщаютъ *Ольжичи*, село св. Ольги по словамъ лѣтописца [5]). Противъ Вышгорода, у теперешняго с. Хотяновки, было уро-

---

[1]) Ипат. л. с. 181, 182, 191, 293, 420—1. О Черторыѣ и проч. см. у Закревскаго (Описаніе Кіева I. 297—299, 327). Барсовъ (Географія нач. лѣт. с. 22, 143), Погодинъ (см. карту окрестностей Кіева въ его атласѣ къ Древней русск. ист.) и другіе помѣщаютъ Долобское озеро и Золотьчу не на островѣ, а на лѣвомъ берегу Днѣпра. Помѣщая ихъ на островѣ, я руководствовался какъ добытыми лично свѣдѣніями, такъ и грамотою 1508 г., гдѣ жалуется Пустынно-Николаевскому монастырю „озеро на имя Долобескъ въ островѣ въ Тухановѣ“ (Сборникъ матер. для истор. топ. Кіева, отд. III. с. 11—изъ Актовъ Зап. Россіи II. с. 45).

[2]) Хотящимъ внизъ пойти къ Витечевьскому броду, пѣ смѣющимъ же имъ пустити лодии мимо Кіевъ, но пустиша ѣ во озеро Дулѣбское (Долобское—Лавр.) и оттолѣ волочиша ѣ берегомъ въ Золотчу, по Золотчи же внидоша во Днѣпръ лодьѣ ихъ“—Ипат. с. 293.

[3]) Ипат. л. 193 293; о Радосыни см. брошюру г. Гошкевича: Замокъ князя Симеона Олельковича и лѣтописный Городецъ подъ Кіевомъ, Кіевъ 1890 г. (также въ Трудахъ Кіевск. Духовн. Акад. 1890 г. кн. 2) с. 15.; Радосынь вытекала изъ Десны у с. Троещины и обогнувъ его, падала въ Черторыю ниже с. Вигуровщины у Барсова—Географія с. 22 и 224—нѣсколько иначе).

[4]) Ипат. л. с. 520—1. Относящіяся къ Городцу мѣста лѣтописи собраны въ упомянутой брошюрѣ г. Гошкевича с. 20 сл.; см. также Барсова Географію с. 143, 297; для опредѣленія мѣстности особенно важны Ипат. с. 141, 193, 213. Обыкновенно этотъ кіевскій городокъ называется Городцемъ, а Остерскій—Городкомъ, но иногда также и Городцемъ, см. Ипат. с. 255 и 314, гдѣ рѣчь идетъ объ Остерскомъ городкѣ.

[5]) Ипат. л. с. 38, 222, 315, 351, 424; см. Барсова Географію с. 143 и упомянутую карту въ атласѣ Погодина. Опредѣлить точно мѣстоположеніе Ольжичъ на основаніи лѣтописныхъ свидѣтельствъ трудно: видно только, что онѣ лежали по дорогѣ въ Черниговъ, слѣдовательно повыше Кіева. Максимовичъ предполагалъ Ольжичи на правомъ берегу Днѣпра, между Дорогожичами и Вышгородомъ (Собр. соч. II с. 345—6), но доводы его

чище *Вѣтичи*; по весьма вѣроятному соображенію В. Б. Антоновича, это пресловутые Увѣтичи или Ветичи, мѣсто съѣзда 1100-го г. [1]), которое ученые пріурочивали то къ Витичеву, то къ р. Ветѣ (около Кіева, къ югу, верстахъ въ 15) [2]). Заднѣпровскіе Ветичи имѣютъ то преимущество предъ Витичевымъ и Ветою, что находятся за Днѣпромъ въ той нейтральной полосѣ, на которой по преимуществу съѣзжались на съѣзды князья. По аналогіи нѣкоторые и Любечъ, мѣсто съѣзда 1097-го г., также переносятъ въ окрестности Кіева, къ нѣкоему озеру Подлюбскому, на лѣвой сторонѣ Днѣпра [3]).

Къ югу отъ Кіева, кромѣ упомянутаго уже *Сакова*, въ той же заднѣпровской полосѣ, противъ Витичева, должно быть, повидимому, помѣщено село *Мирославъское*, упоминаемое подъ 1150 г. [4]); въ концѣ XIV вѣка въ кіевскомъ Заднѣпровьѣ существовали также *Милославичи*, но слѣдуетъ ли ихъ отождествить съ этимъ селомъ Мирославьскимъ, или нѣтъ—трудно рѣшить (нѣкоторые отождествляютъ Милославичи XIV в. съ нынѣшнимъ с. Вигуровщиною; въ такомъ случаѣ, конечно, ихъ нельзя отождествить съ с. Мирославскимъ [5]).

Для сообщенія съ Заднѣпровьемъ издревле существовалъ около Кіева перевозъ; еще во времена начальнаго лѣтописца были люди, которые

не убѣдительны; выраженіе „на сей сторонѣ Днѣпра у Лжичь“ (Ипат. с. 315) не имѣетъ значенія: лѣтописецъ говоритъ объ осадѣ Чернигова и съ точки зрѣнія послѣдняго могъ смотрѣть и на Ольжичи. Въ пользу лѣваго берега говоритъ то, что у Ольжичъ съѣзжаются черниговскіе князья для переговоровъ съ кіевскимъ (Ип. с. 222): они вѣдь не любятъ забираться за Днѣпръ.

[1]) Ипат. л. (с. 180) и Лавр. сп. (с. 263.): въ увѣтичихъ; въ Радзив. и Академическомъ: у ветичехъ. Урочище Ветова могила и Ветичи упоминаются въ межевомъ актѣ 1713 г., см. Сборн. матер. для ист. топогр. Кіева, отд. III. 135, 136.

[2]) Къ Витичеву пріурочивали ихъ: Карамзинъ (II, пр. 195), Арцыбашевъ (I. 2. пр. 329), Костомаровъ (Русск. ист. 1. 56), Иловайскій (I. пр 47). На р. Вету указалъ впервые Максимовичъ, и его мнѣніе было принято затѣмъ Погодинымъ (Изслѣд. IV. с. 162), Соловьевымъ (II. пр. 132) и Барсовымъ (Географія с. 144); см. также Похилевича Уѣзды Кіевскій и Радомысл. с. 106.

[3]) См. Географію Барсова с. 143, упомянутую карту Погодина, также Учебный атласъ проф. Замысловскаго, карту № 2.

[4]) Ипат. л. с. 294: сташа же на Витичевѣ у Мирославьскаго села противу собѣ. Какой-то Мирославицъ упоминается въ спискѣ городовъ Воскресенской л. (I. 240), рядомъ съ Вышгородомъ.

[5]) 1 литов.-русск. лѣтопись (изд. Попова с. 40); Новицкій -Указатель къ изд. кіевск. археограф. коммис. т. II. с. 500, 505.

возникновеніе Кіева объясняли существованіемъ этого перевоза—„инии не вѣдуще ркоша, яко Кий есть перевозникъ бысть, у Киева бо перевозъ бяше тогда съ оноя страны Днепра, тѣмъ глаголаху: на перевозъ на Киевъ“ [1]). Мономахъ соединилъ Кіевъ съ Заднѣпровьемъ мостомъ, вѣроятно пловучимъ, разводнымъ; назначенный, конечно, главнымъ образомъ для сообщенія съ Переяславскою волостью Мономаха, онъ находился, вѣроятно, пониже Кіева, гдѣ нибудь у Выдобичей, гдѣ раньше упоминается перевозъ [2]). Позднѣе мы не имѣемъ о немъ извѣстій, опять фигурируетъ „перевозъ Кыевьскій“, и войска подъ Кіевомъ переправляются на насадахъ [3]).

Перейдемъ къ обозрѣнію другихъ населенныхъ пунктовъ Полянской земли. Повыше Кіева, въ 15 верстахъ [4]), на Днѣпрѣ стоялъ знаменитѣйшій изъ пригородовъ Кіевщины *Вышгородъ*,-упоминаемый и у Константина Порфиророднаго, какъ одинъ изъ значительныхъ городовъ [5]). Онъ былъ расположенъ на высокомъ холмѣ, прекрасно укрѣпленъ и служилъ форпостомъ Кіева съ сѣвера; около него обыкновенно переправлялись черезъ Днѣпръ, если шли на Кіевъ со стороны Чернигова или изъ Кіева на Черниговъ, чтобы не переходить Десны [6]). Помимо того онъ былъ замѣчателенъ и религіозной святыней—мощами св. Бориса и Глѣба, патроновъ Руси (заступьника Руськой земли) [7]), въ честь которыхъ была выстроена деревянная, а потомъ и каменная церковь, на мѣстѣ старой—св. Василія, сгорѣвшей отъ пожара. Несторъ въ своемъ „Чтеніи“ величаетъ поэтому Вышгородъ блаженнымъ, честнымъ, святымъ городомъ [8]). Въ окрестностяхъ

---

[1]) Ипат. л. с. 5.

[2]) Ипат. с. 203 (подъ 1115 годомъ). Иловайскій, Ист. Рос. 1 с. 147. Позднѣйшій Ермолаевскій списокъ (Полн. собр. лѣтоп. II. с. 7) и Татищевъ (Россійск. Исторія II. с. 216) помѣщаютъ мостъ у Вышгорода; Максимовичъ (Собр. сочин. II с. 345.) предполагалъ его ниже Вышгорода, по дорогѣ въ Черниговъ, но Мономаху интереснѣе было соединить Кіевъ съ Переяславомъ, чѣмъ съ Черниговомъ.

[3]) Ипат. с. 232, 280.

[4]) Въ „Чтеніи“ о Борисѣ и Глѣбѣ Нестора—въ 15-и стадіяхъ (Чтенія Моск. Общ. Ист и Древн. 1859 г. кн. 1. с. 10).

[5]) De administr. imper. c. IX.

[6]) Напримѣръ Ипат. л. 217, 304, 325 и друг.

[7]) Ипат. с. 96.

[8]) „Чтеніе“ Нестора с. 10, 14, 23—24; Ип. с. 201. Объ остаткахъ древней церкви см. у Похилевича, Уѣзды Кіевскій и Радомысл. с. 5.

Вышгорода, гдѣ-то къ сѣверу отъ него, извѣстна еще безыменная „божница“; нѣкоторые полагаютъ ее на мѣстѣ нынѣшняго Межигорскаго монастыря [1]). На островѣ подъ Вышгородомъ былъ, повидимому, княжескій дворъ: здѣсь жилъ передъ смертью Всеволодъ Ольговичъ [2]).

Къ западу отъ Кіева, въ 20 верстахъ, на правой сторонѣ Ирпеня, на крутомъ берегу, находился другой знаменитый пригородъ-*Бѣлгородъ* (теперь м. Бѣлгородка), служившій кіевскимъ форпостомъ съ запада: сюда шелъ трактъ на Волынь и въ Галичъ, „въ Ляхи и Угры“; городъ былъ также хорошо укрѣпленъ—еще Владиміромъ; черезъ Ирпень былъ перекинутъ подъемный мостъ [3]). Кромѣ того Бѣлгородъ былъ замѣчателенъ, какъ епископская каѳедра; каѳедральная церковь—св. Апостолъ была сначала деревянная; Рюрикъ Ростиславичъ выстроилъ каменную (1197 г.) [4]).

Къ югу отъ Кіева находился *Звенигородъ*, „иже есть городъ малъ у Киева, яко десяти веръсты вдале“, по дорогѣ къ Василькову: городокъ замѣчательный тѣмъ, что въ немъ совершенно было ослѣпленіе Василька; съ большою вѣроятностью онъ пріучивается къ „Сиракову городищу“ у с. Хотова [5]). Къ сосѣднему городищу, тоже типа т. н. великокняжескаго, у Китаевской пустыни, покойный Максимовичъ пріурочивалъ городъ *Пересѣченъ*, мѣстоположеніе котораго не опредѣлено ближе въ источникахъ [6]).

---

[1]) Ипат. л. с 352. Максимовичъ Собр. сочин. II. с. 256.

[2]) Ипат. л. с. 229.

[3]) Ипат. с. 83, 288. О Бѣлгородкѣ см. замѣтку г. Хрущова въ Чтеніяхъ общества Нестора I. с. 262.

[4]) Ипат. с. 225, 473.

[5]) Ипат. с. 170, 300. О мѣстоположеніи его см. статью В. Б. Антоновича въ Чтеніяхъ ист. Общества Нестора кн. I с. 37 (и въ Древностяхъ Москов. Арх. Общ. т. I в. I); его мнѣніе принялъ и г. Иловайскій (Ист. Россіи т. I ч. 2 с. 517). Покойный Максимовичъ пріурочивалъ Звенигородъ къ с. Звонковой, на Ирпени, ниже Бѣлгородки (Собраніе сочин. т. I. с. 320).

[6]) Ипат. л. 325, 350. Объяснит. Записка В. Б. Антоновича и рефератъ его же въ Чтеніяхъ Кіевск. общ. Нестора кн. I с. 256. Въ спискѣ городовъ Воскресенскаго свода Пересѣченъ помѣщенъ между Юрьевымъ и Василевымъ. О немъ см. еще въ Очеркѣ извѣстій о Подольской землѣ г. Молчановскаго (с. 34—35), который, принимая предположеніе Максимовича, сближаетъ китаевскій Пересѣченъ съ Пересѣчномъ 914 г. (Никонов. л. т. I с. 26), городомъ уличей (по мнѣнію г. Молчановскаго—древлянъ). Что до типовъ городищъ, то современная археологія въ общихъ чертахъ установила для нашего края три типа ихъ: доисторическій, періода историческаго—княжескаго (до XV в.) и новѣйшій, при

Еще южнѣе, по р. Стугнѣ, находился цѣлый рядъ городовъ. Между устьями Стугны и Красной, надъ Днѣпромъ, на крутомъ мысу, съ трехъ сторонъ окруженномъ водою, находимъ *Треполь*, довольно значительный, хорошо укрѣпленный городъ; у него находился бродъ черезъ Днѣпръ, четвертый, считая съ сѣвера, изъ извѣстныхъ въ Кіевской землѣ: выше были переправы у Выдобичъ, у Вышгорода и на устьѣ Припети—у „Давидовой боженки“ [1]). Выше Треполя по Стугнѣ находился *Тумащь*; онъ, какъ видно изъ лѣтописнаго разсказа, лежалъ на пути изъ Звенигорода къ Перепетову полю (о которомъ ниже) и какъ будто у самой Стугны; линія, соединяющая Звенигородъ и Тумащь, пересѣкала затѣмъ Ольшаницу, такъ что это поселеніе нужно полагать около теперешняго с. Ханьбикова [2]). Нѣсколько выше Тумаща стоялъ *Василевъ*, теперешній Васильковъ, одинъ изъ важнѣйшихъ кіевскихъ пригородовъ, родина св. Ѳеодосія Печерскаго; городъ получилъ свое имя, вѣроятно, въ честь христіанскаго патрона св. Владиміра, который выстроилъ здѣсь и церковь Преображенія, въ память своего спасенія отъ печенѣговъ; самый го-

норовленный къ условіямъ употребленія огнестрѣльныхъ орудій. Городища перваго типа преимущественно имѣютъ круглую или эллиптическую форму; городища втораго типа расположены обыкновенно на уединенныхъ возвышенностяхъ, естественныхъ или отрѣзанныхъ искуственно, формы укрѣпленій обусловливаются контурами возвышенности и обыкновенно неправильны, при чемъ городище, если позволяютъ условія мѣстности, окружено еще нѣсколькими концентрическими рядами валовъ; новѣйшія городища имѣютъ правильную геометрическую форму. Эти типическія особенности могутъ служить основаніемъ для опредѣленія эпохи сооруженія, хотя иногда первоначальный типъ бываетъ измѣненъ позднѣйшими фортификаціонными сооруженіями. Смотри объ этомъ у г. Самоквасова Древніе города Росіи с. 112 сл. (или рефератъ—Историческое значеніе городищъ, въ Трудахъ III археолог. съѣзда т. I, с. 229 сл., и по поводу его с. XXXIII—XXXV) и рефератъ В. Б. Антоновича—въ Чтеніяхъ Общества Нестора (кн. III с. 14—15); возраженія, сдѣланныя противъ этой классификаціи Д. И. Багалѣемъ (Ист. Сѣверск. з. с. 59 сл.), вызвали въ свою очередь возраженія г. Андріяшева—Ист. Вол. земли. с. 51 сл.

[1]) Ипат. с. 153—4, 409; теперешнее Триполье лежитъ къ югу отъ устья Красной, но древній городъ находился къ сѣверу отъ него, какъ видно изъ лѣтописнаго разсказа подъ 1093 г.

[2]) Ипат. с. 279: „Изяславъ поиде отъ Звенигорода къ Тумащю.... въ утрий же день поиде противу Володимиру.... и перешедъ Стугну и Ольшаницю переиде“. Здѣсь помѣщаетъ Тумащь, впрочемъ гипотетично, и В. Б. Антоновичъ, см. карту къ упомянутой статьѣ его о Звенигородѣ въ „Чтеніяхъ“. Г. Андріевскій (Кіевск. Стар. 1882 IX с. 443) указываетъ на с. Барахты, гдѣ есть „кутокъ Тимошіевка“, но Тумащь былъ къ сѣверу отъ Стугны.

родъ, впрочемъ, могъ существовать и до Владиміра, и послѣдній, можетъ быть, только укрѣпилъ его, какъ и Бѣлгородъ [1]). Въ той же приблизительно полосѣ, далѣе къ западу, находился *Верневъ* или *Черневъ*—на пути отъ Бѣлгорода къ Перепетову полю, къ сѣверу отъ вала [2]). Эти города и городки и, вѣроятно, многіе еще, намъ неизвѣстные, входили въ составъ той оборонительной линіи, которая была создана Владиміромъ: „и рече Володимеръ: се не добро есть, мало городовъ около Кыева, и нача ставити городы по Деснѣ, и по Устрьи, и по Трубешеви, и по Сулѣ, и по Стугнѣ“ [3]); одни города были выстроены вновь, и для заселенія ихъ приведены насельники изъ дальнихъ волостей, другіе, прежде существовавшіе, были теперь укрѣплены. Кромѣ городовъ, эта граница была укрѣплена, по свидѣтельству очевидца—еп. Брунона, длинною и крѣпкою оградою [4]). Въ настоящее время сохранились остатки трехъ валовъ въ этой мѣстности. Первый проходитъ по сѣверному берегу Стугны, потомъ поворачиваетъ на сѣверъ, пересѣкая р. Ирпень и Здвижъ; слѣды его затѣмъ теряются, но можно предположить, что онъ поварачивалъ на сѣверо-востокъ и доходилъ до Днѣпра; около м. Макарова отъ этой линіи отдѣляется вѣтвь, правдоподобно переходившая за Тетеревъ и также направлявшаяся затѣмъ на сѣверо-востокъ. Вторая линія направляется по южному берегу Стугны, у с. Мытницы поварачиваетъ на сѣверъ и соединяется съ первою линіею; тутъ большая вѣтвь идетъ отъ нея на западъ, къ верховьямъ Здвижа. Третья линія идетъ по

---

[1]) Ипат. с. 76, 85—86 и др. Житіе Θеодосія л. 1 обор.: „градъ есть отстоя отъ Кыева, града стольнаго, 50 поприщъ, именемъ Василевъ“; по теперешнему отъ Кіева до Василькова ок. 30 верстъ.

[2]) Ипат. с. 300: Гюрги (отъ Бѣлгорода) иде черес боръ къ Верневу (Черневу) и оттолѣ иде за валъ и ста у Бъзяницѣ (Воскр. 1. 54—Бзяницѣ). Надеждинъ и Неволинъ для Вернева указывали на мѣстечко Черногородку, на Ирпени (Погодинъ, Изслѣд. и пр. IV с. 183), есть еще похожія имена—Чернявка на Унавѣ, Берники на Каменкѣ, къ югу отъ Фастова, но всѣ они лежатъ слишкомъ далеко на западъ, не по дорогѣ—Юрій шелъ прямо на югъ, на Перепетово; валъ, упоминаемый лѣтописью, вѣроятно тотъ, что идетъ отъ с. Мытницы на западъ (о немъ будетъ рѣчь сейчасъ), къ сѣверу отъ него нужно предполагать Черневъ, а непосредственно къ югу-Бъзяницу.

[3]) Ипат. л. с. 83.

[4]) Senior Ruzorum duos dies cum exercitu duxit me ipse usque ad regni sui terminum ultimum, quem propter vagum hostem firmissima ac longissima sepe undique circumclausit. Monum. Poloniae hist. I. p. 224—5.

сѣверному берегу р. Красной и затѣмъ направляется на сѣверо-западъ; вѣроятно, этотъ валъ примыкалъ ко второй линіи [1]). Эта сложная система валовъ сложилась разновременно, по мѣрѣ того, какъ подъ вліяніемъ историческихъ условій расширялась или съуживалась область осѣдлыхъ поселеній; пріурочить отдѣльныя сооруженія къ опредѣленной эпохѣ трудно. В. Б. Антоновичъ, основываясь на показаніяхъ Брунона, полагаетъ, что Владиміру Св. принадлежитъ устройство первой линіи вала, которая проходитъ верстахъ въ 50 отъ Кіева; съ исходомъ же XI в. валы, по его мнѣнію, уже утратили свое стратегическое значеніе [2]).

На Стугнѣ же, недалеко отъ Триполья, находится любопытное урочище—Торчъ съ остатками крѣпости на высокой (ок. 600 ф. надъ уровнемъ Стугны), пирамидальной горѣ, у с. Старыхъ Безрадичъ [3]). Къ этой мѣстности многіе пріурочиваютъ *Торческій*, одинъ изъ значительныхъ городовъ Кіевской земли, населенный торками [4]). Этотъ

---

[1]) О валахъ см. статью „Змієвы валы“ В. Б. Антоновича (въ Кіевской Старинѣ за 1884 г. кн. III), его же археологическую карту кіевской губ. и объяснительную записку къ ней. О постройкѣ городовъ Владиміромъ см. спеціальную статью проф. Бережкова въ Чтеніяхъ Ист. Общ. Нестора кн. II отд. 2 с. 71 сл.

[2]) Змієвы валы, с. 365, 368, 370.

[3]) Описаніе Торча см. въ упоминаемой въ слѣдующемъ примѣчаніи статьѣ г. Ревякина; городище треугольное, окружностью шаговъ въ 120.

[4]) Впервые эта мысль высказана была П. И. Ревякинымъ въ статьѣ „Сближеніе историческихъ показаній съ народною легендою о древнемъ Торческѣ“—Кіевск. Губ. Вѣдом. за 1863 г. №№ 33 и 34, и почти одновременно (хотя не вполнѣ опредѣленно) въ статьѣ, принадлежащей, кажется, г. Похилевичу—тамъ же въ № 28 (ср. Сказанія о насел. мѣстн. Кіевск. г. с. 39—41). Г. Ревякинъ записалъ изъ устъ обывателей преданіе, что на Торческой горѣ, „ще за тіх князьків, що колись-то князювали у Киві, Красному і Трипіллі, тому може с тисячу літ йе“ находился городъ Торчь, который былъ осажденъ ордою; князья пришли на помощь, но пока они „колотились та радились“, орда напала на нихъ и потопила въ Стугнѣ, а Торчь взяла хитростью, проведя своихъ воиновъ въ городъ въ возахъ, наполненныхъ якобы провіантомъ. Преданіе это приведено также въ статьѣ г. Стоянова: „Южнорусская пѣсня о событіи XI в.“ въ Кіевской Старинѣ 1882 г., VII с. 88 слѣд., и затѣмъ, въ переводѣ, у П. В. Голубовскаго Печенѣги etc., с. 237 слѣд. П. В. Голубовскій относится съ довѣріемъ къ этому преданію, но близость къ лѣтописному разсказу, доходящая до мелочей, дѣлаетъ его чрезвычайно подозрительнымъ; хотя разсказчики и ссылаются на своихъ дѣдовъ, онъ, вѣроятно, книжнаго происхожденія и только принялъ нѣкоторыя сказочныя подробности (о воинахъ, провезенныхъ въ возахъ, о церкви, скрывшейся подъ землею); такое мнѣніе высказалъ о немъ Н. И. Костомаровъ (см. замѣтку его въ Кіевской Старинѣ 1882 кн. VIII. с. 362 сл.). Мнѣніе П. И. Ревякина, что

крѣпкій городъ былъ взятъ половцами и разрушенъ въ 1093 г., затѣмъ имя его исчезаетъ изъ исторіи и появляется снова только во второй половинѣ XII в. (съ 1161 г.); онъ играетъ въ это время видную роль, является по временамъ какъ бы центромъ Поросья, а въ XIII в., при Мстиславѣ Мстиславичѣ, къ нему какъ будто тянуло даже цѣлое Понизье [1]). Другіе ученые держатся стараго мнѣнія, высказаннаго первоначально Карамзинымъ, что Торческъ находился на мѣстѣ с. Торчицы на р. Торчи, Таращанскаго уѣзда [2]), или полагаютъ, что Торческовъ въ Кіевской землѣ было нѣсколько [3]). Мнѣ кажется, нѣтъ серьезныхъ препятствій къ тому, чтобы отождествлять Торческъ XI в. съ Торческомъ XII в., но этотъ Торческъ, по моему мнѣнію, также трудно пріурочить къ Старымъ Безрадичамъ, какъ и къ с. Торчицѣ; мнѣ кажется, что этотъ Торческъ находился гдѣ нибудь къ юго-западу отъ Старыхъ Безрадичъ, въ центрѣ Поросья [4]). Что же касается урочища Торчъ, то можетъ быть, здѣсь были поселены остатки тор-

---

лѣтописный Торческъ находился у Старыхъ Безрадичъ, принято было затѣмъ В. Б. Антоновичемъ (Чтенія ист. общ. Нестора I. с. 40), П. В. Голубовскимъ (Печенѣги etc. с. 139), Костомаровымъ—въ упомянутой выше замѣткѣ (с. 367—8), Андріевскимъ (въ Кіевской Старинѣ за 1883 г. IX. с. 5)—для Торческа 1093 г. только.

[1]) Ипат. л. с. 152, 154, 157, 353, 365, 501, 511. Лавр. л. с. 240 (Поученіе Мономаха); ср. Голубовскій—Печенѣги etc. с. 139.

[2]) Исторія Госуд. Росс. II пр. 165; это мнѣніе принимали: Соловьевъ (II пр. 99), Погодинъ (Изслѣд. IV. с. 153), Барсовъ (Географія с. 139, кромѣ того онъ указываетъ еще на городище у м. Стеблева—Каневск. у.), въ своихъ „Матеріалахъ для географич. словаря“ (с. 200) склонявшійся въ пользу Безрадичъ, и другіе; не такъ давно его подробно защищалъ П. Г. Лебединцевъ въ Обществѣ Нестора (см. Чтенія кн. II с. 46 сл.). Татищевъ предполагалъ Торческъ на Роси, „можетъ гдѣ нынѣ Корсунь и Бѣлая Церковь, понеже Торки въ тѣхъ мѣстахъ жили“ (Ист. Росс. II. с. 444). Упомяну еще, что на картѣ, приложенной къ Исторіи Галичско—Володим. Руси проф. Шараневича, Торческъ помѣщенъ вблизи Буга, выше устья Десны.

[3]) См. Погодина Изслѣд. IV. с. 189—190, Иловайскаго Исторію Россіи I. 2. 517, также Чтенія въ Общ. Нестора кн. II с. 48; возраженія противъ этого у Погодина же (Надеждина и Неволина) и Соловьева т. II пр. 293.

[4]) Къ такому же заключенію пришелъ и г. Иловайскій (Ист. Россіи I. с.), Молчановскій (Очеркъ извѣст. о Подольской зем. с. 67) и Андріевскій (С. Кт. 1883. IX. с. 11)—послѣдній относительно Торческа XII в., который онъ отличаетъ отъ Торческа 1093 г. и пріурочиваетъ къ м. Кагарлыку на Рассавѣ. Противъ Старыхъ Безрадичъ можно выставить такія возраженія: невѣроятно, чтобы торки, населявшіе Торческъ, были поселены такъ далеко отъ рубежа, которымъ тогда была Рось; довольно не вѣроятно, чтобы къ Без-

ковъ послѣ разрушенія поросской границы въ 1093—1096 г., какъ жители Юрьева были переведены къ Витичеву. Впослѣдствіи этотъ городокъ могъ сохранить свое имя [1]).

За Стугною находимъ города: *Краснъ*, теперь с. Красное на р. Красной [2]); за устьемъ р. Красной, на возвышенномъ полуостровѣ надъ Днѣпромъ—*Халѣпъ*, теперь с. Халепье [3]), и *Витечевъ* (теперь Вытачевъ), крѣпкій замокъ съ замѣчательною пристанью, извѣстною еще Константину Порфирородному; тутъ же находился и бродъ черезъ Днѣпръ [4]). На холмѣ у Витечева при Святополкѣ Ми-

---

радичамъ тянуло Поросье; нѣкоторыя мѣста, гдѣ говорится о Торческѣ (какъ Ип. с. 455), не могутъ быть отнесены къ Безрадичамъ, да и описаніе войны 1093 г., мнѣ кажется, противъ нихъ. Самое естественное объясненіе этого похода князей—что они пошли на выручку Торческа; русская рать идетъ берегомъ Днѣпра къ Треполю, придя къ Стугнѣ, долго колеблется: очевидно, половцы были за Стугной; наконецъ она переходитъ ее, идетъ въ юго-западномъ направленіи (минувше Треполь, преидоша валъ) и становится тыломъ къ Стугнѣ, „и се Половцы идяху противу"; судя по фронту русской рати, половцы шли, вѣроятнѣе всего, съ юго-запада, въ томъ же направленіи нужно предположить и Торческъ, иначе трудно себѣ объяснить, какъ попали половцы за Стугну и зачѣмъ русскіе перешли рѣку (иначе объясняетъ это движеніе П. В. Голубовскій—Печенѣги etc. с. 139—140). Если пріурочить Торческъ къ Торчицѣ, то очень странно движеніе русскихъ берегомъ Днѣпра въ этомъ походѣ. Торческъ былъ, очевидно, не далеко отъ Кіева: половцы шныряютъ то къ Треполю и Кіеву, то назадъ, а отъ Торчицы до Кіева болѣе 100 верстъ (на это обратилъ вниманіе уже П. И. Ревякинъ). Разсказъ лѣтописи подъ 1193 г., на который преимущественно указываетъ П. Г. Лебединцевъ (Чтенія II. с. 47) ничего не говоритъ въ защиту именно Торчицы, хотя не подходитъ къ Безрадичамъ; Торческъ по этому разсказу могъ находиться и внутри Поросья; любопытно, что въ этомъ же разсказѣ: „Половци же ѣхаша по нихъ (полкахъ Ростиславлихъ) до Руси, Ростиславъ же приѣха въ Торчьскій" (Ипат. с. 456)—Густин. лѣтоп. (с. 324) читаетъ „до Роси"; если это истинное чтеніе (ср. Порусье вм. Поросье въ Погодинскомъ и Хлѣбниковскомъ спискахъ—Ипат. с. 230, 329 (2 раза), 365—въ разночтеніяхъ) то, несомнѣнно, Торческъ находился къ сѣверу отъ Роси. Если предположить Торческъ недалеко къ юго-зап. отъ Триполья, то выиграетъ въ пониманіи и мѣсто Ипат. с. 389. „тѣмъ же путемъ идуче (изъ-подъ Торческа въ Кіевъ) .... выгнаша Мьстислава ис Трѣполя".

[1]) Къ нему очень подходитъ Ипат. с. 515; это мѣсто можно впрочемъ отнести и къ предполагаемому мѣстоположенію Торческа внутри Поросья, но очень трудно къ Торчицѣ (см. еще объ этомъ мѣстѣ у г. Молчановскаго Очеркъ извѣст. о Подольск. з. l. c.).

[2]) Ипат. с. 215, Лавр. с. 240 (Поученіе Мономаха). По сосѣдству съ Краснымъ П. В. Голубовскій (Печенѣги с. 140) помѣщаетъ и Варинъ (Лавр. l. c.) и указываетъ на село Веремье, но былъ ли Варинъ на кіевской или переяславской сторонѣ Днѣпра, нельзя съ увѣренностью сказать.

[3]) Лавр. 240, 288.

[4]) De administr. imperio c. IX; Ипат. 265, 293.

хаилѣ былъ выстроенъ городъ, населенный жителями Юрьева и „засаковцами“, и названный *Святополчемъ* въ честь строителя; сюда на время была перенесена и юрьевская каѳедра, до возобновленія Юрьева (въ 1103 г.) [1]); теперь указываютъ на сосѣднее село Стайки, южная часть котораго доселѣ носитъ названіе Гуриновки: это можетъ быть отголоскомъ воспоминанія о юрьевскихъ переселенцахъ [2]). Вѣроятно, этотъ же городъ упоминается подъ 1223 г., подъ именемъ „*Новагорода Святополчьскаго*“ [3]).

Далѣе къ югу отъ теченія Стугны и Красной начинается обширное степное Поросье, занимавшее бассейнъ Роси; я упоминалъ уже о судьбѣ его: эта исконная область полянскаго племени запустѣла въ періодъ печенѣжскихъ набѣговъ и только при Ярославѣ начала поправляться: Ярославъ „поча ставити города по Росі“ и селить здѣсь колонистовъ—плѣнныхъ ляховъ, также, вѣроятно, насельниковъ изъ сѣверныхъ волостей [4]). Какіе именно города были построены имъ, какіе возобновлены, какіе явились позднѣе, мы не можемъ опредѣлить. Кромѣ городовъ, Поросье, какъ и область Стугны, было защищено еще валами: валъ тянется по сѣверному берегу Роси, затѣмъ поварачиваетъ на сѣверо-западъ, мимо Раставицы, и у верховьевъ Здвижа онъ примыкалъ, вѣроятно, къ сѣверной системѣ валовъ; другой валъ, начавшись неподалеку отъ Бѣлой Церкви, проходитъ южнѣе, поварачиваетъ потомъ на сѣверъ и также примыкаетъ (у с. Ходоркова) къ той же линіи сѣверныхъ валовъ. Верховья Роси и Раставицы (на послѣдней упоминаются города уже во второй половинѣ XI в.) остаются внѣ этихъ укрѣпленій, но существовали и далѣе на югъ линіи валовъ, остатки которыхъ извѣстны, напримѣръ, у г.

---

1) Ипат. с. 160.

2) См. Похилевича—Сказанія с. 47, Андріевскаго—Лѣтописный Юрьевъ, Кіевская Стар. 1883. IX. с. 7.

3) Ипат. с. 497, Лавр. 482; см. Карамзинъ III пр. 305, Погодинъ—Изслѣдованія IV. с. 202; г. Багалѣй предпочитаетъ чтеніе Никоновск. л. (II с. 93)—Новограда Сѣверскаго (Исторія Сѣверской з. с. 262).

4) Ипат. с. 105.

Таращи, къ югу отъ Корсуня [1]). Въ послѣдующемъ заселеніи и обезпеченіи Поросья видную роль игралъ тюркскій элементъ. Преемники Ярослава поселили на Поросьѣ орды торковъ и другихъ кочевниковъ; по извѣстію Татищевскаго свода, во время удачнаго похода въ степь 1060 г. князья захватили много плѣнныхъ и разселили ихъ по городамъ [2]); дѣйствительно уже въ 80-хъ годахъ XI вѣка мы находимъ извѣстіе о Торческѣ, городъ торковъ [3]). Половецкія нападенія въ девяностыхъ годахъ XI в., разрушеніе городовъ Торческа (1093 г.) и Юрьева (1095) снова ослабили Поросье, такъ что князья выводили жителей на Стугну, къ Витичеву, какъ упомянуто выше [4]). Но побѣды надъ половцами въ началѣ XII в. снова поправили дѣло; уже въ походъ 1103 г. князья „заяша Печенѣги и Торкы съ вежами" и, конечно, разселили ихъ по границѣ: такъ поселенія торковъ затѣмъ упоминаются у Заруба; въ связи съ этимъ стоитъ и возстановленіе Юрьева. Такіе же выводы колонистовъ могли повторяться и при послѣдующихъ походахъ; въ 1116 г. на Русь выселилось много торковъ и берендѣевъ, вслѣдствіе неудачной борьбы съ половцами [5]). То обстоятельство, что, начиная съ 1146 г., лѣтописецъ иногда прилагаетъ къ половцамъ степнымъ эпитетъ „дикихъ" [6]), наводитъ на мысль, что можетъ быть, около того времени на Поросьи поселилась также и часть половцевъ, которые оставили, быть можетъ, слѣдъ своего пребыванія въ нынѣшнихъ названіяхъ селъ Большаго и Малаго Половецкаго и Кумановки [7]). Эти разноплеменные жители Поросья: печенѣги, торки, берендичи, коуи, каепичи объединяются въ лѣтописи обыкновенно подъ общимъ именемъ черныхъ клобуковъ [8]) и включаются въ политическое понятіе Руси, хотя, конечно, противопола-

---

[1]) См. Зміевы валы (с. 356) и Объяснит. записку В. Б. Антоновича.

[2]) Татищевъ Ист. Росс. II. с. 116.

[3]) Лавр. 240 (Поученіе Мономаха; описываемые имъ походы произошли до 1086 г.— смерти Ярополка Изяславича; Погодинъ помѣщаетъ ихъ подъ 1085 г. (Изслѣд. V. с. 148).

[4]) Ипат. л. с. 157, 159, 160.

[5]) Ипат. с. 184—185, 186, 204.

[6]) Ипат. с. 228, 238 и др.

[7]) Васильковскаго и Бердичевскаго уѣздовъ.

[8]) Объ этомъ см. у Погодина Изслѣдованія т. V с. 194—196, у П. В. Голубовскаго— Печенѣги и пр. с. 149.

гаются Руси этнографической [1]). Населеніе это и на новыхъ обиталищахъ сохранило кочевой, пастушескій образъ жизни, языческую религію, о чемъ свидѣтельствуетъ эпитетъ „поганыхъ", прилагаемый къ нимъ, и привычки степной жизни; оно кочевало по тучнымъ пастбищамъ Поросья со своими вежами и стадами, имѣло свои городки, но они служили, вѣроятно, главнымъ образомъ на случай непріятельскихъ нападеній [2]). На ряду съ этими тюркскими насельниками продолжало существовать по прежнему населеніе славянское, которое по преимуществу занимало города [3]), для котораго продолжала существовать отдѣльная юрьевская епархія; очевидно, оно было довольно многочисленно и въ лѣтописи по временамъ ясно противополагается тюркскому населенію подъ именемъ поршанъ [4]), хотя въ другихъ случаяхъ термины Поросье, поршане обнимаютъ собою всѣхъ обитателей Поросья, безъ различія племени. Эти разноплеменные сожители уживались мирно между собою—по крайней мѣрѣ у насъ нѣтъ свидѣтельствъ въ противоположномъ смыслѣ [5]).

Перейдемъ теперъ къ обозрѣнію отдѣльныхъ мѣстностей Поросья. Въ центрѣ его находилось знаменитое Перепетовское поле—обширная возвышенная равнина, разстилающаяся по верховьямъ Рута и Ольшаницы (теперь т. н. Билоцерковській степъ) и получившая имя отъ „Перепетовыхъ"—двухъ громадныхъ кургановъ, именуемыхъ теперь Перепетомъ и Перепетыхою. Перепетовское поле лежало на пути изъ Кіева въ Галичъ и потому нѣсколько разъ упоминается въ лѣтописи; тутъ произошла и знаменитая рѣшительная битва Изяслава Мсти-

---

[1]) См. Ипат. с. 391: Кыяны, и Берендѣичи, и Поросье, и вься Руская земля. Берендичи противополагаются Руси напр. въ Ипат. с. 414, 420—421.

[2]) См. особенно Ипат. с. 295—296.

[3]) См. напр. Ипат. с. 344—„Берендичи и Гюргевци"; очевидно, Юрьевъ былъ населенъ славянами.

[4]) См. Ипат. напр. с. 230: „вси Клобуци и Поршане", но на с. 267 слово „Поршане" обозначаетъ и черныхъ клобуковъ, которые участвовали тоже въ походѣ; см. также с. 230 „Чернии Клобуци и все Поросье". Ср. у П. В. Голубовскаго, Печенѣги etc. с. 146 сл., также у Молчановскаго Очеркъ изв. о Подольской з. с. 64; довольно вѣроятно предположеніе послѣдняго (с. 91—2), что черноклобуцкія поселенія не ограничивались Поросьемъ, но простирались и далѣе на западъ, въ область средняго и верхняго Буга, хотя въ лѣтописяхъ и нѣтъ указаній на это.

[5]) Если не считать глухого извѣстія лѣтописи объ изгнаніи Мономахомъ берендичей изъ Руси (Ипат. с. 205).

славича съ Юріемъ въ 1151 г. [1]). Гдѣ-то у Перепетова поля находилось урочище или поселеніе *Бъзяница*, упоминаемое при описаніи этой битвы [2]), по сосѣдству же Перепетова можно предполагать и г. *Дерновый* 1146 г. [3]). Внутри Поросья предполагаются еще: *Святославль*, упоминаемый въ концѣ XI в. вмѣстѣ съ Торческомъ и Юрьевымъ [4]), также *Михайловъ*, разрушенный въ 1172 г.; изъ многочисленныхъ кіевскихъ поселеній этого послѣдняго имени наиболѣе подходитъ къ обстоятельствамъ с. Михайловка у р. Субодя, притока Каменки, но это село не имѣетъ слѣдовъ города, а объ укрѣпленіяхъ Михайлова говоритъ сама лѣтопись [5]).

Въ побережьи Днѣпра, носившемъ издавна имя Бѣлобережья [6]),

---

[1]) О немъ специальная статья г. Андріевскаго въ Кіевской Старинѣ за 1882 кн. IX. Перепетъ находится у с. Марьяновки, а Перепетиха у с. Фастовца; о нихъ см. Ипат. л. с. 301.

[2]) Ипат. с. 360; г. Андріевскій (ор. с. с. 440) указываетъ на рѣчку Узинъ съ Узкою, текущую въ Рось ниже Рота, и сближаетъ ихъ имена съ Вьзяницею, Узяницею, какъ онъ читаетъ Бъзяницу; но не совсѣмъ вѣроятно, чтобы тогда Юрій уклонился такъ на востокъ.

[3]) Ипат. л. с. 230. Погодинъ помѣщалъ его между Зарубомъ и Витичевымъ—Изслѣдов. IV. с. 170. Другое мнѣніе о мѣстоположеніи Дерноваго указано ниже.

[4]) Лавр. с. 240 (Поученіе Мономаха): „и потомь на Святославль гонихомъ по Половцихъ, и потомь на Торческый городъ, и потомь на Гюргевъ по Половцихъ“. Г. Андріевскій (Кіев. Стар. 1882. IX. с. 5) замѣчаетъ о Святославлѣ: „не есть ли это Nebenname Богуславля?“

[5]) Ипат. с. 376, ср. также с. 359; см. еще у г. Андріевскаго Перепетовское поле с. 449, 453. На картѣ проф. Шараневича Михайловъ помѣщенъ на Бугѣ, ниже Винницы, гдѣ есть теперь с. Михайловка. На Поросьи г. Андріевскій полагаетъ еще Рогачевъ и Городечь 1142 г. (Ип. с. 223); первый онъ пріурочиваетъ къ с. Рогачамъ Сквирск. у., а второй отождествляетъ съ Торческомъ—Кагарлыкомъ (Кіевск. Стар. 1883. IX. 10—11).

[6]) Въ древнѣйшихъ извѣстіяхъ имя Бѣлобережья прилагается къ низовью Днѣпра— это то Бѣлобережье, которое упоминается въ договорѣ Игоря съ Греками (да не имѣють Русь власти зимовати въ устьи Днепра, Бѣлобережа, ни у святаго Елеуфѣрья) и въ разсказѣ о смерти Святослава (Ипат. с. 32 и 48). Но данныя позднѣйшія (XVI в.) свидѣтельствуютъ, что это имя прилагалось и къ мѣстностямъ средняго теченія Днѣпра; такъ въ недавно изданной грамотѣ Евстафія Дашковича (Архивъ Юго-Зап. Россіи ч. VII т. II. с. 11) читаемъ: которые входы даны в Белобереже.... тымъ входомъ знамя на нихъ идучи по Ердань да по Мачилу, а на верхъ идучы по Быстрицу; Ердань—это Ирдынь, въ Черкасскомъ у., а Быстрица—вѣроятно р. Быстра, притокъ р. Леглича, текущаго около Ржищева,—на ней стоитъ дер. Березовка (см. Słownik geograf. król. Polskiego I. 507, Похилевичъ.—Уѣзды Кіевскій и Радомысл. с. 152); какъ видно изъ словъ самого документа, Бѣлобережье этими предѣлами не ограничивалось. Далѣе въ описаніи Черкасскаго замка 1552 г. (Архивъ Юго-Зап. Росіи ч. VII т. I с. 86) въ числѣ „уходовъ“ упомянутъ: „уходъ

остановимся прежде всего около теперешняго Ржищева: здѣсь понынѣ существуетъ гора Иванъ, и на ея мѣстѣ предполагаютъ древній городъ *Иванъ*, упоминаемый въ половинѣ XII в. [1]). Еще ниже, на возвышенномъ полуостровѣ находился *Зарубъ*—у нынѣшняго с. Зарубинецъ. Около Заруба былъ монастырь Пречистой, изъ котораго вышелъ знаменитый Климентъ Смолятичъ [2]): между нынѣшними Зарубинцами и с. Монастыркомъ сохранилось доселѣ городище княжеской эпохи, съ остатками каменной церкви или монастыря и пещерами отшельниковъ [3]). Тутъ же находился и важный бродъ черезъ Днѣпръ; южнѣе его были еще: бродъ „на Татинци" и Инжирь бродъ, но мѣстоположеніе ихъ неизвѣстно [4]). Неподалеку отъ Заруба же находился гдѣ-то „Варяжьскій островъ" [5]). Далѣе къ югу, „на устьи Рси", стояла нѣкогда знаменитая Родня [6]). Промелькнувъ въ разсказѣ о борьбѣ Владиміра съ Ярополкомъ, этотъ городъ затѣмъ совершенно исчезаетъ изъ нашихъ источниковъ. Около устья Роси нѣсколько выше с. Пекарей существуетъ урочище Княжа гора, со слѣдами древняго,

---

на Днепрежъ на 7 миль по реце 3 станы у Белобережьи а на устьи Сулы, а въ Пивовъ"; семь миль по Днѣпру отъ Черкасъ (конечно, внизъ по теченію)—это выйдетъ нѣсколько повыше устья Сулы; тамъ же помѣщаетъ Бѣлобережье и Ляссота (см. Мемуары относ. къ ист. Южной Руси I. с. 162). Если сопоставить съ этими извѣстіями еще списокъ городовъ Воскрес. лѣт. (I. с. 241—среди „градовъ Литовскихъ"), гдѣ Бѣлобережье помѣщено между Ржищевымъ и Самарою, то придется заключить, что имя Бѣлобережья прилагалось изстари къ побережью Днѣпра на протяженіи отъ устья и почти до Стугны. О Бѣлобережьи см. Монографіи В. Б. Антоновича (I. с. 127), Замѣтки по ист. Литов-русск. госуд. Н. П. Дашкевича (с. 80), Барсовъ—Географія нач. лѣт. с. 22. Отъ этого днѣпровскаго Бѣлобережья нужно отличать Бѣлобережье на западной окраинѣ Кіевщины, о которомъ рѣчь будетъ ниже.

[1]) Ипат. л. с. 295. Максимовичъ—Собраніе сочиненій II с. 346, Голубовскій Печенѣги и пр. с. 143; городище на Иванъ—горѣ четыреугольное (Похилевичъ Уѣзды Кіевскій и Радомысл. с. 140).

[2]) Ипат. с. 241; въ Ермолаевскомъ спискѣ (Полн. собр. лѣтоп. II. с. 29) прибавлено: „изъ Заруба, гдѣ теперь монастырь Терехтемѣрскій".

[3]) См. замѣтку г. Бѣляшевскаго „Церковище у деревни Монастырекъ" и дополненія къ ней о. П. Лебединцева въ Кіевск. Стар. 1889 г. кн. I с. 210 сл., Сказанія Похилевича с. 594 (о пещерѣ со слѣдами церкви) и Свѣдѣнія и замѣтки о малоизв. и неизв. памятн. Срезневскаго, т. I, статьи VII и XIII.

[4]) Ипат. с. 161, 230, 294; 426, 439.

[5]) Воскрес. л. т. I. с. 130 (подъ 1223 г.): придоша къ рѣцѣ Днѣпру, на Зарубъ ко острову Варяжьскому.

[6]) Ипат. с. 51.

богатаго города и къ этому урочищу съ увѣренностью можно пріурочить г. Родню. Многочисленные предметы христіанскаго почитанія, находимые здѣсь, доказываютъ однако, что городъ существовалъ здѣсь и позже X в., въ христіанскую эпоху [1]. Проф. В. Б. Антоновичъ высказалъ предположеніе, что на этомъ мѣстѣ стоялъ въ древности *Каневъ* (теперь отстоящій верстъ на семь отъ устья Роси), замѣстившій собою древнюю Родню [2]. Въ Патерикѣ Каневъ упоминается при разсказѣ о событіяхъ XI в., въ лѣтописи же является впервые подъ 1144 г., по случаю закладки въ немъ церкви св. Георгія Всеволодомъ Ольговичемъ: самый городъ, очевидно, существовалъ и раньше [3]. Съ половины XII в. Каневъ начинаетъ играть видную роль на Поросьи— иногда является какъ бы центромъ его, подобно Торческу; епископы юрьевскіе носятъ также титулъ каневскихъ [4]. Онъ служитъ въ это время какъ бы сторожевымъ пунктомъ относительно степи, разстилающейся далѣе къ югу: сюда выходили встрѣчать купеческіе караваны и оберегать ихъ отъ нападеній, „стеречи земли" отъ набѣговъ, тутъ же происходятъ „снемы" съ половцами [5].

По теченію Роси существовало, несомнѣнно, много городовъ, гораздо больше, чѣмъ мы знаемъ и можемъ опредѣлить. Идя съ востока, вверхъ по теченію, прежде всего мы должны остановиться у поворота, который дѣлаетъ Рось, мѣняя сѣверное направленіе на восточное: здѣсь, въ окрестностяхъ нынѣшняго мѣстечка Межиричъ, находился городъ *Товаровъ*, упоминаемый подъ 1190 г. [6]. Выше, на

---

[1]) См. статью Н. Ѳ. Бѣляшевскаго „Княжа гора"—въ Кіевск. Старинѣ 1890, кн. XII, с. 494 сл.; Похилевичъ Сказанія с. 637.

[2]) Объяснительная записка В. Б. Антоновича.

[3]) Патерикъ с. 121; Ипат. с. 227.

[4]) Ипат. с. 268: посади (Юрій)... Глѣба в Кановѣ, ср. 329: Василкови да Поросье; о епископѣ см. с. 327.

[5]) Напр. Ипат. с. 361, 370, 452, 453; 330, 331, 337, 454.

[6]) Ипат. с. 453. Мѣстонахожденіе Товарова совершенно ясно опредѣляется изъ описанія Каневскаго замка 1552 г.; здѣсь въ числѣ „уходовъ на Рси" помѣщено и „селище Товарово 2 мили отъ замъку" (Архивъ Юго-Зап. Россіи, ч. VII т. I с. 100). Отъ г. Канева двѣ мили будетъ по прямой линій до м. Межиричъ; конечно, не слѣдуетъ принимать это разстояніе за совершенно точное. Въ той мѣстности есть нѣсколько четыреугольныхъ городищъ около устья Рассавы, затѣмъ овальное городище у с. Бабичъ (Объяснит. записка В. Б. Антоновича. см. также Похилевича Сказанія с. 636). Изъ лѣтописнаго упоминанія о Товаровѣ выходитъ, что онъ стоялъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Роси (Половци же бѣжачи отъ города обломишася на Ръси). Раньше указывали на с. Саварку на Роси

мѣстѣ нынѣшняго села Деренковца, на правомъ берегу Роси, помѣщаютъ нѣкоторые ученые городъ „*Дверенъ* на Роси“, тоже конца XII в. (1192 г.), отождествляя его съ г. Дерновымъ, гдѣ соединился Изяславъ съ черными клобуками, когда шелъ изъ Переяславля на Кіевъ [1]); это послѣднее обстоятельство не вполнѣ согласуется съ такимъ пріуроченіемъ—Деренковецъ лежитъ слишкомъ далеко на югъ; да и сходство именъ Дверня и Дерноваго [2]) довольно отдаленное. Выше по рѣкѣ находимъ *Корсунь*, въ излучинѣ, которую образуетъ къ югу р. Рось, на лѣвомъ берегу ея; еще выше—*Богуславль*; гдѣ-то въ этой же мѣстности, въ излучинѣ Роси, находился, вѣроятно, и городокъ *Кульдеюревъ* [3]); всѣ эти три города фигурируютъ въ извѣстіяхъ послѣдней четверти XII в. Далѣе, въ сосѣдствѣ р. Роси и Рута лежалъ *Юрьевъ*—епископская каѳедра, важный городъ, мѣстоположеніе котораго доселѣ не можетъ быть опредѣлено съ точностью, несмотря на многократныя упоминанія лѣтописи: одни помѣщаютъ его на правомъ берегу, другіе на лѣвомъ, пріурочиваютъ къ различнымъ пунктамъ, или вовсе воздерживаются отъ ближайшаго опредѣленія [4]). По аналогіи съ другими, извѣстными намъ городами по Роси, которые всѣ стоятъ на лѣвомъ берегу ея, слѣдуетъ думать, что и Юрьевъ стоялъ къ сѣверу отъ

(Васильковскаго у.) и Таборовъ на Растовицѣ см. Печенѣги etc. П. В. Голубовскаго с. 144.

[1]) Ипат. л. с. 230, 453. Мнѣніе это было высказано Максимовичемъ (Собр. сочин. II. с. 347 и 351) и принято П. В. Голубовскимъ (Печенѣги с. 143).

[2]) Пишется еще „къ Дрьновому“—Хлѣбниковскій сп. въ Пол. собр. лѣт. II. с. 23, а Карамзинъ (II пр. 290) читалъ: „къ Дрьковому“.

[3]) Ипат. л. с. 379, 452, 459. Погодинъ помѣщалъ Кульдеюревъ около Кіева (Изслѣдов. IV. с. 195), Барсовъ (Географія с. 139)—къ югу отъ Роси; мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ, что онъ былъ гдѣ-то неподалеку отъ Канева.

[4]) Карамзинъ (II пр. 171), Погодинъ (Изслѣд. IV. с. 153), Соловьевъ (II. с. 66) не опредѣляютъ ближайшимъ образомъ мѣстоположенія Юрьева; Надеждинъ и Неволинъ (у Погодина) полагали его на правой сторонѣ Роси, другіе изслѣдователи—на лѣвомъ; текстъ, на которомъ основывается это опредѣленіе (подъ 1095 г.) читается неодинаково, въ Лавр. спискѣ: придоша Половци к Гургеву и стояша около его лѣто все и мало не взяша его, Святополкъ же омири я; Половци же не идоша за Рось, Гургевци же выбѣгоша и идоша Кыеву (Лавр. 221 прим. в.); во всѣхъ спискахъ Ипатской (с. 159), въ Академическ. и Радзивиловск. Лаврентьевской, въ Никоновской (I. с. 124) и Воскресенской (I. с. 8)—„придоша за Рось“; такъ читалъ и Татищевъ (II. с. 157); Карамзинъ, Соловьевъ принимаютъ первое чтеніе, и тогда дѣйствительно выходитъ, что Юрьевъ стоялъ на лѣвомъ берегу (см. у Андріевскаго—Кіев. Стар. 1883. IX с. 2.), но второе чтеніе, пожалуй болѣе

нея, а изъ сопоставленія лѣтописныхъ данныхъ видно, что онъ былъ, какъ упомянуто, въ близкомъ сосѣдствѣ Роси и Рута, гдѣ—нибудь около слiянія ихъ [1]). Весьма вѣроятно мнѣніе В. Б. Антоновича, что Юрьевъ стоялъ на мѣстѣ древняго городища велико-княжескаго типа на Роси, въ трехъ верстахъ выше нынѣшней Бѣлой Церкви [2]). Выше Юрьева по Роси лежалъ *Володаревъ*, теперь с. Володарка—на лѣвомъ берегу рѣки; черезъ этотъ городъ пролегалъ путь въ Галичъ, который далѣе шелъ черезъ Перепетово поле на Василевъ и Кіевъ [3]); у этого же пути, къ западу отъ Володарева, находился *Мунаревъ*, мѣстоположеніе котораго неизвѣстно [4]).

Цѣлый рядъ городковъ находился по р. Раставицѣ; намъ извѣстенъ здѣсь г. *Раставецъ* или Ростовецъ, упоминаемый въ XI и XII

авторитетное, вовсе не опредѣляетъ положенія Юрьева. Изъ попытокъ точнѣе опредѣлить мѣстоположеніе Юрьева упомянемъ нѣсколько: Похилевичъ (Сказанія с. 489) пріурочиваетъ его къ Бѣлой Церкви; Барсовъ (Географія с. 138 и 298—въ Словарѣ с. 219 онъ воздержался отъ ближайшаго опредѣленія) указываетъ на Большіе и Малые Ерчики къ югу отъ р. Раставицы, недалеко отъ г. Сквиры (противъ этого см. возраженія у г. Андріевскаго Кіев. Стар. 1883 г. IX с. 24 сл.); П. В. Голубовскій, основываясь на текстѣ лѣтописи подъ 1162 г.: „придоша Половци мнози къ Гюргеву (въ Воскр. I. с. 76 примѣч. 3—къ Кіеву) и взяша вежи многи по Роту.... и постигоша я на Роси", полагаетъ Юрьевъ на Рутѣ и указываетъ на крѣпкое городище у с. Соколова (Печенѣги etc. 141—142). Г. Андріевскій въ спеціальной статьѣ „Лѣтописный Юрьевъ на Роси" (въ Кіевск. Стар. 1883. IX) указываетъ на городище Райгородъ на р. Гороховаткѣ, правомъ притокѣ Роси, у с. Ольшаницы, о которомъ у жителей сохранилось преданіе, что на мѣстѣ его былъ большой городъ со многими церквями, со своими князьями (Похилевича Сказанія с. 524); при этомъ имя Райгорода г. Андріевскій объясняетъ изъ „Урай (Юрій) городъ", слѣды того же имени видитъ и въ имени р. Гороховатки (с. 26 слѣд.); противъ такого мѣстоположенія говоритъ, мнѣ кажется, Ип. с. 344: „Половцѣ же бѣжаша отъ Бѣлагорода на Гюргевъ и много ихъ изоимаша Берендичи и Гюргевци, а оно ихъ во Рси истопе"—конечно, половцы бѣжали по кратчайшему разстоянію на югъ, не сварачивая на западъ—къ Райгороду.

[1]) Смотри особенно мѣста изъ Ипатской лѣтописи, приведенныя въ предыдущемъ примѣчаніи (с. 344 и 356).

[2]) Объяснительная записка къ археол. картѣ Кіев. губ.; въ этомъ городищѣ въ 1877 г. была найдена золоченная бронзовая панагія съ изображеніемъ св. Георгія.

[3]) Ипат. с. 278. Погодинъ IV. 176. Барсовъ—Словарь с. 38. О пути въ Галичъ см. у Погодина IV. с. 176—177.

[4]) Ипат. с. 278, 343, 346. Н. П. Дашкевичъ указываетъ на м. Мушуровъ въ Уманскомъ у. (Болоховская земля—въ Трудахъ III археологич. съѣзда т. II с. 75); Надеждинъ и Неволинъ (Погодинъ IV. с. 188) справедливо замѣчаютъ, что Мунаревъ находился гдѣто около Ярополча (см. Ипат. с. 346), слѣдовательно сѣвернѣе; Карамзинъ (II пр. 388) предполагалъ Мунаревъ ок. Кіева.

в.—теперешнее мѣстечко Бѣлиловка, до начала XVIII в. сохранявшее свое древнее названіе [1]); къ с. Ягнятину съ вѣроятностью пріурочивается г. *Неятинъ* XI в. [2]); шесть городовъ берендичскихъ, о которыхъ лѣтопись говоритъ подъ 1177 г.: „Половци же взяша 6 городовъ Береньдиць и поидоша к Ростовцю", по весьма вѣроятному предположенію В. Б. Антоновича, можно пріурочить къ шести древнимъ городищамъ на Раставицѣ [3]); въ число ихъ, въ такомъ случаѣ, войдетъ и Неятинъ; можетъ быть, и лѣтописный *Куниль* (Куниля), упоминаемый подъ 1150 г., былъ между ними: послѣдній вѣроятнѣе всего предполагать именно въ этой мѣстности [4]).

Къ югу отъ Роси, какъ упомянуто выше, въ XII в., судя по нѣкоторымъ даннымъ, тоже были поселенія; съ нѣкоторою вѣроятностью здѣсь можно помѣщать г. *Боровой*, городъ *Чюрнаевъ* [5]), и, вѣроятно, здѣсь было много еще такихъ небольшихъ черноклобуцкихъ городковъ [6]).

Отъ земли полянъ, отъ Поросья слѣдуетъ намъ перейти къ землѣ древлянъ, но предварительно заглянемъ въ тотъ сѣверо-восточный уголъ

---

[1]) Ипат. л. с. 122, 367, 408—409. См. рефератъ В. Б. Антоновича въ Чтеніяхъ общ. Нестора кн. III. с. 10 сл. (или въ Кіев. Стар. 1888 кн. V); также у П. В. Голубовскаго—Печенѣги etc. с. 81 и 145. Раньше Ходаковскій указывалъ на Ростовки въ Липовецкомъ у.; см. Карамзинъ III пр. 44, Барсовъ Матеріалы для историко-геогр. словаря с. 176.

[2]) Ипат. с. 122; см. Барсовъ Географія с. 138, Антоновичъ l. c.

[3]) Именно у мѣст. Ружина, с. Ягнятина (два), Карабчіева, Паволочи, Букъ—Бакожина, всѣ по лѣвому берегу Раставицы; Раставецъ является самымъ крайнимъ изъ нихъ къ западу, что соотвѣтствуетъ лѣтописному тексту (см. упомянутый рефератъ В. Б. Антоновича, также у Фундуклея Обозрѣніе могилъ etc. с. 48).

[4]) Ипат. с. 276: Изяславъ поиде (изъ Дорогобужа) на Гольско да Кунилю (Хлѣбн. и Погод. та кунилю, Такунилю?). Обыкновенно указываютъ, вслѣдъ за Арцыбашевымъ (Повѣств. о Россіи I. 2. пр. 785), на с. Конелу, на границѣ Уманскаго и Таращанскаго у.—см. у Погодина IV. 175, Барсова Географія с. 139, П. В. Голубовскаго Печенѣги etc. с. 145. Н. П. Дашкевичъ предполагалъ Кунилъ къ западу отъ земли черныхъ клобуковъ (Болоховская земля с. 79.); онъ могъ находиться и среди черноклобуцкихъ поселеній, но только, вѣроятно, не на южной оконечности ихъ, гдѣ лежитъ Конела.

[5]) Ипат. л. с. 450. Боровой Максимовичъ пріурочивалъ къ Боровицѣ на Тясминѣ (Собран. соч. I. 135—136).

[6]) Упомяну, что къ Поросью иногда относятъ еще одно сомнительное географическое имя—Облазна (Ип. с. 346: тогда же и Берендицѣ избиша въ облазнѣ, с. 460: далъ волость моложьшему в облазнѣ (во блазнѣ, въ блазнѣ) предъ старѣйшимъ), но такъ

Кіевской земли, этнографическая основа котораго намъ пока точно неизвѣстна. По части топографіи о немъ сказать можно тоже не много. Крайними кіевскими городами на сѣверѣ были *Брагинъ* и *Мозырь*, о которыхъ говорилъ я выше. У впаденія Уша въ Припеть стоитъ городъ *Чернобыль* (теперь мѣстечко), упоминаемый въ концѣ XII в. [1]); гдѣ-то на пути изъ Кіева въ Мозырь и неособенно, вѣроятно, далеко отъ послѣдняго было поселеніе *Межимостье* [2]). На Днѣпрѣ, у устья Припети, упоминается бродъ у *„Давыдовой боженки“*: здѣсь, по кіевской лѣтописи, въ 1150 г. перебродился Андрей, уходя послѣ неудачи изъ Кіевской земли, по извѣстію же суздальской лѣтописи онъ шелъ тогда „на *Воровичъ*“; для „Давидовой боженки“ указываютъ на городище между Припетью и Днѣпромъ, у с. Городища, а Воровичи—можетъ быть, теперешніе Варовичи, недалеко къ сѣверу отъ Уша, ниже впаденія р. Норины [3]). Вотъ и всѣ пункты, извѣстные намъ въ этомъ глухомъ углу кіевскаго Полѣсья.

За періодъ отдѣльнаго существованія Древлянской земли намъ извѣстно здѣсь всего два города: *Искоростень* и *Вручій*; оба они находятся въ басейнѣ р. Уша. Искоростень—теперь м. Искоростъ на лѣвомъ берегу Уша, въ 40 в. отъ Овруча. То былъ, правдоподобно,

---

какъ это слово можно истолковать какъ нарицательное (оплошность, ошибка, несправедливость—см. Востокова Словарь ц.—славян. языка II. с. 4), то я и остерегся включить его въ число собственныхъ именъ; ср. Погодинъ Изслѣдованія IV. с. 188.

[1]) Ипат. л. с. 455.

[2]) Ипат. л. с. 372.

[3]) Ипат. л. с. 289: „Андрѣй же и Володимеръ (изъ Мичьска—Радомысля) поѣхаста туда, на устье Припети на Давыдову боженку, оттолѣ же ѣхаста въ Острьский городокъ“; Лавр. с. 313: „Андрей же перебреде Днѣпръ на Воровичѣ, и иде в Городокъ“. У с. Воровичъ есть двѣ группы кургановъ, что указываетъ на давнее существованіе поселенія въ этомъ мѣстѣ. См. Похилевича Уѣзды Кіевскій и Радомысл. с. 276 и Объяснительную записку В. Б. Антоновича. Иное мнѣніе о мѣстоположеніи Давыдовой боженки было высказано г. Андріевскимъ въ спеціальномъ изслѣдованіи: „Давыдова Боженка“—въ Кіевск. Старинѣ 1885 г. кн. VI. с. 184—204; онъ отождествляетъ Давыдову боженку съ божницею, упоминаемой въ Ипат. л. с. 352—353 (за Вышегородъ къ божници) и пріурочиваетъ къ старой часовнѣ, находящейся въ 2 верстахъ отъ с. Глѣбовки (къ сѣверу отъ устья Ирпеня), по дорогѣ въ с. Ясногородку; при этомъ названіе Глѣбовки г. Андріевскій сближаетъ съ именемъ св. Глѣба, христіанское имя котораго было Давидъ.

племенной центръ древлянъ; послѣ присоединенія Древлянской земли къ землѣ полянъ Искоростень сходитъ со сцены и ни разу не упоминается: кіевскіе князья, вѣроятно, сдѣлали все зависящее, чтобы лишить значенія этотъ городъ [1]). Вручій или Овручъ, на р.Норинѣ— былъ, кажется, новый административный центръ, созданный послѣ подчиненія древлянъ Кіеву на смѣну Искоростню: въ лѣтописи онъ появляется въ разсказѣ о первомъ князѣ, присланномъ въ Древлянскую землю изъ Кіева—Олегѣ; онъ былъ, по всей вѣроятности, его резиденціею. Въ XI в. Вручій не упомянутъ ни разу, только во второй половинѣ XII в., при Рюрикѣ Ростиславичѣ, онъ выдвигается снова, сдѣлавшись центромъ частнаго удѣла Кіевской земли; въ свое продолжительное правленіе Рюрикъ, какъ видно, очень дорожилъ и занимался этимъ удѣломъ и подолгу проживалъ здѣсь; весьма вѣроятно, что ему, а не Владиміру Св., какъ думаютъ многіе, принадлежитъ и постройка прекраснаго собора св. Василія въ Овручѣ (Рюрикъ носилъ имя Василія) [2]). Въ томъ же XII в. на Ушѣ намъ извѣстенъ еще одинъ городъ—*Ушескъ*; это теперешнее м. Ушомиръ, на правой сторонѣ Уша, выше Искорости, съ древнимъ городищемъ [3]).

Къ востоку отъ этого центра Древлянской земли, въ области Тетерева намъ извѣстенъ цѣлый рядъ городовъ; всѣ они упоминаются лишь въ XII и XIII в., хотя, конечно, существовали и раньше. На самомъ Тетеревѣ мы знаемъ *Мичьскъ*—теперешній Радомысль, или точнѣе часть его, такъ называемый Мыкъ-городъ, находящійся между р. Мыкою и Тетеровомъ [4]), *Городескъ*—теперь село Городскъ, въ пят-

---

[1]) Ипат. л. с. 34, 37. Около Искорости есть два городища—оба четыреугольныя (Донес. Искоростской волости).

[2]) Ипат. л. с. 49, 370, 463, 559. Лавр. с. 397—8, 406, 408. Иловайскій—Исторія Россіи т. I ч. 2. с. 19. Можетъ быть, до построенія собора существовала деревянная церковь св. Василія, выстроенная св. Владиміромъ.

[3]) Ипатск. л. с. 276, 285; городище у Ушомира треугольное, окруженное тройнымъ валомъ (донесеніе Ушомирской волости). Городище это рѣшаетъ въ пользу Ушомира колебаніе между нимъ и с. Ушичнымъ.

[4]) Ипат. с. 286; о мѣстоположеніи Мичьска самое ясное свидѣтельство см. въ подложной грамотѣ Андрея Боголюбскаго (Описаніе Кіево-Печерской Лавры м. Евгенія с. 170): „придалъ тожъ Городокъ Мическъ со всѣмъ надъ рѣкою Микою и другою большою рѣкою Тетеревью, подъ которымъ Городкомъ и Городищемъ рѣка Мика въ рѣку Тетеревъ впала“. Ср. Похилевичъ Уѣзды Кіевскій и Радомысл. с. 56.

надцати верстахъ выше Радомысля [1]). На Тетеревѣ же, вѣроятно, находился городъ *Жедечевъ*, упоминаемый вмѣстѣ съ Городескомъ, но мѣстоположеніе его неизвѣстно [2]). На Гуйвѣ извѣстна въ XII в. *Котельница* (теперь м. Котельня), хорошо укрѣпленный, значительный городъ [3]); вмѣстѣ съ Божскимъ и Межибожьемъ и еще тремя неизвѣстными намъ по имени городами онъ составлялъ въ половинѣ XII в. частный удѣлъ Кіевской земли. На другомъ притокѣ Тетерева—Здвижѣ упоминается въ концѣ XI в. городъ *Звижденъ*, или Въздвиженье, пріурочивиемый къ с. Здвижкѣ, у истока этой рѣки [4]). Южнѣе Звиждня стоялъ городъ *Ярополчъ*, вѣроятно теперешнее с. Яроповцы у истока Ирпеня [5]); на верхнемъ же Ирпенѣ, можетъ быть, находилось и урочище Обрамль мостъ [6]). Въ этой же мѣстности, на дорогѣ изъ Котелницы въ Бѣлгородъ, упоминаются въ половинѣ XII в. еще *Мутижиръ* и *Кучаръ*; первый съ значительною вѣроятностью можно пріурочить къ теперешнему м. Мотыжину (вблизи кіево-житомірскаго тракта), съ круглымъ городищемъ [7]); что касается Кучари, то заслуживаетъ вниманія указаніе на урочище Кочуръ вблизи Бѣлгородки [8]).

---

[1]) Ипат. с. 555. Карамзинъ IV. пр. 102 (с. 38—изъ сообщеній Ходаковскаго). В. Б. Антоновичъ—въ Чтеніяхъ Общ. Нестора III. с. 13 и его же Объяснит. Записка. Въ селѣ есть два большихъ городища формы неправильныхъ многоугольниковъ.

[2]) Ипат. 555: „Городескъ и по Тетереви до Жедечева“. Н. П. Дашкевичъ указываетъ на с. Жидовцы Бердичевск. у. (Болоховская з. пр. 31), г. Андріевскій (К. Ст. 1882. IX. 437)—на р. Жидь, падающую въ Днѣпръ ниже Тетерева.

[3]) Ипат. с. 224, 243, 257. См. рефератъ В. Б. Антоновича въ Чтеніяхъ Об. Нест. III. с. 13—14.

[4]) Ипат. с. 171. Погодинъ IV. 156. В. Б. Антоновичъ въ Чтеніяхъ Общ. Нестора I. с. 40.

[5]) Ипат. с. 346. Погодинъ IV. 188.

[6]) Ипат. с. 287: „любо на Обрамль мостъ перѣѣду, любо другой де въѣду же въ Черныя Клобукы“ (изъ Звиждня); очевидно, Обрамль мостъ лежалъ на пути „въ Черные Клобуки“, поэтому нельзя отнести его къ с. Абрамовкѣ на нижнемъ теченіи Здвижа, какъ дѣлаютъ Надеждинъ и Неволинъ (у Погодина IV. 181), не былъ то и мостъ чрезъ Здвижъ, какъ думаетъ Погодинъ, потому что Изяславъ самъ былъ тогда въ Звиждиѣ.

[7]) Ипат. с. 354: „сняшася у Котельничи со Мьстиславомъ и оттудѣ пойдоша к Бѣлугороду на Мутижиръ и быша на Кучари. И начашася просити Черннии Клобуци у Мьстислава напередь: ать соглядаемъ, княже, велика ли рать“. Погодинъ, Изслѣдов. IV. с. 190. Объяснит. Записка В. Б. Антоновича. Похилевичъ,—Уѣзды Кіевскій и Радомысльскій с. 59.

[8]) Похилевичъ ibidem с. 78; уроч. Кочуръ лежитъ въ $1^1/_2$ верстѣ къ западу отъ Игнатовки. Въ прежнемъ изданіи г. Похилевича (Сказанія о насел. мѣстн. Кіевск. губ.)

Въ той же восточной части Древлянской земли съ наибольшею вѣроятностью можно предположить *Полоный*—градъ Десятинный святой Богородицы и *Сѣмычь* (или Сѣмьчь), которые лежали за Кіевомъ съ точки зрѣнія Корсуня и были ограблены половцамм въ 1172 (1170) г. [1]); пріурочить этотъ Полоный къ м. Полонному на Хоморѣ трудно: слишкомъ это будетъ далеко и не сообразно съ обстоятельствами. Вообще кіевскіе Полоные составляютъ не малую загадку. Такъ подъ 1095 г. говорится, что Рюрикъ далъ Роману въ удѣлъ „Полоны и полъ търтака Корьсуньскаго" (что это за „търтакъ Корьсуньскій", объяснить удовлетворительно не удалось пока никому) [2]). Полоный этотъ тоже трудно отождествить съ Полоннымъ на Хоморѣ, такъ какъ затѣмъ разсказывается, что „Романъ восла люди своя въ Полоны и оттолѣ повѣлѣ имъ ездячи воевати..... волость Давыдову и Ростиславлю" [3]), т. е. Вышгородскую и Бѣлгородскую: опять Полонный на Хоморѣ для этого слишкомъ удаленъ. Полоный 1195 г. можно бы отождествить, судя по мѣстности, съ Полонымъ 1170 г., но для этого нужно предположить, что въ силу какихъ либо комбинацій послѣдній изъ церковнаго владѣнія снова перешелъ въ распоряженіе князя. Что касается Сѣмыча, то его часто отождествляютъ съ Сѣмоцемъ 1257 г. [4]), но при этомъ возникаетъ затрудненіе: обстоятельства, при которыхъ упоминается Сѣмычъ 1172 г., заставляютъ его подвигать подальше

я не нашелъ извѣстія объ этомъ урочищѣ. Надеждинъ и Неволинъ дла Кучари указывали на с. Кочерево и Кошарище по кіево-житомирскому тракту (Погодинъ l. c.).

[1]) Ипат. с. 380. См. Погодинъ IV. 192 - 193. Соловьевъ II пр. 358. Барсовъ Словарь с. 164. Голубинскій—Исторія русск. церкви т. I пол. I. с. 423, пол. II. с. 790.

[2]) Ипат. с. 462; Воскрес. I. 104: „полторка Рускаго", Никон. II. 26: „Полочія полтора Русскаго". Мѣсто явно испорченное, но исправитъ его трудно; Погодинъ толкуетъ: половину Торчина между Луцкомъ и Владиміромъ—но это уже волость не Рюрика, Татищевъ (III с. 314): половину области Корсунской. Зубрицкій объяснялъ такъ, что Рюрикъ назначилъ Роману половину доходовъ съ тартака (т. е. лѣсопильной мельницы—по малорусски) въ Корсунѣ—Исторія Галичско-русск. княж. III. с 9. Это объясненіе приняли Шараневичъ (Ист. Галицко—Володим. Руси с. 61) и Барсовъ (Словарь с. 165).

[3]) Ипат. с. 468. „Трътакъ Корьсуньскій" побудилъ нѣкоторыхъ ученыхъ и Полоный 1195 г. предполагать въ побережьи Роси, см. Словарь Барсова с. 164.

[4]) Погодинъ Изслѣдов. IV. 192; Барсовъ Словарь с. 194; Голубинскій ор. с. I. 2. с. 791; Дашкевичъ, Новѣйшіе домыслы о Болоховѣ и Болоховцахъ—Университ. Извѣстія, 1884. VI. с. 175 (раньше, въ изслѣдованіи о Болоховской землѣ пр. 31, почтенный ученый былъ другого мнѣнія).

на сѣверо-востокъ, а изъ разсказа 1257 г. выходитъ, что онъ былъ гдѣ-то неподалеку отъ галицко-волынскихъ предѣловъ. Учеными было указано нѣсколько мѣстностей со сходными именами въ бассейнахъ Тетерева, Случи и Буга, но онѣ не устраняютъ указаннаго затрудненія [1]); поэтому я не рѣшаюсь отождествить Сѣмыча 1172 г. съ Сѣмоцемъ 1257 г. и предполагаю первый въ полосѣ средняго Тетерева и Здвижа, а второй предпочитаю искать въ области Случи [2]).

На Случи упоминается нѣсколько пунктовъ, которые можно опредѣлить. Такъ извѣстенъ въ XIII в. гор. *Възвяглъ*—теперешній Новоградъ Волынскій [3]); *Колодяженъ*, по всей вѣроятности, есть теперешнее село Колодежно на правомъ берегу Случи, выше впаденія Хоморы [4]). Къ с. Каменкѣ, на лѣвомъ берегу Случи, нѣсколько сѣвернѣе Колодежна, пріурочиваютъ съ вѣроятностью г. *Каменецъ*, упоминаемый въ концѣ XII и въ XIII в. и стоявшій, какъ видно, на рубежѣ тогдашней Волыни и Кіевщины [5]). Къ сѣверу отъ этихъ городовъ,

---

[1]) Надеждинъ и Неволинъ указывали на Симаки Заславск. у. (у Погодина IV. с. 193), Н. П. Дашкевичъ останавливается на Семакахъ Житомирск. и Симакахъ Хмѣльницк. у.

[2]) Подъ 1257 г. въ Ипатск. л. (с. 555) читаемъ: „посла (Даніилъ) сына своего Шварна на Городокъ, и на Сѣмоць (Семочь), и на вси городы, и взя Городокъ и Сѣмоць и всѣ городы, сѣдящия за Татары, Городескъ и по Тетереви до Жедечева (Жедьчевьева). Възвягляне же солъгаша Шварномъ, поемше тивуна не вдаша ему тивунити". Изъ послѣднихъ словъ видно, что театромъ военныхъ дѣйствій служила не только область Тетерева, но и область Случи; военныя дѣйствія должны были начаться либо съ области Случи, либо съ верховьевъ Тетерева, и тутъ гдѣ-нибудь слѣдуетъ предполагать и Городокъ съ Сѣмоцемъ: мало вѣроятно, чтобы лѣтописецъ, опредѣляя направленіе похода, назвалъ города, стоящіе гдѣ-то на заднемъ планѣ. Въ области Случи искать Сѣмоць я предпочитаю потому, что Жедечевъ, по моему мнѣнію, уже опредѣляетъ южный предѣлъ Потетеревья, до котораго доходили завоеванія Шварна (предполагать, что завоеванія эти простирались далеко за Городескъ внизъ по рѣкѣ и считать Жедечевъ ихъ сѣвернымъ предѣломъ мнѣ кажется менѣе вѣроятнымъ). Конечно, это лишь предположеніе, такъ какъ свидѣтельство лѣтописи не достаточно опредѣленно (о планѣ этого похода см. еще въ послѣдней главѣ, при изслѣдованіи самыхъ событій).

[3]) Ипат. с. 555.

[4]) Ипат. с. 523. Барсовъ Географія с. 289. Погодинъ Изслѣдов. IV. с. 207. Г. Молчановскій (Очеркъ извѣст. о Подольск. з. с. 145) указываетъ еще нѣсколько мѣстностей на Волыни, напоминающихъ имя Колодяжна.

[5]) Ипат. с. 468, 503, 516, 521, 523. См. Барсовъ—Географія с. 288—290. Дашкевичъ—Даніилъ Галицкій с. 52, Болоховская земля пр. 28. Каменка на р. Цвѣтохѣ (въ 15 в. отъ

между Случью и верховьями Уша, разстилался Чертовъ лѣсъ [1]), а къ известковымъ, бѣловатымъ берегамъ верхней Случи пріурочивается лѣтописное Бѣлобережье, находившееся по сосѣдству Чертова лѣса [2]). Полукруглое городище недалеко отъ с. Суемецъ (въ $2^1/_2$ верстахъ) на р. Смолкѣ, лѣвомъ притокѣ Случи, можетъ быть, есть городъ *Сѣмоць* 1257 г.; гдѣ-нибудь по близости былъ, вѣроятно, и *Городокъ*, упоминаемый вмѣстѣ съ нимъ [3]). Къ мѣстечку Полонному на Хоморѣ относится разсказъ Волынской лѣтописи (подъ 1234 г.): Данилъ угони и (Александра Бельзскаго) во *Полономъ*, и яша и в лузѣ Хоморьскомъ [4]). Къ Микулину на той же Хоморѣ (повыше Полоннаго) обыкновенно пріурочивается *Микулинъ* 1169 (1168) г., гдѣ соединился съ черными клобуками Мстиславъ Изяславичъ, идя на столъ въ Кіевъ [5]).

Въ районѣ верхней Случи и верхняго Буга съ наибольшею вѣроятностью помѣщается Болохово XII в., лежавшее на пути изъ Галича въ Кіевъ, и Болоховскіе города, упоминаемые въ XIII в.: *Деревичь, Губинъ* и *Кобудъ, Кудинъ, Городѣцъ, Божьскый, Дядьковъ.* Изъ нихъ Губинъ пріурочивается къ с. Губину (на границѣ Староконстан-

---

Заслава), пожалуй, подходитъ больше къ Ипат. 520: „приде (Батый) Каменцю Изяславлю взятъ я“: эти два города какъ будто стояли въ ближайшемъ сосѣдствѣ.

[1]) Ипат. с. 280, 285, 511.

[2]) Ипат. с. 511, ср. 555. Смотри Дашкевича Болоховскую з. с. 82.

[3]) Ипат. л. с. 555. Городище ок. Суемецъ находится въ урочищѣ Раконецъ, надъ р. Смолкою (донесеніе Смолдыровской волости). Къ сѣверо-западу оттуда есть Грудъ и Городище, а выше на Смолкѣ—городище Диви-городокъ, около с. Мирославля (донес. Смолд. волости). О Городкѣ см. Болоховскую землю с. 78; Н. П. Дашкевичъ, вслѣдъ за Барсовымъ (Матеріалы для геогр. словаря с. 57) изъ множества „городковъ“, находящихся въ той мѣстности, останавливается на Райгородкѣ Бердич. у.

[4]) Ипат. с. 514, сюда же, вѣроятно, относится Полоный 1171 (1169) г.—Ипат. с. 374.

[5]) Ипат. л. с. 365. Дашкевичъ Болоховская зем. пр. 27; Молчановскій Очеркъ извѣст. о Подольск. з.; Андріяшевъ Ист. Волын. з. с. 81. Барсовъ (Географія нач. лѣт. с. 291) указываетъ на Микулинцы на р. Згарѣ, правомъ притокѣ Буга. П. В. Голубовскій (Печенѣги с. 146) находитъ вѣроятнымъ, что Микулинъ былъ гдѣ-то въ области черныхъ клобуковъ. Село Микуличи Кіевск. у., на которое указалъ Н. П. Дашкевичъ (l. c.) будетъ не по дорогѣ Мстиславу: послѣдній для соединенія съ черными клобуками долженъ былъ скорѣе отклониться на югъ.

тиновскаго и Новоградволынскаго уѣздовъ), Деревичъ къ с. Деревичамъ на р. Деревичкѣ, Кудинъ—къ с. Кудинкѣ на Бугѣ, у которыхъ сохранились и остатки укрѣпленій [1]). Что касается Божьскаго, то это имя встрѣчается въ лѣтописяхъ и раньше, но затрудненіе заключается въ томъ, что было, очевидно, нѣсколько городовъ этого или сходнаго имени, и между ними очень трудно распредѣлить упоминанія лѣтописей. Съ нѣкоторою увѣренностью можно отождествить Божьскій болоховцевъ съ тѣмъ Божскимъ, который фигурируетъ въ сороковыхъ годахъ XII в., вмѣстѣ съ Межибожьемъ и Котельницею, и который, какъ видно, находился гдѣ-то на южной окраинѣ Кіевщины [2]); онъ же, по всей вѣроятности, выступаетъ въ грамотѣ Ягайла 1393 г. вмѣстѣ съ Межибожемъ и Винницею [3]). Имя „Божьский", повиди-

---

[1]) Ипат. л. с. 278, 376, 526. См. „Болоховскую землю" с. 84; кромѣ того Н. П. Дашкевичъ указываетъ (впрочемъ гипотетично) на Бутовцы Новоградволынск. у. для Кобудя и Дьяковцы Литинск. для Дядькова; ср. также о Кудинѣ Карамзина IV. пр. 20, о Деревичѣ—Барсова Географію с. 293; послѣдній соединяетъ Божскій и Городецъ воедино, какъ Бужскій и Острогъ Ипат. с. 180—см. его Словарь с. 16. На изслѣдованіе Н. П. Дашкевича о Болоховской землѣ представилъ обширныя возраженія г. Молчановскій (ор. с. гл. V); онъ не принимаетъ и опредѣленія мѣстности Болоховскихъ городовъ, сдѣланнаго г. Дашкевичемъ, на томъ основаніи, что извѣстія лѣтописи слишкомъ неопредѣленны, а именъ, подобныхъ Болоховскимъ городамъ, слишкомъ много по всей Волыни (въ частности, для Кудина г. Молчановскій указываетъ на м. Кодню Житомир. у., а Божскій предполагаетъ въ средней полосѣ Волыни)—ор. с. с. 121 сл., 124, 127. Отвѣтъ Н. П. Дашкевича см. въ статьѣ Новѣйшіе домыслы о Болоховѣ и Болоховцахъ—Универс. Изв. 1884, VI. с. 171 сл.; тамъ же (с. 170) смотри о предположеніи г. Похилевича, пріурочившаго Болохово къ м. Бѣлиловкѣ, а Губинъ къ Губину на р. Деснѣ, притокъ Буга, въ Бердичевскомъ уѣздѣ. О городищахъ—у с. Кудинки см. Кіевскую Старину 1882 г. кн. VI. с. 536 (городище съ четырмя концентрическими валами, слѣдовательно велико-княжескаго типа), у с. Деревичъ и Губина—донесенія Деревичской и Райковской волостей; см. также Новѣйшіе домыслы о Болоховѣ с. 180—1.

[2]) Ипат. с. 234, 243, 257, 258. О Божскомъ см. Болоховскую землю Н. П. Дашкевича пр. 25, Очеркъ извѣст. о Подольской з. г. Молчановскаго с. 70, 76, 81, 87, 124. Порубежное положеніе Божска видно изъ того, что сюда послалъ въ 1148 г. Изяславъ Ростислава Юрьевича стеречь „землѣ Руское оттолѣ" (Ипат. с. 258). Можно также отождествить съ нашимъ Божскимъ Божьскій 1151 г., лежавшій, повидимому, на пути изъ Галича въ Кіевъ (ср. у г. Дашкевича ор. с. с. 75, иначе думаетъ г. Молчановскій ор. с. с. 76). Что касается Бужска 1152 г. (Ипат. с. 313), я считаю его кіевскимъ городомъ, какъ и остальные города, захваченные Володимірком (въ этомъ пунктѣ я росхожусь съ Н. П. Дашкевичемъ; объ этомъ см. выше с. 15, въ примѣчаніяхъ); его можно отождествить и съ нашимъ Божскомъ, можно принять и за особый городъ, гдѣ—нибудь въ Погоринѣ. О Божскѣ 1100 г. (Ипат. с. 180) трудно сказать что—либо опредѣленное,

[3]) Archivum Sanguszków I. p. 19 (Codex epistolaris Vitoldi p. 39): districtus tamen Medzibosze, Bozske et Winnicza pro nobis et nostris successoribus totaliter reservamus.

мому, указываетъ на р. Богъ (Южный Бугъ), и его нужно предполагать гдѣ нибудь въ верхнемъ Побужьи; въ этой мѣстности заслуживаетъ вниманія с. Забужье, на лѣвомъ берегу Буга, ниже Хмельника, съ круглымъ городищемъ [1]).

Гдѣ-то въ ближайшемъ сосѣдствѣ перечисленныхъ выше Болоховскихъ городовъ находился еще городъ или область *чарнятинцевъ*, которые выступаютъ въ лѣтописномъ разсказѣ (подъ 1257 г.) вмѣстѣ съ бѣлобережцами и болоховцами (возможно даже, что они входили въ число болоховцевъ). Въ настоящее время существуетъ два Чернятина въ бассейнѣ Десны (притока Буга), около Самгородка, и Чернятинцы на Сниводѣ (тоже лѣвомъ притокѣ Буга), ниже Уланова; но чтобы пріурочить чарнятинцевъ къ одному изъ нихъ, лѣтописный разсказъ не даетъ достаточно данныхъ [2]).

Въ области Горыни мы знаемъ сравнительно много городовъ; это прежде всего зависитъ, конечно, отъ того, что эта мѣстность была театромъ событій, весьма обстоятельно описанныхъ въ Кіевской лѣтописи (особенно борьбы Изяслава Мстиславича съ Юріемъ), но и независимо отъ того Погорина, лежавшая на рубежѣ политическомъ и, можетъ быть, этнографическомъ, потому самому имѣла причину быть гуще заставленною городами, гуще заселенною, чѣмъ другія области. Главными городами ея были *Дорогобужъ* на Горыни и *Пересоиница* на Стублѣ; кромѣ того намъ извѣстны здѣсь еще слѣдующіе города: *Зарѣчьскъ*, *Мыльскъ*, *Острогъ*, *Шумскъ*, *Тихомель*, *Выгошевъ*, *Гнойница*, *Изяславль* и *Корческъ*; любопытно, что всѣ эти имена, исключая Выгошева, сохранились до настоящаго времени. Изъ перечисленныхъ городовъ только Дорогобужъ и Острогъ упоминаются въ XI в., остальные—въ XII, а Изяславль только въ XIII, хотя, судя по имени, основаніе его относится, вѣроятно, ко времени правленія Изяслава Мстиславича [3]). Неизвѣстно, что такое была Хотрія, упоминающаяся

---

[1]) Донесеніе Уладовской волости. На Забужье (и Бузовку Таращанскаго у.) указывалъ Барсовъ (Географія Нач. л. с. 140, 300), Н. П. Дашкевичъ указываетъ на Божиковцы Летичевск. у. (Болоховская з. с. 84—5).

[2]) Ипат. с. 555. Болоховская земля с. 80—81.

[3]) Объ этихъ городахъ см. Ипат. л. с. 144, 180, 186, 276, 284, 313, 523 и др. Лавр. л. с. 312. Мѣстоположеніе большей части ихъ было уже указано выше (с. 12 и 15),

также въ половинѣ XII в. и находившаяся гдѣ-то между Дорогобужемъ и Корческомъ, поселеніе или урочище [1]).

Мы покончили съ обзоромъ Кіевской земли за періодъ до-монгольскій; теперь остается собрать тѣ скудныя и разрозненныя свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ о территоріи этой земли за періодъ съ половины XIII до конца XIV вѣка; заранѣе оговорюсь, что за недостаткомъ современныхъ свѣдѣній намъ придется прибѣгать по временамъ къ свѣдѣніямъ болѣе поздняго времени и дѣлать по нимъ заключенія для разсматриваемаго времени. Есть основанія думать, что во время, предшествующее литовскому завоеванію, Кіевская земля не имѣла политическаго единства, не составляла вовсе государственнаго тѣла, политической единицы (эта гипотеза будетъ подробнѣе развита и обоснована въ своемъ мѣстѣ), тѣмъ не менѣе, такъ сказать, понятіе Кіевской земли жило, очевидно, все это время, и когда литовское верховенство возстановило въ землѣ политическое единство, территорія этой возстановленной Кіевской земли стоитъ въ непосредственной связи съ преданіями предшествующаго періода.

Расширеніе Галицко-Волынской земли на востокъ было остановлено монгольскимъ нашествіемъ и образованіемъ въ восточной полосѣ ея независимыхъ, общинъ стоявшихъ въ непосредственной зависимости отъ татаръ. Походы, предпринятые Даніиломъ для подчиненія побережья Случи, Потетеревья и Побожья, какъ видно по всему, не дали сколько нибудь прочныхъ результатовъ, и восточная граница Волыни, судя

изъ остальныхъ—Изяславль есть теперешній Заславль, уѣздный городъ Волынской губ., Острогъ—тоже уѣздный городъ, для Мыльска изъ двухъ современныхъ Мыльсковъ—стараго и новаго (въ Острожскомъ у., къ югу отъ г. Ровно), слѣдуетъ выбрать скорѣе Новый Мыльскъ, такъ какъ около него существуетъ два городища - круглое и четыреугольное (донес. Здолбицкой вол.). Объ Острогѣ нужно замѣтить, что лѣтописный текстъ, гдѣ онъ упоминается (сяди въ Божескомъ в Острозѣ Ипат. с. 180, в Бужьскѣмъ, въ Острозѣ—Лавр. с. 264), своимъ выраженіемъ подалъ поводъ нѣкоторымъ ученымъ, начиная съ Карамзина (II пр. 195), считать Острогъ за одинъ городъ съ Божскимъ. Наоборотъ, Зарѣчьскъ 1106 г., около котораго воевали половцы (Ипат с. 186), нѣкоторые отдѣляютъ отъ Зарѣчска 1150 г. (Ипат. с. 234 и 286), полагая, что половцы не могли опустошать Погорины—см. Погодина IV. с. 164; на мой взглядъ въ этомъ нѣтъ ничего невозможнаго.

[1]) Ипат. с. 285.

по нѣкоторымъ намекамъ лѣтописи, не далеко переходила за Горынь, не доходила, вѣроятно, и до Случи, въ побережьи которой видимъ уже общины, непосредственно зависѣвшія отъ татаръ [1]). Позже однако, къ половинѣ XIV в., когда татарское вліяніе ослабѣло, а затѣмъ и вовсе прекратилось на Волыни, волынскія владѣнія снова придвинулись къ Случи: въ трактатѣ литовскихъ князей съ Казиміромъ В. 1366 г. въ числѣ отчизныхъ волостей Луцкой земли находимъ Полонный и Межибожье [2]). Съ другой стороны, изъ описанія войны Витовта съ кіевскимъ княземъ Владиміромъ Ольгердовичемъ (1393 г.) видно, что къ Кіевской землѣ принадлежали въ это время г. Овручъ и Житомиръ, т. е. области Уша и Тетерева [3]). Правдоподобно, какъ и передъ монгольскимъ нашествіемъ, западною границею Кіевщины служила рѣка Случь, которая и позже является ея оффиціальною границею,—на протяженіи отъ поворота у м. Любара почти до устья [4]).

---

[1]) Ипат. л. с. 555. Что граница проходила гдѣ-то около Горыни, это даетъ понять разсказъ лѣтописи подъ 1283 г.: „пришедшу же ему (Телебугѣ) к Горинѣ и срете и, Мьстиславъ с питьемъ и з дары"—встрѣча происходила, вѣроятно, на границѣ. У Шумска т. е. приблизительно въ той же полосѣ, встрѣчалъ и Василько Бурундая въ 1259—60 г. (Ипат. л. 562, 588). См. Даніилъ Галицкій Н. П. Дашкевича с. 86, Болоховская земля пр. 138. Иного мнѣнія по этому вопросу держатся проф. Шараневичъ (Ист. Гал.-Володим. Руси с. 102) и М. Ф. Владимірскій Будановъ (Населеніе Южной Руси до пол. XV в. с. 24 и 32): они полагаютъ, что галицко-волынскія владѣнія простирались до Днѣпра. Относящіяся къ этому вопросу данныя источниковъ будутъ разсмотрѣны въ послѣдней главѣ.

[2]) „Князю Люборту Луцкая земля со всѣми волостми отчизными и съ селы, какъ изъ давна пошло, Стожекъ, Даниловъ, Закамянъ, Шюмескъ, Острогъ, Полоный, Межыбожые"; трактатъ in extenso (латинницею) изданъ г. Чучиньскимъ—Kwartalnik Historyczny, 1890 г., zesz. Ш. р. 513,—изъ бумагъ Нарушевича; содержаніе его см. также у Даниловича - Scarbiec diplomatów I. № 432. Къ этому можно было бы присовокупить еще данныя жалованной грамоты Ягайла и Витовта Ѳедору Острожскому (Archivum ks. Sanguszków I. № 6), гдѣ къ острожскимъ владѣніямъ отнесены между прочимъ Корецъ и Хлапотынъ (теперь м. Красноставъ на р. Корчикѣ—см. Архивъ Юго-Зап. Рос. VI т. I, с. 418: местечко Красный Ставъ, альбо Хлапотинъ, ср. Андріяшевъ ор. с. с. 78), но противъ подлинности этой грамоты польскіе ученые выставили рядъ возраженій, и вопросъ этотъ во всякомъ случаѣ остается еще открытымъ; заподозрѣна и другая грамота —1396 г. (Archivum ks. Sanguszków I. № 20), также представляющая интересъ въ отношеніи опредѣленія границъ острожсскихъ владѣній. См. Rulikowski i Radzimiński—Kniaziowie i szlachta t. I, oddz. II p. 29—30, 32—25, также примѣч. къ документамъ въ Arch. Sang. I, p. 155, 157.

[3]) 1 л.—рус. лѣт. изд. Поповымъ с. 32.

[4]) Въ описаніи границъ Кіевскаго воеводства 1566 г. (Архивъ Юго-Западной Рос. VII т. II с 365) восточная граница Кіевщины идетъ отъ Гончарихи—мѣстности у верховья Тете-

На юго-западѣ, съ образованіемъ въ Побожьи и области Случи вольныхъ общинъ, послѣ монгольскаго нашествія простиравшихся, надо думать, и далѣе на востокъ, въ глубь Кіевской земли, исчезла фактически и кіевская граница. Затѣмъ о рубежѣ возстановленнаго подъ литовскимъ верховенствомъ Кіевскаго княжества мы имѣемъ свѣдѣнія отъ конца XIV в.; въ описаніи похода Витовта на Подольскую землю въ числѣ городовъ послѣдней видимъ Браславъ и Соколецъ (на Бугѣ, выше Браслава) [1]), а въ числѣ подольскихъ городовъ, уступленныхъ Ягайлу Витовтомъ, находимъ Межибожье, Божскъ и Винницу [2]). Такимъ образомъ Кіевская земля въ это время не доходила до Буга, и граница ея отъ колѣна Случи направлялась, вѣроятно, по водораздѣлу Тетерева и Роси, съ одной стороны, и Буга—съ другой, то есть тамъ же, гдѣ мы приблизительно предполагали ее и для первой половины XIII в. [3]).

Переходя затѣмъ къ южной закраинѣ Кіевской земли, отмѣтимъ прежде всего небольшое указаніе для времени, непосредственно слѣдующаго за монгольскимъ нашествіемъ: Плано Карпини говоритъ въ своемъ путешествіи (1246 г.), что крайнимъ русскимъ поселеніемъ на югѣ была villa, отстоявшая на одинъ перегонъ отъ Канева [4]); такимъ образомъ границею поселеній служило побережье Роси, вѣроятнѣе—Заросье. Затѣмъ въ письменныхъ источникахъ слѣдуетъ обычный пробѣлъ вплоть до конца XIV в. [5]), который отчасти (для XIV в.) вос-

---

рева, на водораздѣлѣ Буга и Случи (сравни обводъ границъ в. княжества Литовскаго 1546 г. у Догеля Limites regni Poloniae, 1758 p. 193, или въ Виленскомъ Археографич. сборникѣ I, с. 121), до Случи и Случью до с. Каменнаго (есть теперь—верстъ сорокъ отъ устья) потомъ переходитъ на Уборть, которая служитъ границею до устья.

[1]) 1 л.-русск. лѣтоп. въ изд. Попова с. 46. Соколецъ лежалъ на пути изъ Звенигорода въ Браславъ, какъ видно изъ описанія путешествія Ягайла 1411 г. у Длугоша, l. XI p. 314. Ср. Молчановскій—Очеркъ изв. о Подол. зем. с. 6.

[2]) Жалованная грамота Ягайла Спытку 1395 г.—Archivum ks. Sanguszków I, p. 19 (Codex epist. Vitoldi p. 39).

[3]) Здѣсь же, по „Чорному шляху", и позже проходила граница воеводствъ Кіевскаго и Брацлавскаго—см. обводъ границъ Брацлавскаго воеводства ок. 1570 г.—книга № 137 Кіевск. центр. архива л. 409 об.—410, также у В. Б. Антоновича, Монографіи I с. 245.

[4]) Собраніе путешествій къ татарамъ Языкова с. 10.

[5]) Если, конечно, не принимать въ расчетъ легендарнаго разсказа 2 л.-русск. лѣтописи о завоеваніи Кіева Гедиминомъ; въ разсказѣ этомъ перечисляются такіе „при-

полняется монетными кладами, ясно свидѣтельствующими о заселенности въ это время Поросья и Заросья (о нихъ подробнѣе я буду говорить ниже). Въ концѣ XIV в. упоминаются Черкасы и Звенигородъ (на Гниломъ Тыкичѣ) [1]); одновременно появляются въ нашихъ источникахъ и города на среднемъ Бугѣ—Браславъ и Соколецъ. Соображая эти данныя, слѣдуетъ думать, что въ разсматриваемый періодъ заселеніе южной Кіевщины не сокращалось въ своихъ предѣлахъ, напротивъ—даже постепенно подвигалось на югъ. Особенно благопріятныя условія для кіевской колонизаціи наступили съ послѣдней четверти XIV в., когда на помощь вольному колонизаціонному движенію явилась и государственная власть въ лицѣ Гедиминовичей, замыслившихъ прочно основаться въ южныхъ степяхъ и на черноморскомъ побережьи; къ сожалѣнію, объ этой колонизаціи мы имѣемъ весьма скудныя свѣдѣнія, и самые слѣды ея были почти совершенно стерты послѣдующими татарскими опустошеніями [2]). Что касается политической границы Кіевскаго княжества въ XIV в., то при опредѣленіи ея представляется значительное затрудненіе. Въ упомянутомъ уже лѣтописномъ разсказѣ о походѣ Витовта на Подольскую землю говорится: „самь же князь великии Витовтъ поидѣ на Подольскую землю, а князю Скиригаилу повелѣ ити с Киева к Черкасамъ и ко Звенигороду. Князь же Скиригаило, Божею помочью и в. к. Витовта повеленіемъ, взя Черкасы и Звенигородъ и возвратися опять ко Кіеву“ [3]). Въ этомъ извѣстіи видятъ обыкновенно доказательство того, что Звенигородъ и Черкасы, т. е. земли къ югу отъ Роси, не принадлежали къ Подолью, слѣдовательно принадлежали къ Кіевской землѣ [4]).

городки кіевскіе“: Вручей, Житомиръ, Бѣлгородъ, Вышгородъ, Черкасы, Каневъ, Путивль, Слѣповродъ—Pomniki do dziejow litewskich s. 15—16.

[1]) 1 л.-русск. лѣт. въ изд. Попова с. 40.

[2]) Объ этой колонизаціи смотри Монографіи В. Б. Антоновича I с. 245, Населеніе Юго-Западной Россіи до пол. XV в. М. Ф. Владимірскаго-Буданова с. 54 сл.

[3]) 1 л.-русск. лѣтопись въ изд. Попова с. 40 (2 л.—русск. лѣт. въ Pomniki do dz. litewsk. p. 34). Кромеръ (De origine et rebus gestis Polonorum ed. 1568 p. 248), упоминая объ этихъ событіяхъ, говоритъ: Vitovdum, cum partem Podoliae, in qua est Zitomiria et Cercassi, in potestatem suam redegisset etc.; Житомиръ здѣсь, можетъ быть, есть описка, вмѣсто Звенигорода?

[4]) Дашкевичъ—Замѣтки по ист. л.-русск. госуд. с. 60. Молчановскій—Очеркъ извѣст. о Подольск. з. с. 7.

На этомъ можно было бы успокоиться, если бы другіе, близкіе по времени памятники не давали совершенно иныхъ извѣстій по этому вопросу. Въ спискѣ городовъ Свидригайла, по всей вѣроятности относящемся ко времени около 1432 г., на первомъ мѣстѣ помѣщена „крѣпость Кіевъ съ многочисленными областями“, затѣмъ слѣдуетъ Черниговъ, а ниже находимъ: „въ землѣ Подольской замки: „Черкассы, Звенигродъ, Саколецъ“ [1]). Затѣмъ въ извѣстномъ спискѣ городовъ, находящемся при Воскресенской лѣтописи, Звенигородъ и Черкасы также отдѣлены отъ „градовъ кіевскихъ“ и отнесены въ отдѣлъ польскихъ (слѣдовательно подольскихъ) городовъ [2]). Какъ примирить это противорѣчіе? Слѣдуетъ ли въ приведенномъ выше разсказѣ литовско-русской лѣтописи допустить неточность выраженія и предположить, что и тогда Звенигородъ и Черкасы принадлежали къ Подолью? Быть можетъ, эти города также принадлежали Өедору Коріатовичу, и походъ Скиргайла на нихъ былъ лишь частью подольской кампаніи Витовта [3]). Или принять, что во время этого похода упомянутые города точно принадлежали къ Кіевщинѣ, но затѣмъ отошли къ Подолью? Или, быть можетъ, къ Заросью имя Подолья прилагалось лишь какъ географическій, а не политическій или административный терминъ (въ такомъ широкомъ значеніи, далеко переходившемъ за предѣлы собственнаго Подолья, захватывавшемъ чуть не

---

[1]) In terra Podoliensi castra Circassi Zwimhrod Sakolecz Czarnygrad Kaczakenow Mayak, Karawull Doschau in metis Caspen.... Списокъ этотъ изданъ въ приложеніяхъ къ книгѣ Коцебу—Свидригайло, подъ № CXX; онъ лишенъ даты, Коцебу ссылается на него при описаніи событій 1432 г. (с. 130); къ этому же году относитъ списокъ и г. Молчановскій (op. c. c. 295), а въ Scarbiec (I, № 746) онъ отнесенъ къ 1402 г.

[2]) Воскрес. л. I с. 240: А се Польскыи грады: Камень, Иловечь, Бряславль, Соколець, Звенигородъ, Черкасы, Черненъ, Новый городокъ, Венича, Скала, Бакота. Объ этомъ спискѣ было упомянуто уже выше (с. 17); несомнѣнно, въ немъ есть нѣсколько разновременныхъ наслоеній; списокъ „польскихъ градовъ“, въ число которыхъ отнесены и города восточнаго Подолья (Браславъ, Соколецъ, Винница), пожалуй, наиболѣе подходитъ ко времени уже послѣ смерти Витовта, именно къ 1434—5 г., когда Браславъ былъ переданъ Польшѣ Өедькомъ Несвицкимъ—см. Молчановскій op. c. c. 376, Stadnicki Synowie Gedymina I, s. 211, wyd. 1881.

[3]) Заслуживаетъ вниманія одно обстоятельство: въ лѣтописномъ разсказѣ Скиргайло представляется дѣйствующимъ по приказу Витовта и въ то же время является уже княземъ кіевскимъ. Если Черкасы и Звенигородъ принадлежали къ Кіеву, то добыть ихъ—было личнымъ интересомъ Скиргайла, къ чему еще Витовтовъ приказъ?

всю Южную Русь, это имя употреблялось и позже—въ XVI и XVII в. [1]), и въ дѣйствительности къ Кіевщинѣ тянуло не только ближайшее Заросье, но причислялись и обширныя земли въ областяхъ нижняго Буга и Днѣпра, какъ предполагаютъ нѣкоторые ученые [2])? Я пока не берусь рѣшать это затрудненіе.

На востокѣ Кіевская земля по прежнему переходила за Днѣпръ; она не только сохранила за собою прежнюю надднѣпровскую полосу владѣній, о чемъ свидѣтельствуетъ рядъ разновременныхъ извѣстій, начиная съ XIV в. (такъ въ концѣ XIV в. кіевскому князю принадлежитъ с. Милославичи за Днѣпромъ; въ половинѣ XVI в. замковыми селами кіевскаго замка являются: Лутава, Погребы, Милославичи; въ половинѣ XVII в. кіевскіе мѣщане заявляютъ, что къ городскимъ грунтамъ искони принадлежали с. Вигуровщина и Рожевка—у р. Десны [3])); но къ ней были присоединены обширныя земли прежняго

---

[1]) Для примѣра приведу описаніе Подоліи, сдѣланное Кромеромъ: Podolia, ab aquilone et euro Albae Russiae, a caetero ortu vastis campis Tartaricis atque Turcicis, ut diximus, a meridie vero Moldaviae continens; totaque una satrapia censetur, quam Podolicam vocant (Polonia sive de situ, populis, moribus etc. regni Polonici, ed. 1578, p. 16). Смотри объ этомъ еще у Стадницкаго Synowie Gedymina I, p. 128, В. Б. Антоновича—Монографіи I, с. 127, Молчановскаго op. c. с. 7 сл. Самъ Стадницкій, опредѣляя пространство Подольской земли w dawniejszych czasach, относитъ къ числу подольскихъ городовъ и Черкасы (ibid. с. 133). Въ упомянутомъ выше обводѣ границъ Брацлавскаго воеводства заявляется, что повѣтъ Звенигородскій z wiekow iest do woiewodztwa Braclawskiego, z swoiemi granicami idzie z ziemię w. Kijowskiego aż do lasow Kaniewskich y granicy Czercaskiey, причемъ границею служитъ р. Рось. Звенигородскій повѣтъ несмотря на это долго занималъ межеумочное положеніе между Кіевщиною и Брацлавщиною и лишь въ XVII в., по условіямъ мѣстной колонизаціи, примкнулъ къ послѣдней.

[2]) В. Б. Антоновичъ—Монографіи I, с. 245, М. Ф. Владимірскій-Будановъ, Населеніе Южной Руси до пол. XV в. с. 57; приведу опредѣленіе территоріи Кіевщины въ XV в., сдѣланное послѣднимъ: княжество Кіевское „простиралось съ сѣвера отъ Мозыря за Припетью на югъ до Чернаго моря, и съ запада отъ бассейна Днѣстра на востокъ до Донца. Въ предѣлы кіевскаго княжества включалось не только будущее кіевское воеводство, но также браславское и часть подольскаго, а также Заднѣпровье отъ Любеча до Засулья". У г. Молчановскаго, на картѣ, приложенной къ его „Очерку", южная граница Кіевской земли идетъ по нижнему Тясмину, переходитъ затѣмъ на Высь и захватывая Дашевъ на Собѣ, направляется по верховьямъ сѣверныхъ притоковъ Южнаго Буга.

[3]) 1-ая лит.-русск. лѣт. с. 40. Описаніе кіевскаго замка—въ Архивѣ Ю.-З. Россіи. VII. I. с. 119—120. Монографіи В. Б. Антоновича I. с. 143. Относительно Остерщины см. грамоту Казиміра (между 1481 и 1490 г.)—въ Акт. Зап. Р. I, № 77. Въ упомянутомъ

Переяславскаго и отчасти Черниговскаго княжествъ: въ обводѣ границъ, сдѣланномъ при кн. Семенѣ Олельковичѣ (1455—1471) восточными границами этихъ новыхъ владѣній являются: Овечьи воды, верховья Самары и Оргѣя, Донецъ и Тихая Сосна [1]. Извѣстія о нихъ мы имѣемъ начиная съ XV в., но надо думать, что тянуть къ Кіевщинѣ онѣ начали еще раньше—съ утвержденіемъ здѣсь литовскаго верховенства и упадкомъ власти татарскихъ хановъ. Важнымъ свидѣтельствомъ о заднѣпровскихъ владѣніяхъ кіевскихъ князей могла бы служить еще грамота, выданная кѣмъ-то изъ кіевскихъ князей Юрію Ивантичу, родоначальнику князей Рожыновскихъ, и подтверждающая за нимъ обширныя владѣнія между нижнею Десною, Остромъ и Удаемъ, но подлинность этой грамоты возбуждаетъ нѣкоторыя сомнѣнія [2].

О сѣверномъ рубежѣ Кіевщины для XIII—XIV в. у насъ со-

выше описаніи границъ Кіевскаго воеводства восточная граница Кіевщины идетъ: z Lubcza wniz Dnieprem po obudwoch stron Dniepra, a z rzeki Desny do Ostrowca, odtąd do Kijowa Dnieprem, и ниже: przez Dniepr Lubeckiemi granicami do Ostrza y do Kijowa (Архивъ Ю.-З. Рос. VII, II с. 365).

[1]) Акты Западн. Россіи, II. № 199. О заднѣпровскихъ владѣніяхъ Кіева можетъ еще свидѣтельствовать грамота кн. Семена Олельковича, данная „на Прилуце за Днепромъ“ въ 1459 г.-см. Грамоты в. кн. Литовскихъ с. 20 21,—(ср. Дашкевича, Замѣтки по ист. л.-русск. госуд. с. 52), а также еще болѣе позднія данныя (XVI в.) о существованіи замковыхъ и мѣщанскихъ угодій—„уходовъ“ каневскихъ и черкасскихъ по Супою, Удаю, Сулѣ, Пслу, Ворсклѣ, Самарѣ, Орели и пр.—см. Архивъ Ю. З. Р. VII. I. с. 84, 86, 101—103.

[2]) Вотъ эти владѣнія: A w Siewieru Rożny ze wszytkim, Krechowo, Osowo, Swietilnowo, Berdowo, Ostrowiec, Buków, Warno, Wołuzów, Nieżyn, Dorohin, ze wszytkimi innymi uroczystymi puszczami w tym oddziele, począwszy od Desny po Udaj i po Osteż, i Sosnowski oddział, także ze wszytkimi, i Wysohor—см. у Руликовскаго Opis powiatu Wasylkowskiego s. 34—35—„по польской копіи, выданной въ 1568 г. изъ канцеляріи коронной“ (перепечатано у Похилевича Сказанія с. 190). Въ настоящемъ своемъ видѣ грамота не имѣетъ начала; она составляетъ, повидимому, подтвержденіе грамоты Владиміра Ольгердовича, помѣченной индиктомъ 4, т. е. 1366 или 1381 г. (въ 1396 г. Владиміра въ Кіевѣ уже не было): „My tedy to wszystko co przodkowie dali jemu ztwierdzamy“; но кто „зтвержалъ“ грамоту, неизвѣстно, и какъ самая грамота Владиміра, такъ еще больше—ея подтвержденіе ждутъ еще доказательствъ своей подлинности. О кн. Рожыновскихъ, происходившихъ будто бы отъ Тугоркана, тестя Святополка Изяславича, и ихъ интересномъ процессѣ см. у Руликовскаго с. 35 сл., В. Б. Антоновича Монографіи I. с. 209 сл.; см. также „О населеніи Южн. Руси до полов. XV в.“ проф. Владимірскаго-Буданова с. 63—64.

вершенно нѣтъ никакихъ данныхъ; но соображая, что и въ XII в. кіевскія владѣнія захватывали нѣкоторыя земли къ сѣверу отъ Припети и что позже, въ XVI в. и далѣе, къ Кіевской землѣ причислялся Мозырскій повѣтъ [1]), мы будемъ въ правѣ заключить, что такъ оно было и раньше XVI в.: что съ возстановленіемъ Кіевскаго княжества его князьямъ принадлежали также земли въ углу между Припетью и Днѣпромъ.

Покончивъ съ рубежами Кіевщины, остановимся нѣсколько на городахъ того времени; по этому предмету мы впрочемъ имѣемъ всего нѣсколько отрывочныхъ упоминаній, которыя, конечно, не въ состояніи дать никакого представленія о заселеніи земли; я ограничусь лишь свѣдѣніями о такихъ городахъ, которые не упоминались въ болѣе раннее время. Какъ мы видѣли уже, съ конца XIV в. на территоріи старой Кіевщины упоминается нѣсколько новыхъ городовъ, какъ Житомиръ, Черкасы, Звенигородъ [2]); относительно Звенигорода замѣчу, что онъ находился въ тѣ времена, правдоподобно, на урочищѣ Звенигора, въ трехъ верстахъ отъ теперешняго г. Звенигородки [3]). Къ этому нужно прибавить еще два города, находящіеся въ много разъ упомянутомъ спискѣ городовъ при Воскресенской лѣтописи; въ числѣ „градовъ Кіевскихъ“ встрѣчаемъ рядомъ съ Кіевомъ „на Днѣпрѣ Чернь“ [4]), этотъ Чернь съ значительною вѣроятностью

[1]) См. у Гваньини (Sarmatiae Europeae Descriptio 1581 f. 59 verso): Palatinatus Kiowiensis... districtum unum duntaxat Moserensem amplissimum tamen habet. Это свидѣтельство Гваньини (Стрыйковскаго), вообще далеко не свободнаго отъ ошибокъ, подтверждается свидѣтельствомъ описи мозырскаго замка 1552 г., изъ которой видно, что повѣтъ этотъ тянулъ тогда къ Кіеву въ военномъ отношеніи: ополченіе его собиралось по призыву кіевскаго воеводы—Архивъ Юго-Зап. Россіи VII т. I, с. 617. Смотри также описаніе границъ Кіевскаго воеводства 1566 г. (Архивъ Ю.-З. Р. VII. II, с. 365; по этому описанію предѣлы Кіевщины простирались на сѣверѣ до Любеча) и у Целларія (въ Матеріалахъ для ист. топогр. Кіева отд. II с. 98).

[2]) 1 лит.-русская лѣтоп. въ изд. Попова с. 39–40.

[3]) Похилевичъ—Сказанія с. 377, Антоновичъ—Объяснит. записка. Много кіевскихъ поселеній перечисляется въ записи о данахъ Кіевской церкви св. Софіи (Акты Зап. Р. I № 26), какъ Чудновъ, Романовъ, Хабно, Народычи и пр., но время составленія этой записи неизвѣстно и во всякомъ случаѣ она, несомнѣнно, относится уже къ болѣе позднему времени (редакція помѣтила ее: 1415 или позже).

[4]) Воскрес. л. I с. 240; въ варіантахъ его, изданныхъ Срезневскимъ—„Чернъ городокъ“ (Извѣст. и замѣт. о малоизв. и неизв. пам. I. № XL, с. 98). Ср. Матеріалы для ист.

можно пріурочить къ нынѣшнему с. Чернину (Чернинъ), на лѣвомъ берегу Днѣпра, противъ границы Кіевскаго уѣзда,—это село упоминается уже въ половинѣ XVI в. [1]). Далѣе, въ томъ же спискѣ, уже среди „градовъ Литовскихъ“, находимъ Ржищевъ, рядомъ съ Бѣлобережьемъ и Самарою: по всей вѣроятности, это нынѣшнее мѣстечко Ржищевъ; оно замѣстило собою, правдоподобно, старый городъ Иванъ [2]). Что до городовъ Побожья—Браслава, Сокольца, Винницы (Веницы), я не включаю ихъ сюда, такъ какъ они, несомнѣнно, не входили въ составъ Кіевской земли въ разсматриваемую эпоху, да и въ болѣе раннее, до-монгольское время территорія, гдѣ расположены они (исключая развѣ Винницы), вѣроятно тоже не принадлежала къ Кіевщинѣ. Къ какому времени относится основаніе этихъ городовъ, къ до-литовскому ли еще, или оно было уже дѣломъ князей Гедиминовичей, неизвѣстно. Относительно Черкасъ сохранилось народное преданіе, записанное еще въ половинѣ XVI в.: оно представляетъ этотъ городъ дѣломъ княжеской колонизаціи [3]), хотя, какъ было указано выше, есть основаніе думать, что поселеніе на этомъ мѣстѣ существовало еще въ XIII в. [4]).

Вотъ и всѣ тѣ немногія историко-географическія данныя о Кіевской землѣ послѣ монгольскаго нашествія, какія могъ я собрать. При дробности и разбросанности относящаго сюда матеріала, который при-

---

топогр. Кіева с. 175, также Указатель къ изд. Кіевск. археогр. ком. Новицкаго II. с. 882.

[1]) Архивъ Ю.-Зап. Р. VII, т. I. с. 597 (описаніе Остерскаго замка 1552 г.).

[2]) Воскрес. л. I. с. 241. Ср. Похилевичъ—Уѣзды Кіевскій и Радомысл. с. 144; что до предположенія этого писателя, будто Ржищевъ есть древній Вщижъ или Вжищъ, какъ читаетъ онъ, то оно не имѣетъ за собою ничего, кромѣ сходства именъ, и то довольно отдаленнаго (Вщижъ находился въ Черниговскомъ княжествѣ—ср. Барсова Геогр. нач. л. с. 327, также Чтенія въ Общ. Нестора II с. 163).

[3]) Архивъ Ю.-Зап. Р. ibid. с. 103: князь великій Литовскій Гедиминъ, завоевавъши надъ моремъ Кафу и весь Перекопъ и Черкасы Пятигорское, и приведъши Черкасовъ часть з княгинею ихъ, посадилъ ихъ на Снепородѣ; а инъшихъ на Днепре, где теперъ Черкасы сидять, а Снепородцевъ посадилъ на Днепрежъ у Каневе. Это преданіе о „початку Черкасъ и Канева“ интересно относительно самаго факта, хотя пріуроченье его къ Гедимину во всякомъ случаѣ анахронистично; ср. Антоновичъ—Монографіи I с. 56, Дашкевичъ—Замѣтки по ист. литов.-русск. госуд. с. 50—51.

[4]) См. с. 14.

ходится собирать на протяженіи нѣсколькихъ столѣтій, многое, вѣроятно, и изъ наличныхъ данныхъ ускользнуло отъ меня, несмотря на всѣ старанія. Но сколько нибудь достаточно заполнить многочисленные пробѣлы въ исторической географіи Кіевщины за это время возможно будетъ развѣ въ будущемъ, съ накопленіемъ новыхъ матеріаловъ. А мы пока ограничимся приведенными данными и перейдемъ къ обзору сначала исторіи, а потомъ—устройства и быта Кіевской земли за время отъ смерти Ярослава до монгольскаго нашествія.

II.

Кіевская земля до смерти Мстислава В.

(1054—1132).

Се же поручаю в себе мѣсто столъ свой старѣйшому сынови своему, брату вашему Изяславу, Кыевъ, сего послушайте, якоже послушасте мене, да ть вы будеть въ мене мѣсто. Начальная лѣтопись.

Половина XI вѣка представляетъ поворотный пунктъ въ исторіи Руси. Русскія волости, собранныя почти цѣликомъ въ рукахъ Ярослава Владиміровича, снова распались со смертью его, раздѣленныя между сыновьями. Явленіе это не представляетъ чего-нибудь новаго само по себѣ: то же было при сыновьяхъ Владиміра, Святослава и, вѣроятно, еще раньше, но на этотъ разъ оно оказало существенное вліяніе на политическій строй русскихъ племенъ. Послѣ этого, несмотря на попытки многихъ потомковъ Ярослава, русскія волости уже никогда, въ продолженіе долгаго ряда вѣковъ, не могли быть снова собраны воедино, какъ то бывало раньше. Съ одной стороны, препятствовало размноженіе князей и христіанская гуманность, удерживавшая ихъ отъ такихъ рѣзкихъ объединительныхъ средствъ, какія практиковались раньше, съ другой стороны—попытки объединительной политики парализовались стремленіемъ самихъ племенъ къ самобытному существованію, такъ какъ предшествовавшая эпоха, хотя придала извѣстное единство племенамъ, создала извѣстную связь между ними, но нисколько не стерла ихъ племенныхъ отличій, не заглушила влеченія къ особности. Теперь размноженіе княжескаго

дома доставило отдѣльнымъ племенамъ и областямъ возможность безъ большого труда, безъ разрыва съ установившимся политическимъ строемъ, достигнуть обособленія: стоило только обзавестись отдѣльнымъ княземъ, отдѣльною династіею изъ дома Ярослава. И по мѣрѣ того, какъ князья мельчали и ослабѣвали и въ своихъ столкновеніяхъ вынуждены были все болѣе опираться на земство, это послѣднее имѣло возможность пріобрѣсти, или, точнѣе, возвратить себѣ снова болѣе или менѣе широкое вліяніе и участіе въ политической жизни своей земли. Такъ создался новый, такъ называемый удѣльно-вѣчевой строй, составляющій отличительную особенность времени, слѣдующаго за смертью Ярослава, отъ предшествующаго.

Новыя условія политической жизни произвели особенно большія перемѣны въ положеніи Кіевской земли. Раньше Кіевъ представлялъ центръ, около котораго объединялись русскія земли; кіевскій князь обладалъ большимъ могуществомъ и авторитетомъ, земство было оттѣснено совершенно на второй планъ его дружиною. Теперь же, по мѣрѣ размноженія княжескаго рода, владѣнія кіевскихъ князей уменьшаются, постепенно падаетъ ихъ могущество и вліяніе; при отсутствіи опредѣленнаго порядка преемства на столѣ, это даетъ возможность другимъ князьямъ также предъявлять претензіи на Кіевъ, такъ какъ послѣдній далеко выдавался среди другихъ городовъ своимъ богатствомъ и славою и представлялъ поэтому завидную добычу. Начинается безконечная, упорная борьба за кіевскій столъ, который безпрестанно переходитъ изъ рукъ въ руки, и ни одна княжеская вѣтвь не можетъ на немъ осѣсться. Кіевское населеніе, вызванное къ политической дѣятельности этою тревожною жизнью, напрасно старалось прекратить неурядицу, поставить въ зависимость отъ себя преемство князей на столѣ и закрѣпить послѣдній за излюбленною династіею. Соперничество князей продолжалось, втягивало Кіевскую землю въ безконечныя войны, влекло за собою опустошенія ея, жестокія разоренія самого Кіева, наконецъ—давало кочевникамъ широкую возможность грабить землю, то въ видѣ враговъ, то въ видѣ княжьихъ союзниковъ, и результатомъ всего этого было совершенное ослабленіе и захуданіе Кіевской земли.

Таковъ общій характеръ кіевской исторіи отъ смерти Ярослава до монгольскаго нашествія. Слѣдя за внѣшнею политикою кіевскихъ князей, за судьбою кіевскаго стола и земли, за дѣятельностью кіев-

скаго населенія, нельзя однако не замѣтить на протяженіи этихъ двухъ вѣковъ болѣе или менѣе значительныхъ отличій, которыя дѣлятъ ихъ на нѣсколько отдѣльныхъ періодовъ. Въ первый періодъ еще живо даютъ себя чувствовать политическія традиціи предшествующаго времени: князья дѣятельно занимаются собираніемъ земель и нѣкоторые имѣютъ въ этомъ направленіи значительный успѣхъ, какъ напримѣръ Святославъ и Всеволодъ Ярославичи, Мономахъ и его сынъ Мстиславъ. Кіевъ занимаетъ безспорно первенствующее положеніе среди другихъ столовъ, кіевскіе князья обладаютъ большими волостями и если не всѣ они въ равной мѣрѣ умѣютъ пользоваться выгодами своего положенія, все же въ общемъ они играютъ весьма видную роль, а нѣкоторые достигаютъ замѣчательнаго могущества и авторитета, напоминая собою кіевскихъ князей предшествующаго времени. Преемство князей на кіевскомъ столѣ происходитъ въ этотъ періодъ безъ особыхъ смутъ и борьбы, и князья сидятъ на немъ въ общемъ довольно прочно (исключая Изяслава). Политическая дѣятельность кіевскаго населенія проявляется спорадически, всего нѣсколько разъ за все время, хотя имѣетъ опредѣленный, властный характеръ. Наконецъ этотъ періодъ отмѣченъ (по временамъ) весьма энергичною и успѣшною борьбою съ кочевниками. Этотъ періодъ можно, пожалуй, назвать временемъ преобладанія Кіева, или переходнымъ; гранью для него можетъ служить смерть Мстислава Владиміровича (1132 г.).

Слѣдующій періодъ, сравнительно небольшой, не обнимающій и полныхъ сорока лѣтъ, представляетъ самую живую, богатую страницу кіевской исторіи. Златой столъ кіевскій служитъ предметомъ искательствъ и оживленной борьбы многочисленныхъ претендентовъ: это періодъ борьбы за кіевскій столъ по преимуществу. Политическія отношенія усложняются, князья быстро смѣняются на кіевскомъ столѣ, восходя и сходя съ него иногда по нѣскольку разъ. Кіевское населеніе принимаетъ весьма живое и дѣятельное участіе въ политической жизни земли, хотя усилія его подчинить своему вліянію эту жизнь оказываются напрасными. Частыя войны между тѣмъ значительно ослабляютъ землю, кромѣ того она начинаетъ дѣлиться на части между захватившими столъ искателями и ихъ союзниками и помощниками. Разореніе Кіева войсками Андрея въ 1169 г. обрываетъ это напряженное, безпокойное время.

Третій періодъ обнимаетъ перипетіи постепеннаго упадка и за-

худанія Кіева. За первымъ разореніемъ послѣдовали новые погромы и разоренія, болѣе или менѣе губительныя. Кіевъ видимо отходитъ на второй планъ, значеніе политическаго центра въ Южной Руси пріобрѣтаетъ Галичъ, а на сѣверо-востокѣ еще раньше возвышается Владиміръ. Борьба за Кіевъ, какъ res nullius, по старой памяти ведется, но она лишена прежней энергіи, интензивности, имѣетъ какой то монотонный характеръ. Дробленіе Кіевской волости между князьями становится уже обычнымъ явленіемъ. Политическая дѣятельность земства ослабѣваетъ: оно какъ бы уходитъ въ себя, отчаявшись въ возможности осуществить свои стремленія. Возобновляются половецкія опустошенія, и борьба съ ними не имѣетъ прежняго успѣха. Монгольскимъ нашествіемъ оканчивается это время и начинается новый періодъ въ исторіи Кіевщины, періодъ чрезвычайно темный, но, можно догадываться, весьма знаменательный въ исторіи народной жизни.

Конечно, указанныя грани, какъ это обыкновенно бываетъ, лишь болѣе или менѣе приблизительно совпадаютъ съ дѣйствительными стадіями развитія и упадка Кіевской земли и не могутъ охватить собою всѣхъ многоразличныхъ и трудно уловимыхъ измѣненій въ жизни ея. Однако для болѣе удобнаго обозрѣнія исторіи Кіевщины я воспользуюсь ими и раздѣлю дальнѣйшее изложеніе на три отдѣла: отъ смерти Ярослава до смерти Мстислава Владиміровича, отъ княженія Ярополка до разоренія Кіева въ 1169 г. и отъ этого послѣдняго до нашествія монголовъ.

Ярославъ Владиміровичъ скончался въ февралѣ 1054 г., распредѣливъ свои волости между сыновьями; завѣщаніе, которое влагаетъ въ уста его лѣтописецъ, указываетъ владѣнія послѣднихъ и опредѣляетъ ихъ взаимныя отношенія, но при этомъ перечисляются только главные столы, о другихъ же волостяхъ умалчивается, и мы, съ помощью другихъ лѣтописныхъ извѣстій, только до нѣкоторой степени можетъ восполнить этотъ пробѣлъ. Старшій сынъ Ярослава, Изяславъ, по этому завѣщанію получаетъ Кіевскую волость, въ составъ которой впервые вошла теперь и Древлянская земля, составлявшая отдѣльную волость при сыновьяхъ Святослава и Владиміра. Еще раньше, при жизни Ярослава, когда послѣдній раздавалъ волости сыновьямъ въ управленіе, Изяславъ получилъ землю дреговичей, затѣмъ когда

скончался старшій его братъ Владиміръ (въ 1052 г.), сидѣвшій въ Новгородѣ, Изяславъ былъ переведенъ на этотъ столъ, но сохранилъ за собою и Дреговичскую волость; такъ заставляютъ думать упоминанія лѣтописей: они говорятъ, что въ моментъ смерти отца Изяславъ княжилъ въ Туровѣ, а находился въ Новгородѣ; по смерти отца за нимъ, кромѣ Кіева, остались и Новгородъ и Туровъ [1]. Другіе Ярославичи получили: Святославъ—Черниговскую волость, Всеволодъ Переяславскую, Игорь—Волынь, Вячеславъ—Смоленскъ; полагаютъ, что кромѣ того Святославъ получилъ еще Муромъ и Тмутаракань, а Всеволодъ землю Ростово-Суздальскую [2]. Слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ предположеніи; въ большинствѣ списковъ лѣтописи имя Игоря опущено въ завѣщаніи Ярослава; это подало поводъ Карамзину высказать мнѣніе, что Волынь принадлежала изначала къ волости Изяслава и была отдана братьями Игорю, какъ частный удѣлъ кіевскій. Но это предположеніе не можетъ быть принято: нельзя удовлетворительно объяснить, почему бы Игорь, уже взрослый въ моментъ смерти отца, не получилъ отъ него самостоятельной волости [3].

---

[1] Ипат. л. с. 114 „(Ярославъ) разболѣся велми, Изяславу тогда (сущу) в Туровѣ князящю, а Святославу вь Володимирѣ, а Всеволодъ тогда у отца" (такъ и въ Тверскомъ сборникѣ—с. 151). Въ Лавр. (с. 157): „Изяславу тогда сущю"...—названіе города пропущено, но пропускъ восполняется позднѣйшими сводами—Воскрес. (I. 333), Софійск. (I. 156): „Изяславу сущу тогда въ Новѣгородѣ". Въ южнорусскомъ, т. н. Густинскомъ сводѣ (с. 268): „первѣе бо держаху Изяславъ Туровъ, а Святославъ Володымеръ". Аналогическое явленіе видимъ и при сыновьяхъ Владиміра, когда въ Туровѣ сидѣлъ Святополкъ, одинъ изъ старѣйшихъ сыновей. См. Погодинъ Изслѣдован. и пр. IV. 426—427; Соловьевъ Ист. Россіи т. II с. 402—403 (прим. 27). Что Новгородъ и по смерти отца принадлежалъ Изяславу, это показываютъ распоряженія его относительно Новгорода, начиная съ 1054 г.—см. Воскрес. л. I. 333 и другіе своды, а также свидѣтельство послѣсловія Остромирова Евангелія 1057 г.: Изяславу кънязу.... тогда прѣдрьжащу обѣ власти, и отьця своего Ярослава и брата своего Владимира (послѣсловіе см. напр. у Срезневскаго—Древніе памятн. рус. письма и языка с. 14, есть оно и у Карамзина—II пр. 144). О Туровѣ такихъ прямыхъ извѣстій нѣтъ, но важно то, что онъ является потомъ ближайшимъ, непремѣннымъ владѣніемъ линіи Изяслава и аннексомъ Кіева, „кіевскою волостью" (см. выше с. 4).

[2] См. прибавленія къ Новгор. первой лѣт. (изд. 1888 г. с. 66 и 438), Тверской сб. с. 15, Лѣт. Авраамки с. 313. Карамзинъ II с. 40—41 и прим. 50, Соловьевъ II, с. 13, Бестужевъ-Рюминъ Русская Исторія I с. 107 и др.

[3] Карамзинъ II пр. 50. Возраженія см. у Погодина Изслѣдованія IV с. 429 слѣд., Соловьева II. с. 402, ср. Истор. отнош. князей Рюрик. дома с. 70—1 (отъ высказаннаго

Отношенія кіевскаго князя къ младшимъ братьямъ въ завѣщаніи Ярослава приравниваются къ отношеніямъ отца къ дѣтямъ: „се же поручаю в себе мѣсто столъ свой старѣйшому сынови своему, брату вашему Изяславу, Кыевъ, сего послушайте, якоже послушасте мене, да ть вы будеть вь мене мѣсто“ [1]). Такая формулировка весьма неопредѣленна, особенно при обязанности взаимной любви, взаимнаго послушанія, потому установленіе тѣхъ или другихъ отношеній зависѣло всецѣло отъ личныхъ свойствъ и средствъ кіевскаго князя: князь могущественный и энергичный могъ обратить братскія отношенія въ подчиненныя, князь слабый не шелъ дальше призрачнаго старѣйшинства.

Изяславъ Ярославичъ въ моментъ смерти отца находился уже въ возмужаломъ возрастѣ—ему было около 30 лѣтъ и онъ уже нѣсколько лѣтъ былъ женатъ, но этотъ князь, при нѣкоторыхъ, быть можетъ, добрыхъ свойствахъ, былъ лишенъ энергіи, рѣшительности, широкаго ума. Поэтому, какъ можно судитъ изъ лѣтописныхъ извѣстій, онъ не игралъ среди братьевъ особенно вліятельной, первенствующей роли: старшіе Ярославичи—Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ обыкновенно дѣйствуютъ сообща, и лѣтопись не даетъ никакого намека на инциціативу Изяслава. Сообща братья переводятъ Игоря въ Смоленскъ изъ Владиміра, освобождаютъ изъ кіевскаго поруба дядю Судислава, заточеннаго Ярославомъ, предпринимаютъ походъ на торковъ, дѣлаютъ постановленіе объ отмѣнѣ кровавой мести [2]). Тутъ, конечно, много значитъ краткость самихъ извѣстій, но о характерѣ отношеній они все же могутъ дать понятіе; особенно интересенъ фактъ освобожденія Судислава: чтобы освободить этого узника, который сидѣлъ въ волости Изяслава и могъ предъявить притязанія

здѣсь (с. 72—3) скептическаго взгляда на завѣщаніе Ярослава Соловьевъ потомъ отказался—см. Ист. России l. с.). О Игорѣ въ завѣщаніи упомянуто только въ Академическомъ (Троицкомъ) спискѣ Лавр. лѣтоп. (по словамъ Карамзина, это приписка, сдѣланная другою рукою), также въ упомянутыхъ прибавленіяхъ къ Новг. первой (с. 91) и другихъ сводахъ: Воскрес. (I. 333), Никоновск. (I. 85), Тверскомъ (с. 151). Годъ рожденія Игоря намъ неизвѣстенъ, но скончавшись шесть лѣтъ спустя, онъ оставилъ послѣ себя двухъ сыновей.

[1]) Ипат. с. 113.

[2]) Ипат. л. с. 114 (Лавр. с. 158—159); Русск. Правда по сп. Академическому ст. 18 (Христоматія по ист. рус. права М. Ф. Владимірскаго-Буданова в. I с. 29).

только на волость послѣдняго (Псковъ), повидимому, не требовалось участія Святослава и Всеволода, тѣмъ не менѣе подъ 1159 г. читаемъ, что „Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ высадиша стрыя своего (Судислава) ис поруба" [1]).

Отъ предшествующаго періода была унаслѣдована традиція собиранія волостей: волости, розданныя дѣтямъ кіевскаго князя, обыкновенно собирались снова черезъ нѣкоторое время въ рукахъ одного изъ его сыновей. Эта собирательная политика проявляется, какъ было упомянуто, и у потомковъ Ярослава. Носителемъ ея естественнѣе всего было явиться Изяславу, какъ старшему и болѣе могущественному, но на дѣлѣ оказывается иное: старшіе Ярославичи эту собирательную политику ведутъ тоже сообща, на общій пай и потомъ распредѣляютъ между собою добытыя волости. Что то не было проявленіе искреннихъ братскихъ отношеній, это показываютъ ихъ далеко не родственные поступки въ отношеніи къ племянникамъ и другъ къ другу; причиною такого кооперативнаго образа дѣйствій былъ, правдоподобно, недостатокъ энергіи у Изяслава и рѣшительнаго преобладанія по сравненію съ братьями.

Первымъ пріобрѣтеніемъ братьевъ была, кажется, Волынь. Вячеславъ Ярославичъ скончался въ 1057 году, оставивъ сына Бориса; на его мѣсто старшіе Ярославича „посадиша Игоря въ Смольньсцѣ изъ Володимеря выведше". Какъ поступили братья съ Волынью, лѣтопись не сообщила и тѣмъ заставила изслѣдователей прибѣгнуть къ гипотезамъ. Я остановлюсь нѣсколько на этомъ вопросѣ, такъ какъ то или другое рѣшеніе его даетъ извѣстное освѣщеніе политикѣ старшихъ Ярославичей, а также потому, что этимъ рѣшается вопросъ о томъ, когда Волынь перешла во владѣніе кіевскаго князя. Карамзинъ полагалъ, что Волынь возвращена была Изяславу, какъ его исконная волость, лишь на время отданная Игорю [2]); но Татищевъ говоритъ, что Волынь была передана Ростиславу, сыну Владиміра Ярославича, который первоначально, по смерти отца, княжилъ въ Ростовѣ; это извѣстіе принимаютъ и нѣкоторые современные ученые [3]).

---

[1]) Ипат. л. с. 114 (Лавр. 158); 1 Новг. с. 2.

[2]) Исторія Госуд. Росс. II пр. 50.

[3]) Татищевъ—Исторія россійская т. II, с. 117; Соловьевъ—Ист. Росс. II, пр. 32; Зубрицкій—Ист. Гал.-Русск. княж. II с. 11; Андріяшевъ—Исторія Волын. зем. с. 106-107.

Но прежде всего нужно бы знать, какой характеръ имѣлъ переводъ Игоря въ Смоленскъ—повышенія или пониженія. Тѣ, которые принимаютъ приведенное извѣстіе Татищева, держатся, вслѣдъ за нимъ, того мнѣнія, что Игорь былъ моложе Вячеслава, и переводъ его въ Смоленскъ былъ повышеніемъ, перемѣщеніемъ съ низшей волости на высшую. Годъ рожденія Игоря сообщаетъ только тотъ же сводъ Татищева [1]), изъ лѣтописей мы его не знаемъ, и очень можетъ быть, что дата Татищева есть только его домыслъ; между тѣмъ при перечисленіи сыновей Ярослава, Игорь стоитъ между Всеволодомъ и Вячиславомъ [2]): выходитъ, что Игоръ былъ старше Вячеслава; въ такомъ случаѣ и переводъ его въ Смоленскъ былъ не повышеніемъ, а пониженіемъ. И лѣтопись о переводѣ Игоря въ Смоленскъ выражается такъ, что скорѣе, можно думать, рѣчь идетъ о насильственномъ перемѣщеніи (посадиша—выведше [3])), а разъ перемѣщеніе Игоря было насильственнымъ, было пониженіемъ, то старшіе Ярославичи, конечно, не съ тѣмъ выводили изъ Владиміра своего брата, чтобы дать мѣсто племяннику Ростиславу. Если это было такъ, то переводъ Игоря является со стороны старшихъ Ярославичей первымъ шагомъ на пути собиранія волостей. Волынь мы видимъ позднѣе въ рукахъ Изяслава; конечно, онъ, какъ старшій, имѣлъ право на первый пай съ пріобрѣтенномъ, хотя въ 1057 г. онъ могъ получить и не всю Волынь, а лишь часть ея [4]).

Все то, что я сказалъ, конечно, только предположеніе. Безспорнымъ пріобрѣтеніемъ братьевъ была Смоленская волость—по смерти Игоря, который скончался въ 1060 г.; по извѣстію позднѣйшихъ сво-

---

[1]) По Татищеву Игорь родился въ 1036 г., а Вячеславъ въ 1034 (П с. 105, 106) но онъ могъ родиться и въ промежуткѣ между рожденіемъ Всеволода (1030) и Вячеслава (по Ипат. 1034, по Лавр. 1036 г.).

[2]) Въ разсказѣ о кончинѣ Ярослава сыновья его перечисляются два раза—см. Лавр. с. 157-8, Воскрес. I. с. 333 и пр. Особенно важно второе перечисленіе, относительно котораго нѣтъ разночтеній: „пришедъ Изяславъ сѣде въ Кыевѣ, а Святославъ въ Черниговѣ, Всеволодъ же въ Переяславлѣ, Игорь въ Володимерѣ, Вячеславъ въ Смоленсцѣ“ (Ипат. л. с. 114, Лавр. с. 158).

[3]) Такое мнѣніе высказалъ и П. В. Голубовскій, Исторія Сѣверской земли с. 64.

[4]) Можетъ быть и Ростиславъ получилъ при этомъ какую нибудь часть въ Волынской волости (потомство его дѣйствительно имѣетъ какую-то связь съ Волынью), но не всю ее.

довъ, Смоленская волость была раздѣлена между Ярославичами на три части; позже мы видимъ ее у Всеволода [1]). Что касается Волыни, то она, если бы и была отдана Ростиславу, несомнѣнно перешла къ Изяславу въ 1064 г., когда Ростиславъ бѣжалъ, неизвѣстно—откуда, неизвѣстно—почему, въ Тмутаракань. По мнѣнію Соловьева, Ростиславъ, получивъ Волынь, былъ недоволенъ, что его по смерти Игоря не перевели въ Смоленскъ [2]). Едва ли можно принять это объясненіе. Вѣроятнѣе будетъ предположить, что Ростиславъ, если дѣйствительно владѣлъ волостью на Волыни, бѣжалъ вслѣдствіе какихъ-нибудь захватовъ или притѣсненій со стороны дядей [3]).

Такимъ образомъ въ 1064 г. волость Изяслава уже занимала, надо думать, весь бассейнъ Припети и далѣе на западъ—области въ верховьяхъ Западнаго Буга, Днѣстра и Сана. Условія, въ которыхъ находились въ первое десятилѣтіе по смерти Ярослава русскія земли, въ частности Кіевская область, были весьма благопріятны. Союзъ старшихъ Ярославичей обезпечивалъ внутреннее спокойствіе; обезземеленные племянники, дѣти Игоря и Вячеслава, были еще малы, быть можетъ находились внѣ русскихъ земель. Степь, этотъ вѣчный врагъ Южной Руси, оставила ее на время въ покоѣ. Въ ней

---

[1]) Въ Воскрес. (I. 333) и Софійск. (I. 156) это извѣстіе стоитъ подъ 1054 г., очевидно не на мѣстѣ; въ Тверскомъ сб. (с. 153) и у Кромера (De origine et rebus gestis Polonorum p. 54, ed. 1584, съ ссылкою на annales Russorum) раздѣлъ слѣдуетъ за смертью Игоря. Извѣстіе о раздѣлѣ Смоленской волости на три части можетъ служить нѣкоторымъ аргументомъ противъ мнѣнія, что Волынь была первымъ пріобрѣтеніемъ старшихъ Ярославичей, но не рѣшительнымъ, особенно если предположить, что Волынь тоже не перешла цѣликомъ въ руки Изяслава. Отмѣчу, что извѣстіе о раздѣлѣ Смоленска отвергалъ Полевой (Истор. рус. нар. II с. 294) и полагалъ, что Смоленскъ достался Святославу; наоборотъ, Бѣляевъ думалъ, что его захватилъ, какъ и Волынь, Изяславъ (Разсказы изъ русск. ист. I. с. 109). Что Смоленскъ принадлежалъ Всеволоду раньше изгнанія Изяслава, видно изъ Поученія Мономаха—Лавр. с. 238.

[2]) Ипат. л. с. 115 (Лавр. 159). Соловьевъ II с. 14.

[3]) Ростиславъ бѣжалъ черезъ 4 года послѣ смерти Игоря; при томъ было бы слишкомъ легкомысленно бросать Волынь съ Червенскими городами (какъ выходитъ по Татищеву—II, 189) и отправляться въ Тмутаракань въ надеждѣ на лучшую волость, въ родѣ Смоленской (если только еще Смоленская была лучшею). Въ Никон. сводѣ (т. I с. 92) сказано, что Ростиславъ бѣжалъ изъ Новгорода, но это можетъ быть и догадка составителя свода; Карамзинъ (II с. 42 и пр. 115), Арцыбашевъ (I ч. 2 с. 25) и другіе ученые принимали это извѣстіе.

самой происходила теперь упорная борьба, сопровождавшая обыкновенно смѣну одного кочевого племени другимъ: торки, вытѣснившіе и смѣнившіе на короткое время печенѣговъ, подверглись теперь, въ свою очередь, нападенію половцевъ и въ борьбѣ за свое существованіе не имѣли возможности безпокоить Руси. Во все время отъ послѣдняго нашествія печенѣговъ (1034 г.), въ продолженіи болѣе чѣмъ тридцати лѣтъ, не слышно нападеній кочевниковъ на Кіевскую землю, во все это время она не подвергалась нападенію и какой-либо другой рати. Въ 1060 году Ярославичи вмѣстѣ со Всеславомъ полоцкимъ, „совокупивше воя бещислены“ (вѣроятно, въ походѣ принимали участіе, кромѣ дружины, и земскія ополченія Кіевской и другихъ земель), на коняхъ и лодьяхъ, впервые предприняли наступательный походъ въ степь. Тѣснимые съ двухъ сторонъ, торки не выдержали; по предположенію лѣтописца, они совершенно погибли въ это время отъ голода и холода, „Божіимъ гнѣвомъ гоними“; въ дѣйствительности они двинулись на юго-западъ, за Дунай [1]). Въ Татищевскомъ сводѣ прибавлено, что князья захватили плѣнниковъ и разселили ихъ по городамъ; лѣтописное ли это извѣстіе, или предположеніе историка, но самый фактъ весьма вѣроятенъ: поселенія торковъ въ предѣлахъ Кіевской и Переяславской областей впервые упоминаются въ восьмидесятыхъ годахъ, но поселены они были тамъ, надо полагать, еще раньше, и наиболѣе удобнымъ моментомъ является именно походъ 1060 г. [2]). Мѣсто торковъ въ степяхъ заняли половцы, и Русь немедленно испытала непріятности этого новаго сосѣдства: въ слѣдующемъ же году половцы вторгнулись въ Переяславскую волость, а нѣсколько лѣтъ спустя пришлось познакомиться съ ними и Кіевской землѣ [3]).

---

[1]) См. у П. В. Голубовскаго—Печенѣги etc. с. 47 и 78. Иловайскій т. I с. 115. Карамзинъ т. II. пр. 112.

[2]) Ипат. с. 114—5 и 143, Лавр. с. 240 (Поученіе Мономаха), Татищевъ II с. 116; ср. выше с. 31.

[3]) У Татищева подъ 1064 (т. II с. 118) разсказывается, что половцы съ тѣмъ же княземъ Сокаломъ, который въ 1061 году ходилъ на Переяславскую волость, напали на Русскую землю, но были разбиты Изяславомъ; это у него, очевидно, повтореніе извѣстія о побѣдѣ Святослава надъ половцами 1068 г., пріуроченное по ошибкѣ къ Изяславу: здѣсь также фигурируетъ Сіовскъ (т. е. Сновскъ ср. с. 122), 1 ноября, 12000 половцевъ и т. д. Извѣстіе о побѣдѣ Изяслава надъ половцами есть и у Стрыйковскаго (I р. 167), въ

Другіе походы, предпринятые Изяславомъ, не имѣли особеннаго значенія для Кіевской земли и происходили, вѣроятно, безъ участія кіевскаго ополченія; такъ онъ ходилъ на чудь и на сосоловъ, отрасль того же чудскаго племени, жившую за Чудскимъ озеромъ [1]); эти походы предприняты были, очевидно, въ интересахъ Новгородской волости. Вслѣдствіе малолѣтства сыновей (старшій изъ нихъ—Святополкъ родился въ 1050 г.) [2]), Изяславъ управлялъ Новгородомъ чрезъ посадника, а въ болѣе важные походы, какъ видно, отправлялся самъ Затѣмъ лѣтопись сообщаетъ объ удачномъ походѣ его на Голядь, народъ, по всей вѣроятности, литовскаго племени [3]).

Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ совмѣстнаго похода на торковъ, Всеславъ началъ враждебныя дѣйствія противъ волостей Изяслава. Онъ осаждаетъ Псковъ, затѣмъ беретъ Новгородъ. Братья явились па помощь Изяславу, всѣ трое вторглись въ волость Всеслава, разграбили Минскъ, затѣмъ Всеславъ былъ разбитъ на р. Немизѣ. Этимъ дѣло не кончилось; зазвавъ для переговоровъ, его вѣроломно схватили и заточили въ Кіевѣ, вмѣстѣ съ двумя сыновьями. Татищевъ приписываетъ инициативу этого измѣнническаго поступка Святославу, но лѣтописецъ скорѣе считаетъ виновникомъ Изяслава; по крайней мѣрѣ онъ отмѣчаетъ, что именно Изяслава вслѣдъ за тѣмъ постигла кара за клятвопреступленіе [4]). Весьма вѣроятно предположеніе, что Изя-

---

извлеченіи изъ Kroniki Ruskiej, и также, по всей вѣроятности, отнесено къ Изяславу по ошибкѣ, вмѣсто Святослава (ошибокъ въ именахъ въ этомъ извлеченіи есть довольно).

[1]) Софійск. I. 156—157. Воскр. I. 333. Тверск. с. 152—3. Никон. I. 86, 92. О мѣстожительствѣ Сосоловъ и прочей Чуди см. у Барсова—Географія с. 47—48.

[2]) 1 Новгор. с. 2.

[3]) Ипат. с. 114 (1058 г.). Происхожденіе и мѣстожительство голядей до сихъ поръ не опредѣлено достаточно—Барсовъ Географія Нач. Лѣтоп. с. 43. Ходаковскій, Соловьевъ (II с. 34) видѣли здѣсь Голядь, сидѣвшую на р. Протвѣ; см. еще Погодина Изслѣдов. V с. 249—250.

[4]) Ипат. с. 115, 117—8. Лавр. с. 159, 162—3. 1 Новг. с. 29. 2 Псковская с. 8 (въ Полн. собр. лѣт. т. V). Татищевъ II с. 119; свидѣтельство его принялъ П. В. Голубовскій, Ист. Сѣв. зем. с. 68. Карамзинъ прямо выставляетъ Изяслава дѣйствующимъ въ этомъ случаѣ единолично (II. с. 43), въ лѣтописи это не высказано такъ рѣзко: „Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ целовавше крестъ честный к Всеславу, онъ же надѣяся целованія креста, переѣха в лодьи чресъ Днѣпръ. Изяславу же въ шатеръ предъидущю и тако яша Всеслава, преступивше крестъ. Изяславъ же приведе Всеслава Кыеву", а ниже: „се же Богъ яви крестьную силу, понеже Изяславъ цѣловавъ крестъ, и я и" (Ипат. с. 117 и 121).

славъ уступилъ при этомъ Новгородскую волость Святославу, а себѣ взялъ Полоцкъ, гдѣ и посадилъ своего сына Мстислава, изгнаннаго Всеславомъ изъ Новгорода [1]); во всякомъ случаѣ въ 1069 г. Новгородъ уже принадлежалъ Святославову дому: въ немъ сидѣлъ Глѣбъ Святославичъ [2]).

Кара за клятвопреступленіе въ отношеніи Всеслава постигла Изяслава спустя годъ. Въ 1068 г. [3]) половцы вторично напали на Переяславское княженіе, въ гораздо большемъ числѣ, чѣмъ прежде. Изяславъ и Святославъ на этотъ разъ поспѣшили на помощь Всеволоду. Половцы проникли уже за Трубежъ, на Альтѣ произошло сраженіе, въ которомъ русскіе были совершенно разбиты. Изяславъ поспѣшно бросился съ своими ратниками въ Кіевъ; съ нимъ вмѣстѣ бѣжалъ и Всеволодъ, не рѣшившійся оставаться въ Переяславлѣ. Половцы вслѣдъ за ними также переправились черезъ Днѣпръ и разсыпались загонами по Кіевской землѣ. Это было совершенною неожиданностію для Кіевщины, успѣвшей за послѣднее время уже отвыкнуть отъ подобныхъ вторженій. Пораженіе и нападеніе половцевъ только раздражили кіевлянъ: „людье Кыевьстии прибѣгоша Кыеву, и створивше вѣче на торговищи (на Подольѣ), и рѣша пославшеся ко князю: се половци росулися по земли; да вдай, княже, оружья и кони, и еще бьемься с ними. Изяславъ же сего не послуша" [4]). Естественнѣе всего думать,

---

[1]) Соловьевъ II пр. 55. Едва ли братья предоставили бы Изяславу Полоцкъ, не получивъ вознагражденія за свою помощь: Изяславъ получилъ Волынь, у Всеволода видимъ Смоленскъ, и Святославъ долженъ былъ получить какую-нибудь волость.

[2]) 1 Новг. с. 2. Карамзинъ (II пр. 125) справедливо полагалъ, что Святославъ послалъ сына Глѣба въ Новгородъ уже по изгнаніи Изяслава: зимою 1068 г. Глѣбъ еще былъ въ Тмутаракани, какъ видно изъ надписи на Тмутараканскомъ камнѣ (см. напримѣръ у Срезневскаго—Др. пам. рус. письма и яз. с. 15, у Карамзина—II пр. 120).

[3]) Такъ датировано это событіе во всѣхъ спискахъ Ипатской, 1 Новг., Лавр. спискѣ и сводахъ, въ Радзив. же и Академ. спискахъ помѣщено подъ 1067 г.; такая же разница и относительно слѣдующаго года.

[4]) Это важное мѣсто лѣтописи (Ипат. с. 120, Лавр. с. 166) возбуждаетъ нѣкоторыя недоумѣнія. Прежде всего, кто такіе были „людье Кыевьстии"—окрестные ли жители, сбѣжавшіеся отъ половецкаго набѣга (такъ думалъ Хлѣбниковъ—Общество и государство с. 262), или прибывшее съ поля битвы ополченіе? Обыкновенно предполагаютъ второе, и это очень вѣроятно: на такое пониманіе наводятъ самыя слова вѣча (и еще бьемся с ними), при томъ земскія ополченія обыкновенно участвовали въ походахъ на кочевниковъ. Если

что это требованіе испугало его; вѣроятно, съ самаго начала народное движеніе приняло враждебный по отношенію къ нему характеръ: могли винить князя въ пораженіи, жаловаться на бездѣйствіе при опустошеніи земли половцами, и это тѣмъ болѣе, что еще раньше, повидимому, существовали натянутыя отношенія у населенія къ князю, и не мало, надо, думать, людей было арестовано послѣднимъ. Когда народъ узналъ объ отказѣ князя, неудовольствіе обратилось на тысяцкаго Коснячка, предводителя земскаго ополченія. Все вѣче двинулось къ нему на Гору, къ его дому; не найдя его, снова остановилось для совѣщанія у двора Брячиславля; неудовольствіе на князя, очевидно, возрастало и переходило въ открытое противленіе. Рѣшили освободить „свою дружину" [1])—кіянъ, сидѣвшихъ въ княжьемъ погребѣ; одна часть вѣча пошла съ этою цѣлью къ погребу, другая направилась ко княжьему двору и начала препираться съ княземъ горячо, съ крикомъ. Подошла и другая часть людей, освободивъ узниковъ. Народъ, раздраженный напраснымъ препирательствомъ, уже приходилъ къ рѣшенію замѣнить Изяслава другимъ княземъ; подъ рукою былъ Всеславъ, прославившій чародѣемъ за свою ловкость, сидѣвшій тоже

же принять, что земское ополченіе участвовало въ походѣ, то этимъ устраняется предположеніе, что княземъ было запрещено населенію ношеніе оружія, вслѣдствіе натянутыхъ отношеній, почему кіяне и обратились за оружіемъ къ Изяславу (Костомаровъ Монографіи I с. 178). Такое предположеніе само по себѣ невѣроятно: запретить ношеніе оружія и отобрать его у вооруженнаго кіевскаго земства едва ли бы рѣшился и болѣе энергичный князь, чѣмъ Изяславъ. Вѣроятно, кіяне просили оружія и коней взамѣнъ потеряннаго въ битвѣ и для снабженія болѣе бѣдныхъ „людей", не имѣвшихъ ни того, ни другаго. См. также соображенія г. Линниченка, Вѣче въ Кіевской области с. 18. Упомяну еще объ объясненіи отказа Изяслава, сдѣланномъ нѣкогда Соловьевымъ: позволить кіянамъ однимъ идти на половцевъ (такъ понималъ авторъ требованіе населенія)—значило для князя отказаться отъ своей обязанности защитника земли, потерять свое значеніе (Ист. отнош. князей. Рюрик. дома с. 82). Длугошъ, разсказывающій этотъ эпизодъ весьма близко къ лѣтописи, объясняетъ отказъ Изяслава опасеніемъ, что кіевляне снова потерпятъ неудачу (l. III p. 249).

[1]) „Дружину" въ Ипат., „дружину свою" въ Лавр., прибавл. къ 1 Новг. (с. 101) и сводахъ (Софійск., Воскрес., Никон., Тверск.). Арцыбашевъ напрасно разумѣлъ здѣсь дружину полоцкую (т. I., ч. 2 пр. 145); ни на чемъ не основано и предположеніе его, что Брячиславовъ дворъ, гдѣ остановилось вѣче для совѣщанія, принадлежалъ Брячиславу Полоцкому и находился на Лыбеди (ibidem пр. 147). Г. Сергѣевичъ слово „дружину свою" относитъ къ Всеславу—т. е. какъ бы „нашего товарища" (Вѣче и князь с. 398), это толкованіе принялъ и г. Самоквасовъ въ своихъ „Замѣткахъ по ист. русск. госуд. устрой-

въ порубѣ неподалеку [1]). Дружина совѣтовала Изяславу стеречь покрѣпче этотъ порубъ, потомъ даже—тихонько убить Всеслава. Изяславъ не рѣшался; человѣкъ вообще мало энергичный, онъ видимо растерялся и не предпринималъ никакихъ мѣръ противъ движенія. Наконецъ „людье же кликнуша и идоша къ порубу Всеславлю". Тутъ Изяславъ съ Всеволодомъ бросились бѣжать со двора а Всеславъ былъ превозглашенъ княземъ: „поставиша и средѣ двора княжа". Это было на другой день воздвиженія креста: силою честнаго креста, который оскорбилъ Изяславъ, схвативъ Всеслава, и къ которому воззвалъ заточенный Всеславъ, былъ освобожденъ послѣдній. Княжескій дворъ, богатства княжьи были разграблены, но никакихъ другихъ буйствъ, грабежей лѣтопись не разсказываетъ [2]). Народное движеніе, какъ оно представляется въ лѣтописи, имѣетъ сдержанный, послѣдовательный характеръ. Причиною его является недовольство образомъ дѣйствій князя, его нерадѣніемъ о землѣ, и движеніе направляется исключительно противъ него, сначала въ видѣ протеста, затѣмъ приводитъ къ низложенію князя и поставленію на его мѣсто новаго лица. Разграбленіе двора, оставшагося безъ хозяина, слѣдуетъ уже за бѣгствомъ Изяслава. Любопытно, что между тѣмъ какъ по лѣтописному разсказу Всеславъ былъ освобожденъ волею всего населенія (людье

ства и управленія (Журналъ Мин. Нар. Просв. 1869. XI. с. 75.); хотя такое объясненіе слова „дружина" само по себѣ возможно (такъ „дружина" въ современномъ малорусскомъ языкѣ означаетъ жену), но „своею дружиною" кіевляне никакъ не могли назвать полоцкаго князя. Хлѣбниковъ (Общество и государство с. 264) разумѣлъ подъ дружиною бояръ—участниковъ движенія, но слово это, вѣроятнѣе всего, употреблено въ смыслѣ „товарищи, сограждане", какъ и въ Ипат. с. 207 (строка 13) или 376 (ст. 10). Здѣсь разумѣются, надо думать, не какіе-либо обыкновенные преступники: о преступникахъ обычныхъ, при томъ не многочисленныхъ, едва ли народъ вспомнилъ бы въ такой важный моментъ, а многочисленность сама уже будетъ признакомъ какихъ-то ненормальныхъ отношеній князя къ народу. Татищевъ (т. II с. 120) объясняетъ еще, будто народъ былъ недоволенъ на Коснячка за то, что онъ отговаривалъ князя дать оружіе, народъ хотѣлъ убить его и домъ разграбить; послѣднее противорѣчитъ лѣтописи, при томъ если посланцы видѣли Коснячка на княжьемъ дворѣ, зачѣмъ народу было ходить къ дому его?

[1]) „Изяславу сѣдящу на сенѣхъ с дружиною своею, и начаша прѣтися съ княземъ, стояще долѣ, а кьнязю изо оконца зрящю и дружинѣ стоящи у князя, рече Тукы, Чюдиновъ брать, Изяславу: „видиши, княже, людье възвыли; посли, ать блюдуть Всеслава". Ипат. с. 120. Отмѣчу, что у Кромера освобожденія Всеслава добивается Russica nobilitas (p. 54).

[2]) Ипат. 120—121 (Лавр. 166—167), 1 Новг.с. 2.

же кликнуша и идоша къ порубу Всеславлю), кіяне, вспоминая объ этомъ спустя 30 лѣтъ приписываютъ освобожденіе его партіи злоумышленниковъ: „о семъ промыслимы, акоже и преже створиша при Изяславѣ Ярославличѣ, высѣкше Всеслава ис поруба, злии они, и поставиша князя собѣ, и много зла бысть про то граду нашему“ [1]). Это, кажется, показываетъ только, какъ скоро исчезаетъ въ массѣ истинное представленіе о событіяхъ; вѣроятно, и въ „злые“ попали освободители Всеслава потому, что изъ-за нихъ „много зла бысть граду“.

Всеславъ пробылъ на кіевскомъ столѣ около семи мѣсяцевъ, но лѣтопись не сообщаетъ совершенно ничего о его дѣятельности; это тѣмъ болѣе жаль, что новый князь-избранникъ долженъ былъ сообразоваться въ своихъ дѣйствіяхъ съ желаніями земства. Мы не знаемъ даже, предпринятъ ли былъ желанный походъ противъ половцевъ; если ходили на нихъ, то, вѣроятно, безъ большаго успѣха, а можетъ быть половцы ушли заблаговременно. Полтора мѣсяца спустя Святославъ нанесъ имъ сильное пораженіе на р. Снови и тѣмъ, вѣроятно, положилъ конецъ опустошеніямъ [2]).

Между тѣмъ Изяславъ, хотя въ данное время владѣлъ кромѣ Кіева областями древлянъ и дреговичей, Волынью и Полоцкомъ, не попытался собрать военныя силы въ этихъ волостяхъ и, опираясь на нихъ, подавить движеніе кіевлянъ. Очевидно, онъ не надѣялся найти достаточно поддержки со стороны населенія этихъ земель противъ кіевскаго земства. Не обратился онъ за помощью и къ братьямъ, почему—трудно рѣшить, а отправился въ Польшу, съ королемъ которой, Болеславомъ Смѣлымъ, онъ былъ связанъ двойными узами родства, какъ племянникъ его матери и мужъ его тетки [3]). Длугошъ говоритъ, что Изяслава сопровождали сыновья его, Святополкъ и Мстиславъ, и нѣкоторые дружинники [4]). Болеславъ не замедлилъ ока-

---

[1]) Ипат. л. с. 246.

[2]) Ипат. с. 121 (Лавр. с. 167); 1 Новг. с. 2.

[3]) Мать Болеслава была сестра Ярослава—Ипат. с. 108. Жена Изяслава въ Патерикѣ (с. 151) просто названа „ляховицею“; позднѣйшіе своды (Воскр. I. 331, Никон. I. 83, Тверск. с. 149, 158, Густин. с. 271) называютъ ее сестрою Казиміра. См. Линниченко Взаимн. отнош. Руси и Польши с. 48 и 52.

[4]) Hist. Polonica. l. III. p. 250.

зать поддержку изгнанному; полагають, что онъ выговорилъ себѣ за помощь Червенскіе города; весною слѣдующаго (1068) года онъ самъ выступилъ въ походъ съ Изяславомъ. Источники не говорятъ о какихъ-либо столкновеніяхъ на пути къ Кіеву: вѣроятно, населеніе Волынской и Древлянской земель осталось нейтральнымъ въ распрѣ кіевлянъ съ ихъ княземъ. У Бѣлгорода, на границѣ Полянской земли, ожидало Изяслава съ поляками кіевское ополченіе, со Всеславомъ во главѣ [1]). Но вдругъ ночью, тайкомъ отъ кіевлянъ, Всеславъ бѣжалъ въ Полоцкъ; не имѣя ни надеждъ, ни претензій утвердиться въ Кіевѣ наперекоръ Ярославичамъ, онъ, вѣроятно, счелъ неблагоразумнымъ подвергаться напрасному риску и „доткнувшись стружіемъ злата стола кіевскаго, лютымъ звѣремъ умчался въ полночь изъ-подъ Бѣлгорода, повитый синею мглою“ [2]). Кіевляне, узнавъ поутру, что остались безъ князя, почувствовали себя совершенно безпомощными и отступили въ Кіевъ. Сдаться они ни въ какомъ случаѣ не желали—изъ боязни мести или, можетъ быть, изъ нерасположенія къ Изяславу; послѣ совѣщанія на вѣчѣ рѣшено было обзавестись прежде всего княземъ: „и створиша вѣче, послашася кь Святославу и кь Всеволоду, глаголюще: мы же зло створили есмы, князя своего прогнавше, а се ведеть на ны землю Лядьскую; а поиде (поидѣта) въ градъ отца своего; аще ли не хощета, то намъ неволя: зажегши городъ свой, и ступити вь Грѣцискую землю“ [3]). Это былъ, очевидно, призывъ на княженіе. Обращаясь къ обоимъ братьямъ, чтобы заручиться ихъ помощью, кіевляне, вѣрно, имѣли собственно въ виду Святослава, болѣе энергичнаго, прославленнаго недавнею побѣдою надъ половцами; такъ, повидимому, понимаетъ и лѣтописецъ, влагая въ

---

[1]) Длугошъ говоритъ, что Всеславъ собралъ значительное войско ex Ruthenis, Pieczyniegys et Wallachys—Hist. Pol. l. III p. 265; можетъ быть это торки Кіевской области?

[2]) Слово о полку Игоревѣ въ изд. Тихонравова 1868 г. с. 10.

[3]) Ипат. л. с. 121—2 (Лавр. с. 168). Слова „а поидѣта въ градъ отца своего„ трудно изъяснить иначе, какъ въ смыслѣ призыва на княженіе (въ Никоновской лѣтописи сказано прямо: поидите... и княжита (т. I с. 96); такъ понимаетъ эти слова г. Сергѣевичъ (Вѣче и князь с. 112), иные же, какъ Костомаровъ (Моногр. I. с. 179), Самоквасовъ (ор. с. с. 76—77) и др. видятъ здѣсь только просьбу о посредничествѣ. Но представительствовать за кіевлянъ Ярославичи могли и не входя въ Кіевъ, какъ они и сдѣлали, и незачѣмъ ихъ было непремѣнно призывать туда (ср. Линниченко—Вѣче с. 20).

уста именно ему отвѣтъ на предложеніе кіевлянъ. Но Святославъ не рѣшился принять предложеніе, онъ обѣщалъ кіянамъ отъ себя и отъ брата только заступиться за нихъ передъ Изяславомъ и потребовать отъ него, чтобы онъ вступилъ въ городъ мирно, безъ большой дружины, въ случаѣ же насилій обѣщалъ вооруженную помощь. Трудно рѣшить, какіе мотивы побудили его къ отказу; боязнь риска, наличная польская армія были едва ли не главными изъ этихъ мотивовъ. Кіяне, по словамъ лѣтописца, утѣшились этимъ отвѣтомъ; ихъ рѣшеніе зажечь городъ и уйти въ Греческую землю (можетъ быть въ Крымъ, въ греческіе города), конечно, не было серьезнымъ; не добывъ себѣ князя, они не рѣшились сопротивляться и отдались подъ заступничество Святослава и Всеволода. Послѣдніе послали къ Изяславу пословъ, „глаголюще: Всеславь ти бѣжалъ, а не води Ляховъ Кыеву, противнаго ти нѣтуть; аще ли хощеши гнѣвомъ ити и погубити градъ, то вѣси, яко намъ жаль отня стола“ [1]). Эта угроза заставила Изяслава дѣйствовать осторожнѣе. Онъ оставилъ польское войско и пошелъ съ Болеславомъ, „мало ляховъ поемь“, но впередъ отрядилъ сына Мстислава съ значительнымъ, очевидно, отрядомъ дружины. Принятый въ городъ, Мстиславъ началъ расправу: 70 человѣкъ было убито, по словамъ лѣтописца, другіе ослѣплены; вмѣстѣ съ вождями движенія погибли и неповинные. Эта жестокость и вѣроломство остались памятными въ населеніи, которое винило въ нихъ Изяслава, и лѣтописецъ позже, защищая послѣдняго, сваливалъ всю вину на Мстислава [2]). Но никакого сопротивленія, судя по лѣтописи, населеніе не оказало: оно, очевидно, находилось въ томъ удрученномъ, тягостномъ состояніи упадка энергіи, которое постигаетъ массовыя движенія при неудачѣ. Когда приблизился къ городу Изяславъ, кіевляне покорно вышли навстрѣчу ему [3]), и Изяславъ вокняжился

---

[1]) У Длугоша послы Святослава и Всеволода говорятъ Изяславу: Quodsi te aliquis furor ad ulciscendum acceptam a Kioviensibus injuriam exagitat, ipsemet potius ultionem et in Kiovienses et in arcem, sine (sive?) ferro sine igne liber dummodo Poloni in nos et gentem nostram non debachantur exerce (l. III. p. 266). Не есть ли это лишь не точный переводъ приведенныхъ словъ лѣтописи?

[2]) Ипат. с. 142 (Лавр. с. 196).

[3]) Ad septimum lapidem у Длугоша (l. III p. 266).

вторично; это было 2 мая 1069 года [1]). Такова была судьба этого народнаго движенія. Лѣтопись непосредственно затѣмъ сообщаетъ, что Изяславъ перевелъ торговище, на которомъ происходили вѣча, съ Подолья на Гору, поближе къ княжьему двору; весьма вѣроятно, что это распоряженіе имѣло политическій характеръ и было сдѣлано съ цѣлью доставить князю возможность имѣть подъ ближайшимъ надзоромъ народныя сборища и парализовать впредь движенія, подобныя описанному. Въ половинѣ XII в. однако, какъ было уже упомянуто, мы видимъ торговище снова на Подольѣ [2]).

Кромѣ начальной лѣтописи, источника вполнѣ точнаго и достовѣрнаго, о занятіи Кіева Изяславомъ и Болеславомъ говорятъ польскіе писатели. Разсказъ послѣднихъ носитъ ясный и несомнѣнный слѣдъ легенды. Древнѣйшій источникъ, которымъ пользовались послѣдующіе писатели, Мартинъ Галлъ, въ своемъ разсказѣ передаетъ собственно двѣ подробности, символизирующія покореніе Кіева Болеславомъ: ударъ мечемъ въ Золотые ворота при вступленіи въ городъ и osculum pacis, данный Болеславомъ своему родственнику, возстановленному на кіевскомъ столѣ [3]). Несомнѣнно, подобные символы употреблялись: подобная же легенда объ ударѣ въ Золотые ворота позднѣе пріурочивается и въ Кіевщинѣ къ половецкому хану Боняку, но это однако вовсе не ручается за то, что упомянутыя символическія церемоніи дѣйствительно имѣли мѣсто при занятіи Кіева Болеславомъ,

---

[1]) Ипат. л. с. 121—122. Лавр. 168—169. 1 Новг. с. 2: Приде Изяславъ съ Ляхи, а Всеславъ бѣжа Полотьску и погорѣ Подоліе. Г. Линниченко (Вѣче с. 20) связываетъ этотъ пожаръ съ возвращеніемъ Изяслава въ Кіевъ, но извѣстіе такъ кратко, что трудно сдѣлать съ нимъ что-нибудь; Карамзинъ (II. с. 124) полагалъ, что рѣчь здѣсь идетъ не о кіевскомъ, а о новгородскомъ Подольи, и это можетъ быть.

[2]) Ипат. л. с. 249; у Татищева II с. 124: Изяславъ, видя, что не прилично торгу и зборищу многому людей быть на низу въ отдаленіи отъ его дому, повелѣлъ торгъ перевести на-гору; см. также Карамзина II с. 45—6, Полевого—Ист. рус. нар. II с. 302 и др. Проф. Малышевскій (Евреи въ Южной Руси с. 79) объясняетъ перенесеніе торговища экономическими соображеніями.

[3]) Вотъ весь этотъ краткій разсказъ: Ipse quoque (Bolezlavus), sicut primus Bolezlavus magnus, Ruthenorum reqni caput, urbem Kyewo praecipuam hostiliter intravit, ictumque sui ensis in porta aurea signum memoriae dereliquit. Ibi etiam quendam sui generis Ruthenum, cui pertinebat regnum, in sede regali constituit, cunctosque sibi rebelles a potestate destituit. O pompa gloriae temporalis! o audacia fiduciae militaris! O majestas regiae potestatis! Rogatus itaque Bolezlavus largus a rege quem fecerat, ut obviam ad se ve-

и молчаніе нашей лѣтописи дѣлаетъ довольно подозрительными эти подробности польскаго источника [1]).

Болеславъ съ войскомъ остался на нѣкоторое время въ Кіевской землѣ, ляхи были „распущены на покормъ"; это могло случиться и по просьбѣ Изяслава, не полагавшагося на покорность кіянъ, но такая мѣра не могла снискать ему народнаго расположенія. Можетъ быть, съ помощью поляковъ же Изяславъ предпринялъ походъ на Полоцкъ [2]); Всеславъ былъ изгнанъ, въ Полоцкѣ былъ посаженъ Мстиславъ Изяславичъ, а послѣ смерти послѣдняго (въ томъ же году)—Святополкъ. Всеславъ, впрочемъ, продолжалъ борьбу и черезъ годъ выгналъ Святополка изъ Полоцка [3]). Какъ долго оставались ляхи на квартирахъ въ Кіевщинѣ, мы не знаемъ; лѣтопись сообщаетъ, что они возбудили неудовольствіе среди населенія, которое начало избивать ихъ; позднѣйшій польскій источникъ говоритъ о своеволіи и распутствѣ поляковъ—постояльцевъ, и въ этомъ извѣстіи нѣтъ ничего невѣроятнаго [4]). Движеніе народа противъ поляковъ выразилось не въ видѣ открытаго возстанія, а въ видѣ отдѣльныхъ убійствъ (изьбиваху Ляхы отай), но такъ сильно и широко, что Болеславъ поспѣшно ушелъ изъ

---

niret sibique pacis osculum ob reverentiam suae gentis exhiberet, Polonus quidem hoc annuit, sed Ruthenus dedit, quod voluit. Computatis namque Largi Bolezlavi passibus equinis de statione ad locum conventionis, totidem auri marcas Ruthenus posuit. Nec tamen equo descendens, sed barbam ejus subridens divellens, osculum ejus satis pretiosum exhibuit. Monumenta Poloniae historica I p. 419.

[1]) Ударъ въ Золотые ворота—подробность, общая съ разсказомъ о занятіи Кіева Болеславомъ Храбрымъ; очевидно, одна и та же легенда была пріурочена къ обоимъ Болеславамъ. Легенду о Бонякѣ, который „сѣкъ в Золотая ворота"—см. въ Ипат. с. 299. Длугошъ переноситъ эти легендарныя подробности на походъ Болеслава послѣ вторичнаго изгнанія Изяслава, въ дѣйствительности, по всей вѣроятности, не существовавшій (l. Ш p. 279). По его же словамъ въ 1069 г. Болеславъ воспользовался возвращеніемъ Изяслава только какъ предлогомъ, чтобы завоевать Русь (l. Ш p. 264). Критическій разборъ польскихъ извѣстій у г. Линниченка—Взаимныя отношенія с. 110 сл., см. также Чтенія въ обществѣ Нестора II с. 176.

[2]) Это прямо говоритъ Длугошъ (l. Ш p. 266), наша лѣтопись упоминаетъ о походѣ на Полоцкъ послѣ ухода Болеслава изъ Кіева, но лѣтописецъ могъ и для единства присоединить разсказъ о дальнѣйшей судьбѣ ляховъ къ разсказу о занятіи Кіева.

[3]) Ипат. л. с. 122 (Лавр. с. 169).

[4]) Длугошъ Ш p. 280; эти подробности у него отнесены также къ походу 1076 г., ихъ можно перенести на походъ 1069 г. по аналогіи съ вышеупомянутою легендою о Зо-

Кіевщины [1]). Если отсутствіе открытаго движенія указываетъ, можетъ быть, на упадокъ духа и энергіи населенія, то изгнаніе ненавистныхъ квартирантовъ должно было въ значительной степени возстановить и то и другое.

Послѣдующіе три года, предшествовавшіе вторичному изгнанію Изяслава, не отмѣчены какими-либо важными событіями во внѣшней исторіи Кіевщины. На сѣверѣ продолжалась борьба со Всеславомъ. Половцы сдѣлали новый набѣгъ и пограбили область Раставицы (около Растовца и Неятина). Къ этому же времени лѣтопись относитъ появленіе волхва въ Кіевѣ, имѣвшаго нѣкоторый успѣхъ у менѣе просвѣщенной части населенія, но затѣмъ пропавшаго безъ вѣсти [2]).

Въ 1072 г. всѣ Ярославичи съ митрополитомъ и высшимъ духовенствомъ ихъ волостей собрались въ Вышгородъ для перенесенія мощей св. Бориса и Глѣба въ новую церковь, построенную Изясла-

---

лотыхъ воротахъ (которые у Длугоша являются уже желѣзными—р. 279, варіантъ любопытный, ср. у Ляссоты: „одни называютъ ихъ золотыми, иные желѣзными воротами"—Мемуары отн. къ ист. Южной Руси I, с. 158). По Длугошу поляки зимовали въ Кіевѣ (оба раза, 1069 и 1076 г.—р. 266 и 280); новѣйшіе изслѣдователи полагаютъ, что въ 1068-9 г. поляки пробыли тамъ 10 мѣсяцевъ (см. Линниченко Взаимныя отнош. с. 109). Карамзинъ (II пр. 123) говоритъ, что въ мартѣ 1069 г. поляковъ уже не было въ Кіевѣ; то обстоятельство, что лѣтопись оканчиваетъ разсказъ о ляхахъ подъ 1069 годомъ, собственно не можетъ служить рѣшительнымъ доказательствомъ; однако вполнѣ вѣроятно, что поляки—самое большее—только перезимовали и слѣдовательно не пробыли до новаго года.

[1]) Объ избіеніи ляховъ говорится и въ лѣтописномъ разсказѣ о походѣ Болеслава Храбраго (1018 г.), но совершено съ другими подробностями (Ипат. с. 101). Зубрицкій, ссылаясь на одинъ лѣтописный списокъ, гдѣ сказано: „Изяславъ же одаривъ Болеслава и отпусти въ Ляхи", думалъ, что извѣстіе объ избіеніи ляховъ подъ 1069 г. есть позднѣйшая ставка переписчика; ср. Исторія русск. народа Н. Полевого II с. 306. Наоборотъ, нѣкоторые новѣйшіе изслѣдователи полагаютъ, что фактъ избіенія въ дѣйствительности относится только къ походу Болеслава Смѣлаго—Линниченко, Взаимн. отнош. с. 94 и 109. Польскіе источники умалчиваютъ о такой причинѣ удаленія Болеслава въ 1069 г.; Длугошъ (l. III p. 280—281), за нимъ Кромеръ (р. 59—60) говорятъ, что поляки ушли изъ Кіева вслѣдствіе слуховъ о невѣрности женъ. У Длугоша (р. 267) на возвратномъ пути король, послѣ долговременной осады, беретъ Перемышль, принадлежавшій къ волости Изяслава; эта подробность—долговременность осады—указываетъ, быть можетъ, скорѣе на то, что осада эта была неудачна, и обѣщаніе Изяслава относительно уступки Червенскихъ городовъ, если оно было дано, осталось не исполненнымъ. См. Линниченко, Взаимн. отнош. с. 112 сл.

[2]) Ипат. с. 122—3 (Лавр. с. 169—170).

вомъ. На своихъ плечахъ князья перенесли раку Бориса, каменная рака Глѣба была перевезена на саняхъ, руки святыхъ были возлагаемы поочередно на головы князей для благословенія; послѣ литургіи князья и ихъ бояре обѣдали торжественно, „с любовью великою“ [1]). Контрастъ этого дружнаго торжества въ честь св. братьевъ, покровителей братолюбія, съ послѣдовавшимъ чрезъ годъ изгнаніемъ Изяслава служитъ лучшимъ свидѣтельствомъ, какъ слабо было нравственное сознаніе даже въ болѣе просвѣщенной части тоговременнаго общества.

Исторія вторичнаго изгнанія Изяслава передается въ лѣтописи весьма кратко: произошла распря между братьями, Святославъ и Всеволодъ соединились противъ Изяслава, послѣдній ушелъ изъ Кіева, а Святославъ и Всеволодъ явились вслѣдъ за нимъ и были приняты народомъ на Берестовомъ—это случилось 22 марта 1073 г. Иниціативу лѣтописецъ приписываетъ Святославу: онъ захотѣлъ „большей власти“ и прельстилъ Всеволода, говоря: „яко Изяславь встаеть сь Всеславомъ, мысля на наю, да еще его не варивѣ, имать насъ прогнати“ [2]).

Позволю себѣ привести нѣкоторыя соображенія и догадки по поводу лѣтописнаго разсказа. Въ послѣдніе годы братья Ярославичи, повидимому, находились уже не въ тѣхъ близкихъ отношеніяхъ, какъ раньше. Мы видѣли, что братья ничѣмъ не выразили своего участія къ изгнанному Изяславу; посредничество ихъ между нимъ и кіевлянами имѣло характеръ гораздо болѣе благожелательный для послѣднихъ, чѣмъ для перваго: братья (собственно Святославъ), видимо, стояли на сторонѣ кіевлянъ. Они не помогали Изяславу и въ его послѣднихъ походахъ противъ Всеслава, котораго раньше сообща лишили стола. Факты эти, не имѣя рѣшительнаго значенія въ отдѣльности,

---

[1]) Ипат. с. 127—8 (Лавр. с. 176—7); Воскрес. I. 341 (болѣе подробный разсказъ).

[2]) Ипат. с. 128 (Лавр. с. 177—8), 1 Новг. с. 2; въ Ипат. л.: „Изяславь вьстаеть сь Всеславомъ“, въ Лавр.: сватится (Радзив. и Акад.—сватается). Длугошъ говоритъ, что распря Ярославичей вышла pro finibus terrarum et spoliis utrinque sequutis; ср. Стрыйковскій I p. 170 (rozdzielenie łupów Połowców odbitych). По словамъ св. Нестора (Житіе Ѳеодосія л. 26) Святославъ „многу вину износилъ на брата своего и того ради не хотѣлъ съ тѣмъ мира сотворити“, но какая это была вина, къ сожалѣнію, не объяснено.

въ общемъ даютъ все же извѣстный колоритъ этимъ новымъ отношеніямъ братьевъ. Святославъ выставилъ поводомъ для борьбы сношенія Изяслава со Всеславомъ; этотъ поводъ, должно быть, имѣлъ реальное основаніе: въ самомъ дѣлѣ произошло, вѣроятно, сближеніе Изяслава со Всеславомъ, и такую перемѣну можно объяснить. Въ 1069 г. мы видимъ въ Новгородѣ Глѣба Святославича, онъ оставался затѣмъ здѣсь до смерти отца и позже. Былъ ли уступленъ Новгородъ Святославу Изяславомъ взамѣнъ Полоцка, или Святославъ овладѣлъ имъ уже послѣ изгнанія Изяслава (въ 1068 г.), какъ думаютъ другіе,— во всякомъ случаѣ Изяславу, теперь уже лишенному Полоцка, было обидно видѣть Новгородъ въ рукахъ Святославля племени и естественно было желать возвращенія своей старой волости; это и могло сблизить его со Всеславомъ.

Между тѣмъ Изяславъ, несомнѣнно, находился въ натянутыхъ отношеніяхъ съ кіевскимъ земствомъ; это ясно видно изъ того, что онъ безъ сопротивленія уступилъ противникамъ Кіевъ, не попытавшись опереться на населеніе. И это вполнѣ понятно. Принять Изяслава кіяне были вынуждены подъ давленіемъ обстоятельствъ, послѣ того какъ имъ не удалось добыть себѣ другого князя. Вѣроломное избіеніе людей Мстиславомъ, въ чемъ обвиняли, справедливо или несправедливо—все равно, того же Изяслава, буйства приведенныхъ имъ ляховъ могли только усилить нелюбовь къ Изяславу. Кромѣ того и послѣ возвращенія Изяслава должно было происходить и происходило въ дѣйствительности преслѣдованіе людей, чѣмъ-нибудь выразившихъ свое сочувствіе, солидарность со Всеславомъ. Лѣтописецъ сообщаетъ, что Изяславъ по возвращеніи гнѣвался за Всеслава на св. Антонія, такъ что Святославъ ночью увезъ послѣдняго къ себѣ [1]). По отношенію къ другимъ сторонникамъ Всеслава Изяславъ, конечно, церемонился гораздо меньше и, можно думать, не одинъ изъ нихъ, по примѣру св. Антонія, ушелъ къ Святославу, пользуясь натянутыми отношеніями братьевъ. У Святослава должна была образоваться партія приверженцевъ; если уже въ 1069 г. его, какъ надо думать, призывали въ Кіевъ на княженіе, то и теперь тамъ, вѣрно, многіе по-

---

[1]) Ипат. с. 136 (Лавр. с. 188). Ср. Соловьева т. II с. 19—20, Бѣляева Разсказы I. с. 113—4, П. В. Голубовскаго Исторію Сѣвер. зем. с. 70 сл.

мышляли о немъ, какъ о желательномъ князѣ. Его энергія, его побѣда надъ половцами, которые недавно опять безнаказанно опустошали кіевскіе предѣлы, должны были привлечь къ нему симпатію народа. Четыре года тому назадъ Святославъ отказался отъ приглашенія кіевлянъ, теперь ему могла притти охота уже самому добыть столъ, тѣмъ болѣе, что риску не было теперь никакого, а отношенія къ брату могли съ тѣхъ поръ значительно испортиться. Бѣглецы изъ Кіевской волости (конечно, не св. Антоній) могли тоже возбуждать Святослава и обнадеживать его относительно сочувствія кіевлянъ. Что касается Всеволода, лѣтописецъ представляетъ его совершенно пассивнымъ участникомъ предпріятія, котораго Святославъ запугалъ, „прельстилъ и взострилъ“ на Изяслава. Но составитель лѣтописи, будь то Сильвестръ, игуменъ „монастыря Всеволожа“, или иной кто, несомнѣнно очень расположенъ къ Всеволоду, и послѣдній въ дѣйствительности могъ и не быть такимъ пассивнымъ участникомъ, могъ имѣть свои счеты съ Изяславомъ или виды на волости [1]); но относительно его мы имѣемъ слишкомъ мало данныхъ, чтобы дѣлать какія-либо заключенія.

Занятіе Кіева Святославомъ и Всеволодомъ совершились безъ борьбы; мало того, изъ словъ лѣтописца выходитъ, что Изяславъ ушелъ раньше, чѣмъ братья его явились въ Кіевъ [2]); можно подумать, что населеніе или часть его, при вѣсти о движеніи Святослава и Всеволода, заявила такъ или иначе свое нерасположеніе къ Изяславу, такъ что послѣдній не рѣшился дольше оставаться въ Кіевѣ. На Берестовомъ, въ загородномъ княжьемъ дворѣ, произошло настолованіе Святослава; сюда, вѣроятно, вышло населеніе города и превозгласило его княземъ кіевскимъ.

---

[1]) Ср. Соловьевъ—Истор. отнош. князей Рюрик. дома с. 86.

[2]) Ипат. с. 128: „и изииде Изяславъ ись Кыева, Святославъ же и Всеволодъ внидоста в Кыевъ и сѣдоста на столѣ на Берестовомъ“. Соловьевъ полагаетъ, что братья остановились на Берестовомъ и затѣмъ уже по удаленіи Изяслава вошли въ городъ, но такой образъ дѣйствій не вполнѣ естественъ. Дальнѣйшее—„Изяславъ же иде въ Ляхы... а Святославъ сѣде в Кыевѣ, прогнавъ брата своего, преступивъ заповѣдь отьню, паче же и Божию“, объясняетъ уже дальнѣйшую судьбу дѣйствующихъ лицъ и связываетъ ее съ послѣдующимъ нравоученіемъ, а не имѣетъ въ виду послѣдовательнаго изложенія фактовъ, сопровождавшихъ захватъ Кіева.

Изяславъ ушелъ „въ Ляхы“ съ женою, съ большими богатствами: очевидно, это не было уже поспѣшное бѣгство, какъ въ 1068 г. [1]), а удаленіе заблаговременное, лишь только выяснилось народное настроеніе. Лѣтопись непосредственно связываетъ его выходъ изъ Кіева и удаленіе въ Польшу, но другой древній памятникъ раздѣляетъ эти два событія: братья Изяслава сначала входятъ въ Кіевъ, а затѣмъ, чрезъ нѣкоторое время, выгоняютъ его изъ всей области [2]). Возможно, что Изяславъ, удалившись изъ Кіева, дѣйствительно остановился въ которой-нибудь изъ своихъ волостей, надѣясь тамъ удержаться, но не успѣлъ въ этомъ и ретировался Польшу.

Выгнавъ Изяслава изъ его владѣній, Святославъ и Всеволодъ приступили къ дѣлежу послѣднихъ. Кіевскую область Святославъ взялъ себѣ, на Волыни посадилъ сына Олега, а Туровъ достался Всеволоду, и въ немъ былъ посаженъ Мономахъ; такъ можно заключить изъ нѣкоторыхъ случайныхъ указаній источниковъ [3]). Новгородъ остался за Глѣбомъ Святославичемъ, Переяславль за Всеволодомъ; Черниговъ, по всей вѣроятности, за Святославомъ [4]). Всеслава братья оставили въ покоѣ Такимъ образомъ Святославъ и Всеволодъ соединили въ своихъ рукахъ всѣ волости своего отца, и господство трехъ (не считая полоцкаго князя) смѣнилось на Руси двоевластіемъ. Шагъ впередъ въ кооперативномъ собираніи земель!

---

[1]) Любопытно, что есть разница и въ выраженіи: въ 1068 г. „Изяславъ же бѣжа въ Ляхы“ (Ипат. с. 121), а теперь „Изяславъ же иде въ Ляхы“.

[2]) Житіе Θеодосія л. 25: Святославъ и Всеволодъ послѣ переговоровъ съ Θеодосіемъ и послѣ изгнанія Изяслава изъ Кіева „устрьмистася на прогнаніе брата своего, иже отъ вьсея тоя области отъгнаста того“. У Татищева (т. II с. 127) Изяславъ отправляется во Владиміръ, а оттуда въ Польшу.

[3]) См. Поученіе Мономаха: „и Олегъ приде изъ Володимера выведенъ“ (послѣ возвращенія Изяслава)—Лавр. с. 239. На пребываніе Владиміра въ Туровѣ указываютъ особенно его охоты тамъ съ отцемъ, о которыхъ онъ говоритъ въ Поученіи же (с. 242), также двукратная поѣздка его въ Туровъ въ 1076 г. (с. 238). Мономахъ, несомнѣнно, сидѣлъ въ западныхъ волостяхъ съ самаго изгнанія Изяслава, но могло быть и такъ, что онъ получилъ первоначально Волынь (до 1076 г.—см. тамъ же с. 238), а потомъ она была передана Олегу. См. Барсовъ, Географ. нач. лѣтописи с. 130.

[4]) По вопросу, за кѣмъ остался Черниговъ, существуетъ розногласіе. Татищевъ говоритъ, что Святославъ далъ его Всеволоду, сына Глѣба посадилъ въ Переяславлѣ, Давыда—въ Новгородѣ, а Олега въ Ростовѣ (т. II с. 127). Это извѣстіе о Черниговѣ при-

Изяславъ отправился въ Польшу, надѣясь, по словамъ лѣтописца, „золотомъ налѣзти вои“. Однако надежды его на этотъ разъ не оправдались. Вопросъ объ отношеніи Болеслава къ Изяславу въ это время довольно теменъ. Лѣтопись говоритъ, что поляки, забравъ у Изяслава богатства, „показаша ему путь отъ себе“; это извѣстіе подтверждается и буллою папы Григорія VII къ Болеславу, гдѣ говорится о деньгахъ, отнятыхъ у „русскаго короля“ [1]). Обыкновенно полагаютъ, что Болеславъ съ самаго начала принялъ Изяслава недружелюбно и отказалъ ему въ помощи [2]); такое отношеніе можно было бы объяснить тѣмъ, что Болеславъ былъ недоволенъ во всякомъ случаѣ избіеніемъ поляковъ въ 1069 г., можетъ быть и тѣмъ, что Червенскіе города, если они были обѣщаны, не были ему отданы; наконецъ существуетъ извѣстіе, что Болеславъ женатъ былъ на дочери Святослава [3]). Наоборотъ, нѣкоторые новѣйшіе изслѣдователи, основываясь главнымъ образомъ на свидѣтельствахъ Поученія Мономаха и Длугоша, полагаютъ, что Болеславъ, исполняя просьбу Изяслава, началъ было военныя дѣйствія, но затѣмъ заключилъ миръ съ Мономахомъ, представителемъ Святослава и Всеволода, и послѣ того уже „показа путь отъ себе“ Изяславу [4]); догадка эта вѣроятна, но данныя, на кото-

---

нимали нѣкоторые, какъ Соловьевъ (II с. 20), Погодинъ (Древн. рус. истор. I с. 214); Карамзинъ (II пр. 128) отрицалъ его на основаніи свидѣтельства житія св. Ѳеодосія (l. с.): „единому сѣдъшю на столѣ томь брата и отця своего, другому же възративъшюся въ область свою“; у Стрыйковскаго въ извлеченіи изъ русскихъ лѣтописей (весьма, впрочемъ, спутанномъ) говорится также, что Всеволодъ остался въ Переяславлѣ (I с. 167); такого мнѣнія держатся и новѣйшіе историки Сѣверской земли П. В. Голубовскій (с. 82) и Д. И. Багалѣй (166—167). Дѣйствительно невѣроятно, чтобы Святославъ, оставивъ за Всеволодомъ Переяславль, отдалъ ему еще такую важную волость, какъ Черниговъ (что Переяславль остался за Всеволодомъ, свидѣтельствуетъ Поученіе, с. 238—9).

[1]) Ипат. с. 128. Булла въ Historica Russiae Monimenta, I. № 2.

[2]) Карамзинъ II с. 46, Арцыбашевъ I. 2 с. 29, Соловьевъ II с. 20, Погодинъ Др. Рус. Ист. I с. 103, Иловайскій I. с. 118.

[3]) Татищевъ II с. 119. Карамзинъ (II пр. 120) отрицаетъ это извѣстіе, считая его заимствованнымъ изъ Кромера, гдѣ не названо только, чья дочь была Вышеслава (uxorem duxit.. Visseslaum (i. e. Visseslavam) Russorum principis cujusdam (cujus non exstat nomen) filiam unicam—p. 56; cf. Dlugossi l. III p. 260). Г. Линниченко (Взаимн. отнош. с. 117) высказываетъ догадку, что бракъ могъ быть результатомъ мира поляковъ со Святославомъ.

[4]) Линниченко Взаимн. отн. с. 115—117; такого же мнѣнія держится и г. Андріяшевъ—Ист. Волын. земли с. 109. Въ Поученіи (с. 238): „тое же зимы посласта Бере-

рыхъ она основана, такъ неясны, что на нихъ нельзя построить ничего, кромѣ гипотезъ. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что позже Святославъ дѣйствительно находился въ дружественныхъ и союзническихъ отношеніяхъ къ Болеславу; такъ во время войны послѣдняго съ Чехіею, въ 1076 г., Святославъ посылалъ ему на помощь отрядъ, подъ предводительствомъ Олега и Мономаха, который ходилъ „за Глоговы (Глогау) до Чешьскаго лѣса“ [1]).

Такъ или иначе, но къ концу 1074 г. Изяславъ уже покинулъ Польшу. Онъ является затѣмъ въ Германіи; представленный императору Генриху IV въ Майнцѣ въ концѣ 1074 или въ началѣ 1075 г., онъ поднесъ ему богатые дары изъ сосудовъ и тканей и просилъ помощи противъ брата; по словамъ одного нѣмецкаго хрониста, онъ при этомъ обѣщалъ признать себя вассаломъ императора въ случаѣ возвращенія ему стола. Императоръ дѣйствительно отправилъ къ Святославу Бурхардта препозита, приходившагося, по словамъ того же хрониста, Святославу шуриномъ: ему было поручено внушить Святославу, что онъ долженъ добровольно возвратить столъ Изяславу, а иначе ему придется подвергнуться нападенію нѣмецкаго войска; Бурхардтъ только усиленными ходатайствами за своего родича добился отъ императора, что тотъ не привелъ этой угрозы немедленно въ исполненіе [2]). Этотъ разсказъ нѣмецкаго источника, конечно, нельзя принимать серьезно. Генрихъ тогда слишкомъ былъ занятъ своими собственными дѣлами, чтобы имѣть охоту къ дѣятельному вмѣшательству въ распрю Изяслава со Святославомъ. Только незнаніемъ современнаго положенія дѣлъ въ Германіи можно объяснить обращеніе Изяслава къ имератору. Наша лѣтопись говоритъ о приходѣ нѣмецкаго посольства къ Святославу, но о цѣли его умалчиваетъ; надо полагать, что это была просто дипломатическая пересылка, лишенная серьезнаго значенія: Генриху вовсе было не интересно понапрасну наживать себѣ

стию брата на головнѣ, иде бяху пожгли, той ту блюдихъ городъ тѣхъ. Та идохъ Переяславлю отцю, а по Велицѣ дни ис Переяславля та Володимерю, на Сутейску мира творитъ с Ляхы“.

[1]) Ипат. л. с. 139, Лавр. с. 193, 238.

[2]) Извѣстія хронистовъ у Карамзина II пр. 128—9, Арцыбашева т. I кн. 2, с. 165 и въ Monumenta Poloniae hist. I p. 858.

лишняго, притомъ могущественнаго врага [1]). Нашъ лѣтописецъ говоритъ, что Святославъ желалъ блеснуть передъ послами своимъ могуществомъ, показалъ имъ свои сокровища и послалъ Генриху богатые дары; послы, по лѣтописцу, на это повторили Святославу старое изреченіе Владиміра Святого, что дружина лучше богатства. Въ дѣйствительности богатства Святослава произвело сильное впечатлѣніе на нѣмцевъ; по словамъ хрониста, никогда въ Германію не приносили столько золота, серебра и драгоцѣнныхъ тканей, сколько принесли Генриху въ даръ отъ Святослава [2]).

Нашъ лѣтописецъ говоритъ о приходѣ пословъ въ Кіевъ подъ 1075 г., слѣдовательно это случилось не раньше марта или февраля этого года, но въ апрѣлѣ мы видимъ Изяслава уже въ сношеніяхъ съ папою: одинъ изъ сыновей его явился къ папѣ Григорію VII и объявилъ, что онъ, съ согласія отца, желаетъ получить королевство Русское, regnum Ruscorum, въ ленъ отъ св. Петра. Весьма вѣроятно, что Изяславъ скоро понялъ, какъ мало онъ можетъ надѣяться на какой-либо серьезный успѣхъ отъ сношеній съ императоромъ и рѣшилъ попытать еще счастья у другого главы Западной Европы. Неизвѣстно, на что разсчитывалъ Изяславъ, обращая свой столъ въ ленъ св. Петра, домагался ли онъ у папы матеріальной поддержки или просилъ повлiять на Болеслава и побудить его къ содѣйствію, но результатомъ этихъ сношеній были только извѣстныя буллы папы, обѣ помѣченныя срединою (17—20) апрѣля 1075 г. Въ буллѣ къ „королю руссовъ Димитрію“ папа выражаетъ согласіе на просьбу сына его, обѣщаетъ ему содѣйствіе въ случаѣ надобности и извѣщаетъ объ отправленіи къ нему для переговоровъ пословъ, изъ которыхъ одинъ — извѣстный и вѣрный другъ Изяслава; предметомъ переговоровъ, конечно, должно было служить отреченіе отъ „нечестивыхъ обрядовъ греческихъ“, на это намекаетъ, кажется, и самъ папа. Вторая булла, отправленная Болеславу, занимается церковными дѣлами Польши, только въ концѣ папа кстати проситъ Болеслава возвратить Изяславу

---

[1]) П. В. Голубовскій высказалъ даже предположеніе, что Генрихъ при этомъ желалъ заключить дружественныя и союзныя отношенія съ Святославомъ (Ист. Сѣверск. зем. с. 74).

[2]) Ипат. с. 139, Лавр. с. 192, Monum. Pol. hist. l. c.

отнятыя у него деньги: на это, вѣроятно, жаловался въ Римѣ сынъ послѣдняго [1]). О какомъ-либо болѣе дѣятельномъ участіи папы въ дѣлахъ Изяслава нѣтъ никакихъ извѣстій. Изяславъ продолжалъ еще полтора года скитаться по Европѣ, пока смерть Святослава и измѣнившееся положеніе дѣлъ не дали ему возможности вернуться.

Святославъ занималъ около трехъ съ половиною лѣтъ кіевскій столъ [2]). Собравъ въ своихъ рукахъ большую половину волостей, сохраняя дружественныя отношенія къ Всеволоду, энергичный, талантливый Святославъ игралъ безспорно гораздо болѣе значительную роль, чѣмъ Изяславъ; его властное положеніе ясно видно изъ краткой замѣтки Мономаха о чешскомъ походѣ—„посла мя Святославъ в Ляхы", говоритъ онъ: Святославъ представляется распоряжающимся единолично [3]).

О внутренней дѣятельности Святослава въ Кіевской землѣ и объ отношеніяхъ его къ кіевскому населенію, на основаніи указаній источниковъ, можно составить нѣкоторое представленіе. Какъ я говорилъ выше, Святославъ завладѣлъ Кіевомъ, опираясь, надо думать, на сочувствіе значительной части кіевскаго населенія; но на ряду съ этимъ должна была существовать и враждебная партія—партія приверженцевъ Изяслава и сторонниковъ права, и во главѣ ея духовенство уже по самому своему положенію—защитника нравственныхъ принциповъ. Лучшій представитель его, св. Ѳеодосій, смѣло сталъ на защиту поруганныхъ правъ Изяслава; онъ отказался видѣться со Свя-

---

[1]) Обѣ буллы—въ Historica Russiae Monimenta I, № 1 и 2. Первая булла возбуждаетъ нѣкоторыя недоумѣнія; прежде всего непонятна эта просьба сына Изяслава передать ему, а не Изяславу королевство Русское (см. Арцыбашевъ I. 2. с. 29 и пр. 167; объясненіе Соловьева—Ист. отнош. Рюрик. дома с. 90, что Изяславъ, отчаявшись за себя, желалъ хотя дѣтямъ доставить поддержку папы, кажется мнѣ не убѣдительнымъ). Затѣмъ въ буллѣ нѣтъ намека на то, что Изяславъ находится въ изгнаніи: папа высказываетъ пожеланіе не того, что бы Богъ возвратилъ Изяславу столъ, а того, ut beatus Petrus vos et regnum vestrum custodiat et cum omni pace, honore quoque et gloria idem regnum usque in finem vitae vestrae tenere vos faciat.

[2]) Отъ 22 марта 1073 до 27 декабря 1076 г.

[3]) Кромѣ этого похода въ Чехію, существуетъ еще извѣстіе, что греческій императоръ просилъ у Святослава и Всеволода помощи противъ корсунянъ и туда была отправлена рать, но затѣмъ отозвана по случаю смерти Святослава; извѣстіе это находится у Татищева (II с. 131); возраженія см. у Карамзина II, пр. 133.

тославомъ и Всеволодомъ—„ити на трапезу вельзавелину и причаститися брашна того, исполнь суща крови и убииства", и послѣ того, когда Святославъ вокняжился въ Кіевѣ, св. Θеодосій обличалъ его письмами и чрезъ приходившихъ къ нему бояръ. Одна изъ этихъ обличительныхъ „эпистолій" была такъ смѣла, что Святославъ „разгнѣвался зѣло и яко львъ рикнувъ на праведнаго, и удари тою о землю, и якоже отътолѣ промчеся вѣсть, еже на поточеніе осужену быти блаженому"; Θеодосій не смутился этимъ, но Святославъ самъ преодолѣлъ свой гнѣвъ. Чрезъ нѣкоторое время Θеодосій, уступая просьбамъ братіи и бояръ, умолявшихъ его прекратить свои обличенія, и видя ихъ безполезность, рѣшилъ перемѣнить свое обращеніе и вмѣсто обличеній началъ „мольбою того молити" о возвращеніи волости Изяславу; по просьбѣ же братіи онъ разрѣшилъ поминать Святослава на ектеніи, но сначала распорядился поминать Изяслава, а потомъ Святослава. Святославъ, съ своей стороны, испросилъ затѣмъ позволеніе посѣтить Печерскій монастырь, и между нимъ и Θеодосіемъ завязались дружелюбныя отношенія: Святославъ часто бывалъ у Θеодосія, приглашалъ къ себѣ, оказывалъ всяческое уваженіе, хотя „мольбы" Θеодосія объ Изяславѣ все-таки пропускалъ мимо ушей [1]). При Святославѣ была заложена „великая церковь" Печерская, онъ самъ копалъ рвы для фундамента и далъ на постройку сто гривенъ золота. Въ его же княженіе и скончался Θеодосій: умирая, онъ поручилъ Святославу „монастырь но соблюденіе, егда что будетъ смятение въ немъ" и просилъ не давать въ обиду своего преемника—Стефана [2]). Такимъ образомъ, благодаря своему такту, Святославъ постепенно ослабилъ эту оппозицію [3]). Его усердіе къ церкви (ему принадлежитъ также постройка въ Кіевѣ монастыря св. Симеона въ Копыревомъ концѣ), любовь къ книгамъ, которыми онъ наполнилъ свои клѣти и какъ „но-

---

[1]) Житіе Θеодосія л. 25 и 26.

[2]) Житіе Θеодосія л. 27 об. Патерикъ въ изд. Яковлева с. 113 и 119. Ипат. с. 131—2 (Лавр. с. 182).

[3]) Говоря это, я вовсе не думаю, чтобы Святославъ дѣлалъ все это притворно, только изъ политическихъ расчетовъ (ср. Истор. Сѣверск. зем. П. В. Голубовскаго с. 72): при тогдашнемъ состояніи общества усердіе къ церкви, болѣе или менѣе искреннее, могло уживаться съ далеко не нравственнымъ образомъ дѣйствій.

вый Птоломѣй“, проливалъ медъ писаній въ кругу приближенныхъ [1]); все это должно было въ значительной степени примирять съ нимъ духовенство; мы видѣли, что печерская братія упросила Ѳеодосія поминать Святослава на ектеніи, слѣдовательно признать его кіевскимъ княземъ; Несторъ въ житіи Ѳеодосія называетъ его благимъ и благовѣрнымъ (однако не „христолюбцемъ“, какъ онъ называетъ обыкновенно Изяслава) [2]).

Тѣмъ не менѣе, хотя по внѣшности отношенія Святослава къ населенію были вполнѣ удовлетворительны, хотя кіяне при вѣсти о смерти его не обнаружили вражды по отношенію къ нему и его приближеннымъ (по крайней мѣрѣ мы не знаемъ ничего въ этомъ родѣ), въ лѣтописи чувствуется недоброжелательное отношеніе къ Святославу. по поводу его хвастовства своими богатствами лѣтописецъ отмѣчаетъ колкій отвѣтъ нѣмцевъ и прибавляетъ отъ себя, что по смерти Святослава „все имѣнье расъсыпашася раздиь“ [3]); переданное намъ, замѣчаніе нѣмцевъ о превосходствѣ дружины надъ богатствомъ, можетъ быть, служитъ отголоскомъ ропота кіевской дружины на неизбѣжное преобладаніе черниговскихъ дружинниковъ. Любопытно, что Святославъ былъ похороненъ не въ Кіевѣ, а въ черниговскомъ соборѣ; можетъ быть, и при жизни онъ тяготѣлъ больше къ Чернигову и давалъ чувствовать кіянамъ, что онъ князь чужой, черниговскій [4])?

27 декабря 1076 г. Святославъ скончался отъ неудачной операціи надъ вередами, которыми онъ страдалъ уже нѣсколько лѣтъ [5]). Оглядываясь на его жизнь и дѣятельность, нельзя не признать, что

---

[1]) См. послѣсловіе Изборника Святослава 1073 г. (напр. у Карамзина т. II пр. 132); о монастырѣ св. Симеона — Ипат. л. с. 250. Ср. Исторію Сѣвер. земли П. В. Голубовскаго с. 77—8.

[2]) Житіе св. Ѳеодосія л. 25 об., 26 об., 29.

[3]) Ипат. л. с. 139 (Лавр. с. 192—193).

[4]) Багалѣй—Ист. Сѣверск. з. с. 269, Голубовскій—Ист. Сѣверск. з. с. 79—80; проф. Багалѣй перенесеніе останковъ Святослава въ Черниговъ считаетъ дѣломъ его черниговской дружины.

[5]) „Преставися отъ рѣзанья желве“—Лавр. с. 193, Ипат. с. 139. Въ описаніи перенесенія мощей св. Бориса и Глѣба (Воскр. I, 341) разсказывается, что Святославъ прикладывалъ руку св. Глѣба „ко вреду, чимъ боляше на шеи“. О значеніи слова желвь (нарывъ, наростъ)—см. напр. Miklosich, Etym. Wörterb. d. slav. Sprachen (1886 p. 408, žely), словарь Даля (I. 473 изд. 1863 г.).

это была самая крупная личность въ первомъ поколѣніи Ярославичей, какъ Мономахъ во второмъ. Но въ то время какъ Мономахъ дѣйствуетъ въ высшей степени осторожно, стараясь всегда стать на почву законности, поставить свое благополучіе подъ защиту общественнаго мнѣнія, Святославъ дѣйствуетъ смѣло, не справляясь ни съ нравственными принципами, ни съ мнѣніемъ общества. Этимъ можно объяснить и разницу въ конечныхъ результатахъ ихъ дѣятельности: между тѣмъ какъ Мономахъ закрѣпилъ свои пріобрѣтенія за потомствомъ и создалъ ему завидное положеніе среди другихъ Ярославичей, первенствующая роль Святославля племени окончилась со смертью Святослава; въ глазахъ общества онъ все-таки оставался насильщикомъ, человѣкомъ неправеднымъ, набожность и книголюбіе должны были являться извѣстнымъ диссонансомъ въ общемъ характерѣ его [1]).

1 января 1077 года сѣлъ въ Кіевѣ Всеволодъ, но не надолго. Изяславъ въ это время снова обратился къ Болеславу и на сей разъ съ большимъ успѣхомъ. Есть извѣстіе, хотя и не особенно авторитетное, что Болеславъ разсорился съ русскими князьями во время войны съ чехами [2]); могъ и Изяславъ предложить ему болѣе выгодныя условія, чѣмъ раньше; наконецъ могла повліять на перемѣну отношеній смерть Святослава. Какъ бы то ни было, нѣсколько мѣсяцевъ спустя по вокняженіи Всеволода явился на Волынь Изяславъ съ польскими войсками; лѣтопись молчитъ объ участіи короля: надо думать, что послѣдній не участвовалъ въ походѣ; извѣстіе Длугоша о присутствіи его само по себѣ не заслуживаетъ особеннаго вѣроятія [3]). Всеволодъ отправился на встрѣчу, но безъ битвы заключилъ миръ: по обычной осторожности, онъ не желалъ, вѣроятно, подвергать риску свои интересы; съ другой стороны, Изяславъ нуждался, по характеру своему, въ опорѣ, въ союзникѣ для дальнѣйшихъ дѣйствій противъ Святославичей, и между братьями состоялся тѣсный союзъ. Изяславъ снова сѣлъ въ Кіевѣ (15 іюля 1077 г.). Населеніе, судя по лѣтописи,

---

[1]) См. еще характеристику Полевого ор. с. II. с. 389.

[2]) Татищевъ II с. 130.

[3]) Ср. Линниченко—Взаимн. отнош. с. 20. Иначе думалъ Н. И. Костомаровъ, Монографіи I с. 184.

покорно приняло его: другого выхода не было. На этотъ разъ лѣтопись не говоритъ и о какихъ-либо репрессаліяхъ со стороны Изяслава: вѣроятно, года и скитанья научили его быть сдержаннѣе.

Новые союзники занялись передѣломъ волостей. Олегъ былъ выведенъ изъ Владиміра и безъ волости долженъ былъ жить въ Черниговѣ; Мономаха перевели въ Смоленскъ, а Туровъ былъ возвращенъ Изяславу; былъ возвращенъ ему и Новгородъ, трудно только рѣшить, отняли ли его у прежняго владѣльца, Глѣба Святославича, или онъ перешелъ къ Изяславу уже послѣ того, какъ Глѣбъ погибъ гдѣ-то въ Заволочьи. Изяславъ посадилъ въ Новгородѣ Святополка, а младшаго сына—Ярополка оставилъ при себѣ, для помощи, и посадилъ въ Вышгородѣ [1]). За многочисленною семьею Святославичей осталась, повидимому, только Муромская волость да Тмутаракань. Это была месть Изяслава за обиду, нанесенную ихъ отцемъ. Впрочемъ, судя по лѣтописи, Изяславъ не поживился на ихъ счетъ, онъ возвратилъ себѣ только первоначальныя свои волости: Волынь, Туровъ, Новгородъ. Попользовался несчастьемъ своего бывшаго союзника Всеволодъ: къ прежнимъ своимъ владѣніямъ онъ присоединилъ обширную Черниговскую волость, и Олегъ не получилъ отъ него ни-

---

[1]) О распредѣленіи волостей см. Лавр. с. 193: „сѣдящу Святополку в него (Глѣба) мѣсто Новѣгородѣ, Ярополку сѣдящю Вышегородѣ, а Володимеру сѣдящю Смолиньскѣ“ и с. 289 (Поученіе): „Олегъ приде, из Володимеря выведенъ“; въ Ипат. с. 140: „Ярополку сѣдящю у Смоленьска“, но справедливость извѣстія Лавр. подтверждается Поученіемъ Мономаха и Длугошемъ (l. III p. 280). Мнѣніе о изгнаніи Глѣба (Соловьевъ т. II с. 24 и Арцыбашевъ т. II, кн. 2 пр. 181) основывается на извѣстіи, находящемся въ прибавленіяхъ къ Новгородской первой лѣт. (по сп. Комиссіи и пр. с. 67 и 439): и посла Святославъ сына своего Глѣба и выгнаша изъ города, и бѣжа за Волокъ, и убиша и Чудь“ и на сопоставленіи извѣстій Поученія съ датою смерти Глѣба (см. у Арцыбашева: выходитъ, что Святополкъ былъ въ Новгородѣ еще при жизни Глѣба). Но Патерикъ (с. 128) совершенно опредѣленно говоритъ противное, именно, что Святополкъ былъ посланъ въ Новгородъ уже по смерти Глѣба: „посылаеть же Никита къ князю Изяславу глаголя, яко днесь убіенъ бысть Глѣбъ Святославичъ въ Заволочьи, скоро посли сына своего Святополка на столъ Новуграду. И якоже рече, тако и бысть“. Такой же смыслъ имѣетъ извѣстіе Длугоша (l. III p. 280): Sventoslao (lege Sventoslai) Czernioviensis filio Chleb a suis nequiter occiso... Sventopelk, filius Zaslai in Novogrodensem Ducatum succedit. Въ древнѣйшихъ лѣтописяхъ переданъ только фактъ убіенія Глѣба (убіенъ бысть Глѣбъ въ Заволочьи—Ипат. с. 140), при томъ въ Начальной подъ 1078 г., а въ 1 Новгород. (с. 3) уже подъ 1079, по смерти Изяслава.

чего. Оставались безъ волостей и другіе племянники, подраставшіе между тѣмъ, дѣти Владиміра, Игоря и Вячеслава Ярославичей.

Въ томъ же 1077 г. двое изъ такихъ безземельныхъ племянниковъ, Олегъ Святославичъ и Борисъ Вячеславичъ, съ половецкою помощью задумали добыть себѣ Черниговъ. Всеволодъ былъ разбитъ ими и обратился за помощью къ Изяславу; послѣдній былъ также заинтересованъ въ этомъ вопросѣ, потому что владѣлъ волостью, принадлежавшей нѣкогда отцу Вячеслава—Волынью, да помимо того требовалъ помощи и его тѣсный союзъ съ братомъ. Онъ собралъ земское ополченіе „отъ мала до велика“, по словамъ лѣтописи—конечно, половцы, которыхъ привели изгои, были поводомъ для собиранія ополченія [1]), и съ сыномъ Ярополкомъ поспѣшилъ на помощь Всеволоду. На „Нежатинѣй нивѣ“ произошла жестокая битва; Изяславъ, стоявшій среди пѣшихъ ратниковъ, былъ неожиданно пораженъ копьемъ сзади, въ спину, и тутъ же скончался—3 октября 1078 г. Тѣло его было привезено къ Городцу въ лодьѣ; по словамъ лѣтописца, весь Кіевъ вышелъ на встрѣчу ему, и „не бѣ льзѣ слышати пѣнья въ плачѣ велицѣ и воплѣ: плакася бо по немь весь городъ Киевъ“. Останки Изяслава были отвезены на саняхъ въ Кіевъ и погребены въ мраморномъ саркофагѣ въ церкви Богородицы (Десятинной) [2]).

Приведенныя слова лѣтописи о плачѣ кіянъ надъ Изяславомъ, впрочемъ, не могутъ быть приняты за свидѣтельство особенной любви населенія къ послѣднему, хотя за послѣднее время отношенія могли и улучшиться сравнительно съ прежнимъ временемъ. Разсматриваемый эпизодъ лѣтописи написанъ, очевидно, пристрастно къ Изяславу и имѣетъ цѣлью дать читателю назидательный примѣръ братолюбія; поэтому къ подробностямъ его нужно относиться съ значительнымъ скептицизмомъ. Тотъ самый лѣтописецъ, который говоритъ о такой необыкновенной печали всего населенія, тутъ же защищаетъ Изяслава отъ упрековъ, что онъ избилъ кіевлянъ за освобожденіе Всеслава. Если были слезы на похоронахъ Изяслава, то ихъ можно объяснить скорѣе внезапною, необычною смертью послѣдняго, какъ позже, по словамъ лѣтописца, вызвала сожалѣнія преждевременная смерть Ро-

[1]) Ср. Сергѣевичъ Вѣче и князь с. 114.

[2]) Ипат. с. 140—1, Лавр. с. 195—6, 1 Новг. с. 3.

стислава Всеволодовича [1]). По справедливому замѣчанію Соловьева [2]), смерть Изяслава за интересы брата примирила лѣтописца съ нимъ и заставила забыть всѣ дурныя стороны его характера. Онъ характеризуетъ Изяслава очень сочувственно: „бѣ же Изяславъ мужь взоромъ красенъ, тѣломъ великъ, незлобивъ нравомъ, кривды ненавидя, любя правду; клюкъ (хитрости) же в немь не бѣ, ни льсти, но простъ умомъ, не воздая зла за зло. Колко ему створиша Киянѣ! самого выгнаша, а домъ его разграбиша, и не вѣзда противу тому зла“ [3]). Изяславъ дѣйствительно былъ „простъ умомъ“ и не отличался дарованіями; это былъ мелкій характеръ, совершенная посредственность, не способная сама по себѣ ни къ особенно крупному злодѣйству, ни къ благородному поступку. Онъ интересовался религіозными вопросами, отличался усердіемъ къ религіи и духовенству, но тотъ же Изяславъ грозилъ раскопать пещеры за постриженіе безъ его вѣдома Варлаама и Ефрема и, вѣроятно, былъ не совсѣмъ безопасенъ для св. Антонія, если Святославъ увезъ его къ себѣ [4]).

По смерти Изяслава сѣлъ въ Кіевѣ Всеволодъ, „переемь всю власть Рускую“; вокняженіе его въ Кіевѣ, въ которомъ онъ сидѣлъ уже разъ, основывалось на семейномъ правѣ и подкрѣплялось слишкомъ большимъ могуществомъ, чтобы могло вызвать гдѣ-либо сопротивленіе. Всеволодъ дѣйствительно „переялъ“ почти всѣ волости русскія, такъ какъ Волынь и Туровъ зависѣли непосредственно отъ Изяслава и вмѣстѣ съ Кіевомъ перешли къ Всеволоду, какъ выморочные. Послѣдній отдалъ Туровъ и Волынь Ярополку Изяславичу; за Святополкомъ по прежнему остался Новгородъ [5]).

---

[1]) Ипат. с. 154: „вси людье плакаша (пожалишася—Никоновск.) по немь по велику, уности его ради“.

[2]) Ист. Россіи II с. 26.

[3]) Ипат. л. с. 142; ср. также житіе Θеодосія л. 22: „боголюбивый же князь Изяславъ, иже по истинѣ бѣ теплъ на вѣру и послѣ же положи душю свою за брата своего“.

[4]) Житіе Θеодосія л. 7 на обор., Ипат. с. 136, Патерикъ с. 151; ср. характеристику Изяслава у Соловьева, Ист. отношен. княз. Рюрик. дома с. 95 (въ Ист. Россіи, II с. 26, она значительно смягчена).

[5]) Ипат. с. 143 (Лавр. с. 197). Выраженіе лѣтописи: „переемь всю власть Рускую“ будетъ совсѣмъ справедливымъ, если Русь принять здѣсь въ смыслѣ Южной Руси.

Довольно продолжительное, пятнадцатилѣтнее правленіе Всеволода весьма скудно такими событіями, которыя относились бы собственно къ Кіевщинѣ, и по преимуществу характеризуется вопросомъ о такъ называемыхъ изгояхъ. Удовлетворивъ Изяславичей отцовскими волостями, Всеволодъ по отношенію къ прочимъ членамъ Ярославля дома продолжаетъ прежнюю политику—устраняетъ ихъ отъ отцовскихъ и всякихъ вообще волостей. Существованіе изгоевъ сторонники теоріи о существованіи въ это время родоваго быта на Руси старались объяснить изъ принциповъ родоваго права, но можно усумниться, точно ли изгойство имѣло основу правовую. Правда, мы имѣемъ опредѣленіе изгойства, какъ правовой нормы, но лишь въ памятникѣ позднѣйшемъ [1]), и самое это опредѣленіе, думается, есть лишь отвлеченіе отъ отдѣльныхъ фактовъ—злоупотребленій, имѣвшихъ мѣсто въ предшествующее время. Когда оставались послѣ князя малолѣтніе сироты, они вслѣдствіе малолѣтства не получали отцовскихъ надѣловъ; выростали они—ихъ удѣлы давно находятся въ рукахъ какого-нибудь старшаго родственника, перейдя иногда изъ рукъ въ руки въ силу различныхъ комбинацій: создалось уже извѣстное statu quo, нарушать которое старѣйшимъ родственникамъ было и нежелательно, и хлопотно. Такимъ представляется естественное происхожденіе изгойства; такимъ было изгойство Бориса Вячеславича, Игоровичей, Ростиславичей—оно объясняется раннею смертью ихъ отцовъ. Помимо того изгойство могло практиковатся и сознательно, какъ средство для собиранія волостей; что изгойство Святославичей при Всеволодѣ не имѣло за собою никакого оправданія, никакой даже отговорки, это признаютъ и сторонники теоріи родоваго быта: Всеволодъ былъ сообщникомъ Святослава въ изгнаніи Изяслава, за которое Святославичи лишились волостей [2]).

Я не буду останавливаться на перипетіяхъ борьбы Всеволода съ изгоями. Одна за другою выступили три семьи изгоевъ—Святосла-

---

[1]) Въ церковномъ уставѣ князя Всеволода († 1137): „а се и четвертое изгойство к себѣ (и сего) приложимъ: аще князь осиротѣетъ“ (см. напр. Ист. рус. церкви м. Макарія II с. 383 или въ Христоматіи по ист. рус. права М. Ф. Владимірскаго-Буданова I с. 229). Подлинность этого устава подозрѣвается, и во всякомъ случаѣ онъ дошелъ до насъ не въ первоначальномъ своемъ видѣ, см. Ист. рус. ц. м. Макарія II с. 280, Ист. рус. ц. проф. Голубинскаго I пол. 1 с. 370.

[2]) См. Соловьева т. II с. 27 и пр. 71.

вичи, Игоревичъ, Ростиславичи; съ помощью вольныхъ дружинъ, преимущественно инородческихъ, они ведутъ борьбу со Всеволодомъ, добиваясь своихъ волостей; послѣдній идетъ на компромиссы: онъ удовлетворяетъ постепенно нѣкоторыхъ изгоевъ до извѣстной степени, разъединяетъ ихъ такимъ образомъ и обезсиливаетъ наиболѣе опасныхъ. Такъ онъ даетъ Червенскіе города Ростиславичамъ, Дорогобужъ, вѣроятно съ Погориною—Давыду Игоревичу, можетъ быть, онъ же далъ Смоленскъ Давыду Святославичу, но Черниговъ во что бы то ни стало Всеволодъ старается удержать за собою [1]). Ареною борьбы было Заднѣпровье, Кіевщину она задѣвала только косвенно; такъ, напримѣръ, Давыдъ Игоревичъ во время этой борьбы, въ 1084 г., „зая Грѣкы (Грѣчнѣки) во Олешьи, и зая в них все имѣнье"; кто бы ни были эти ограбленные, настоящіе греки, или русскіе купцы, торговавшіе съ Греціею (гречники), но этотъ погромъ чувствительно отозвался на торговлѣ, конечно и кіевской въ частности, такъ что Всеволодъ былъ вынужденъ удовлетворить Давыда [2]).

Правдоподобно, надѣленіе изгоевъ было причиною ссоры Ярополка Изяславича со Всеволодомъ: волости Ростиславичей и Давыда Игоревича, вѣроятно, были выдѣлены въ ущербъ интересамъ Ярополка, можетъ быть даже прямо изъ его владѣній, по крайней мѣрѣ другую причину этой ссоры трудно придумать [3]). Ярополкъ собрался было итти на Всеволода, „послушавше злыхъ совѣтникъ", но Всеволодъ захватилъ его врасплохъ, пославъ войско, и Ярополкъ былъ принужденъ бѣжать по старой памяти „въ Ляхы". Впрочемъ волость всетаки потомъ была ему возвращена; вообще по отношенію къ нему

---

[1]) Давыдъ Игоревичъ получилъ Дорогобужъ въ 1084 г., Ростиславичей мы встрѣчаемъ въ Червенскихъ городахъ впервые въ 1087, а Давыда Святославича въ Смоленскѣ—въ 1095 г. (Ипат. л. с. 144, Лавр. с. 199, 1 Новг. с. 3). Ко времени Всеволода водвореніе Давыда Святославича относили Карамзинъ (II с. 66) и Погодинъ (Хронол. указатель—въ Зап. Акад. Н. т. VII с. 67), Полевой (II с. 329) и Соловьевъ (Ист. отнош. князей с. 111) полагали, что Давыдъ захватилъ Смоленскъ силою у Мономаха. Соловьевъ же полагалъ еще, что Ростиславичи отняли Червенскіе города у поляковъ во время распри Ярополка со Всеволодомъ (Ист. Рос. II с. 30), но лѣтопись (Ипат. с. 167) прямо говоритъ, что Перемышль и Теребовль были даны Ростиславичамъ Всеволодомъ.

[2]) Ипат. л. с. 144; ср. Барсова Геогр. нач. л. с. 223.

[3]) Ср. Полевого Ист. рус. нар. II с. 319, Соловьева II с. 29, Линниченка Взаимн. отнош. с. 129.

Всеволодъ держитъ себя довольно благосклонно и защищаетъ его отъ притязаній Ростиславичей; дѣйствовалъ ли онъ въ силу расположенія, или изъ политическаго расчета: дружить съ Изяславичами противъ Святославичей, сказать трудно. Ярополкъ былъ убитъ вскорѣ (1087 г.), какъ подозрѣвали, по проискамъ Ростиславичей; лѣтописецъ характеризуетъ его весьма симпатичными чертами: онъ былъ кротокъ, братолюбивъ и нищелюбивъ, давалъ десятину церкви Богородицы (Десятинной) и пожертвовалъ большія помѣстья Печерскому монастырю. Позже онъ былъ причтенъ къ святымъ. Татищевъ говоритъ, что кіевляне имѣли къ нему великую любовь и прочили въ наслѣдники Всеволоду; по лѣтописцу, „вси Кияне великъ плачь створиша над нимъ“ [1]). Онъ могъ дѣйствительно снискать популярность населенія, живя при отцѣ въ Кіевской области послѣ его вторичнаго возвращенія. Высказано было даже предположеніе, что Ярополкъ хотѣлъ согнать Всеволода со стола, пользуясь расположеніемъ кіевлянъ [2]), но фактически обосновать это предположеніе нельзя.

Смерть Ярополка освободила Волынскую волость для Давыда Игоревича [3]); Святополкъ перешелъ изъ Новгорода въ Туровъ, принадлежавшій Ярополку, а въ Новгородѣ былъ посаженъ внукъ Все-

---

[1]) Ипат. л. с. 144—145 (Лавр. с. 199—200) и 338. Филаретъ Русскіе Святые кн. XI. с. 366. Татищевъ Ист. Рос. II. с. 139. См. еще о немъ отзывъ (неблагопріятный) г. Андріяшева—Ист. Волын. зем. с. 111—112.

[2]) Линниченко—Вѣче въ Кіев. обл. с. 23. Длугошъ (l. III p. 288) и Стрыйковскій (I p. 171) дѣйствительно объясняютъ возстаніе Ярополка претензіями на кіевскій столъ, но это, надо думать, только домыслъ Длугоша (ср. его объясненіе похода Романа Святославича—p. 286).

[3]) Что Волынь по смерти Ярополка была отдана Давыду, сказано прямо только у Татищева (II с. 139), это извѣстіе, или догадка вполнѣ вѣроятна, потому что Давыдъ владѣлъ Волынью въ отсутствіе Ярополка и позже говорится, что Владиміръ (Волынскій) былъ отданъ Давыду Всеволодомъ (Ипат. с. 144 и 167). Быть можетъ, къ этому времени относится присоединеніе Погорины къ Кіевской землѣ? Если Дорогобужская волость была выдѣлена Давыду изъ Волынской волости Ярополка, то теперь, при переводѣ Давыда во Владиміръ, Всеволоду было очень удобно взять ее себѣ. Любопытно, что скоро затѣмъ, хотя еще очень неопредѣленно, выступаетъ вопросъ о Погоринѣ—именно въ Сказаніи объ ослѣпленіи Василька, въ разсказѣ Давыда о притязаніяхъ послѣдняго (Ипат. с. 172). Заслуживаетъ вниманія и сообщеніе Татищевскаго свода, что Ярославъ Святополковичъ намѣревался отнять Погорину у Мономаха (II с. 219)—потому собственно, что Татищевъ Дорогобужскую волость не считалъ отнятою у Ярополка (ibid. с. 137).

волода, знаменитый впослѣдствіи, тогда малолѣтній еще Мстиславъ; впослѣдствіи новгородцы попрекали Святополка, что онъ ушелъ отъ нихъ: очевидно, уходъ его не былъ вынужденнымъ, Святополкъ, быть можетъ, имѣлъ въ виду управлять Новгородомъ чрезъ намѣстниковъ, надобно отцу, но новгородцы, не желая сидѣть безъ князя, обратились къ Всеволоду [1]). Такъ или иначе, за старшею Изяславлею линіею осталась только Туровская волость; обстоятельство это имѣетъ не малое значеніе: благодаря ему, Святополкъ и теперь, и позже, будучи кіевскимъ княземъ, не могъ играть особенно выдающейся роли на Руси по сравненію съ линіею Всеволода.

Во вторую половину правленія Всеволода не слышно объ изгояхъ, продолжалъ безпокоить сосѣднія волости Всеславъ, до половцы производили свои набѣги. Борьбу съ этими врагами выносилъ на своихъ плечахъ неутомимый Мономахъ. Набѣги половцевъ преимущественно направлялись на Переяславскую волость, впрочемъ извѣстенъ набѣгъ или, вѣроятнѣе, было нѣсколько набѣговъ сряду на Поросье —у Красна Мономахъ нанесъ половцамъ пораженіе (около 1085 г.) [2]).

Всеволодъ, кажется, пользовался любовью и уваженіемъ духовенства, какъ человѣкъ весьма образованный для своего времени (онъ зналъ пять языковъ), усердный къ религіи и воздержный, къ тому же—мужъ греческой царевны. Лѣтописецъ говоритъ, что онъ былъ любимымъ сыномъ своего отца, измлада любилъ правду, миловалъ убогихъ, очень любилъ духовенство. Религіозностію отличались и нѣкоторыя дѣти его; не говоря о Мономахѣ, его дочери Евпраксія и Анна обнаружили свою набожность, постригшись въ монашество; Анна (Янка) принимала близкое участіе въ дѣлахъ церкви, путешествовала въ Царьградъ; для нея былъ устроенъ Всеволодомъ женскій Андреевскій монастырь, называвшійся по ея имени также Янчинымъ. Кромѣ того Всеволоду принадлежитъ еще основаніе Выдубицкаго монастыря (монастырь Всеволожь) [3]).

---

[1]) Ипат. л. с. 145 и 182, прибавл. къ 1 Новг. с. 62 и 439 (Лѣт. Авраамки с. 313).

[2]) „И потомь на Святославль гонихомъ по Половцихъ, и потомь на Торческый городъ, и потомь на Гюргевъ по Половцихъ; и паки на той же сторонѣ у Красна Половци побѣдихомъ (Лавр. с. 240--Поученіе Мономаха).

[3]) Ипат. с. 144, 145, 146, 186, 197, 475.

Но если Всеволодъ пользовался симпатіями духовенства, то нельзя этого сказать о дружинѣ и земствѣ. По словамъ лѣтописца, Всеволодъ въ старости, ослабленный болѣзнями и печалями, сталъ окружать себя людьми новыми, которые отвращали его отъ прежней дружины и не заботились о правосудіи: „нача любити смыслъ уныхъ и свѣтъ творяше с ними; си же начаша і заводити (завидѣти) и негодовати дружины своея первыя і людемь не хотѣти (доходити) княжѣе правды“ [1]). Нѣкоторые ученые предполагаютъ, что подъ прежнею („первою“) дружиною нужно разумѣть кіевскую, а подъ молодою—пришлую, переяславскую [2]), но ближе къ лѣтописи будетъ предположить, что здѣсь просто разумѣются любимцы вообще, оттѣснявшіе прежнихъ приближенныхъ, прежнюю дружину, что лѣтописецъ и объясняетъ старостью князя, ослабленіемъ его ума. Это было причиною неудовольствія дружины. Земство было недовольно самоуправствомъ и лихоимствомъ его тіуновъ: „начаша тивунѣ его грабити, людии продаяти (отягощать штрафами), сему невѣдущю у болѣзнѣхъ своихъ“ [3]). Всеволодъ, кажется, вообще не отличался особенною дѣятельностью, а въ старости, больной, совсѣмъ не входилъ въ дѣла управленія землею и не исполнялъ одной изъ главныхъ обязанностей князя—„оправливать людей“. Другая причина неудовольствія земства—рати; единственная рать собственно кіевская, упоминаемая источниками—это набѣги или набѣгъ половцевъ, уже упомянутый. Но, вѣроятно, кіевскія ополченія должны были участвовать и въ войнахъ Всеволода съ разными его врагами, не имѣвшихъ прямого отношенія къ Кіевской землѣ, и это возбуждало неудовольствіе: „наша земля оскудила есть отъ ратий и продажъ“, жаловались кіяне по смерти Всеволода [4]).

---

[1]) Ипат. с. 151.

[2]) Соловьевъ II с. 32; Бестужевъ-Рюминъ—Русск. ист. I, с. 165, Костомаровъ—Монографіи I с. 186, 192; аргументъ, что Всеволодъ, какъ старикъ, едва ли могъ окружить себя юношами, кажется мнѣ не важнымъ. Ср. Лашнюкова Владиміръ Мономахъ и его время (въ Пособіи къ изученію русской исторіи в. II, с. 12).

[3]) Ипат. (с. 151) и Лавр. (с. 209) расходятся въ чтеніи этого мѣста; чтеніе Ипат. „і начаша тивунѣ его грабити“ лучше, по моему мнѣнію, чѣмъ Лавр. „начаша ти унии“: рѣчь идетъ уже о новомъ предметѣ; „людемъ не хотѣти княжеѣ правды“ относится къ „унымъ“—они не хотѣли, не заботились, чтобы люди пользовались княжьимъ провосудіемъ; г. Линниченко (Вѣче с. 23) понимаетъ такъ, что кіевляне были недовольны княжьимъ судомъ (избѣгали его?).

[4]) Ипат. с. 152.

Характеризовать самую личность Всеволода трудно: онъ очень мало фигурируетъ, скрываясь то за личностями братьевъ, то Мономаха. Несомнѣнно, это былъ человѣкъ себѣ на умѣ и большой благопріобрѣтатель; политика его относительно изгоевъ не показываетъ въ немъ ни дальновидности, ни благородства, но благодаря осторожности и умѣнью выжидать, этотъ родоначальникъ московскихъ собирателей собралъ въ своихъ рукахъ большинство волостей. Впрочемъ, трудно опредѣлить, что въ результатѣ нужно приписать ему самому и что его правой рукѣ—Мономаху [1]).

Всеволодъ скончался 13 апрѣля 1093 г. „Епископы, игумены съ черноризцами, попы, бояре и простые люди“ похоронили его [2]). Населеніе не могло особенно жалѣть за покойникомъ, и отъ буйствъ въ отношеніи нелюбимыхъ тіуновъ удержало народъ, вѣроятно, присутствіе Мономаха.

Смерть Всеволода открыла вопросъ о наслѣдованіи кіевскаго стола; предшествующая эпоха, повидимому, не выработала въ этомъ отношеніи никакихъ прочныхъ правилъ, и возможно было колебаніе между различными принципами наслѣдованія. По словамъ лѣтописца, Мономахъ, находившійся тогда въ Кіевѣ, „нача размышляти, река: аще язъ сяду на столѣ отца своего, то имамъ рать со Святополкомъ узяти, яко то есть столъ отца его [3]) переже былъ. И тако размысливъ, посла по Святополка Турову, а самъ иде Чернѣгову“ [4]). Татищевскій сводъ прибавляетъ, что кіяне просили Мономаха сѣсть на столѣ у нихъ, но онъ отказался, опасаясь претензій Святополка и

---

[1]) Большее, чѣмъ обыкновенно, значеніе личности Всеволода и его дѣятельности придаетъ покойный Лашнюковъ (Владиміръ Мономахъ с. 9—12): „мы, говоритъ онъ, даемъ княженію Всеволода самостоятельное значеніе, считаемъ его родоначальникомъ княжеской линіи, въ которой хранилась идея верховной власти, принесенная намъ греческимъ духовенствомъ, и не устраняемъ личнаго участія Всеволода въ дѣлахъ его княженія“. Наоборотъ, чрезвычайно низкаго мнѣнія о Всеволодѣ былъ Н. Полевой—см. Исторію рус. нар. II. с. 288, 301, 314—5.

[2]) Ипат. с. 152.

[3]) Въ Ипат. неправильно: „моего“.

[4]) Ипат. л. с. 152 (Лавр. с. 210).

Святославичей [1]). Весьма трудно рѣшить, насколько справедливо это извѣстіе; приведенныя слова лѣтописи если не противорѣчатъ ему, то нисколько и не подтверждаютъ. Не нужно забывать, что въ ту пору Мономахъ едва ли представлялся такимъ „добрымъ страдальцемъ за землю Русскую", какъ двадцать лѣтъ спустя—эту славу преимущественно стяжалъ онъ позже, во время славной борьбы съ половцами 1103—1111 г. Раньше его дѣятельность вовсе не имѣетъ характера дѣла народнаго; онъ не разъ наводилъ половцевъ на русскія земли, пустошилъ и жегъ города, какъ самъ сознается [2]). Княженіе Всеволода, какъ мы видѣли, было очень непопулярно у кіевскаго населенія, и Мономахъ, вѣчно странствуя съ отцовскими порученіями, едва ли дѣлалъ много для улучшенія управленія въ Кіевской землѣ; по крайней мѣрѣ лѣтописецъ, говоря о безпорядкахъ въ княженіе Всеволода, ни однимъ словомъ не обмолвился о Мономахѣ. Въ сужденіяхъ ученыхъ о тогдашней популярности Мономаха, какъ и въ вышеприведенномъ извѣстіи Татищева, едва ли не сказывается вліяніе позднѣйшей его славы, которую нечувствительно переносили и на болѣе раннее время. Существовали, конечно, въ Кіевѣ сторонники Мономаха, но они, правдоподобно, не составляли большинства, и на ряду съ ними могла быть и партія Святополка, и еще больше—людей, относящихся къ вопросу безразлично. Между тѣмъ Святополкъ, несомнѣнно, не преминулъ бы предъявить свои претензіи; онъ и изъ Новгорода перешелъ въ Туровъ для того, вѣроятно, чтобы поближе слѣдить за кіевскими дѣлами [3]); принять кіевскій столъ Мономаху—значило вызвать его на упорную борьбу, а поднимать такую новую борьбу, не покончивъ старой тяжбы съ изгоями было бы со стороны Мономаха очень неблагоразумно. Такъ или иначе, Мономахъ рѣшилъ

---

[1]) Татищевъ—Ист. Россійск. II с. 146; предположеніе, что кіевское населеніе по смерти Всеволода предлагало столъ Мономаху, почти общепринято теперь—см. напр. Соловьева II, с. 38, Бестужева-Рюмина Ист. Рос. I, с. 165, Иловайскаго Ист. Рос. I, с. 123, Лашнюкова ор. с. с. 13, Линниченка—Вѣче с. 24. Соловьевъ изъ лѣтописныхъ словъ Мономаха выводитъ, что онъ „не предполагалъ препятствія со стороны гражданъ кіевскихъ, былъ увѣренъ въ ихъ желаніи имѣть его своимъ княземъ". Но не препятствовать вовсе не то же самое, что желать.

[2]) Лавр. с. 139 (Поученіе), ср. с. 231 (Ипат. с. 166).

[3]) Соловьевъ—Ист. Россіи II, с. 40, Сергѣевичъ—Вѣче и князь с. 321.

отказаться отъ Кіева, и отправился въ Черниговъ; Переяславская волость досталась брату его, Ростиславу.

Десять дней спустя по смерти Всеволода, въ день антипасхи, прибылъ въ Кіевъ Святополкъ; кіяне вышли къ нему навстрѣчу и встрѣтили его, по словамъ лѣтописца, съ поклонами и радостію [1]). Однако имъ, вѣроятно, скоро пришлось разочароваться въ новомъ князѣ: о Святополкѣ сохранилась дурная память; лѣтопись и агіографическіе памятники единодушно рисуютъ его человѣкомъ лишеннымъ государственныхъ способностей, инициативы, и въ то же время жестокимъ, подозрительнымъ, корыстолюбивымъ, несправедливымъ, [2]); по словамъ Патерика, въ его княженіе было много насилія людямъ: „домы бо силныхъ безвинныхъ искоренивъ и имѣнія многы отъимъ“; различныя бѣдствія его княженія авторъ разсматриваетъ, какъ божеское наказаніе за его неправды [3]). Дурная память сохранилась также о сынѣ Святополка—Мстиславѣ [4]).

Интересъ первыхъ годовъ княженія Святополка сосредоточивается около вопроса объ изгояхъ, который наконецъ былъ рѣшенъ окончательно, и около половецкихъ отношеній; то и другое, изгойскій вопросъ и половецкія опустошенія, стояли въ нѣкоторой связи между собою. Кіевской области ближайшимъ образомъ касались послѣднія; никогда, кажется, половецкіе набѣги не были такъ часты и опустошительны, какъ въ это время. Это была именно та пора, когда, по словамъ поэта, „по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть, но часто врани граяхуть, трупіа себѣ дѣляче, а галици свою рѣчь говоряхуть, хотять полѣтѣти на уѣдіе“ [5]). Къ бѣдствіямъ этимъ присоединился еще голодъ, отчасти вызванный половецкими вторженіями,

---

1) Ипат. л. с. 152 (Лавр. с. 210).

2) Сужденія историковъ о характерѣ Святополка отличаются вообще большимъ единодушіемъ, см. напримѣръ отзывы Карамзина (II с. 84—85), Соловьева (II с. 41), Бестужева-Рюмина (I с. 165).

3) Патерикъ с. 152 (житіе св. Прохора), то же самое у Стрыйковскаго въ извлеченіи изъ „хроники русской“ (обстоятельство любопытное!): czassu panowania swego wiele szkód poddanym bezwinnie poczyniłi i wyniszczył imion nie mało, a inszym odjął (I. 167).

4) Патерикъ с. 171 сл. (житіе св. Василія и Θеодора).

5) Слово о полку Игоревѣ с. 5.

отчасти причиненный саранчею [1]). Словомъ, то была печальная и тяжелая година въ исторіи Кіевщины. Бѣдствія отъ половецкихъ нашествій той поры глубоко запечатлѣлись въ народной памяти, въ частности народное воображеніе, видимо, сильно поразилъ главный герой ихъ, половецкій ханъ Бонякъ. Въ устахъ лѣтописца является онъ съ эпитетами „шелудиваго, безбожнаго, хищника"; въ лѣтопись попали легенды о немъ, гдѣ онъ является то вѣдуномъ, перекликающимся съ волками, то гордымъ наѣздникомъ, который въ знакъ своего торжества „сѣчетъ въ Золотые ворота" кіевскіе [2]). „Шолудывый Буняка" перешелъ затѣмъ и въ народныя преданія, имя его удержалось доселѣ въ памяти народа, между тѣмъ какъ самый образъ, постепенно измѣняясь, принялъ сказочные аттрибуты или превратился въ олицетвореніе какой-то темной стихійной силы, гдѣ уже почти ничего не осталось историческаго. Этотъ образъ олицетворилъ въ себѣ вѣкового врага Южной Руси—степь и ея кочевниковъ [3]).

Половцы шли на Русь въ моментъ смерти Всеволода; узнавъ о послѣдней, они предпочли поторговаться съ новымъ княземъ, не захочетъ ли онъ купить у нихъ миръ за хорошую цѣну, и прислали пословъ. Святополкъ не „сдумалъ" съ кіевскою дружиною и по совѣту своихъ приближенныхъ, пришедшихъ съ нимъ изъ Турова, посажалъ пословъ половецкихъ въ заключенье [4]). Татищевскій сводъ объясняетъ такой поступокъ корыстолюбіемъ Святополка [5]), но можно обойтись и безъ этого объясненія: несомнѣнно, половцы пришли въ большомъ числѣ

---

[1]) О голодѣ говорится въ Патерикѣ (с. 152) и у Стрыйковскаго (l. c.); о саранчѣ см. Ипат. л. с. 158 и 160 (Лавр. с. 219 и 222); Погодинъ впрочемъ считалъ эти два извѣстія лѣтописи за ошибочное повтореніе одного и того же факта (Хронолог. указ. с. 79).

[2]) Ипат. л. с. 162, 177, 299 (Лавр. с. 224, 261).

[3]) О народныхъ южнорусскихъ преданіяхъ о Бонякѣ см. спеціальное изслѣдованіе г. Кузмичевскаго „Шолудивый Буняка въ украинскихъ народныхъ сказаніяхъ" въ Кіевской Старинѣ 1887 г. кн. VIII и X, также у П. В. Голубовскаго - Печенѣги с. 238—240 и въ новомъ трудѣ г. Жданова: Пѣсни о князѣ Романѣ въ Журн. М. Н. П. 1890 кн. IV с. 289 сл. Извѣстныя нынѣ народныя преданія о Бунякѣ записаны въ Галичинѣ, на Волыни и въ старой Древлянской землѣ, въ селахъ Миропольѣ и Деревичахъ Новоградъ-Волынскаго уѣзда; они восходятъ къ XVII в.

[4]) Длугошъ объясняетъ (l. IV p. 306), что половцы, ни больше ни меньше, требовали невыплаченной дани (ср. Густин. л. с. 278).

[5]) Ист. Рос. II с. 148.

и потому запросили за миръ дорого, а новопришедшая дружина, незнакомая съ мѣстными отношеніями, на первыхъ порахъ была самонадѣянна. Между тѣмъ половцы, узнавъ о такомъ пріемѣ своихъ пословъ, начали грабить страну, осадили городъ кіевскихъ торковъ. Святополкъ теперь уже самъ предложилъ имъ миръ—предложеніе не было принято; тогда онъ сталъ готовиться въ походъ и „сбирати воѣ“. Кіевское боярство отговаривало князя отъ похода: „не кушайся противу имъ, яко мало имаши вой“. Святополкъ отвѣчалъ, по лѣтописцу: „имѣю отрокъ своихъ 8 сотъ, иже могуть противу имъ стати“ [1]); смыслъ его словъ, кажется, тотъ, что онъ не нуждается въ земскомъ ополченіи, а слѣдовательно не стѣсняется и мнѣніемъ кіевлянъ. Нѣкоторые поддержали мнѣніе князя; лѣтописецъ называетъ ихъ „несмысленными“; неясно, была ли то туровская дружина, или кіевляне: среди послѣднихъ тоже были сторонники похода, предпочитавшіе войну большому окупу. Другіе говорили, что дружиной можно было бы обойтись, если бы ее было въ десять разъ больше, а на ополченіе дѣйствительно разсчитывать нельзя, потому что страна обѣднѣла („аще бы пристроилъ 8 тысящь, нелихо ти есть, наша земля оскудила есть отъ ратий и продажъ“) и совѣтовали обратиться, если ужъ итти на половцевъ, за помощью къ Мономаху. Святославъ послѣдовалъ этому совѣту и Мономахъ не только явился самъ съ ополченіемъ, но и призвалъ изъ Переяславля брата Ростислава. Встрѣча со Святополкомъ произошла въ фамильномъ монастырѣ Мономаха—Выдубицкомъ; между ними пошли тутъ распри и „которы“; лѣтописецъ говоритъ, что Мономахъ настаивалъ на мирѣ съ половцами, Святополкъ хотѣлъ рати. „Смысленные мужи“, по словамъ лѣтописи, совѣтовали князьямъ отложить свои споры: „почто вы распрю имата межи собою? а погании губять землю Рускую, послѣдѣ ся смирита; а нынѣ поидита противу имъ, любо с миромъ, любо ратью“; князья уладились и поцѣловали крестъ. Изъ послѣднихъ словъ лѣтописи („послѣдѣ ся смирита“) явствуетъ, что спорили не только о походѣ: бывшіе соперники и вмѣстѣ самые крупные государи тогдашней Руси встрѣтились теперь впервые послѣ смерти Всеволода и весьма вѣроятно, что они именно въ это вре-

---

[1]) Въ Никон. (I. с. 120) невозможное чтеніе—27000 и вмѣсто дальнѣйшихъ 800—80000. Татищевъ поясняетъ, что половцевъ было не меньше 8000 (II с. 147).

мя опредѣлили свои дальнѣйшія отношенія и „урядились" относительно спорныхъ пунктовъ. Союзъ Изяслава и Всеволода 1077 года былъ возстановленъ теперь ихъ сыновьями и преемниками [1]).

Размолвка Святополка съ кіевскимъ боярствомъ не помѣшала созыву ополченія: послѣднее собиралось на половцевъ охотно и, кажется, безъ вѣчевой санкціи: согласіе предполагалось; ниже мы видимъ, что масса кіевская желала биться съ половцами. Войска троихъ князей собрались у Кіева и отправились къ Треполю [2]). Подойдя къ Стугнѣ, князья остановились въ недоумѣніи и собрали ополченія на военный совѣтъ: очевидно, половцы были неподалеку. Мономахъ продолжалъ настаивать на мирѣ „у грозѣ сей" [3]); его поддерживали „смысленные" кіевскіе бояре, но кіевское ополченіе (Кияне) требовало битвы. Голосъ послѣдняго превозмогъ, войска перешли Стугну и за первымъ (сѣвернымъ) изъ двухъ валовъ, проходящихъ здѣсь, встрѣтили половцевъ. Послѣ продолжительной и кровопролитной битвы русскіе потерпѣли пораженіе; произошла паника; Ростиславъ и Мономахъ пустились въ бродъ чрезъ Стугну, при чемъ Ростиславъ

---

[1]) Ипат. с. 152—3 (Лавр. с. 211). Въ Никон. (I. с. 120): послѣди смиритеся, что есть вамъ обида между собою. Длугошъ (l. IV p. 306) и Татищевъ (II с. 147) объясняютъ, что Мономахъ упрекалъ Святополка за поимку пословъ; въ Густинской л. (с. 278) по поводу этой поимки прибавлено: сего же не похвалиша ему братія. Сергѣевичъ (Вѣче и князь с. 166) полагаетъ, что Мономахъ требовалъ вознагражденія за помощь противъ половцевъ; но половецкія нашествія были общимъ бѣдствіемъ и едва ли за подобную помощь князья могли торговаться. Объ этомъ эпизодѣ см. еще Соловьева II. с. 41, Линниченка Вѣче с. 25.

[2]) Ростиславъ, можетъ быть, присутствовалъ при переговорахъ въ Выдубицкомъ монастырѣ, но не вмѣшивался, какъ князь менѣе значительный и находившійся, вѣроятно, подъ вліяніемъ брата, или пришелъ послѣ переговоровъ (бояре обращаются къ спорящимъ князьямъ въ двойственномъ числѣ); что онъ однако присоединился къ войскамъ у Кіева, это видно изъ лѣтописи (и пойде Святополкъ и Владиміръ и Ростиславъ къ Треполю) и подтверждается житіемъ св. Григорія (Патерикъ с. 139—140), котораго Ростиславъ приказалъ утопить, встрѣтивъ на пути въ Печерскій монастырь за благословеніемъ.

[3]) Эти слова лѣтописи толкуютъ различно; одни, какъ Карамзинъ (II, с. 63), Арцыбашевъ (I, 2 с. 43), Иловайскій (I, с. 124), П. В. Голубовскій (Печенѣги с. 139) и др. принимаютъ ихъ въ смыслѣ „грозя имъ"; другіе, какъ Соловьевъ (II, с. 42): „врагъ грозенъ"; и то и другое толкованіе равно возможны. Военный совѣтъ, несомнѣнно, происходилъ на сѣверномъ берегу Стугны, и русскіе послѣ него перешли на южный берегъ, въ первый разъ, почему лѣтописецъ и прибавляетъ: „бѣ бо тогда наводнилася вельми". Объ этомъ походѣ см. еще выше, с. 29, также у П. В. Голубовскаго (ibid).

утонулъ, и его тѣло только потомъ было найдено и привезено въ Кіевъ, гдѣ покойника оплакали и погребли. Мономахъ поспѣшно ушелъ въ Черниговъ, не присутствовалъ, повидимому, даже на похоронахъ брата. Святополкъ отступилъ въ Треполь, затворился здѣсь и лишь ночью ушелъ въ Кіевъ [1]).

Послѣ этой побѣды (она случилась на Вознесеніе, 29 мая) часть половцевъ возвратилась къ осажденному Торческу, другая часть разсѣялась загонами по всей области, заходя даже за Кіевъ. Торки храбро оборонялись отъ половцевъ, но съѣстные припасы истощались, попытка доставить „брашна“ въ городъ не удалась: „не бѣ лзѣ украстися в городъ, множества ради ратныхъ.“ Святополкъ между тѣмъ сдѣлалъ еще одну попытку отразить врага—уже собственными силами; онъ выступилъ противъ половцевъ, грабившихъ окрестности Кіева, на Желань—но и эти загоны оказались сильнѣе его; Святополкъ потерпѣлъ еще большее пораженіе, чѣмъ у Треполя и лишь „самъ третѣй“, по словамъ лѣтописца, вернулся въ Кіевъ (23 іюня). Кіевская область осталась совершенно беззащитною; торки, услыхавъ о пораженіи Святополка, сдались послѣ девятинедѣльной мужественной обороны; половцы хозяйничали, какъ хотѣли и сколько хотѣли, и удалились, забравъ и истребивъ все, что можно было забрать и истребить. Лѣтописецъ съ глубокою скорбію говоритъ о сожженныхъ церквяхъ и селахъ, опустѣвшихъ городахъ, истребленныхъ посѣвахъ, угнанныхъ стадахъ, въ особенности—о множествѣ плѣнныхъ, угнанныхъ половцами; я не буду приводить его прочувствованнаго, превосходнаго описанія страданій плѣнниковъ и глубоко благочестиваго заключенія—они слишкомъ извѣстны [2]).

Эти пораженія и страшныя опустошенія должны были ослабить силы Кіевской земли. Святополкъ вынужденъ былъ войти въ сношенія съ половцами: на слѣдующій годъ подарками онъ купилъ себѣ

[1]) Ипат. л. с. 152—154 (Лавр. с. 210—213), 1 Новг. с. 3. Объ этой битвѣ говоритъ, кажется, Мономахъ въ Поученіи (Лавр. с. 240): „и пакы по отни смерти и по Святополцѣ на Сулѣ бившеся съ Половцы до вечера, быхомъ у Халѣпа, и потомь миръ створихомъ с Тугорканомъ и со инѣми князи Половечьскими“; поправка Арцыбашева (т. I, 2 пр. 236): „на Стугнѣ“ вм. „на Сулѣ“ кажется вѣроятною.

[2]) Ипат. л. с. 154—157 (Лавр. 213—218).

миръ и женился на дочери хана Тугоркана—это былъ первый примѣръ подобныхъ браковъ [1]).

Между тѣмъ Олегъ, ободренный пораженіемъ князей, явился съ половцами и принудилъ Мономаха отказаться отъ Черниговской волости; Святополкъ не рѣшился подать помощи послѣднему. Переяславская волость была при этомъ, вѣроятно, также сильно опустошена, а на слѣдующій годъ явились къ Мономаху половецкіе ханы Китанъ и Итларь—торговаться о мирѣ, а въ случаѣ несогласія—снова опустошать волость. Подобный образъ дѣйствій, конечно, долженъ былъ страшно раздражать русскихъ. По совѣту дружины Мономахъ распорядился вѣроломно избить пришедшихъ къ нему половцевъ; однимъ изъ участниковъ этого дѣла былъ также бояринъ Святополка Славята, присланный за чѣмъ-то своимъ княземъ къ Мономаху. Вслѣдъ за тѣмъ Мономахъ со Святополкомъ напалъ врасплохъ на половецкія вежи и захватилъ богатую добычу; къ участью въ этомъ нападеніи приглашенъ былъ и Олегъ, но отказался [2]). Дѣятельное участіе Святополка показываетъ, что миръ, купленный у половцевъ, былъ совершенно непроченъ, что половцы либо нарушили его, либо дали поводъ ожидать нарушенія. Подъ этимъ же годомъ (1095) мы читаемъ въ лѣтописи, что половцы пришли въ Кіевскую область, осадили Юрьевъ и стояли подъ нимъ цѣлое лѣто; трудно только опредѣлить, предшествовало ли это вторженіе избіенію половцевъ, или оно послѣдовало уже за нимъ [3]). Святополкъ опять задобрилъ было

---

[1]) Ипат. с. 157; Татищевъ (II, с. 151) объясняетъ, что Мономахъ и другіе князья, „озлобленные“ Святополкомъ, отказали ему въ помощи, что онъ женился на дочери Тугоркана изъ скупости, чтобы не дорого купить миръ (ср. Соловьева Ист. отнош. князей с. 108). Подобная женитьба скорѣе увеличивала издержки, потому что требовала приличнаго калыма (ср. Погодинъ Древ. Рус. Ист. I, с. 110).

[2]) Ипат. с. 158—9, Лавр. с. 219—220 и 240; Татищевъ II, с. 153. Славята, правдоподобно, былъ однимъ изъ инициаторовъ избіенія половцевъ (см. Соловьевъ II, пр. 105), но нѣтъ никакихъ основаній заключать, что Мономахъ дѣйствовалъ при этомъ въ угоду кіевскому населенію, какъ дѣлаетъ Костомаровъ (Монографія т. I, с. 194): это предположеніе явилось у него вслѣдствіе того, что онъ, ошибочно для этого времени, принялъ Ратибора за кіевскаго тысяцкаго. Полевой (II, с. 330—1) видѣлъ въ избіеніи половцевъ уступку со стороны Мономаха желанію Святополка.

[3]) Погодинъ, весьма обстоятельно разсуждающій объ этомъ въ своемъ Хронологическомъ указателѣ (с. 71 сл., см. также с. 51), приходитъ къ заключенію, что осада Юрьева предшествовала избіенію половцевъ.

половцевъ подарками, но они потомъ все-таки вторглись въ Поросье [1]). Наконецъ жители Юрьева, соскучившись жить въ постоянномъ страхѣ половецкихъ разореній, улучивъ удобное время, бѣжали въ Кіевъ. Для нихъ и для прочаго порубежнаго населенія—поросскаго и заднѣпровскаго (засаковцевъ) [2]) былъ заложенъ новый городъ „на Вытечевьскомъ холъмѣ", названный Святополчемъ; сюда переселился и юрьевскій епископъ, а Юрьевъ, оставленный жителями, былъ сожженъ половцами. Пограничное населеніе Кіевской области, очевидно, не могло выносить болѣе половецкихъ набѣговъ, которые уже не ограничивались опустошеніями, а сопровождались осадою и разрушеніемъ городовъ. По аналогіи Юрьева, значительнѣйшаго города Поросья, можно думать, что и другіе города были также оставлены жителями; поросская военная граница, устроенная Ярославомъ и его сыновьями, была такимъ образомъ разрушена и укрѣпленною границею снова, какъ при Владимірѣ Св., является область Стугны.

Такимъ образомъ враждебныя отношенія къ половцамъ возобновились съ новою силою; въ виду этого Святополку и еще болѣе Мономаху было особенно непріятно имѣть въ тылу половецкаго союзника въ лицѣ Олега. Они всѣми мѣрами стараются разстроить его союзъ съ половцами: такой смыслъ, надо думать, имѣло упомянутое выше предложеніе—принять участіе въ походѣ на половцевъ, сдѣланное ему Святополкомъ и Мономахомъ; они разсчитывали, вѣроятно, что Олегъ не захочетъ открыто признать свою солидарность съ половцами, которая и такъ сильно вредила ему во мнѣніи современнаго общества [3]). Но Олегъ, только что добывъ Черниговъ благодаря половцамъ и не упрочивъ еще своего положенія, не рѣшался портить свои отношенія къ послѣднимъ: онъ обѣщалъ прійти, но не исполнилъ обѣщанія [4]). Въ слѣдующемъ году Святополкъ и Мономахъ пригла-

---

[1]) О разночтеніяхъ этого мѣста говорилъ я выше (с. 36), при опредѣленіи мѣстоположенія Юрьева; въ данномъ случаѣ я принимаю чтеніе Ипат. л. и сходныхъ съ нею.

[2]) Въ Софійскомъ (I. 177) и Воскрес. (I. 8) сводахъ—„за Саковцемъ" (см. Арцыбашева I. 2, пр. 254), но это чтеніе не годится; яснѣе въ Лавр. с. 221 (и Никон. I, с. 124): „и засаковцемъ и прочимъ отъ инѣхъ градъ". Объ этомъ переселеніи и устройствѣ Святополча см. еще выше с. 30.

[3]) См. Ипат. с 158 (Лавр. с. 218—9).

[4]) Ср. Багалѣй, Ист. Сѣвер. з. с. 172.

шаютъ Олега явиться въ Кіевъ, чтобы въ присутствіи духовенства, дружины и горожанъ („людей градскихъ") уговориться относительно обороны Русской земли отъ поганыхъ [1]). Въ этомъ фактѣ нѣкоторые видѣли попытку установить новый государственный строй, образовавъ общее вѣче изъ представителей всѣхъ земель съ верховными правами [2]), но ничто не даетъ права дѣлать подобное предположеніе; я скорѣе готовъ думать, что Святополкъ и Мономахъ просто разсчитывали уладить отношенія къ Святославичамъ и прекратить ихъ союзъ съ половцами подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, которое непремѣнно должно было высказаться рѣшительно противъ дружбы съ половцами и поддержать Святополка и Мономаха противъ Святославичей; кіевское общество могло служить третейскимъ судьею въ этомъ дѣлѣ, какъ вслѣдствіе значенія этого города, такъ и потому, что онъ не былъ прямо замѣшанъ въ борьбу Мономаха и Олега, какъ Черниговъ и Переяславль. Но и эта попытка не удалась: Олегъ, „усприемъ смыслъ буй и словеса величава", отказался явиться „на судъ епископовъ, чернецовъ и смердовъ"; онъ, конечно, предвидѣлъ, въ какомъ смыслѣ выскажется общественное мнѣніе и не хотѣлъ поступаться своею политикою въ угоду ему. Святополкъ и Мономахъ предприняли тогда походъ на Черниговъ, кончившійся сдачею Олега на волю братьевъ и выходомъ изъ волости. Но этотъ результатъ, конечно, былъ непроченъ и не удовлетворилъ Мономаха и Святополка: имъ во что бы то ни стало хотѣлось окончательно и прочно удалиться съ Святославичами. Половецкіе набѣги этого года достаточно объясняютъ это желаніе; Мономахъ уже не надѣялся отстоять Черниговъ и желалъ только развязать себѣ руки для борьбы со степью; Святополкъ, повидимому, вовсе не былъ заинтересованъ въ вопросѣ объ изгояхъ, и ему половецкія опустошенія должны были казаться особенно тягостными, своего рода на чужомъ пиру похмельемъ. Оба они пе-

---

1) Ипат. с. 160 (Лавр. с. 222).

2) Хлѣбниковъ (Общество и государство с. 196), также Кояловичъ (см. у г. Линниченка—Взаимн. отнош. с. 142). Нѣтъ основанія видѣть „въ людехъ градскихъ" и представителей всѣхъ городовъ, „какъ при Владимірѣ Святомъ", какъ думалъ Хлѣбниковъ и еще раньше Костомаровъ—Монографіи I. 195 (отмѣчу кстати варіантъ Тверскаго сборника с. 184: хотящи положити межи себе порядъ *предъ Кіяны*). См. еще Линниченка—Вѣче въ Кіевск. обл. с. 24.

редъ тѣмъ рядились съ Давыдомъ Святославичемъ, но этотъ рядъ не имѣлъ окончательнаго значенія безъ участія Олега [1]). Потому, выпуская Олега изъ Стародуба, Мономахъ и Святополкъ берутъ съ него обѣщаніе явиться вмѣстѣ съ Давыдомъ въ Кіевъ—„снятися и порядъ положити“ [2]).

Дѣйствительно, союзники Олега дали себя сильно почувствовать пограничнымъ областямъ; въ то время какъ Святополкъ ходилъ съ Мономахомъ на Олега, напалъ на Кіевскую область знаменитый Бонякъ, проникъ до Кіева, опустошилъ его окрестности и сжегъ княжескій дворъ на Берестовомъ, а другой ханъ—Куря опустошалъ окрестности Переяславля. Чрезъ недѣлю тесть Святополка, Тугорканъ, уже осадилъ Переяславль. Мономахъ въ это время, кажется, гонялся за Бонякомъ, вмѣстѣ съ Святополкомъ, но безуспѣшно [3]); теперь оба

---

[1]) Лавр. с. 245 (письмо Мономаха): „с братомъ твоимъ рядилися есвѣ, а не поможеть рядитися бес тебе, и не створила есвѣ лиха ничтоже, ни рекла есвѣ: сли к брату, дондеже уладимся“ (двойственное число относится къ Мономаху и Святополку), ср. 241 (Поученіе): „и Смолиньску идохомъ, с Давыдомь смирившеся“. Отношенія Мономаха и Святополка къ Давыду въ это время доселѣ остаются неясными, тѣмъ болѣе, что тутъ имѣемъ хронологическую путаницу: въ 1 Новг. подъ 1095 г. стоитъ: „иде Святополкъ и Володимиръ на Давыда Смоленьску и вдаша Давыду Новгородъ“ (с. 3); въ Начальной подъ тѣмъ же 1095 г.: „сего же лѣта исходяча иде Давыдъ Святославичь из Новагорода къ Смоленьску“, при чемъ новгородцы вызвали къ себѣ назадъ Мстислава Мономаховича, а Давыду отказали отъ стола (Ипат. с. 160, Лавр. с. 221); дѣйствительно, осенью 1096 г. Мстиславъ былъ уже въ Новгородѣ, какъ видно изъ описанія борьбы его съ Олегомъ. Между тѣмъ въ прибавленіяхъ къ Новгородской л. сказано, что Давыдъ сидѣлъ въ Новгородѣ два года: „и по двою лѣту выгнаша и“ (с. 67 и 439, также въ Лѣт. Авраамки с. 314); приходится такимъ образомъ переводъ Давыда въ Новгородъ передвинуть на 1094 или даже 1093 г. (ср. Карамзина II, с. 66 и пр. 179, Погодина Изслѣдов. V, с. 336—8). Въ Новгородъ Давыдъ, какъ видно, былъ переведенъ противъ воли; Соловьевъ объяснялъ, что сдѣлано это было для того, чтобъ его волость не соприкасалась съ Черниговскою волостью Олега (II, с. 46): это объясненіе очень вѣроятно, если только переводъ состоялся въ 1094 г. Затѣмъ Давыдъ, можно думать, хотѣлъ прихватить къ Новгороду и Смоленскъ, но потерялъ при этомъ Новгородъ, а передъ Любецкимъ съѣздомъ, по соглашенію съ Мономахомъ, очистилъ и Смоленскъ.

[2]) Ипат. с. 160—1 (Лавр. с. 222—3).

[3]) Въ Поученіи Мономаха (Лавр. с. 241), непосредственно за упоминаніемъ объ осадѣ Стародуба: „и на Богъ идохомъ, с Святополкомъ на Боняка за Рось“; я предпочитаю отнести эту погоню къ первому набѣгу Боняка 1096 г. потому, что послѣ осады Стародуба мы видимъ Мономаха въ Кіевской землѣ, откуда онъ явился, вмѣстѣ съ Святополкомъ, на выручку Переяславля (Ипат. с. 161, Лавр. с. 223).

отправились выручать Переяславль; половцевъ удалось застать врасплохъ, они были разбиты, самъ Тугорканъ былъ убитъ, Святополкъ отвезъ трупъ своего тестя въ Кіевъ и похоронилъ на пути въ Берестовое. Но пока Святополкъ ходилъ выручать Переяславль, Бонякъ, провѣдавъ, вѣроятно, объ отсутствіи его, уже успѣлъ вернуться; 19 іюня [1]) бились съ Тугорканомъ, а 20-го утромъ („въ первый часъ дня") половцы напали на Кіевъ и едва не ворвались въ верхній городъ; они зажгли предмѣстья (болонье), монастыри Стефановъ, Германовъ и Печерскую великую церковь, заставъ врасплохъ монаховъ, спавшихъ послѣ заутрени; поганые ругались надъ иконами и поносили христіанскую вѣру. Они зажгли также и Всеволодовъ „дворъ красный" у Выдубицкаго монастыря и затѣмъ удалились безнаказанно [2]).

Олегъ между тѣмъ все-таки не сдавался; онъ не рѣшался отдаться на судъ и волю братіи и попытался еще разъ отстоять свое дѣло оружіемъ. Результатомъ этой послѣдней его борьбы (за Муромъ и Ростовъ) было опять полное пораженіе и бѣгство. Мономахъ былъ утомленъ передрягами; смерть сына, павшаго въ борьбѣ съ Олегомъ, должна была также повліять на него; Олегу была возвращена Муромская волость немедленно, и онъ согласился наконецъ явиться на общій совѣтъ [3]). Осенью 1097 г. въ Любечѣ собрались наконецъ „на устроенье мира" Ярославичи послѣ стольких лѣтъ распрь и усобицъ. По сказанію, рѣшено было быть „по едино сердце" и „соблюдать Рускую землю", а какъ средства къ сохраненію впредь взаимнаго мира, были приняты: право всякаго князя на волость и принципъ отчинности при распредѣленіи столовъ (послѣдній впрочемъ не былъ проведенъ послѣдовательно) [4]). Этотъ фактъ имѣлъ, какъ извѣстно, очень важное значеніе въ исторіи удѣльно-вѣчевого періода, закрѣпивъ стремленіе отдѣльныхъ племенъ къ обособленію. Въ частности, что

---

[1]) Въ Ипат., Лавр., Ник. (I. 125) и Воскр. (I. 9) стоитъ 19 іюля, но нужно читать „іюня", такъ какъ пятокъ приходился 20 іюня, а не іюля (см. Арцыбашевъ т. I. кн. 2, пр. 260), и это сообразнѣе съ обстоятельствами: Тугорканъ пришелъ 31 мая, а разбитъ 20 іюня.

[2]) Ипат. л. с. 161—163 (Лавр. с. 223—226); Карамзинъ (II, пр. 174) полагалъ, что Бонякъ поспѣшилъ удалиться, узнавъ о пораженіи Тугоркана.

[3]) Ипат. с. 164—167, Лавр. с. 228—232, 243—245 (письмо Мономаха).

[4]) Ипат. с. 167—8 (Лавр. с. 247).

касается до Кіева, это установленіе должно было въ сильной степени парализовать традиціонныя стремленія кіевскихъ князей къ собиранію земель.

Кіевъ, въ ряду другихъ отчинъ, былъ признанъ отчиною дома Изяслава. Въ пониманіи этого факта не сходятся историки. Сторонники теоріи родовыхъ отношеній видятъ въ установленіи Любецкаго съѣзда главнымъ образомъ уничтоженіе изгойства, кіевскій же столъ, по ихъ мнѣнію, на будущее время долженъ былъ переходить отъ князя къ князю по старшинству, „лѣствичнымъ восхожденіемъ", и отчинность означала право сына на соотвѣтственную волость отца тогда только, когда онъ занималъ такую же позицію въ родѣ, какъ и его отецъ. Другіе же изслѣдователи понимаютъ отчинность въ точномъ смыслѣ и полагаютъ, что Кіевъ любецкими постановленіями былъ закрѣпленъ исключительно за потомствомъ Изяслава [1]). Такое разнорѣчіе происходитъ, кромѣ краткости и неопредѣленности лѣтописнаго извѣстія, еще и отъ того, что на практикѣ постановленіе Любецкаго съѣзда относительно Кіева не осуществилось: при первомъ же случаѣ наслѣдованія кіевскаго стола взаимные счеты князей были парализованы принципомъ народнаго избранія. Тѣмъ не менѣе мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ, болѣе согласнымъ съ послѣдующими фактами второе предположеніе: я думаю, что по любецкимъ постановленіямъ Кіевская земля, подобно другимъ, должна была обособиться и закрѣпиться за родомъ Изяслава, но послѣдующія обстоятельства помѣшали этому [2]).

Какъ извѣстно, Любецкій съѣздъ не прекратилъ усобицъ и раздоровъ среди князей, напротивъ—послужилъ исходнымъ пунктомъ для новой, еще болѣе ожесточенной борьбы. Изслѣдованію княжескихъ

---

[1]) Соловьевъ Ист. Россіи II, с. 51; Погодинъ Изслѣд. IV гл. V (с. 353 сл.); Сергѣевичъ—Вѣче и князь, с. 321—322; Бѣляевъ—Разсказы I, с. 148.

[2]) Возможно впрочемъ и такое объясненіе, что на Любецкомъ съѣздѣ князья имѣли въ виду распредѣленіе волостей только для даннаго времени, а не установленіе постояннаго закона для грядущихъ поколѣній; однако и въ такомъ случаѣ постановленіе его создавало бы весьма важный прецедентъ для послѣдующаго.

отношеній этихъ годовъ я посвятилъ отдѣльную работу [1]; не повторяя сказаннаго тамъ, я ограничусь краткою схемою событій и остановлюсь только на нѣкоторыхъ подробностяхъ, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ Кіевщинѣ.

Самое распредѣленіе волостей, утвержденное любецкими постановленіями, заключало въ себѣ причины для несогласій: Мономахъ, кромѣ исконныхъ волостей своего рода—Переяславской и Ростово-Суздальской, сохранилъ и Смоленскъ и Новгородъ, Святополкъ остался безъ Новгорода, а Давыдъ Игоревичъ долженъ былъ подѣлиться своею отчиною съ Ростиславичами. Повидимому, во время самаго съѣзда произошла размолвка между Святополкомъ и Мономахомъ, и результаты этого немедленно дали себя знать. Сказаніе нѣкоего Василя, включенное въ начальную лѣтопись, повѣствуетъ, что Давыдъ, введенный въ свою очередь въ заблужденіе своими боярами, объявилъ Святополку, будто Василько Ростиславичъ составилъ съ Мономахомъ коалицію противъ ихъ обоихъ, Святополка и Давыда; Василько имѣетъ въ виду завладѣть Волынью и отнять у Святополка Туровскую волость и Погорынье, а Мономахъ намѣренъ захватить Кіевъ. Въ виду этого Давыдъ совѣтовалъ схватить Василька, находившагося тогда въ Кіевѣ. Святополкъ отнесся ко всему этому нерѣшительно; помимо мотивовъ нравственныхъ онъ долженъ былъ опасаться послѣдствій этого поступка, да и поимка Василька преимущественно была интересна для Давыда, а не для Святополка. Приказавъ въ концѣ концовъ, подъ вліяніемъ настойчивыхъ совѣтовъ Давыда, схватить Василька, Святополкъ пытается опереться на населеніе и заручиться его поддержкою. По сказанію, на другой день послѣ поимки Василька онъ созываетъ бояръ и людей кіевскихъ и передаетъ имъ слова Давыда, что Василько заключилъ союзъ съ Мономахомъ противъ него, Святополка, хочетъ его убить и захватить его города [2].

---

[1]) Волынскій вопросъ 1097—1102 г.—см. въ Кіевской Старинѣ за 1891 г. кн. IV и V, и отдѣльно.

[2]) Хотя я вообще считаю сказаніе Василя не всегда безукоризненнымъ въ отношеніи исторической достовѣрности, но нижеприводимыя подробности объ отношеніяхъ кіевскаго населенія къ современнымъ событіямъ весьма интересны: сами по себѣ онѣ не возбуждаютъ подозрѣній относительно своей достовѣрности, но если и не придавать значенія деталямъ, не признавать даже самыя эти подробности фактически достовѣрными, все же

Возможность вооруженнаго захвата Кіева и его области со стороны Василька или Мономаха была, конечно, очень непріятна кіевлянамъ, и на это могъ разсчитывать Святополкъ. Но бояре и люди отвѣчали все же очень неопредѣленно: „тобѣ, княже, головы своеѣ достоитъ блюсти; да аще есть молвилъ право Давыдъ, да прииметь Василко казнь; аще ли не право глаголалъ Давыдъ, да прииметь месть отъ Бога и отвѣщаеть предъ Богомъ.“ Вѣче такимъ образомъ находило, повидимому, справедливою поимку Василька, но въ то же время ничѣмъ не обѣщало поддержки Святополку и не рѣшало участи Василька [1]). Очевидно, къ Святополку кіевляне особенныхъ симпатій не имѣли и не желали связывать его дѣла съ дѣломъ земли: такого принципа невмѣшательства земство держалось обыкновенно и только для особенно излюбленныхъ князей дѣлало исключенія.

Вѣче уклонилось отъ участія въ дѣлахъ Святополка; кіевское же духовенство прямо выступило въ защиту Василька: за отсутствіемъ митрополита игумены, узнавъ о происходящемъ, „начаша молитися о Васильцѣ къ Святополку“ [2]). Святополкъ началъ колебаться и сваливать все на Давыда, хотѣлъ даже отпустить Василька, но въ концѣ концовъ настоянія Давыда взяли верхъ; въ слѣдующую же

онѣ сохраняютъ значеніе, какъ выраженіе представленія современника о роли кіевскаго земства въ политической жизни, современника при томъ хорошо знакомаго съ современными отношеніями.

[1]) Ипат. с. 168—9 (Лавр. 248—50). Въ переговорахъ Святополка съ народомъ Сергѣевичъ (Вѣче и князь с. 114) видитъ предложеніе со стороны Святополка народу суда надъ Василькомъ, но народъ, по его мнѣнію, предоставляетъ князю какъ изслѣдованіе дѣла, такъ и произнесеніе приговора; Полевой (II с. 348), авторъ изслѣдованія „Смерть Ярополка Изяславича“ (Современникъ т. XVI отд. II. с. 21), Хлѣбниковъ (Общество и государство с. 375) въ отвѣтѣ вѣча видѣли смертный приговоръ Васильку. Мнѣ кажется, разсказъ сказанія надо понимать такъ, что вѣче находило справедливою поимку Василька, но къ „казни“ его не присуждало и не предоставляло даже на волю князя (какъ думалъ Костомаровъ Моногр. I. 196), а поставляло въ зависимость отъ виновности. Ср. Линниченка Вѣче с. 26. У Татищева (II, с. 175) послѣ приведенныхъ словъ вѣче говоритъ: „а доколѣ совершенно изслѣдовано и правда сыскана не будетъ, надлежитъ обоихъ (Василька и Давыда) удержать, и немедленно давъ знать прочимъ князьямъ, созвать ихъ для суда, чтобъ оное разсмотря, винному наказаніе положили“; но татищевскія рѣчи вообще заслуживаютъ сами по себѣ особенно мало довѣрія.

[2]) Ипат. с. 170 (Лавр. с. 250); Никон. I. с. 130: а митрополиту тогда сущу въ Синелицѣ градѣ.

ночь Василька тайкомъ отвезли въ Звенигородъ и немедленно ослѣпили—можетъ быть, въ Кіевѣ опасались вмѣшательства народа или духовенства; главную роль въ ослѣпленіи играли слуги Святополковы. Послѣ ослѣпленія Василько немедленно былъ отвезенъ во Владиміръ, подъ надзоръ Давыда [1]).

Въ упомянутой выше спеціальной работѣ я старался доказать, что общепринятый разсказъ объ отношеніи князей къ этому событію, источникомъ котораго служитъ упомянутое сказаніе Василя, во многомъ не выдерживаетъ критики. Мы не знаемъ, насколько справедливо было сообщеніе о союзѣ Мономаха съ Василькомъ (такое сближеніе послѣ размолвки Святополка съ Мономахомъ могло произойти, но не имѣло, вѣроятно, агрессивнаго характера), во всякомъ случаѣ извѣстіе о сближеніи Святополка съ Давыдомъ, направленномъ между прочимъ и противъ Мономаха, должно было сильно встревожить послѣдняго. Съ цѣлью разстроить этотъ новый союзъ, Мономахъ сближается со Святославичами и около февраля 1098 г., спустя три мѣсяца послѣ ослѣпленія, вмѣстѣ съ ними предпринимаетъ походъ на Кіевъ. Давыдъ, какъ видно, не оказалъ помощи Святополку, и послѣдній, не имѣя къ тому же поддержки и отъ населенія, хотѣлъ было, по примѣру отца, бѣжать изъ Кіева.

Но если населеніе раньше не высказало никакого желанія поддержать Святополка, съ другой стороны ему непріятна была и возможность вооруженнаго занятія Кіева союзниками: это привело бы къ новой борьбѣ изъ-за Кіева, новымъ преслѣдованіямъ и смутамъ, памятнымъ еще со времени изгнанія Изяслава; помимо того у Святополка все же могли быть и какіе-нибудь сторонники; этими причинами и соображеніями можно объяснить образъ дѣйствій населенія, какъ онъ представленъ въ сказаніи [2]). Вѣче вступаетъ въ этотъ мо-

---

[1]) Ипат. с. 170—171 (Лавр. 250—252).

[2]) Соловьевъ II с. 119; Сергѣевичъ—Вѣче и князь с. 118; Линниченко—Вѣче въ Кіевск. обл. с. 26. Татищевъ (II. с. 179) влагаетъ кіевлянамъ въ уста слѣдующія слова: „понеже ты самъ виненъ предъ братіею, и естьли уйдешь, большей себѣ вредъ и земли Руской, пачеже намъ неповиннымъ раззореніе учинишь: того ради оставь высокоуміе твое и проси у братіи прощенія“. Очень сходны съ этимъ слова кіевлянъ въ Густин. л. (с. 283): „аще ты бѣжиши, то мы на плѣненіе останемъ; но мы вѣмы, яко Володымеръ многомилостивъ есть, ты же токмо остави гордыню и послися къ Володымеру прося его о мирѣ.

ментъ въ свои верховныя права; оно удерживаетъ Святополка и отъ себя отправляетъ къ князьямъ—союзникамъ посольство изъ митрополита Николы и Анны, мачехи Мономаха, прося не губить Русской земли [1]). Послы, явившись въ станъ союзниковъ, „молистася ему (Мономаху) и повѣдаста молбу Кыянъ, яко створити миръ, и блюсти земли Руской и брань имѣти с погаными". Ходатайство было принято очень благосклонно. По всей вѣроятности, Мономахъ и не имѣлъ въ виду лишать Святополка Кіева, походъ его былъ лишь демонстраціей, и вмѣшательство земства дало удобный предлогъ перейти къ переговорамъ.

Княгиня, вернувшись въ Кіевъ, „повѣда всю рѣчь Святополку и Кияномъ, яко миръ будеть". Дѣла такимъ образомъ уладились, и вѣче прекратило свою дѣятельность. Святополкъ вошелъ въ обычную роль и началъ дипломатическія пересылки съ союзниками, результатомъ которыхъ было обязательство, возложенное на Святополка—схватить или прогнать со стола Давыда за его преступленіе. Святополкъ обѣщалъ исполнить это порученіе и цѣловалъ въ томъ крестъ; на этомъ и былъ заключенъ миръ [2]). Въ сущности, поручая Святополку выгнать Давыда, князья тѣмъ самымъ предоставляли Святополку Волынь (его отчину), такъ что позже, когда онъ не совладалъ съ Давыдомъ, послѣдній былъ „выведенъ" рѣшеніемъ княжескаго съѣзда, и Волынь все таки передана Святополку.

Онъ же послушавъ ихъ, посла къ Володымеру митрополита и жену Всеволожу". Обѣ рѣчи своимъ оригиналомъ имѣютъ, кажется, рѣчь черниговцевъ Всеволоду Ольговичу 1138 г. (Ипат. с. 216). Весь этотъ эпизодъ, заподозрѣвать который, какъ я замѣтилъ выше, нѣтъ основаній, довольно трудно примирить, не смотря на предложенныя учеными объясненія, съ предположеніемъ о большой популярности Мономаха у кіевлянъ въ это время; трудно допустить, чтобы они при столь выгодномъ стеченіи обстоятельствъ отказались отъ перспективы пріобрѣсть излюбленнаго князя въ лицѣ Мономаха, если бы послѣдній былъ такимъ, и стали удерживать Святополка.

[1]) Никон. (I. с. 132) представляетъ иниціаторомъ посольства митрополита (котораго ошибочно—за нею, вѣроятно, и Татищевъ—называетъ Никифоромъ): „рече митрополитъ Никифоръ ко Святополку: покайся яже злѣ сотворилъ еси, и молися въ мирѣ быти съ братіею твоею, и аще Богъ хощетъ, да иду азъ къ братіи твоей о мирѣ и о любви, и Анна княгиня Всеволожа да потружается со мною; и ради быша вси". Этотъ варіантъ еще Татищевъ подозрѣвалъ въ тенденціозности (II пр. 326—с. 448).

[2]) Ипат. с. 171—173 (Лавр. с. 252—255).

Такимъ образомъ Мономахъ достигъ своей цѣли: союзъ Давыда и Святополка былъ разрушенъ, послѣднiй былъ натравленъ на своего союзника. Но подчинить Святополка своему влiянiю Мономаху не удалось: Святополкъ успѣлъ сблизиться со Святославичами и опираясь на ихъ поддержку, занялъ самостоятельное положенiе въ современной политикѣ.

Я не буду останавливаться на подробностяхъ волынской кампанiи Святополка. Заручившись поддержкою Святославичей и нейтралитетомъ в. князя польскаго Владислава Германа, Святополкъ успѣшно повелъ борьбу съ Давыдомъ, но затѣмъ, задумавъ округлить Волынь принадлежавшими къ ней нѣкогда волостями Ростиславичей, потерялъ всѣ свои завоеванiя. Это заставило его снова обратиться къ дипломатiи; опираясь опять-таки на поддержку Святославичей и съ ихъ помощью оказывая давленiе на Мономаха, онъ успѣлъ добиться того, что на общемъ съѣздѣ въ Увѣтичахъ Волынь была отнята у Давыда—за его преступленiе и передана Святополку, мало того—рѣшено было отобрать волость и у Василька, чтобы передать ее, правдоподобно, тому же Святополку [1]). Это послѣднее рѣшенiе не было приведено въ исполненiе, Ростиславичи не подчинились ему, но оно очень любопытно потому, что ясно показываетъ, какое влiянiе прiобрѣла въ это время партiя Святополка и какъ несправедливо общепринятое воззрѣнiе, будто Святополкъ находился постоянно подъ снисходительною опекою Мономаха. То же влiятельное, независимое положенiе Святополка обнаруживается и въ послѣдовавшихъ за тѣмъ переговорахъ его съ Мономахомъ объ обмѣнѣ Волыни на Новгородъ, очевидно больше интересовавшiй Святополка: Мономахъ долженъ былъ уступить его желанiю и если оно не осуществилось, то лишь благодаря сопротивленiю новгородцевъ [2]). Святополку пришлось удовлетвориться обладаньемъ Волыни. Что касается Давыда, то онъ получилъ сначала города—Бужскъ, Острогъ, Дубенъ и Черторыйскъ, а потомъ, скорѣе въ обмѣнъ, чѣмъ въ придачу—Дорогобужъ, гдѣ и дожилъ свой вѣкъ [3]).

---

[1]) Ипат. с. 173—180, Лавр. с. 255—264 и 232—3 (Поученiе).

[2]) Ипат. с. 181—2 (Лавр. с. 265—6).

[3]) Ипат. с. 179 и 181 (Лавр. с. 263 и 264).

Ко времени волынской войны пріурочен еще одинъ, весьма интересный эпизодъ, относящійся уже ко внутренней жизни Кіевщины. По свидѣтельству печерскаго Патерика, во время похода Святополка на Давыда прекратился подвозъ соли въ Кіевъ изъ галицкихъ копей, и цѣна сильно поднялась. Печерскій подвижникъ св. Прохоръ безплатно снабжалъ населеніе солью, которую чудеснымъ образомъ добывалъ изъ золы. Это не понравилось кіевскимъ солянымъ торговцамъ, надѣявшимся обогатиться благодаря высокимъ цѣнамъ: по жалобѣ ихъ Святополкъ заграбилъ соль св. Прохора и поднялъ цѣну, чтобы выгоднѣе продать ее. Объ этомъ узнало населеніе начался ропотъ („проклинающе створшаго се"), а можетъ быть что-нибудь и большее; Святополкъ въ концѣ концовъ уступилъ и оставилъ въ покоѣ св. Прохора [1]).

Рѣшеніе волынскаго вопроса на нѣкоторое время прекратило усобицы князей. Послѣднія были особенно непріятны южнорусскому населенію еще потому, что давали половцамъ поводъ и возможность вмѣшиваться въ русскія дѣла и отвлекали князей отъ борьбы съ ними. Мотивъ—„творити миръ, и блюсти землѣ Русьскиѣ, и брань имѣти с погаными" выступаетъ очень часто въ сказаніи, въ описаніи предшествующихъ событій: его приводятъ князья, улаживая черниговскій вопросъ на Любецкомъ съѣздѣ, его выставляетъ Мономахъ, призывая Святославичей на Святополка, о немъ напоминаютъ кіевляне, прося Мономаха заключить миръ со Святополкомъ [2]); я думаю, что таковы были и въ дѣйствительности желанія современнаго общества. Естественно, что возстановившимся наконецъ спокойствіемъ южнорусскіе князья и поспѣшили воспользоваться для борьбы противъ половцевъ; того требовалъ и ихъ интересъ, и общественное мнѣніе.

Въ 1001 г. Святополкъ, Мономахъ и Святославичи съѣхались подъ Кіевомъ на Золотчѣ; сюда пришли послы ото всѣхъ половецкихъ хановъ, „глаголюще и просяще мира"; судя по этому, можно думать, что князья съѣхались изъ-за дѣлъ половецкихъ, быть можетъ

---

[1]) Патерикъ с. 154—156.

[2]) Ипат. с. 167, 171, 172; Лавр. с. 247, 253, 254.

готовились къ походу въ степь. Они назначили половцамъ мѣстомъ для переговоровъ о мирѣ Саковъ; здѣсь былъ заключенъ миръ и обезпеченъ взаимно заложниками [1]).

Но саковскій миръ не надолго отсрочилъ походъ. Спустя два года Святополкъ и Мономахъ снова съѣзжаются у Долобскаго озера, чтобы обсудить вопросъ о походѣ на половцевъ; походъ въ принципѣ былъ рѣшенъ, какъ видно, заранѣе, не сходились только относительно времени его: дружина Святополка находила неудобнымъ итти немедленно, весною, отрывая смердовъ отъ полевыхъ работъ, Мономахъ стоялъ за немедленный походъ. Лѣтопись не говоритъ, чѣмъ было мотивировано это намѣреніе князей, подали ли къ тому поводъ половцы какимъ-нибудь набѣгомъ, что вѣроятно, или сами князья заблагоразсудили нарушить невѣрный миръ [2]). Мономахъ настоялъ на немедленномъ отправленіи; по приглашенію его и Святополка, въ походѣ приняли участіе Давыдъ Святославичъ и Давыдъ Игоревичъ, а Олегъ Святославичъ уклонился. Походъ былъ, какъ извѣстно, очень удаченъ; на подробностяхъ его я не буду останавливаться, такъ какъ онѣ слишкомъ извѣстны. Князья прошли далеко на югъ и нанесли сильное пораженіе половцамъ гдѣ-то въ бассейнѣ Самары; было захвачено много скота и челяди, но гораздо болѣе важнымъ пріобрѣтеніемъ для Руси были торки и печенѣги, которые были выведены изъ степей со всѣмъ хозяйствомъ и поселены по южнорусскимъ границамъ, въ томъ числѣ и на Поросьи. Въ связи съ этимъ стоитъ, очевидно, и возобновленіе Святополкомъ Юрьева на Роси, сожженнаго десять лѣтъ тому назадъ [3]). Поросская военная граница, разрушенная передъ тѣмъ половцами, такимъ образомъ начала снова возстановляться,

---

[1]) Ипат. с. 181 (Лавр. с. 265).

[2]) П. В. Голубовскій (Ист. Сѣв. з. с. 93 и 102) полагаетъ, что саковскій миръ былъ нарушенъ князьями безъ всякаго повода со стороны половцевъ, и ссылается на то, что лѣтопись, „никогда не пропускающая ни одного нападенія Половцевъ“, не упоминаетъ о нихъ въ промежутокъ 1001—1003 годовъ. Но молчаніе лѣтописи значитъ не много; это лучше всего показываетъ Поученіе Мономаха, упоминающее о рядѣ такихъ нападеній половцевъ, о которыхъ молчитъ лѣтопись. Бѣляевъ (Разсказы I с. 144) и Костомаровъ (Русская исторія въ жизнеописаніяхъ I с. 58) полагали, что половцы сами нарушили саковскій миръ.

[3]) Ипат. с. 182—185 (Лавр. с. 267—9), 1 Новгор. с. 3; ср. выше с. 31.

благодаря появленію тюркскихъ насельниковъ и подъ вліяніемъ надеждъ, вызванныхъ побѣдою надъ половцами.

Но силы половцевъ не были еще сокрушены походомъ 1103-го г.; оправившись отъ пораженія, они предприняли въ отместку рядъ нападеній на русскія области. Въ 1005 г. знаменитый Бонякъ напалъ зимою на Поросье и разорилъ поселенія торковъ и берендѣевъ у Заруба; изъ Поученія Мономаха мы узнаемъ, что въ эти годы былъ еще и другой набѣгъ Боняка, не упомянутый въ лѣтописи [1]. Въ 1006 г. половцы вторглись въ Погорынье и разорили окрестности Зарѣчска; Святополкъ послалъ на нихъ войско—вѣроятно земское ополченіе, подъ предводительствомъ двухъ Вышатичей—Яна и Путяты. Иванка Захарьича и Казарина. Они погнались за половцами и настигли ихъ уже около Дуная, посѣкли самихъ и отобрали полонъ. Въ слѣдующемъ году тотъ же Бонякъ съ Шаруканемъ дважды нападали на Переяславское княженіе; во второй набѣгъ половцы понесли сильное пораженіе отъ соединенныхъ силъ русскихъ князей; Олегъ также принялъ участіе въ этомъ походѣ. Святополкъ, вернувшись въ Кіевъ, пришелъ съ вѣстью объ этой побѣдѣ въ Печерскій монастырь, и братія привѣтствовала его съ великою радостью [2].

Мономахъ и Святославичи послѣ этого имѣли свиданіе съ половецкими ханами, заключили съ ними миръ и брачные союзы; но это не остановило военныхъ дѣйствій—половцы продолжали набѣги [3], и два года спустя Мономахъ отправилъ на нихъ своего воеводу, который разгромилъ половецкія кочевья около Донца (въ лѣтописи—Дона). Затѣмъ снова упоминается совмѣстный походъ Святополка, Мономаха и Давыда; князья воротились однако съ дороги, а половцы опустошили за то окрестности Переяславля [4]. Новый походъ, въ большихъ размѣрахъ, былъ предпринятъ на слѣдующій (1111-й) годъ, „ду-

---

[1]) Лавр. с. 241: „И паки с Святополкомъ гонихомъ по Боняцѣ но ли оли убиша, и не постигохомъ ихъ; и потомь по Боняцѣ же гонихомъ за Рось, и не постигохомъ его“; эти погони происходили въ промежутокъ 1100—1107 г.

[2]) Ипат. с. 186—7 (Лавр. 270—2).

[3]) См. Поученіе Мономаха, Лавр. с. 241.

[4]) Ипат. л. с. 187, 188; Лавр. с. 241, 272, 273. О Донцѣ смотри Геогр. Нач. лѣтоп. Барсова прим. 269. По Татищеву (II. с. 206) князья вернулись изъ послѣдняго похода вслѣдствіе стужи и конскаго падежа.

мою и похотѣніемъ“ Мономаха“ [1]), съ участіемъ Святополка и Давыда Святославича съ ихъ сыновьями; походъ былъ совершенъ раннею весною, во время великаго поста; войска проникли за Донецъ и дважды на голову разбили половцевъ; слава этого похода, по словамъ лѣтописца, прошла по всѣмъ странамъ дальнимъ—къ грекамъ, уграмъ, ляхамъ и чехамъ, „дондеже и до Рима проиде“ [2]).

Походъ 1111 года былъ блистательнымъ заключеніемъ общей борьбы съ половцами, которая наполняла это послѣднее десятилѣтіе. Никогда, быть можетъ, политика южнорусскихъ князей не согласовалась въ такой степени съ желаніями и симпатіями общества. Въ послѣднемъ борьба съ половцами возводилась на степень высокопатріотическаго подвига, получала религіозное освященіе: отзывы лѣтописца, думаю, служатъ въ этомъ отношеніи полнымъ отголоскомъ современнаго настроенія Кіевской земли [3]); наиболѣе удачнымъ походамъ (1103 и 1111 г.) предшествуютъ небесныя знаменія; мысль о походѣ влагаетъ князьямъ Богъ или ангелъ, ангелъ ведетъ войско на поганыхъ, ангелы невидимо побораютъ по русскихъ воинахъ, сѣкая головы враговъ; побѣдителей радостно привѣтствуетъ духовенство, какъ героевъ христіанства [4]). Даже такого несимпатичнаго, нелюбимаго князя, какъ Святополкъ, освѣтилъ нѣсколько этотъ ореолъ борьбы съ погаными, и одинъ изъ лѣтописныхъ сводовъ замѣчаетъ о немъ, что онъ „много пострада за землю Русьскую с погаными Печенѣги“ [5]). Но слава и популярность по преимуществу, почти исключительно, достались на долю Мономаха, самаго энергичнаго дѣятеля этой борьбы; его именно вдохновлялъ ангелъ на эту борьбу, онъ является ея представителемъ, носителемъ ея идеи; о его походахъ позже слагается эпосъ, дошедшій до насъ въ случайномъ отрывкѣ въ Галицко-волынской лѣтописи:

---

[1]) Воскресен. I. с. 21.

[2]) Ипат. с. 188—9, 191—193, 196; Лавр. с. 241, 275; 1 Новг. с. 4. Объ этомъ походѣ см. у Барсова Геогр. нач. л. пр. 269 и Аристова—О землѣ Половецкой, Извѣстія Нѣжинск. инстит. за 1877 г. с. 214 сл.

[3]) Иначе смотритъ на нихъ П. В. Голубовскій—Печенѣги с. 159: „мы знаемъ лишь мнѣніе лѣтописцевъ, но это еще не есть голосъ народа“. Объ отношеніи народа къ борьбѣ со степняками мы можемъ, хотя косвенно, судить потому, что всѣ наиболѣе популярные въ Кіевщинѣ князья относительно степи держатся агрессивной политики.

[4]) Ипат. с. 182, 187, 191, 192, 193, 196 (Лавр. с. 266, 272, 273, 274).

[5]) Софійск. I. с. 176.

Мономахъ погубилъ поганыхъ, загналъ хана Отрока „во Обезы за желѣзныя врата“ и пилъ золотымъ шеломомъ Донъ, „приемшю всю землю ихъ“. Въ періодъ этой именно борьбы стяжалъ онъ славу „добраго страдальца за Русскую землю“, которая два года спустя побудила кіевлянъ такъ настойчиво призывать его къ себѣ на столъ [1]).

Особенное участіе, которое принималъ Мономахъ въ борьбѣ противъ половцевъ, независимо отъ врожденной энергіи этого князя, обусловливалось, съ одной стороны, его положеніемъ, какъ князя Переяславской волости, наиболѣе терпѣвшей отъ половецкихъ нападеній, съ другой стороны—той чуткостью къ общественному мнѣнію, стремленіемъ къ солидарности съ нимъ, которымъ отличался Мономахъ. Наконецъ эта борьба имѣла важное значеніе для Мономаха и въ междукняжескихъ отношеніяхъ. Раньше, благодаря союзу Святополка со Святославичами, Мономахъ былъ оттѣсненъ на второй планъ и утратилъ вліяніе на современную политику; теперь, явившись представителемъ борьбы съ половцами, пропагандируя ее между князьями, завладѣвъ, такъ сказать, ея идеею, Мономахъ пріобрѣлъ снова видную роль: вслѣдствіе популярности этой идеи среди современниковъ, прочіе князья не могли устраниться, оставить безъ вниманія призывы Мономаха, и принимали такимъ образомъ участье въ борьбѣ, вождемъ которой являлся Мономахъ; и такъ какъ борьба съ половцами составляла главное содержаніе этого десятилѣтія, то Мономахъ, естественно, выдвинулся на первый планъ и занялъ очень авторитетное положеніе среди князей.

Но возникаетъ вопросъ, насколько плодотворна была эта борьба въ дѣйствительности, не была ли то показная, но дорого стоившая шумиха, пущенная для снисканія славы и популярности? Отвѣтъ на это должны дать послѣдующія отношенія Руси къ половцамъ. Просматривая извѣстія лѣтописи о русско-половецкихъ отношеніяхъ за послѣдующую четверть вѣка, извѣстія, можетъ быть, неполныя, но дающія все же достаточное представленіе о положеніи дѣлъ, находимъ слѣдующее: два раза (1112 и 1126 г.) половцы дѣлаютъ попытки вторженій при вѣсти о смерти кіевскаго князя, вѣроятно въ надеждѣ на безпорядки при наслѣдованіи стола, но неудачно; еще раза два

---

[1]) Ипат. с. 183—4, 191, 193, 208, 217—8, 480; Лавр. с. 241—242.

(1128—1135 г.) являются они по призыву Ольговичей противъ Мономаховичей; при этомъ только однажды кн. Мстиславу пришлось выдержать болѣе серьезную борьбу съ ними, но и та кончилась побѣдою Руси (около 1130 г.). Два раза Русь предпринимаетъ походы на Донъ и за Донъ (Донецъ), и половецкихъ кочевій здѣсь вовсе не оказалось. На Русь приходятъ для поселенія во множествѣ различные степные обитатели—торки, печенѣги, бѣловѣжцы (въ 1116, 1117 и 1121 г.)[1]. Положеніе дѣлъ, несомнѣнно, совершенно иное, чѣмъ было во вторую половину XI-го в.: половецкія кочевья далеко отодвинулись отъ границъ Руси; нападенія степняковъ рѣдки и слабы; ничего подобнаго половецкимъ вторженіямъ 1068 и 1093 г. мы не слышимъ. Очевидно, упорная борьба 1103—1111 годовъ не прошла даромъ, Русь одержала полную побѣду надъ степью, и только вражда князей снова дала возможность половцамъ принимать участіе въ русскихъ дѣлахъ въ качествѣ союзниковъ и грабить русскія земли.

Внѣ отношеній къ половцамъ мы за эти годы почти не имѣемъ фактовъ, принадлежащихъ къ исторіи Кіевщины. Вскорѣ послѣ перваго похода въ степь южнорусскіе князья приняли участіе въ усобицахъ полоцкихъ Всеславичей и ходили на Глѣба Минскаго, поддерживая его противника—Давыда Всеславича; Святополкъ также посылалъ Путяту съ войскомъ на Минскъ, но походъ этотъ не имѣлъ особенныхъ результатовъ[2]. Есть еще иностранное извѣстіе о войнѣ Болеслава Кривоустаго съ королемъ русскимъ; въ послѣднемъ нѣкоторые видѣли Святополка, но это предположеніе не выдерживаетъ критики: Святополкъ находился въ дружественныхъ отношеніяхъ какъ съ Владиславомъ Германомъ, такъ и съ преемникомъ его—Болеславомъ; внѣшнимъ выраженіемъ этихъ отношеній былъ бракъ послѣдняго на дочери Святополка—Сбыславѣ. Эта дружба была перенесена потомъ и на сына Святополка—Ярослава, котораго поляки поддерживали въ

---

[1]) Ипат. л. подъ годами 1113, 1116, 1117, 1120, 1121, 1126, 1128, 1135, 1140. Скептическій взглядъ на наступательную борьбу южнорусскихъ князей съ половцами былъ высказанъ П. В. Голубовскимъ—Ист. Сѣв. з. с. 92—94, Печенѣги с. 160. Позволяю себѣ не согласиться съ мнѣніемъ уважаемаго ученаго. Эта политика князей была не наилучшая изъ возможныхъ, но и она имѣла хорошіе результаты.

[2]) Ипат. с. 185 (Лавр. с. 270).

столкновеніи его съ Мономахомъ [1]). Съ другой стороны, бракъ Ярослава Святополчича на дочери Мстислава, сына Мономаха, заключенный незадолго до смерти Святополка, свидѣтельствуетъ о существованіи въ это время дружественныхъ отношеній между линіями Изяслава и Всеволода [2]).

Во вторую половину своего правленія Святополкъ, очевидно, сближается съ представителями духовенства, съ которымъ не ладилъ сначала. Посланіе Поликарпа, сообщающее о различныхъ насиліяхъ его: какъ онъ заграбилъ соль у св. Прохора для своей спекуляціи, какъ заточилъ въ Туровъ печерскаго игумена Іоанна, обличавшаго его „несытства ради богатства и насилія ради", такъ что этотъ игуменъ былъ освобожденъ лишь по настоянію Мономаха, какъ сынъ Святополка—Мстиславъ замучилъ на смерть св. иноковъ печерскихъ Василія и Өеодора, выпытывая, гдѣ они спрятали варяжскій кладъ, какъ Кіевщина подвергалась различнымъ бѣдствіямъ за нечестіе своего властелина—это посланіе говоритъ затѣмъ, что Святополкъ во вторую половину своего правленія исправился и оказывалъ большое вниманіе къ Печерскому монастырю, передъ походомъ или охотою заходилъ сюда за благословеніемъ и поклонялся гробамъ святыхъ, „и тако добре строяшеся Богомъ набдимое княженіе его" [3]). Дѣйствительно, и лѣтопись сообщаетъ факты, свидѣтельствующіе о перемѣнѣ въ отношеніяхъ Святополка къ церкви. Такъ при немъ была совершена канонизація св. Өеодосія: игуменъ Өеоктистъ „понужалъ" объ этомъ Святополка и тотъ „повелѣ и вписати в сѣнаникъ (сѣнодикъ), еже створи митрополитъ"; печерскій игуменъ такимъ образомъ является стоящимъ ближе къ Святополку, чѣмъ къ митрополиту, и дѣйствуетъ при посредствѣ князя. Въ тотъ же годъ Святополкъ заложилъ церковь св. Михаила, своего ангела, „о пятинадесяти версѣхъ, и позлати ихъ златомъ и украси дивно", какъ описываетъ позднѣйшій сводъ; это знаменитая „Златоверхая" церковь. Этою перемѣною объясняется и имя „благовѣрнаго", которое придаетъ лѣтописецъ

---

[1]) Ипат. с. 182 (Лавр. с. 266). Линниченко—Взаимн. отнош. Руси и Польши с. 135—138.

[2]) Ипат. с. 197, 1 Новг. с. 4.

[3]) Патерикъ с. 157.

Святополку, говоря о его смерти [1]). Но съ населеніемъ Святополкъ до конца находился въ недружелюбныхъ отношеніяхъ, это выразилось лучше всего по смерти его.

Въ мартѣ 1113-го г. произошло солнечное затменіе; конечно, оно было не на добро и именно обозначало смерть Святополка: послѣдній послѣ праздника Пасхи разболѣлся и умеръ гдѣ-то за Вышгородомъ, 16 апрѣля; его привезли въ лодьѣ въ Кіевъ и похоронили въ созданной имъ церкви св. Михаила. Княгиня Святополчая роздала по немъ небывало-богатую милостыню, „яко дивитися всѣмъ человѣкомъ“. Князя оплакивали, по словамъ лѣтописца, бояре и дружина его; населеніе, очевидно, ничѣмъ не выразило сожалѣнія о немъ [2]).

На другой день по кончинѣ Святополка (17 апрѣля) собралось вѣче, на которомъ кіяне рѣшили посадить у себя Мономаха и послали къ нему пословъ съ приглашеніемъ явиться „на столъ отенъ и дѣденъ“. Мономахъ отказался: „не поиде, жаляся по братѣ“. Между тѣмъ въ Кіевѣ начались безпорядки, населеніе начало расправу

---

[1]) Патерикъ Печерскій с. 152—157, 171—173; Ипат. с. 187, 198; Никон. I с. 141.

[2]) Не то у Татищева (II. с. 211): „а народъ весь встрѣтя его за градомъ, провожали съ великимъ плачемъ и жалостію, тако утеснялся ко гробу, что весьма неудобно было провезти“. Свое мнѣніе о характерѣ и политической роли Святополка я высказалъ выше. Татищевскую характеристику см. въ т. II, с. 211; этою характеристикою открывается у Татищева цѣлый рядъ подобныхъ же характеристикъ, очень интересныхъ, если бы можно было доказать ихъ подлинность. Карамзинъ безусловно отвергалъ ихъ, Соловьевъ придавалъ имъ нѣкоторое значеніе (см. напр. II с. 73), Хлѣбниковъ (Общество и госуд. с. 379) и Иловайскій (Ист. Р. I ч. 2, с. 522) считаютъ ихъ подлинными; Хлѣбниковъ думалъ, что онѣ были исключены изъ лѣтописей цензурою XV или XVI в., но дошли до Татищева въ какомъ-нибудь спискѣ. Мнѣ подлинность этихъ характеристикъ кажется очень подозрительною; подчасъ князья обрисовываются въ нихъ въ духѣ скорѣе XVIII, чѣмъ XII вѣка: таково напр. извѣстіе, что при Мстиславѣ Владиміровичѣ „подати хотя были великія, но всѣмъ уравнительны, и для того всѣ приносили безъ тягости“ (II с. 243), что Михалко Юрьевичъ „о вѣрѣ никогда пренія имѣть не хотѣлъ, и не любилъ, наставляя, что всѣ прѣнія отъ гордости или невѣжества духовныхъ происходятъ, а законъ Божій всѣмъ единъ есть“ (III с. 220), таковы наконецъ многочисленныя заключающіяся въ этихъ характеристикахъ извѣстія объ образованности князей и покровительствѣ просвѣщенію, на тенденціозность которыхъ справедливо указалъ проф. Голубинскій (Ист. Рус.

съ приспѣшниками нелюбимаго князя, разграбили дома Путяты, тысяцкаго кіевскаго, и сотскихъ, разграбили жидовъ [1]), которымъ, какъ думаютъ, покровительствовалъ изъ корыстолюбія Святополкъ [2]). Къ Мономаху отправилось новое посольство, прося его въ Кіевъ, потому что иначе расходившееся населеніе примется за дворы княгини Святополчей, бояръ и монастыри, и Мономаху придется за монастыри дать отвѣтъ предъ Богомъ. Тогда Мономахъ рѣшился принять предложеніе. 20 апрѣля явился онъ въ Кіевъ, митрополитъ Никифоръ съ епископами и со множествомъ населенія („со всими Кияне") встрѣтилъ его, и Мономахъ „сѣде на столѣ отца своего и дѣдъ своихъ, и вси людье ради быша и мятежъ влеже" [3]).

Таковъ разсказъ Кіевской лѣтописи объ этомъ замѣчательномъ моментѣ въ исторіи Кіевщины. Прежде всего спрашивается, кто по воззрѣніямъ князей долженъ былъ занять кіевскій столъ? Сторонники теоріи родовыхъ отношеній считаютъ законнымъ преемникомъ Давыда Святославича, какъ старшаго въ родѣ; если же принять постановленіе Любецкаго съѣзда объ отчинности въ собственномъ значеніи слова—въ смыслѣ преемства въ нисходящей линіи, то законнымъ преемникомъ будетъ старшій сынъ Святополка—Ярославъ; это послѣднее предположеніе я нахожу, какъ упоминалъ уже выше, болѣе справедливымъ: оно подтверждается послѣдующими отношеніями Мономаха къ Ярославу, съ одной стороны, и Святославичамъ—съ другой.

Святополкъ лишилъ свой родъ любви кіевлянъ. О самомъ Ярославѣ мы почти не имѣемъ извѣстій, которыя бы характеризовали

цер. I, пол. 1, с. 710 сл.); см. еще Бестужева-Рюмина О составѣ Рус. лѣт. с. 86. Конечно, нѣкоторыя черты въ нихъ, можетъ быть, отвлечены отъ дѣйствительныхъ фактовъ, намъ неизвѣстныхъ, но выдѣлить ихъ очень трудно.

[1]) Татищевскій сводъ прибавляетъ (II с. 212), что во время погрома жиды „собрався къ ихъ синагогѣ огородясь оборонялись, елико могли, прося времени до прихода Владимирова".

[2]) Карамзинъ II с. 87; Соловьевъ II с. 74; Иловайскій I с. 141 и другіе. Прямое свидѣтельство о покровительствѣ евреямъ—у Татищева, въ упомянутой характеристикѣ, но это, кажется, домыслъ, хотя и вѣроятный. Подробно о евреяхъ см. въ спеціальномъ изслѣдованіи проф. Малышевскаго—Евреи въ Южной Руси и Кіевѣ въ X—XII в., с. 101 сл. Доводы почтеннаго ученаго, что и Изяславъ Ярославичъ покровительствовалъ евреямъ (с. 77 сл.), кажутся мнѣ не достаточно вѣскими.

[3]) Ипат. с. 197—198; Лавр. с. 275—6 и 1 Новг.—кратко.

его, какъ человѣка. Знаемъ, что онъ вѣроломно схватилъ своего двоюроднаго брата, тоже Ярослава, бѣжавшаго изъ Кіева, отъ Святополка; знаемъ еще, что онъ дурно обращался со своей женой. Конечно, кіевляне могли знать и объ Ярославѣ что-нибудь такое, что отвращало ихъ отъ него, тѣмъ болѣе, что и сидѣлъ онъ по сосѣдству— на Волыни; характерно, что и во Владимірѣ Ярославъ не пользовался особенною популярностью, по крайней мѣрѣ среди бояръ: они отступились отъ него при столкновеніи съ Мономахомъ и перешли на сторону послѣдняго. Наконецъ духовенство кіевское, проводившее въ жизнь принципъ законнаго брака, могло не сочувствовать Ярославу, какъ незаконному сыну Святополка [1]).

Въ моментъ смерти Святополка Ярослава не было въ Кіевѣ; это обстоятельство имѣло вообще важное значеніе при наслѣдованіи столовъ: населеніе въ такихъ случаяхъ могло свободно воспользоваться своимъ правомъ избранія. Выборъ, какъ и слѣдовало ожидать, палъ на Мономаха, которому борьба съ половцами за послѣднее десятилѣтіе доставила необычайную популярность. Но Мономахъ—примемъ ли мы въ данномъ случаѣ преемство въ родѣ или въ нисходящей линіи, не имѣлъ права на столъ; ему, славившемуся своею легальностью, недостаточно было народнаго избранія [2]). Въ приглашеніи кіевлянъ обращаютъ на себя вниманіе слова „поиди, княже, на столъ отенъ и дѣденъ“: народное избраніе само по себѣ не имѣло нужды искать себѣ оправданія въ княжескихъ родословныхъ, кіевляне давали въ этихъ словахъ Мономаху основаніе для принятія кіевскаго стола— отчинное право на него.

Мономахъ не удовольствовался этимъ. Татищевскій сводъ говоритъ, что онъ опасался Святославичей и снесся съ ними, желая „до-

---

[1]) Никон. I. с. 137; Татищевъ II с. 191.

[2]) Своеобразно объяснялъ уклончивость Мономаха Костомаровъ (Монографіи т. I. с. 200): онъ думалъ, что Мономахъ не хотѣлъ принимать на себя щекотливой роли— быть судьею нелюбимыхъ народомъ сторонниковъ Святополка и подождалъ, пока народъ самъ расправился съ ними. Но едва ли этотъ погромъ имѣлъ такой юридическій характеръ (потокъ и разграбленіе). Погодинъ замѣчаетъ: „изъ лѣтописи не видимъ, чтобъ Владимеръ отказывался: онъ только не шелъ немедленно; слѣдовательно, кажется, нѣтъ нужды и объяснять его отказъ“ (Изслѣд. IV с. 372, ср. Др. Рус. Ист. I. с. 122). Но если бы Мономахъ и не отвѣчалъ прямымъ отказомъ (который впрочемъ сообразнѣе съ обстоятельствами), а тянулъ время, уклонялся, то и это было, конечно, не спроста.

говоръ безссорной" учинить; въ Кіевѣ будто бы нѣкоторые тоже стояли за Святославичей, между ними тысяцкій Путята: за это народъ и разграбилъ его домъ [1]). Это, кажется, догадка Татищева, притомъ неособенно вѣроятная; движеніе въ Кіевѣ имѣло характеръ соціально-экономическій: грабятъ жидовъ—ростовщиковъ и единоплеменныхъ рѣзоимцевъ, грабятъ княжьихъ чиновниковъ и аристократовъ—капиталистовъ. Это была вспышка людей худыхъ и бѣдныхъ, воспользовавшихся отсутствіемъ центральной власти, чтобы проявить всегдашнее нерасположеніе къ сильнымъ и богатымъ. Вызванное ихъ буйствами новое посольство къ Мономаху, надо полагать, исходило преимущественно отъ высшихъ сословій, боярства и духовенства, это даетъ понять самая рѣчь ихъ: они говорятъ о безпорядкахъ, какъ о дѣлѣ чужомъ [2]). Мономахъ счелъ эти безпорядки достаточнымъ основаніемъ для принятія предложенія и явился въ Кіевъ. Вмѣстѣ съ Кіевскою волостью перешелъ въ его власть и Туровъ. Въ Переяславлѣ вмѣсто себя Мономахъ посадилъ сына Святослава, а по смерти его—Ярополка; старшій Мономаховичъ—Мстиславъ остался до времени въ Новгородѣ [3]).

Народное рѣшеніе, такъ настойчиво высказанное, и могущество Мономаха заставили воздержаться отъ вмѣшательства князей, которые имѣли какіе-нибудь виды на Кіевъ; по крайней мѣрѣ лѣтопись ничего не говоритъ ни прямо, ни косвенно о какомъ-либо протестѣ [4]).

---

[1]) Татищевъ II. с. 212 (ср. Соловьева II с. 74).

[2]) См. Вѣче въ Кіевск. обл. г. Линниченка с. 29. Позволю себѣ привести слова покойнаго Хлѣбникова (Общество и госуд. с. 266): „кіевляне, какъ разгулявшіеся дѣти, зовутъ Владиміра, грозя учинить въ Кіевѣ такіе грабежи, отъ которыхъ онъ ужаснется. Народъ здѣсь дѣйствуетъ не какъ сознательная, организованная сила, но какъ сила разрушительная, ищущая внѣ себя элементовъ примиренія" (ср. с. 203). Едва ли это такъ. Земство производитъ выборъ князя, повидимому, спокойно, но затѣмъ, пользуясь отсутствіемъ обычной власти, извѣстная часть населенія производитъ безпорядки противъ нелюбимыхъ людей—конечно, вовсе не съ цѣлью ускорить приходъ Мономаха; другая часть, не принимающая участія въ безпорядкахъ и испуганная ими, торопитъ Мономаха явиться и прекратить ихъ; явленіе вполнѣ естественное для всякой страны и народа.

[3]) Ипат. л. с. 206—7; Соловьевъ предполагалъ, что до своего назначенія въ Переяславль Ярополкъ находился при отцѣ (Ист. отнош. княз. Рюрик. дома с. 191)—это вѣроятно. Что Туровъ перешелъ къ Мономаху, видно изъ эпизода о Глѣбѣ Минскомъ—Ипат. с. 203.

[4]) Въ Татищевскомъ сводѣ (II с. 213—214) разсказывается правда, что Олегъ пошелъ съ войскомъ добывать Кіевъ, „почитая себя старѣйшимъ Владимира", но былъ раз-

Но Мономахъ тѣмъ не менѣе счелъ нужнымъ оградить себя—именно со стороны Ярослава Святополчича: такой, вѣроятно, смыслъ имѣетъ женитьба его сына Романа на дочери Володаря Ростиславича, состоявшаяся немного спустя [1]); дѣйствительно, позже галицкіе Ростиславичи являются союзниками Мономаха въ войнѣ его съ Ярославомъ. Спустя нѣсколько лѣтъ Мономахъ породился и съ другимъ сосѣдомъ Ярослава —Всеволодкомъ, кн. городенскимъ [2]). Съ обоими Святославичами Мономахъ является въ дружественныхъ отношеніяхъ. Вмѣстѣ они отразили нападеніе половцевъ, которые, узнавъ о смерти Святополка, подошли къ Посемью; половцы бѣжали уже при вѣсти о походѣ русскихъ. Ольговъ мужъ участвовалъ въ совѣтѣ вельможъ Мономаха при составленіи законовъ о процентахъ. Два года спустя послѣ вокняженія въ Кіевѣ, Мономахъ вмѣстѣ со Святославичами совершилъ перенесеніе (по счету третье) мощей св. Бориса и Глѣба въ новую каменную церковь, при чемъ сначала у Олега было „учрежденіе“ великое а затѣмъ, вѣроятно, и у прочихъ братьевъ; любопытно, что Ярославъ Изяславичъ въ этомъ торжествѣ участья не принялъ. Скоро послѣ этого Олегъ скончался; черниговскій столъ по прежнему занималъ Давыдъ († 1123), человѣкъ кроткаго характера, подпавшій сильному вліянію Мономаха [3]).

Первое столкновеніе произошло у Мономаха съ кн. минскимъ Глѣбомъ, который началъ разорять Туровскую волость Мономаха; была ли то традиціонная вражда „Рогволожихъ внуковъ противу Ярославлимъ внукомъ“, или Глѣбъ имѣлъ спеціальные поводы къ неудовольствію, лѣтописи не говорятъ. Мономахъ отправился на него очень грозно: съ сыновьями, съ Давыдомъ Святославичемъ и дѣтьми Олега. Глѣбъ принужденъ былъ смириться и „поклонился“ Мономаху, а тотъ, чтобы не проливать крови „въ дни постъныя великого поста“,

---

битъ Мстиславомъ на р. Колокшѣ и ушелъ въ Муромъ. Но уже Карамзинъ (II пр. 214) замѣтилъ, что это повтореніе извѣстія о войнѣ 1096—7 годовъ. Татищевъ, конечно, не выдумалъ этого извѣстія, но можетъ быть, на основаніи его онъ высказалъ и тѣ догадки относительно роли Святославичей при избраніи Мономаха, которыя я привелъ уже?

¹) Ипат. с. 199 (1 сентября 1113 г.)

²) Ипат. с. 204 (подъ 1116 г.). Этого Всеволодка обыкновенно считаютъ сыномъ Давыда Игоревича.

³) Ипат. с. 198, 201—203; Лавр. с. 241, 276; 1 Новг. с. 4. Русская правда по пс. Карамзинск. ст. 66.

оставилъ за нимъ удѣлъ, „наказавъ его о всемъ“. Однако спустя нѣсколько времени Глѣбъ снова поднялся, воспользовавшись, можетъ быть, распрею Мономаха съ Ярославомъ; на этотъ разъ Мономахъ уже лишилъ его удѣла и отвелъ въ Кіевъ, гдѣ тотъ и умеръ [1]).

Родство Мономаха съ домомъ греческаго императора Романа Діогена вовлекло его въ войну съ Византіею: его родственникъ Леонъ Діогеновичъ, вѣроятно съ помощью Мономаха, попытался отвоевать себѣ Болгарію у Алексѣя Комнина. Попытка эта не удалась, Леонъ былъ убитъ; Мономахъ попробовалъ удержать за собою пріобрѣтенные имъ города по Дунаю: посажалъ тамъ посадниковъ, отрядилъ сына Вячеслава съ войскомъ, но отстоять ихъ не удалось. Съ этимъ фактомъ связывается извѣстное сказаніе о присылкѣ императоромъ регалій Мономаху и вѣнчаніи его на царство; сказаніе это, несомнѣнно, легендарно, но пріуроченье его къ личности Мономаха любопытно въ томъ отношеніи, что показываетъ, въ какомъ ореолѣ являлся позднѣйшему потомству Мономахъ и его власть [2]). Послѣ Леона остался сынъ, который жилъ въ Кіевѣ и былъ убитъ во время борьбы Мономаховичей и Ольговичей [3]).

---

[1]) Ипат. с. 203 и 205; Лавр. с. 241, 276. Татищевъ (II с. 222) объясняетъ вторичный походъ Мономаха тѣмъ, что Глѣбъ сталъ воевать волости Новгородскую и Смоленскую. Объ отношеніи Мономаха и Мстислава къ полоцкимъ князьямъ см. еще у г. Довнара-Запольскаго ор. с. 95—97.

[2]) Ипат. с. 204; Лавр. с. 276; Ник. I с. 194; Воскр. I с. 23; Густ. с. 290; Синопсисъ (изд. 1823 г.) с. 70; Татищевъ II с. 221; Карамзинъ II пр. 220 и 221. Лѣтопись называетъ Леона зятемъ Мономаха; проф. Васильевскій (Русско - византійскіе отрывки' Ж. М. Н. П. 1875. XII с. 300), основываясь на письмахъ Михаила Дуки, полагаетъ, что Леонъ былъ женатъ на сестрѣ Мономаха. Сказаніе о присылкѣ регалій въ современномъ своемъ видѣ было редактировано не раньше, во всякомъ случаѣ, XIII-го в. Г. Васильевскій въ упомянутой статьѣ (с. 312) указываетъ на то, что подробности сказанія анахронистичны и могутъ относиться только къ гораздо болѣе раннему времени, чѣмъ XII вѣкъ; въ старшихъ редакціяхъ сказанія регаліи посылаетъ Константинъ Мономахъ († 1053), и г. Васильевскій объясняетъ это такъ, что первоначально фактъ этотъ приписывался Константину Великому. Во всякомъ случаѣ нужно согласиться съ мнѣніемъ этого ученаго, что „всякія попытки объяснить это сказаніе, какъ несомнѣнный историческій фактъ, относящійся къ Владиміру Мономаху, совершенно тщетны и не выдерживаютъ критики“. См. объ этомъ еще статью г. Прозоровскаго въ Трудахъ III археол. съѣзда ч. II, приложенія с. 145 сл. и Ист. Россіи г. Иловайскаго (I с. 310—311). Достовѣрность сказанія защищалъ м. Макарій (Ист. р. церкви II с. 288); см. также Соборную грамоту изд. кн. Оболенскимъ с. 4 сл., 43 сл. Иной расказъ о происхожденіи регалій—у Стрыйковскаго, I р. 188.

[3]) Ипат. л. с. 214 (подъ 1136 г.).

Гораздо любопытнѣе для насъ столкновеніе Мономаха съ Ярославомъ Святополчичемъ. Какъ уже упомянуто, у него именно, по всей вѣроятности, перебилъ кіевскій столъ Мономахъ; лишеніе Туровской волости, въ управленіи которой Ярославъ также принималъ участіе еще при жизни отца [1]), было ему, конечно, тоже чувствительно; не видно, чтобы взамѣнъ ея Мономахъ далъ ему что-нибудь. До времени однако Ярославъ счелъ за лучшее смириться, но не поддерживалъ дружескихъ отношеній съ Мономахомъ, не участвовалъ въ его походахъ и другихъ совмѣстныхъ предпріятіяхъ. Можетъ быть, онъ надѣялся получить кіевскій столъ хотя по смерти Мономаха, который былъ тогда уже въ преклонныхъ лѣтахъ, но Мономахъ, завладѣвъ Кіевомъ, повидимому, не желалъ уже упускать его, намѣревался примѣнить къ этому пріобрѣтенію принципъ отчинности и закрѣпить его за своимъ родомъ. Подъ 1117 г. читаемъ извѣстіе, что Мономахъ перевелъ сына Мстислава изъ Новгорода въ Бѣлгородъ [2]); нельзя предположить, чтобы Мономахъ желалъ имѣть при себѣ Мстислава только для помощи [3]): онъ имѣлъ много другихъ взрослыхъ сыновей, и роль подручника годилась скорѣе для одного изъ нихъ, чѣмъ для старшаго— Мстислава, который самъ уже имѣлъ взрослыхъ дѣтей и былъ такъ популяренъ и умѣстенъ въ Новгородѣ. Переводя Мстислава въ кіевскій пригородъ, Мономахъ, конечно, имѣлъ въ виду передать ему Кіевъ по смерти: Мстиславу слѣдовало находиться неподалеку какъ для того, чтобы въ случаѣ смерти отца оказаться господиномъ положенія, такъ, еще больше, для того, чтобы заблаговременно познакомиться съ кіевскою дружиною и земствомъ и пріобрѣсть ихъ расположеніе. Фактъ этотъ былъ очень прозраченъ и долженъ былъ возбудить неудовольствіе и тревогу въ Ярославѣ Святополчичѣ. Свое неудовольствіе Ярославъ, вѣроятно, проявилъ чѣмъ-нибудь: подъ тѣмъ же 1117 годомъ читаемъ въ лѣтописи, что Мономахъ ходилъ съ Да-

---

[1]) По крайней мѣрѣ онъ дѣйствуетъ иногда въ Туровской волости, см. Ипат. лѣт. с. 181 и 196 (Лавр. с. 265 и 275).

[2]) Ипат. с. 204, Лавр. с. 277; любопытно извѣстіе 1 Новг. (с. 4, подъ 1117 г.): иде Мьстиславъ Кыеву на столъ. У Татищева (II с. 219) вмѣсто Бѣлгорода—Вышгородъ.

[3]) Соловьевъ (II с. 77) предполагаетъ, что Мономахъ могъ вызвать Мстислава „вслѣдствіе непріязненнаго поведенія Ярослава“, а послѣдній заподозрилъ въ этомъ намѣреніе передать кіевскій столъ Мстиславу.

выдомъ Святославичемъ и галицкими Ростиславичами на Ярослава, осадилъ его во Владимірѣ и принудилъ къ покорности: Ярославъ ударилъ челомъ дядѣ, который „наказалъ его обо всемъ, веля ему къ собѣ приходити, когда тя позову“ [1]). Никоновскій сводъ объясняетъ этотъ походъ дурнымъ обращеніемъ Ярослава съ женою, дочерью Мстислава, внукою Мономаха [2]); въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго, но характерно, что Мстиславъ, котораго въ такомъ случаѣ дѣло касалось ближайшимъ образомъ, совершенно не упоминается при этомъ. Истинная причина была, вѣроятно, политическая; можетъ быть, и дурное обращеніе съ женою было результатомъ неудовольствія Ярослава на Мстислава и Мономаха.

Но первая неудача не заставила еще Ярослава отказаться отъ своихъ намѣреній, и покорность его была вынужденная. Въ слѣдующемъ году онъ отослалъ отъ себя жену свою; это былъ открытый разрывъ, неизбѣжно предстояла новая война съ Мономахомъ, и Ярославъ отправился за помощью въ Польшу. Но дружина владимірская отказалась поддерживать его и подчинилась Мономаху, который посадилъ во Владимірѣ своего сына Романа, зятя Володаря Ростиславича. Романъ скоро скончался, и на его мѣсто Мономахъ посадилъ Андрея [3]). Ярославъ попытался вернуть свою волость сначала съ по-

---

[1]) Ипат. с. 204 (подъ 1117 г.), Лавр. с. 277 (подъ 1118 г.): „сваривъся на нь (Ярослава) много“; въ Поученіи (Лавр. с. 241): „ходихомъ къ Володимерю на Ярославця, не терпяче злобъ его“.

[2]) Никон. I с. 150: „бяше бо негодуя внуку его Ярославець, Мстиславлю дщерь“, то же у Татищева (II. с. 219); послѣдній говоритъ, что поляки подущали Ярослава отнять у Мономаха Погорину, „и для того здѣлалъ союзъ съ Поляки, чтобъ первѣе Ростиславичевъ владѣнія лишить“. Соловьевъ (II с. 76) находитъ это извѣстіе очень вѣроятнымъ, но въ это время поляки вообще не вмѣшиваются дѣятельно въ русскія дѣла. Соловьевъ принимаетъ также извѣстіе Татищева (ibid), что Мономахъ призывалъ предварительно Ярослава на судъ князей, но подробность эта выведена, кажется, изъ наказа даннаго Мономахомъ Ярославу—приходить по зову, а тутъ между тѣмъ подразумѣвается скорѣе призывъ въ походъ. См. еще Ист. отнош. князей Рюрик. дома с. 126—7.

[3]) Ипат. с. 205; Лавр. с. 277; Воскр. I с. 24; Никон. I с. 150; Тверск. с. 192. Въ Ипат. л. бѣгству Ярослава предшествуетъ отправленіе во Владиміръ на княженіе Романа; г. Андріяшевъ (Очеркъ ист. Волынск. з. с. 117) полагаетъ, что Мономахъ послалъ во Владиміръ Романа, обезпокоенный сношеніями Ярослава съ поляками, еще до ухода послѣдняго въ Польшу; но это мѣсто Ипатской л., кажется, просто спутано, и я слѣдую лѣт. Лаврент., Воскр., Никон., Тверской. По Лавр. лѣт. Ярославъ бѣжалъ въ Ляхи, по Ипат.,

мощью поляковъ, потомъ составилъ большую коалицію изъ угровъ, поляковъ, чеховъ и галицкихъ Ростиславичей (послѣднимъ, очевидно, очень не понравилось соединеніе Волыни съ Кіевщиною въ рукахъ Мономаха)[1], но и этотъ походъ окончился неудачно вслѣдствіе неожиданной смерти Ярослава. Мономахъ остался обладателемъ Волыни и кромѣ того избавился отъ претендента на кіевскій столъ: теперь онъ могъ безпрепятственно закрѣпить его за своимъ родомъ[2]).

О половецкихъ отношеніяхъ за время правленія Мономаха я уже упомянулъ. Послѣ прихода половцевъ къ русскимъ границамъ при вѣсти о смерти Святополка, во все время княженія Мономаха въ Кіевѣ не упоминается ни одного набѣга на русскія земли. За то продолжались походы русскихъ въ степи. Ярополкъ Володимеричъ, сидѣвшій въ Переяславлѣ, два раза ходилъ на Донъ и за Донъ[3]). Въ это время въ степи происходила какая-то внутренняя борьба, о которой глухо упоминаетъ наша лѣтопись. Торки и остатки печенѣговъ бились съ половцами у Дона и послѣ двухдневной сѣчи торки и печенѣги пришли на Русь. Вѣроятно предположеніе, что вслѣдствіе ослабленія половцевъ, побѣжденные ими народы возстали противъ нихъ. Приходъ на Русь былъ, вѣроятно, результатомъ пораженія возставшихъ; побѣди они половцевъ, не бросили бы, конечно, привольныхъ донскихъ степей[4]). Переселенцы были, разумѣется, поселены вмѣстѣ съ прежними тюркскими колонистами по южнымъ границамъ, но спустя нѣсколько лѣтъ мы узнаемъ, что Мономахъ прогналъ бе-

---

Воскр., Ник., Тверск.—въ Угры; первое извѣстіе вѣроятнѣе, такъ какъ первоначально помощниками Ярослава выступаютъ только ляхи. Г. Линниченко (Взаимн. отнош. с. 142) высказываетъ предположеніе, что измѣна бояръ была причиною удаленія Ярослава въ Польшу.

¹) Ср. Ист. Волын. з. Андріяшева с. 117. Другія объясненія перемѣны въ политикѣ Ростиславичей—см. у Зубрицкаго II с. 46, Линниченка Взаимн. отнош. с. 147.

²) Ипат. с. 205—207, Лавр. с. 277—8, Никон. I с. 151—2, Татищевъ II с. 223—225. Объ иностранныхъ извѣстіяхъ см. у г. Линниченка Взаимн. отнош. с. 143 сл.

³) Ипат. с. 204, Лавр. 276—277.

⁴) Ипат. с. 204, Воскр. I 23. Татищевъ (II с. 218) представляетъ дѣло иначе: у него половцы нападаютъ на печенѣговъ. Объ исходѣ борьбы древняя лѣтопись умалчиваетъ, Густин. (с. 291) прибавляетъ: „и ничто же имъ успѣша“, но она, по недоразумѣнію, представляетъ дѣло такъ, что борьбу съ торками вела Русь. См. Соловьевъ II с. 81, Иловайскій I с. 145, Погодинъ Древ. Рус. Ист. I с. 131.

рендичей изъ Руси, а торки и печенѣги сами бѣжали: можетъ быть, скопившись въ большомъ числѣ на русскихъ границахъ, инородцы эти начали обижать туземцевъ; ушла однако только часть этого населенія: тюркскіе поселенцы въ большомъ количествѣ продолжали жить на южныхъ границахъ, особенно въ Кіевской области. Любопытно, что несмотря на полную побѣду надъ половцами, Мономахъ не оставилъ однако политики браковъ и женилъ меньшаго сына—Андрея на внукѣ Тугоркана [1]).

Мономахъ достигъ небывалаго въ удѣльно-вѣчевомъ періодѣ могущества и вліянія. Онъ соединилъ въ своихъ рукахъ, или, вѣрнѣе, рукахъ своей семьи, по крайней мѣрѣ три четверти тогдашней Руси, при чемъ эти владѣнія составляли сплошную территорію. При этомъ онъ уже не удовлетворялся относительно другихъ князей положеніемъ перваго между равными; формулу великокняжеской власти „въ отца мѣсто“, формулу очень неопредѣленную, онъ приложилъ къ нимъ, такъ сказать, въ наибольшемъ ея объемѣ. Онъ требуетъ отъ прочихъ князей настоящаго повиновенія; такъ Ярославу онъ приказываетъ являться на зовъ, Глѣбу возвращаетъ удѣлъ подъ условіемъ полнаго повиновенія (по всему послушати), а не просто спокойствія; черниговскіе князья участвуютъ въ походахъ, предпринимавшихся въ частныхъ интересахъ Мономаха [2]). То же властное отношеніе видимъ мы по отношенію къ новгородской общинѣ [3]). Но при этомъ Мономахъ политику свою, по прежнему, облекаетъ въ совершенно легальную форму и старается всегда имѣть общественное мнѣніе на своей сторонѣ; любопытнымъ примѣромъ служитъ столкновеніе его съ Ярославомъ: правда была едва ли не на сторонѣ послѣдняго, а въ глазахъ общества, по крайней мѣрѣ извѣстной части его, Ярославъ является бунтовщикомъ противъ стрыя и тестя (Мстислава), и по

---

[1]) Ипат. л. с. 205, Лавр. с. 177.

[2]) На эту особенность справедливо обратилъ вниманіе Лашнюковъ (Владиміръ Мономахъ с. 35), но онъ напрасно на основаніи этого видитъ въ Мономахѣ государственника въ духѣ московскихъ самодержцевъ.

[3]) 1 Новг. с. 4 (подъ 1118 г.): „приведе Володимиръ съ Мьстиславомъ вся бояры Новгородьскыя Кыеву, и заводи я къ честьному хресту и пусти я домовь, а иныя у себе остави; и разгнѣвася на ты оже то грабили Даньслава и Ноздрьчю, и на сочьскаго на Ставра, и затоци я вся“.

представленіямъ лѣтописца, Богъ помогалъ смиренному Мономаху противъ надменнаго Ярослава [1]).

Правленіе Мономаха, равно какъ и его преемника—Мстислава, было одною изъ самыхъ благополучныхъ страницъ въ исторіи Кіевщины. Благодаря ихъ политикѣ, послѣдняя все время пользовалась внѣшнимъ спокойствіемъ; ни половецкихъ набѣговъ, ни вторженій сосѣднихъ князей не слышно. Внутри, что еще важнѣе, существовала большая солидарность между княземъ и земствомъ: Мономахъ отличался необыкновенною внимательностію къ земству, къ его мнѣніямъ и желаніямъ, осуществляя послѣднія въ своей дѣятельности; онъ является идеаломъ князя— нарядника, который самъ входитъ во все, не полагаясь на отроковъ и тіуновъ, который тщательно заботится, чтобы населеніе не терпѣло обидъ отъ его помощниковъ; при дурной славѣ, которой пользовались послѣдніе, это въ князѣ было большимъ достоинствомъ. Съ населеніемъ Мономаха обращался радушно и привѣтливо; наконецъ, въ противоположность корыстолюбивому Святополку, онъ отличался большою щедростью: это была черта тоже очень симпатичная населенію и особенно дружинѣ [2]). Имена Владиміра и Мстислава сдѣлались синонимами излюбленныхъ землею князей [3]), и потомство ихъ окружалось этимъ ореоломъ. Къ сожалѣнію, свѣдѣнія наши о внутренней дѣятельности Мономаха и жизни страны за это время весьма скудны и случайны. Весьма важнымъ и популярнымъ дѣломъ были сдѣланныя при Мономахѣ прибавленія къ „Русской Правдѣ“. Прямое указаніе на принадлежность Мономаху имѣемъ только относительно закона „о рѣзѣ“, которымъ былъ опредѣленъ нормальный процентъ; законъ этотъ былъ составленъ по совѣщанію съ дружиною, съ участіемъ посла отъ Олега Святославича—вѣроятно вскорѣ по вокняженіи Мономаха, въ связи съ народнымъ движеніемъ противъ жидовъ [4]). Довольно вѣроятно предположеніе, что

---

[1]) Ипат. с. 207.

[2]) См. Лавр. с. 236—238, 241—242 (Поученіе), также 255, 279. Посланіе м. Никифора—Русскія Достопамятности I. 69—70.

[3]) См. особенно Ипат. с. 259.

[4]) Русская Правда по сп. Карамзинск., ст. 66—7. Впрочемъ современная духовная литература показываетъ, что рѣзоимство было распространено и между туземцами, и туземные ростовщики не далеко отставали отъ евреевъ.

Мономаху принадлежатъ еще законы о должникахъ и закупахъ, которые въ огромномъ большинствѣ списковъ слѣдуютъ непосредственно за статьями „о рѣзѣ“ [1]); первые касаются банкротства, а законы о закупахъ регулируютъ отношеніе ихъ къ хозяевамъ и гарантируютъ отъ злоупотребленій со стороны послѣднихъ. Законы Мономаха такимъ образомъ имѣли цѣлью облегчить тяжелыя экономическія условія, въ которыхъ находилось современное населеніе, благодаря предшествовавшимъ набѣгамъ, усобицамъ и под.; Мономахъ шелъ на встрѣчу тому экономическому протесту, который населеніе заявило при его вокняженіи своимъ движеніемъ противъ жидовъ и бояръ Мономаху же приписываютъ еще нѣкоторые законы, изъ которыхъ наиболѣе важные касаются холопства [2]).

Въ связи съ этими экономическими мѣрами стоитъ извѣстіе Татищевскаго свода объ изгнаніи евреевъ изъ Руси. По словамъ его, кіяне просили у Мономаха управы на жидовъ, которые отняли у христіанъ всѣ промыслы и многихъ совращали въ жидовство; населеніе хотѣло побить жидовъ, но Мономахъ предложилъ этотъ вопросъ на обсужденіе князей. На съѣздѣ у Выдобича князья постановили выслать всѣхъ жидовъ изъ Руси и впредь не впускать, а если тайно войдутъ, вольно ихъ грабить и убивать. Жиды были немедленно высланы отовсюду, но многіе на пути побиты и ограблены своевольными; „съ сего времени жидовъ въ Руси нѣтъ, и когда которой пріѣдетъ, народъ грабитъ и побиваетъ“ [3]). Проф. Малышевскій въ своемъ спеціальномъ изслѣдованіи о евреяхъ считаетъ этотъ разсказъ сочиненнымъ на основаніи приведеннаго извѣстія лѣтописи о разграбленіи жидовъ, но самый фактъ изгнанія евреевъ изъ Кіева находитъ весьма вѣроятнымъ [4]). Было ли такое изгнаніе или нѣтъ, пока рѣшить мы не

---

[1]) Изъ списковъ, изслѣдованныхъ Калачевымъ, въ такомъ порядкѣ статьи расположены въ II—IV фамиліяхъ, по его терминологіи, исключая Синодальнаго I, сп. кн. Оболенскаго и Толстовскаго IV; въ сводномъ текстѣ Калачева статьи эти помѣщены подъ номерами XII, XV, XVII—XXI, Предварительныя I, см изслѣдованія о Русской Правдѣ.

[2]) Русская Правда по сп. Карамзинскому ст. 68—73 и 75. См. Костомарова Монографіи, т. I с. 202 сл, Хлѣбникова Общест. и госуд. с. 237 сл., Погодина Древн. Русск. Исторія I с. 129, Бѣляева Разсказы I с. 210 сл.

[3]) Татищевъ II с. 212—213.

[4]) Евреи въ Южной Руси с. 110 сл.

можемъ; вполнѣ вѣроятно, что погромъ 1113 г. повліялъ на уменьшеніе еврейской колоніи въ Кіевѣ, хотя евреи жили здѣсь и позже— это видно изъ существованія еврейскаго квартала—„Жидовъ“ [1]).

То обстоятельство, что Мономахъ владѣлъ множествомъ волостей, такъ что въ его рукахъ, напримѣръ, находился весь великій водный путь днѣпровско-балтійскій, имѣло, конечно, тоже не малое значеніе для Кіева; оно облегчало сношенія и благопріятствовало кіевской торговлѣ. Сообщеніе съ правымъ берегомъ Днѣпра было облегчено благодаря мосту чрезъ Днѣпръ, который выстроилъ Мономахъ вскорѣ по вокняженіи [2]).

О проявленіяхъ народовластія, объ участіи народа въ управленіи лѣтопись молчитъ. Это и понятно. Народъ проявлялъ свою правительственную власть въ тѣхъ случаяхъ, когда положеніе дѣлъ казалось ему ненормальнымъ и требовало вмѣшательства. Если же этого не было, если народъ чувствовалъ довѣріе къ князю, то полагаясь на него, предоставлялъ ему полную свободу дѣйствій [3]). Мономахъ, а за нимъ и Мстиславъ, навѣрное, пользовались широкою властью въ землѣ, верша своею волею или только для формы справляясь съ мнѣніемъ народа въ такихъ вопросахъ, которые въ другихъ случаяхъ являются подъ контролемъ вѣча, какъ, напримѣръ, созывъ земскаго ополченія; благодаря этому ополченія, вѣроятно, участвовали во многихъ походахъ, не имѣвшихъ прямого отношенія къ самой Кіевской землѣ.

19 мая 1125 г. скончался Мономахъ послѣ двѣнадцатилѣтняго княженія въ Кіевѣ, на семьдесятъ третьемъ году жизни; по словамъ лѣтописца, „святителѣ жалящеси плакахуся по святомъ и добромъ князи, весь народъ и вси людие по немъ плакахуся, якоже дѣти по отцю или по матери, плакахуся по немъ вси людие“ [4]). Мы не имѣемъ основаній заподозрить это описаніе всеобщаго сожалѣнія о смерти излюбленнаго князя.

---

[1]) Ипат. с. 208; Евреи въ Южной Руси с. 112 сл. Соловьевъ (II пр. 157) допускаетъ, что жидовскій кварталъ могъ удержать свое имя и послѣ изгнанія евреевъ; это могло быть съ жидовскими воротами, но съ кварталомъ—едва ли.

[2]) Ипат. с. 203 (Лавр. с. 279); см. выше с. 23.

[3]) Ср. Сергѣевича Вѣче и князь с. 113.

[4]) Ипат. с. 208.

Излагая событія, я имѣлъ случаи указывать на характеристическія черты дѣятельности Мономаха. О его характерѣ мы имѣли столько извѣстій, какъ рѣдко: кромѣ лѣтописныхъ характеристикъ есть у насъ еще автобіографія Мономаха и посланіе къ нему митр. Никифора, заключающее также обстоятельную характеристику Мономаха. Эти источники рисуютъ его идеальными чертами: онъ является образцовымъ христіаниномъ, одареннымъ всѣми добродѣтелями частнаго человѣка и государя, добрымъ страдальцемъ за землю Русскую, солнцемъ земли Русской, чуднымъ, великимъ, святымъ [1]). Но пользоваться этими свѣдѣніями нужно съ нѣкоторою осторожностію; я замѣчалъ уже, что Мономахъ дорожилъ общественнымъ мнѣніемъ и старался облекать свои дѣйствія въ благовидную форму; въ дѣйствительности можно указать нѣсколько фактовъ, которые не совсѣмъ согласуются съ традиціоннымъ обликомъ его. Несомнѣнно, онъ обладалъ яснымъ, практическимъ умомъ, отличался необычайною энергіею и дѣятельностію, замѣчательнымъ тактомъ; нельзя заподозрѣвать искренность его набожности, его любви къ Русской землѣ; несомнѣнно, онъ не былъ злымъ, лукавымъ человѣкомъ, но въ то же время собственная выгода неизмѣнно фигурируетъ въ его дѣятельности и ею обусловливаются его поступки. Характерно, что несмотря на набожность, чистоту жизни, усердіе къ духовенству, Владиміръ однако не былъ признанъ святымъ, какъ его сынъ Мстиславъ. Быть можетъ, духовенство, весьма уважавшее Мономаха, чувствовало однако, что дѣятельностію его руководятъ житейскіе расчеты [2]). Совершенно вѣрно замѣчено также, что Мономахъ не возвышался надъ своимъ вѣкомъ; было бы совершенно несправедливо считать его пролагателемъ новыхъ путей, провозвѣстникомъ новой жизни. Мономахъ не былъ чудомъ вѣка, какъ называютъ его нѣкоторые, а лишь однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ его представителей, и дѣятельность его, несомнѣнно, была, въ частности, во многомъ полезна для Кіевщины.

---

[1]) Ипат. с. 172—173, 203, 207, 210, 217; Лавр. с. 232 сл. (Поученіе), 279—180; 1 Новг. с. 5; Русскія Достопамятности I. 63 сл. Обзоръ различныхъ воззрѣній ученыхъ на характеръ и дѣятельность Мономаха см. въ упомянутой работѣ: Волынскій вопросъ 1093—1102 г. in fine.

[2]) Эта мысль какъ будто сквозитъ у м. Никифора въ его посланіи (Рус. Достоп. I. с. 69), гдѣ говоритъ онъ о Мономаховыхъ пирахъ; это замѣтилъ Хлѣбниковъ (Общество и государство с. 338).

Кіевскій столъ передалъ Мономахъ сыну Мстиславу. Препятствій къ тому не было: законными претендентами были Святополковичи, но старшаго—Ярослава не было въ живыхъ, а меньшіе, годившіеся въ сыновья Мстиславу, занимали какіе-нибудь незначительные удѣлы, если не были вовсе безъ удѣловъ, и, конечно, не дерзали претендовать на кіевскій столъ; вскорѣ они оба скончались [1]). Святославичи, если и имѣли какія-либо права на Кіевъ, не могли также заявить претензій: старшій представитель ихъ рода—Ярославъ Святославичъ самъ очень не прочно сидѣлъ въ Черниговѣ. Лѣтопись не сообщаетъ намъ подробностей передачи кіевскаго стола. Собственно княжеское завѣщаніе для населенія не имѣло обязательной силы: для того, чтобы дать ему дѣйствительное значеніе, необходимо было подкрѣпить его согласіемъ народа либо реальною силою. Такъ мы видимъ позже, что завѣщанію Мстислава какъ бы даетъ санкцію народъ, призывая на княженіе его брата Ярополка, что Всеволодъ Ольговичъ, передавая столъ Игорю, запасается согласіемъ вѣча. Конечно, Мономахъ могъ надѣяться, что воля его будетъ уважена кіевлянами, тѣмъ болѣе, что и Мстиславъ, живя въ Кіевской землѣ, успѣлъ, несомнѣнно, снискать расположеніе народа, но какъ князь народолюбецъ, уважавшій всегда мнѣніе народа, Мономахъ непремѣнно, надо думать, предварительно рекомендовалъ Мстислава народу, въ духѣ упомянутой рекомендаціи Всеволода Ольговича: „азъ есмь велми боленъ, а се вы братъ мой Игорь, имѣтесь по нь.“ Любопытно, что въ Новгородской лѣтописи стоитъ: „Мьстислава посадиша на столѣ отци.“ Это „посадиша,“ конечно, естественнѣе всего отнести къ кіевскому населенію [2]).

---

[1]) Ипат. с. 211, Лавр. с. 281 и 284. Погодинъ (Изслѣд. IV с. 394), весьма впрочемъ осторожно, указываетъ на то, что по московскимъ мѣстническимъ счетамъ Святополковичи не имѣли правъ на кіевскій столъ предъ Мстиславомъ. Такая развитая система родовыхъ счетовъ во всякомъ случаѣ врядъ ли тогда существовала.

[2]) Ипат. с. 212, 229; Лавр. с. 286; 1 Новгор. с. 5; Сергѣевичъ, Вѣче и князь с. 305; Линниченко, Вѣче с. 31. Г. Самоквасовъ, отрицая участіе народа при вокняженіи Мстислава и Ярополка, указываетъ на позднѣйшія слова Всеволода Ольговича, который говоритъ: „и намъ Володимиръ посадилъ Мьстислова сына своего по собѣ въ Киевѣ, а Мьстиславь Ярополка брата своего, а се я мольвлю: оже мя Богъ поимѣть, то азъ по собѣ даю брату своему Игореви Киевъ“ (Ипат. с. 227); но здѣсь идетъ рѣчь о завѣщаніи при передачѣ стола, которое, какъ я сказалъ, само по себѣ не имѣло обязательной силы для земства; что передача стола по завѣщанію не исключала участія народа, это лучше

Кромѣ Кіевской волости семья Мстислава владѣла Новгородомъ, гдѣ сидѣлъ старшій Мстиславичъ—Всеволодъ, и Смоленскомъ, который составилъ потомъ удѣлъ Ростислава, третьяго сына Мстислава; второй Мстиславичъ—Изяславъ сидѣлъ сначала въ Курскѣ, потомъ въ Полоцкѣ. Прочія волости—Переяславская, Туровская, Волынская и Ростово-Суздальская достались меньшимъ сыновьямъ Мономаха. Переяславль получилъ второй сынъ его, Ярополкъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ являлся кандидатомъ на кіевскій столъ и преемникомъ Мстислава. Позже лѣтопись сообщаетъ еще объ одномъ распоряженіи Мономаха: Ярополкъ, по повелѣнію его, заключилъ договоръ съ Мстиславомъ, что послѣ Ярополка Переяславль перейдетъ къ дѣтямъ Мстислава, такъ какъ Мономахъ далъ Переяславль Ярополку и Мстиславу вмѣстѣ (акоже бяше има далъ Переяславль съ Мстиславомъ) [1]. Смыслъ этого распоряженія не совсѣмъ ясенъ, хотя оно весьма интересно, такъ какъ имѣло очень важныя, тяжелыя послѣдствія. Передача Переяславля сыновьямъ Мстислава возбудила позже сильное противодѣйствіе со стороны младшихъ сыновей Мономаха не потому, что эта волость сама по себѣ была очень интересна, а потому, надо думать, что обладатель ея считался наслѣдникомъ кіевскаго стола. Такой смыслъ передача Переяславля должна была, очевидно, имѣть и въ договорѣ Мстислава и Ярополка: въ силу его послѣ Ярополка кіевскій столъ долженъ былъ перейти къ потомству Мстислава, а не къ младшимъ Мономаховичамъ. Возникаетъ вопросъ, дѣйствительно ли это рѣшеніе, внесшее такую смуту въ среду Мономаховичей, принадлежало Мономаху, или Мстиславъ съ Ярополкомъ пытались только подкрѣпить свой договоръ ссылкою на волю отца? Отвѣтитъ на этотъ вопросъ, конечно, очень трудно. Но зная, съ одной стороны, прямой характеръ Мстислава, съ другой стороны—принимая во вниманіе, что ссылка на отцовское распоряженіе, никому не извѣстное, не могло нисколько помочь дѣлу, скорѣе можно думать, что такое рѣшеніе дѣйствительно принадлежало Мономаху; можетъ быть, онъ

всего показываетъ примѣръ самого Всеволода, который, передавъ, по примѣру Мономаха, кіевскій столъ Игорю, затѣмъ рекомендуетъ послѣдняго населенію.

[1]) Лавр. с. 286.

желалъ такимъ образомъ устранить отъ кіевскаго стола неспособнаго Вячеслава, которому принадлежало старѣйшинство послѣ Ярополка [1]).

Правленіе Мстислава отличалось тѣмъ же характеромъ, что и правленіе его отца. Къ прочимъ князьямъ мы видимъ такое же авторитетное, властное отношеніе, какъ и при Мономахѣ; Мстиславъ призываетъ въ свои походы не только братьевъ, но и князей другихъ вѣтвей и наказываетъ за неповиновеніе. Хотя волости, собранныя Мономахомъ, были раздѣлены между его сыновьями, но, какъ видѣли мы, владѣнія Мстиславовой семьи были все же велики и превосходили владѣнія всѣхъ другихъ князей; при томъ Мстиславъ пользовался большимъ авторитетомъ, благодаря своей энергіи, благородному характеру и государственнымъ талантамъ. Къ его содѣйствію обращаются въ своихъ спорахъ князья изъ другихъ родовъ; такъ онъ принимаетъ участіе въ распрѣ галицкихъ Володаревичей — Володимірка и Ростислава, по просьбѣ послѣдняго; не ясно впрочемъ, какое оно имѣло вліяніе на дѣла [2]). Другой, болѣе важный случай подобнаго же рода произошелъ черезъ годъ по вокняженіи Мстислава въ Кіевѣ. Ярославъ, кн. черниговскій, былъ лишенъ стола и схваченъ своимъ племянникомъ, знаменитымъ Всеволодомъ Ольговичемъ. Мстиславъ вступился за Ярослава, которому раньше еще обѣщалъ поддержку, хотя Всеволодъ былъ его зятемъ, и сталъ готовиться къ походу. Всеволодъ призвалъ половцевъ, но не получивъ отъ нихъ помощи (половцы при-

---

[1]) Соловьевъ ссылку на это распоряженіе Мономаха считалъ „незаконнымъ предлогомъ“, а слова „бяше (Мономахъ) има далъ Переяславль со Мстиславомъ“ объяснялъ такъ, что „Мстиславъ, будучи переведенъ отцемъ изъ Новгорода въ Бѣлгородъ, считался княземъ переяславскимъ по старшинству стола, а сидѣлъ въ Бѣлгородѣ для того только, чтобъ быть поближе къ отцу“ (Ист. отношеній с. 140—1, Ист. Россіи II пр. 177). На это можно возразить, что Ярополкъ получилъ Переяславль раньше, чѣмъ Мстиславъ былъ переведенъ въ Бѣлгородъ, да и старѣйшинство столовъ на которое Соловьевъ ссылается, не болѣе, какъ предположеніе. Полевой тоже думалъ, что передача Переяславля дѣтямъ Мстислава основывалась только на договорѣ послѣдняго съ Ярополкомъ (II с. 387). Наоборотъ, Погодинъ полагалъ, что Мономахъ, дѣлая распоряженіе о Переяславлѣ, дѣйствительно имѣлъ въ виду своихъ внуковъ (Изслѣд. IV с. 397—8).

[2]) См. Шараневичъ, Ист. Гал.-Волод. Руси с. 35. Объ этой распрѣ и участіи Мстислава говоритъ Стрыйковскій (I с. 189) и Татищевъ (II с 232); извѣстіе послѣдняго гораздо обстоятельнѣе, но трудно рѣшить, не разбавилъ ли онъ просто своими соображеніями короткое упоминаніе Стрыйковскаго. Карамзинъ цитуетъ для этого эпизода Кіевскую лѣтопись (II пр. 249); вѣроятно, это просто lapsus memoriae.

шли было къ Посемью, но испугавшись, бѣжали оттуда обратно), сталъ подкупать бояръ—совѣтниковъ Мстислава. Подъ вліяніемъ ихъ Мстиславъ медлилъ, Ярославъ напрасно приходилъ къ нему на поклонъ, подвигая его на Всеволода. Игуменъ монастыря св. Андрея, Григорій, пользовавшійся большимъ вліяніемъ у Мономаха и Мстислава и всего кіевскаго населенія, энергично противился войнѣ; за отсутствіемъ митрополита онъ созвалъ духовный соборъ, и послѣдній разрѣшилъ Мстислава отъ клятвы. Татищевъ считаетъ, повидимому, Григорія подкупленнымъ сторонникомъ Всеволода, но это едва ли справедливо; мнѣ кажется, что Григорій и созванный имъ соборъ священниковъ, помимо миротворства, были выразителями мнѣнія кіевскаго населенія [1]). Возобновленіе борьбы съ Ольговичами не могло быть пріятно послѣднему, особенно зловѣщимъ должно было казаться то обстоятельство, что Всеволодъ, хотя и неудачно, призывалъ къ участію половцевъ: это напоминало страшныя опустошенія, вызванныя борьбою Мономаха съ отцомъ Всеволода. Притомъ интересы Ярослава Святославича были совершенно чужды кіевлянамъ. Подъ вліяніемъ своихъ приближенныхъ и такого общественнаго мнѣнія, Мстиславъ, скрѣпя сердце, отказалъ въ помощи Ярославу, но по словамъ лѣтописца, до смерти оплакивалъ свое клятвопреступленіе. Результатомъ участія Мстислава въ этой черниговской распрѣ было пріобрѣтеніе Посемья; оно было захвачено во время борьбы со Всеволодомъ и осталось за Мстиславомъ [2]).

Гораздо рѣшительнѣе дѣйствовалъ Мстиславъ по отношенію къ князьямъ полоцкимъ. Подъ однимъ годомъ съ упомянутымъ черниговскимъ эпизодомъ въ лѣтописи разсказывается о походѣ на Полоцкую волость; вѣроятно, полоцкіе князья не могли помириться съ потерею

---

[1]) Ср. Соловьевъ II с. 88.

[2]) Ипат. с. 209—210 (подъ 1128 г.), Лавр. 281—2 (подъ 1127 г.); Татищевъ II с. 233—235; Соловьевъ II с. 88; Погодинъ Изслѣд. IV с. 443, Хронолог. указат. с. 138, Др. Рус. Ист. I с. 135. Не нужно забывать при этомъ, что Всеволодъ былъ родственникъ Мстислава; что же касается пріобрѣтенія Посемья, то оно само по себѣ не можетъ быть принято за причину, побудившую Мстислава къ нейтралитету, такъ какъ онъ могъ бы получить какую-нибудь волость и отъ Ярослава за поддержку. Иначе объясняетъ поведеніе Мстислава П. В. Голубовскій (Ист. Сѣвер. з. с. 107): онъ полагаетъ, что Мстиславъ, занявъ столъ послѣ отца помимо дядей, потому самому долженъ былъ поддержать Всеволода, захватившаго свою отчину тоже помимо дяди.

Минска и пытались вернуть его. Мстиславъ одновременно двинулъ на нихъ княжескіе полки „четырми пути"; кромѣ Мономаховичей и Мстиславичей къ участію были призваны черниговскіе князья, Всеволодъ городенскій, Вячеславъ Ярославичъ клеческій; ходилъ и отрядъ кіевскихъ торковъ съ Иваномъ Войтишичемъ и кіевскій полкъ съ Изяславомъ Мстиславичемъ [1]). Полочане вынуждены были смѣстить неугоднаго Мстиславу кн. Давыда Всеславича и просили вмѣсто него утвердить княземъ Рогволода, который, вѣроятно, при этомъ обязывался быть въ покорности у Мстислава. Просьба была уважена [2]). Вскорѣ однако, вѣроятно по смерти Рогволода, полоцкіе князья отказали въ повиновеніи Мстиславу: „не бяхуть его воли и не слушахуть, коли е зовяшеть въ Рускую землю в помощь, но паче молвяху Бонякови шелудивому во здоровье". Мстиславъ не могъ немедленно наказать ихъ за ослушаніе, такъ какъ былъ занятъ борьбою съ половцами, но управившись, распорядился съ непокорными князьями весьма рѣзко: послалъ схватить ихъ и отправилъ съ женами и дѣтьми въ заточеніе въ Царьградъ (онъ приходился родственникомъ правившей династіи, такъ какъ дочь его была выдана „въ Грѣкы за царь"). Полоцкій удѣлъ Мстиславъ оставилъ за собою и вмѣстѣ съ Минскомъ отдалъ второму сыну—Изяславу, который до тѣхъ поръ сидѣлъ въ Курскѣ, на Посемьи [3]). Пріобрѣтеніе Посемья и Полоцкой волости было завершеніемъ традиціонной политики собиранія волостей; послѣдовавшія попытки кіевскихъ князей были слабы и неудачны.

Въ отношеніи половцевъ Мстиславъ съ честью поддерживалъ отцовскую славу. При вѣсти о смерти Мономаха, половцы навѣдались

---

[1]) Ипат. с. 210—211 (1128 г.), Лавр. 282—284 (1127 г.), Татищевъ II с. 235; Соловьевъ II с. 89. Фактъ утвержденія Мстиславомъ избраннаго народомъ Роговолода интересенъ въ томъ отношеніи, что устраняетъ относительно Мстислава подозрѣнія въ стремленіи къ какому-нибудь абсолютизму или централизаціи—подозрѣнія, къ которымъ можетъ пожалуй, подать поводъ послѣдующая расправа его съ полоцкими князьями.

[2]) Что торки были кіевскіе, видно изъ того, что ходили они съ кіевскимъ бояриномъ и упоминаются рядомъ съ полкомъ Мстислава (г. Линниченко считаетъ этотъ полкъ Изяславовымъ—Вѣче с. 32).

[3]) Ипат. с. 211, 217—218, Лавр. с. 286, Тверск. сб. с. 195. По Татищеву (II с. 240) полочане добровольно выдали князей по требованію Мстислава, ср. Соловьева II с. 90; что Полоцкъ и Минскъ принадлежали Изяславу, видно изъ Ипат. с. 212, Лавр. с.

по обыкновенію: они пришли въ Переяславскую волость, желая захватить торковъ, ушедшихъ отъ нихъ на Русь, но были отбиты. Распря черниговскихъ князей и призывъ на помощь, сдѣланный Всеволодомъ, повидимому, ободрили половцевъ; хотя помощи они Всеволоду не оказали и бѣжали въ степи при первой тѣни опасности, но нѣкоторое время спустя, какъ узнаемъ мы изъ позднѣйшаго упоминанія, „налегли Половци на Русь и (Мстиславъ) стояшеть бьяся с ними ся перемогаяся"; весьма вѣроятно, что подъ Русскою землею здѣсь разумѣется Кіевская волость. Предводителемъ половцевъ былъ все тотъ же Бонякъ. По словамъ лѣтописца, эту борьбу Мстиславъ окончилъ побѣдоносно: онъ послалъ мужей своихъ, и тѣ загнали половцевъ за Донъ и за Волгу, за Яикъ; если это извѣстіе и преувеличено, оно предполагаетъ во всякомъ случаѣ рѣшительные успѣхи въ борьбѣ со степняками [1]).

На другой окраинѣ русскихъ земель Мстиславъ велъ борьбу съ Литвою. Передъ смертью онъ ходилъ въ походъ на нее; судя по извѣстіямъ лѣтописи, это единственный случай за время княженія Мстислава въ Кіевѣ, когда онъ ходилъ въ походъ самолично; въ прочихъ случаяхъ онъ посылалъ вмѣсто себя другихъ князей или мужей своихъ. Походъ на Литву былъ предпринятъ, вѣроятно, въ интересахъ земли Полоцкой — волости Изяслава Мстиславича; въ немъ участвовали, кромѣ сыновей Мстислава, Ольговичи и Всеволодъ городенскій [2]).

Ко времени правленія Мстислава относится еще одинъ интересный фактъ, переданный въ Татищевскомъ сводѣ (подъ 1129) и самъ по себѣ довольно вѣроятный: поляки ограбили русскихъ купцовъ, ѣхавшихъ изъ Моравіи, и Мстиславъ потребовалъ удовлетворенія отъ Болеслава, пригрозивъ войною [3]). Если извѣстіе это справедливо, то тутъ слѣдуетъ, конечно, разумѣть купцовъ главнымъ образомъ кіевскихъ.

286—7. О бракѣ Мстиславны—Ипат. с. 206, Татищевъ II с. 225, Карамзинъ II пр. 242, Арцыбашевъ т. I кн. 2, пр. 394.

[1]) Ипат. с. 208—209, 217—218, Лавр. 280—281.

[2]) Ипат. с. 212, Лавр. с. 286, Татищевъ (II. с. 241) говоритъ о двухъ походахъ на Литву; вѣроятно, онъ подумалъ, что Ипат. лѣт. подъ 1132 и Лавр. подъ 1131 г. говорятъ о двухъ разныхъ походахъ. Объ этомъ походѣ см. еще у г. Довнара-Запольскаго ор. с. с. 97.

[3]) Исторія Россійская II с. 241.

О характерѣ отношеній Мстислава къ кіевскому населенію я уже говорилъ; при отсутствіи прямыхъ свидѣтельствъ лѣтописи, приходится обращаться къ косвеннымъ. Популярность Мстислава у новгородскаго населенія, гдѣ онъ княжилъ ранѣе и гдѣ имя его стало нарицательнымъ именемъ излюбленнаго князя; популярность Мономахова дома въ позднѣйшее время среди кіевскаго населенія; сочувственное, даже восторженное воспоминаніе о Мстиславѣ кіевскаго лѣтописца, позже занесенное въ лѣтопись,—все это даетъ право предполагать, что Мстиславъ пользовался великою народною любовью [1]). Вѣроятно, Мстиславъ унаслѣдовалъ отъ отца внимательное отношеніе къ земству и его желаніямъ, иначе нельзя себѣ объяснить его популярность; по словамъ Суздальской лѣтописи, онъ княжилъ „съ кротостію" [2]): это выраженіе лѣтописца, кажется, слѣдуетъ понять именно въ смыслѣ радушнаго, внимательнаго отношенія къ населенію. Я высказалъ уже предположеніе, что отказавшись отъ поддержки Ярослава Святославича, Мстиславъ тѣмъ сдѣлалъ уступку кіевскому общественному мнѣнію.

О правительственной дѣятельности населенія за время его княженія нѣтъ никакихъ свѣдѣній. Относительно упомянутаго выше литовскаго похода мы имѣемъ прямое указаніе, что въ немъ участвовало земское ополченіе Кіевской земли; на возвратномъ пути оно отстало отъ прочаго войска и потеряло много людей; по аналогіи можно предполагать, что земское ополченіе участвовало и въ другихъ походахъ [3]).

Для сужденія о самой личности Мстислава мы имѣемъ тоже очень мало данныхъ; насколько можно судить по нимъ, это былъ благородный, честный характеръ, вѣроятно безъ той корыстной, дипломатической подкладки, которая проглядываетъ въ Мономахѣ; намъ извѣстно, напримѣръ, его благородное поведеніе относительно Олега въ войнѣ 1096 г. и раскаяніе вслѣдствіе нарушенія обѣщанія, даннаго Ярославу [4]). Правда, въ обоихъ случаяхъ свѣдѣнія мы получа-

[1]) Ипат. с. 217—8, 259.

[2]) Лавр. с. 280.

[3]) Ипат. с. 212. Иначе думаетъ г. Линниченко—Вѣче с. 32.

[4]) Ипат. с 165—167, 210; Лавр. с. 229—232, 243, 282. Татищевскую характеристику см. въ т. II с. 243.

емъ отъ людей, несомнѣнно расположенныхъ къ Мстиславу (въ первомъ случаѣ, вѣроятно—отъ новгородца, во второмъ—кіевлянина), но помимо того, что мы вообще не имѣемъ побудительныхъ причинъ сомнѣваться въ ихъ справедливости, относительно второго случая замѣчу, что Мстиславу вовсе не нужно было приписывать раскаяніе, чтобы оправдать его, такъ какъ онъ былъ разрѣшенъ отъ клятвы духовнымъ соборомъ.

Мстиславъ скончался 15 апрѣля 1132 г., еще не въ особенно преклонномъ возрастѣ (56 лѣтъ), и былъ погребенъ въ церкви св. Ѳеодора, своего патрона, которую самъ выстроилъ; другимъ памятникомъ его княженія въ Кіевѣ была начатая имъ церковь Богородицы [1]. Уже въ прологахъ XIII в. онъ причитается къ святымъ [2]. Въ кіевской и новгородской лѣтописяхъ ему, какъ и Мономаху, придается титло великаго [3].

---

[1]) Ипат. л. с. 211, 212 (Лавр. с. 286, 1 Новг. с. 6). Мстиславъ родился въ 1076 г.—см. Лавр. 239 (Поученіе).

[2]) Русскіе святые IV с. 56 (1 изд.).

[3]) Ипат. с. 217: „Се бо Мьстиславъ великый наслѣди отца своего потъ Володимера Мономаха великаго“; 1 Новг. с. 18.

III.

Борьба за кіевскій столъ

(1132—1169).

Кіевъ—слава, и честь, и мати, и глава всей Русской землѣ бысть, и того ради вси подвизахуся о немъ, яко вси князи единъ родъ единопленныи вси суще. Никон. лѣт.

И раздьрася вся земля Русьская. Новгор. лѣт.

За спокойствіемъ и благоденствіемъ Кіевской земли подъ управленіемъ Мономаха и Мстислава слѣдуетъ бурный періодъ борьбы за кіевскій столъ. Недолгое правленіе Ярополка Володимерича (1132—1139 г.) служитъ какъ бы прологомъ къ нему, оно приготовляетъ эту борьбу и даетъ ей поводы. Ближайшею причиною борьбы и смуты было упомянутое уже завѣщаніе Мономаха, подтвержденное договоромъ Мстислава и Ярополка, по которому наслѣдниками послѣдняго являлись не младшіе Мономаховичи, а Мстиславичи. Это произвело раздоръ въ родѣ Мономаха, которымъ воспользовалось энергичное Ольгово племя: благодаря ему оно не только освободилось изъ подъ опеки Всеволодовичей, но и само предъявило претензіи на кіевскій столъ. Соперничество трехъ линій—младшихъ Мономаховичей (Вячеславъ, Юрій, Андрей), Мстиславичей и Святославичей (Ольговичей и Давыдовичей) создаетъ такую сложную коллизію, что распутать ее едва ли сумѣли бы князья даже при всемъ добромъ желаніи.

Упомянутый договоръ былъ, конечно, лишь ближайшимъ поводомъ, не будь его, то же самое или подобное произошло бы нѣсколько позже. Причины лежали въ самомъ политическомъ строѣ. Предшествующія

поколѣнія не приготовили твердаго, признаннаго порядка преемства кіевскаго стола. Мономахъ и его сыновья, опиравшіеся на народное избраніе, въ глазахъ князей были въ сущности только счастливыми узурпаторами; пока у нихъ была сила и авторитетъ, имъ покорялись, но этому рано или поздно грозилъ конецъ, вслѣдствіе раздробленія ихъ владѣній въ рукахъ многочисленныхъ родичей. Ярополкъ владѣетъ уже только Кіевскою землею; другіе Мономаховичи имѣютъ также только по одной волости. Одновременно исчезало постепенно, съ размноженіемъ рода, сознаніе солидарности, общности интересовъ, уменьшался авторитетъ старшихъ въ родѣ. Ярополкъ пользуется уже весьма малымъ авторитетомъ среди родичей. Съ теченіемъ времени все это должно было итти crescendo. Усложнялось дѣло еще тѣмъ, что старшій изъ младшихъ Мономаховичей—Вячеславъ не отличался дарованіями и не въ состояніи былъ отстаивать дѣло своего рода, младшіе же Мономаховичи и Мстиславичи не имѣли собственно права быть представителями рода. Столкновеніе было неминуемо, и златой столъ кіевскій долженъ былъ сдѣлаться предметомъ неизбѣжной борьбы. Предотвратить эту коллизію могло бы развѣ только общее соглашеніе, въ родѣ Любецкаго, только болѣе искреннее, справедливое, но объ этомъ нечего было и думать.

Была еща сила, которая могла нейтрализовать соперничество князей—это было кіевское земство; и оно дѣйствительно дѣлало попытки въ этомъ направленіи: населеніе держитъ сторону Мстиславачей и по временамъ весьма энергично встаетъ за ихъ интересы; оно желаетъ закрѣпить свою землю за ихъ линіею и обособить ее такимъ образомъ, подобно другимъ землямъ, но усилія его не даютъ никакого результата. Причинами неудачи были: небольшія силы земли (собственно земли Полянской, какъ увидимъ ниже) въ сравненіи съ силами соперничающихъ князей, недостатокъ политической подготовки и вообще непривычка къ выработкѣ юридическихъ нормъ, отличающая славянское племя, наконецъ отсутствіе единства въ средѣ самаго населенія. Вопросъ о Кіевѣ долженъ былъ и могъ исчезнуть только самъ собою, такъ сказать, измором ъ.

По словамъ кіевскаго лѣтописца, Мстиславъ оставилъ свое княженіе Ярополку, ему же поручилъ и дѣтей; Ярополка въ то время не было въ Кіевѣ, и по словамъ Суздальской лѣтописи, ,,людье Кы-

яне послаша по нь". Эти два извѣстія взаимно дополняютъ другъ друга. Очевидно, здѣсь мы имѣемъ передачу стола по завѣщанію князя, а кіевскіе люди — т. е. кіевское вѣче — посылая за Ярополкомъ, тѣмъ выразили, что они принимаютъ завѣщаніе Мстислава и санкцируютъ его. Ярополкъ явился спустя два дня по кончинѣ брата и „сѣде" на кіевскомъ столѣ [1]).

Получивъ Кіевъ, Ярополкъ немедленно занялся своими племянниками: онъ совершенно искренно желалъ исполнить свое обязательство, данное Мстиславу, тѣмъ болѣе, что самъ, не имѣя дѣтей, не былъ заинтересованъ вопросомъ о волостяхъ. Тотчасъ вызвалъ онъ старшаго Мстиславича—Всеволода изъ Новгорода и отдалъ ему Переяславль [2]). Но Мономаховичи не замедлили возстать противъ этого, и прежде всего младшіе, болѣе энергичные. Новгородскій лѣтописецъ влагаетъ въ уста Юрію и Андрею такія слова: „се Ярополкъ, братъ наю, по смерти своеи хоцетъ дати Кыевъ Всеволоду, братану своему" [3]). Предполагать, что Мономаховичи ошибались относительно намѣреній Ярополка, нельзя: только видами на Кіевъ можно объяснить, почему Всеволодъ Мстиславичъ сѣлъ въ Переяславлѣ, оставивъ Новгородъ [4]). Юрій немедленно въ тотъ же день отнялъ Переяславль у Всеволода, но Ярополкъ какъ-то удалилъ его оттуда [5]) и отдалъ Переяславль уже второму Мстиславичу, Изяславу: вѣроятно, Всеволодъ не захотѣлъ вторично садиться въ такой безпокойной волости. На этотъ разъ претендентомъ выступилъ Вячеславъ Мономаховичъ, можетъ быть

---

[1]) Ипат. с. 212; Лавр. с. 286; Воскрес. 1 с. 29; Никон. I с. 157. Призывъ Ярополка отъ „людей", несомнѣнно, имѣетъ характеръ избранія или подтвержденія, а не просто извѣщенія о смерти Мстислава, какъ думаетъ проф. Самоквасовъ (Замѣчанія по ист. рус. гос. устр. Ж. М. Н. П. 1869 г. XI с. 84); извѣстить Ярополка могли и приближенные Мстислава, этого незачѣмъ было дѣлать вѣчу. Ср. Линниченко, Вѣче с. 33—34. Заслуживаетъ вниманія, что у Стрыйковскаго (I p. 189) о Ярополкѣ сказано: wybran jest i podniesion na stolicę Kijowską; можетъ быть, это не простая фраза.

[2]) Ипат. л. с. 212; Лавр. с. 286; 1 Новг. с. 6.

[3]) Новг. l. c.

[4]) Соловьевъ (II с. 93) однако думалъ, что историкъ не можетъ отвѣчать утвердительно на вопросъ, дѣйствительно ли старшіе Мономаховичи хотѣли передать Кіевъ Мстиславичамъ.

[5]) Въ Никон. (I с. 157): „посла на него братъ Ярополкъ силу многу"; въ Ипат. и Лавр. просто „выведе".

подъ вліяніемъ младшихъ братьевъ; Ярополкъ теперь уже увидѣлъ себя вынужденнымъ отказаться, въ угоду братьямъ, отъ даннаго обѣщанія и признать права ихъ на кіевскій столъ; Изяславъ былъ силою выведенъ изъ Переяславля, но получивъ Туровскую волость въ дополненіе къ Минску и богатые подарки отъ Ярополка, повидимому, примирился съ совершившимся фактомъ и Ярополкомъ и по порученію послѣдняго ѣздилъ за данью въ Новгородъ и Смоленскъ [1]). Однако обстоятельства скоро снова измѣнились. Вячеславъ, не имѣвшій никогда ни достаточно духа, чтобы отказаться отъ претензій, ни достаточно настойчивости, чтобы поддержать ихъ, соскучился сидѣть въ безпокойной и бѣдной переяславской волости и ждать кіевскаго наслѣдства и вернулся въ Туровъ, не послушавъ увѣщаній Ярополка. На Переяславль заявилъ претензіи Юрій, слѣдующій по старшинству за Вячеславомъ, и обѣщалъ взамѣнъ свою Ростово-Суздальскую волость; послѣдняя должна была служить Изяславу вознагражденіемъ за Туровъ, но Юрій часть Ростово-Суздальской волости оставилъ за собою. Изяславъ, очевидно, былъ этимъ разсерженъ, озлобился противъ дядей и вошелъ въ соглашеніе съ черниговскими князьями; такимъ образомъ всѣ старанія Ярополка уладить какъ-нибудь отношенія между князьями Мономахова дома были тщетны, „и раздьрася вся земля Русьская“ [2]).

Черниговскіе князья стремились вернуть себѣ Посемье и ждали только удобнаго момента; возможно, что они сами предложили свое содѣйствіе Изяславу. Они вошли опять въ соглашеніе и съ половцами, но поторопились до ихъ прихода начать враждебныя дѣйствія противъ Мономаховичей. Ярополкъ съ Юріемъ и Андреемъ отправились немедленно на Черниговъ и стали разорять окрестности его. Всеволодъ засѣлъ въ городѣ и не выходилъ на бой, такъ какъ половцы еще не пришли къ нему; Мономаховичи постояли около Чер-

---

[1]) Вѣроятною кажется мнѣ догадка Погодина, что часть сбора должна была поступить Изяславу, какъ вознагражденіе за потерянный Переяславль (Хрон. указ. с. 145); Полевой (II с. 390) думалъ, что сборы эти были подарены Изяславу.

[2]) Ипат. с. 213, Лавр. с. 286—7, 1 Новг. с. 6, Никон. I с. 157—158, Татищевъ II с. 244—247; послѣдній, кажется, слѣдуетъ Никоновской л., но съ нѣкоторыми отличіями, которыя мнѣ кажутся не совсѣмъ вѣроятными; о варіантахъ Никон. л. и Татищева см. Карамзина II пр. 260.

нигова и затѣмъ, не принявъ рѣшительныхъ мѣръ, не заключивъ договора со Всеволодомъ, отступили въ Кіевъ, „не хотяще пролити крови христіаньскія“ [1]), и распустили войско: образъ дѣйствій довольно странный, развѣ, быть можетъ, они думали, что достаточно напугали Всеволода? [2]) Это было въ ноябрѣ 1134 г. [3]). Изяслава Мстиславича въ это время, кажется, не было на югѣ; вмѣстѣ съ братомъ Всеволодомъ, сидѣвшимъ въ Новгородѣ, онъ предпринималъ походъ на Суздаль, волость своего соперника, но новгородское ополченіе вернулось съ дороги [4]). Оставшись безъ войска, Изяславъ отправился въ Черниговъ, къ своимъ новымъ союзникамъ. Въ это время пришли и половцы къ Всеволоду Ольговичу; вмѣстѣ съ Ольговичами и Мстиславичами, Изяславомъ и Святополкомъ, они вторгнулись въ Переяславскую волость и начали опустошать лѣвый берегъ Днѣпра; населеніе спасалось на кіевскую сторону, но многіе были захвачены и перебиты, забрано было и множество скота. Ярополкъ собралъ кіевское ополченіе, Юрій привелъ переяславское, братья стояли въ бездѣйствіи около Кіева, потому ли, что нельзя было переправиться или, что, пожалуй, вѣроятнѣе—потому, что не рѣшались. Ольговичи также пришли и стали противъ Кіева въ бору около Городца; противники стояли такимъ образомъ три дня другъ противъ друга и затѣмъ начали переговоры. Ярополкъ, очевидно желалъ помириться съ Мстиславичами и разстроить ихъ союзъ съ Ольговичами; онъ отдалъ Переяславль брату Андрею, а Волынь Изяславу; этимъ постановленіемъ, мнѣ кажется, до нѣкоторой степени ослаблялась жгучесть переяславскаго вопроса: Андрей, какъ самый младшій изъ Мономаховичей, никоимъ образомъ не могъ претендовать на Кіевъ помимо Юрія, и переяславскій столъ терялъ значеніе ступени къ кіевскому; вопросъ о кіевскомъ столѣ становился открытымъ, и рѣшеніе его предоставлялось будущему. Всеволодъ также „умирился“ съ Ярополкомъ, остав-

---

[1]) Воскрес. I с. 30.

[2]) Бѣляевъ думалъ, что Мономаховичи боялись прихода половцевъ (Разсказы I с. 161), но это невѣроятно.

[3]) Относительно хронологіи этихъ событій я слѣдую Погодину (Хронол. ук. с. 131 сл., 143—9), т. е. хронологіи 1 Новг.; Ипат. и Лавр. спѣшатъ сравнительно съ нею.

[4]) 1 Новг. с. 6: „ходи Всеволодъ съ Новгородьци, хотя брата своего посадити Суждали“.

шись безъ союзниковъ; онъ просилъ возвратить ему Посемье („что ны отець держалъ при вашемъ отци, того же и мы хочемъ“), грозя иначе возобновить военныя дѣйствія, но Ярополкъ, очевидно, не исполнилъ этой просьбы [1]). Это происходило въ началѣ декабря 1134 г.

Одновременно съ походомъ Ольговичей на Переяславскую волость Юрія, новгородцы задумали снова итти на Суздаль; митрополитъ Михаилъ былъ въ это время въ Новгородѣ и всячески отговаривалъ ихъ отъ этого похода; кажется, что онъ былъ и посланъ изъ Кіева съ цѣлью повліять на новгородцевъ. Новгородцы не послушали его и пошли; походъ окончился неудачно; Всеволодъ Мстиславичъ, узнавшій о примиреніи братьевъ съ Мономаховичами, очевидно, самъ стоялъ за миръ съ Юріемъ. Эта перемѣнчивость политики увеличила неудовольствіе новгородцевъ, которое существовало еще прежде, со времени ухода Всеволода на столъ въ Переяславль, и они наконецъ ссадили его со стола и призвали Святослава Ольговича (1136 г.). Вообще перемѣщенія Мстиславичей въ Переяславль дорого обошлись дому Мономаха; еще раньше, благодаря этому, Изяславъ лишился Полоцкой волости, гдѣ была возстановлена прежняя династія; это же обстоятельство повліяло на потерю Новгорода, перешедшаго на время къ Ольговичамъ. Всеволодъ ушелъ къ Ярополку и получилъ отъ него Вышгородъ: этимъ Ярополкъ исполнялъ завѣщаніе Мстислава—заботиться о его дѣтяхъ [2]).

Ольговичи возобновили военныя дѣйствія на слѣдующій (1135) годъ и вмѣстѣ съ половцами снова вторглись въ Переяславскую волость. Ярополкъ съ братьями отправился противъ нихъ, но встрѣтивъ Ольговичей, поторопился вступить въ битву, не дождавшись всего земскаго ополченія, и потерпѣлъ пораженіе; много кіевскихъ бояръ было захвачено въ плѣнъ. Ярополкъ отступилъ, черниговское вой-

---

[1]) Ипат. с. 213—214, Лавр. с. 287—288, 1 Новг. с. 7.; По Ипат. войско стояло 50 дней у Кіева—очевидно, переписчикъ принялъ н҃ за и҃; относительно повторенія извѣстія о передачѣ Переяславля Андрею см. Бестужева-Рюмина О составѣ рус. лѣт. с. 73; мнѣ кажется, что и подъ 1135 г. въ Ипатской л. соединено два разныхъ, взаимно дополняющихъ другъ друга извѣстія.

[2]) Ипат. с. 215, Лавр. с. 288—289, 1 Новг. с. 6—7, Никон. I с. 158—159. О запрещеніи, которое наложилъ по Никон. л. митр. Михаилъ на Новгородъ см. Карамзина II пр. 261.

ско явилось вслѣдъ за тѣмъ у Вышгорода, но перейти за Днѣпръ не рѣшилось. Ярополкъ снова сталъ собирать ополченіе, снова начались пересылки, которыя однако ни къ какому результату не привели. Ольговичи вернулись на нѣкоторое время въ Черниговъ, а въ концѣ года явились снова, перешли за Днѣпръ и стали опустошать окрестности Кіева отъ Стугны до Ирпеня, подошли къ самому Кіеву и на Лыбеди перестрѣливались съ кіевлянами. Населеніе, какъ видно, успѣло укрыться въ Кіевъ; Ольговичи пожгли лишь нѣкоторые опустѣвшіе города (Треполь, Халѣпъ). Ярополкъ между тѣмъ собралъ, по словамъ лѣтописца, „множество вои изо всѣхъ странъ", но не началъ военныхъ дѣйствій, а вошелъ въ переговоры съ Ольговичами и заключилъ съ ними миръ (12 января 1136 г.). Можетъ быть, на него подѣйствовали увѣщанія митрополита Михаила, который съ крестомъ въ рукахъ ходилъ то къ Ольговичамъ, то къ Ярополку; по свидѣтельству Новгородской лѣтописи, посредникомъ между воюющими сторонами былъ также и епископъ новгородскій Нифонтъ; новгородцы вообще были заинтересованы примиреніемъ Мономаховичей и Ольговичей, такъ какъ эта борьба порождала и въ Новгородѣ борьбу партій, и они еще раньше присылали, въ качествѣ посредника, своего посадника — „мирить Кыянъ съ Церниговьци". Лѣтописецъ восхваляетъ смиреніе, обнаруженное при этомъ Ярополкомъ, что онъ „створися мний въ нихъ", памятуя заповѣдь Христову: „любите враги ваша", но братья Ярополка и населеніе, по словамъ того же лѣтописца, были очень недовольны его уступчивостью, и онъ принялъ отъ нихъ „хулу и укоръ". Ольговичамъ Ярополкъ отдалъ „отчину свою, чего и хотѣли". Обыкновенно понимаютъ подъ этимъ уступку Посемья, которой просили Ольговичи въ 1134 г., и это совершенно вѣроятно: дѣйствительно, вскорѣ послѣ этого мы видимъ Курскъ въ рукахъ Ольговичей и отрядъ курянъ ходилъ на помощь Святославу Ольговичу въ Новгородъ. Было высказано мнѣніе, что подъ „отчиною" въ данномъ случаѣ означается право на Кіевъ; это мнѣніе едва ли можетъ быть принято [1]).

---

[1]) Ипат. с. 214—215, Лавр. с. 288—289, 1 Новг. с. 7—8; Карамзинъ II. с. 109, Погодинъ Изслѣд. IV с. 443—4, Соловьевъ II с. 97, Багалѣй Ист. Сѣв. з. с. 191. Предположеніе, что подъ отчиною разумѣлись права на Кіевъ, высказано было Барсовымъ (Географ. Нач. лѣт. с. 310), но если понимать „отчину", и „створися мний въ нихъ" о

Миръ, заключенный съ Ольговичами, продолжался впрочемъ не долго. Дѣла новгородскія, гдѣ Святославъ Ольговичъ, смѣнившій Всеволода Мстиславича, въ свою очередь былъ изгнанъ партіею Мономаховичей, были только предлогомъ; Ольговичи думали не о мести, а желали, пользуясь удобнымъ случаемъ, сдѣлать новыя пріобрѣтенія. Въ 1138 г. они опять вторгаются съ половцами въ Переяславскую волость; Андрей, не получая помощи отъ братьевъ, рѣшился уйти изъ Переяславля, но Ольговичи вошли съ нимъ въ переговоры и „лестными словесы аки бес печали и створиша“; они, очевидно, желали разрознить Мономаховичей. Извѣстіе о томъ, что Святослава Ольговича перехватили на дорогѣ и арестовали въ Смоленскѣ, послужило имъ поводомъ къ новой войнѣ; они призвали новыя орды половцевъ и направились къ Кіеву, но услышавъ, что Ярополкъ „доспѣлъ съ братьею своею“, отступили къ Чернигову. Ярополкъ получилъ на этотъ разъ помощь отъ всѣхъ представителей Мономахова дома; къ нему пришли также подкрѣпленія галичанъ, полочанъ, угровъ и большой отрядъ берендѣевъ, такъ что, по словамъ лѣтописца, у него было „множество вой“. Черниговъ былъ осажденъ. Всеволодъ въ крайности собрался бѣжать къ половцамъ, но вѣче удержало его; онъ послалъ „съ покореньемъ“ къ Ярополку, прося мира. Очевидно, если бы Всеволодъ и заявилъ раньше претензіи на Кіевъ, во всякомъ случаѣ онъ долженъ былъ отказаться отъ нихъ теперь [1]. У Моровійска былъ заключенъ миръ, и князья разошлись во свояси. Этимъ окончилась борьба Ольговичей съ Ярополкомъ, потому что послѣдній скончался вслѣдъ за этимъ 18 февраля 1139 г. [2]).

кіевскомъ столѣ, то это будетъ значить, мнѣ кажется, что Ярополкъ сошелъ съ кіевскаго стола и уступилъ его Всеволоду; въ такомъ смыслѣ ниже употреблено выраженіе „сдворися миний“ о Вячеславѣ (Ипат. с. 217), здѣсь же оно означаетъ просто „смирился“. Братья и все населеніе могли негодовать на Ярополка и за то, что онъ предпочелъ уступить Ольговичамъ, вмѣсто того, чтобы помѣряться силами. „Отчину свою“ Барсовъ относитъ къ Ярополку, но „свою“ можно отнести (и это, по моему, будетъ вѣроятнѣе) къ Ольговичамъ, такъ какъ мѣстоимѣніе „свой“ можетъ относиться не только къ подлежащему, ср. напр. Ипат. с. 246 строка 1, 322 стр. 18.

[1]) Ср. Багалѣя Ист. Сѣв. з. с. 192.

[2]) Ипат. с. 216—7, Лавр. 289—291, 1 Новг. с. 7—8; въ Воскресен. (I с. 31) берендичей тысяча, а не тридцать тысячъ, какъ въ Лавр. и Ипат., и это гораздо болѣе вѣроятно.

Я счелъ нужнымъ остановиться на перепетіяхъ этой борьбы, потому что она близко касалась судьбы кіевскаго стола и служитъ началомъ послѣдующихъ событій, наполняющихъ внѣшнюю исторію Кіевщины въ теченіе полувѣка. Политика Ярополка въ этой борьбѣ—политика по преимуществу братолюбія и миролюбія, потому онъ такъ и нравился лѣтописцу. Ярополкъ, кажется, понималъ, какія сложныя отношенія возбудилъ вопросъ о Кіевѣ, какія темныя силы поднялись вмѣстѣ съ нимъ; не имѣя силъ распутать этотъ гордіевъ узелъ, онъ старался какъ-нибудь уладить, притушить смуту, отдалить рѣшеніе вопроса путемъ уступокъ и компромиссовъ; политика, конечно, не особенно полезная, но иная едва ли и была для него возможна: онъ не пользовался ни средствами, ни авторитетомъ своихъ предшественниковъ, онъ уже не былъ хозяиномъ Русской земли, а лишь первымъ между такими же князьями, какимъ былъ самъ; даже безличный Вячеславъ не слушалъ его. Совершенно искренно желалъ онъ исполнить свое обязательство относительно Мстиславичей, но встрѣтивъ рѣзкую оппозицію со стороны братьевъ, не рѣшается осуществить свое намѣреніе и старается только какъ-нибудь помирить Мономаховичей и Мстиславичей—отдаетъ Переяславль братьямъ и задариваетъ племянника [1]). Несомнѣнно, согласіе было необходимо Мономахову дому въ виду притязаній Ольговичей, но личные интересы брали верхъ, и старанія Ярополка были неудачны. Окончательное утвержденіе Переяславля за Андреемъ, какъ я сказалъ уже, не рѣшало собственно вопроса, а только отсрочивало его и не утвердило добрыхъ отношеній среди дома Мономаха; Мстиславичи считали себя обиженными, и въ послѣдующей борьбѣ съ Ольговичами Ярополку помогаютъ лишь братья—Вячеславъ, Юрій, Андрей; Юрій, очевидно, жилъ въ это время на югѣ. Только во время послѣдней войны Ярополка съ Ольговичами пришли къ нему на помощь и племянники; члены Мономахова дома на этотъ разъ обнаружили сознаніе солидарности относительно Ольговичей: послѣдніе заявили, вѣроятно, слишкомъ большія требованія, можетъ быть они касались Кіева. Но отношенія потомковъ Мономаха между собою оставались натянутыми, и этимъ объясняется послѣдующій захватъ Кіева Ольговичами.

---

1) Никон. I с. 158: это извѣстіе о подаркахъ очень вѣроятно.

Относительно Ольговичей Ярополкъ уступчивъ и склоненъ къ компромиссамъ до крайности. Онъ всячески избѣгаетъ рѣшительной борьбы съ ними, даже имѣя для нея средства; мнѣ кажется, не слѣдуетъ заподозрѣвать извѣстій лѣтописца, когда онъ говоритъ о значительныхъ силахъ Ярополка, за то подозрительно объясненіе политики Ярополка его христіанскимъ смиреніемъ. Ярополкъ въ другихъ случаяхъ обнаруживалъ отвагу и удаль, даже безразсудную, и объяснять его поведеніе малодушіемъ—тоже трудно, особенно когда онъ такъ послѣдовательно держится одного и того же образа дѣйствій. Въ виду запутанныхъ отношеній въ средѣ своихъ родичей, Ярополкъ всячески старался умирить Ольговичей, отстранить ихъ отъ участія въ распряхъ Мономахова дома, не раздражая ихъ опустошеніями или захватами. Послѣдующія отношенія Мономаховичей и Ольговичей показываютъ, что открытая борьба съ Ольговичами, производившая ужасное ожесточеніе съ обѣихъ сторонъ, помогала дѣйствительно такъ же мало, какъ политика компромиссовъ Ярополка, можетъ быть еще меньше.

Весьма вѣроятно, что завладѣвъ Посемьемъ, Ольговичи задумали, въ виду несогласія среди Мономахова дома, отнять у него кіевскій столъ; послѣдняя война, вѣроятно, и была предпринята съ этою цѣлью; но образъ дѣйствій Ольговичей относительно Кіева нельзя назвать удачнымъ: враждуя съ Мономаховичами, они опустошали Кіевскую область и тѣмъ, конечно, возбуждали ненависть населенія; возобновленный ими союзъ съ половцами также не могъ снискать имъ расположеніе у кіевскаго населенія; старая нелюбовь къ черниговскимъ князьямъ, возбужденная Олегомъ, воскресла съ новою силою. Правда, есть основаніе думать, что одновременно Ольговичи заботились о пріобрѣтеніи приверженцевъ среди кіевскаго населенія, устраивали партію, конечно, среди высшаго сословія по преимуществу, но этой партіи суждено было быть въ меньшинствѣ и не имѣть особеннаго вліянія на общество.

Каково было отношеніе кіевскаго населенія къ тѣмъ распрямъ, которыя наполняли княженіе Ярополка? Объ этомъ лѣтописи даютъ весьма мало извѣстій. Трудно судить, насколько популяренъ былъ въ то время Изяславъ Мстиславичъ и насколько интересовало кіянъ соперничество его съ младшими Мономаховичами, но вмѣшательство Ольговичей, которое сопровождалось даже вторженіемъ въ Кіевскую область и опустошеніями окрестностей Кіева, опустошеніями, отъ которыхъ кіевское населеніе успѣло отвыкнуть за послѣдніе двадцать

лѣтъ, должно было вызвать живѣйшую вражду со стороны кіевлянъ; во всѣхъ походахъ на Ольговичей за Днѣпръ, несомнѣнно, участвовало кіевское земское ополченіе, не говоря, конечно, объ оборонительной войнѣ въ предѣлахъ Кіевской области [1]). Слова лѣтописца, что Ярополкъ „хулу и укоръ прия на ся отъ братьѣ своея и отъ всихъ“ [2]) за свою уступчивость, мнѣ кажется, нужно понимать такъ, что и населеніе желало рѣшительной борьбы и наказанія Ольговичей.

Еще меньше лѣтопись даетъ основаній для сужденія объ отношеніи населенія къ самому Ярополку. Лѣтописецъ, несомнѣнно, очень расположенъ къ Ярополку, но его похвалы смиренію и миролюбію этого послѣдняго не даютъ еще права заключать того же относительно населенія. Въ общемъ политика Ярополка согласовалась съ интересами земли, и это, вѣроятно, понимало населеніе, хотя и роптало иногда на уступчивость его; въ отношеніяхъ къ землѣ, къ населенію Ярополкъ, вѣроятно, продолжалъ традицію народолюбства; кромѣ того онъ имѣлъ репутацію славнаго побѣдителя половцевъ, и кіевляне въ общемъ, надо думать, были расположены къ этой „благовѣрной отрасли благовѣрнаго князя“. Лѣтопись изображаетъ его человѣкомъ благочестивымъ, кроткимъ, братолюбивымъ, въ то же время отважнымъ; совсѣмъ не кстати Никоновскій сводъ прибавляетъ, что для непокоряющихся онъ былъ страшенъ, и всѣ его трепетали [3]).

Узнавъ о смерти Ярополка, Вячеславъ немедленно явился и занялъ кіевскій столъ. Суздальская лѣтопись прибавляетъ, что митрополитъ со множествомъ народа встрѣтилъ его и посадилъ на столѣ. Населеніе однако едва ли могло выразить особенное сочувствіе къ Вячеславу; по своимъ способностямъ и характеру, онъ не могъ удержаться на столѣ при существованіи болѣе талантливыхъ претендентовъ, какими были Изяславъ и Юрій: это показалъ онъ достаточно во время спора за Переяславль; кіевляне конечно понимали это, од-

---

[1]) Упоминаемые на стр. 213 и 214 Ипат. л. „вои“—правдоподобно, земское ополченіе.

[2]) Ипат. с. 215.

[3]) Ипат. с. 209, 214—216, 1 Нов. с. 8; Татищевъ II с. 229; Соловьевъ II с. 104—105.

нако не имѣли пока никакой охоты вмѣшиваться въ борьбу претендентовъ и предпочли выжидать [1]).

Но Изяслава и Юрія съ ихъ претензіями предупредилъ Всеволодъ Ольговичъ, благодаря близости своей волости къ Кіеву. Прежде чѣмъ тѣ успѣли заявить такое или иное отношеніе къ вокняженію Вячеслава, Всеволодъ наскоро собралъ небольшую дружину и явился съ родичами въ Вышгородъ: здѣсь у него, надо полагать, была еще раньше значительная партія; по нѣкоторымъ спискамъ лѣтописей, вышгородцы участвовали и въ его походѣ на Кіевъ [2]). Подступивъ къ Кіеву, Всеволодъ началъ зажигать дворы въ Копыревѣ концѣ, чтобы принудить Вячеслава оставить городъ. Вячеславъ протестовалъ, но оружіемъ отстаивать Кіева не рѣшался. Кіевскому населенію претензіи Всеволода, конечно, были тоже очень непріятны: „Кіяномъ же и митрополиту не любо быть се“, говоритъ лѣтописный сводъ [3]); имъ вовсе не хотѣлось подчиняться Ольговичу, но и отстаивать непопулярнаго Вячеслава своими силами они не имѣли, конечно, желанія. Поэтому весьма вѣроятно извѣстіе или домыслъ Татищевскаго свода, что кіевляне, устрашенные пожаромъ, сами стали понуждать Вячеслава выѣхать изъ Кіева, заявляя, что не желаютъ биться за него. Митрополитъ явился посредникомъ между соперниками, Вячеславъ „не хотя крове пролияти, но створися мний“, уступилъ кіевскій столъ и отправился обратно въ Туровъ, а Всеволодъ вступилъ въ Кіевъ 5 марта, двѣ недѣли спустя по смерти Ярополка, „съ честью и славою великою“. „Честь“ эту, конечно, могла оказывать ему только черниговская партія, а не населеніе вообще. Боярамъ и всему народу Всеволодъ задалъ пиръ, а церквямъ и монастырямъ была роздана богатая милостыня; это извѣстіе позднѣйшаго свода вполнѣ вѣроятно: Всеволоду естественно было заботиться о пріобрѣтеніи симпатій духовенства и вообще населенія [4]).

---

[1]) Ипат. с. 217, Лавр. с. 291, Никон. I. 163.

[2]) „С вышегородци“—въ Лавр. Акад. и лѣт. Переясл. Суз. (с. 54), въ Радзивил.—„с Вышегородца“, во всѣхъ спискахъ Ипат. „из Вышегорода“, то же въ Воскр., разсказъ которой самостоятеленъ отъ Ипатской. Возможно, что чтеніе Лавр. возникло и ошибкою изъ второго чтенія.

[3]) Софійск. I. 190. Мѣсто это спутано и приведенныя слова не идутъ къ разсказу, но это-то, думаю, и свидѣтельствуетъ о подлинности ихъ.

[4]) Ипат. и Лавр. l. c. Воскресенск. I. 32. Никоновск. I. 163. Татищевъ II. 260. Ср. Ист. Сѣв. зем. Д. И. Багалѣя с. 192—193. О черниговской партіи см. у П. В. Голубов-

Успѣхъ Всеволода объясняется быстротою нападенія, благодаря которой онъ предупредилъ претендентовъ Мономахова дома, соперничествомъ этихъ послѣднихъ, наконецъ стѣсненнымъ положеніемъ кіевскаго населенія, не имѣвшаго подъ рукою излюбленнаго кандидата. Захватъ Кіева Всеволодомъ основывался лишь на силѣ, былъ узурпаціею, будемъ ли мы разсматривать этотъ фактъ съ точки зрѣнія родовыхъ отношеній или нѣтъ: Всеволодъ не былъ вовсе старшимъ въ родѣ Святослава, и отецъ его не занималъ кіевскаго стола; между тѣмъ линія Мономаха, три представителя которой послѣдовательно занимали его, пріобрѣтала уже какъ бы права собственности на него; вѣроятно, такой именно смыслъ имѣютъ слова, вложенныя въ уста Вячеслава и обращенныя ко Всеволоду: „азъ, брате, пріидохъ здѣ по братіи своей Мстиславѣ и Ярополцѣ, по отець нашихъ завѣщанію: аще ли ты восхотѣлъ еси сего стола, оставя свою отчину, ино, брате, азъ есмь мній тебе буду“ [1]).

Завладѣвъ такъ удачно Кіевомъ, Всеволодъ на первыхъ порахъ выразилъ желаніе войти въ соглашенія съ Мономаховичами—„нача слатися къ Володимеричемъ и ко Мьстиславичема, хотя мира с ними,“ въ особенности съ Изяславомъ; но тѣ не желали мириться съ совершившимся фактомъ: „съсылахуться сами межи собою, хотяче на нь поити Киеву.“ Юрій отправился изъ Суздаля въ Смоленскъ, гдѣ сидѣлъ тогда Ростиславъ Мстиславичъ, и звалъ съ собою новгородцевъ въ походъ на Всеволода; это путешествіе Юрія въ Смоленскъ стояло, думаю, въ связи съ упомянутыми пересылками Мономаховичей: вѣроятно, при посредствѣ Ростислава Юрій желалъ войти въ соглашеніе съ Изяславомъ, но изъ этого ничего не вышло. Мономаховичи не сумѣли объединиться, и походъ ихъ на Всеволода не состоялся. Новгородцы также отказались отъ участія; сынъ Юрія—Ростиславъ, сидѣвшій у нихъ, долженъ былъ оставить столъ, и Юрій занялся борьбою съ Новгородомъ [2]).

скаго—Ист. Сѣв. з. с. 112. Пассивное отношеніе кіевлянъ къ вокняженію Всеволода Ольговича Соловьевъ (II с. 107) объяснялъ тѣмъ, что послѣдній дѣйствовалъ съ согласія популярнаго въ Кіевѣ Изяслава Мстиславича.

[1]) Воскресенск. I. 32. Сужденія объ этомъ см. у Погодина (Изслѣдован. IV. 373), Соловьева (II пр. 217).

[2]) Ипат. с. 218, 1 Новг. с. 8, Никон. I с. 164.

Попытка Мономаховыхъ потомковъ объединиться такимъ образомъ не привела ни къ какимъ результатомъ, между тѣмъ Всеволодъ задался, по словамъ лѣтописца, грандіознымъ планомъ; съ помощью в. князя польскаго, съ которымъ онъ еще раньше породнился, князей галицкихъ и своей братіи онъ задумалъ будто бы завладѣть волостями Мономахова дома: „самъ хотяше землю всю держати.“ Конечно, только собравъ въ своихъ рукахъ много волостей, Ольговичи могли пріобрѣсть прочное верховенство въ Русской землѣ и закрѣпить его, подобно Мономаху, за своимъ родомъ; но планъ этотъ такъ широкъ, что является сомнѣніе, точно ли Всеволодъ имѣлъ его, не были ли эти походы лишь демонстраціей относительно Мономаховичей, или не разыгралъ ли онъ лишь небольшой интермедіи по адресу своихъ родныхъ и двоюродныхъ братьевъ, домогавшихся новыхъ волостей. Одновременно были начаты военныя дѣйствія противъ Изяслава (Волынь), Вячеслава (Туровъ) и Андрея (Переяславль), и вездѣ, какъ и слѣдовало ожидать, неудачно. Войско, отправленное на Изяслава, „пополошилось“ и вернулось; галицкіе князья вошли въ сношенія съ Изяславомъ: имъ было вовсе не желательно, что бы Волынь снова объединилась съ Кіевомъ; дѣло ограничилось тѣмъ, что союзники Всеволода—половцы и ляхи пограбили волости Изяслава и Вячеслава. Андрею Всеволодъ предложилъ перейти изъ Переяславля въ Курскъ; получивъ отказъ, Всеволодъ сталъ мириться съ нимъ; замѣчательно, что Всеволодъ даже не воспользовался при этомъ пожаромъ Переяславля, чтобы повредить Андрею: очевидно, онъ искренно желалъ мира, и это то и возбуждаетъ мысль, не было ли примиреніе съ Мономаховымъ домомъ цѣлью этой войны съ самаго начала. Между Андреемъ и Всеволодомъ былъ заключенъ миръ [1]). Вслѣдъ за тѣмъ прислали къ Всеволоду своихъ пословъ Изяславъ и Вячеславъ „съ рѣчьми, рядитися“; „Всеволодъ же не хотѣ учинити волѣ ихъ и послѣдѣ съдумавъ, оже ему безъ нихъ нѣлзѣ быти и давъ имъ прошение ихъ и крестъ к нимъ цѣлова“ [2]). Я нарочно привелъ это мѣсто, такъ какъ изъ него видно, что переговоры шли не просто о примиреніи и сохраненіи волостей—объ этомъ Изяславъ не сталъ бы просить Все-

---

[1]) Ипат. с. 218—219; Лавр. с. 291—292.

[2]) Ипат. с. 219.

волода, а о чемъ то иномъ, о чемъ еще нужно было „рядиться.“ Позволю себѣ высказать предположеніе, что въ это, может быть, время Всеволодъ далъ обѣщаніе передать по себѣ кіевскій столъ Изяславу, а съ другой стороны, можетъ быть, въ это же время Изяславъ уговорился съ Вячеславомъ о совмѣстномъ наслѣдованіи кіевскаго стола. Мнѣ кажется несомнѣннымъ, что Всеволодъ обѣщалъ Кіевъ Изяславу, иначе трудно объяснить себѣ, почему Изяславъ находился со Всеволодомъ въ хорошихъ отношеніяхъ почти во все время его правленія и не воспользовался его ссорою съ Ольговичами и Давыдовичами; прямо говоритъ о такомъ обѣщаніи Татищевскій сводъ, но по его словамъ, Всеволодъ обѣщалъ послѣ себя Кіевъ Изяславу еще до захвата Кіева и позднѣе мотивировалъ нарушеніе этого обѣщанія тѣмъ, что Изяславъ воевалъ противъ него, „согласяся со стрыями своими“ [1]). Это извѣстіе принимается многими учеными, но съ нимъ трудно согласить извѣстіе лѣтописи о враждебныхъ отношеніяхъ Изяслава ко Всеволоду при вокняженіи послѣдняго и первоначальномъ отказѣ мириться.

Всеволоду дѣйствительно нельзя было быть безъ Мономаховичей, и особенно Изяслава; отношенія его къ своимъ родичамъ были крайне натянуты; слѣдуя принципу „divide et impera,“ который онъ всегда проводилъ, Всеволодъ поссорилъ своего роднаго брата Игоря съ двоюроднымъ Владиміромъ, обѣщавъ Черниговъ обоимъ и отдавъ послѣднему; Игорь даже пошелъ походомъ на Владиміра, желая, вѣроятно, отнять Черниговъ, но потомъ помирился. Брату Святославу Всеволодъ обѣщалъ Переяславль [2]), но, какъ мы видѣли, не добылъ. На время Святославъ былъ отвлеченъ: его призвали въ Новгородъ на мѣсто Ростислава Юрьевича, но скоро онъ рассорился съ новгородцами и бѣжалъ; послѣдніе просили у Всеволода кого-нибудь изъ Мстиславичей, шурьевъ его, но Всеволодъ не желалъ „перепустити Новагорода Володимерю племени,“ далъ Мстиславичамъ „отступного“ —Брестскую волость, отобравъ ее у Вячеслава, и надѣялся, что новгородцы по необходимости возьмутъ княземъ кого-нибудь изъ Ольго-

---

[1]) Татищевъ II. с. 259, 271; см. Соловьева II с. 106—7, Иловайскаго Ист. Рос. I с. 207, Голубовскаго Ист. Сѣв. з. с. 113.

[2]) Ипат. с. 218, Лавр. с. 291; такъ говоритъ и Татищевъ II с. 262, но раньше (с. 259) у него Переяславль былъ обѣщанъ Игорю, а Святославу—Курскъ.

вичей; но тѣ посадили у себя на столѣ опять Ростислава Юрьевича [1]). Всеволодъ выместилъ свою неудачу на владѣніяхъ Юрія: захватилъ Остерскій городокъ и другіе города его и разное имущество. Пользуясь этимъ, Изяславъ сталъ ходатайствовать, чтобы Всеволодъ позволилъ сѣсть въ Новгородѣ Святополку Мстиславичу. Всеволодъ на этотъ разъ согласился и отправилъ шурина въ Новгородъ; Ростиславъ Юрьевичъ былъ снова высланъ, и Святополкъ утвердился въ Новгородѣ [2]). Приведенный фактъ обнаруживаетъ полную солидарность между Всеволодомъ и Мстиславичами: безъ согласія Всеволода они не рѣшаются занять новгородскаго стола; при обиліи враговъ у Всеволода, этого никакъ нельзя объяснить однимъ страхомъ.

Между тѣмъ Святославъ Ольговичъ, вернувшись изъ Новгорода, не могъ удовольствоваться своими волостями; между нимъ и Всеволодомъ происходили по этому поводу переговоры, но они не привели къ соглашенію. Чтобы отвлечь Святослава отъ сближенія съ Игоремъ, Всеволодъ давалъ ему Бѣлгородъ [3]); насколько это содѣйствовало примиренію, неизвѣстно; если и примирило, то не надолго. Какъ видно изъ послѣдующаго, родичи Всеволода, обманувшись въ расчетахъ на кіевскія волости, требовали отъ Всеволода, чтобы онъ предоставилъ имъ свои черниговскія владѣнія—землю вятичей. Но такая уступка поставила бы Всеволода въ зависимость отъ родичей (одними силами Кіевской волости онъ не удержался бы на кіевскомъ столѣ), а этого онъ не желалъ. Отношенія скоро еще болѣе обострились; въ 1141 г. скончался Андрей и переяславскій столъ освободился. Всеволодъ предложилъ перейти на этотъ столъ Вячеславу, на томъ основаніи, что Туровская волость составляетъ принадлежность Кіева, и посадилъ въ Туровѣ сына Святослава; въ дѣйствительности Всеволодъ перевелъ Вячеслава едва ли не для того, чтобы обойти свое прежнее обѣщаніе—предоставить Переяславль брату

---

[1]) Ипат. с. 220 -221, Лавр. с. 292—294, 1 Новг. с. 9.

[2]) Ипат. с. 221—222, Лавр. с. 294, 1 Новг. с. 9; въ Лавр.: „опять уладися (Воскр. I. 33, Тверск. 204—умирися) Всеволодъ с шуринома своима, и да има Новъгородъ"; основываясь на обстоятельныхъ извѣстіяхъ Ипатской л., кажется, едва ли можно предположить въ это время непріязненныя отношенія между Всеволодомъ и Мстиславичами, и „уладися" нужно понимать, какъ „вошелъ въ соглашеніе".

[3]) Ипат. с. 221 (имя Святослава пропущено—его восполнилъ Соловьевъ II пр. 223).

Святославу [1]). Братья Всеволода были возмущены этимъ: „волости даеть сынови, „а братьи не надѣли ничимъ же." Они вошли въ соглашеніе съ Давыдовичами относительно своихъ претензій; Всеволодъ пригласилъ тѣхъ и другихъ на съѣздъ къ себѣ [2]), желая уладиться съ ними; они явились, но остановились за Днѣпромъ—Давыдовичи со Святославомъ въ Ольжичахъ, а Игорь у Городца, а въ Кіевъ ѣхать отказались. Начались пересылки. Всеволодъ предлагалъ имъ по городу въ новопріобрѣтенной Туровской волости, но тѣ рѣшились не принимать надѣловъ въ „Кіевской волости," а добиваться „Черниговьской и Новгороцкой волости" [3]). Всеволодъ не согласился на ихъ требованія. Тогда Ольговичи пошли на Вячеслава, желая добыть себѣ Переяславль, но за него вступились другіе князья: Всеволодъ отправилъ на помощь къ нему Лазаря Саковскаго „с Печенѣгы и с вои," Изяславъ поспѣшилъ къ стрыю своему изъ Владиміра, Ростиславъ изъ Смоленска; Ольговичи были отбиты, Мстиславичи въ отместку разграбили ихъ волости по Сожу и Деснѣ. Всеволодъ чрезъ двоюроднаго брата, печерскаго подвижника—Святошу Давыдовича, вошелъ снова въ переговоры съ родичами; на этотъ разъ они оказались сговорчивѣе и по приглашенію Всеволода явились въ Кіевъ. Вѣрный своей тактикѣ, Всеволодъ и тутъ раздѣлилъ своихъ противниковъ: заключилъ сепаратный договоръ съ Давыдовичами и тѣмъ принудилъ братьевъ согласиться на его предложенія; къ прежнимъ туровскимъ городамъ (Берестье, Дрогичинъ, Клеческъ и Черторыйскъ) онъ придалъ еще четыре города (Вщижъ, Оромину, Юрьевъ Городецъ и Рогачевъ), по два города на брата. Между тѣмъ Вячеславъ, обезпокоенный, вѣроятно, притязаніями Ольговичей, по соглашенію съ Изяславомъ и Всеволодомъ перешелъ обратно въ Туровъ; въ Переяславлѣ сѣлъ Изяславъ, а во Владимірѣ Всеволодъ посадилъ сына Святослава [4]). Во всемъ этомъ эпизодѣ опять-таки замѣтна большая

---

[1]) Ипат. с. 221—222, Лавр. с. 293—294; ср. Ист. Сѣв. зем. Д. И. Багалѣя с. 195.

[2]) По Татищеву (II с. 266)—въ Вышгородѣ, но такъ какъ родичи съѣхались у Кіева, то вѣроятнѣе, что Всеволодъ и приглашалъ ихъ въ Кіевъ.

[3]) П. В. Голубовскій (Ист. Сѣв. з. с. 113—114), отвергая свидѣтельство лѣтописи, что Святославъ сидѣлъ въ Новгородѣ Сѣверскомъ (Ипат. с. 221), полагалъ, что этого Новгорода и добивались Ольговичи.

[4]) Ипат. с. 222—223, Лавр. с. 294.

солидарность между Мстиславичами, Вячеславомъ и Всеволодомъ; очевидно, между ними существовало какое-то соглашеніе, объединявшее ихъ интересы; объединить же ихъ едва ли могло что-нибудь другое, кромѣ договора, по которому бы послѣ Всеволода наслѣдовалъ Кіевъ Изяславъ Мстиславичъ, при томъ, совмѣстно съ Вячеславомъ: иначе трудно объяснить себѣ энергичную поддержку оказанную Вячеславу со стороны Мстиславичей и переходъ Изяслава въ Переяславль: волость эта была хуже Волыни, и Изяславъ, очевидно, имѣлъ въ виду что-нибудь большее, чѣмъ ее только. Этотъ союзъ Всеволода съ Мстиславичами сердилъ Ольговичей: „осажался ими около, а намъ на безголовие и безъмѣстье, и собѣ,“ роптали они и все докучали Всеволоду, совѣтуя разорвать эту дружбу — „онъ же воли ихъ не учини“ [1]).

Это было въ началѣ 1143 г.; начиная съ этого времени отношенія Ольговичей къ Всеволоду уже измѣняются; вражды болѣе между ними нѣтъ. Всеволодъ обѣщаетъ кіевскій столъ послѣ себя Игорю, но до времени это обѣщеніе оставалось въ тайнѣ, и добрыя отношенія между Всеволодомъ и Мстиславичами продолжались. Такъ въ 1143 г. Всеволодъ съ кіевскими боярами гулялъ въ Переяславлѣ у Изяслава, на свадьбѣ его дочери [2]); Мономаховичи принимаютъ участіе въ походѣ Всеволода на Володимірка галицкаго. Обѣ стороны въ это время, очевидно, озабочены пріобрѣтеніемъ союзниковъ въ виду той борьбы, которая непремѣнно должна была возникнуть за кіевскій столъ по смерти Всеволода. Игорь старается примирить Всеволода съ Володиміркомъ, желая пріобрѣсть „приятеля“ для этой цѣли. Еще раньше Изяславъ отправляется на сѣверъ къ Юрію, отъ него къ братьямъ — Ростиславу, въ Смоленскъ, и Святополку, въ Новгородъ. Съ Юріемъ онъ не успѣлъ „уладиться“: вѣроятно, онъ желалъ войти въ соглашеніе съ нимъ относительно кіевскаго стола; въ связи съ этимъ вопросомъ, очевидно, стоитъ и посѣщеніе братьевъ [3]).

Въ 1145 году Всеволодъ открылъ свои карты: онъ, вѣроятно, ожидалъ близкой смерти и счелъ нужнымъ заранѣе объявить завѣщаніе, вообще имѣвшее нѣкоторый вѣсъ при пріобрѣтеніи столовъ.

---

[1]) Ипат. с. 224.
[2]) Ипат. с. 224, Лавр. с. 295.
[3]) Ипат. с. 224, 226, Лавр. с. 294—5, 296.

Онъ призвалъ въ Кіевъ братьевъ, Владиміра Давыдовича и Изяслава Мстиславича, объявилъ, что передаетъ послѣ себя кіевскій столъ Игорю, мотивируя это тѣмъ, что и Мономахъ, пріобрѣвъ кіевскій столъ, такимъ же образомъ закрѣпилъ его за своимъ родомъ, и предложилъ присутствовавшимъ князьямъ цѣловать крестъ въ томъ, что признаютъ Игоря кіевскимъ княземъ и не будутъ претендовать на надѣлы. Изяславъ Мстиславичъ, хотя „много замышлялъ," но счелъ за лучшее поцѣловать крестъ и ожидать болѣе удобнаго времени для своихъ претензій [1]). Впрочемъ въ послѣдовавшемъ за этимъ походѣ въ Польшу онъ не принялъ участія—„разболѣся," неизвѣстно, притворно, или дѣйствительно [2]). Относительно другого похода—на Володимірка Галицкаго (1146 г.)—въ лѣтописяхъ разногласіе: по Кіевской въ этомъ походѣ участвовалъ Изяславъ съ Ростиславомъ, по Суздальской—онъ былъ оставленъ дома; если онъ участвовалъ дѣйствительно, то, значитъ, затаилъ свое неудовольствіе до времени [3]).

Послѣдніе годы правленія Всеволода были заняты войнами съ Володимірκомъ и польскими князьями. Слѣдуя традиціонной политикѣ своего дома—не допускать соединенія Волыни съ Кіевомъ, прежній союзникъ Всеволода—Володимірко „раскоторался" съ нимъ, когда на Волыни сѣлъ Святославъ Всеволодовичъ. Въ 1143 году Всеволодъ отправился на Володимірка съ большимъ войскомъ, но послѣдній избѣгъ опасности: привлекъ на свою сторону Игоря, обѣщая ему содѣйствовать въ пріобрѣтеніи кіевскаго стола, и при его посредствѣ помирился съ Всеволодомъ, заплативъ контрибуцію; эту контрибуцію Всеволодъ раздѣлилъ между участниками похода [4]). Однако миръ былъ не продолжителенъ; Володимірко захватилъ Прилукъ и лѣтомъ 1146 г., уже передъ смертью, Всеволодъ отправился вторично на него походомъ; весьма вѣроятно, что при этомъ онъ поддерживалъ соперника Володимірка, его племянника—Ивана Берладника, который нашелъ себѣ убѣжище

---

[1]) Ипат. с. 227; начало рѣчи Всеволода, къ сожалѣнію, не сохранилось (ср. восполненіе Татищева II с. 271).

[2]) Причиною могло быть и то, что походъ предпринимался, между прочимъ, на Болеслава Кудряваго, родственника Изяслава—см. Линниченко, Взаимн. отн. с. 157.

[3]) Ипат. с. 227—228, Лавр. с. 297.

[4]) Ипат. с. 225—6, Лавр. с. 295—6.

въ Кіевѣ; возможно, что это-то обстоятельство и обострило вторично отношенія Володимірка къ Всеволоду [1]). Въ Кіевѣ Всеволодъ оставилъ брата Святослава, едва ли не про случай смерти. Походъ былъ безуспѣшный: можетъ быть, болѣзнь заставила Всеволода поторопиться возвращеніемъ [2]).

Походы въ Польшу предпринимались Всеволодомъ по просьбѣ его союзника—Владислава, сына Болеслава Кривоустаго. Послѣдній находился въ непріязненныхъ отношеніяхъ со своими братьями и нуждался въ поддержкѣ извнѣ; съ самаго вокняженія Всеволода въ Кіевѣ Владиславъ находится съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ—дружба эта была скрѣплена женитьбою сына Владислава—Болеслава на дочери Всеволода, между тѣмъ какъ соперникъ его—Болеславъ Кудрявый былъ женатъ на племянницѣ Изяслава. Владиславъ, вѣроятно, помагалъ Всеволоду въ первоначальной борьбѣ его съ Изяславомъ Мстиславичемъ, онъ же участвуетъ въ походѣ на Володимірка 1144 г.; на свадьбѣ одной изъ дочерей Всеволода въ Кіевѣ гуляли между прочимъ и „безбожни ляхове“ [3]). Съ своей стороны, Всеволодъ два раза (въ 1142 и 1145 г.) посылалъ Владиславу вспомогательные отряды „на братью его меньшую“ [4]). Вслѣдъ за тѣмъ Владиславъ однако былъ изгнанъ изъ Польши; самъ онъ отправился за помощью въ Германію, а сына Болеслава отправилъ къ Всеволоду; этотъ Болеславъ жилъ при дворѣ Всеволода до смерти его [5]), смерть, вѣроятно, и помѣшала Всеволоду помочь своему свату.

Относительно половцевъ Всеволодъ продолжалъ политику своего отца. Еще при Мстиславѣ и Ярополкѣ онъ пользовался ихъ помощью

---

[1]) Ср. Зубрицкаго ор. с. II с. 63.

[2]) Ипат. с. 228, Лавр. с. 296—7.

[3]) Ипат. с. 215, 219, 220, 224, 225. Объ отношеніяхъ Всеволода и Владислава см. Соловьева II с. 118—119, Линниченка Взаимн. отн. с 152—159; о бракахъ см. у г. Линниченка с. 59, 60 и Соловьева II пр. 235.

[4]) Ипат. с. 224, 227, Лавр. с. 294.

[5]) Ипат. с. 228 (и Болеслава, лядьскаго князя) и 229 (Володислава зятя своего); послѣднее мѣсто возбуждаетъ сомнѣніе и, по всей вѣроятности, испорчено; очень возможно, что вмѣсто Владислава нужно тутъ читать „Болеслава“, см. Линниченко ор. с. 158—159, Андріяшевъ ор. с. с. 122; другіе ученые принимали чтенія лѣтописи—Карамзинъ II с. 118, Соловьевъ II пр. 235, Бестужевъ-Рюминъ, О составѣ р. л. с. 75.

противъ Мономаховичей. Сдѣлавшись кіевскимъ княземъ, онъ поддерживалъ къ нимъ прежнія отношенія; половцы участвовали въ походѣ на Мономаховичей (1139 г.), при чемъ повоевали волость Туровскую, и на Володимірка (1146 г.). Эта политика, вовлекавшая половцевъ въ распри князей и дававшая имъ возможность разорять русскія земли, была, несомнѣнно, очень пагубна; она ободряла половцевъ послѣ пораженій, нанесенныхъ Мономаховичами, и пріучала къ самостоятельнымъ вторженіямъ въ Русь. Неудобства ея испыталъ, кажется и самъ Всеволодъ; по извѣстію Никоновскаго свода, половцы, еще до вокняженія Всеволода въ Кіевѣ (1140 г.), разорили Посемье, и Всеволодъ, занявъ Кіевъ, ходилъ на нихъ походомъ и много избилъ [1]); въ томъ же году у Малотина, въ землѣ Переяславской, Всеволодъ и Андрей съѣзжались съ князьями всей Половецкой земли и заключили съ ними миръ, т. е. купили его [2]). Такое поведеніе половцевъ вполнѣ понятно: при раздробленности племеннаго строя ихъ, дружба съ одними колѣнами нисколько не гарантировала отъ нападеній другихъ, не ожидавшихъ уже призыва для того, чтобы грабить русскія земли.

Мы видѣли уже, что захватъ Кіева Всеволодомъ былъ очень непріятенъ кіевлянамъ, и они покорились только для того, чтобы не подвергнуть страну разоренію. За время княженія Всеволода Ольговичи не только не успѣли пріобрѣсть симпатій населенія, но еще болѣе оттолкнули его. Кіевское боярство, несомнѣнно, было недовольно преобладаніемъ пришлыхъ черниговскихъ бояръ. Есть основаніе предполагать, что и съ митрополитомъ произошло какое-то столкновеніе, вслѣдствіе котораго онъ уѣхалъ въ Константинополь [3]). Народъ былъ сердитъ на княжескихъ тіуновъ, тоже, вѣрно, пришлыхъ, разорявшихъ народъ „продажами“ [4]). Неудовольствіе населенія, привыкшаго къ традиціонной борьбѣ съ кочевниками, долженъ былъ возбуждать и

---

[1]) Никон. I. с. 161 и 163.

[2]) Ипат. с. 220, Лавр. с. 292; Малотинъ пріурочиваютъ вслѣдъ за Ходаковскимъ (Карамзинъ II пр. 274) къ Малютинцамъ на Оржицѣ.

[3]) Объ этомъ см. ниже, въ обзорѣ внутреннихъ отношеній.

[4]) Татищевскій сводъ прибавляетъ еще, что населеніе возмущалось распутствомъ Ольговичей см. II с. 281, 284, 312; второе свидѣтельство особенно кажется мнѣ сомнительнымъ: неужели и жители Поросья терпѣли отъ этого распутства.

союзъ съ половцами: лѣтопись упоминаетъ о разореніи этими союзниками Всеволода Туровской волости,—конечно, при этомъ пострадала и волость Кіевская. Тѣмъ не менѣе населеніе терпѣливо сносило господство Всеволода, потому ли, что находило возстаніе слишкомъ рискованнымъ и опаснымъ, или просто вслѣдствіе инертности. Негодованіе проявилось лишь по смерти Всеволода. Любопытно одно случайное замѣчаніе лѣтописца: разсказывая о свадьбѣ дочери Изяслава, онъ говоритъ, что на это торжество пришелъ Всеволодъ „со всѣми бояры и с Кыяны" [1]; кіяне здѣсь противополагаются боярамъ Всеволода, подъ ними слѣдовательно нужно разумѣть представителей земства, а послѣднихъ едва-ли привелъ на это торжество Всеволодъ [2]; скорѣе ихъ пригласилъ Изяславъ, или они сами отправились къ нему. Не можетъ ли это указывать на существованіе сношеній недовольнаго кіевскаго населенія съ Изяславомъ? Живя въ Переяславлѣ, Изяславъ могъ легко поддерживать подобныя сношенія, и послѣдующія событія даютъ поводъ предполагать ихъ существованіе.

Оглядываясь на княженіе Всеволода, нельзя не признать въ немъ замѣчательныхъ способностей политика. Необыкновенно ловко воспользовавшись раздоромъ среди Мономаховичей, онъ съ помощью своей братіи захватываетъ Кіевъ и заставляетъ своихъ соперниковъ примириться съ этимъ фактомъ. Утвердившись въ Кіевѣ, онъ сближается съ Мономаховичами и пріобрѣтаетъ ихъ содѣйствіе—вѣроятно, благодаря обѣщанію передать имъ Кіевъ; съ помощью Мономаховичей даетъ отпоръ претензіямъ своей братіи, добивавшейся вознагражденія за свою поддержку, заставляетъ ихъ смириться и покориться. Усмиривъ такимъ образомъ однихъ враговъ съ помощью другихъ, онъ уже не считаетъ нужнымъ притворяться и завѣщаетъ столъ Игорю; дѣйствительно Мономаховичи не нашли возможнымъ воспротивиться этому. Oderint, dum metuant было девизомъ Всеволода, и политика его дала, повидимому, блестящій результатъ: вся почти Русь (исключая лишь окраинъ), была въ сферѣ его вліянія; походъ на Володимірка 1144 г., въ которомъ приняли участіе Игорь и Святославъ Ольговичи, Владиміръ Давыдовичъ, Ростиславъ Глѣбовичъ (племянникъ Всеволода),

---

[1]) Лавр. с. 295.

[2]) Какъ думалъ впрочемъ Бѣляевъ—Разсказы I с. 196.

Вячеславъ, Изяславъ и Ростиславъ Мстиславичи, Борисъ и Глѣбъ Всеволодковичи городенскіе и польскій великій князь Владиславъ, была какъ бы внѣшнимъ выраженіемъ этого вліянія; только полоцкіе князья были внѣ этого вліянія, отчасти Новгородъ, да Юрій продолжалъ оставаться въ оппозиціи, хотя пассивной: ему пришлось терпѣливо перенести опустошеніе своихъ владѣній и проглотить обиду.

Отдавая справедливость уму и политической ловкости Всеволода —что признаютъ за нимъ и лѣтописцы [1]),—признавая въ немъ одну изъ выдающихся личностей XII в., историкъ не можетъ добромъ помянуть его: дѣятельность Всеволода, несомнѣнно, была вредна для Южной Руси; она внесла въ современную политику новыя усложненія и смуты, въ конецъ расшатавшія политическій строй Руси, она же до нѣкоторой степени возвратила степнякамъ ихъ прежнюю пагубную роль относительно ея. Этого, конечно, Всеволодъ не понималъ и не желалъ, онъ не былъ такимъ сознательнымъ разрушителемъ, какъ Андрей Боголюбскій. Почва для его дѣятельности была подготовлена предшествующими политическими отношеніями, то же, что сдѣлалъ онъ, сдѣлалъ бы, вѣроятно, и другой Святославичъ рано или поздно, хотя, можетъ быть, и съ меньшимъ талантомъ и успѣхомъ. Его цѣлью было благополучіе собственное и своего дома, для этой цѣли онъ не останавливался ни передъ чѣмъ; но успѣхи его были не прочны: созданное имъ могущество Ольговичей рушилось тотчасъ по смерти его. Вообще Всеволодъ во многомъ напоминаетъ своего дѣда—Святослава: та же беззастѣнчивая, но талантливая политика, недолговѣчное могущество и недобрая память потомства [2]).

Вернувшись изъ похода на Володимірка, Всеволодъ разболѣлся; почувствовавъ близость смерти, онъ призвалъ къ себѣ братьевъ—Игоря

---

[1]) Лавр. с. 290 (сп. Радзив. и Акад.): „яко смысленъ сый“; этихъ словъ нѣтъ у кіевскаго лѣтописца.

[2]) Характеристику его см. у Татищева II с. 281, Карамзина II, с. 122, Соловьева II с. 120, Голубовскаго Ист. Сѣв. з. с. 121. Карамзинъ называетъ его лучшимъ изъ князей Олегова мятежнаго рода, приписываетъ ему „государственныя благодѣянія“; П. В. Голубовскій находитъ, что Всеволодъ „умѣлъ прикрыться и обще-русскими интересами, и въ этомъ случаѣ, возможна паралель между нимъ и Владиміромъ Мономахомъ“; я этого не нахожу.

и Святослава и отправился въ Вышгородъ, быть можетъ, надѣясь на исцѣленіе у мощей святыхъ угодниковъ [1]). Болѣзнь усилилась, и Всеволодъ остался подъ Вышгородомъ на островѣ [2]), уже, вѣроятно, не будучи въ силахъ вернуться въ Кіевъ. Сюда призвалъ онъ представителей кіевскаго населенія и рекомендовалъ имъ въ князья брата Игоря: „азъ есмь велми боленъ, а се вы братъ мой Игорь, имѣтесь по нь. Они же рекоша: княже, ради ся имемь“ (съ радостію принимаемъ). Послѣ этого Игорь отправился съ ними въ Кіевъ, было созвано общее вѣче, на которомъ Игорь уже всенародно былъ избранъ княземъ. На другой день онъ вернулся въ Вышгородъ и принялъ присягу отъ вышгородцевъ; этотъ фактъ имѣлъ, кажется, характеръ любезности относительно вышгородцевъ, такъ какъ рѣшеніе старѣйшаго города собственно было само по себѣ обязательно для пригорода: Ольговичи имѣли, повидимому, сильную поддержку въ Вышгородѣ и покровительствовали ему [3]). Постаравшись такимъ образомъ подкрѣпить народнымъ согласіемъ свое завѣщаніе, Всеволодъ послалъ пословъ къ Давыдовичамъ и Изяславу Мстиславичу, какъ возможнымъ претендентамъ, съ напоминаніемъ, что они клялись признать кандидатуру Игоря; тѣ подтвердили свое согласіе, но Всеволодъ уже не услышалъ ихъ отвѣта, такъ какъ скончался на другой день послѣ отправленія посольства, 1 августа 1146 г.; онъ былъ погребенъ въ Вышгородѣ же въ церкви св. Бориса и Глѣба [4]). Лѣтопись молчитъ о какихъ-либо выраженіяхъ народной скорби; ихъ, вѣроятно, и не было: Всеволодъ имѣлъ союзниковъ, но едва ли были у него почитатели.

Похоронивъ Всеволода, Игорь отправился въ Кіевъ, чтобы снова принять присягу, уже въ качествѣ дѣйствительнаго князя. „Кыяне

---

[1]) Лавр. с. 297: „везоша и Вышегороду“; Карамзинъ II с. 122, Иловайскій I. 213.

[2]) См. выше с. 24.

[3]) Линниченко, Вѣче с. 38. Этотъ ученый объясняетъ призваніе кіевскихъ представителей въ Вышгородъ тѣмъ, что Всеволодъ больше довѣрялъ вышгородцамъ; но это обстоятельство вѣроятнѣе будетъ объяснить болѣзнью Всеволода: едва ли могъ бы чѣмъ-нибудь помочь вызовъ кіевскихъ представителей; Игорь поѣхалъ затѣмъ за присягою въ Кіевъ, слѣдовательно надѣялись на согласіе всего населенія.

[4]) Ипат. с. 229, Лавр. с. 297; въ послѣдней другая дата—30 іюля, но дата Ипатской л. подтверждается позднѣйшимъ указаніемъ—Ипат. с. 475.

вси" были созваны на Ярославль дворъ и безпрекословно цѣловали крестъ Игорю. Но вслѣдъ за тѣмъ происходитъ новое вѣче, по иниціативѣ уже самаго населенія, на которомъ кіяне рѣшаютъ представить свои требованія новому князю: очевидно, предшествовавшее вѣче происходило при обстановкѣ, неудобной для выраженія претензій, или населеніе было захвачено врасплохъ и не успѣло притти къ опредѣленнымъ рѣшеніямъ [1]). Теперь припоминали всѣ непріятности прошлаго княженія и рѣшили впредь гарантировать себя отъ нихъ. Вѣче послало за княземъ, но Игорь послалъ вмѣсто себя для переговоровъ брата Святослава. Кіяне предъявили жалобы на княжескихъ тіуновъ: „Ратша ны погуби Кыевъ, а Тудоръ Вышегородъ, а нынѣ, княже Святославе, цѣлуй намъ крестъ и зъ братомъ своимъ: аще кому насъ будетъ обида, то ты прави" [2]). Святополкъ цѣловалъ крестъ за себя и брата, обѣщая, что населеніе не будетъ терпѣть болѣе никакого насилія, и народныя требованія относительно тіуновъ будутъ исполнены: „азъ цѣлую крестъ за братомъ своимъ, яко не будеть вы насилья никоторого же, а се вамъ и тивунъ (а тивуны—Воскр.) а по вашей воли" [3]). Заключивъ такой „рядъ" съ княземъ, кіевляне снова ему присягнули; взаимная присяга затѣмъ была повторена между Игоремъ и представителями вѣча—лучшими мужами, на этихъ же условіяхъ. Игорь уѣхалъ послѣ этого ряда, разъѣхались, вѣроятно, и „лучшіе мужи". Тогда „люди", т. е. извѣстная, бѣднѣйшая часть

---

[1]) Татищевъ (II с. 282), чтобы объяснить фактъ двукратнаго вѣча, говоритъ, что первое вѣче состояло лишь изъ знатныхъ лицъ, второе было всенародное, но по Ипат. л. въ обоихъ случаяхъ дѣйствуютъ „вси Кияне".

[2]) Въ Воскр. (I. 35): „аще кому до насъ будетъ дѣло какое, да сами насъ судите". Слова вѣча о Вышгородѣ незачѣмъ объяснять непримѣнно присутствіемъ вышгородцевъ: оно и безъ того обязано было блюсти интересы пригородовъ.

[3]) Послѣднее выраженіе неясно; Татищевъ (II с. 282), за нимъ нѣкоторые другіе (напр. Костомаровъ Моногр. I с. 209) понимали это, какъ предоставленіе народу избранія тіуновъ; я думаю, что дѣло скорѣе шло лишь объ апелляціи на нихъ. Въ Воскр. условія ряда изложены полнѣе, но, кажется, съ нѣкоторою путаницею: тіуны не должны вовсе судить народа, и въ то же время постановляется, чтобы они брали судебные штрафы не по произволу, „а урокомъ" („азъ, брате, цѣловалъ крестъ на томъ Кіяномъ, яко быти тебѣ княземъ во правду, а людемъ кому до кого обида будетъ, ино ти ихъ судити во правду самому, или мнѣ, а тіуномъ ихъ не судити, ни продавати; а что были тивуны брата нашего Ратша и Тудоръ, а тѣмъ не быти, а коимъ будетъ быти, ино имъ имати съ суда урокомъ, а въ свою волю имъ людей не продавати".

населенія, начали громить дома ненавистныхъ княжескихъ чиновниковъ—тіуна Ратши и мечниковъ; Святославъ съ дружиной едва прекратили это движеніе. Но вслѣдъ за тѣмъ во всемъ населеніи стало обнаруживаться неудовольствіе противъ Игоря въ пользу Изяслава Мстиславича: по свидѣтельству Воскресенской лѣтописи, вполнѣ вѣроятному, Игорь не исполнилъ тѣхъ обѣщаній, которыя далъ народу, и это было причиною неудовольствія [1]. Это между тѣмъ стало, конечно, извѣстно Изяславу, и когда Игорь послалъ къ нему посла съ извѣстіемъ о смерти Всеволода и напоминаніемъ о присягѣ, онъ уже не отвѣчалъ и задержалъ посла. Игорь обратился къ Давыдовичамъ; тѣ стали уже требовать за помощь надѣловъ; Игорь вынужденъ былъ удовлетворить ихъ требованія. Въ то же время, замѣтивъ, вѣроятно, неудовольствіе и броженіе въ населеніи, онъ старается привязать къ себѣ прежнихъ бояръ Всеволода: лѣтопись разсказываетъ о его переговорахъ съ тысяцкимъ Улѣбомъ и Иваномъ Войтишичемъ, которымъ онъ обѣщалъ сохраненіе занимаемыхъ ими должностей. Но народное неудовольствіе обнаружилось, очевидно, настолько сильно, что помянутые бояре, принявшіе сторону Всеволода, не сочли выгоднымъ связывать долѣе свою участь съ участью Ольговичей; они, напротивъ, входятъ въ сношенія Изяславомъ, чтобы заручиться его расположеніемъ, и одновременно лицемѣрятъ предъ Ольговичами [2].

Наконецъ кіевляне послали Изяславу приглашеніе на кіевскій столъ. Изяславъ не медля двинулся изъ Переяславля. Его походъ, можно сказать, былъ тріумфальнымъ шествіемъ. Перейдя Днѣпръ (у Заруба), онъ встрѣтилъ представителей черныхъ клобуковъ и всего Поросья, которые привѣтствовали его, какъ князя: „ты нашъ князь, а Олговичь не хочемъ, а поѣди вборзѣ и мы съ тобою"; затѣмъ ихъ ополченія присоединились къ полку Изяслава у Дерноваго; тутъ же встрѣтили его представители Бѣлгорода и Василева, далѣе „мужи отъ Кіянъ", съ тѣми же привѣтствіями: „ты князь нашъ" и выражені-

---

[1]) Воскр. I с. 35, Татищевъ II с. 283. Воскресенская лѣт. въ этой части очень сходна съ Ипат., но самостоятельна отъ дошедшихъ списковъ послѣдней, заполняетъ ихъ пробѣлы и представляетъ нѣкоторые весьма вѣроятные варіанты. Настоящее свидѣтельство ея принимали Карамзинъ II с. 123, Соловьевъ II с. 121.

[2]) Иванъ Войтишичъ былъ бояриномъ Мономаха и Мстислава, затѣмъ перешелъ на сторону Всеволода.

ями преданности: „поѣди, Олговичевъ не хочемъ быти акы в задничи (наслѣдственнымъ достояніемъ), где узримъ стягъ твой, ту и мы с тобою готови есмь". Изяславъ держалъ къ нимъ рѣчь, гдѣ ссылался на свое отчинное право на Кіевъ и объяснялъ, что терпѣлъ господство Всеволода въ силу лишь родственныхъ связей (какъ старшаго зятя), „а съ сими како ми Богъ дасть и сила животворящаго креста, да любо си голову положю передъ вами, любо си налѣзу столъ дѣда своего и отца своего".

Между тѣмъ въ Кіевѣ населеніе оказывало внѣшнюю покорность Ольговичамъ; по словамъ лѣтописца, на совѣщаніи съ боярами, сторонниками Изяслава, было рѣшено передаться на сторону послѣдняго, когда онъ подступитъ къ Кіеву. 13 августа Изяславъ подступилъ къ Кіеву, предупредивъ Давыдовичей, которые шли на помощь Игорю. Ольговичи вышли на встрѣчу съ дружиною; кіевское ополченіе, „многое множьство", стало особнякомъ: мы не знаемъ, вывели ли его Ольговичи, или оно вышло само, чтобы принять участіе въ борьбѣ въ защиту Изяслава; послѣднее едва ли не вѣроятнѣе. Когда Изяславъ подошелъ, кіевское ополченіе перешло на его сторону; вслѣдъ затѣмъ измѣнили и кіевскіе полки подъ начальствомъ Улѣба и Ивана Войтишича. Игорь съ сѣверскою дружиною хотѣлъ было биться, но войско его очутилось въ неудобной позиціи, было окружено и разсѣялось. Изяславъ „с великою славою и честью" въѣхалъ въ Кіевъ, встрѣченный всѣмъ духовенствомъ города и множествомъ народа [1]).

Я изложилъ факты, какъ они сообщаются лѣтописями; спрашивается, какъ понимать въ этомъ случаѣ образъ дѣйствій кіевскаго населенія? Въ Кіевской лѣтописи, при описаніи присяги, которую дали кіевляне Игорю еще при жизни Всеволода, замѣчено, что они „яшася по нь лестью" [2]). Выходитъ, будто кіевляне лицемѣрили уже съ самаго начала, не желая подчиниться Игорю. Но если бы они тогда уже рѣшились свергнуть Игоря, чѣмъ же можно объяснить медленность ихъ? вѣдь смерть Всеволода и походъ Изяслава раздѣлены двѣнадцатидневнымъ промежуткомъ; а главное, какой смыслъ имѣлъ рядъ съ Игоремъ? Мнѣ кажется, что упомянутое замѣчаніе,

---

[1]) Ипат. с. 230—233, Лавр. с. 297, 1 Новг. с. 10.
[2]) Ипат. с. 229.

заимствованное составителемъ Кіевской лѣтописи, вѣроятно, изъ черниговскаго источника [1]), ретроспективно и тенденціозно. Въ дѣйствительности, вѣроятно, существовала еще раньше партія Изяслава Мстиславича, находившаяся въ сношеніяхъ съ нимъ и вербовавшая себѣ сторонниковъ среди лицъ, недовольныхъ Ольговичами. Затѣмъ въ обществѣ всегда найдется значительный процентъ людей, которые мирятся съ существующимъ фактомъ потому лишь, что онъ существуетъ; эта часть, составлявшая въ тотъ моментъ, вѣроятно, большинство, готова было признать Игоря. Наконецъ существовала какая-нибудь и черниговская партія. Цѣлуя крестъ Игорю, большинство населенія дѣйствительно видѣло въ немъ своего князя, и рядъ съ Игоремъ имѣлъ для нихъ серьезное значеніе. Нарушеніемъ обѣщаній Игорь возбудилъ противъ себя населеніе; надежда устроиться какъ-нибудь съ Ольговичами исчезала, партія Изяслава все усиливалась, пока наконецъ масса населенія не приняла открыто его сторону. Но и здѣсь, не желая рисковать собою, населеніе не выступаетъ открыто противъ Ольговичей, а лицемѣритъ и выжидаетъ наиболѣе безопаснаго момента. Такимъ представляется мнѣ ходъ этого движенія.

Возвращаюсь къ теченію событій. По вокняженіи Изяслава черниговская дружина и черниговская партія подверглись гоненію; ихъ дома и села были разграблены, самихъ отпускали за выкупъ [2]). Игорь, найденный въ Дорогожицкомъ болотѣ, былъ посаженъ въ порубъ въ Переяславлѣ, но другого плѣнника — Святослава Всеволодовича, своего сестричича, Изяславъ обласкалъ и надѣлилъ волостью (Божскій, Межибожье, Котельница и еще два города), съ цѣлью, между прочимъ, отвлечь его отъ союза со Святославомъ Ольговичемъ, который пытался устроить противъ Изяслава коалицію съ Давыдовичами. Волынь, которою владѣлъ Святославъ Всеволодовичъ, Изяславъ оставилъ за собою,

[1]) См. у Бестужева-Рюмина О составѣ р. л. с. 80, Хрущова О древнерус. ист. повѣстяхъ с. 162; о тенденціозности въ лѣтописи вообще см. у Бестужева-Рюмина с. 91, возраженія у Хрущова с. 173.

[2]) Ипат. с. 233: „взяша имѣнья много в домехъ и в монастырехъ“. Г. Иловайскій (I с. 215) объясняетъ это такъ, что въ монастыряхъ разыскивали отданное на храненіе имущество дружины Ольговичей.

но затѣмъ неожиданно Вячеславъ на этотъ столъ посадилъ племянника—Владиміра Андреевича; одновременно онъ завладѣлъ и городами, которые были отобраны у него раньше Всеволодомъ и отданы Ольговичамъ и Давыдовичамъ. По словамъ лѣтописца, Вячеславъ поступилъ такъ по совѣту своихъ бояръ, надѣясь на свое старѣйшинство. Позже Вячеславъ говорилъ, будто Изяславъ, идя на Игоря, заявлялъ, что ищетъ Кіева не себѣ, но Вячеславу, и Изяславъ каялся предъ нимъ, что не положилъ на немъ чести [1]). Заподозрѣвать справедливость словъ Вячеслава нѣтъ повода, особенно принимая во вниманіе обстоятельства, при которыхъ они были сказаны; вѣроятно, Изяславъ, идя на Игоря, чтобы избавить себя отъ лишняго соперника, подавалъ надежду Вячеславу, что предоставитъ Кіевъ ему; какъ говорилъ я уже, едва ли не было между ними еще раньше какого-нибудь соглашенія въ этомъ родѣ. Но завладѣвъ Кіевомъ, Изяславъ не торопился осуществить эту надежду или обѣщаніе, а старикъ Вячеславъ, „отъ радости не приложивъ чти къ Изяславу“, поспѣшилъ войти въ роль кіевскаго князя. Раздраженный самоуправствомъ Вячеслава, Изяславъ не только отнялъ Волынь, но и самого его вывелъ изъ Турова, вѣроятно въ Пересопницу, приближенныхъ его, какъ совѣтниковъ, заключилъ въ оковы, а въ Туровѣ посадилъ своего сына Ярослава [2]).

Когда сдѣлалось извѣстнымъ пораженіе Игоря, половцы поспѣшили прислать посольство—„мира просяче“; выраженіе это можно, мнѣ кажется, принимать и въ буквальномъ смыслѣ: они могли опасаться, что Изяславъ, смѣнивъ на кіевскомъ столѣ ихъ союзниковъ—Ольговичей, захочетъ возобновить традиціонную политику Мономахова рода относительно кочевниковъ. Задержанный, можетъ быть, войною со Святославомъ Ольговичемъ, Изяславъ только лѣтомъ слѣдующаго года заключилъ договоръ съ половцами; послѣдній впрочемъ не мѣшалъ имъ поддерживать затѣмъ враговъ Изяслава [3]).

Святославу Ольговичу не удалось устроить коалиціи изъ сѣверскихъ князей. Давыдовичи нашли болѣе выгоднымъ принять сторону

---

[1]) Ипат. с. 289, 297; Соловьевъ полагалъ, что воля кіевлянъ заставила Изяслава нарушить это обѣщаніе (Ист. отнош. с. 169).

[2]) Ипат. с. 234—297, Лавр. с. 298, Никон. I с. 170.

[3]) Ипат. с. 233, Лавр. с. 299, Воскр. I с. 36, Никон. I с. 173.

побѣдителя, чтобы съ его помощью отобрать у Святослава Новгородъ-Сѣверскую волость [1]). Святославу приходилось уже думать не только о возвращеніи кіевскаго стола и освобожденіи брата, но и о сохраненіи своихъ владѣній; онъ естественно обратился къ давнишнему сопернику Изяслава — Юрію Владиміровичу, предлагая ему помощь для пріобрѣтенія Кіева и прося освободить брата Игоря [2]). Юрій, конечно, и безъ этого приглашенія не оставлялъ видовъ на Кіевъ; содѣйствіе Святослава Ольговича явилось теперь весьма кстати. Когда Давыдовичи съ помощью Изяслава Мстиславича начали воевать волость Святослава, Юрій двинулся на помощь ему, но его планы разстроилъ союзъ Изяслава съ рязанскимъ княземъ Ростиславомъ Ярославичемъ. Союзъ этотъ объясняется антагонизмомъ княжествъ Суздальскаго и Рязанскаго и тѣмъ также, что соперникъ Ростислава, его племянникъ—Владиміръ, находился въ союзѣ со Святославомъ Ольговичемъ и Юріемъ. По просьбѣ Изяслава, Ростиславъ рязанскій сталъ воевать Суздальскую волость, и Юрій долженъ былъ вернуться, ограничившись посылкою подкрѣпленія Святославу [3]). Святославъ не могъ противиться союзникамъ и отступилъ въ землю вятичей; союзники разорили имѣнія Игоря и Святослава и завладѣли Новгородъ-Сѣверскою волостью. Изяславъ подѣлился съ Давыдовичами заграбленнымъ имуществомъ Ольговичей, отдалъ имъ Новгородъ-Сѣверскъ; въ Курскѣ тогда же, вѣроятно, посадилъ своего сына—Мстислава и возвратился въ Кіевъ, предоставивъ Давыдовичамъ продолжать преслѣдованіе Святослава. Но Святославъ получилъ въ это время новыя подкрѣпленія отъ Юрія, и Давыдовичи должны были ретироваться [4]).

Положеніе дѣлъ измѣнилось: Юрій, выгнавъ изъ волости рязанскаго князя, союзника Изяслава, предпринялъ со Святославомъ походъ на

---

[1]) Ипат. с. 239.

[2]) Дѣйствія Святослава и Давыдовичей въ лѣтописи описаны сторонникомъ Святослава (см. Бестужева-Рюмина О составѣ с. 81—82, Хрущова ор. с. с. 164) и явно тенденціозно; Давыдовичи напр. говорятъ: „се есвѣ зачала дѣло зло, а свершивѣ до конца братоубиство"—такъ выражаются лишь злодѣи въ старыхъ трагедіяхъ. Въ Татищевскомъ сводѣ (II с. 288) прибавлено, что раньше Святославъ пытался освободить Игоря при посредствѣ Ростислава Мстиславича (возраженіе у Карамзина II пр. 293).

[3]) Ипат. с. 234, 236; Иловайскій Ист. Рязан. княж. с. 25—27 (Сочиненія, 1884 г.).

[4]) Ипат. с. 233—240 (Воскрес. I, 36—38), Лавр. с. 298.

Новгородскую и Смоленскую волости, гдѣ сидѣли братья Изяслава [1]). Затѣмъ, съ весною 1147 г., Святославъ началъ наступать на Давыдовичей, получивъ помощь отъ Юрія и усиленный дружинами бродниковъ и половецкихъ хановъ, своихъ родственниковъ; самъ Юрій не пошелъ въ походъ, можетъ быть связанный рязанскими дѣлами: тамъ опять поднималась противная ему партія [2]). Изяславъ согласился было съ Давыдовичами итти на Юрія и Святослава, но не явился на помощь своимъ союзникамъ; въ то время въ Кіевѣ происходило знаменитое поставленіе митрополита Клима Смолятича соборомъ русскихъ епископовъ [3]). Между тѣмъ Святославъ занялъ область вятичей, Подесенье, а затѣмъ сталъ завоевывать волость Новгородъ-Сѣверскую; Давыдовичи, испугавшись, вошли въ сношенія съ нимъ, отказавшись отъ всего захваченнаго. Мало того, вмѣстѣ со Святославомъ Ольговичемъ и Святославомъ Всеволодовичемъ, еще раньше вступившимъ съ нимъ въ сношенія, они снеслись съ Юріемъ и составили заговоръ противъ Изяслава: рѣшено было завлечь его и схватить, какъ заложника вмѣсто Игоря, или даже будто бы убить. Давыдовичи приняли на себя обязанность заманить своего бывшаго союзника; они начали просить Изяслава явиться на помощь противъ Святослава. Изяславъ рѣшилъ отправиться; онъ имѣлъ въ виду доканать своихъ противниковъ—Святослава и, главное, Юрія, двинувшись на нихъ съ юга, между тѣмъ какъ братъ Ростиславъ долженъ былъ двинуться съ востока—съ новгородцами и смольнянами [4]). Онъ объявилъ свои планы кіевскому вѣчу и просилъ собраться въ походъ. Но походъ на Юрія и союзъ съ черниговскими князьями не понравились земству; „рекоша: княже, не ходи с Ростиславомъ на стрья своего; лѣпле ся с нимъ улади, Ольговичемъ вѣры не ими, ни с ними ходи в путь. Изяславъ же рече имъ: цѣловали ко мнѣ хрестъ, а думу есми с ними думалъ, а всяко сего пути не хочю отложити, а вы доспѣвайте! Кияне же рекоша: княже, ты ся на насъ не гнѣвай, не можемъ на Во-

---

[1]) Ипат. с. 240 и 242 (Воскр. I с. 38 и 39).

[2]) Ипат. с. 245: Изяславъ совѣтуетъ брату Ростиславу послать „к ротникомъ, и въ Рязань, и всямо"; ср. у г. Иловайскаго ор. с. с. 28.

[3]) О немъ будетъ рѣчь при обзорѣ внутренняго строя земли.

[4]) Ипат. с. 243 и 245 (Воскр. I с. 39 и 41).

лодимире племя руки възняти, а на (оня же) Олговичь хотя и с дѣтми". Этотъ отказъ большею частію объясняютъ привязанностію кіевлянъ къ роду Мономаха, но Юрій, какъ видно, уже до вокняженія своего не пользовался популярностью у нихъ [1]). Гораздо вѣроятнѣе, кажется, объясняется ихъ отказъ изъ политическихъ соображеній: кіяне хотѣли, чтобы Мономаховичи были солидарны между собою, не вмѣшивали въ свои раздоры Ольговичей и не давали бы имъ такимъ образомъ случая къ новымъ притязаніямъ на Кіевъ; населеніе всегда избѣгало становиться предметомъ добыванія со стороны разныхъ претендентовъ и потому старалось ограничить усобицы. Такимъ образомъ вѣче въ сущности дѣйствовало въ своихъ интересахъ и въ этомъ направленіи старалось оказать давленіе на князя [2]).

Изяславъ долженъ былъ ограничиться наборомъ добровольцевъ, на что согласія вѣча уже не требовалось; благодаря своей популярности, онъ собралъ такимъ образомъ „множество вои" и отправился въ походъ. На дорогѣ онъ получилъ извѣстіе о заговорѣ; это совершенно измѣняло планы Изяслава, театръ войны изъ Суздаля снова переносился въ Сѣверскую землю. Обличивъ заговорщиковъ, Изяславъ далъ знать объ этомъ Ростиславу, призывая его съ войскомъ на югъ и наказывая одновременно нарядить новгородцевъ и смольнянъ противъ Юрія, чтобы задержать его на сѣверѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Изяславъ отправилъ гонцовъ въ Кіевъ къ брату Владиміру, оставленному тамъ, митрополиту Климу и тысяцкому Лазарю, прося собрать вѣче и сообщить о случившемся. Вѣче было собрано на дворѣ у св. Софіи, послы отъ имени князя передали происшедшее и напомнили о предложеніи кіянъ итти на Олговичей, „хотя и с дѣтми": „нынѣ же, братье Кияне, чего есте хотѣли, чимъ ми ся есте обѣчали, поидите по мнѣ к Чернигову на Ольговичь доспѣвайте отъ мала и до велика, кто имѣеть конь, кто ли не имѣеть коня, а въ лодьи, ти бо суть не мене одиного хотѣли убити, но и васъ искоренити". Кияне же рекоша: „ради, оже ны Богъ тебе избавилъ отъ великия льсти, братью

---

[1]) См. Ипат. с. 268 „вы вѣдаета, оже намъ съ Гюргемъ не ужити".

[2]) См. Сергѣевича Вѣче и князь с. 121. Политическими же соображеніями объясняется и подобное же заявленіе курскаго населенія (Ипат. с. 250)—ср. Ист. Сѣв. земли П. В. Голубовскаго с. 132.

нашю, идемъ по тобѣ и с дѣтми, акоже хощеши". Но тутъ раздраженіе, вызванное извѣстіемъ о заговорѣ Ольговичей на жизнь Изяслава, совершенно неожиданно обратилось противъ Игоря Ольговича, который находился тогда въ Кіевѣ: вслѣдствіе болѣзни онъ былъ выпущенъ изъ поруба и постригся въ Ѳеодоровскомъ монастырѣ. Одному изъ вѣчниковъ пришла мысль, что Игорь можетъ освободиться съ помощью своихъ доброжелателей [1]) и захватить кіевскій столъ, а это, въ свою очередь, навлекло бы на Кіевъ бѣдствія, подобныя тѣмъ, какія онъ испыталъ отъ Изяслава Ярославича за поставленіе Всеслава. Мысль была подхвачена другими, расходившаяся толпа бросилась въ монастырь, Игорь былъ схваченъ и убитъ, не смотря на всѣ старанія Владиміра Мстиславича спасти его. Это случилось 19 сентября 1147 г. Убійство, по словамъ сказанія, вызвало неудовольствіе среди болѣе благоразумной части самого кіевскаго населенія, многіе считали Игоря мученикомъ и оказывали его тѣлу, брошенному на позорище, благоговѣйное уваженіе [2]). Весьма скоро, или непосредственно за этимъ, Игорь сталъ причитаться къ лику святыхъ; мощи его были перенесены потомъ Святославомъ Ольговичемъ въ Черниговъ [3]). Изяславъ былъ весьма недоволенъ, когда узналъ объ убійствѣ Игоря: тѣнь падала и на него; дѣйствительно Святославъ Ольговичъ позже прямо называлъ Изяслава убійцею Игоря [4]).

Сѣверскіе князья въ то время воевали Посемье. Успѣхи коалиціи были не блестящи; Юрій самъ не явился на югъ и ограничился присылкою сына Глѣба съ вспомогательнымъ отрядомъ. Изъ Новгорода сдѣлана была, согласно плану Изяслава, диверсія противъ Юрія,

---

[1]) П. В. Голубовскій справедливо видитъ тутъ намекъ на черниговскую партію— Ист. Сѣв. зем. с. 132.

[2]) Полевой (II с. 432) обратилъ вниманіе на любопытную подробность: митрополитъ запретилъ разглашать о чудѣ надъ тѣломъ Игоря (Ипат. с. 249).

[3]) Ипат. с. 243—250, 283, Лавр. с. 299—302, Воскр. I с. 39—42; м. Макарій Ист. рус. цер. III с. 99—100. Сказаніе объ Игорѣ, находящееся въ Ипат. л., скомпилировано, вѣроятно, изъ первоначальнаго сказанія, сокращеннаго въ Лавр. л., и житія, уже отмѣченнаго книжными пріемами—пространными рѣчами и под. См. Бестужевъ-Рюминъ, О сост. р. л. с. 84—86, Хрущовъ ор. с. 167—173. Характеристика Игоря у Татищева см. II с. 313; справедливы возраженія противъ нея Бестужева-Рюмина ор. с. 86.

[4]) Ипат. с. 264; такое обвиненіе, хотя и нерѣшительно, высказалъ противъ Изяслава и Полевой (II с. 429, 432—3, 434).

и она, можетъ быть, помѣшала послѣднему принять болѣе дѣятельное участіе въ южной кампаніи [1]. Когда Изяславъ стянулъ всѣ свои силы—полки кіевскій, волынскій, смоленскій (при этомъ прислалъ помощь и Вячеславъ), Святославичи не рѣшились сопротивляться и отступили къ Чернигову. Зимою Изяславъ двинулся туда самъ со всѣми своими полками, пришла къ нему еще и угорская помощь; противники не отважились выступить противъ него, и Изяславъ занялся опустошеніемъ окрестностей Чернигова, потомъ Любеча. Святославичи напрасно требовали отъ Юрія, чтобы онъ принялъ болѣе дѣятельное участіе, пошелъ бы самъ на Изяслава; Юрій ограничивался тѣмъ, что „обижалъ Новгородъ", и Святославичи вынуждены были просить мира у Изяслава, отрекаясь отъ всякихъ претензій за Игоря. Изяславъ, посовѣтовавшись съ братомъ Ростиславомъ, принялъ это предложеніе: Святославичи присягнули „ворожду про Игоря отложити, и Руской земли блюсти и быти всимъ за одинъ братъ". Союзъ затѣмъ былъ скрѣпленъ бракомъ Романа Ростиславича на дочери Святослава Ольговича [2].

Помирившись съ сѣверскими князьями, Изяславъ возвратился къ своему прежнему намѣренію: смирить своего главнаго и опаснѣйшаго врага—Юрія, который не переставалъ „пакости дѣять" и отнимать дани новгородскія. Осенью 1148 г. онъ пригласилъ на съѣздъ въ Остерскій городокъ своихъ новыхъ союзниковъ; Ольговичи не явились на него, пришли только Давыдовичи. Изяславъ объявилъ имъ о своемъ намѣреніи итти на Юрія и предложилъ участвовать въ походѣ. Давыдовичи изъявили согласіе за себя и за Ольговичей.

На этомъ съѣздѣ присутствовалъ новый, совсѣмъ необычный участникъ—старшій сынъ Юрія, Ростиславъ, въ качествѣ подручника Изяслава. Роль этого Ростислава очень интересна и загадочна; лѣтописи приводятъ различные мотивы его прихода къ Изяславу: по Кіевской—онъ расссорился съ отцемъ изъ-за волостей, по Суздальской—онъ былъ посланъ отцемъ на помощь къ Ольговичамъ, но предпочелъ лучше присоединиться къ Изяславу, чѣмъ „ко врагамъ своего дѣда и стрыевъ"; наконецъ Никоновскій сводъ объясняетъ, что Изяславъ самъ

---

[1] 1 Новг. с. 10.

[2] Ипат. с. 250—257 и 258 (Воскр. I с. 42—44, 45).

пригласилъ Ростислава присоединиться къ нему, когда тотъ былъ на пути къ Ольговичамъ [1]; это послѣднее извѣстіе имѣетъ также извѣстное вѣроятіе, такъ какъ еще раньше Изяславъ приглашалъ къ себѣ Глѣба Юрьевича, но тотъ предпочелъ силою добывать себѣ Переяславль [2]). Изяславъ принялъ Ростислава очень ласково и далъ ему бывшій удѣлъ Святослава Всеволодовича—пять городовъ. Въ слѣдующемъ году (1142) Ростиславъ былъ обвиненъ въ томъ, что оставшись „стеречи Руской земли" во время похода Изяслава на Юрія, онъ возбуждалъ кіянъ и берендѣевъ противъ Изяслава и вербовалъ партію отцу. Не производя суда, котораго просилъ Ростиславъ, Изяславъ лишилъ его удѣла и отнявъ имущество, съ позоромъ отправилъ къ отцу. Суздальская лѣтопись и за нею позднѣйшіе своды представляютъ дѣло такъ, что Ростиславъ былъ оклеветанъ, Кіевская ограничивается передачею факта [3]). Ученые расходятся въ пониманіи этого эпизода [4]); мнѣ кажется наиболѣе вѣроятнымъ, что Ростиславъ точно былъ отправленъ отцемъ къ Ольговичамъ, но явился уже по заключеніи мира съ Изяславомъ и потому обратился къ послѣднему; что затѣмъ онъ, замѣтивъ среди кіевскаго населенія существованіе какихъ-либо недовольныхъ элементовъ, задумалъ ими воспользоваться и старался создать партію для своего отца [5]). Явившись къ отцу, онъ объявилъ послѣднему, что его хочетъ вся Русская земля и черные клобуки [6]); дѣйствительно, на основаніи позднѣйшихъ данныхъ мы въ правѣ предполагать существованіе въ Кіевщинѣ партіи Юрія: весьма можетъ быть, что надъ образованіемъ ея потрудился и Ростиславъ.

---

[1]) Ипат. с. 257 (Воскр. I с. 44, Тверск. с. 211), Лавр. с. 303. Никон. I с. 178.

[2]) Ипат. с. 253 (Воскр. I с. 42), Лавр. с. 302.

[3]) Ипат. с. 261, Лавр. с. 304, Воскр. I с. 46, Никон. I с. 179, Тверск. с. 213. Объ этомъ эпизодѣ см. Бестужева-Рюмина О сост. р. л. с. 88—89.

[4]) Татищевъ, исходя изъ характеристики Ростислава (см. III с. 37), для которой, впрочемъ, лѣтописи почти не даютъ данныхъ, предположилъ, что Ростиславъ былъ съ самаго начала отправленъ отцомъ вербовать партію (II пр. 428 и 432); къ этому воззрѣнію примыкаетъ и П. В. Голубовскій (Печенѣги с. 171). Арцыбашевъ (I. 2, пр. 725) и Соловьевъ (II с. 142) полагаютъ, что Ростиславъ былъ дѣйствительно виноватъ; Карамзинъ (II с. 139), Иловайскій (I с. 227), Багалѣй (с. 211) считаютъ Ростислава жертвою клеветы. Погодинъ (Др. Рус. Истор. I с. 159) уклонился отъ сужденія.

[5]) Ср. Татищевъ II с. 330 и Соловьевъ II пр. 256.

[6]) Ипат. с. 262.

Возвращаюсь къ прерванному теченію событій. Послѣ съѣзда въ Остерскомъ городкѣ Изяславъ, оставивъ въ Кіевѣ брата Владиміра, двинулся на сѣверъ въ Смоленскъ и Новгородъ для соединенія съ тамошними войсками. Въ Новгородѣ сидѣлъ въ это время сынъ его—Ярославъ. Святополкъ былъ выведенъ передъ тѣмъ, вѣроятно по желанію новгородцевъ, и посаженъ во Владимірѣ. Изяславъ былъ торжественно принятъ населеніемъ, новгородцы постановили, чтобы шли въ походъ всѣ способные носить оружіе. Соединенныя войска начали опустошать верхнее теченіе Волги; одновременно сѣверскіе князья должны были вторгнуться въ Суздальскую волость съ юга, но они остались спокойными зрителями войны: „зряча, что ся тамо учинить межю Гюргемъ и Изяславомъ". Распутица помѣшала войскамъ Изяслава проникнуть вглубь Суздальской волости, они ограничились лишь тѣмъ, что разорили верхнее Поволжье и вывели много плѣнныхъ [1]).

Неизвѣстно, чѣмъ бы отвѣтилъ Юрій на это вторженіе, но вслѣдъ за тѣмъ явился къ нему изъ Кіева сынъ Ростиславъ съ извѣстнымъ уже сообщеніемъ. По извѣстію лѣтописи, принадлежащему, очевидно, стороннику Юрія [2]), послѣдній былъ возмущенъ поруганіемъ сына и предпринялъ походъ, чтобы отомстить за его позоръ, а также за разореніе своей волости; въ дѣйствительности къ походу его, вѣроятно, побудило именно извѣстіе, что среди южнаго населенія существуетъ неудовольствіе противъ Изяслава и что будто бы Юрія „хощеть вся Руская земля и Черныи Клобукы" [3]). Въ концѣ іюля 1149 г. Юрій двинулся на югъ; Святославъ Ольговичъ принялъ его сторону; кромѣ того Юрій призвалъ на помощь „многое множество" половцевъ. Онъ двигался медленно, ожидая, что Изяславъ пойдетъ на уступки, чтобы отвратить нашествіе, но компромиссы были не въ характерѣ послѣдняго. Изяславъ между тѣмъ убѣждалъ кіевлянъ отрядить противъ Юрія земское ополченіе, увѣряя, что охотно сдѣлалъ бы уступки, если бы Юрій не соединялся съ половцами и Ольговичами: „оже бы пришелъ толико съ дѣтьми, то которая волость ему люба, ту же бы взялъ, но оже на мя половци привелъ и вороги моя Олговичѣ, то

---

[1]) Ипат. с. 258—260 (Воскр. I с. 45), Лавр. с. 304, 1 Новг. с. 10.

[2]) См. Бестужевъ-Рюминъ О сост. р. л. с. 89—90.

[3]) Ср. Соловьевъ II с. 142.

хочю ся бити". Это со стороны Изяслава была, конечно, лишь увертка, разсчитанная на нерасположеніе кіевлянъ къ половцамъ и Ольговичамъ, но кіевляне продолжали держаться прежней политики и настаивали, чтобы Изяславъ помирился съ Юріемъ: „мирися, княже, мы не идемъ". Изяславъ продолжалъ упрашивать, объясняя, что до войны дѣло не дойдетъ, но можно будетъ помириться съ Юріемъ на болѣе выгодныхъ условіяхъ, когда и въ его распоряженіи окажется значительная сила [1]. Кіевляне сдались наконецъ и пошли съ Изяславомъ; затѣмъ подоспѣли къ нему: Ростиславъ съ „силою многою" и Изяславъ Давыдовичъ. Враги сошлись у Переяславля; въ виду большихъ силъ, собранныхъ Изяславомъ, Юрій все колебался и не рѣшался вступить въ борьбу; онъ предлагалъ Изяславу помириться „Рускыя дѣля земля и хрестьянъ дѣля" (нечего и говорить, что эти слова были пустою фразою), обѣщалъ отступиться отъ Кіева, лишь бы Изяславъ уступилъ Переяславль его сыну: „ать посажю сына своего у Переяславли, а ты сѣди царствуя в Киевѣ". При этомъ Переяславль, вѣроятно, игралъ такую же роль, какъ и раньше — ступеньки къ кіевскому столу (для сына Юрія), а въ дѣйствительности, можетъ быть, долженъ былъ служить лишь базисомъ для дальнѣйшихъ операцій противъ Изяслава; Юрій, вѣроятно, разсчитывалъ на расположеніе переяславцевъ: раньше они сносились съ его сыномъ Глѣбомъ, а теперь, должно быть, самъ Юрій началъ съ ними сношенія. Изяславъ отказалъ. Юрій все не рѣшался биться. Изяславъ самъ вызвалъ его на битву и потерпѣлъ пораженіе (23 августа 1149 г.); переяславцы перешли на сторону Юрія, это смутило остальныхъ, „первое побѣгоша Поршане, и потомъ Изяславъ Давидовичь, и по сихъ Кия-

---

[1]) Выраженіе Ипат. с. 565: „поидите со мною, ать ми ся добро с ними отъ силы мирити" двусмысленно, гораздо яснѣе въ Лавр. (с. 305): „ако миръ будеть, поидѣте со мною; атъ ми ся будеть добро отъ силы мирити". Это же чтеніе находится въ Лѣт. Переяслав. (с. 60), и въ Воскр. сводѣ (I. 46). Въ пониманіи этого мѣста я слѣдую Татищеву (II с. 343), Карамзину (II с. 140) Погодину (Др. Р. И. с. 155). Арцыбашевъ (I. 2, с. 115) и Соловьевъ (II. с. 144) понимаютъ иначе: „ну хорошо ли мнѣ съ нимъ мириться, когда я не побѣжденъ, когда у меня есть сила?"; такой смыслъ придавали словомъ, какъ видно, и редакторы Ипатьевской лѣтописи; раньше Соловьевъ толковалъ эти слова еще иначе: „не стыдно ли мнѣ будетъ помириться съ нимъ теперь, и тѣмъ показать, что онъ принудилъ меня силою къ миру"—Ист. отнош. с. 179. Принятое мною объясненіе, думаю, болѣе соотвѣтствуетъ ходу переговоровъ.

не". Изяславъ бѣжалъ въ Каневъ „толко самъ третий". Юрій вступилъ въ Переяславль, а оттуда двинулся уже и на Кіевъ; его войско стало за Днѣпромъ противъ Выдубицкаго монастыря. Изяславъ съ Ростиславомъ обратились къ вѣчу: „се стрый наю пришелъ, а вѣ вамъ являевѣ: хощете ли ся за наю бити?" Вѣче отвѣчало: „господина наю князя! не погубита насъ до конца; се нынѣ отци наши и братья наша и сынови наши на полку, они изоимани, а друзии избьени и оружие снято; а нынѣ ать не возмуть насъ на полонъ, поѣдита въ свои волости; а вы вѣдаета оже намъ съ Гюргемъ не ужити, аже по сихъ днехъ где узримъ стягы ваю, ту мы готовы ваю есмы". Вѣче имѣло полнѣйшее основаніе быть недовольнымъ на Изяслава, который нарушилъ данное имъ обѣщаніе—кончить мирно дѣло съ Юріемъ, отвергъ мирныя предложенія послѣдняго и наконецъ вызвалъ самъ его на битву [1]); это неудовольствіе было, можетъ быть, и причиною пораженія Изяслава; тѣмъ не менѣе мы не въ правѣ заподозрѣвать искренность отвѣта кіянъ Изяславу и видѣть въ немъ лишь увертку. Изяславъ и Ростиславъ вняли совѣту вѣча и очистили Кіевъ; первый удалился на Волынь, взявъ съ собою и митрополита Клима. Вслѣдъ затѣмъ вступилъ въ Кіевъ и Юрій; по словамъ лѣтописца, множество народа вышло ему на встрѣчу „съ радостію великою", и сѣлъ онъ на столѣ отца своего. Извѣстіе это, несомнѣнно, принадлежитъ стороннику Юрія и совсѣмъ не гармонируетъ съ предшествовавшимъ отвѣтомъ кіевлянъ Изяславу [2]). Встрѣча Юрію, вѣроятно, была сдѣлана, но радовались ему лишь его приверженцы [3]).

Юрій, какъ видно, намѣревался прочно устроиться въ новой волости; старшаго сына своего, извѣстнаго уже намъ Ростислава, посадилъ онъ на переяславскій столъ, трехъ другихъ сыновей размѣстилъ въ кіевскихъ пригородахъ—Вышгородѣ, Бѣлгородѣ и Каневѣ, на По-

---

[1]) Ср. Татищева II, с. 347.

[2]) Бестужевъ-Рюминъ О сост. р. л. с. 90.

[3]) Ипат. с. 262—268, Лавр. 304—306, 1 Новг. с. 10—11. По Ипат. и Новг. Изяславъ удалился во Владиміръ, по Лавр. въ Луцкъ. У Татищева (III с. 1) Юрій вступилъ въ Кіевъ 2 сентября.

роси. Черниговскій князь Владиміръ Давыдовичъ поспѣшилъ явиться съ повинною къ побѣдителю. Святославъ Ольговичъ былъ наконецъ вознагражденъ за свою преданность Юрію: онъ получилъ назадъ Посемье и дреговицкіе города, принадлежавшіе Давыдовичамъ; союзъ его съ Юріемъ былъ вскорѣ скрѣпленъ бракомъ Олега Святославича на дочери Юрія. Еще болѣе важное значеніе имѣлъ другой бракъ—наслѣдника галицкаго стола, Ярослава, съ другою дочерью Юрія. Володимірко съ этихъ поръ является неизмѣннымъ союзникомъ Юрія въ борьбѣ съ Изяславомъ, и союзъ этотъ имѣлъ для Юрія великую важность [1]).

Союзники были необходимы Юрію, потому что и кіевляне, какъ мы видѣли выше, и Изяславъ Мстиславичъ видѣли въ вокняженіи Юрія только временную неудачу и вовсе не были расположены съ нею мириться. Изяславъ, прибывъ во Владиміръ, немедленно обратился за помощью къ своимъ родичамъ—угорскому королю, чешскому и польскимъ князьямъ съ просьбою о помощи [2]); всѣ съ готовностью обѣщали; походъ назначенъ былъ съ началомъ 1150 г. Въ то же время Изяславъ снова завязалъ сношенія съ Вячеславомъ, сидѣвшимъ по сосѣдству—въ Пересопницѣ. Выше было упомянуто, что еще овладѣвая кіевскимъ столомъ (1146 г.), онъ подавалъ какія-то надежды Вячеславу, что кіевскимъ княземъ будетъ послѣдній. Теперь Изяславъ проситъ Вячеслава „принять его въ любовь“ и заявить претензію на кіевскій столъ, а въ противномъ случаѣ грозитъ пожечь его волость. Очевидно, старѣйшинству Юрія, которое могло имѣть значеніе въ глазахъ извѣстной части общества, Изяславъ хотѣлъ противопоставить старѣйшинство Вячеслава, который, по собственнымъ его словамъ, былъ уже бородатъ, когда Юрій родился [3]). Но Вячеславъ, вѣроятно, былъ сердитъ на Изяслава за старое (хотя въ числѣ войскъ Изяслава упоминался послѣ того полкъ Вячеслава, но послѣдній дѣйство-

---

[1]) Ипат. с. 268, 275.

[2]) Угорскій король Гейза былъ женатъ на сестрѣ Изяслава—Евфросиніи, польскій князь Болеславъ—на племянницѣ его, дочери Всеволода Мстиславича, а чешскій князь Владиславъ приходился Изяславу сватомъ по женѣ Святополка Мстиславича, княжнѣ моравской; см. Ипат. с. 215, 268, 1 Новг. с. 9, Карамзинъ II. с. 142 и Линниченко Взаимн. отношен. с. 59.

[3]) Ипат. с. 298.

валъ, вѣроятно, подъ давленіемъ обстоятельствъ), при томъ теперь, въ виду усиленія Юрія, и заявлять претензіи на кіевскій столъ было не безопасно. Вячеславъ отказался и боясь угрозъ Изяслава, звалъ къ себѣ Юрія. Изяславъ между тѣмъ двинулся съ союзными отрядами угровъ, ляховъ и чеховъ, но на встрѣчу ему уже прибылъ съ востока къ Пересопницѣ Юрій съ половцами, а съ юга Володимірко подошелъ къ Шумску. Угры и ляхи испугались; въ то же время польскіе князья получили тревожныя извѣстія изъ своихъ владѣній [1]). Въ концѣ концовъ союзники Изяслава рѣшили уйти и ограничились дипломатическою пересылкою съ Юріемъ и Вячеславомъ: они просили, чтобы за Изяславомъ была оставлена Волынь и возвращены новгородскіе доходы, захваченные Юріемъ. Вячеславъ и Юрій отвергли ихъ посредничество. Когда союзники Изяслава удалились, Юрій задумалъ вовсе лишить Изяслава волости и осадилъ Луцкъ. Но Мстиславичи оказали ему сильное сопротивленіе, кромѣ того Володимірко галицкій, вовсе не желавшій, чтобы Юрій захватилъ и Волынь, настоятельно хлопоталъ о мирѣ [2]); его поддерживалъ и Вячеславъ изъ личныхъ видовъ. Въ результатѣ состоялся миръ на такихъ условіяхъ, что Изяславъ отступался отъ Кіева въ пользу Юрія, а Юрій возвращалъ новгородскія дани, „и его же Изяславъ хотяше". Лѣтопись не объясняетъ, въ чемъ заключались эти послѣднія требованія Изяслава; если этотъ договоръ имѣлъ характеръ окончательнаго, улаживавшаго отношенія между представителями Мономахова дома, то онъ, несомнѣнно, касался и вопроса о наслѣдованіи кіевскаго стола; но, повторяю, лѣтопись молчитъ объ этомъ [3]).

„Изяславъ радъ бысть хрестьному целованию"—въ томъ смыслѣ, вѣроятно, что избавлялся отъ нашествія. Насколько искренно принялъ онъ договоръ, не знаемъ—Юрій самъ немедленно нарушилъ его;

---

[1]) Объ отношеніи польскихъ князей къ Изяславу см. у И. А. Линниченка Взаимн. отнош. с. 162—164.

[2]) Г. Молчановскій высказалъ предположеніе, что Владимірко за это посредничество захватилъ себѣ бывшій удѣлъ Ростислава Юрьевича—Бужскъ, Межибожье и пр.—Очеркъ изв. о Подольск. з. с. 74—5.

[3]) Ипат. с. 268—274, Лавр. с. 306—309. Требованія Изяслава, кажется, не могутъ относиться къ возвращенію захваченнаго имущества, такъ какъ договоръ объ этомъ лѣтопись пріурочиваетъ къ послѣдующему съѣзду въ Пересопницѣ.

было постановлено, что Изяславъ и его дружина имѣютъ право отыскивать свое имущество въ Кіевской и Переяславской волостяхъ, но Юрій затѣмъ не позволилъ этого. Изяславъ, не получивъ удовлетворенія, объявилъ договоръ нарушеннымъ; вѣроятно, онъ ждалъ лишь предлога, чтобы нарушить обязательства, вынужденныя обстоятельствами, тѣмъ болѣе, что изъ Кіевской волости получались благопріятныя для него извѣстія. Кіевляне „хотѣли его“ и, вѣроятно, призывали на столъ; должно быть, и черные клобуки тоже заявляли о своей преданности. Изяславъ, очевидно, разсчитывалъ на ихъ поддержку, это видно изъ плана его похода. Любопытно извѣстіе Татищевскаго свода, которое связываетъ неудовольствіе черныхъ клобуковъ на Юрія съ извѣстіемъ Никоновскаго свода о томъ, что половцы, союзники Юрія, взяли въ это время Торшинъ (можетъ быть Торческъ?) и опустошили его окрестности, а Юрій, по Татищеву, не оказалъ дѣятельной помощи чернымъ клобукамъ [1]). Юрій разошелся и съ Вячеславомъ; вѣроятно, во время похода онъ обѣщалъ послѣднему кіевскій столъ въ противовѣсъ предложеніямъ Изяслава [2]); затѣмъ онъ дѣйствительно призвалъ Вячеслава въ Кіевъ на столъ, но бояре его отсовѣтовали, увѣряя, что Вячеславъ не можетъ удержать за собою этой позиціи: „не будеть его ни тобѣ, ни оному“. Едва ли не было это лишь предлогомъ со стороны Юрія: онъ могъ удерживать кіевскій столъ за Вячеславомъ своими силами, какъ позже Изяславъ. Въ концѣ концовъ Юрій посадилъ Вячеслава въ Вышгородѣ, а въ Пересопницу послалъ сына Глѣба. Вячеславъ былъ этимъ обиженъ.

Юрій не подозрѣвалъ грозившей опасности; по словамъ лѣтописца онъ думалъ, что какъ занялъ волость, ужъ дѣло и кончено („ако тако ту волость заемъ, ту же и есть“). Между тѣмъ Изяславъ быстро двинулся на Пересопницу, выгналъ оттуда Глѣба Юрьевича и направился прямо въ область черныхъ клобуковъ; послѣдніе явились „съ радостію великою“ со всѣми полками и двинулись съ нимъ къ Кіеву.

---

[1]) Никон. I с. 182—183, Татищевъ III с. 13. Есть Торчинъ въ Кіевщинѣ, къ западу отъ Радомысля, и на Волыни, къ западу отъ Луцка, но они лежатъ внѣ обычнаго театра половецкихъ нападеній.

[2]) Татищевъ (III, с. 14) увѣряетъ, будто посадить на кіевскій столъ Вячеслава совѣтовали Юрію кіяне, надѣясь, что Вячеславъ не сумѣетъ удержать Кіевъ, и послѣдній достанется Изяславу.

На встрѣчу Изяславу вышло „многое множество“ кіянъ и извѣстило, что Юрій бѣжалъ, а Вячеславъ неожиданно явился въ Кіевъ и сѣлъ на Ярославлѣ дворѣ: „а мы его не хочемъ, ты нашь князь! поѣди же къ Святой Софьи, сяди на столѣ отца своего и дѣда своего“. Изяславъ предложилъ Вячеславу очистить Кіевъ; когда послѣдній началъ упорствовать, нѣкоторые подавали совѣтъ схватить его и даже убить, но Изяславъ предпочелъ повести дѣло мирно. Ссылаясь на народное возбужденіе, онъ посовѣтовалъ Вячеславу уѣхать пока въ Вышгородъ и „рядиться“ оттуда. Вячеславъ послушался. „Освоивъ Кіевъ“, Изяславъ попробовалъ возвратить такимъ же путемъ и Переяславль: сынъ его Мстиславъ, по порученію отца, завелъ сношенія съ мѣстною дружиною и тюркскими поселенцами, приглашалъ ихъ къ себѣ, но Ростиславъ Юрьевичъ помѣшалъ этому замыслу.

Юрій между тѣмъ сидѣлъ въ Остерскомъ городкѣ и готовился къ походу на Кіевъ; онъ снесся съ Володимѣркомъ галицкимъ и сѣверскими князьями, послалъ за половцами. Вѣроятно, эти грозныя приготовленія Юрія заставили Изяслава начать переговоры съ Вячеславомъ; когда пришла вѣсть, что Володимірко приближается къ Кіеву, Изяславъ отправился съ боярами въ Вышгородъ и согласился на всѣ условія Вячеслава. Кромѣ желанія легализировать свое положеніе, у Изяслава было, вѣроятно, намѣреніе воспользоваться дружиною Вячеслава, которая была значительна [1]). Вячеславъ сначала отказался: время было дѣйствительно вовсе неудобное для занятія кіевскаго стола, но наконецъ согласился, и между нимъ и Изяславомъ состоялся договоръ, осуществленный только впослѣдствіи: „Изяславу имѣти отцемъ Вячеслава, а Вячеславу имѣти сыномъ Изяслава.“ Вслѣдъ затѣмъ Изяславъ выпросилъ у Вячеслава его дружину; вообще онъ не успѣлъ достаточно приготовиться къ борьбѣ, а Володимірко между тѣмъ уже приближался къ Стугнѣ. Изяславъ съ кіевскимъ ополченіемъ, съ черными клобуками и отрядами угровъ и ляховъ поспѣшилъ ему на встрѣчу, не успѣвъ даже захватить дружину Вячеслава. Встрѣча произошла на Перепетовскомъ полѣ; войска Изяслава не рѣшались сразиться съ превосходными силами: черные клобуки, за ними кіяне снова просили его уступить врагу: „не погуби насъ, ни

---

[1]) Не даромъ Вячеславъ хвалился ею—см. Ипат. с. 297.

самъ не погини; но ты нашь князь, коли силенъ будеши, а мы с тобою, а нынѣ не твое веремя, поѣди прочь." Изяславъ началъ было упираться, тогда кіевское ополченіе и черноклобуцкіе полки оставили его и отправились во-свояси; Изяславъ долженъ былъ вернуться въ Кіевъ. Юрій между тѣмъ приступилъ къ Кіеву, „кіяне мнози" отправились ему на встрѣчу и начали перевозить его дружину чрезъ Днѣпръ. Это могли дѣлать не только его доброжелатели, но и люди не принадлежавшіе къ его партіи: дѣло въ томъ, что Володимірко уже подходилъ къ Кіеву, и кіевлянамъ было желательно, чтобы Юрій раньше овладѣлъ Кіевомъ и въ своихъ интересахъ оборонилъ его, иначе Володимірко, не интересовавшійся Кіевомъ, могъ подвергнуть его разоренію [1]. Изяславъ съ Вячеславомъ до времени ретировались въ свои волости, а Юрій съ Володимíркомъ вступили въ Кіевъ; это было приблизительно въ августѣ 1150 г. Занятіе Кіева совершилось скорѣе и легче, чѣмъ разсчитывалъ Юрій; его союзники—половцы явились уже послѣ него, и Юрій принужденъ былъ откупаться отъ нихъ, чтобы спасти отъ разоренія свои волости [2].

Изяславъ, вернувшись во Владиміръ, началъ сноситься съ Юріемъ и его сыномъ Андреемъ, посаженнымъ въ Пересопницѣ, просилъ о возвращеніи Погорынья, а между тѣмъ готовилъ силы къ новому походу. Вмѣстѣ съ угорскимъ королемъ, съ которымъ онъ сблизился еще болѣе благодаря женитьбѣ брата Владиміра на бановнѣ, Изяславъ сначала пошелъ на Володимірка желая обезпечить себя съ тылу. Володимірко однако подкупомъ избавился отъ опасности. Затѣмъ въ исходѣ зимы, вѣроятно въ концѣ февраля 1151 г., къ Изяславу прибылъ большой вспомогательный отрядъ угровъ, и онъ двинулся на Кіевъ, откуда уже раньше приходили приглашенія отъ кіевскаго населенія, черныхъ клобуковъ и Вячеславовой дружины [3]. Этотъ походъ во всемъ блескѣ обнаруживаетъ смѣлость и военный талантъ Изяслава. Володимірко, какъ видно, слѣдилъ за нимъ и двинулся немедленно по слѣдамъ его. Изяславъ не смутился этимъ и поспѣшно

---

[1]) „Кияне же убоявъшеся Володимера Галичьскаго, въведоша князя Дюргя въ Киевъ", Ипат. с. 280, Лавр. с. 311; въ Ипат. л. соединены два извѣстія, отчего эти слова стоять не на мѣстѣ.

[2]) Ипат. с. 274—281, Лавр. с. 309—312.

[3]) Никон. (I с. 185) прибавляетъ и отвѣтъ Изяслава, весьма мало вѣроятный.

шелъ далѣе—на Ушескъ и Мичьскъ; населеніе Погорынья и кіевскаго Полѣсья—жители Дорогобужа, Корческа, Мичьска съ любовью встрѣчали его, выходили на встрѣчу. Задержавъ фальшивыми огнями Володимірка у р. Уша, Изяславъ рѣшилъ какъ можно скорѣе проникнуть въ „полкъ кіевскій," въ область полянъ или въ поселенія черныхъ клобуковъ, разсчитывая на ихъ поддержку. Благодаря оплошности Бориса Юрьевича удалось внезапно овладѣть Бѣлгородомъ, составлявшимъ какъ бы ключь къ Полянской области. Юрій совершенно не ожидалъ нападенія; узнавъ о походѣ, онъ немедленно бѣжалъ изъ Кіева въ Остерскій городокъ, не надѣясь на кіевлянъ, „зане имѣютъ перевѣсъ къ Изяславу и брату его." Вслѣдъ затѣмъ Изяславъ вступилъ въ Кіевъ, кіевляне вышли ему на встрѣчу „с радостью," которую, конечно, нѣтъ никакого повода заподозрѣвать [1]). Володимірко, стоя у Мичьска на Тетеревѣ, неожиданно узналъ, что Юрій уже въ Остерскомъ городкѣ; ему ничего не оставалось больше, какъ удалиться, что онъ и сдѣлалъ, вознаградивъ себя впрочемъ контрибуціями, собранными по дорогѣ съ Изяславовыхъ городовъ, начиная съ Мичьска [2]).

Это занятіе Кіева Изяславомъ оказалось окончательнымъ, хотя и не прекратило борьбы. Юрій не медля обратился за помощью къ своимъ союзникамъ—сѣверскимъ князьямъ, Володимірку и „дикимъ половцамъ." Изяславъ понималъ шаткость своего положенія и приложилъ всѣ старанія, чтобы упрочить его. Прежде всего онъ уладился съ Вячеславомъ; два раза подавалъ онъ старику надежду на занятіе кіевскаго стола, въ послѣдній разъ уже прямо предложилъ ему Кіевъ, но обстоятельства не позволили тогда Вячеславу воспользоваться предложеніемъ. Теперь Изяславъ привелъ въ исполненіе прежній договоръ: онъ ввелъ и посадилъ Вячеслава на кіевскомъ столѣ и предоставилъ въ его распоряженіе Ярославль дворъ, а самъ поселился на Угорскомъ; Вячеславъ, въ свою очередь, усыновилъ Изяслава и сдѣлалъ своимъ соправителемъ, предоставилъ ему вмѣстѣ участвовать въ рядахъ и походахъ и пользоваться его дружиною [3]).

---

[1]) Въ той же Никон. л. (I с. 186) приведена благодарность Изяслава кіевлянамъ, но тоже въ весьма подозрительной формѣ.

[2]) Ипат. с. 281—289, Лавр. с. 312—313.

[3]) Ипат. с. 278, 289—291, 307. „Изяславъ посла у Вышегородъ къ отцю своему Вячеславу, и рече ему: отце, кланяютися, съгрѣшилъ есмь и первое, а того ся каю, а

Это номинальное вокняженіе Вячеслава легализовало положеніе Изяслава, но нисколько не прекратило претензій его соперника: Юрій и его союзники по прежнему продолжаютъ борьбу. Извѣщая объ этомъ „рядѣ“ брата Ростислава, Изяславъ заявлялъ, что учинилъ его „всея дѣля Рускыя земля“ [1]); онъ до смерти соблюдалъ его, хотя соправительство Вячеслава было, несомнѣнно, непріятно для такой энергичной и честолюбивой натуры. Кіевляне, съ своей стороны, не смотря на нерасположеніе къ Вячеславу, одобряютъ такой порядокъ дѣлъ и по смерти Изяслава вмѣняютъ Ростиславу въ обязанность продолжать прежнія отношенія къ Вячеславу [2]). Мнѣ кажется, этимъ рядомъ дорожили кіевляне потому, что онъ отдавалъ въ распоряженіе князя дружину Вячеслава, а съ другой стороны—онъ давалъ имъ сознаніе, что правительство кіевское вполнѣ легально: не имѣя реальнаго значенія, это сознаніе было пріятно земству, очень боявшемуся всякихъ усобицъ, и закрывало ротъ партіи Юрія и рьянымъ легитимистамъ; при томъ все это достигалось довольно дешево, такъ какъ Изяславъ на дѣлѣ оказывался полнымъ хозяиномъ. Съ этой точки зрѣнія можно, пожалуй, оправдать и извѣстіе Никоновскаго свода, что кіевляне желали Вячеслава [3]).

Новые соправители, Вячеславъ и Изяславъ, ждали нападенія Юрія и немедленно обратились за помощью къ угорскому королю и Ростиславу; отпуская вспомогательный отрядъ угровъ, они просили Гейзу, занятаго борьбою съ Византіею, прислать новую помощь немедленно, „сеѣ весны,“ а Ростислава призывали къ себѣ самого. Въ

изнова коли ми Богъ далъ побѣдити Игоря у Кыева, а язъ есмь на тобѣ чести есмь не положилъ, а потомъ коли у Тумаща“ (с. 289). Затрудненіе представляютъ слова „а потомъ коли у Тумаща“: предъ походомъ на Тумащъ противъ Володимірка Изяславъ предложилъ Кіевъ Вячеславу и не могъ нарушить своего слова уже потому, что вслѣдъ затѣмъ оставилъ Кіевъ; можетъ быть, „у Тумаща“ употреблено для обозначенія и предшествовавшаго времени, когда Изяславъ ладился съ Вячеславомъ (с. 277). Нужно замѣтить, что если и Вячеславъ и Изяславъ говорятъ о двухъ случаяхъ нарушенія слова послѣднимъ (с. 298: „аче и двоичя ступилъ слова своего“), то тутъ едва ли нѣтъ преувеличенія: во второмъ случаѣ ничто, кажется, не обязывало Изяслава уступать кіевскій столъ Вячеславу.

[1]) Ипат. с. 292; ср. Андріяшевъ ор. с. 126.

[2]) Ипат. с. 324.

[3]) Никон. I с. 185.

апрѣлѣ Юрій началъ уже стягивать свои силы; въ Остерскій городокъ явились къ нему со своими полками Святославъ Ольговичъ съ племянникомъ и Владиміръ Давыдовичъ. Наоборотъ, Изяславъ Давыдовичъ отправился на помочь къ своему тезкѣ; подоспѣлъ Ростиславъ „съ множествомъ вои,“ но объ уграхъ еще не было и вѣсти. Не дожидаясь Володимірка, Юрій двинулся къ Кіеву. Сюда подоспѣли и половцы. Изяславъ помѣшалъ Юрію переправиться у Кіева, при помощи знаменитыхъ, „дивно исхитренныхъ“ лодокъ (гребцы были прикрыты палубами, на которыхъ стояли воины; кормчіе, помѣщенные на обоихъ концахъ лодки, могли ее по желанію направлять и взадъ и впередъ). Юрій прошелъ мимо Кіева чрезъ Долобское озеро и Золотчу, но переправиться удалось ему только у Заруба: „зане не бяшеть ту князя, а боярина не вси слушають.“ Послѣ этого, по настоянію дружины и кіевскаго ополченія, Изяславъ отступилъ къ Кіеву; городъ былъ окруженъ всѣми наличными силами, было рѣшено держаться оборонительной тактики. Вячеславъ предварительно попытался убѣдить Юрія отказаться отъ борьбы, которая уже не имѣла легальныхъ оправданій. На успѣхи этой дипломатической пересылки, конечно, не разсчитывалъ и самъ Вячеславъ, она должна была только выяснить правоту дѣйствій Вячеслава и несправедливость Юрія предъ общественнымъ мнѣніемъ, преимущественно кіевскимъ. Юрій отвѣчалъ требованіемъ, чтобы Вячеславъ отослалъ отъ себя племянниковъ. Приступъ его былъ неудаченъ; Юрій отступилъ; попытался было овладѣть Бѣлгородомъ, но населеніе послѣдняго сослалось на рѣшеніе старѣйшаго города и дало отпоръ („а Киев ти ся кое отворилъ? а князь нашь Вячьславъ, Изяславъ и Ростиславъ“). Юрій перешелъ за Стугну и сталъ ожидать Володимірка. Но Изяславу было необходимо предупредить это соединеніе, и онъ не медля двинулся на Юрія; кіевское населеніе выразило необычайное рвеніе, порѣшивъ, что въ походѣ должны принять участіе всѣ: „ать же пойдуть вси, како можеть и хлудъ (древо—Воскр.) в руци взяти; пакы ли хто не пойдеть, намъ же и дай, ать мы сами побьемы“; вѣроятно, неудача Юрія подавала надежду окончательно доконать и отбить у него охоту къ дальнѣйшимъ претензіямъ. На знаменитомъ Перепетовскомъ полѣ снова встрѣтились враги. Изяславъ получилъ извѣстіе, что угры уже вышли изъ Карпатскихъ горъ, но ожидать ихъ было некогда. Юрій всячески уклонялся отъ битвы, но былъ вынужденъ принять ее; въ „сѣчѣ

крѣпкой", въ которой былъ убитъ Владиміръ Давыдовичъ, а Изяславъ Мстиславичъ раненъ, войска Юрія потерпѣли полное пораженіе и обратились въ безпорядочное бѣгство; много дружины потонуло въ топкомъ Рутѣ [1]). Юрій бѣжалъ въ Переяславль; Володимірко, узнавъ о происшедшемъ, вернулся назадъ. Побѣдители вернулись въ Кіевъ съ великимъ торжествомъ, ихъ встрѣтило все духовенство съ митрополитомъ Климомъ во главѣ, „и пребыша у велицѣ весельи и у велицѣ любви". Побѣда эта имѣла еще тотъ полезный для Изяслава результатъ, что съ его помощью на черниговскомъ столѣ теперь сѣлъ союзникъ его—Изяславъ Давыдовичъ. Радость побѣдителей была омрачена только извѣстіемъ о гибели угровъ, которыхъ велъ на помощь Мстиславъ Изяславичъ и которые были перебиты на дорогѣ Володимірком [2]).

Изяславъ и Вячеславъ рѣшились воспользоваться своимъ успѣхомъ и избавиться отъ опаснаго сосѣдства Юрія; не мѣшкая, они обступили его въ Переяславлѣ и предложили миръ подъ условіемъ, что въ Переяславлѣ сядетъ который-нибудь изъ сыновей Юрія, а самъ онъ уйдетъ въ Суздаль и, конечно, не будетъ претендовать на Кіевъ; „не можемъ с тобою быти сдѣ, приведеши на ны опять Половци", говорили они. Юрій не имѣлъ средствъ сопротивляться и долженъ былъ присягнуть на этихъ условіяхъ. Но избавившись отъ осады, онъ медлилъ уходить и сносился съ Володимірком и половцами, Вячеславъ и Изяславъ напомнили ему объ обѣщаніи, дали мѣсяцъ сроку для возвращенія въ Суздаль и опять заставили присягнуть на прежнемъ условіи. Святославъ Ольговичъ при этомъ былъ исключенъ изъ мирнаго договора: онъ заключилъ отдѣльный договоръ съ Изяславомъ Давыдовичемъ, причемъ, вѣроятно, обязался отступиться отъ Юрія и присоединиться къ Изяславу. Юрій между тѣмъ все не уходилъ; Изяславъ осадилъ его въ Остерскомъ городкѣ, куда перешелъ Юрій изъ Переяславля; въ осадѣ приняли участіе Изяславъ Давыдо-

---

[1]) Пораженіе Юрія датировано въ 1 Новг. (с. 11) 17 іюля, но это былъ вторникъ, а въ прочихъ лѣтописяхъ днемъ битвы—пятница, см. Арцыбашевъ I. 2 пр. 868.

[2]) Ипат. 291—306, Лавр. 313—319. Избіеніе угровъ въ Лавр. предшествуетъ походу на Городокъ, въ Ипат.—походу на Переяславль, но первое, кажется, вѣроятнѣе и первоначально этотъ эпизодъ, можетъ быть, и въ Ипат. стоялъ передъ извѣстіемъ о посланіи Изяслава къ угорскому королю (с. 307).

вичъ и Святославъ Всеволодовичъ, даже Святославъ Ольговичъ вынужденъ былъ послать помощь противъ своего союзника. Юрію „бысть тяжко“, онъ покорился и ушелъ въ Суздаль; Переяславская волость была тоже отнята у него, а затѣмъ и его гнѣздо—Остерскій городокъ былъ разрушенъ и сожженъ союзниками [1]).

Юрій не угомонился; уже въ слѣдующемъ году онъ снова началъ готовиться къ походу на Кіевъ; поводомъ къ тому онъ выставилъ разрушеніе Остерскаго городка. Союзниками его явились: рязанскій князь, неизмѣнные половцы, кочевавшіе между Днѣпромъ и Волгою, и Святославъ Ольговичъ; послѣдній—изъ страха, чтобы Юрій не разорилъ его волостей по пути. Одновременно Володимірко двинулся изъ Галича, но Изяславъ пошелъ му на встрѣчу и заставилъ возвратиться. Юрій съ союзниками осадилъ Черниговъ, Изяславъ явился на выручку, и союзники отступили; половцы ушли во-свояси, и Юрій, считая дѣло проиграннымъ, ретировался въ Суздаль, предоставивъ своему союзнику—Святославу раздѣлываться за него и за себя. По зимнему пути Изяславъ двинулся на Новгородъ Сѣверскій; одновременно Мстиславъ Изяславичъ отправился громить половцевъ по Углу (Орели) и Самарѣ, вѣроятно, съ цѣлью удержать ихъ отъ соединенія со Святославомъ Ольговичемъ. Оттепель помѣшала однако Изяславу доконать послѣдняго, онъ долженъ былъ согласиться на миръ и съ тѣмъ возвратился [2]). Въ 1154 г. Юрій еще разъ собрался было на югъ, но моръ заставилъ его вернуться [3]).

Восторжествовавъ надъ своимъ соперникомъ, Изяславъ обратился на другого своего врага и постояннаго помощника Юрія — Володимірка. Володимірко когда-то, вѣроятно въ 1150 г., послѣ послѣдняго изгнанія Изяслава изъ Кіева [4]), захватилъ нѣсколько городовъ его. Изяславъ, уже послѣ того, ходилъ на него вмѣстѣ съ Гейзою, но Во-

---

[1]) Ипат. с. 306—308, Лавр. с. 317—319.

[2]) Ипат. с. 314—318, Лавр. с. 320—322.

[3]) Ипат. с. 322, Лавр. с. 324.

[4]) „Володимеръ же отъя городы всѣ ида (идя) и приде къ Лючьску“ (Ипат. с. 281), и вслѣдъ за тѣмъ Изяславъ жалуется на захватъ Володимірка (с. 282). Соображенія объ этомъ см. у Н. П. Дашкевича—Болоховск. земля с. 76—77; ср. Шараневича Истор. Гал.-Волод. Руси. с. 41, Молчановскаго ор. с. с. 76. Странно только, что во время перваго похода на Володимірка (1150 г.) ничего не говорится объ этихъ городахъ.

лодимірко, какъ было упомянуто, успѣлъ тогда откупиться. Зимою 1151—1152 г. было рѣшено снова пойти на Володимірка; Изяславъ двинулся было, но вернулся почему-то съ дороги [1]). Весною 1152 года онъ снова отправился въ походъ съ кіевскимъ ополченіемъ и съ полками всѣхъ южныхъ Мономаховичей; были приглашены къ участію и ляхи, но отказались. Соединившись съ уграми, Изяславъ нанесъ сильное пораженіе Володимірку, но многоглаголивый галицкій князь и на этотъ разъ избѣжалъ дальнѣйшихъ непріятностей, подкупивъ совѣтниковъ Гейзы. Несмотря на настоянія Изяслава—продолжать войну и лишить Володимірка волости, съ послѣднимъ былъ заключенъ миръ подъ условіемъ возвращенія захваченныхъ городовъ и тѣснаго союза съ Изяславомъ [2]). Ни одно изъ этихъ условій не было исполнено: города не были возвращены, а въ томъ же году, при вѣсти о походѣ Юрія на Кіевъ, Володимірко двинулся также на Изяслава. Послѣдній заставилъ его возвратиться; управившись съ Юріемъ, онъ замышлялъ новый походъ на Галичъ, но внезапная смерть Володимірка остановила его намѣреніе. Преемникъ Володимірка, Ярославъ, заявлялъ Изяславу о своей преданности, просилъ принять „яко сына своего Мстислава всими своими полки", но захваченные города, по всей вѣроятности, все-таки не были возвращены [3]), и въ началѣ 1153 г. Изяславъ опять пошелъ на Галичъ. Битва у Теребовля была нерѣшительна, братья и дружина Изяслава разбѣжались, и онъ вынужденъ былъ отступить [4]). Это былъ послѣдній походъ Изяслава на Галичъ; спорные города были въ концѣ концовъ возвращены, но когда—неизвѣстно [5]).

Годъ спустя, 13 ноября 1154 г. скончался Изяславъ, еще далеко не въ преклонныхъ лѣтахъ и въ полнотѣ силъ [6]); за нѣсколько мѣ-

---

[1]) Лавр. с. 319.

[2]) Миролюбіе Гейзы очень вѣроятно объясняется нападеніемъ на его земли византійскаго императора (Карамзинъ II с. 156, Зубрицкій II с. 86).

[3]) Посвидѣтельству Татищевскаго свода (III с. 77) галицкіе бояре удержали Ярослава отъ возвращенія этихъ городовъ; ср. Соловьевъ Ист. Россіи II с. 176, Зубрицкій Ист. Гал.-Русск. княж. II с. 90, Шараневичъ Ист. Гал.-Волод. Руси. с. 45.

[4]) Ипат. с. 308—313, 318—322, Лавр. с. 319—320, 322—323.

[5]) См. выше с. 15.

[6]) Ипат. с. 323, Лавр. с. 324. Ему, несомнѣнно, не было еще 60 лѣтъ, такъ какъ отецъ его родился въ 1076 г., а Изяславъ былъ не старшій сынъ.

сяцевъ до того онъ женился вторично на кавказской княжнѣ — изъ Обезъ. Смерть его, несомнѣнно, была несчастьемъ для Кіевщины; въ послѣднее время ему удалось значительно упрочить свое положеніе, и можно было надѣяться, что онъ и впредь сохранитъ кіевскій столъ за собою, что враждебныя силы будутъ нейтрализованы и серьезныхъ коллизій не произойдетъ. Проживи Изяславъ лишній десятокъ-другой лѣтъ, переживи онъ Юрія, Святослава Ольговича и другихъ старшихъ современниковъ—и, быть можетъ, исторія Кіевщины не сложилась бы такъ печально.

Смерть Изяслава вызвала искреннее сожаленіе у населенія — „плакася по немъ вся Руская земля (т. е. Кіевская) и вси Черниии Клобуци, и яко по цари и господинѣ своемъ, наипаче же яко по отци" [1]). Популярность его объясняется прежде всего свойствами его характера. Его беззавѣтная удаль и энергія, извѣстное благородство, не стѣснявшееся впрочемъ при случаѣ, по духу того времени, и обманомъ и жестокостью, его радушіе и обходительность обаятельно дѣйствовали на населеніе. Затѣмъ располагало къ нему его уваженіе къ голосу земства: отношенія Изяслава къ вѣчу—отношенія равнаго къ равному, даже низшаго къ высшему; онъ живетъ въ тѣсномъ общеніи съ землею, вѣче принимаетъ при немъ самое живое участіе въ политическихъ дѣлахъ, частью по своей иниціативѣ, частью по приглашенію князя, и Изяславъ никогда не позволяетъ себѣ какого-либо давленія на него. Этотъ образъ дѣйствій, обнаруживающій въ Изяславѣ ясное сознаніе своихъ интересовъ и большой политическій тактъ, несомнѣнно, долженъ былъ очень нравиться населенію. Наконецъ, популярности Изяслава должна была содѣйствовать политика его относительно половцевъ: онъ являлся и въ этомъ отношеніи преемникомъ своего отца и дѣда; постоянная борьба съ соперниками, правда, не давала ему возможности дѣятельно вести наступательную борьбу противъ степняковъ: лѣтопись говоритъ объ одномъ только походѣ въ степь его сына Мстислава; но по крайней мѣрѣ никогда Изяславъ не дружилъ съ ними и не наводилъ на Русскую землю, какъ Юрій.

Симпатичныя свойства Изяслава не должны однако закрывать отъ насъ слабыхъ сторонъ его, какъ государя. Въ своей дѣятельно-

---

[1]) Ипат. л. с. 323.

сти онъ преслѣдуетъ личныя выгоды; въ борьбѣ съ Юріемъ онъ обнаруживаетъ весьма мало охоты поступиться чѣмъ-нибудь, пойти на компромиссы, уладить какимъ-нибудь путемъ соперничество и обезпечить странѣ спокойствіе; когда Юрій отступался отъ Кіева и просилъ взамѣнъ Переяславскую волость для одного изъ сыновей, Изяславъ отказалъ, не смотря на желаніе населенія,—„добылъ есми головою своею Киева и Переяславля", отвѣчалъ онъ; правда, что съ Юріемъ и войти въ компромиссы было трудно. При такомъ положеніи дѣлъ борьба ихъ могла продолжаться безконечно. Въ этомъ отношеніи Изяславъ далеко уступаетъ своему дѣду, который также руководился личными цѣлями, но свое благосостояніе строилъ гораздо прочнѣе и со своимъ благополучіемъ связывалъ благополучіе и счастіе населенія. На земство Изяславъ смотрѣлъ преимущественно, какъ на орудіе; это отношеніе смягчалось его радушіемъ, привѣтливостью, но сущность дѣла отъ того не измѣнялась; любопытное проявленіе этого отношенія встрѣчаемъ въ описаніи событій 1149 г., когда Изяславъ обманомъ заставляетъ кіевлянъ сражаться за него съ Юріемъ и потерпѣвъ пораженіе, предлагаетъ имъ снова за него биться отвѣтъ кіевлянъ, просящихъ не погубить ихъ до конца, вовлекая въ новую борьбу съ Юріемъ, хорошо характеризуетъ эти отношенія. Къ чести кіевскаго населенія нужно замѣтить, что оно не увлекается своими симпатіями къ Изяславу и сохраняетъ всегда сознаніе собственныхъ интересовъ [1]).

По смерти Изяслава номинально кіевскимъ княземъ по прежнему оставался Вячеславъ, но и населеніе и онъ самъ, вѣроятно, сознавали необходимость соправителя. Относительно выбора преемника Изяславу затрудненія не было; еще при жизни его Вячеславъ усыновилъ Ростислава, и населеніе Кіевской земли заявляло Юрію: „князь нашь Вячьславъ, Изяславъ и Ростиславъ" [2]). Ростислава въ Кіевѣ не было въ моментъ смерти Изяслава, и за нимъ тотчасъ послали.

---

[1]) Объ Изяславѣ см. еще Карамзина II с. 160, Соловьева II с. 77 и Ист. отнош. с. 193—4; оригинальна характеристика Зубрицкаго (II с. 93): онъ принялъ въ разсчетъ лишь отрицательныя качества Изяслава (и даже не только его личныя, но и общіе недостатки того времени); конечно, характеристика вышла очень недоброжелательная и односторонняя.

[2]) Ипат. с. 298, 300.

Въ это время прибылъ къ кіевскому перевозу Изяславъ Давыдовичъ; услыхавъ о смерти Изяслава, онъ, очевидно, хотѣлъ попробовать, не удастся ли, пользуясь этимъ переходнымъ временемъ, самому усѣсться въ Кіевѣ. Вячеславъ встрѣтилъ его нелюбезно: „по што еси приѣхалъ и кто тя позвалъ? ѣди же у свой Черниговъ". Изяславъ Давыдовичъ увѣрялъ, что онъ хочетъ только оплакать гробъ Изяслава Мстиславича, но это похвальное намѣреніе показалось подозрительнымъ Вячеславу, и онъ, посовѣтовавшись съ Мстиславомъ Изяславичемъ и „с мужьми", не пустилъ въ Кіевъ Изяслава [1]). Этотъ фактъ, очевидно, обезпокоилъ Вячеслава и кіевлянъ; дѣло въ томъ, что отношенія сѣверскихъ князей въ послѣднее время измѣнились: еще при жизни Изяслава (1153 г.) состоялся тѣсный союзъ между представителями двухъ вѣтвей ихъ—Изяславомъ Давыдовичемъ и Святославомъ Ольговичемъ [2]); вѣроятно, Святославичи соскучились своею ролью подручниковъ Мономаховичей, желали сообща дѣйствовать въ свою пользу и при удобномъ случаѣ возобновить притязанія на кіевскій столъ, поднятыя Всеволодомъ Ольговичемъ. Чтобы помѣшать этой коалиціи, Вячеславъ, конечно съ вѣдома и совѣта Мстислава и боярь, входитъ въ сношенія со Святославомъ Всеволодовичемъ и призываетъ его постеречь Кіевъ до прихода Ростислава, называя его любимымъ сыномъ Ростислава и своимъ и подавая надежду на хорошее вознагражденіе. Святославъ, тайкомъ отъ дядей, дѣйствительно явился въ Кіевъ. Тогда Изяславъ Давыдовичъ и Святославъ Ольговичъ послали къ Юрію, приглашая его въ Кіевъ и обѣщая свое содѣйствіе [3]); думается, что такимъ образомъ они желали возобновить усобицы среди Мономаховичей, которыми надѣялись воспользоваться въ своихъ интересахъ.

Ростиславъ между тѣмъ прибылъ въ Кіевъ; „Кияне же вси изидоша с радостию великою противу своему князю; и тако быша ради ему вси, и вся Руская земля, и вси Чернии Клобуци обрадовашася". Ростиславъ не медля явился на поклонъ къ Вячеславу, и между ними состоялся такой же рядъ, какой существовалъ раньше между Вяче-

---

[1]) Ипат. с. 323, Лавр. 324; См. Ист. Сѣв. з. П. В. Голубовскаго с. 138.

[2]) Ипат. с. 320.

[3]) Ипат. с. 323—324, 329.

славомъ и Изяславомъ: Ростиславъ обязывался имѣть Вячеслава отцемъ и „честь на немъ держать", а Вячеславъ предоставлялъ ему участвовать въ управленіи и распоряжаться его „полкомъ и дружиною". Послѣ этого кіевляне „посадили" Ростислава на кіевскомъ столѣ, заключивъ съ нимъ также рядъ: „яко же и братъ твой Изяславъ честилъ Вячеслава, тако же и ты чести; а до твоего живота Киевъ твой" [1]). Послѣднія слова очень любопытны: они показываютъ въ кіевлянахъ твердое нимѣреніе устранить Юрія отъ кіевскаго стола наперекоръ родовымъ счетамъ; кіевское населеніе такимъ образомъ шло въ этомъ отношеніи дальше своихъ князей, которые (въ 1149 г.) обязывали Юрія не искать Кіева только подъ Вячеславомъ и подъ Изяславомъ [2]). Святославъ Всеволодовичъ за свой переходъ на сторону Ростислава получилъ отъ него Туровъ и Пинскъ [3]).

Такъ вокняжился Ростиславъ — всего впрочемъ на нѣсколько дней. Необходимо было не медля начать борьбу съ противниками. Глѣбъ Юрьевичъ съ половцами шелъ на Переяславль — его удалось отбить. Ростиславъ, очевидно, зналъ также о сношеніяхъ сѣверскихъ князей съ Юріемъ; онъ рѣшилъ предупредить ихъ соединеніе и до прихода Юрія раздѣлаться съ Изяславомъ Давыдовичемъ: „любо и проженемъ, любо примиримъ к собѣ". Ростиславъ стоялъ уже за Днѣпромъ противъ Вышгорода, поджидая дружину, какъ неожиданное извѣстіе заставило его возвратиться: Вячеславъ, пируя со своею дружиною, скоропостижно скончался. Похоронивъ его „съ честью великою, с множьствомъ народа" и раздавъ имущество его церквямъ, монастырямъ и нищимъ, Ростиславъ поспѣшилъ снова къ Вышгороду, забравъ остальную дружину Вячеслава. Но на военномъ совѣтѣ, бояре, очевидно кіевскіе, хорошо знавшіе настроеніе населенія, совѣтовали ему не итти на Черниговъ, а вернуться въ Кіевъ и „утвердиться съ людьми"—„да аче стрый придеть на тя Дюрги, понѣ ты ся с людми утвердилъ будеши, годно ти ся с нимъ умирити—умиришися, накы ли а рать зачнеши с нимъ". Очевидно, они опасались и, конечно, основательно, что въ виду смерти Вячеслава болѣе консер-

---

[1]) Ипат. с. 324, Лавр. с. 325.

[2]) Ипат. с 306.

[3]) Ипат. с. 324.

вативная часть кіевскаго населенія, еще вѣрившая въ могущество и святость родовыхъ правъ, будетъ склоняться на сторону Юрія, хотя Ростиславъ и былъ посаженъ на кіевскій столъ „до живота“. Необходимо было поэтому такъ или иначе привлечь на свою сторону населеніе и прочно заручиться его поддержкою для предстоящей борьбы съ Юріемъ. Ростиславъ не послушалъ этого совѣта, двинулся къ Чернигову и предложилъ Изяславу Давыдовичу присягнуть, что онъ признаетъ Ростислава кіевскимъ княземъ. Но Изяславъ, призвавъ къ себѣ Глѣба Юрьевича съ половцами и зная, вѣроятно, что самъ Юрій тоже двинулся на югъ, не боялся Ростислава; онъ разыгралъ оскорбленную невинность и отвергъ мирныя предложенія. У Боловоса противники встрѣтились, у Изяслава оказалось войска гораздо больше, Ростиславъ оробѣлъ, завелъ переговоры съ Изяславомъ и не попытавъ даже счастья, отступался въ его пользу отъ Кіева и Переяславля. Мстиславъ Изяславичъ, которому тогда принадлежалъ Переяславль, былъ крайне возмущенъ такимъ поведеніемъ дяди и не дожидаясь конца переговоровъ, ушелъ со своимъ полкомъ; тогда половцы бросились на войско Ростислава, которое отбивалось два дня, но наконецъ обратилось въ бѣгство. Святославъ Всеволодовичъ былъ захваченъ въ плѣнъ половцами, Ростиславъ едва избѣжалъ той же участи; не возвращаясь въ Кіевъ, онъ прямо съ побоища отправился въ Смоленскъ; Мстиславъ Изяславичъ ушелъ въ Луцкъ. Изяславъ Давыдовичъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы пріобрѣсть себѣ симпатіи кіевскаго населенія: онъ выручилъ изъ половецкаго плѣна многихъ кіевлянъ и не выдавалъ тѣхъ, которые убѣгали отъ половцевъ въ его города [1].

Кіевская земля осталась такимъ образомъ въ весьма непріятномъ положеніи; Мстиславичи, считая дѣло проиграннымъ, покинули ее на произволъ судьбы, и Кіевъ остался вовсе безъ князя, а Изяславъ Давыдовичъ, и что хуже всего — съ половцами, готовъ былъ двинуться на него: „тяжко бяше Кияномъ“. Но Изяславъ не рѣшился силою брать Кіевъ, а предпочелъ завладѣть имъ мирно, съ согласія самого населенія; роль, которую играло кіевское земство въ предшествовавшей борьбѣ Изяслава Мстиславича съ Юріемъ, должна была

---

[1]) Ипат. с. 325—327 (Воскр. I с. 61—62), Лавр. 325—326.

поднять его значеніе въ глазахъ князей; Изяславу Давыдовичу предстояло вынести также борьбу съ Юріемъ изъ-за кіевскаго стола, и онъ желалъ заручиться сочувствіемъ кіевлянъ. Итакъ Изяславъ предложилъ себя въ князья кіевлянамъ—„посла Кияномъ, река: хочю к вамъ поѣхати“. Добровольное признаніе Изяслава княземъ было единственнымъ выходомъ изъ затруднительныхъ обстоятельствъ, и кіевляне отвѣчали, что признаютъ его своимъ княземъ подъ тѣмъ условіемъ, чтобы половцы не грабили Кіевской волости [1]); посломъ кіевлянъ былъ Демьянъ, еп. Юрьевскій. Изяславъ вошелъ въ Кіевъ и вокняжился. Онъ извѣстилъ объ этомъ Святослава Ольговича, и между ними состоялось соглашеніе, что Изяславъ будетъ княжить въ Кіевѣ, а Святославъ сядетъ въ Черниговѣ; Переяславскую волость Изяславъ Давыдовичъ отдалъ Глѣбу Юрьевичу, своему союзнику, надѣясь, быть можетъ, ублаготворить этимъ и Юрія; грабежомъ Переяславской волости вознаградили себя другіе союзники Изяслава—половцы [2]).

А между тѣмъ Юрій, такъ некстати призванный въ Кіевъ Святославичами, уже двинулся изъ своей волости; на дорогѣ узналъ онъ о пораженіи Ростислава, вокняженіи Изяслава въ Кіевѣ, а Глѣба въ Переяславлѣ, но уступкою Переяславской волости Юрій не удовлетворился. Онъ направился прежде всего къ волости Ростислава, съ цѣлью запугать его и отбить охоту къ соперничеству. Ростиславъ повинился, и между ними состоялось соглашеніе. Святославъ Ольговичъ, при вѣсти о движеніи Юрія, счелъ дѣло проиграннымъ и предпочелъ принять сторону послѣдняго, онъ выѣхалъ ему на встрѣчу, „ввелъ въ любовь“ къ нему и своего племянника Святослава Всеволодовича, а Изяслава побуждалъ уступить Кіевъ Юрію и вернуться на черниговскій столъ. Изяславъ никакъ не могъ разстаться съ Кіевомъ „зане улюбилъ бы Киевъ ему“, но и бороться съ Юріемъ не представлялось возможности: союзниковъ у Изяслава не было, а на поддержку кіевскаго населенія не представлялось надежды, лѣтопись не говоритъ даже, чтобы онъ обратился къ нему; кіевляне приняли его подъ давленіемъ обстоятельствъ, чтобы избавиться отъ половецкаго

---

[1]) Отвѣтъ кіевлянъ въ Ипат. (с. 327), кажется, составленъ изъ двухъ разныхъ редакцій, ср. Лавр. с. 326.

[2]) Ипат. с. 327—328, Лавр. с. 326.

опустошенія, и не были расположены вступаться за него, хотя бы и противъ нелюбимаго Юрія. Наконецъ, когда Юрій, придвинувшись къ Моровійску, потребовалъ у Изяслава своей отчины — „мнѣ отцина Кіевъ, а не тобѣ", — Изяславъ покорился, просилъ не „створить пакости" ему и оправдывался тѣмъ, что онъ не самъ занялъ Кіевъ, а посадили его кіяне. „Дюрги же милостивъ сый, отда ему гнѣвъ". 20 марта 1155 г. Юрій вступилъ въ Кіевъ [1]). По словамъ лѣтописи, его приняла „вся земля Руская" — но эти слова, равно какъ и предшествующій отзывъ о милостивомъ характерѣ Юрія, принадлежатъ его сторонинку и не заслуживаютъ довѣрія. Несомнѣнно, были сторонники Юрія среди населенія: одни изъ уваженія къ его родовому старѣйшинству, другіе считали, что Мономаховичъ все-таки лучше Ольговича, притомъ Юрій, какъ болѣе сильный, имѣлъ больше шансовъ утвердиться на столѣ и дать странѣ спокойствіе; но онъ, несомнѣнно, былъ непопуляренъ, и радоваться ему и теперь, какъ и раньше, могла лишь небольшая кучка личныхъ его пріятелей [2]).

Юрій, какъ и въ 1148 г., обсажался сыновьями; на этотъ разъ въ Переяславлѣ онъ оставилъ Глѣба, Борису далъ Туровъ, Васильку —Поросье, а Андрея по прежнему посадилъ въ Вышгородѣ. У Мстислава Изяславича была отобрана Пересопница, а вслѣдъ за тѣмъ Юрій задумалъ выгнать Изяславичей (Мстислава и Ярослава) и изъ ихъ отчины — Луцка. Союзникомъ его въ этомъ дѣлѣ явился, кромѣ Ярослава галицкаго, Владиміръ Мстиславичъ, дядя Изяславичей, сидѣвшій тогда во Владимірѣ; лѣтопись не объясняетъ причины такого поступка; Владиміръ могъ опасаться, чтобы племянники не отняли у него стола, или желалъ самъ завладѣть Луцкомъ. Осада Луцка однако окончилась ничѣмъ, и Юрій долженъ былъ отложить свое намѣреніе, тѣмъ болѣе, что положеніе его становилось шаткимъ. Изяславъ Давыдовичъ замышлялъ рать противъ него; онъ подбивалъ и Святослава, но тотъ отказался. А Изяславъ былъ тѣмъ опаснѣе, что онъ могъ накликать половцевъ, которые въ это время не ладили съ Юріемъ. Вскорѣ послѣ вокняженія его въ Кіевѣ они сдѣлали набѣгъ и повоевали Поросье; Василько съ берендичами догналъ ихъ, много было

---

[1]) 1 Новг. с. 11, Софійск. I с. 193: въ вербную недѣлю; она была 20 марта (Карамзинъ II пр. 363).

[2]) Ипат. с. 328—329, Лавр. с. 326—327.

перебито половцевъ, а нѣкоторые захвачены въ плѣнъ берендичами. Они послѣ того прiѣзжали къ Юрiю „на снемъ“ къ Каневу и просили о возвращенiи плѣнныхъ, конечно даромъ; Юрiй хотѣлъ удовлетворить ихъ, но берендичи обидѣлись, „рекуче: мы (того дѣля) умираемъ за Рускую землю с твоимъ сыномъ и головы своя съкладаемъ за твою честь“. Юрiй не рѣшился принудить берендичей и старался задобрить половцевъ подарками, но послѣднiе остались все-таки недовольны и опустошили Переяславскую волость [1]).

При такихъ обстоятельствахъ коалицiя Изяслава и Мстиславичей могла быть очень опасна. Поэтому Юрiй счелъ необходимымъ сблизиться съ Ростиславомъ и его племянниками и пригласилъ его къ себѣ въ Кiевъ, чтобы вмѣстѣ „удержати Рускую землю“ отъ притязанiй Святославичей. Ростиславъ поспѣшилъ принять это приглашенiе; онъ отправился въ Кiевъ со своимъ полкомъ, кстати проводилъ и княгиню Юрьеву, ѣхавшую къ мужу съ дѣтьми изъ Суздаля. Юрiй принялъ его съ великою честью; при посредствѣ Ростислава состоялось примиренiе его съ Изяславичами, а послѣднихъ съ Владимiромъ Мстиславичемъ; Владимiръ и Ярославъ Изяславичъ явились въ Кiевъ со своими полками, а Мстиславъ Изяславичъ остерегся—„река: иметь мя Дюрги“, но былъ принятъ Юрiемъ „в любовь“. Вѣроятно, при этомъ состоялось и соглашенiе о передачѣ кiевскаго стола послѣ Юрiя Ростиславу, если только оно не подразумѣвалось само собою.

Собравъ столько союзниковъ (прибыла еще помощь и отъ Ярослава галицкаго), Юрiй могъ импонировать своимъ противникамъ и заставилъ ихъ смириться. Половцы пришли было цѣлою ордою въ Переяславскую волость „на миръ“,—Юрiй пригласилъ ихъ „на снемъ“ въ Каневъ и явился туда со всѣми союзниками; это произвело надлежащее впечатлѣнiе: узнавъ о силахъ Юрiя чрезъ своихъ посланцевъ, половцы заблагоразсудили въ ту же ночь убраться по добру по здорову. По возвращенiи въ Кiевъ Юрiй, посовѣтовавшись съ братiею, послалъ къ Изяславу Давыдовичу, предлагая ему прекратить враждебные замыслы и угрожая въ противномъ случаѣ походомъ; Изяславъ долженъ былъ отложить свои намѣренiя до болѣе удобнаго случая. Послѣ этого Юрiй отпустилъ своихъ союзниковъ; въ Лутавѣ на Де-

---

[1]) Ипат. с. 329—330, Лавр. с. 327—8, Никон. I с. 203.

снѣ произошелъ съѣздъ Юрія со Святославомъ Ольговичемъ и Изяславомъ Дадыдовичемъ, послѣдніе уладились съ нимъ и получили по городу: Изяславъ—Корческъ, а Святославъ—Мозырь; вскорѣ послѣ этого Глѣбъ Юрьевичъ женился на дочери Изяслава. Такимъ образомъ Юрію удалось уладить свои дѣла, „и бысть тишина въ Русьстеи земли“ [1]). Пользуясь этимъ, Андрей Юрьевичъ тайкомъ ушелъ изъ Вышгорода, соскучившись за сѣверомъ: „яко тамо, рече, покойнѣе есть“ [2]); при этомъ онъ унесъ и икону Богородицы—впослѣдствіи знаменитую Владимірскую. Непріятели Юрія были заняты своими домашними дѣлами: Мстиславъ Изяславичъ отнялъ Владиміръ у своего дяди, а Изяславъ Давыдовичъ занялся усмиреніемъ своего племянника, который захватилъ у него подесенскіе города и вступилъ въ сношенія съ Ростиславомъ Смоленскимъ. Юрій въ это время заключилъ наконецъ миръ и съ половцами, кажется при посредствѣ Святослава Ольговича и Изяслава Давыдовича; „снемь“ произошелъ у Заруба, и вслѣдъ затѣмъ половцы отправились укрощать племянника Изяслава Давыдовича [3]).

Волынскою усобицею Мстиславичей Юрій задумалъ воспользоваться для того, чтобы захватить для своего племянника Владиміра Андреевича Владимірскую волость, гдѣ нѣкогда сидѣлъ его отецъ: онъ обѣщалъ послѣднему заботиться о его сынѣ и самому Владиміру обѣщалъ эту волость. Но походъ на Изяславичей былъ не удаченъ, Юрій вернулся ни съ чѣмъ и далъ Владиміру взамѣнъ погорынскіе города.

Когда Юрій такимъ образомъ снова разссорился съ волынскими Мстиславичами, Изяславъ Давыдовичъ, помирившись со своими племянниками, рѣшилъ воспользоваться измѣнившимися обстоятельствами и началъ опять „рать замышляти“ на Юрія. Святославъ Ольговичъ отказался присоединиться къ нему, ссылаясь на крестное цѣлованіе, за то Изяславъ заручился союзомъ Мстислава Изяславича и Ростислава. Что побудило послѣдняго стать на сторону Изяслава, трудно сказать; интересы его и Изяслава были совершенно различны: Рости-

---

[1]) 1 Новг. с. 11.

[2]) Никон. I с. 204.

[3]) Ипат. с. 330—334, Лавр. с. 328—329.

славъ былъ естественный преемникъ Юрія, Изяславъ становился ему поперекъ дороги; можетъ быть впрочемъ, Ростиславъ имѣлъ въ виду только произвести на Юрія давленіе въ своихъ видахъ и не желалъ его сгонять со стола, а можетъ быть былъ раздраженъ и за своихъ племянниковъ, какъ полагаетъ Соловьевъ [1]). Онъ отрядилъ своего сына Романа на югъ съ полкомъ, Мстиславъ двинулся изъ Владиміра, Изяславъ собирался итти изъ Чернигова; эта коалиція была тѣмъ грознѣе для Юрія, что Ростиславъ передъ тѣмъ заключилъ тѣсный союзъ съ рязанскими князьями [2]). Изъ этого затруднительнаго положенія вывела Юрія смерть: Юрій пилъ у осменика Петрила, захворалъ и проболѣвъ пять дней, скончался въ ночь подъ 16 мая 1158 г. Какъ обыкновенно бывало при кончинѣ нелюбимыхъ князей, въ Кіевѣ начались безпорядки: были разграблены дворцы Юрія, дворъ Василька Юрьевича; въ городахъ и по селамъ избивали приведенныхъ Юріемъ суздальцевъ и грабили ихъ имущество [3]).

Юрій во многихъ отношеніяхъ былъ противоположностью Изяславу Мстиславичу [4]); эти два несходные характера, несомнѣнно, оттѣняли другъ друга въ представленіи общества, и если недостатки Изяслава закрывались многими симпатичными его свойствами, то антипатичныя черты характера его соперника представлялись въ рѣзкомъ, даже преувеличенномъ видѣ. Юрій отличался своекорыстіемъ и эгоизмомъ и совершенно лишенъ былъ благородства (хоть и относительнаго) своего соперника; лѣтопись сообщаетъ, напримѣръ, какъ онъ оставилъ во время опасности своего союзника Святослава, намѣренъ былъ выдить Ярославу галицкому „на убиство" своего подручника Ивана Берладника [5]). Онъ не отличался ни смѣлостью, ни дальновидностью, ни талантами полководца, ни государственнымъ умомъ;

---

[1]) Ист. Россіи II с. 184; въ Ист. отнош. (с. 202) онъ предполагалъ, что Ростиславъ и Мстиславъ предоставляли по договору Кіевъ Изяславу.

[2]) Ипат. с. 331—2; Иловайскій Ист. Ряз. кн. с. 31.

[3]) Ипат. с. 334—336, Лавр. с. 329—330; Аристовъ (Промышлен. древ. Руси с. 175) считалъ этихъ суздальцевъ купцами, но то были, несомнѣнно, дружинники Юрія.

[4]) Характеристика Юрія у Татищева въ т. III с. 103; онъ обвиняетъ Юрія въ преданности удовольствіямъ и разврату и это обвиненіе проводить очень настойчиво (ср. с. 67, 68, 89, 91, 97, 102). См. еще характеристику Карамзина II с. 166—167, Корсакова—Меря и Ростовск. кн. с. 74—75.

[5]) Ипат. с. 316, 335.

онъ любилъ выжидать, дѣйствовать чужими руками; его успѣхи въ борьбѣ съ Изяславомъ объясняются выгодными условіями его положенія: сосѣди Изяслава—Святославъ Ольговичъ и галицкіе князья были его постоянными союзниками, Суздальская волость доставляла ему значительныя военныя средства, а ея отдаленность и географическое положеніе гарантировало Юрію безопасность въ случаѣ неудачъ. Вокняжившись въ Кіевѣ, онъ не успѣлъ привязать къ себѣ населеніе, не извѣстно даже такихъ попытокъ съ его стороны; наводнивъ кіевскую область суздальцами, онъ долженъ былъ неминуемо возбудить нерасположеніе кіевскаго боярства; низшее населеніе также имѣло свои счеты съ нимъ. Что еще должно было сильнѣйшимъ образомъ возбудить нелюбовь къ нему, это его союзъ съ половцами; любопытенъ фактъ, сообщенный лѣтописью: во время похода Юрія на Кіевъ 1151 г. въ его войскѣ находился сынъ Боняка—Севенчъ, который похвалялся „сѣчи в Золотая ворота, якоже и отець“ его, но былъ убитъ во время приступа [1]); очевидно, кіевляне обратили вниманіе на это дѣйствительно любопытное обстоятельство, что сынъ шелудиваго хищника, который такъ „дався в знаки“ Кіеву, съ которымъ такъ долго боролся Мономахъ, явился союзникомъ Мономахова сына. Въ качествѣ союзниковъ половцы не разъ вступали на кіевскую территорію и, конечно, разоряли ее по своему обыкновенію; кромѣ того мы находимъ, частью въ Кіевской лѣтописи, частью въ позднѣйшемъ Никоновскомъ сводѣ, нѣсколько извѣстій о половецкихъ вторженіяхъ въ русскія волости—такъ подъ 1149 г. сообщается о взятіи Торшина и разореніи окрестныхъ селъ; зимою 1150 г. (когда Юрій опять сидѣлъ въ Кіевѣ) „приходиша Половци въ Русь, и много зла сотворивше идоша во свояси“; подъ 1155—опять въ княженіе Юрія—упомянутый уже набѣгъ половцевъ на Поросье. Въ послѣднемъ случаѣ Юрій въ своихъ видахъ оказалъ явную потачку половцамъ, когда они просили возвращенія плѣнныхъ [2]).

Изяславъ Давыдовичъ находился еще въ Черниговѣ и собирался выступать, когда къ нему „приѣхаша Кияне, рекуче: поѣди, княже,

---

[1]) Ипат. с. 299.

[2]) Ипат. с. 329 и 330, Никон. I с. 182–3, 185, Татищевъ III с. 13, 37.

Киеву, Гюрги ти умерлъ;" эти гонцы были, какъ видно, посланы въ Черниговъ тотчасъ по смерти Юрія [1]); послала ихъ, по всей вѣроятности, черниговская партія, можетъ быть вмѣстѣ съ богатыми кіевлянами, которыхъ могло испугать движеніе бѣднѣйшаго населенія противъ суздальцевъ; вѣче же не имѣло поводовъ заявлять особенное усердіе къ Изяславу, тѣмъ болѣе, что оно еще не знало, какъ отнесутся къ вопросу о кіевскомъ столѣ Ростиславъ и Мстиславъ [2]). Обстоятельства сложились неожиданно самымъ выгоднымъ для Изяслава образомъ, онъ поспѣшилъ въ Кіевъ, и кіевскому населенію не оставалось ничего другого, какъ посадить его вторично на столѣ, что оно и сдѣлало [3]).

Каковы бы не были виды Мономаховичей, они не протестовали при вокняженіи Изяслава. Напротивъ, Мстиславъ помагаетъ Изяславу въ его столкновеніи съ Святославомъ Ольговичемъ. Изяславъ Давыдовичъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми Мстиславичами ходитъ добывать Туровъ для Владиміра Мстиславича, оставшагося безъ волости, послѣ того какъ Мстиславъ Изяславичъ отнялъ у него Владиміръ. Со Святославомъ Ольговичемъ Изяславъ столкнулся изъ-за Черниговской волости, которую онъ хотѣлъ удержать за собою; дѣло улажено было мирно, Изяславъ уступилъ черниговскій столъ, сохранивъ часть волости за собою или своимъ племянникомъ Святославомъ Владиміровичемъ; Новгородъ Сѣверскій перешелъ къ Святославу Всеволодичу. Походъ на Туровъ, которымъ завладѣлъ Юрій Ярославичъ, внукъ Святополка Изяславича, отнявъ его, вѣроятно, у Бориса Юрьевича [4]), былъ неудаченъ, и позже мы видимъ Владиміра Мстиславича въ Кіевѣ у Изяслава. „Сотворилъ миръ" Изяславъ и съ половцами, которые пришли на „снемъ" къ Каневу и были ублаготворены [5]).

---

[1]) Юрій умеръ въ ночь подъ 16 мая, а 19 Изяславъ уже вступилъ въ Кіевъ.

[2]) Иначе думалъ Соловьевъ (II с. 185): „это посольство отъ кіевлянъ служитъ доказательствомъ, что они знали о намѣреніи союзниковъ и были готовы къ принятію Давидовича"; Карамзинъ (II с. 167) тоже полагалъ, что кіевляне желали Изяслава; но съ такимъ предположеніемъ трудно согласовать предшествующія и послѣдующія отношенія кіянъ къ Изяславу: они не оказываютъ ему никакой поддержки.

[3]) Ипат. с. 336, 1 Новг. с. 12.

[4]) Соловьевъ II с. 195.

[5]) Ипат. с. 336—338.

Такимъ образомъ въ Южной Руси на нѣкоторое время водворилось спокойствіе; однако отношенія не отличались прочностью и искренностью. Любопытно, что въ походѣ на Туровъ Мстиславъ Изяславичъ не участвовалъ; это можно объяснить нерасположеніемъ Мстислава къ своему дядѣ, котораго онъ лишилъ волости [1]), но въ такомъ случаѣ и дружба Изяслава съ Владиміромъ Мстиславичемъ являлась уже какъ бы вызовомъ Мстиславу, вызовомъ, на который едва ли бы рѣшился Изяславъ самъ собою. Вѣроятно, онъ еще раньше замѣтилъ нерасположеніе со стороны Мстислава; послѣдній, напримѣръ, могъ разсчитывать на удѣлъ въ Кіевской волости за свое содѣйствіе Изяславу и гнѣваться, не получивъ желаемаго. Старанія Изяслава добыть волость Владиміру получаютъ тогда иное освѣщеніе: онъ желалъ пріобрѣсть союзника противъ Мстислава; но такъ какъ предлогъ похода на Туровъ былъ очень благовиденъ, то неудивительно, что нѣкоторые Мстиславичи помогали Изяславу. И Ольговичи все еще были недовольны на Изяслава за то, что онъ удержалъ часть Черниговской волости [2]).

Натянутость отношеній обнаружилась при столкновеніи Изяслава съ Ярославомъ Осмомысломъ галицкимъ. Изяславъ имѣлъ какіе-то планы относительно Галича; еще при жизни Юрія онъ перехватилъ на дорогѣ галицкаго предендента Ивана Берладника, когда Юрій отправилъ его изъ Кіева въ Суздаль въ заточеніе; потомъ онъ держалъ его у себя въ Кіевѣ. Вѣроятно, Изяславъ думалъ подчинить своему вліянію Ярослава, пугая его претендентомъ [3]); это было очень важно для Изяслава, такъ какъ союзъ съ Ярославомъ далъ бы ему могущественное орудіе противъ Мстислава Изяславича и прочихъ волынскихъ Мстиславичей, но расчетъ оказался неудачнымъ. Правда, Ярославъ нѣкоторое время, кажется, дружилъ съ Изяславомъ, по крайней мѣрѣ прислалъ вспомагательный отрядъ для похода на Туровь, но замѣтивъ, что среди князей существуетъ нерасположеніе къ Изяславу, онъ вмѣсто заискиваній сталъ добиваться выдачи Берладника. Къ Изяславу въ Кіевъ явился галицкій посолъ вмѣстѣ съ послами Рос-

---

[1]) Соловьевъ 1. с.

[2]) Ипат. с. 341, 343.

[3]) См. Зубрицкаго II с. 97 и у П. В. Голубовскаго—Ист. Сѣв. з. с. 141—142.

тислава Мстиславича, Мстислава и Ярослава Изяславичей, Владиміра Андреевича, Святослава Ольговича и Святослава Всеволодовича, угорскаго короля и польскихъ князей: всѣхъ ихъ подмолвилъ Осмомыслъ, „да быша ему были помочьници на Ивана“, и всѣ они поддерживали требованіе его — выдать Берладника. Изяславъ выказалъ не малую твердость и отказалъ, но Берладникъ, „уполошивъся“, уѣхалъ „в поле“; съ помощью половцевъ онъ началъ грабить галичанъ, промышлявшихъ рыболовствомъ на Дунаѣ, попытался завладѣть Понизьемъ, но попытка была неудачна, несмотря на сочувствіе къ нему простого народа, и Изяславъ Давыдовичъ пригласилъ его обратно въ Кіевъ [1]).

Ярославъ Осмомыслъ былъ обезпокоенъ и раздраженъ такимъ поведеніемъ Изяслава; онъ заключаетъ союзъ съ Мстиславомъ Изяславичемъ и Владиміромъ Андреевичемъ, и вмѣстѣ съ ними готовитъ рать на Кіевъ. Вѣроятно, Ярославъ предложилъ Мстиславу выгнать изъ Кіева Изяслава; ему тѣмъ легче было побудить къ походу Мстислава, что послѣднему также было бы невыгодно, если бы Изяславъ посадилъ въ Галичѣ своего клеврета — Берладника. Опасность заставила Изяслава помириться съ Святославомъ Ольговичемъ; онъ предложилъ за содѣйствіе Мозырь и Чичерскъ, Святославъ отвѣтилъ, что онъ и безъ того готовъ ему помогать: общность интересовъ взяла такимъ образомъ верхъ надъ несогласіями; у Лутавы состоялся съѣздъ сѣверскихъ князей, на которомъ была утверждена „любовь велика“. По словамъ лѣтописи, Изяславъ далъ знать объ этомъ Мстиславу и Ярославу Галицкому; это извѣстіе, дѣйствительно, удержало ихъ на время отъ похода, но не измѣнило положенія дѣлъ. Изъ Владиміра къ Изяславу приходили вѣсти, что союзники собираются итти на Кіевъ [2]), а изъ Галича народная партія призывала Берладника, обѣщая отступиться отъ Ярослава. Изяславъ счелъ за лучшее итти въ Галичъ, чѣмъ ожидать нападенія, сидя въ Кіевѣ, и обратился за помощью

---

[1]) Ипат. с. 341; Зубрицкій полагалъ, что этотъ походъ на Понизье былъ предпринятъ Берладникомъ по совѣту Изяслава (II с. 100).

[2]) Ср. Густин. л. с. 306: „Іоанъ (Берладникъ) прійде въ Кіевъ ко Изяславу, прося у него помощи на Ярослава, и повѣда, яко Ярославъ не токмо мене прогна волости ради, но и Кіевъ хощетъ подъ тобою взяти: уже бо ся на то согласилъ со Мстиславомъ Изяславичомъ и Ростиславомъ Мстиславичомъ, и прочіими князи, и королемъ Полскимъ“.

къ Ольговичамъ, но Святославъ настойчиво совѣтовалъ ему отказаться отъ наступательной войны въ пользу чуждаго претендента, и только въ случаѣ нападенія противниковъ обѣщалъ помощь. Изяславъ не отказался отъ своего намѣренія, пригрозилъ выгнать Святослава изъ Чернигова за отказъ въ помощи, и между ними произошелъ новый разрывъ. Изяславъ остался такимъ образомъ безъ союзниковъ; онъ отправилъ своего племянника Святослава за „дикими половцами", а самъ двинулся по направленію къ Галичу; у Мунарева онъ остановился, ожидая половцевъ, но услышавъ, что Мстиславъ съ братомъ Ярославомъ, Владиміромъ Андреевичемъ и галицкимъ полкомъ идетъ уже къ Кіеву, отступилъ назадъ, не рѣшаясь встрѣтить ихъ безъ половцевъ. Мстиславъ между тѣмъ подошелъ къ Бѣлгороду, населеніе приняло его въ городъ. Изяславъ, дождавшись половцевъ, началъ осаду; осажденные упорно отбивались, а между тѣмъ у нихъ начались сношенія съ берендичами, находившимися въ войскѣ Изяслава. Нѣкоторые изъ черноклобуцкихъ старшинъ, пользовавшіеся расположеніемъ покойнаго Изяслава Мстиславича, предложили свои услуги его сыну, подъ условіемъ, что онъ будетъ ихъ держать въ милости и дастъ „по городу лепшему". Мстиславъ принялъ эти условія, черные клобуки измѣнили Изяславу, зажгли ночью станъ и съ крикомъ помчались къ Бѣлгороду. Изяславъ такъ былъ этимъ обезкураженъ, что немедленно бѣжалъ. Не разсчитывая, какъ видно, на хорошій пріемъ въ Кіевѣ, онъ направился въ Вышгородъ и отсюда въ Гомель. Половцы въ такой же паникѣ бросились къ Юрьеву, тамъ много ихъ побрали юрьевцы и черные клобуки, много утонуло при переправѣ. Мстиславъ свободно отправился къ Кіеву и вступилъ въ него 22 декабря 1158 г. Тутъ получилъ онъ богатую добычу: вслѣдствіе неожиданности дружина Изяслава бѣжала, не успѣвъ захватить своего имущества; Мстиславъ конфисковалъ и препроводилъ его въ свой Владиміръ [1]).

Завладѣвъ Кіевомъ, Мстиславъ однако не рѣшился оставить его за собой; онъ и не имѣлъ этого въ виду: если отецъ его едва усидѣлъ въ Кіевѣ, то Мстиславу, у котораго соперниковъ было еще боль-

[1]) Ипат. л. с. 341—4, Лавр. с. 331.

ше, а средствъ гораздо меньше, нечего было и думать теперь объ этомъ; Ростиславъ, Андрей Юрьичъ, Изяславъ Давыдовичъ, даже Святославъ Ольговичъ, Владимiръ Мстиславичъ — все это были претенденты; на помощь же Ярослава галицкаго въ будущемъ разсчитывать было нечего: не въ его интересахъ было хлопотать объ усиленiи ближайшаго сосѣда. Еще только отправляясь на Изяслава, Мстиславъ и его родичи извѣстили Ростислава, что ищутъ кiевскаго стола для него; теперь изъ Кiева было отправлено къ нему въ Смоленскъ посольство съ предложенiемъ явиться на столъ. Весьма возможно, что Мстиславъ, по примѣру отца, разсчитывалъ при этомъ сохранить за собою управленiе Кiевскою волостью, предоставивъ лишь пустой титулъ Ростиславу [1]), но послѣднiй не особенно, повидимому, льстился на титулъ кiевскаго князя и оказался не такимъ сговорчивымъ, какъ Вячеславъ. Онъ отвѣчалъ, что сядетъ въ Кiевѣ, но „на свою волю" и подъ условiемъ, если его хотятъ искренно, будутъ повиноваться, какъ отцу. Къ этому присоединились еще несогласiя изъ-за митрополита Клима, которому Мстиславъ хотѣлъ возвратить каѳедру; по этому поводу между Мстиславомъ и Ростиславомъ были „тяжкiя рѣчи", но въ концѣ концовъ несогласiе было улажено, рѣшено было привести изъ Цареграда новаго митрополита, и Ростиславъ, поддержавъ свое достоинство предъ племянниками, отправился на кiевскiй столъ. Въ самый день Пасхи онъ вступилъ въ Кiевъ (1159 г.); кiевляне приняли его „с достохвальною честью", „и бысть людемъ двоя радость, и въскресенiе Господне и княже сѣдение". Въ Смоленскѣ Ростиславъ посадилъ старшаго сына—Романа, другой сынъ, Рюрикъ, жилъ въ Кiевѣ, подъ рукою у отца; Мстиславъ Изяславичъ тогда же, вѣроятно, получилъ въ удѣлъ кiевскiе пригороды: Бѣлгородъ, Торческъ и Треполь [2]).

Изяславъ Давыдовичъ между тѣмъ очутился въ весьма неудобномъ положенiи. Гнѣваясь на Святослава Ольговича за то, что тотъ не поддержалъ его въ борьбѣ съ Мстиславичами, онъ отнялъ у него область вятичей—это заставило Святослава сблизиться съ Ростисла-

---

[1]) Ср. Соловьева II с. 199.

[2]) Ипат. с. 341—345, Лавр. с. 331, 1 Новгор. с. 12—13. Кiевскiе пригороды во власти Мстислава видимъ въ 1161 г. (Ипат. с. 355 и 357), но получилъ онъ ихъ, вѣроятно, еще въ 1159 г.

вомъ. Новые союзники съѣхались въ Моровійскѣ, и между ними была великая любовь; Ростиславъ послѣ этого дѣятельно помогаетъ Святославу въ борьбѣ его съ Изяславомъ; Ярославъ галицкій изъ своихъ видовъ также поддерживаетъ Святослава и вмѣстѣ Ростислава. Когда Изяславъ попытался вернуть себѣ Черниговъ, на помощь Святославу явился Рюрикъ Ростиславичъ съ кіевскимъ полкомъ и галицкая помощь, и Изяславъ былъ отбитъ; послѣ того полки: кіевскій, смоленскій и галицкій ходили на Святослава Владиміровича, принуждая его отступить отъ Изяслава. Послѣдній въ этой борьбѣ пользуется помощью половцевъ, затѣмъ входитъ въ сношенія съ Андреемъ Юрьевичемъ [1]). Въ связи съ этой же борьбою, кажется, стоитъ взятіе Олешья берладниками: вѣроятно, Иванъ Берладникъ желалъ помочь своему покровителю этою диверсіею [2]).

Союзъ со Святославомъ былъ очень полезенъ Ростиславу, но эта дружба возбуждала сомнѣніе и даже неудовольствіе у кіевскаго населенія. Отправляя на помощь Святославу Рюрика съ кіевскимъ полкомъ, Ростиславъ принужденъ былъ взять къ себѣ въ качествѣ заложника сына Святослава — Всеволода, „увѣряя Кияны и Берендѣѣ, бяху бо не вѣрующе (ему) за свое зъгрѣшение" (вѣроятно, тутъ разумѣется убіеніе Игоря Ольговича); должно быть, кіевскій полкъ не рѣшался и отправиться въ Черниговъ безъ этого обезпеченія: слишкомъ ужъ недавно тотъ же Святославъ съ братіею заманивалъ къ себѣ Изяслава Мстиславича съ цѣлью убить его и всѣхъ кіянъ искоренить, какъ увѣрялъ ихъ этотъ послѣдній [3]). И среди приближенныхъ Ростислава и Святослава было не мало противниковъ этого союза, которые всѣми силами старались его разстроить; Татищевскій сводъ объясняетъ, что вельможи эти были подкуплены [4]); это возможно, но и помимо подкуповъ союзъ долженъ былъ найти многихъ противниковъ.

Вѣроятно, съ цѣлью разубѣдить кіевлянъ относительно Ольговичей, Ростиславъ пригласилъ къ себѣ въ Кіевъ Олега Свято-

---

[1]) Ипат. с. 345—349, Лавр. с. 331—333.

[2]) Ипат. с. 346; ср. Зубрицкій II с. 108, Шараневичъ ор. с. с. 51.

[3]) Ипат. с. 246.

[4]) Ист. Рос. III с. 128.

славича —„ать познаетъ Кияны лѣпшия, и Берендичѣ, и Торкы“. Святославъ охотно отпустилъ сына, который былъ радушно принятъ Ростиславомъ, но чрезъ нѣсколько дней одинъ изъ приближенныхъ Ростислава, встрѣтивъ Олега на охотѣ, сообщилъ ему подъ секретомъ, будто Ростиславъ хочетъ его схватить. „Ростиславъ же не имѣяше лиха въ сердци, но злии человѣци, не хотяче добра межи братьею видити, тако створиша“, замѣчаетъ лѣтописецъ [1]); среди этихъ „злыхъ людей“, кромѣ сторонниковъ Изяслава Давыдовича [2]), могли быть и приверженцы Мстислава Изяславича, который имѣлъ поводъ опасаться, что Олегъ, устроивъ связи съ вліятельными кіевлянами и клобуками, явится ему въ будущемъ опаснымъ соперникомъ. Можетъ быть, въ связи съ этимъ неудовольствіемъ и интригами противъ союза съ Ольговичами стояла и та „крамола“, за которую Ростиславъ посажалъ въ заключеніе многихъ кіянъ, освобожденныхъ потомъ Изяславомъ Давыдовичемъ [3]).

Наговоръ оказалъ свое дѣйствіе, Олегъ Святославичъ подъ вымышленнымъ предлогомъ уѣхалъ изъ Кіева, раздраженный и противъ отца и противъ Ростислава, и присоединился къ Изяславу; вслѣдъ за нимъ сдѣлалъ то же и Святославъ, уступивъ наконецъ настояніемъ своихъ приближенныхъ, доказывавшихъ, что союзъ съ Ростиславомъ для него разорителенъ, и что Ростиславъ будто бы сносится съ Изяславомъ и предлагаетъ ему Черниговъ. Положеніе дѣлъ измѣнилось; Изяславъ началъ борьбу уже прямо за кіевскій столъ. Соединившись съ Ольговичами (самъ Святославъ впрочемъ не пошелъ въ походъ) и пригласивъ половцевъ, онъ отправился къ Кіеву, но по дорогѣ свернулъ къ Переяславлю, приглашая итти съ собой Глѣба Юрьевича, сидѣвшаго тамъ. Двѣ недѣли потерялъ Изяславъ въ напрасныхъ переговорахъ съ нимъ, а тѣмъ временемъ Ростиславъ успѣлъ собрать „воя многа“ и пошелъ ему на встрѣчу. Изяславъ надѣялся, вѣроятно, за-

---

[1]) Ипат. с. 351.

[2]) Ср. Татищева III с. 129, Ист. Сѣвер. з. Д. И. Багалѣя с. 225.

[3]) Воскр. I с. 74: „и опроста всѣхъ Кіянъ, ихже бѣ поималъ Ростиславъ въ крамолѣ“, а въ Ипат. с. 353: „всимъ дасть прощение Кияномъ, ихъже бяху изоимали“—выходитъ, какъ будто, что это не были сторонники Изяслава Давыдовича: послѣднимъ незачѣмъ было бы даватъ прощеніе. Соловьевъ разумѣлъ здѣсь тѣхъ кіевлянъ, которые участвовали въ оборонѣ Кіева (1161 г.) и были захвачены въ плѣнъ войскомъ Изяслава (II пр. 302).

стать его врасплохъ и теперь услышавъ, что Ростиславъ уже въ Треполѣ, не рѣшился встрѣтить его и бѣжалъ, а половцы ушли въ степь. Переждавъ нѣкоторое время, Изяславъ снова собралъ своихъ союзниковъ и съ большимъ отрядомъ половцевъ двинулся опять на Кіевъ, уже съ сѣвера; перейдя Днѣпръ по льду за Вышгородомъ — въ другихъ мѣстахъ Днѣпръ еще не сталъ (это было въ началѣ февраля 1161 г.), онъ пошелъ къ Кіеву. На этотъ разъ ему удалось застать Ростислава дѣйствительно врасплохъ: къ нему не успѣли еще притти вспомогательные отряды Мстиславичей, и даже черныхъ клобуковъ пришла только часть [1]). Изяславъ сдѣлалъ приступъ къ Подолью; Ростиславъ съ Владиміромъ Андреевичемъ защищалъ городское „столпье"; послѣ жестокой схватки, которая напомнила кіевлянамъ второе пришествіе, Изяславъ началъ одолѣвать, половцы просѣкали палисадъ и врывались въ городъ, зажигая дома; берендичи бросились бѣжать. По совѣту дружины [2]), Ростиславъ очистилъ Кіевъ и со своими полками отступилъ къ Бѣлгороду, чтобы подождать вспомогательныхъ отрядовъ; вслѣдъ за тѣмъ—12 февраля 1161 г.—вступилъ въ Кіевъ Изяславъ Давыдовичъ, въ третій и послѣдній разъ; поклонился св. Софіи, велѣлъ освободить всѣхъ кіянъ, заключенныхъ Ростиславомъ, и вслѣдъ затѣмъ выступилъ къ Бѣлгороду. Съ его вступленіемъ въ Кіевъ, по словамъ лѣтописца, совпало весьма странное лунное затменіе: на лунномъ дискѣ усматривали „яко два ратьная сѣкущеся мечема", и старые люди заключили, что это знаменіе предвѣщаетъ княжью смерть—такъ оно и вышло [3]).

Изяславъ обступилъ Бѣлгородъ; осада продолжалась около трехъ недѣль [4]); Святославъ Ольговичъ совѣтовалъ ему мириться съ Ростиславомъ, отступить даже безъ мира за Днѣпръ, но Изяславъ не хотѣлъ сдаваться на милость Ростислава и Святослава: „братья моя воротившеся пойдуть у волость свою, а мнѣ ся воротити—в Половци не могу ити, а у Выри не могу голодомъ мерети, а лѣпле хочу сдѣ уме-

---

[1]) Никон. (I с. 218) прибавляетъ, что Ростиславъ не рѣшался защищаться, но дружина его побудила къ тому.

[2]) По Никон. (l. с.) совѣтъ подалъ тысяцкій кіевскій Жирославъ Андреевичъ.

[3]) Ипат. с. 351—353.

[4]) По лѣтописи (Ипат. с. 354)—4 недѣли, но это вычисленіе не совпадаетъ съ числами, которыя сообщаетъ та же лѣтопись.

рети“, отвѣчалъ онъ Святославу и продолжалъ осаду. Тѣмъ временемъ Мстиславъ съ волынскимъ полкомъ, вспомогательнымъ отрядомъ галичанъ и черными клобуками, присоединившимися на пути, двинулся къ Бѣлгороду. Половцы замѣтили приближеніе великой рати и извѣстили Изяслава; послѣдній растерялся и не дождавшись прихода этой рати, бросился бѣжать. Ростиславъ вышелъ изъ Бѣлгорода и соединившись съ пришедшими подкрѣпленіями, отправился слѣдомъ за Изяславомъ; черные клобуки догнали Изяславовы полки, начали избивать и хватать ратниковъ. Изяславъ также былъ настигнутъ, сбитъ съ коня и израненъ, едва живого подняли его и отослали въ фамильный монастырь св. Симеона; въ тотъ же день онъ скончался (6 марта 1191 г.); тѣло его было затѣмъ отвезено въ Черниговъ [1]).

Таковъ былъ конецъ Изяслава. Безпокойный, неустойчивый, онъ вѣчно чего-нибудь добивался, что-нибудь замышлялъ, гоняясь за невѣрнымъ, терялъ наличное, и въ концѣ концовъ ему грозила перспектива „голодомъ мерети“ въ опустошенномъ Посемьи. Его смерть вполнѣ соотвѣтствовала его тревожной жизни и неугомонному характеру.

Ростиславъ возвратился въ Кіевъ. Такимъ образомъ во второй разъ онъ обязанъ былъ кіевскимъ столомъ содѣйствію Мстислава Изяславича. Между ними вскорѣ однако возникли несогласія. Мстиславъ въ гнѣвѣ уѣхалъ изъ Кіева, а его кіевскіе города были заняты: посадникъ его — Вышко, сидѣвшій въ Торческѣ, былъ схваченъ Давыдомъ Ростиславичемъ; въ Бѣлгородѣ Ростиславъ посадилъ сына Мстислава. Весьма вѣроятно, что Мстиславъ домогался отъ дяди новыхъ уступокъ за свое послѣднее содѣйствіе и получилъ отказъ [2]). Онъ задумалъ было добиться ихъ силою и сталъ приглашать на Ростислава Владиміра Андреевича, но тотъ рѣшительно отказался; не найдя

---

[1]) Ипат. с. 354—5, 1 Новг. с. 13; въ Воскр. (I с. 75) и Никон. (I с. 220) сообщаются подробности кончины Изяслава, но относительно ихъ подлинности трудно сказать что-либо рѣшительное (ср. Бестужевъ-Рюминъ, О составѣ рус. лѣт. с. 128). Татищевъ къ этому присовокупляетъ очень суровый отзывъ о дѣятельности Изяслава (III с. 134). См. еще подробность въ Патерикѣ с. 105.

[2]) Соловьевъ II с. 204, Карамзинъ II с. 179; Татищевъ (III с. 136) считаетъ причиною ссоры захватъ Торческа, но онъ уже послѣдовалъ за нею (Ср. Карамзинъ II пр. 403).

себѣ поддержки, Мстиславъ, вѣроятно, сдѣлался сговорчивѣе, и между нимъ и Ростиславомъ состоялось примиреніе; Мстиславъ получилъ назадъ Бѣлгородъ и Торческъ, а взамѣнъ Треполя — Каневъ, такъ какъ Треполь былъ отданъ Владиміру Мстиславичу [1]).

Это было послѣднее серьезное столкновеніе у Ростислава, остальные годы его княженія прошли спокойнѣе. Постепенно онъ умирился со всѣми. Въ годъ смерти Изяслава (1161) состоялось примиреніе Ростислава съ Ольговичами; эти двѣ линіи затѣмъ породнились: Олегъ Святославичъ женился на дочери Ростислава, а сестра его вышла за Ярослава Изяславича. Старика Святослава въ это время уже не было въ живыхъ: онъ скончался въ 1164 г.; черниговскій столъ наслѣдовалъ Святославъ Всеволодовичъ, и когда у него произошли пререканія изъ-за волостей съ Олегомъ Святославичемъ, Ростиславъ посредничалъ между ними, „добра имъ хотя“ и защищая своего зятя [2]). Въ 1161 же году Ростиславъ уладился съ Андреемъ Юрьевичемъ, который вмѣшался было въ новгородскія дѣла—понудилъ новгородцевъ выгнать отъ себя Святослава Ростиславича и принять одного изъ Юрьевичей; по взаимному соглашенію Святославъ снова былъ возвращенъ въ Новгородъ [3]). Былъ заключенъ миръ и съ Ярославомъ Юрьевичемъ Туровскимъ; у него Владиміръ Мстиславичъ захватилъ Слуцкъ, но его вывели оттуда союзными силами, и Ростиславъ далъ ему въ удѣлъ Треполь съ другими четырмя городами [4]).

Южная Русь на время успокоилась. Ростиславъ съ честью носилъ достоинство кіевскаго князя; не обладая особенными дарованіями государя и полководца, онъ внушалъ къ себѣ уваженіе своею честностью и справедливостью. Онъ дѣйствительно былъ первымъ между равными и обладалъ нѣкоторымъ авторитетомъ: въ Смоленской области, на Волыни, въ Новгородѣ сидѣли его дѣти и племянники; онъ также имѣлъ вліяніе на полоцкія дѣла; Ярославъ галицкій и Ольговичи присылали полки свои по его призыву [5]); только Сѣверо-востокъ оставался внѣ сферы вліянія Ростислава.

---

[1]) Ипат. с. 355, 357.
[2]) Ипат. с. 356, 359, 360.
[3]) Ипат. с. 349—350, 355, 1 Новг. с. 13.
[4]) Ипат. с. 356.
[5]) Ипат. с. 356, 361.

Успокоеніе было необходимо для Южной Руси между прочимъ и для борьбы со степью. Набѣги кочевниковъ снова обратились въ своего рода хроническій недугъ, какъ во времена до-мономаховскія; вотъ скорбный реестръ половецкихъ нападеній, касающихся Кіевщины: въ 1159 г., лѣтомъ, половцы опустошили окрестности Котельницы, взяли Шоломницу, село Мстиславлей княгини; въ томъ же году, можетъ быть послѣ этого набѣга, половцы застигнуты и избиты Ярославомъ Изяславичемъ и галичанами между Мунаревымъ и Володаревымъ; много плѣнниковъ было освобождено при этомъ. Въ 1161 г. половцы вторглись въ Поросье и захватили черноклобуцкія вѣжи по Руту, но черные клобуки, собравшись, отняли назадъ полонъ и взяли болѣе 500 плѣнныхъ. Подъ слѣдующимъ годомъ мы читаемъ, что Ростиславъ „миръ взя съ половци“ и женилъ сына Романа на дочери хана Беглюка [1]). Подъ 1165 г. сообщается о новомъ набѣгѣ на Поросье, опять неудачномъ: много половцевъ было захвачено въ плѣнъ и потомъ отпущено за выкупъ; подъ этимъ же годомъ позднѣйшій сводъ передаетъ, что половцы приходили на Русь и были отражены всѣми русскими князьями, впрочемъ съ большими потерями [2]). Кромѣ того, пользуясь усобицами, половцы нападали на торговые караваны; такъ въ 1167 г. они „увѣдавше, оже князи не в любви живуть“ (въ то время были распри у сѣверскихъ князей), начали грабить караваны „гречниковъ“, и Ростиславъ посылалъ Володислава Ляха съ отрядомъ для охраны. Въ слѣдующемъ году полки чуть не всѣхъ южнорусскихъ князей, по приглашенію Ростислава, ходили къ Каневу и здѣсь стояли долгое время, угрожая половцамъ, пока не прошли караваны „гречниковъ и залозниковъ“ [3]). Ростиславъ такимъ образомъ ограничивался оборонительными мѣрами и не предпринималъ походовъ въ степь; правда и то, что наступательные походы не могли принести большой пользы, пока половцы, благодаря усобицамъ, призывались на Русь въ качествѣ союзниковъ. Подобныя прогулки ихъ были часто губительнѣе самыхъ набѣговъ; такъ во время похода Изяслава Давыдовича на Смоленскую волость половцы, по извѣстію лѣ-

---

[1]) Ипат. с. 346, 356—357, Воскр. I с. 71.

[2]) Ипат. с. 359, Никон. I с. 232—подъ 1164 г., но онъ соотвѣтствуетъ 1165 г. Ипат. и Лавр.

[3]) Ипат. с. 360—361.

тописи, вывели оттуда однихъ плѣнныхъ болѣе десяти тысячъ [1]). На кіевской территоріи въ данный періодъ половцы въ качествѣ союзниковъ Изяслава появляются дважды (въ 1159 и 1161 г.), однако тутъ не могло быть такихъ страшныхъ опустошеній, какъ въ Смоленской волости: Изяславъ все-таки щадилъ Кіевскую волость, какъ свое достояніе.

Просматривая извѣстія о половецкихъ набѣгахъ этого времени, приходится убѣдиться, что черноклобуцкая военная граница дѣйствительно служила оплотомъ для Кіевщины: половцы въ своихъ набѣгахъ берутъ или западнѣе (напримѣръ, на Котельницу), или, направляясь на Поросье, застреваютъ здѣсь и не проникаютъ далѣе.

О политической дѣятельности земства за все время правленія Ростислава нѣтъ извѣстій; къ Изяславу Давыдовичу населеніе относилось безучастно; Ростиславъ, вѣроятно, не выказывалъ такого вниманія къ земству и его мнѣніямъ, какъ его братъ Изяславъ. Что касается отношенія населенія къ князьямъ, можно съ увѣренностью сказать, что Изяславъ Давидовичъ не пользовался народною любовью, хоть у него, какъ видно, существовала вначалѣ значительная партія, призвавшая его въ 1158 г.; послѣ пораженія его и погрома, произведеннаго Мстиславомъ (1159 г.), партія эта, вѣроятно, значительно ослабѣла. Политика Ростислава вначалѣ вызвала неудовольствіе кіевскаго общества, и во время его ссоры съ Мстиславомъ многіе сочувствовали послѣднему, особенно черные клобуки; можетъ быть, арестъ торческаго посадника Мстислава сдѣланъ былъ именно изъ опасенія, чтобы Мстиславу не удалось поднять черныхъ клобуковъ. Послѣдующая дѣятельность Ростислава: установленіе мирныхъ отношеній, охрана кіевской торговли—вѣроятно, снискала ему симпатіи населенія; любопытно впрочемъ, что авторъ сказанія о смерти Ростислава ничего не говоритъ о скорби кіевлянъ.

Ростиславъ скончался 14 марта 1167 г.; передъ смертью отправился онъ въ Новгородъ—мирить сына съ новгородцами, на пути уже разнемогся и поспѣшилъ въ Кіевъ, чтобы лечь „въ отни благословеньи“, въ монастырѣ св. Θеодора, но скончался на дорогѣ, со-

---

[1]) Ипат. с. 348.

жалѣя, что не успѣлъ принять постриженія; позже его причисляли къ святымъ [1]). Въ извѣстіяхъ лѣтописи довольно полно отразился обликъ этого князя: это человѣкъ глубоко благочестивый, непритязательный, честный и искренній хранитель преданій прошлаго. Такимъ онъ является и въ церковныхъ вопросахъ, и въ междукняжескихъ отношеніяхъ. Въ то время какъ на сѣверо-востокѣ Андрей разрушалъ сложившійся политическій строй и начертывалъ планы далекому будущему, Ростиславъ съ уваженіемъ относится къ отживающему принципу старѣйшинства, поддерживаетъ преданія велико-княжеской власти, требуя, чтобы его почитали, какъ отца, и соблюдаетъ традиціонную обязанность в. князя — надѣляетъ волостями меньшихъ родичей. Его княженіе было затишьемъ предъ грозою, которая разразилась надъ Кіевомъ два года спустя по его смерти [2]).

Вопросъ о преемникѣ Ростиславу въ Кіевской землѣ былъ рѣшенъ, вѣроятно, еще заранѣе: по смерти его, отъ князей сидѣвшихъ въ Кіевской волости — Владиміра Мстиславича, Давыда и Рюрика Ростиславичей, отъ кіевлянъ, отъ черныхъ клобуковъ были отправлены отдѣльные послы къ Мстиславу Изяславичу, съ приглашеніемъ на кіевскій столъ [3]). Собственно по родовымъ и отчиннымъ счетамъ кандидатами на столъ были: Владиміръ Мстиславичъ, Святославъ Всеволодовичъ черниговскій и Андрей суздальскій; но ни кіевское населеніе ни Мстиславичи не имѣли, конечно, желанія приглашать Святослава или Андрея; Владиміръ Мстиславичъ былъ на лицо, но этотъ князь, изъ милости получившій въ удѣлъ отъ Ростислава Треполь, не пользовался уваженіемъ [4]) и самъ вмѣстѣ съ другими послалъ звать Мстислава. Мстиславъ, дважды посадившій Ростислава въ Кіевѣ, наслѣдникъ отцовской славы и популярности, притомъ обладавшій значительными силами и связями, былъ естественнымъ преемникомъ Ростислава; среди кіевскаго населенія еще при жизни послѣдняго у Мстислава существовало, кажется, много приверженцевъ; теперь населеніе поспѣшило подать свой голосъ, чтобы поддержать его.

---

[1]) Ипат. с. 361—364, Лавр. с. 335, 1 Новг. с. 14, Русскіе Святые Ш с. 77.

[2]) Ср. характеристику у Соловьева II с. 209, также у Карамзина II с. 145; татищевская характеристика въ т. Ш с. 151.

[3]) „Кияне отъ себе послаша, Черныи Клобукы отъ себе послаша“—Ипат. с. 365.

[4]) См. отзывы о немъ Ипат. с. 374, 386—387.

Увѣренный въ своемъ дѣлѣ, Мстиславъ не спѣшилъ на столъ, попросилъ посидѣть пока въ Кіевѣ Василька Ярополчича и послалъ туда своего тіуна. Между тѣмъ Мстиславовы родичи составили „твердь“ и порѣшили при сей оказіи добиваться себѣ отъ Мстислава волостей „по своей воли“. Владиміръ Мстиславичъ хотѣлъ Поросья, Владиміръ Андреевичъ—Берестья, а Ярославъ Изяславичъ—Владиміра; ихъ обѣщали поддержать Рюрикъ и Давыдъ Ростиславичи. Василько сообщилъ объ этой коалиціи Мстиславу, но послѣдній не охочъ былъ до уступокъ; притомъ онъ опирался на свое избраніе населеніемъ. Онъ тотчасъ снесся со своими „ротниками“—Ярославомъ галицкимъ и польскими князьями; получивъ помощь отъ Ярослава и Мстислава городенскаго, онъ двинулся къ Кіеву, чтобы силою добыть его у заговорщиковъ; на дорогѣ, у Микулина, присоединился къ нему весь „Черный Клобукъ“; приведя къ присягѣ, Мстиславъ отправилъ ихъ впередъ съ братомъ Ярополкомъ. Владиміръ Мстиславичъ, испуганный этимъ грознымъ нашествіемъ, поспѣшилъ ретироваться изъ своего Треполя въ Вышгородъ, къ Ростиславичамъ. Черные клобуки настигли Владиміра на пути, но не тронули и только провели до Выдобичъ: „бяху бо берендичи льстяче“, замѣчаетъ лѣтописецъ; дѣйствительно и позже мы видимъ его въ сношеніяхъ съ черноклобуцкими старшинами: не забудемъ, что онъ сидѣлъ передъ тѣмъ въ Треполѣ, по сосѣдству съ ними. Ярополкъ вступилъ въ Кіевъ, вслѣдъ за нимъ пришелъ и Мстиславъ, все населеніе вышло ему на встрѣчу; Мстиславъ „възма рядъ съ кіянами“, съ дружиною и братіею: Ярославъ тоже, очевидно, предпочелъ помириться съ нимъ; Владиміра онъ не получилъ и остался въ Луцкѣ. Вслѣдъ за тѣмъ Мстиславъ направился къ Вышгороду, гдѣ засѣли его противники; послѣ ожесточенныхъ схватокъ осажденные начали переговоры о волостяхъ и уладились наконецъ: Давыдъ получилъ, какъ видно, Вышгородъ, Рюрикъ—Овручъ: снова этотъ правительственный центръ Древлянской земли становится самостоятельнымъ удѣломъ; Владиміру, кажется, досталось Котельница [1]). Мстиславъ побѣдоносно вернулся въ Кіевъ и сѣлъ „на столѣ Ярославли“ [2]).

---

[1]) Въ дальнѣйшемъ разсказѣ говорится: „Мстиславъ отпусти и в Котелничю“—выходитъ, что она раньше ему была дана; ср. Андріяшевъ Ист. Вол. з. с. 136.

[2]) Ипат. с. 365—366; въ Лавр. с. 335: „выгна Мстиславъ Володимера Мстисла-

Но Владиміру сознаніе своего старѣйшинства, видно, не давало покоя: вѣдь два раза уже племянники должны были итти на компромиссы съ дядями изъ-за одного старѣйшинства, въ томъ числѣ и тотъ же самый Мстиславъ. Владиміръ началъ „думати на Мьстислава", но не могъ найти себѣ союзниковъ; между тѣмъ его планы стали извѣстны Давыду, а тотъ сообщилъ ихъ Мстиславу. Провѣдавъ объ этомъ, Владиміръ поспѣшилъ въ Кіевъ оправдываться; въ Печерскомъ монастырѣ происходили пренія бояръ, представителей обвиняемаго и обвинителя; Владиміръ не могъ оправдаться, но Мстиславъ ограничился тѣмъ, что заставилъ его присягнуть и отпустилъ въ Котельницу. Владиміръ однако не успокоился; нѣсколько черноклобуцкихъ старшинъ завели съ нимъ сношенія, вѣроятно, тоже желая „городовъ лѣпшихъ"; Владиміръ обѣщалъ имъ составить коалицію съ другими Мстиславичами, но князья не желали воевать съ Мстиславомъ, даже собственные бояре Владиміра отказались участвовать въ рискованномъ предпріятіи. Онъ тѣмъ не менѣе отправился къ берендичамъ, которые ожидали его на Раставицѣ; но обманутые въ расчетахъ на значительныя силы Владиміра, берендичи разсердились и чуть не убили его. Скомпрометировавъ себя снова, Владиміръ ужъ не рѣшился оставаться въ своей волости; отправился къ Владиміру Андреевичу—тотъ не принялъ его, поѣхалъ къ Андрею Юрьевичу, но тотъ хотя и далъ волость, но тоже не позволилъ ему явиться въ Суздаль; Татищевъ справедливо догадывается, что Андрей пока еще не желалъ ссориться съ Мстиславомъ [1]).

Теперь Мстиславъ, повидимому, могъ разсчитывать на спокойствіе. Онъ дѣятельно занялся защитою южнорусскихъ торговыхъ путей отъ половецкихъ набѣговъ; это дѣло, касавшееся ближайшимъ образомъ кіевской торговли, важно было также и для другихъ южнорусскихъ земель, оно болѣе всего способно было объединить южнорусскихъ князей и снискать иниціатору симпатіи населенія. Мы видѣли, что Ростиславъ въ послѣдніе годы два раза посылалъ отряды для охраны торговыхъ каравановъ; Мстиславъ не ограничился уже

вича ис Кыева, и иде в Половци Володимеръ; а самъ сѣде в Кыевѣ" О времени вокняженія Мстислава см. Карамзина II пр. 417. Арцыбашева I. 2 пр. 1133.

[1]) Ист. Россіи III с. 156. Ипат. с. 366—7.

одною обороною, а перешелъ къ наступательной борьбѣ съ половцами, въ которой удачно пробовалъ свои силы еще при жизни отца. Весною 1168 г. онъ созвалъ братію въ Кіевъ и побуждалъ „пожалитися о Руской земли и о своей отцинѣ и дѣтинѣ, оже (половци) несуть хрестьяны на всяко лѣто в вежѣ свои, а с нами роту взимаюче, всегда переступаюче; а уже у насъ и Гречьский путь изъотимають, и Соляный, и Залозный“. Предложеніе о походѣ было принято очень охотно; лѣтописецъ относится къ нему съ восторгомъ: „и угодна бысть рѣчь его (Мстислава) преже Богу, и всеѣ братьѣ, и мужемъ ихъ. И рекоша ему братья вся: Богъ ти, брате, помози в томъ, оже ти Богъ вложилъ таку мысль въ сердце; а намъ дай Богъ за крестьяны и за Рускую землю головы своѣ сложити и къ мученикомъ причтеномъ быти“; любопытно, что выраженія его напоминаютъ описанія знаменитыхъ походовъ Мономаха: дружный походъ южнорусскихъ князей въ половецкую степь подъ предводительствомъ Мстислава дѣйствительно какъ бы воскрешалъ тѣ славныя времена. Въ походѣ приняли участіе сѣверскіе князья — „бяху бо тогда Ольговичи въ Мьстиславли воли“, Глѣбъ Юрьевичъ переяславскій съ братомъ Михаиломъ, Мстиславъ городенскій, Святополкъ Юрьевичъ туровскій; Давыдъ Ростиславичъ послалъ лишь свой полкъ, потому что самъ былъ нездоровъ, а Ярополкъ Изяславичъ отправился, несмотря на сильное нездоровье: „не хотя братьѣ своей остати“, и скончался на пути въ Тумащѣ; лѣтопись перечисляетъ тринадцать князей, но кромѣ ихъ участвовали еще „инии мнози“, словомъ, всѣ почти южнорусскіе князья. Мстиславъ направился тѣмъ же путемъ, которымъ ходилъ Мономахъ въ 1103 и онъ самъ въ 1152 году — къ нижнему теченію Днѣпра: тамъ сходились, вѣроятно, торговые пути. Половцы были предупреждены какимъ-то „кощеемъ“ изъ русскаго войска; оставивъ семьи и кибитки свои, они бѣжали въ степи; русскіе захватили ихъ вѣжи по Орели и Снопороду [1]), а самихъ ихъ настигли у Чернаго

---

[1]) Въ Снопородѣ Татищевъ видѣлъ р. Самару, и это мнѣніе было принято многими (Погодинымъ, Аристовымъ, П. В. Голубовскимъ). Другіе, какъ Карамзинъ (II пр. 420), Арцыбашевъ, въ недавнее время Ламбинъ (Ж. М. Н. П. 1877. V с. 61), отличаютъ эту рѣку отъ Самары, которая упоминается подъ этимъ именемъ и въ лѣтописи (Ипат. с. 317). Что касается Снепорода, притока Сулы (онъ течетъ параллельно Ожицѣ и падаетъ въ Сулу

лѣса, перебили и побрали множество; черные клобуки гнали ихъ до Оскола. Русскіе не понесли почти никакихъ потерь и набравши добычи „до изобилья“, освободивъ много плѣнниковъ, вернулись съ радостью великою; „и бысть людемъ двоя радость: и Въскресение Господне, и князь своихъ возращение с побѣдою и радостью“ [1]). Мстиславъ не удовольствовался этимъ успѣхомъ, опасаясь, что половцы всетаки не перестанутъ грабить торговые караваны, даже усилятъ грабежи изъ мести; онъ вскорѣ снова созвалъ братію и предложилъ выйти для охраны торговцевъ, двигавшихся „по Греческому пути“. Братія признала въ этомъ общій интересъ: „то есть намъ на часть (честь) и всѣѣ Рускѣй земли“; со своими отрядами они отправились къ Каневу и здѣсь ожидали каравановъ. Въ этомъ походѣ участвовали только волынскіе и кіевскіе князья [2]).

Эти совмѣстныя предпріятія однако не только не способствовали объединенію южнорусскихъ князей, но подали поводъ къ неудовольствіямъ и разрыву; очевидно, между Мстиславомъ и другими князьями существовало глухое неудовольствіе, которое давало себя знать при всякомъ случаѣ; вѣроятно, Мстиславъ держалъ себя самостоятельнѣе, чѣмъ того ожидали посадившіе его Мстиславичи, а Ольговичи имѣли сами претензіи и виды на Кіевъ. Уже въ первый походъ князья были разсержены на Мстислава за то, будто онъ тайкомъ посылалъ на половцевъ своихъ конюховъ; во вторую экспедицію нѣсколько бояръ, отпущенныхъ отъ себя Мстиславомъ за то, что ихъ холопы покрали его коней, и перешедшихъ затѣмъ на службу къ Давыду, изъ мести начали наговаривать, будто Мстиславъ хочетъ схватить Ростиславичей; Мстиславъ же, по словамъ лѣтописца, „ни мысли таковой не имѣяше въ сердци своемъ, но истинною любовью обуемъся с братьею хожаше“. Клевета оказала свое дѣйствіе, князья обезпокоились, и хотя Мстиславъ присягнулъ, что не мыслитъ имъ лиха, и они ему

пониже Лубенъ, у хут. Мацковецъ), то положеніе этой рѣчки, кажется, не соотвѣтствуетъ условіямъ, въ которыхъ упоминается лѣтописный Снопородъ (Ипат. с. 369 и 440).

[1]) О походѣ этомъ см. у П. В. Голубовскаго—Печенѣги с. 162—3, Аристова—О землѣ Половецкой с. 231.

[2]) Ипат. с. 368—370, 1 Новг. с. 14: „ходи Мьстиславъ на Половцѣ и побѣди е, и приведе полонъ въ Русьску землю толь сильно, яко и числа не бяше.“

взаимно цѣловали крестъ, „обаче сердце ихъ не бѣ право с нимъ“ [3]). Одновремено Владиміръ Андреевичъ сталъ припрашивать волости, пользуясь несогласіями; Мстиславъ отказалъ, замѣтивъ, что онъ проситъ „извѣтомъ“, и Владиміръ ушелъ на него разгнѣванный; Никоновскій сводъ прибавляетъ, что онъ началъ послѣ этого сношенія съ Андреемъ Юрьевичемъ: не забудемъ, что между этими семьями существовала нѣкоторая связь, что Юрій обязывался заботиться объ этомъ Владимірѣ. Скоро произошелъ окончательный разрывъ между Мстиславомъ и Ростиславичами: изъ-за новгородскихъ дѣлъ. Новгородцы не поладили со Святославомъ Ростиславичемъ и просили у Мстислава Изяславича дать имъ на столъ сына. Напрасно Ростиславичи и Андрей силою принуждали новгородцевъ принять обратно Святослава, новгородцы упорствовали, и Мстиславъ, какъ видно послѣ колебаній, отпустилъ къ нимъ сына Романа; этимъ онъ обидѣлъ Ростиславичей, а Романъ къ тому еще предпринялъ вслѣдъ затѣмъ съ новгородцами походъ на Смоленскую волость. „Братья вси“ начали сноситься между собою противъ Мстислава и заключили противъ него союзъ. Этимъ рѣшилъ воспользоваться для своихъ политическихъ плановъ Андрей Юрьевичъ [2]).

Это былъ моментъ весьма важный для Кіевщины. Андрей еще реньше занялся преобразованіемъ общественнаго строя своей волости: устранялись старыя вѣчевыя общины и на ихъ мѣсто возвышались новыя, не претендовавшія на народовластіе; выгонялись князья, не желавшіе стать подручниками старшаго князя, бояре, не мирившіеся съ князьями „самовластьцами“, епископы, осмѣлившіеся перечить имъ, и на развалинахъ стараго общественнаго строя созидалась сильная „самовластная“ государственная власть. Честолюбіе Андрея не ограничивалось предѣлами Суздальской волости, ему хотѣлось первенства въ Русской землѣ. Но центромъ русской жизни, задававшимъ ей тонъ, все еще оставался Кіевъ, хотя и утратившій кое-что изъ своего престижа; пока такъ—Суздальская волость должна была остаться въ ряду другихъ второстепенною волостью, пожалуй волостью болѣе могу-

---

[1]) Ипат. с. 369 371.

[2]) Ипат. с. 371—2, 1 Новг. с. 14, Никон. I с. 235—236.

щественною и своеобразною — и только. Кіевскій князь все еще de jure оставался старшимъ, „въ отца мѣсто“, и для суздальскаго князя; въ церковномъ отношеніи—а церковныя отношенія отношенія значили много—Суздальская волость зависѣла отъ кіевскаго митрополита, въ свою очередь находившагося подъ вліяніемъ кіевскаго князя; суздальскіе князья, конечно, могли уклоняться, ослаблять эту зависимость: есть извѣстія о попыткѣ Андрея основать самостоятельную митрополію, но это было, такъ сказать, пассивное сопротивленіе. Конечно, Андрей могъ добиться и кіевскаго стола, но сдѣлаться кіевскимъ княземъ было ему несподручно: съ этимъ титуломъ связывались традиціи, выработанныя вѣковою жизнью Южной Руси; принимая его, нужно было подчиняться этимъ традиціямъ, строю южнорусской жизни, съ ея братствомъ равноправныхъ князей, вольнымъ общиннымъ духомъ, вліятельнымъ боярствомъ. Этотъ строй былъ глубоко антипатиченъ Андрею: недаромъ онъ тайкомъ отъ отца бѣжалъ нѣкогда изъ Южной Руси въ свой Владиміръ; преобразовать же этотъ строй, передѣлать его по своему новому владимірскому образцу — на это, конечно, не хватило бы энергіи и дарованій самого Андрея. Потому онъ выбралъ другой способъ дѣйствій; онъ захватилъ Кіевъ, но для того лишь, чтобы разорить его и бросить, какъ ненужную вещь, отдать первому попавшемуся. Не передѣлывая южнорусской жизни, онъ наложилъ на нее тяжелую руку и давалъ чувствовать ее при всякомъ удобномъ случаѣ и, унижая, гнетя Югъ, старался возвысить себя и свою волость въ глазахъ современниковъ; эту политику провелъ онъ съ обычною, ни передъ чѣмъ не останавливающеюся энергіею и, нужно признаться, съ немалымъ успѣхомъ.

Андрей, несомнѣно, давно слѣдилъ за кіевскими дѣлами и подобно отцу, выжидалъ удобнаго момента; рѣшительный разрывъ Мстислава съ южнорусскими князьями давалъ весьма удобный случай вмѣшаться въ кіевскія дѣла; можетъ быть, нѣкоторые князья сами обратились къ Андрею съ просьбою о поддержкѣ. Былъ у него и предлогъ: Мстиславъ, посадивъ Романа въ Новгородѣ, оскорбилъ нѣкоторымъ образомъ и Андрея, поддерживавшаго Святослава Ростиславича. Зимою $116^8/_9$ года Андрей снарядилъ войско противъ Мстислава, самъ въ походъ не пошелъ, а отправилъ съ нимъ сына Мстислава; къ этому войску присоединились Ростиславичи—Романъ, Рюрикъ, Давыдъ и Мстиславъ, Олегъ и Игорь Святославичи, Глѣбъ

Юрьевичъ переяславскій, Владиміръ Андреевичъ; всего лѣтопись насчитываетъ двѣнадцать князей участниковъ. Любопытно, что Святославъ Всеволодовичъ черниговскій не принялъ въ походѣ участія: имѣя самъ виды на Кіевъ, онъ не хотѣлъ, вѣроятно, добывать его для Андрея [1]). У Вышгорода союзники соединились и двинулись къ Кіеву. Мстиславъ, какъ видно, не предвидѣлъ грозы, думалъ, что союзники примутся выгонять его сына изъ Новгорода, такъ какъ онъ и былъ ближайшею причиною разрыва; отправилъ даже на помощь сыну отрядъ черныхъ клобуковъ — этотъ отрядъ былъ захваченъ на дорогѣ, за Межимостьемъ, Ростиславичами. На помощь Мстиславу двинулся Ярославъ изъ Луцка, но не поспѣлъ во время; кромѣ дружины у Мстислава были только черные клобуки, очень ненадежные союзники. Союзное войско остановилось у Кирилловскаго монастыря и на второй недѣлѣ великаго поста обложило Кіевъ. Три дня продолжалась упорная борьба осаждающихъ и осажденныхъ; у Мстислава не хватало силъ, черные клобуки вели себя очень двусмысленно; есть извѣстіе, довольно вѣроятное, что и между дружиною его были измѣнники [2]). На третій день осаждающіе зашли съ противоположной стороны „Серховицею“ [3]) и бросились съ тылу на Мстислава. Дѣло было проиграно, дружина совѣтовала Мстиславу отступить, и онъ поспѣшно ретировался къ Василеву; черные клобуки—Бастѣева чадь—преслѣдовали его и хватали ратниковъ; за Унавою встрѣтилъ онъ брата Ярослава, спѣшившаго ему на помощь, и они вмѣстѣ вернулись во Владиміръ.

Кіевъ былъ взятъ 8 марта 1169 г., въ среду второй недѣли поста [4])—день весьма памятный для Кіевской Руси. Впервые мать гра-

---

[1]) Ср. Соловьева II с. 212.

[2]) Это извѣстіе сообщается Никонов. л. (I с. 237—238, Татищевъ III с. 165) и отвергается историками, потому что измѣнниками здѣсь являются бояре, отпущенные Мстиславомъ и поссорившіе его съ Ростиславичами; предполагаютъ, что они не могли быть у Мстислава въ Кіевѣ (Карамзинъ II пр. 425, Бестужевъ-Рюминъ О сост. рус. лѣт. с. 132), но составитель Никон. л., встрѣтивъ извѣстіе объ измѣнѣ, могъ отъ себя приписать ее этимъ боярамъ, раньше уже себя заявившимъ; въ фактѣ же измѣны нѣтъ ничего невѣроятнаго.

[3]) Мѣстность эта не извѣстна, см. у Закревскаго—Описаніе Кіева II с. 565—566.

[4]) О времени взятія см. у Карамзина II пр. 424.

довъ русскихъ, „славнѣйшее украшеніе Греціи“ было взято на щитъ и разграблено [1]). Два дня грабили весь городъ—Подолье, Гору, монастыри; смольняне, суздальцы, черниговцы и „поганые берендичи“ съ одинаковымъ усердіемъ грабили и частные дома и церкви; забраны были ризы, иконы, колокола; множество жителей было отведено въ плѣнъ, и бысть въ Кіевѣ на всихъ человѣцехъ стенание и туга, и скорбь неутѣшимая, и слезы непрестаньныя“ [2]).

Небывалый фактъ разграбленія Кіева Соловьевъ объяснялъ тѣмъ, что теперь въ первый разъ „Кіевъ былъ взятъ вооруженною рукою, при всеобщемъ сопротивленіи жителей“ [3]). Но если сличить лѣтописныя описанія взятія Кіева 1161 г. — войсками Изяслава Давыдовича и 1169 г.—войсками Андрея, разницы собственно не окажется; въ обоихъ случаяхъ лѣтопись совершенно молчитъ объ участіи населенія въ оборонѣ, фигурируетъ дружина, которая въ оба раза совѣтуетъ князю очистить городъ въ виду неудачи. Въ какой мѣрѣ населеніе принимало участіе въ защитѣ города, мы не знаемъ; конечно, Изяславъ былъ князь непопулярный, а Мстиславъ популярный, но едва ли вообще когда бы то ни было населеніе могло оставаться безучастнымъ въ то время, какъ непріятели врывались, жгли дома и пр. Если въ одномъ случаѣ Кіевъ не поплатился особенно, а въ другомъ былъ подвергнутъ жестокому разоренію, то причину этого нужно искать въ намѣреніяхъ князей: Изяславъ завоевывалъ Кіевъ для себя и потому имѣлъ основаніе щадить его, Андрей же, какъ видно изъ сопоставленія другихъ фактовъ, имѣлъ въ виду только ослабить и унизить значеніе Кіева: несомнѣнно, Мстиславъ Андреевичъ зналъ намѣренія и желанія своего отца и, конечно, могъ бы унять отъ грабежа союзниковъ, если бы сохраненіе Кіева входило въ планы Андрея, но этого не имѣлъ въ виду послѣдній. Нельзя, мнѣ думается, видѣть въ разореніи Кіева и проявленія народной борьбы, мести Кіеву подчиненныхъ пле-

---

[1]) Въ этомъ смыслѣ нужно понимать слова Лавр. л. „сего же не было никогда же“; а взятъ былъ Кіевъ и раньше—въ 1161 г. (ср. Арцыбашева I. 2, пр. 1165, Соловьева II пр. 302).

[2]) Ипат. с. 372—373, Лавр. 336, Никон. I с. 237—238; въ 1 Новгор. (с. 14) Мстиславъ, „не біяся съ ними, отступи волею Кыева.“

[3]) Ист. Россіи II с. 213.

менъ за его гегемонію, централизаціонную политику, какъ думаютъ нѣкоторые [1]): эта гегемонія давнымъ давно отошла въ область преданій; охота до грабежа была всегда у войска, помимо всякихъ руководящихъ идей,—ему лишь нужно было разрѣшеніе, и оно было дано.

---

[1]) См. Сергѣевичъ—Вѣче и князь, с. 120, П. В. Голубовскій—Ист. Сѣвер. з. с. 152.

IV.

Упадокъ кіевскаго стола

(1169—1237).

> О! стонати Русской земли, помянувше пръвую годину и пръвыхъ князей! Того стараго Владиміра нелзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ Кіевьскымъ; сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзіи Давыдовы; нъ розно ся имъ хоботы пашуть. Слово о полку Игоревѣ.
> И отселѣ впаде княженіе Кіевское, а Володымерское въ Москвѣ вознесеся, оттоли бо Московскіе князи надъ Кіевскими начаша владѣти. Густинск. лѣт.

Итакъ Андрей осуществилъ свой планъ. Кіевъ былъ разоренъ, униженъ, и Изяславъ Андреевичъ вернулся къ отцу „с великою честью и славою“ [1]), оставивъ кіевское населеніе ошеломленнымъ такимъ небывалымъ погромомъ. Даже водвореніемъ прочнаго порядка и спокойствія не вознаградилъ Андрей Кіевщину за нанесенный ей ударъ. На кіевскомъ столѣ былъ посаженъ младшій Юрьевичъ — Глѣбъ, но къ обезпеченію его положенія Андрей ничего не сдѣлалъ: онъ неособенно заботился о томъ, чтобы удержать Кіевъ въ рукахъ своей семьи, ему важно было лишь сохранить надъ нимъ свое вліяніе, не дать тамъ утвердиться какой - нибудь самостоятельной личности, которая могла бы оспаривать первенство у Андрея и возвратить Кіеву его зна-

[1]) Ипат. с. 373. Соловьевъ (II с. 214) замѣчаетъ: „въ нѣкоторыхъ спискахъ стоитъ: съ проклятіемъ“.

ченіе. Опираясь на свое старѣйшинство въ Русской землѣ, Андрей хочетъ безконтрольно распоряжаться кіевскимъ столомъ, не обращая вниманія ни на родовые счеты, ни на желанія населенія. Это самовластное отношеніе вызываетъ сопротивленіе со стороны князей, неурядицы усиливаются, князья безпрестанно смѣняются на кіевскомъ столѣ. Въ свою очередь, эта безпрестанная смѣна князей, которыхъ возводили одни и низводили другіе, не справляясь съ желаніемъ населенія, игнорируя его, была, кажется, одною изъ главныхъ причинъ, почему земство постепенно потеряло охоту и интересъ къ участію въ политической дѣятельности и апатично затихло.

Результаты этой суздальской политики, продолженной затѣмъ преемникомъ Андрея — Всеволодомъ, постепенно сказывались. Болѣе энергичные, талантливые князья скоро уже начинаютъ пренебрегать Кіевомъ, не желая становиться подъ претенціозную протекцію владимірскихъ самовластцевъ; они предоставляютъ Кіевъ другимъ, а сами стремятся въ Галичъ. Кіевъ сохранялъ еще кое-что изъ своего престижа: князья владиміро-волынскіе, смоленскіе, черниговскіе еще предпочитаютъ его своимъ столамъ, но не дорожатъ имъ попрежнему, легко уступаютъ, идутъ на компромиссы. Вмѣстѣ съ упадкомъ политическимъ, Кіевская земля падала—хотя далеко не въ такой степени—и въ отношеніи экономическомъ, матеріальномъ.

Впрочемъ въ эту смутную эпоху были въ Кіевской землѣ и періоды затишья и нѣкотораго благосостоянія: таково пятнадцатилѣтнее правленіе Святослава и Рюрика (1181 — 1195), когда прекратились междукняжескія распри, и война велась только съ половцами; таково правленіе Ростиславичей, у которыхъ также никто не оспаривалъ обладанія Кіевомъ въ продолженіи двадцати лѣтъ (1214—1233). Но за этими періодами относительнаго спокойствія съ новою силою возобновлялись распри, нашествія ратей, погромы Кіева, пока они не завершились монгольскимъ нашествіемъ.

Прежде всего Кіевской землѣ пришлось подвергнуться опустошенію со стороны половцевъ, которые пришли поздравить Глѣба съ вокняженіемъ „на отчинѣ своей и дѣдинѣ“ и предложили „рядъ положити и внити в роту“; одновременно одни колѣна ихъ, вѣроятно

съ лѣваго берега Днѣпра, явились въ Переяславскую волость, а другія—правобережныя—въ Кіевскую, къ Корсуню. Глѣбъ поѣхалъ сначала къ лѣвобережнымъ половцамъ, а правобережные тѣмъ временемъ рѣшили воспользоваться его отсутствіемъ, чтобы пойти за Кіевъ, пограбить села и вернуться съ полономъ во-свояси; они дѣйствительно разграбили окрестности Полонаго и Сѣмыча и съ полономъ возвращались назадъ, когда Глѣбъ, услыхавъ о нападеніи, послалъ въ догонку брата Михалка съ переяславцами и берендѣями, и тотъ успѣлъ не только отбить полонъ, но и побрать множество самихъ половцевъ [1]).

Гораздо большая опасность грозила Глѣбу со стороны Мстислава; послѣдній не былъ вовсе обезкураженъ происшедшимъ и послѣ ухода Андреевой рати принялъ мѣры къ возвращенію кіевскаго стола. Но отъ его притязаній защитили Глѣба Ростиславичи, которые первое время, изъ вражды къ Мстиславу, остаются вѣрными союзниками суздальцевъ.

Мстиславъ прежде всего отомстилъ своему ближайшему сосѣду —Владиміру Андреевичу, опустошивъ его Погоринскую волость. Владиміръ Андреевичъ въ это время хворалъ и скоро скончался. По сосѣдству—въ Полонномъ—находился въ это время Владиміръ Мстиславичъ; услышавъ о смерти Андреевича, онъ проникъ въ Дорогобужъ, поклявшись „не позрѣти лихомъ", но затѣмъ захватилъ имущество и волость покойника, а княгиню его выгналъ. Между тѣмъ Мстиславъ уже двинулся съ братомъ Ярославомъ и галицкимъ вспомогательнымъ отрядомъ на Кіевъ. Онъ соединился сначала съ черными клобуками и отъ Треполя пошелъ къ Кіеву. Городъ стоялъ безъ князя; Глѣбъ былъ въ Переяславлѣ, а Ростиславичи сидѣли въ своихъ удѣлахъ, никто изъ нихъ не рѣшился занять Кіевъ: трудно было защитить его, тѣмъ болѣе, что и кіевскому населенію нельзя было ввѣряться. Какія чувства питало послѣднее къ суздальцамъ и ихъ приспѣшникамъ, мы узнаемъ отъ самихъ дружинниковъ Владиміра Андреевича, одного изъ участниковъ кіевскаго погрома; когда тѣло

---

[1]) Ипат. с. 379—381, Лавр. с. 339—342, Никон. I с. 244—246. Это сказаніе о нашествіи половцевъ вставлено не на мѣстѣ—послѣ похода Мстислава, тогда какъ случилось „в первое лѣто" княженія Глѣба; г. Хрущовъ высказалъ предположеніе, что разсказъ этотъ, вмѣстѣ со сказаніями о войнѣ Андрея съ новгородцами и объ еп. Ѳедорѣ, составлялъ часть сборника сказаній о чудесахъ Богородицы (ор. с. с. 131).

покойнаго нужно было везти изъ Вышгорода въ Кіевъ, и Давыдъ Ростиславичъ посылалъ этихъ дружинниковъ въ качествѣ провожатыхъ, они отвѣчали: „княже, ты самъ вѣдаеши, что есмы издѣяли Кианомъ; а не можемъ ѣхати, избьютъ ны".

Итакъ Мстиславъ свободно вошелъ въ Кіевъ и урядился съ братіею; его вокняженіе было признано Святополкомъ туровскимъ, Всеволодковичемъ городенскимъ и Владиміромъ Мстиславичемъ; послѣдній не могъ, конечно, удержать за собою Погорину безъ согласія Мстислава и потому старался заискать его расположеніе [1]); можетъ быть, при этомъ же случаѣ Владиміръ присягнулъ Мстиславу не искать Кіева не только подъ нимъ, но и подъ его братомъ Ярославомъ и сыновьями: на такое обѣщаніе позже намекаетъ Кіевская лѣтопись [2]). Мстиславъ заключилъ также рядъ съ кіянами, которые отнеслись къ нему съ искренними симпатіями [3]), черные же клобуки вели себя двоедушно, „льстяху имъ".

Изъ Кіева Мстиславъ со всѣми силами направился къ Вышгороду: здѣсь засѣлъ Давыдъ Ростиславичъ, съ большимъ войскомъ: у него были вспомогательные отряды братьевъ, Глѣба Юрьевича, пришелъ Кончакъ съ половцами и часть берендичей—Бастѣева чадь, преданная Ростиславичамъ. Началась осада, мелкія стычки; но союзники Мстислава не были расположены къ продолжительной войнѣ; галицкая помощь прежде всего покинула его, ссылаясь на поддѣльное распоряженіе („грамоту ложьную") своего князя [4]). Мстиславъ послѣ этого отступилъ къ Кіеву и нѣсколько недѣль простоялъ здѣсь съ остальнымъ войскомъ въ огородахъ у Золотыхъ воротъ; можетъ быть, онъ ожидалъ новыхъ подкрѣпленій, или просто не хотѣлось ему возвращаться съ пустыми руками, и онъ ждалъ перемѣны обсто-

---

[1]) Карамзинъ (III с. 7) полагалъ, что Владиміръ Мстиславичъ и Погориною завладѣлъ съ согласія Мстислава. Соловьевъ въ Ист. отнош. (с. 220) объяснялъ союзъ Владиміра со Мстиславомъ неудовольствіемъ Владиміра на Андрея за то, что тотъ не уважилъ его старѣйшинства при замѣщеніи кіевскаго стола.

[2]) Ипат. л. с. 385; Соловьевъ II, с. 239.

[3]) Это видно изъ противоположенія кіянъ чернымъ клобукамъ въ лѣтописи—Ипат. л. с. 375.

[4]) По Густин. л. (с. 311) галицкій воевода самъ былъ обманутъ; Татищевъ (III с. 175) объяснялъ его уходъ подкупомъ.

ятельствъ; но Давыдовы половцы и берендѣи безпокоили его лагерь своими наѣздами, вспомогательные отряды расходились одинъ за другимъ, „изнемогъшеся“, а къ Давыду прибывали между тѣмъ подкрѣпленія, и самъ Глѣбъ шелъ изъ-за Днѣпра съ новыми ордами половцевъ. По настоянію братіи, Мстиславъ наконецъ рѣшился отступить, съ намѣреніемъ предпринять новый походъ, „мало перепочивше“. Половцы бросились за нимъ въ погоню, но были отбиты; за то они принялись разорять страну и „много створивше зла, люди повоеваша“. Когда они направлялись затѣмъ въ степи, отпущенные Глѣбомъ, Василько Ярополчичъ, сидѣвшій въ Михайловѣ, задумалъ ночью напасть на нихъ; попытка была неудачна: Василько заблудился на пути и опоздалъ. Глѣбъ съ союзниками вступились за своихъ половцевъ, сожгли городъ Василька и самого прогнали; это, конечно, было вполнѣ естественно, но весьма необычно, особенно для кіевскаго населенія, воспитаннаго въ традиціяхъ борьбы со степняками [1]).

Мстиславу не суждено было предпринять новый походъ на Кіевъ: лѣтомъ онъ разболѣлся и скончался 19 августа 1170 г. [2]). Это былъ едва ли не послѣдній князь—народолюбецъ на кіевскомъ столѣ, любимый населеніемъ и платившій ему, вѣроятно, также вниманіемъ и радушіемъ, наслѣдникъ традицій Мономаха, Мстислава, Изяслава. Мстиславъ весьма напоминалъ своего отца удалью, открытымъ характеромъ. Его дѣятельность, судя по началу, могла быть весьма полезною для Кіевской земли; по словамъ лѣтописца, онъ „хотяше добра всимъ сердцемъ“ Русской землѣ, и въ этихъ словахъ мы можемъ видѣть голосъ общественнаго мнѣнія [3]).

Передъ смертью Мстиславъ уговорился съ братомъ Ярославомъ, что Владимірская волость перейдетъ къ сыновьямъ его. Старшій сынъ его, знаменитый Романъ, былъ тогда въ Новгородѣ, осенью прибылъ онъ на югъ и занялъ владимірскій столъ; по новгородскимъ извѣстіямъ, новгородцы выслали его, принужденные къ тому Андреемъ. Они вынуждены были просить себѣ князя у Андрея, и тотъ „далъ“ Новго-

---

[1]) Ипат. л. с. 375—376.

[2]) Ипат. с. 381—382, Лавр. 344, 1 Новг. 15. О годѣ смерти его—Карамзинъ III пр. 3, Погодинъ Изсл. IV с. 96.

[3]) Характеристику его см. въ Татищевскомъ сводѣ III. с. 178.

родъ Рюрику Ростиславичу; послѣдній поручилъ свою Овручскую волость Давыду и отправился въ Новгородъ [1]).

Глѣбъ не долго пережилъ своего соперника—Мстислава; въ началѣ слѣдующаго 1171 года онъ скончался, вызвавъ теплый, сочувственный отзывъ у лѣтописца: онъ былъ братолюбивъ, вѣренъ клятвамъ, набоженъ, милостивъ. Его княженіе, какъ началось, такъ и закончилось, по извѣстію лѣтописи, половецкимъ набѣгомъ. Половцы проникли за Кіевъ, разорили множество селъ и съ великимъ полономъ пошли въ степи; тотъ же Михалко, по просьбѣ Глѣба, отправился за ними въ погоню, догналъ ихъ уже за Бугомъ, много половцевъ побилъ и отнялъ 400 человѣкъ плѣнныхъ [2]).

Итакъ кіевскій столъ сдѣлался вакантнымъ; распорядились имъ Ростиславичи: себѣ они взять Кіевъ не рѣшились, а призвали дядю—Владиміра Мстиславича. Сажая на Кіевскій столъ эту непопулярную и непривлекательную личность, они надѣялись, очевидно, что онъ будетъ преданнымъ и послушнымъ исполнителемъ ихъ желаній [3]). Владиміръ, какъ говоритъ лѣтописецъ, ушелъ изъ Дорогобужа тайкомъ, преступивъ крестъ къ своимъ „ротникамъ"—Ярославу луцкому и покойному Мстиславу, и 15 февраля 1171 г. сѣлъ на кіевскомъ столѣ, противъ общаго и, вѣроятно, своего собственнаго ожиданія. Погорину онъ передалъ сыну Мстиславу.

Но вокняженіе Владиміра не понравилось Андрею; противъ него самого едва ли онъ имѣлъ что-нибудь: это была личность настолько незначительная, что, конечно, не вышла бы изъ почтенія къ Андрею; но Андрей считалъ себя господиномъ кіевскаго стола, и самовольное

---

[1]) Ипат. с. 383, 1 Новгор. с. 15, Воскр. I с. 87.

[2]) Ипат. с. 383--384, Лавр. 344—345, 1 Новг. 15. Изложеніе этого эпизода очень сходно съ описаніемъ предшествующаго набѣга; это подало поводъ г. Хрущову предположить, что въ обоихъ случаяхъ описывается одинъ и тотъ же фактъ (ор. с. с. 137), но сходство это можно объяснить и подражаніемъ; весьма существенно замѣчаніе второго разсказа, что Глѣбъ не участвовалъ въ походѣ по болѣзни, между тѣмъ какъ въ первомъ его отсутствіе объясняется совсѣмъ иначе. Соловьевъ (II с. 375), Бестужевъ-Рюминъ (О составѣ рус. лѣт. с. 136) различаютъ эти два похода. Вмѣсто Буга Татищевъ писалъ „Углъ" (Ш. с. 180), и Арцыбашевъ (I, 2. пр. 1204) находилъ это болѣе вѣроятнымъ, но доводы его не убѣдительны.

[3]) Ср. у Карамзина Ш с. 11.

распоряженіе Ростиславичей ему было непріятно [1]). Онъ прислалъ Владиміру приказъ итти изъ Кіева, а Ростиславичамъ говорилъ: „нарекли мя есте собѣ отцемъ, а хочю вы добра, а даю Романови брату вашему Киевъ“. Отдавая Кіевъ Ростиславичамъ, Андрей едва ли руководился какими-либо симпатіями къ нимъ [2]): ему лишь нужно было напомнить, что распоряжаться кіевскимъ столомъ можетъ только онъ, и въ то же время онъ не хотѣлъ ссориться со своими союзниками, отмѣняя ихъ распоряженіе въ пользу какого-нибудь посторонняго князя; назначеніе одного изъ Ростиславичей служило удобнымъ выходомъ изъ этой дилеммы. Любопытно, что при этомъ Андрей, выставлявшій свое право родового старѣйшинства, самъ нарушалъ это право: Владиміръ былъ старѣйшимъ изъ Мстиславичей [3]). Неизвѣстно, какъ бы кончилась эта исторія для Владиміра, если бы онъ не умеръ въ это время (30 мая), просидѣвъ на кіевскомъ столѣ три мѣсяца съ половиною; лѣтописецъ не помянулъ его добромъ: „се же много подъя бѣды, бѣгая передо Мьстиславомъ, ово в Галичь, ово Угры, ово в Рязань, ово в Половцихъ, за свою вину, занеже не устояше в крестномъ цѣлованьи, всегда же и то гоняше“ [4]). Ростиславичи дали знать въ Смоленскъ о смерти Владиміра, и Романъ отправился на кіевское княженіе; въ началѣ іюля онъ явился въ Кіевъ: встрѣтили его съ крестами митрополитъ, архимандритъ печерскій, и прочіе игумены, и всѣ кіяне, и братья его, „и бысть радость всимъ человѣкомъ о Романовѣ княженьи“; такъ говоритъ лѣтописецъ, вообще очень преданный Ростиславичамъ, но на этотъ разъ къ его словамъ нельзя отнестись съ довѣріемъ: не могли Кіяне обнаружить особенныхъ симпатій къ участнику кіевскаго погрома, слишкомъ это было недавнее дѣло [5]).

До сихъ поръ Ростиславичи жили въ мирѣ съ Андреемъ, они являлись приспѣшниками въ его стремленіяхъ подчинить себѣ Югъ и извлекали выгоды изъ его политики; скоро однако имъ пришлось

---

[1]) Ср. Татищева III с. 183, Бѣляева ор. с. с. 244.

[2]) Ср. Соловьева II с. 241.

[3]) Ср. у Соловьева I. с.

[4]) Ипат. с. 385—387, 1 Новгор. с. 15.

[5]) Ипат. с. 387, 1 Новг. с. 15, Лавр. с. 346: „и прияща его с честью Кыяне,

испытать и на себѣ тяжесть руки владимірскаго „самовластьца“ и неудобства новаго порядка вещей. Не совсѣмъ ясно, что именно произвело охлажденіе и разрывъ между этими союзниками. Дѣло началось, кажется, изъ-за Новгорода: Рюрикъ не ладилъ съ новгородцами, и его противники находили сочувствіе у Андрея; зимою 1171 г. новгородцы выслали Рюрика, и Андрей посадилъ у нихъ своего сына [1]). Одновременно произошло у него столкновеніе и съ кіевскими Ростиславичами: Андрей прислалъ къ нимъ посла, нѣкоего Михна, съ требованіемъ выдать ему Григорія Хотовича и еще двухъ бояръ, такъ какъ ему стало извѣстно, что они отравили его брата Глѣба. Былъ ли такой слухъ, вѣрилъ ли ему дѣйствительно Андрей, или просто придирался, „вины покладывалъ“ на Ростиславичей, какъ говоритъ южный лѣтописецъ, преданный послѣднимъ [2]),— нельзя рѣшить. Ростиславичи не исполнили этого требованія, только отпустили отъ себя Григорія, можетъ быть для того, чтобы онъ искалъ себѣ болѣе безопаснаго убѣжища. За такое неповиновеніе Андрей безъ дальнихъ объясненій велѣлъ Ростиславичамъ убираться изъ Кіевской волости въ Смоленскъ [3]), а кіевскій столъ отдалъ брату Михалку. Романъ не захотѣлъ ссоры и ушелъ изъ Кіева. На его мѣсто Михалко отрядилъ въ Кіевъ брата Всеволода и племянника Ярополка, самъ же остался въ своемъ Торческѣ, ожидая, вѣроятно, дальнѣйшихъ событій. Дѣйствительно, меньшіе Ростиславичи не были такъ податливы, какъ Романъ, да и запасныхъ волостей у нихъ, пожалуй, не было: они протестовали противъ распоряженія Андрея, „безъ нашеѣ вины“, а затѣмъ, не получая никакого отвѣта, ночью

---

[1]) 1 Новг. с. 15, Лавр. с. 346; Татищевъ (III с. 186) утвердительно говоритъ, что причиною распри были новгородскія дѣла; съ этимъ согласенъ и Соловьевъ (II пр. 329).

[2]) Ср. Бѣляева ор. с. с. 244.

[3]) Въ числѣ кіевскихъ Ростиславичей при этомъ Рюрикъ не упоминается (Ипат. с. 388): вѣроятно, онъ еще не пришелъ изъ Новгорода, когда Андрей отправлялъ свое посольство; отсюда можно предположить, что эти событія происходили въ концѣ 1171 г. или въ началѣ 1172, такъ какъ Рюрикъ изъ Новгорода ушелъ въ началѣ 1172 г. (Ипат. л. с. 386). Вообще хронологія этихъ и послѣдующихъ событій очень сбивчива; послѣдняя точная дата—смерть Владиміра Мстиславича 1171-го г., слѣдующая за нею—смерть Андрея 1174 г.; промежуточныя событія можно размѣщать только съ нѣкоторою приблизительностью; Ипатская лѣтопись въ этой части сильно спѣшитъ, см. Погодинъ Изслѣдов. IV с. 96—97.

напали на Кіевъ, захватили Всеволода и Ярополка съ дружиною и посадили въ Кіевѣ Рюрика; это случилось, вѣроятно, въ 1172 г. [1]). Андрей снова потребовалъ, чтобъ Ростиславичи убрались изъ Русской земли: „не ходите в моеі воли, ты же, Рюриче, пойди в Смолньскъ къ брату во свою отцину; а Давыдови рци: а ты пойди въ Берладь, а въ Руськой земли не велю ти быти; а Мьстиславу молви: в тобѣ стоить все, а не велю ти в Руской землѣ быти". Но Мстиславъ велѣлъ остричь на поруганіе голову и бороду Андрееву послу, тому же Михну, и сказалъ на прощанье: „иди же ко князю своему и рци ему: мы тя досихъмѣстъ акы отца имѣли по любви; аже еси съ сякыми рѣчьми прислалъ, не акы къ князю, но акы къ подручнику и просту человѣку, а что умыслилъ еси, а тое дѣй, а Богъ за всѣмъ" [2]). Такимъ образомъ Ростиславичи ясно понимали, вѣроятно и раньше, смыслъ Андреевой политики; теперь только обстоятельства превратили ихъ изъ приспѣшниковъ этой политики въ защитниковъ южнорусскаго политическаго строя—федераціи равноправныхъ князей [3]).

Такое сопротивленіе въ высшей степени раздражило Андрея: онъ распалился гнѣвомъ, и „образъ лица его попуснѣлъ": „толикъ умникъ сы, во всѣхъ дѣлѣхъ добль сы", погубилъ смыслъ свой и исполнился высокоумія, „надѣяся плотной силѣ и множествомъ вой огородився" [4]). Лѣтописецъ прибавляетъ, что сѣверскіе князья обрадовались случаю и побуждали Андрея противъ Ростиславичей, предлагая свое содѣйствіе. Андрей снарядилъ большое войско, по извѣстію лѣтописца—въ 50 тысячъ: съ нимъ послалъ онъ сына Юрія, наказавъ ему выгнать Рюрика и Давыда изъ Кіевской волости, а Мстислава, главнаго зачинщика—схватить и представить на расправу во Владиміръ; къ этой арміи, по приказу Андрея, присоединили еще

---

[1]) Ср. Погодина Андрей Боголюбскій с. 39; по Карамзину въ 1173 г.—см. т. III с. 13.

[2]) Ипат. с. 388—390, Лавр. с. 346. Этотъ эпизодъ представляетъ затрудненіе: оба посольства изложены такъ, что является сомнѣніе, не объ одномъ ли и томъ же говоритъ лѣтопись по двумъ разнымъ изводамъ; см. сужденія Погодина (Андрей Боголюбскій с. 59 сл.) и Соловьева (II пр. 332); мнѣніе Соловьева, что въ лѣтописи неудачно соединены разсказы о двухъ разныхъ фактахъ, кажется мнѣ болѣе вѣроятнымъ.

[3]) Ср. Соловьевъ II с. 242.

[4]) Ипат. л. с. 389—390.

свои полки князья полоцкіе, туровскіе, городенскіе, даже Романъ Ростиславичъ прислалъ смоленскій полкъ, не рѣшаясь ссориться съ Андреемъ. У Кіева къ войску присоединились князья сѣверскіе и южные князья Юрьева дома. Святославъ Всеволодичъ на этотъ разъ тоже присоединился и принялъ главное начальство: такъ какъ стало извѣстно, что Андрей не ищетъ Кіева для себя собственно, то Святославъ надѣялся, вѣроятно, получить Кіевъ себѣ.

Перешедши Днѣпръ, союзники вошли въ Кіевъ, на этотъ разъ оставленный князьями. Ростиславичи затворились въ своихъ городахъ—Рюрикъ въ Бѣлгородѣ, а Мстиславъ съ Давыдовымъ полкомъ—въ Вышгородѣ; самъ Давыдъ отправился въ Галичъ за помощью. Присоединивши къ своей арміи кіевское ополченіе (вѣроятно, принудительно набранное) и полки черныхъ клобуковъ, Святославъ двинулся 8 сентября къ Вышгороду. Никогда еще, кажется, Южная Русь—за историческій періодъ своего существованія—не видала у себя такой многочисленной рати; однихъ князей, по словамъ лѣтописца, болѣе двадцати находилось въ войскѣ. Вышгородъ былъ обложенъ; Мстиславъ не робѣлъ и упорно отбивался; осада затянулась на девять недѣль; каждый день происходили схватки у города, и много войска гибло на нихъ; сѣверныя ополченія и Андреевы союзники, большею частью, вѣроятно, невольные, были утомлены такою продолжительною и тяжелою осадою. Между тѣмъ подошелъ Ярославъ Изяславичъ „со всею Волынскою землею“ и вступилъ въ переговоры съ Святославомъ, домогаясь кіевскаго стола. Святославъ не соглашался, да и Андрей не потерпѣлъ бы передачи Кіева Ярославу. Тогда послѣдній вошелъ въ переговоры съ Ростиславичами, и тѣ согласились предоставить ему Кіевъ. Ярославъ пошелъ къ Бѣлгороду, чтобы соединиться съ Рюрикомъ; это произвело панику среди осаждавшихъ: ожидали, что къ Ярославу присоединится также галицкая помощь и черные клобуки. Въ войскѣ Святослава началось смятенье, и на слѣдующее утро огромная армія бросилась переправляться чрез Днѣпръ; Мстиславъ ударилъ на нее съ тылу изъ города, много народу перетонуло при переправѣ, много было захваченно въ плѣнъ [1]). Мстиславъ при

[1]) Погодинъ (Андрей Боголюбскій с. 65) объясняетъ бѣгство Ольговичей измѣною, тайнымъ соглашеніемъ съ Ростиславичами; это предположеніе основательно опровергъ Соловьевъ (II с. 439—440).

этомъ „много пота утеръ с дружиною своею и немало мужьства показа с мужьми своими“, а Андреева рать со стыдомъ вернулась восвояси [1]).

Ростиславичи, согласно обѣщанію, предоставили Кіевъ Ярославу, который и вокняжился здѣсь. Но къ нему обратился съ претензіями Святославъ Всеволодовичъ: ссылаясь на какой-то договоръ, заключенный будто бы между нимъ и Ярославомъ [2]), онъ домогался отъ него надѣла. Ярославъ отказалъ ему подъ весьма страннымъ предлогомъ, что Кіевская волость Святославу не отчина, между тѣмъ какъ отецъ Святослава, Всеволодъ, княжилъ въ Кіевѣ. Святославъ отвѣчалъ: „я не Угринъ, ни Ляхъ, но одинаго дѣда есмы внуци“. Онъ собралъ братію и неожиданно напалъ на Кіевъ. Ярославъ былъ застигнутъ врасплохъ, не рискнулъ затвориться въ Кіевѣ съ однѣми своими силами и бѣжалъ въ Луцкъ. Но и Святославъ не остался въ Кіевѣ; захвативъ имущество Ярослава „безъ числа“, его семью и дружину, онъ чрезъ 12 дней возвратился въ Черниговъ, вѣроятно, не надѣясь удержать Кіева противъ Ярослава и Ростиславичей. Кіевъ остался безъ князя. Услыхавъ объ этомъ, Ярославъ вернулся и свое раздраженіе выместилъ на кіевскомъ населеніи: „на гнѣвѣхъ замысли тяготу кыяномъ река: подъвели есте вы на мя Святослава, промышляйте, чимъ выкупити княгиню и дѣтя“; кіевляне не знали, что отвѣтить на это, а онъ наложилъ тяжелую пеню („попрода“) на все населеніе безъ различія: „игумены и попы, и черьнци, и черници, Латину (т. е. западныхъ купцовъ), и затворы, и гости, и всѣ Кыяны, и много зла створи Кыеву“ [3]). Мы не знаемъ, насколько кіевляне бы-

---

[1]) Ипат. с. 390—392, Лавр. с. 346—347, 1 Новг. 15; послѣдняя представляетъ дѣло такъ, будто походъ былъ удаченъ.

[2]) „Святославъ же поча слати къ Ярославу съ жалобою, река ему: на чемь еси цѣловалъ крестъ а помяни первый рядъ; реклъ бо еси, оже я сяду вь Кіевѣ, то я тебе надѣлю, пакы ли ты сядеши вь Кыевѣ, то ты мене надѣли“ (Ипат. л. с. 393). Этотъ договоръ по мнѣнію Карамзина (III с. 17), Погодина (Андрей Боголюбскій с. 66) былъ заключенъ во время осады Вышгорода; Соловьевъ (II с. 440) думаетъ, что онъ былъ заключенъ раньше. Можетъ быть, такое предложеніе Ярославъ дѣлалъ подъ Вышгородомъ Святославу, но тогда послѣдній не принялъ его, а теперь сталъ о немъ напоминать?

[3]) Ипат. с. 393, Лавр. с. 347—348. Я слѣдую чтенію Лавр. л., въ Ипат.: „и затвори всѣ Кыяны“; подъ затворами одни понимаютъ кельи отшельниковъ, что согласно съ лѣтописнымъ употребленіемъ этого слова, другіе—склады товаровъ. „Попрода“ Татищевъ

ли дѣйствительно виноваты въ наѣздѣ Святослава; у него, конечно, могли быть приверженцы, „повабившіе" его, но подозрѣвать все вообще кіевское населеніе въ особыхъ симпатіяхъ къ Ольговичу едва ли можно. Во всякомъ случаѣ фактъ расправы Ярослава любопытенъ— онъ показываетъ, въ какое униженіе пришла славная кіевская община;—съ другой стороны поступокъ Ярослава указываетъ и на то, кажется, что въ сутолокѣ, которая воцарилась на югѣ послѣ кіевскаго погрома, исчезли у князей въ значительной степени и политическій смыслъ и правильное отношеніе къ населенію.

Выместивъ свою досаду на кіянахъ, Ярославъ пошелъ къ Чернигову на Святослава; послѣдній въ это время воевалъ съ Олегомъ Святославичемъ и оказался такимъ образомъ въ затруднительномъ положеніи; ему однако удалось какъ-то умилостивить Ярослава, который помирился съ нимъ и вернулся [1]).

Эти неурядицы навели между тѣмъ Ростиславичей на мысль домогаться себѣ Кіева; однако перехватывать его у Ярослава и Святослава, не имѣя поддержки со стороны, было рискованно, и Ростиславичи рѣшились обратиться къ Андрею и изъ защитниковъ южнорусскаго строя превратиться еще разъ во владимірскихъ приспѣшниковъ. Они отправили къ Андрею посольство, „просяче Романови Ростиславичу княжить вь Киевѣ" [2]). Андрей, который не могъ, конечно, помириться съ понесенною неудачею и зорко слѣдилъ за южными событіями, тоже обратилъ въ это время вниманіе на кіевскія неурядицы и началъ сноситься съ южными родичами, готовя, вѣроятно, новое нашествіе на Кіевъ. Просьба Ростиславичей подоспѣла во-время, и Андрей принялъ ее благосклонно, попросилъ только подождать, пока онъ получитъ отвѣтъ отъ своей братіи. Кіевъ долженъ былъ снова вернуться подъ опеку Андрея, но въ это время послѣдній

понималъ буквально— о продажѣ имущества (Ш с. 195), но „продажа"—судебная пеня, а „продавать" значитъ подвергать пенѣ—ср. Ипат. с. 151. Въ Густинск. (с. 315): „и многая насилія Кіяномъ творяше, да слагаются на окупъ княгини его".

[1]) Ипат. с. 393—394, Лавр. с. 348.

[2]) Любопытно добавленіе Никон. I с. 249: „да се убо всѣмъ извѣстно, яко ты посадиши въ Кіевѣ на великомъ княженіи". Татищевъ (Ш с. 196) говоритъ, что иниціаторомъ этого посольства былъ Рюрикъ.

былъ убитъ своими „милостниками"—28 іюня 1174 г. [1]). Смуты, происшедшія въ Ростово-Суздальской волости вслѣдъ за убійствомъ Андрея, борьба дядей и племянниковъ, старыхъ и новыхъ городовъ—освободили Кіевъ изъ подъ опеки владимірскихъ князей, но сумятица, борьба и постоянныя смѣны князей продолжались еще нѣкоторое время въ Кіевской волости, Кіевъ нѣсколько разъ переходилъ изъ рукъ въ руки, пока между главными соперниками не произошелъ компромиссъ, который установилъ на время довольно прочныя отношенія и доставилъ сравнительное спокойствіе многострадальной землѣ.

Ярославъ не долго пробылъ на кіевскомъ столѣ. Вмѣстѣ съ Ростиславичами онъ снова вмѣшался въ войну Святослава черниговскаго съ Олегомъ Святославичемъ; иниціатива этого вмѣшательства принадлежала Ростиславичамъ, которые были въ родствѣ съ Олегомъ. Святославъ и на этотъ разъ успѣлъ помириться съ ними, и они, отступившись отъ Олега, вернулись во-свояси. Вслѣдъ за тѣмъ въ Кіевскую волость явился изъ Смоленска, „къ братьи своей въ помощь", Романъ. Ярославъ заподозрѣлъ, что онъ пришелъ занять кіевскій столъ: „привели есте брата своего Романа, а даете ему Кыевъ", укорилъ онъ Ростиславичей—и затѣмъ ретировался въ Луцкъ; онъ чувствовалъ, что положеніе его было очень непрочно; кіевское населеніе было враждебно настроено послѣ его „продажи"; да и кіевскій столъ, вѣрно, на дѣлѣ оказался не такимъ заманчивымъ, какимъ считалъ его Ярославъ, сидя въ Луцкѣ. Ростиславичи посылали къ нему, приглашая вернуться, но Ярославъ не захотѣлъ; затѣмъ онъ исчезаетъ съ исторической сцены. Въ Кіевѣ же снова вокняжился Романъ [2]). Какъ мы видѣли, лѣтопись глухо говоритъ о причинѣ его прихода, выходитъ скорѣе, какъ будто Ростиславичи не имѣли въ виду смѣщать Ярослава; но не забудемъ, что свѣдѣнія наши о Ростиславичахъ вообще идутъ изъ источника весьма къ нимъ распо-

---

[1]) Ипат. с. 394. О времени смерти Андрея см. Карамзина Ш прим. 13, Погодина Изслѣдов. IV с. 96 и Ипат. с. 394, въ примѣчаніяхъ.

[2]) Ипат. с. 406—407, 1 Новг. с. 16. У Татищева (Ш с. 209—210) Романъ самъ потребовалъ, чтобъ Ярославъ удалился изъ Кіева, затѣмъ, устыдившись, сталъ приглашать его обратно, но Ярославъ отказался.

ложеннаго; сопоставляя недавнюю просьбу Ростиславичей, чтобы Андрей далъ кіевскій столъ Роману, естественно заключить, что и призывая Романа, Ростиславичи имѣли въ виду именно Кіевъ, кіевскій столъ, а не помощь противъ Святослава или что-нибудь подобное.

Семья Ростиславичей такимъ образомъ завладѣла всею Кіевскою волостью; только Треполемъ владѣлъ, кажется, ихъ двоюродный братъ Мстиславъ Володимеричъ, князь дорогобужскій. Но Святославъ не оставилъ своихъ претензій на Кіевъ, и между нимъ и Ростиславичами происходитъ рядъ столкновеній.

Уже на слѣдующій годъ (1176) Святославъ вмѣшивается въ отношенія Ростиславичей и отнимаетъ у нихъ Кіевъ. Поводъ къ этому вмѣшательству переданъ лѣтописью очень неопредѣленно. Половцы совершили набѣгъ на Поросье, овладѣли шестью городами берендичей и направились къ Раставцу. Романъ отрядилъ на помощь Рюрика и своихъ сыновей, Давыдъ отправился тоже, но опоздалъ и догналъ ихъ уже на дорогѣ; между братіею произошли какія-то распри, полки русскіе были разбиты, и князья укрылись въ Раставецъ [1]. Услыхавъ объ этомъ, Святославъ съ братіею, по словамъ лѣтописца, обрадовались, „аки не вѣдуще Божия казни“; непосредственно затѣмъ онъ явился къ Кіеву и заявилъ Роману, что для себя онъ ничего не добивается, но „Давыдъ виноватъ“ и по обычаю за свою вину долженъ быть наказанъ лишеніемъ волости („оже ся князь извинитъ, то в волость, а мужь у голову“). Въ чемъ заключалась эта Давыдова вина, лѣтопись не говоритъ; нѣкоторые изслѣдователи предполагали, что рѣчь идетъ объ обидахъ, нанесенныхъ Давыдомъ Святославу [2], но о такихъ обидахъ ничего не извѣстно. Такъ какъ требованіе Святослава непосредственно слѣдовало за пораженіемъ у Раставца, то естественнѣе предположить, что Святославъ имѣлъ въ виду какой-нибудь проступокъ Давыда во время этого похода: вѣроятно ему приписывали неудачу [3]. Нечего и говорить, что въ такомъ случаѣ требованіе Святослава, мотивированное, быть можетъ, тѣмъ, что

---

[1]) Ипат. с. 408—409.

[2]) Татищевъ III с. 217, Карамзинъ III с. 28, Арцыбашевъ I. 2, с. 212; Карамзинъ говоритъ, что Давыдъ, помогая Олегу, жегъ города Святослава.

[3]) См. Соловьева II с. 262, П. В. Голубовскаго Ист. Сѣв. з. с. 154—5. Лѣтопись не выставляетъ впрочемъ Давыда виновникомъ пораженія; распри произошли, повидимому,

онъ былъ старшимъ въ домѣ Ярослава, слѣдовательно былъ въ правѣ блюсти общіе интересы, было лишь придиркою. Романъ не исполнилъ его требованія. Тогда Святославъ отправилъ въ Кіевскую волость брата Ярослава и Олега Святославича, „с вои", а за ними двинулся и самъ и остановился у Витичева. Въ Треполѣ сидѣлъ, вмѣстѣ съ сыномъ Романа, Мстиславъ дорогобужскій; онъ былъ въ свойствѣ съ сѣверскими князьями и сдалъ имъ городъ. Услыхавъ обо всемъ этомъ, Романъ не рѣшился отсиживаться въ Кіевѣ, „понеже кіевляне имъ не довольны были", какъ объясняетъ Татищевъ [1], и ушелъ въ Бѣлгородъ. Кіяне явились къ Святославу съ извѣстіемъ объ этомъ: это были, вѣроятно, приверженцы Ольговичей, потому что особенныхъ симпатій къ Святославу все вообще кіевское населеніе ничѣмъ не заявляетъ; пріѣхали и черные клобуки. Святославъ направился въ Кіевъ и вступилъ въ него 20 іюля 1176 г.

Но торжество его было непродолжительно: Ростиславичи не сдавались, выбить Романа изъ Бѣлгорода не удалось, между тѣмъ прибылъ къ нимъ изъ Смоленска на помощь Мстиславъ Ростиславичъ (Храбрый) съ полками, и Ростиславичи намѣревались итти на Святослава. Услыхавъ объ этомъ, послѣдній оробѣлъ; половцы, за которыми онъ послалъ, еще не пришли, и Святославъ бросился бѣжать за Днѣпръ. Такимъ образомъ Кіевъ былъ возвращенъ Ростиславичами. Послѣдніе понимали однако, что Святославъ не оставитъ своихъ претензій и не дастъ имъ спокойно сидѣть въ Кіевской волости; кстати подоспѣли и половцы и узнавъ, что уже опоздали, принялись хозяйничать около Торческа и забрали много плѣнниковъ. Ростиславичи, „не хотяче губити Руской земли", рѣшили уступить кіевскій столъ Святославу, сохранивъ за собою прежніе кіевскіе удѣлы—Вышгородскій, Бѣлгородскій, Овручскій, т. е. почти всю Кіевскую волость. Романъ возвратился въ Смоленскъ, а Мстиславъ, занимавшій въ его отсутствіе смоленскій столъ, вернулся на югъ [2].

между Рюрикомъ и его племянниками, и благодаря этому Давыдъ нагналъ ихъ; этими распрями Густин. л. (с. 316) и объясняетъ пораженіе кіянъ. Въ концѣ концовъ Давыдова вина остается намъ неизвѣстною.

[1]) Ист. Росс. III с. 218.

[2]) Ипат. с. 409—410. Здѣсь слѣдуетъ пробѣлъ въ Ипат. л., но онъ, кажется, не касается южныхъ событій, по крайней мѣрѣ составитель Густинск. л., знавшій то, что

Этотъ князь, отличавшійся рыцарскимъ характеромъ и желавшій, по словамъ лѣтописца, „умрети за Рускую землю и за хрестьяны", лучше всего могъ бы возстановить репутацію Мстиславова дома у кіевскаго населенія, но онъ скоро былъ призванъ въ Новгородъ, гдѣ затѣмъ и скончался (1180 г.), въ молодыхъ еще лѣтахъ, „приказавъ" свою волость и своего сына Рюрику и Давыду, оставшимся въ Кіевской землѣ. По словамъ лѣтописи, „плакашеся по немь вся земля Руская, не може забыти доблести его, и Черныи Клобуци вси не могуть забыти приголубления его" [1]).

Года два Ростиславичи и Святославъ жили въ мирѣ, даже дѣйствовали сообща: вмѣстѣ, напримѣръ, ходили оборонять Переяславль отъ половцевъ; но прочнаго согласія между ними не было. Святославъ жаловался, что Ростиславичи ему „во всемъ пакостять в Руской землѣ" [2]); вѣроятно, онъ былъ недоволенъ, что Ростиславичи владѣютъ кіевскими надѣлами, а Ростиславичи не мирились съ потерею Кіева. Положеніе Святослава было тѣмъ непріятнѣе, что онъ въ то время вмѣшался въ сѣверныя дѣла и въ концѣ концовъ столкнулся со Всеволодомъ Юрьевичемъ, который въ это время прочно уже утвердился въ Ростово-Суздальской волости и котораго Святославъ поддерживалъ раньше въ его борьбѣ съ племянникомъ и Рязанью. Вмѣшавшись въ распрю рязанскихъ князей, Святославъ послалъ своего сына Глѣба на помощь Роману рязанскому, между тѣмъ какъ противники Романа обратились къ покровительству Всеволода; послѣдній схватилъ Глѣба Святославича и заключилъ въ оковы [3]). Святославъ былъ въ высшей степени раздраженъ этимъ поступкомъ Всеволода и замыслилъ мстить ему, но Ростиславичи связывали руки Святославу, и онъ принялъ довольно рискованный планъ—устранить сначала Ростиславичей изъ Кіевской волости, „переняти всю волость Рускую" одному, а затѣмъ итти на Всеволода.

пропущено относительно сѣверныхъ событій, относительно южныхъ не прибавляетъ ничего къ переданному въ современныхъ спискахъ (Густинск. с. 317).

[1]) Ипат. с. 411—414, 1 Новг. 17, Лавр. 367.

[2]) Ипат. с. 416.

[3]) Ипат. с. 407—408, 415—416, Лавр. 356, 363, 367—368. См. Ист. Ряз. кн. Иловайскаго с. 40—41, Ист. Сѣв. з. Голубовскаго с. 154, 156.

Случилось такъ, что Давыдъ отправился охотиться по Днѣпру на лодкахъ, а Святославъ одновременно охотился на черниговскомъ берегу; онъ задумалъ воспользоваться этимъ случаемъ и схватить Давыда; нападеніе было неудачно, Давыдъ ускользнулъ, всѣ поиски Святослава были напрасны; онъ пошелъ къ Вышгороду, но городъ, очевидно, уже приготовился къ отпору. Обнаруживъ такъ неловко свои намѣренія, Святославъ не нашелъ возможнымъ оставаться долѣе въ Кіевѣ, „рекъ: уже обьявихомся Ростиславичемь, а немочьно ми быти в Киевѣ“, и уѣхалъ за Днѣпръ [1]). Давыдъ между тѣмъ бѣжалъ въ Бѣлгородъ къ Рюрику. Когда стало извѣстно, что Святославъ ушелъ за Днѣпръ, Рюрикъ занялъ Кіевъ и сталъ готовиться къ борьбѣ; по его призыву явились изъ Луцка сыновья Ярослава Изяславича, прибылъ вспомогательный отрядъ отъ Ярослава галицкаго. Брата Давыда Рюрикъ отправилъ на помощь Роману въ Смоленскъ, такъ какъ можно было ожидать, что Святославъ двинется туда [2]); на дорогѣ Давыдъ получилъ вѣсть, что Романъ скончался, и поспѣшилъ занять столъ послѣ брата. Рюрикъ остался теперь единоличнымъ обладателемъ Кіевской волости [3]).

Но Святославъ раздумалъ итти на Ростиславичей и рѣшилъ предварительно расправиться со Всеволодомъ. Зимою 1180 г. онъ отправился на Суздаль съ отрядомъ половцевъ и новгородскимъ полкомъ (сынъ его Владиміръ княжилъ въ Новгородѣ), захвативъ съ собою и суздальскаго претендента—Ярополка Ростиславича; однако Всеволодъ уклонялся отъ битвы, и походъ кончился ничѣмъ. Святославъ ушелъ въ Новгородъ, гдѣ былъ принятъ съ великою честью [4]). Весною 1181 г., попаливъ по дорогѣ Друцкъ, волость союзника Ростиславичей—Глѣба Рогволодича, онъ отправился Днѣпромъ на Кіевъ, выгонять Рюрика. Игорь съ половцами хановъ Кончака и Кобяка отправился туда же сухимъ путемъ и у Вышгорода ожидалъ Святослава. Рюрикъ удалился въ Бѣлгородъ, и Святославъ вступилъ въ Кіевъ; половцы остались при немъ для обороны и расположились съ Игоремъ у Долобскаго озера. Провѣдавъ объ этомъ, Рюрикъ послалъ

---

[1]) Ипат. с. 416.

[2]) По Татищеву (III с. 239) Святославъ дѣйствительно пошелъ было на Смоленскъ, но ему помѣшала весенняя ростепель.

[3]) Ипат. с. 417—418.

[4]) Ипат. с. 418—419, Лавр. с. 368, 1 Новг. с. 17—18.

на половцевъ отрядъ дружины и черныхъ клобуковъ; половцы были разбиты и смяты, много ихъ перетонуло въ Черторыѣ, много было перебито, а русскій полонъ отбитъ; Игорь, растерявшись, бросился бѣжать къ Чернигову [1]).

Не смотря на этотъ успѣхъ, Рюрикъ не продолжалъ борьбы— она грозила продлиться до безконечности, въ родѣ борьбы Изяслава и Юрія, даже еще хуже, потому что Святославъ и Рюрикъ, какъ близкіе сосѣди, могли съ гораздо большимъ удобствомъ вредить другъ другу; между тѣмъ эти нескончаемыя усобицы, съ непремѣннымъ участьемъ половцевъ и черныхъ клобуковъ, страшно вредили осѣдлому населенію и возбуждали его ненависть. Итакъ Рюрикъ, по словамъ преданнаго ему лѣтописца, „аче побѣду возма, но ничто же горда учини, но возлюби мира паче рати и пожити хотя въ братолюбьи, паче же и хрестьянъ дѣля плѣняемыхъ по вся дни отъ поганыхъ и пролитья крови ихъ не хотя видити, съступися ему (Святославу) старѣйшиньства и Киева, а собѣ взя всю Рускую землю“ [2]).

Такимъ образомъ планъ Святослава завладѣть одному Кіевской волостью кончился неудачно, онъ принужденъ былъ помириться на прежнихъ условіяхъ. Это примиреніе было скрѣплено потомъ бракомъ Глѣба Святославича на дочери Рюрика и оказалось прочнѣе предыдущихъ. Одновременно Святославъ примирился и со Всеволодомъ, послѣдній „прия великую любовь съ Святославомъ“, выпустилъ его сына Глѣба и сосваталъ за другого сына свою свояченицу [3]). И это примиреніе было со стороны Святослава собственно также признаніемъ своего пораженія: онъ вмѣшался въ сѣверныя дѣла съ тѣмъ, чтобы утвердить тамъ свое вліяніе; какъ старѣйшій въ домѣ Ярослава, онъ считалъ себя „въ отца мѣсто“ Всеволоду [4]), желалъ осуществить на дѣлѣ это право, и это ему не удалось; Всеволодъ освободилъ его сына только изъ милости; одновременно другой его сынъ—

---

[1]) Ипат. с. 419—421.

[2]) Ипат. с. 421—422. Г. Молчановскій уступку Ростиславичей объясняетъ тѣмъ, что они не имѣли возможности сопротивляться послѣ того, какъ Поросье, разоренное половцами, союзниками Святослава, перестало оказывать имъ поддержку (ор. с. с. 47).

[3]) По Татищеву (III с. 245), примиреніе это состоялось при посредствѣ Рюрика; такъ думаетъ и Карамзинъ (III с. 38); это возможно, хотя собственно что за нужда была Рюрику хлопотать объ этомъ?

[4]) Обращаясь ко Всеволоду, онъ именуетъ его „братомъ и сыномъ“—см. Ипат. л. с. 419, 422.

Владиміръ былъ изгнанъ изъ Новгорода и замѣненъ ставленникомъ Всеволода. Въ 1183 г. Святославъ посылаетъ уже вспомогательный отрядъ на помощь Всеволоду противъ болгаръ [1]); правда, при этомъ Святославъ по прежнему называетъ Всеволода „братомъ и сыномъ" и какъ бы снисходитъ къ его просьбѣ, но эта внѣшность не скрываетъ дѣйствительности. Святославъ долженъ былъ отказаться отъ намѣренія создать себѣ вліятельное, первенствующее положеніе среди русскихъ князей, ему пришлось помириться на одномъ титулѣ кіевскаго князя. Дѣйствительное первенство пріобрѣтаетъ наслѣдникъ Андрея и его политики—Всеволодъ.

Начиная съ 1181 г. въ Кіевской землѣ устанавливается оригинальное двоевластіе, продолжающееся въ теченіе тринадцати лѣтъ, до смерти Святослава. Святославъ получилъ титулъ кіевскаго князя и Кіевъ только съ окрестною, какъ кажется, округою, всею же остальною „Русскою землею" владѣлъ Рюрикъ; любопытно, что Кіевская лѣтопись обоихъ ихъ именуетъ великими князьями [2]).

Рюрикъ въ сущности былъ даже сильнѣе Святослава; хотя волость его была не особенно велика, но онъ имѣлъ большія связи: въ Смоленскѣ сидѣлъ его братъ, пинскіе князья были его шурьями, Романъ Мстиславичъ, сидѣвшій во Владимірѣ, былъ женатъ на его дочери, старый Ярославъ галицкій держалъ его сторону [3]); наконецъ самъ „великій Всеволодъ" суздальскій породнился съ Рюрикомъ, выдавъ свою дочь Верхуславу за его сына Ростислава [4]) и въ своихъ видахъ поддерживалъ Рюрика въ его столкновеніяхъ съ Святославомъ: этимъ онъ давалъ противовѣсъ стремленіямъ послѣдняго къ первенству и къ утвержденію своего вліянія на сѣверо-востокѣ.

Святославъ, перейдя въ Кіевъ, долженъ былъ уступить Черниговъ брату Ярославу; кромѣ кіевскаго округа въ его владѣніи оста-

---

[1]) Ипат. с. 422—423, 1 Новг. с. 18.

[2]) Напр. Ипат. с. 426, 427, 429—430; Максимовичъ впрочемъ въ титулѣ Рюрика (подъ 1185 г.) видѣлъ прибавку, сдѣланную уже послѣ смерти Святослава, когда Рюрикъ былъ кіевскимъ княземъ (I с. 141).

[3]) Ипат. с. 426, 443, 445, 452.

[4]) Эта свадьба была отпразднована въ 1188 г. (Погодинъ Изслѣд. т. IV с. 98) въ Бѣлгородѣ, съ великолѣпіемъ (однихъ князей было на свадьбѣ болѣе двадцати), которое произвело, очевидно, большое впечатлѣніе въ обществѣ, см. Ипат. л. с. 443.

валась еще земля вятичей. У сѣверскихъ князей Святославъ не пользовался особеннымъ вліяніемъ, и они часто не исполняли его просьбъ; наконецъ онъ всегда чувствовалъ надъ собою бдительное око Всеволода, котораго задѣлъ такъ неосторожно; все это заставляло Святослава быть непритязательнымъ и уступчивымъ, поддерживать мирныя отношенія къ Рюрику и въ своихъ неудовольствіяхъ не доходить до столкновеній. Какъ чувствовалась сила Всеволода, особенно во вторую половину этого періода, лучше всего показываетъ случай, имѣвшій мѣсто передъ самою смертью Святослава: рязанскіе князья чинили какія-то обиды Святославу и другимъ сѣверскимъ князьямъ [1]); Святославъ съ братіею порѣшили наказать ихъ, но предварительно попросили позволенія у Всеволода: „просячися у Всеволода на Рязань; Всеволодъ же воли ихъ не сотвори". Святославъ съ тѣмъ отправился во-свояси.

Что касается кіевскаго земства, то, какъ видно, Святославъ не возбуждалъ противъ себя такого неудовольствія, какъ его отецъ и дядя—Всеволодъ и Игорь Ольговичи; повидимому, онъ старался снискать расположеніе кіянъ; въ лѣтописи разсказывается, что при освященіи церкви св. Василія онъ задалъ пиръ духовенству и кіевскому населенію, „и быша весели" [2]); подобныхъ случаевъ, конечно, могло быть и гораздо больше. Лѣтописецъ хвалитъ набожность Святослава, чистоту его жизни и милосердіе; иныя качества обнаруживалъ Святославъ въ своихъ политическихъ отношеніяхъ, но то впрочемъ были качества обычныя для того времени, и ихъ не поминаютъ современники. Въ симпатичномъ свѣтѣ представляетъ намъ Святослава и авторъ Слова о полку Игоревѣ: кіевскій князь является грознымъ и славнымъ въ половецкихъ войнахъ, славу ему поютъ: „Нѣмци и Венедици, Греци и Морава" [3]); а въ междукняжескихъ отношеніяхъ онъ является настоящимъ старѣйшиною, патріархомъ Русской земли; слава Кіева все еще жила и своимъ ореоломъ освѣщала и Святослава. Что касается Рюрика, то мы имѣемъ прямое свидѣтельство лѣтописца, что Рюрикъ пользовался большимъ расположеніемъ кіевскаго населенія—русскаго и черноклобуцкаго;

---

[1]) См. Ист. Рязан. кн. Иловайскаго с. 67.

[2]) Ипат. л. с. 428.

[3]) Слово о полку Игоревѣ с. 6—7.

хотя преданность этого лѣтописца семьѣ Ростиславичей и послѣдующія отношенія кіянъ къ Рюрику и заставляютъ относиться къ этому извѣстію съ нѣкоторою осторожностью, однако и отвергать его нѣтъ поводовъ, тѣмъ болѣе, что и Слово отзывается о Рюрикѣ сочувственно: его, точно, любили, вѣроятно, за радушіе и ласковость и за удаль— наслѣдственныя качества въ домѣ Мстислава [1]).

Прочныхъ и искреннихъ отношеній между Святославомъ и Рюрикомъ не существовало: личные интересы обоихъ были слишкомъ различны, и эта рознь всплывала при случаѣ. Тѣмъ не менѣе у нихъ было сознаніе, что удѣлы ихъ—одна и та же Кіевская область, „Русская земля“, и они считали долгомъ сообща заботиться о безопасности и благѣ этой Русской земли и контролировали другъ друга съ этой точки зрѣнія. Сообща предпринимали они походы на половцевъ, сообща рѣшали болѣе важные вопросы; если одинъ уходилъ изъ Кіевской волости куда-нибудь по личнымъ нуждамъ, „своихъ дѣля орудѣй“, то другой долженъ былъ оставаться и стеречь Русскую землю или же оставить вмѣсто себя другихъ охранителей; такъ въ 1190 г. Рюрикъ требовалъ, чтобы Святославъ, уходя за Днѣпръ, къ братьямъ „на думу“, оставилъ вмѣсто себя сына съ полкомъ, а въ 1193 Святославъ настоялъ, чтобы Рюрикъ не уходилъ изъ Русской земли: „ты идешь изо отчины своея на свое орудье, а язъ паки иду за Днѣпръ своихъ дѣля орудѣй, а в Руской землѣ кто ны ся останеть?“ говорилъ онъ Рюрику, и послѣдній остался [2]).

Рознь Рюрика и Святослава обнаружилась въ вопросѣ о Галичѣ. Въ 1187 г. скончался старый Ярославъ Осмомыслъ; по смерти его въ Галичѣ начались смуты, въ которыхъ приняли участье и кіевскіе князья. Олегъ Ярославичъ, получившій по отцовскому завѣщанію Галичъ, былъ изгнанъ своимъ братомъ Владиміромъ и боярами и бѣжалъ къ Рюрику въ Овручъ; о дальнѣйшей судьбѣ его русскія лѣтописи умалчиваютъ [3]). Затѣмъ, когда Владиміръ Ярославичъ возбудилъ негодованіе галицкаго населенія своею безпорядочною жизнью, зять Рюрика, знаменитый Романъ, завелъ сношенія съ галичанами и выгналъ Владиміра. За послѣдняго вступился угорскій король Бела III; онъ принудилъ Романа Мстиславича удалиться

---

[1]) Ипат. с. 458, ср. Слово о пол. Иг. с. 8.

[2]) Ипат. с. 450, 455.

[3]) Ипат. с. 442.

изъ Галича, но посадилъ здѣсь въ концѣ концовъ своего сына. Романъ остался безъ волости, потому что раньше, въ надеждѣ на Галичъ, уступилъ Владиміръ брату Всеволоду, и теперь послѣдній не соглашался возвратить Роману его волость; Рюрикъ предоставилъ Роману въ удѣлъ Торческъ, а затѣмъ „насла с грозою на Всеволода" и заставилъ его возвратить волость брату [1]). Между тѣмъ Бела, опасаясь, что Рюрикъ станетъ поддерживать Романа, завелъ сношенія съ Святославомъ, обѣщая уступить ему Галицкую волость или часть ея; Святославъ повѣрилъ этимъ обѣщаніямъ и тайкомъ отъ Рюрика отправилъ къ королю сына Глѣба. Провѣдавъ объ этомъ, Рюрикъ отправилъ за нимъ въ догонку своего родича, а самъ началъ „насылать" на Святослава, попрекая его, что онъ „соступился ряду" и завелъ тайкомъ сношенія съ королемъ [2]). Святославъ, какъ видно, не хотѣлъ ссориться съ Рюрикомъ, увѣрялъ, что онъ дѣйствовалъ не противъ послѣдняго, не накликалъ на него короля, и предлагалъ итти вмѣстѣ съ Рюрикомъ, если онъ захочетъ пойти на Галичъ. Митрополитъ Никифоръ тоже побуждалъ князей отнять Галичъ у иноплеменниковъ [3]); въ такомъ же духѣ, конечно, вліялъ на Рюрика и Романъ. Наконецъ походъ былъ рѣшенъ, и князья собрались, но поднятъ былъ вопросъ, какъ поступить съ Галицкою волостью въ случаѣ успѣха? Святославъ предлагалъ Рюрику взять Галичъ себѣ и взамѣнъ уступить „всю Рускую землю около Кыева", т. е., вѣроятно, западную половину Кіевской волости, но Рюрикъ никакъ не соглашался поступиться своею отчиною: взять себѣ Галичъ онъ не могъ, потому что это значило бы вооружить противъ себя Романа. Такъ князья и не урядились и послѣ пререканій разошлись во-свояси [4]). Это происходило въ 1189 г., въ слѣдующемъ году Владиміръ воз-

---

[1]) Ипат. с. 444—446.

[2]) Соловьевъ (II пр. 355) полагаетъ, что раньше Рюрикъ со Святославомъ урядились дѣйствовать заодно относительно Галича, но скорѣе тутъ нужно разумѣть рядъ болѣе ранній и болѣе общій—относительно политики вообще, такъ какъ Святославъ не отрицаетъ, что имѣетъ частныя сношенія съ королемъ, а заявляетъ только, что они направлены не противъ Рюрика.

[3]) По Татищеву (III с. 290), митрополитъ дѣйствовалъ по совѣту кіевскихъ вельможъ, которые хлопотали о примиреніи князей.

[4]) Ипат. с. 446. „Рюрикъ же сего не улюбишеть лишитися отчины своея, не хотѣ подѣлитися Галичомъ"; Соловьевъ (II пр. 356) предлагаетъ вмѣсто *не* читать *но*, такъ какъ иначе Рюрикъ оставилъ бы Святослава вовсе безъ вознагражденія; эта поправка весьма вѣроятна.

вратилъ себѣ столъ, и галицкій вопросъ разрѣшился самъ собою; Рюрикъ и Святославъ помирились вполнѣ и предприняли вмѣстѣ охоту у устья Тясмина; тутъ они „во любви пребыста и во весельи по вся дни“, но затѣмъ осенью того же 1190 г. между ними произошли новыя распри.

Лѣтопись не говоритъ опредѣленно о причинѣ этого несогласія; по ея словамъ, у Святослава была „тяжа с Рюрикомъ и с Давыдомъ и Смоленьскою землею“, которая основывалась на давнихъ претензіяхъ Ольговичей къ Ростиславу. Святославъ уѣхалъ за Днѣпръ, не оставивъ обороны Русской землѣ, и заключилъ союзъ съ братіею, чтобы добиваться сообща удовлетворенія отъ Ростиславичей. Тогда Рюрикъ произвелъ на него дипломатическое давленіе: онъ снесся со Всеволодомъ суздальскимъ и братомъ Давыдомъ, извѣщая о претензіяхъ Святослава, и тѣ поддержали Рюрика. Къ Святославу были отправлены мужи отъ всѣхъ трехъ князей, которые заявили ему: „ты, брате, к намъ крестъ целовалъ на Романовѣ ряду, такоже нашь братъ Романъ сѣдѣлъ въ Кыевѣ, дажь стоиши в томъ ряду, то ты намъ братъ, пакы ли поминаешь давныя тяжа, которыи былѣ при Ростиславѣ, то съступилъ еси ряду, мы ся в то не дамы“ и возвратили крестныя грамоты. Святославъ сначала не хотѣлъ уступать, послѣ долгихъ пререканій принялъ крестныя грамоты (что было знакомъ разрыва) и отпустилъ пословъ, но затѣмъ передумалъ, вернулъ ихъ и „целова к нимъ крестъ на всей ихъ волѣ“ [1]).

Главное содержаніе этого времени двоевластія составляетъ борьба съ половцами. То была насущная нужда Южной Руси; половецкія нашествія и опустошенія въ послѣднее время происходили весьма часто: послѣ двукратнаго вторженія въ Кіевскую волость въ княженіе Глѣба Юрьевича, въ Кіевской лѣтописи подъ 1174 г. говорится, что половцы „пакость творили по Роси“; подъ 1177 г.—упомянутый уже набѣгъ половцевъ на область Раставицы, когда было разорено шесть городовъ берендичей, и Ростиславичи разбиты у Раставца; въ томъ же году половцы, призванные на помощь Святославомъ, разоряли окрестности Торческа. Подъ слѣдующимъ годомъ разсказывается, что Святославъ, сидѣвшій въ это время въ Кіевѣ, ждалъ

---

[1]) Ипат. с. 450—451.

къ себѣ половцевъ на миръ и вышелъ къ нимъ на встрѣчу къ Треполю, но тѣ вмѣсто того бросились на Переяславскую волость [1]). Главнымъ героемъ этой борьбы со стороны половцевъ является ханъ Кончакъ, „оканьный и безбожный и треклятый, злу началникъ правовѣрнымъ крестьяномъ, паче же всимъ церквамъ“ [2]); до насъ сохранился любопытный отрывокъ пѣсни, гдѣ этотъ Кончакъ является сыномъ хана Отрока, загнаннаго Мономахомъ въ Обезы, на Кавказъ, и мстителемъ за понесенныя половцами пораженія и униженія. Особенно пострадала отъ него Переяславская волость; Кіевская терпѣла все-таки гораздо меньше [3]). Со стороны Руси героями борьбы являются: Святославъ кіевскій, Игорь Святославичъ, Рюрикъ, его сынъ Ростиславъ и Владиміръ Глѣбовичъ переяславскій. Борьба велась очень оживленно: можно насчитать за это время около двадцати походовъ и набѣговъ со стороны русскихъ и половцевъ, но она не была такъ энергична, какъ во времена Мономаха, движеніе Руси въ степь не было такъ мощно, и результаты далеко не были такъ блестящи; походы русскихъ часто имѣли характеръ набѣговъ, подобно половецкимъ, разсчитанныхъ на быстроту и внезапность. Да если эта война и дала какіе-нибудь результаты, они были все равно утеряны, когда вслѣдъ за тѣмъ возобновились усобицы, съ непремѣннымъ участіемъ половцевъ.

Остановимся нѣсколько на перипетіяхъ этой борьбы. Ближайшимъ образомъ она началась съ весны 1184 г.—вторженіемъ Кончака въ лѣвобережную Русь; Святославъ и Рюрикъ отправились на помощь, но Ярославъ черниговскій посовѣтовалъ имъ отложить походъ до лѣта; кіевскіе князья вернулись, а Игорь Святославичъ съ кіевскими черными клобуками пограбили половецкія вежи. Лѣтомъ Святославъ и Рюрикъ начали приглашать князей въ походъ; желающихъ явилось довольно—Владиміръ переяславскій, Ярославичи луцкіе, Мстиславъ городенскій, двое Юрьевичей изъ Туровской волости, отъ Ярослава галицкаго пришла помощь; но сѣверскіе князья отказались, такъ какъ походъ предполагался въ низовья Днѣпра, а они въ своихъ интересахъ хотѣли итти къ Дону. Святославъ, „не любуя

---

[1]) Ипат. с. 387, 408—9, 410, 414—5. Кромѣ того въ Никоновскомъ сводѣ упоминаются нашествія половцевъ на Русь подъ 1168, 1170, 1171 г. (т. I с. 236, 239, 241).

[2]) Ипат. с. 414, 428.

[3]) Ипат. с. 480. Ср. П. В. Голубовскаго Печенѣги etc. с. 131—2.

на свою братью", поспѣшно направился внизъ по Днѣпру; передовой полкъ русскій спугнулъ половцевъ за Орелью, ханъ Кобякъ неожиданно наткнулся на главныя русскія силы, былъ совершенно разбитъ и попался въ плѣнъ со многими другими ханами [1]). Этотъ походъ прославленъ въ Словѣ о полку Игоревѣ, гдѣ героемъ выставляется Святославъ: онъ „бяшеть притрепалъ своими сильными плъкы и харалужными мечи, наступи на землю Половецкую, притопта хлъми и яругы, взмути рѣки и озеры, иссуши потокы и болота, а поганого Кобяка изъ луку моря отъ желѣзныхъ великыхъ плъковъ половецкыхъ, яко вихръ, выторже: и падеся Кобякъ въ градѣ Кіевѣ, въ гридницѣ Святъславли" [2]).

На слѣдующій годъ Кончакъ снова вторгнулся въ Переяславскую волость, удививъ Русь невиданными снарядами—живымъ огнемъ, которымъ стрѣлялъ какой то бесурменинъ, и громадными самострѣльными луками. Святославъ и Рюрикъ отправились противъ него, Ярославъ же опять отказался, такъ какъ завелъ сношенія съ Кончакомъ; у Хорола князья захватили лагерь Кончака, попался и тотъ бесурменинъ съ живымъ огнемъ, а самъ Кончакъ бѣжалъ, и отряженный за нимъ отрядъ берендичей со старшиною Кунтувдѣемъ не могъ догнать его. Вернувшись въ Кіевъ, Святославъ отрядилъ на половцевъ берендичей съ нѣкимъ Романомъ Нездиловичемъ, и они пограбили половецкія вежи [3]). На лѣто Святославъ замышлялъ грандіозный походъ на Донъ и послѣ Пасхи отправился въ Вятицкую волость собирать ополченія, но обстоятельства неожиданно измѣнились. Игорь Святославичъ, не поспѣвъ на весенній походъ Святослава, предпринялъ свой самостоятельный, знаменитый походъ на Донъ, кончившійся такъ печально, и „отворилъ ворота на Русскую землю половцамъ": ханъ Гзакъ вторгся въ Сѣверскую волость, Кончакъ въ Переяславскую, а оттуда собирался, кажется, и въ Кіевскую: „по Рси и по Сули гради подѣлиша". Приходилось отложить планъ

---

[1]) Ипат. с. 424—427, Лавр. 374—376; относительно хронологіи событій см. Погодина Изслѣд. IV с. 97 сл.

[2]) Слово о пол. Иг. с. 6—7. Любопытно, что въ Суздальской лѣтописи, наоборотъ, героемъ представляется одинъ изъ Юрьевичей—Владиміръ переяславскій, „дѣда своего святого (т. е. Юрія) молитвою укрѣпляемъ и отца своего". См. Бестужева-Рюмина, О составѣ рус. лѣт. с. 143—4.

[3]) Ипат. с. 428—430.

похода и позаботиться объ охранѣ Русской земли; Святославъ отрядилъ своихъ сыновей защищать Посемье, пригласилъ „стеречь землѣ Рускоѣ“ Давыда смоленскаго, прибыли „помочи“ и отъ другихъ князей. Владиміръ переяславскій упрашивалъ прійти къ нему на помощь, Святославъ и Рюрикъ съ прочими князьями отправились къ Каневу, но смоленское ополченіе остановилось у Треполя, отказываясь двигаться дальше на томъ основаніи, что согласилось итти только до Кіева, и вернулось назадъ. Князья отправились за Днѣпръ, но половцы, свѣдавъ, успѣли своевременно уйти, набравъ полону и добычи [1]).

Послѣ этого борьба возобновляется черезъ два года. Весною 1188 г. половцы приблизились къ кіевскимъ границамъ, къ Татинецкому броду; узнавъ объ этомъ, Святославъ и Рюрикъ налегкѣ погнались за ними, но изъ черныхъ клобуковъ кто-то далъ вѣсть половцамъ, и они бѣжали за Днѣпръ. Послѣ этого Кончакъ напалъ на Поросье; подобные набѣги на Поросье затѣмъ часто стали повторяться; чтобы прекратить ихъ, Святославъ и Рюрикъ, пригласивъ другихъ князей, зимою того же года предприняли снова походъ на низовья Днѣпра. На Снепородѣ были захвачены сторожа половецкіе, которые сообщили, что половцы находятся не вдалекѣ въ степи; князья желали напасть на нихъ, но Ярославъ отказался удаляться отъ Днѣпра: „земля моя далече, а дружина моя изнемоглася,“ говорилъ онъ. Напрасно Рюрикъ упрашивалъ его пройти еще полдня до половцевъ, Ярославъ не согласился и вернулся; Святославъ не рѣшался итти дальше безъ брата, и князья вернулись ни съ чѣмъ. Удачнѣе была экспедиція, снаряженная Святославомъ изъ черныхъ клобуковъ съ упомянутымъ уже Романомъ Нездиловичемъ; въ отсутствіе половцевъ, которые ушли на Дунай, были захвачены ихъ вѣжи, и Черный Клобукъ вернулся „со славою и честью многою“ [2]).

Галицкій вопросъ, взаимныя распри Святослава и Рюрика отвлекли, вѣроятно, на время ихъ вниманіе отъ половецкихъ отношеній. Лѣтомъ 1190 г. князья, помирившись между собою, заключили миръ и съ половцами на выгодныхъ условіяхъ, „в волю свою“, и ути-

---

[1]) Ипат. с. 434—437, Лавр. с. 378—379, Слово с. 9; по Лавр. половцы отступили, заслышавъ о походѣ Святослава, а когда онъ возвратился въ Кіевъ, вернулись и напали на Переяславль.

[2]) Ипат. с. 439—440, 444.

шили Русскую землю [1]). Этотъ миръ однако былъ нарушенъ очень скоро—осенью того же года, изъ-за одного черноклобуцкаго старшины или князя Кунтувдѣя. Этотъ старшина, храбрый и распорядительный, отличался въ борьбѣ съ половцами, пользовался расположеніемъ князей и получилъ въ управленіе Торческъ. Другой князь—Чюрнай оклеветалъ его, вѣроятно изъ зависти, предъ Святославомъ, который велѣлъ схватить Кунтувдѣя. Рюрикъ вступился за послѣдняго, „зане бѣ мужь дерзъ и надобенъ в Руси", по его ходатайству Кунтувдѣй былъ освобожденъ, но „не стѣрпя сорома своего", рѣшилъ отомстить Святославу [2]). Онъ бѣжалъ къ половцамъ и сталъ ихъ подбивать къ набѣгамъ; не смотря на только что заключенный миръ, половецкая совѣсть не устояла предъ такимъ соблазномъ, и начались наѣзды подъ предводительствомъ Кунтувдѣя. Сначала напали на городъ Чюрная, сожгли его дворъ и забрали его имущество, затѣмъ расположились въ побережьи р. Выси и отсюда производили набѣги на Поросье. Это было тѣмъ удобнѣе для нихъ, что у Рюрика въ то время была упомянутая выше „тяжа" съ Святославомъ, послѣдній уѣхалъ за Днѣпръ устраивать коалицію противъ Ростиславичей, а Рюрикъ—въ Овручъ, „своихъ дѣля орудій"; предвидя, что Контувдѣй будетъ мстить за свою обиду, Рюрикъ оставилъ сына Ростислава въ Торческѣ, просилъ и Святослава оставить тоже сына на защиту Русской земли, но Святославъ не исполнилъ этой просьбы, а Ростиславъ со своимъ полкомъ, какъ видно, не могъ управиться съ половцами. Наконецъ черные клобуки вышли изъ терпѣнія и рѣшили отомстить половцамъ; по просьбѣ ихъ Ростиславъ присоединился съ дружиною, и всѣ вмѣстѣ поѣхали въ степь „изъѣздомъ"; у Протолочи (около Хортицы) захватили они половецкія стада и вѣжи и отправились во-свояси; половцы отправились въ догонку, но Ростиславъ удачно отбилъ ихъ. Черные клобуки при этомъ показали себя плохо: захвативъ нѣкоего хана Кобана, они тайкомъ отпустили его за выкупъ, чтобъ не дѣлиться этою добычею съ Ростиславомъ. Ростиславъ съ торжествомъ поѣхалъ къ отцу въ Овручъ, а вслѣдъ за нимъ, „Ростиславлею дорогою", явились и половцы. Но у городка Кульдеюрева стоялъ уже съ полками Святославъ, вернувшійся изъ-за

---

[1]) Ипат. с. 449.

[2]) Объ этомъ дѣлѣ см. у П. В. Голубовскаго Печенѣги etc., с. 154 сл.

Днѣпра: вѣроятно, онъ предвидѣлъ нападеніе послѣ наѣзда Ростислава [1]). Половцы поспѣшно бѣжали, но когда Святославъ вернулся въ Кіевъ, они съ Кунтувдѣемъ опять напали на Поросье; за ними напогнался Глѣбъ Святославичъ, оставленный отцемъ въ Каневѣ, и настигъ у Товарова; половцы бросились бѣжать и много ихъ потонуло, проломивъ ледъ на Роси [2]).

Чтобы предотвратить подобные набѣги, которые грозили повторяться и впредь, Святославъ съ Рюрикомъ цѣлое лѣто 1192 г. простояли у Канева; эта мѣра оказала желаемое дѣйствіе, и половцы ушли промышлять на Дунай. Черные клобуки, услышавъ объ этомъ, снова предложили Ростиславу сдѣлать наѣздъ на ихъ вѣжи, но Рюрикъ не пустилъ сына: можетъ быть, онъ не желалъ раздражать половцевъ. Съ черными клобуками отправились двое Володимеричей [3]), но набѣгъ не удался: князья направились за Днѣпръ, а тамъ оказались половецкіе роды, съ которыми черные клобуки водили дружбу— „сватове" ихъ; черные клобуки отказались итти на нихъ и вернулись. Зимою Рюрикъ завелъ сношенія съ Кунтувдѣемъ, предлагая ему возвратиться, и тотъ пріѣхалъ съ „лукоморскими половцами"; Рюрикъ щедро одарилъ ихъ и заключилъ миръ, а Кунтувдѣю далъ городъ Дверень на Роси, „Рускоѣ землѣ дѣля", и тотъ удовлетворился.

Однако и эта мѣра не принесла спокойствія. Святославъ предложилъ Рюрику устроить общій съѣздъ всѣмъ половцамъ и заключить общій миръ; осенью 1193 г. князья пріѣхали въ Каневъ, и сюда явились лукоморскіе половцы, другія же колѣна—Бурчевичи, какъ ихъ называетъ лѣтопись, стали за Днѣпромъ, не рѣшаясь переѣзжать, такъ какъ у нихъ были плѣнные изъ черныхъ клобуковъ, и они опасались, вѣроятно, какихъ-либо насильственныхъ дѣйствій со стороны послѣднихъ, а потому предложили князьямъ пріѣхать къ нимъ. Князья отнеслись къ этому приглашенію недовѣрчиво и отказались на томъ основаніи, что ни отцы, ни дѣды ихъ не ѣздили къ половцамъ, а половцы къ нимъ; съ лукоморскими же Святославъ не захотѣлъ заключать мира, полагая, что не стоитъ задаривать только половину

---

[1]) См. Татищева III с. 298.

[2]) Ипат. с. 450—452.

[3]) Вѣроятно, сыновья Владиміра Мстиславича, см. Погодина Изслѣдов. VI с. 233—236

половцевъ. Такимъ образомъ слѣдовало ожидать новой войны; Рюрикъ предложилъ на рѣшеніе Святослава—итти ли на половцевъ или стеречь отъ нихъ Русскую землю. Святославъ отвѣчалъ, что о походѣ нечего и думать—по случаю неурожая, слѣдуетъ позаботиться объ оборонѣ. Рюрикъ попросилъ Святослава постеречь Русскую землю, такъ какъ ему нужно было бы совершить походъ на Литву (съ Литвою Рюрикъ воевалъ, помогая туровскимъ князьямъ, своимъ родичамъ), но Святославъ сердито отвѣчалъ, что и у него есть дѣла за Днѣпромъ, и заставилъ Рюрика остаться [1]).

Зимою, предъ Рождествомъ, Ростиславъ снова, тайкомъ отъ отца, отправился съ черными клобуками и пограбилъ половецкія вѣжи на р. Ивлѣ [2]), въ области нижняго Днѣпра. Походъ былъ удаченъ, и Ростиславъ поѣхалъ къ родичамъ похвалиться добычею, но Святославъ немедля отправилъ къ Рюрику, который собрался было на Литву, приглашеніе итти оберегать Русскую землю, такъ какъ Ростиславъ „заялъ половцы". Рюрикъ пришелъ со всѣми полками; князья вышли къ Василеву, стеречь Русскую землю, и долго стояли здѣсь. Къ веснѣ князья ушли: Святославъ уѣхалъ къ братьямъ, совѣтоваться относительно похода на рязанскихъ князей, Рюрикъ отправился въ свою волость. Тогда половцы пришли и пограбили „Убережье" (Днѣпра), побрали въ плѣнъ торковъ [3]). Это было въ началѣ 1194 г.

Такимъ образомъ кіевскіе князья, начавъ со смѣлыхъ походовъ въ степь, напомнившихъ времена Мономаха и Мстислава В., въ концѣ концовъ сошли на оборонительную войну: принуждены были стоять буквально на сторожѣ, чтобы предотвратить половецкіе набѣги. Немного спустя, половцы являются на территоріи Кіевской земли уже въ качествѣ союзниковъ князя кіевскаго Рюрика.

Въ 1195 г., въ концѣ іюля, скончался старикъ Святославъ. Предъ смертью онъ задумалъ было съ братіею упомянутый выше несостоявшійся походъ на рязанскихъ князей. Возвращаясь изъ Вятицкой

---

[1]) Ипат. с. 453—455.

[2]) Что это за рѣка, пока невозможно опредѣлить, см. П. В. Голубовскаго—Печенѣги с. 138.

[3]) Ипат. с. 455—6.

волости, старикъ разболѣлся, больной пріѣхалъ въ Кіевъ и вскорѣ скончался, постригшись предъ кончиною въ монашество; онъ былъ похороненъ въ монастырѣ св. Кирилла, построенномъ его отцомъ [1]).

Предъ смертью Святославъ послалъ за Рюрикомъ, приглашая его на кіевскій столъ; такъ какъ Святославъ вокняжился въ Кіевѣ только въ силу уступки Рюрика, владѣвшаго кіевскимъ столомъ, то послѣдній, конечно, былъ и естественнымъ преемникомъ его. Правда, по родовымъ счетамъ старѣйшимъ приходился Всеволодъ, и это старѣйшинство „во Володимерѣ племени" было формально признано Ростиславичами, но Всеволодъ, подобно брату, не желалъ вокняжаться въ Кіевѣ: это все та же политика пренебреженія, униженія Кіева, которую практиковалъ раньше Андрей. По словамъ Суздальской лѣтописи, Всеволодъ послалъ бояръ своихъ въ Кіевъ „и посади в Кыевѣ Рюрика Ростиславича" [2]). Несомнѣнно, въ этомъ извѣстіи не малую долю нужно отнести на счетъ суздальскаго патріотизма: посольство это, вѣроятно, выражало просто признаніе со стороны Всеволода факта вокняженія Рюрика; любопытно было бы только знать, самъ ли Рюрикъ обратился къ Всеволоду съ просьбою утвердить за нимъ Кіевъ (какъ сдѣлалъ Владиміръ Ярославичъ галицкій), или Всеволодъ отъ себя послалъ пословъ, чтобы напомнить о своемъ правѣ на Кіевъ и старѣйшинствѣ.

Какъ бы то ни было, Рюрикъ вокняжился въ Кіевѣ; по словамъ Кіевской лѣтописи, населеніе отнеслось къ этому событію съ большимъ удовольствіемъ: на встрѣчу Рюрику вышло духовенство „и Кияни вси отъ мала и до велика, с радостью великою, и обрадовася вся Руская земля о княженьи Рюриковѣ, Кыянѣ и крестьяни и погании" [3]). Въ этомъ свидѣтельствѣ есть значительная доля вѣроятія: въ послѣднее время дѣятельность Рюрика вполнѣ сообразовалась съ интересами Кіевской волости, а память объ участіи Ростиславичей въ кіевскомъ погромѣ должна была ослабѣть за эти двадцать пять лѣтъ; правда, спустя нѣсколько лѣтъ, мы встрѣчаемъ со стороны на-

---

[1]) Ипат. с. 456—457, Лавр. с. 391.

[2]) Лавр. с. 391; въ Переяславскомъ спискѣ вмѣсто того стоитъ „и сѣдѣ въ Кыевѣ Рюрикъ Ростиславичъ" (с. 102).

[3]) Ипат. с. 457—458. Любопытно, что въ Воскр., Никон., Густин. смерть Святослава отнесена къ 1194, а вокняженіе Рюрика—къ 1195 г.

селенія рѣзкое выраженіе несочувствія къ Рюрику, но такую перемѣну можно, пожалуй, довольно легко объяснить изъ событій, послѣдовавшихъ за вокняженіемъ.

Вокняжившись въ Кіевѣ, Рюрикъ пригласилъ къ себѣ брата Давыда изъ Смоленска—сообща посовѣтоваться и порѣшить относительно Русской земли и братіи своей, „Володимери племени", такъ какъ Рюрикъ съ Давыдомъ „осталася старѣйши всѣхъ в Руськой землѣ" [1]) (Всеволодъ Юрьевичъ послѣ своего отреченія не принимался въ разсчетъ, и съ его желаніями не считали нужнымъ справляться). Давыдъ пріѣхалъ уже весною 1195 г. и остановился въ Вышгородѣ—этотъ городъ, бывшій раньше удѣломъ его, потомъ его сына Мстислава [2]), можетъ быть, оставался за нимъ до послѣдняго времени. Начались по обыкновенію пиры—сначала у Рюрика (въ Кіевѣ), потомъ у его сына Ростиславича—въ Бѣлгородѣ, потомъ у Давыда—въ Вышгородѣ, потомъ Давыдъ пригласилъ „монастыря вся на обѣдъ" и раздалъ богатую милостыню, потомъ „позва Черниии Клобуци вси и ту попишася у него вси Черниии Клобуци и одаривъ ихъ дарми многими и отпусти ихъ", потомъ кіяне пригласили Давыда на обѣдъ къ себѣ, и наконецъ кіяне приглашены были на обѣдъ къ Давыду; все это происходило „в весельи мнозѣ и во любви велици" и сопровождалось взаимными подарками. Въ промежуткахъ между этими пирами шли ряды „о Русской земли и о Володимерѣ племени". Тогда, быть можетъ, нѣкоторые князья изъ Володимеря племени и получили надѣлы въ Кіевской волости: кромѣ Давыда, Романъ Мстиславичъ владѣлъ пятью городами въ Поросьи — Торческомъ, Треполемъ, Корсунемъ, Богуславомъ и Каневомъ; видимъ также въ Кіевской волости Володимеричей [3]). „Укончавъ ряды", Давыдъ отправился въ Смоленскъ [4]).

Вся эта идиллія, это единеніе земли и князей и патріархальное бражничанье послужили прелюдіею къ событіямъ весьма тревожнымъ и для Кіевской земли въ высокой степени печальнымъ. При вокняженіи Рюрика отношенія Кіевщины къ другимъ волостямъ уладились,

---

[1]) Въ Хлѣбн. и Погод. сп. Рюрикъ говоритъ: „се, брате, остало ми ся старѣйшинство".

[2]) Ипат. с. 440—441.

[3]) Ипат. с. 459, 468, Лавр. с. 396.

[4]) Ипат. с. 458—459.

и притомъ довольно прочно: со своими сосѣдями на западѣ и сѣверѣ Рюрикъ по прежнему находился въ дружественныхъ и родственныхъ отношеніяхъ, Ольговичи не имѣли повода къ какимъ либо претензіямъ или притязаніямъ; кіевское населеніе тоже относилось къ Ростиславичамъ благопріятно. Такое положеніе дѣлъ должно было придать Рюрику болѣе самостоятельности и значенія, чѣмъ имѣлъ его предшественникъ. Это, конечно, не входило въ планы Всеволода Юрьевича; уступая Кіевъ Рюрику, онъ желалъ имѣть въ немъ покорнаго подручника, а Рюрикъ, кажется, не имѣлъ этого въ виду и уже при первыхъ „рядахъ", какъ мы видѣли, онъ дѣйствуетъ самостоятельно, не справляясь съ желаніями Всеволода. Послѣдній могъ, конечно, смирить непокорнаго, но дѣйствовать на проломъ, подобно Андрею, было не въ характерѣ Всеволода; притомъ предшествующія событія показали, что подобная политика очень рискованна и что съ нею въ концѣ концовъ можно попасть въ весьма непріятное положеніе [1]). Всеволодъ потому избираетъ иной путь. Именно, онъ старается перессорить Рюрика съ прочими князьями и успѣваетъ въ этомъ [2]).

Въ томъ же 1195 г. къ Рюрику явились его послы; Всеволодъ попрекалъ Рюрика, что тотъ раздалъ волости младшимъ родичамъ, а ему, старѣйшему въ Володимери племени, „части не учинилъ в Руской землѣ", и потребовалъ себѣ тѣхъ именно городовъ, которые отданы были Роману, а въ противномъ случаѣ грозилъ отступиться отъ Рюрика.

Такое требованіе, послѣ отреченія Всеволода отъ Кіевской волости въ пользу Рюрика и формальнаго подтвержденія за нимъ Кіева безъ всякихъ условій, было очень странно. Рюрикъ предлагалъ Всеволоду взять какіе-нибудь другіе города, но тотъ крѣпко стоялъ на

---

[1]) Впрочемъ, какъ человѣкъ дальновидный, Всеволодъ могъ принимать въ разсчетъ и возможность открытой борьбы: возобновленіе Остерскаго городка, этого стараго обсерваціоннаго пункта Юрія, совершенное предъ самою смертью Святослава (Лавр. с. 391), быть можетъ, сдѣлано было именно въ этихъ видахъ.

[2]) Иначе трудно себѣ объяснить дѣйствія Всеволода. Къ такому заключенію относительно его политики пришли Соловьевъ (см. II с. 278—279, также Ист. отнош. с. 251 сл.), Бѣляевъ (ор. с. с. 262), Иловайскій (И. Р. I с. 277) и другіе. Въ Никоновск. л. (II с. 23) сказано прямо: „сія же глаголя Всеволодъ и извѣтъ творя". Татищевъ объяснялъ, что Всеволоду не хватало волостей для надѣла многочисленныхъ сыновей, а къ Роману онъ чувствовалъ наслѣдственную непріязнь (III с. 308—309).

своемъ; дѣло принимало очень серьезный оборотъ: „хотѣша мѣжи собою востати на рать“, и положеніе Рюрика было очень затруднительно: не хотѣлось ссориться съ сильнымъ зятемъ, но еще опаснѣе было раздражать покровителя-свата; „намъ безо Всеволода нельзя быти, положили есмы на немь старѣшиньство вся братья во Володимерѣ племени“, говорилъ Рюрикъ. Наконецъ онъ обратился за совѣтомъ къ митрополиту; тотъ, по своей обязанности „востягивати отъ кровопролитья“, посовѣтовалъ Рюрику исполнить желаніе Всеволода и разрѣшилъ его отъ клятвы, данной Роману. Послѣдній оказался на этотъ разъ настолько сговорчивымъ, что со всею готовностью согласился получить взамѣнъ понравившихся Всеволоду городовъ другую волость или соотвѣтственную сумму денегъ. Рюрикъ отправилъ ко Всеволоду пословъ съ извѣщеніемъ, что желаніе его исполнено: „ажь, брате, жаловался на мене про волость—а се волость, которые же еси просилъ“ [1]).

Такой мирный исходъ менѣе всего былъ пріятенъ Всеволоду; но обстоятельства скоро измѣнились.

Всеволодъ посажалъ своихъ посадниковъ въ четырехъ городахъ изъ полученныхъ, а самый значительный—Торческъ подарилъ своему зятю Ростиславу, сыну Рюрика. На этотъ разъ ударъ попалъ прямо въ цѣль. Романъ заподозрѣлъ, что Рюрикъ сговорился со Всеволодомъ и лицедѣйствовалъ предъ нимъ, чтобъ оттягать Торческъ для своего сына, и онъ возненавидѣлъ Рюрика со всею силою своего мощнаго, славолюбиваго духа. Рюрикъ напрасно оправдывался въ отвѣтъ на его упреки и предлагалъ ему волость, равную прежней—Романъ рѣшился отомстить ему во что бы то ни стало. Онъ началъ притѣснять свою жену, дочь Рюрика, принуждая ее постричься, завелъ сношенія съ Ольговичами и подбивалъ Ярослава Всеволодовича черниговскаго выгнать Рюрика и захватить Кіевъ. Узнавъ объ этомъ, Рюрикъ вернулъ крестныя грамоты Роману, а самъ обратился за помощью къ Всеволоду, какъ признанному главѣ Володимеря племени, которому теперь угрожали Ольговичи. Такимъ образомъ разрывъ совершился. Но Ольговичи не обнаружили готовности затѣвать борьбу съ Рюрикомъ. Романъ бросился за помощью въ Польшу, но тамъ шли усобицы: дѣти Казиміра Справедливаго, къ которымъ обратился Романъ, воевали со своимъ дядею Мешкомъ Старымъ; они попросили

[1]) Ипат. с. 459—460.

Романа присоединиться къ нимъ и обѣщали, въ свою очередь, помочь потомъ ему. Романъ согласился, но въ происшедшей битвѣ (на р. Мозгавѣ) Мешко одержалъ верхъ; Романъ былъ раненъ и отвезенъ во Владимiръ. Пришлось ему смириться на время; онъ отправилъ посольство къ Рюрику и митрополиту, винился во всемъ и просилъ прощенiя; митрополитъ ходатайствовалъ о немъ предъ Рюрикомъ, и примиренiе состоялось. Рюрикъ водилъ Романа ко кресту „на всей волѣ своей“ и далъ ему снова удѣлъ въ Кiевской землѣ [1]). Такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ по внѣшности, миръ былъ возстановленъ [2]).

Но Ольговичей не оставили въ покоѣ. Осенью все того же года Рюрикъ сослался со Всеволодомъ и Давыдомъ, и всѣ вмѣстѣ послали пословъ къ Ольговичамъ съ требованiемъ отречься навсегда отъ правъ на Кiевъ и Смоленскъ: „яко не искати отцины нашея Кыева и Смоленьска под нами и под нашими дѣтми и подо всимъ нашимъ Володимеримь племенемь: како насъ роздѣлилъ дѣдъ нашь Ярославъ по Дънѣпръ, а Кыевъ вы не надобѣ“ [3]). Послѣднiй доводъ, конечно, несправедливъ, такого завѣщанiя Ярослава относительно Кiева не могло быть (а относительно Всеволода и его племени и подавно—тотъ самъ сидѣлъ въ лѣвобережной волости), и требованiе отреченiя, послѣ того какъ на кiевскомъ столѣ сидѣло послѣдовательно трое князей изъ дома Святослава, являлось просто вызовомъ. Ольговичи отвѣчали, что признаютъ старѣйшинство Всеволода и Рюрика, но отречься отъ Кiева не могутъ: „ажь по васъ—кому и Богъ дасть“. Такого отвѣта, конечно, и нужно было ожидать, спрашивается только, какъ объяснить это требованiе Мономаховичей? Рюрикъ или Давыдъ, сидѣвшiй и въ своемъ Смоленскѣ не прочно вслѣдствiе борьбы съ вѣчемъ, едва ли могли сами по себѣ предъявить подобное требованiе, которое нужно было поддержать оружiемъ [4]); они, очевидно, разсчитывали на энергичную поддержку Всеволода. Но еще вѣроятнѣе, что Всеволодъ именно и былъ инициаторомъ этого требованiя: къ нему Ольговичи обраща-

---

[1]) Это та загадочная волость, о которой упоминалъ я въ географическомъ очеркѣ (с. 42): „Полоны и полъ търтака (полтартака) Корьсуньскаго“, Ипат. с. 462. Объ отношенiяхъ Рюрика къ Роману—см. у Шараневича, ор. с. с. 61.

[2]) Ипат. с. 460—462.

[3]) Ипат. с. 462.

[4]) Инициаторами считали ихъ напр. Карамзинъ (III с. 58) Соловьевъ (II с. 281), въ послѣднее время П. В. Голубовскiй (Ист. Сѣв. з. с. 164), Довнаръ-Запольскiй (ор. с.с. 143)

ются со своимъ отвѣтомъ и онъ, судя по извѣстію лѣтописи, особенно живо принимаетъ къ сердцу отказъ ихъ: „хотѣ оправити все племя Володимере“; онъ немедленно собирается въ походъ на нихъ и приказываетъ новгородцамъ итти на зиму на Черниговъ. Позже Рюрикъ, упрекая Всеволода за его двусмысленное поведеніе, прямо заявлялъ: „а мнѣ с Олговичи которая обида была? ни они подо мною Кыева искали; по аже было тебѣ недобро, язъ про тебе же с ними есмь недобръ, и воевалъся с ними и волость свою зажеглъ“; очевидно, Всеволодъ имѣлъ какіе-то свои счеты съ Ольговичами, вѣроятнѣе всего—изъ-за Новгорода, гдѣ боролись партіи черниговская и суздальская. Съ своей стороны Ольговичи также заявляютъ Рюрику, что у нихъ съ нимъ „не бывало николиже лиха [1]). Такимъ образомъ Рюрикъ, судя по этимъ заявленіямъ, былъ не особенно заинтересованъ въ предстоящей борьбѣ; тѣмъ не менѣе онъ приготовлялся, собралъ братію и пригласилъ „дикихъ половцевъ“. Что касается до Давыда, то у того были, дѣйствительно, свои распри съ Ольговичами. Походъ долженъ былъ состояться послѣ Рождества 1195-го г., и союзники съ трехъ сторонъ должны были двинуться на Черниговъ.

Чтобъ избѣгнуть опасности, Ольговичи заключили съ противниками отдѣльныя перемирія. Сначала послали ко Всеволоду, „кланяючися и емлючися ему по всю волю его“—т. е., вѣроятно, надавали общихъ обѣщаній, но вопросъ о Кіевѣ обошли; Всеволодъ пріостановилъ походъ. Затѣмъ они предложили Рюрику заключить частное перемиріе до общаго мира [2]). Рюрикъ, услышавъ, что Всеволодъ отложилъ походъ, согласился и отправилъ даже своего посла къ Ярославу Всеволодовичу черниговскому, желая примирить Ольговичей съ Давыдомъ и Всеволодомъ; разсчитывая на миръ, онъ распустилъ собранное войско, отправилъ половцевъ, а самъ уѣхалъ въ Овручъ „своихъ дѣля орудѣй“ [3]). Но мира не было; Ольговичи столкнулись съ Давыдомъ по довольно неясной причинѣ; какъ видно, у нихъ шли пререканія изъ-за Витебска: на этотъ городъ, находившійся подъ смоленскимъ вліяніемъ, претендовали Ольговичи, и Рюрикъ отступался отъ

---

[1]) Ипат. с. 463 и 470.

[2]) Такъ, кажется мнѣ, слѣдуетъ понимать это мѣсто, въ которомъ Погодинъ находилъ противорѣчіе (Изслѣд. IV с. 56).

[3]) Ипат. 462—463, 1 Новг. с. 22—23.

него въ ихъ пользу [1]). Ярославъ отправилъ туда дружину съ племянниками, и это войско столкнулось съ войскомъ Давыда; смоленская дружина была разбита, Мстиславъ Романовичъ, племянникъ Давыда, взятъ въ плѣнъ, а затѣмъ Ярославъ, провѣдавъ, что Давыдомъ недовольна меньшая братія, поспѣшилъ и самъ къ Смоленску—„взять честь свою“. Рюрикъ счелъ это за нарушеніе перемирія и объявилъ, что немедленно пойдетъ на Черниговъ. Ярославъ вернулся, пошли долгія пререканія, но къ примиренію они не привели. Рюрикъ просилъ Всеволода немедля отправиться на Ольговичей, тотъ обѣщалъ; разсчитывая на это, Рюрикъ созвалъ братію и снова пригласивъ дикихъ половцевъ, вторгся въ волость Ольговичей. Началась мелкая грабительская война. Всеволодъ между тѣмъ все лѣто оставался въ бездѣйствіи и даже вѣсти о себѣ не подавалъ. Ярославъ предлагалъ Рюрику мириться, просилъ помирить его также съ Давыдомъ, а отъ Всеволода совѣтовалъ отступиться и не дожидаться, пока онъ начнетъ ладиться; Рюрикъ, уже наученный опытомъ, не согласился, желалъ устроить общій миръ и для этого хотѣлъ снестись съ Давыдомъ и Всеволодомъ, но Ольговичи не пропустили его пословъ, не довѣряя миролюбію его намѣреній. Такъ прошло лѣто 1196-го г.; осенью Романъ, полагая, что настало удобное время отомстить тестю, снесся снова съ Ольговичами и его полкъ изъ Полонаго началъ воевать кіевскія волости Давыда и Ростислава Рюриковича. Рюрикъ самъ не могъ выступить противъ него, занятый Ольговичами, къ тому же до него дошла вѣсть, что Всеволодъ вышелъ наконецъ изъ своего бездѣйствія и вторгся въ волость Ольговичей. Поэтому онъ отправилъ на Романа Ростислава съ черными клобуками, а съ другой стороны, по его просьбѣ, напалъ на своего соперника Владиміръ галицкій. Романъ вынужденъ былъ смириться.

Но надежды Рюрика на Всеволода опять не оправдались; тотъ дѣйствительно вторгся съ Давыдомъ въ землю вятичей и началъ жечь села, но вслѣдъ за тѣмъ завелъ мирные переговоры съ Ольговичами, требуя, чтобы они выпустили плѣннаго Мстислава Романовича, выдали Всеволодова противника Ярополка Ростиславича, жившаго у нихъ, и разорвали союзъ съ Романомъ; это послѣднее условіе было выставлено Всеволодомъ, конечно, для очищенія себя предъ Рюри-

---

[1]) См. объ этомъ у г. Довнара-Запольскаго, ор. с. с. 160.

комъ, но Ольговичи его не приняли, и Всеволодъ въ этомъ пунктѣ уступилъ; затѣмъ было рѣшено, что Ольговичи не будутъ искать Кіева подъ Рюрикомъ только, равно и Смоленска подъ Давыдомъ, а Суздальской волости—подъ Всеволодомъ и дѣтьми его. Напрасно Давыдъ протестовалъ, доказывая, что нельзя мириться съ Ольговичами безъ согласія Рюрика, Всеволодъ заключилъ миръ съ Ярославомъ, извѣстилъ Рюрика, что онъ можетъ быть спокоенъ за свой Кіевъ, и затѣмъ отправился во Владиміръ, куда и прибылъ 6 октября, къ великой радости его обывателей.

Рюрикъ былъ страшно раздраженъ, получивъ упомянутое извѣстіе отъ Всеволода; все это, дѣйствительно, походило на насмѣшку. Благодаря Всеволоду были испорчены его отношенія къ Роману и къ Ольговичамъ, и теперь Всеволодъ оставлялъ Рюрика, не связавъ ничѣмъ его противниковъ: Ольговичи по прежнему оставались союзниками Романа; о томъ требованіи, изъ-за котораго поднялась война съ Ольговичами и иниціаторомъ котораго былъ, вѣроятно, самъ Всеволодъ, именно отреченіи отъ Кіева, не было и рѣчи. Рюрикъ отправилъ посла ко Всеволоду, горько жалуясь на его поведеніе, и забралъ назадъ поросскіе города, данные ему. Всеволодъ промолчалъ: города эти сослужили уже свою службу, а что касается до обиды, то онъ заталъ ее до времени въ сердцѣ своемъ [1]).

Прошло нѣсколько лѣтъ спокойствія Кіевской земли. Рюрикъ занимался постройками и другими мирными занятіями: по словамъ его панегириста, у Рюрика была „любовь несытна о зданьихъ“; построена была каменная каѳедральная церковь въ Бѣлгородѣ, церковь св. Василія, патрона Рюрика,—въ Кіевѣ, на Новомъ дворѣ; вокругъ Выдубицкаго монастыря была выстроена каменная стѣна, строилъ ее нѣкто Петръ Милонѣгъ, одинъ изъ „пріятелей“ князя, а по поводу ея окончанія кто-то изъ выдубицкой братіи написалъ Рюрику похваль-

---

[1]) Ипат. с. 464—470, Лавр. с. 392—393, 1 Новг. с. 23. Любопытно, какъ представляетъ все это дѣло Суздальская лѣтопись: Всеволодъ пошелъ на Ольговичей, „твердя Кіевъ“ подъ Рюрикомъ, но послѣдній „не управи своее рѣчи“ и помирился съ Ольговичами (ср. Никон. II с. 30). Что Всеволодъ въ своихъ отношеніяхъ къ Ольговичамъ дѣйствовалъ согласно правилу divide et impera, см. Карамзинъ III с. 61, Соловьевъ II с. 285 и Ист. отнош. с. 252—4, Бѣляевъ ор. с. с. 269.

ное слово, сохраненное въ Кіевской лѣтописи и замѣчательное своею ухищренною риторикою и смѣлою лестью [1]).

Въ это время на юго-западѣ Руси произошли важныя перемѣны. Владиміръ галицкій скончался. Романъ Мстиславичъ возобновилъ свои притязанія и съ помощью поляковъ ему удалось завладѣть Галичемъ. Это немедленно отразилось на политической системѣ Южной Руси. Мы видѣли, что Святославъ Всеволодовичъ надѣялся одно время завладѣть Галичемъ; Ольговичи и позже не оставляли этихъ плановъ, и въ Галичѣ у нихъ существовала партія приверженцевъ [2]); поэтому послѣ вокняженія тамъ Романа они сближаются съ его противникомъ Рюрикомъ. Подъ 1202 г. мы находимъ въ лѣтописи извѣстіе, что Рюрикъ вмѣстѣ съ ними замыслилъ походъ на Романа въ Галичъ; по словамъ т. н. Густинскаго свода, Романъ „многа зла сотвори Рурику", гнѣваясь на него за старую обиду [3]); это извѣстіе весьма правдоподобно: Романъ имѣлъ теперь возможность отомстить Рюрику и, вѣроятно, проявилъ свою вражду. Но пока Рюрикъ собирался, Романъ предупредилъ его и самъ вторгся въ Кіевскую землю. Тутъ произошло любопытное явленіе: кіевское населеніе открыто стало на его сторону, весь „Черный Клобукъ" присоединился къ его войску, изъ кіевскихъ городовъ явились къ нему ополченія; когда Романъ подошелъ къ Кіеву, кіяне отворили ему ворота и впустили въ нижній городъ [4]). Рюрикъ съ Ольговичами заперся въ верхнемъ городѣ: послѣ того какъ населеніе такъ рѣшительно поднялось противъ него, ему нечего было и думать о сопротивленіи. Чѣмъ же объяснить такое отношеніе къ Рюрику кіевскаго населенія? Надо думать, его дискредитировало возобновленіе усобицъ, поставленное населеніемъ на счетъ ему, хотя и несправедливо; еще болѣе ему долженъ былъ повредить его союзъ съ половцами, которыхъ онъ дважды навелъ на Русскую землю; между тѣмъ Романъ былъ сынъ весьма популярнаго

---

[1]) Ипат. с. 473—4, 475—9. Г. Иловайскій (О началѣ Руси с. 104, Ист. Рос. I, 2 с. 338) и еще болѣе рѣшительно г. Хрущовъ (ор. с.с. 151, 154, 161) авторомъ слова считаютъ Моисея игумена Выдубицкаго и ему же приписываютъ составленіе Кіевской лѣтописи, которая, какъ извѣстно, заканчивается этимъ словомъ; см. также Срезневскаго Древн. пам. письм. с. 41.

[2]) Ипат. с. 481, П. В. Голубовскій Ист. Сѣв. зем. с. 169.

[3]) П. с. р. л. II с. 326.

[4]) Карамзинъ (III с. 65), Бѣляевъ (ор. с.с. 270) объясняли это тайными сношеніями Романа съ кіевскимъ населеніемъ.

у кіевскаго населенія Мстислава Изяславича и пользовался уже большою извѣстностью; у извѣстной, по крайней мѣрѣ, части населенія могла существовать надежда, что присоединивъ Кіевскую землю къ своимъ обширнымъ владѣніямъ, Романъ можетъ доставить ей спокойствіе, оборонить отъ половцевъ, поднять наконецъ значеніе Кіева [1]). Какъ бы то ни было, кіевское населеніе еще разъ выступило открыто со своимъ голосомъ и еще разъ жестоко за это поплатилось.

Романъ вступилъ въ переговоры съ Рюрикомъ, и тотъ немедленно сдался. Ольговичи были отпущены во-свояси, Рюрику была предоставлена его Овручская волость—какъ велика она была въ это время, мы не знаемъ; въ Кіевѣ былъ посаженъ двоюродный братъ Романа—Ингварь Ярославичъ; Вышгородъ былъ отданъ, вѣроятно тогда же, Ярославу Владиміровичу (сыну Владиміра Мстиславича [2]), братья его тоже вѣроятно, владѣли, волостями въ Кіевской землѣ (такъ позже, при нападеніи Рюрика на Кіевъ, былъ захваченъ Мстиславъ Володимеричъ). По свидѣтельству Суздальской лѣтописи [3]), Ингваря „посади в. кн. Всеволодъ и Романъ", лѣтописные же своды—Густинскій, Воскресенскій, Никоновскій ничего не говорятъ объ участіи Всеволода; такъ какъ Всеволодъ имѣлъ по старшинству право на Кіевъ, то весьма вѣроятно, что Романъ посадилъ своего родича съ согласія или, по крайней мѣрѣ, съ вѣдома Всеволода; любопытно извѣстіе Никоновскаго свода, что, еще идя на Кіевъ, Романъ сносился со Всеволодомъ [4]). За собою Романъ не оставилъ Кіева главнымъ образомъ, думаю, потому, что это поставило бы его въ щекотливыя отношенія къ Всеволоду: ходить въ его волѣ Романъ, конечно, не былъ расположенъ, а входить съ нимъ въ столкновенія тоже не имѣлъ охоты, такъ какъ былъ занятъ галицкими дѣлами; посадивъ въ Кіевѣ незначительнаго князя, какимъ былъ Ингварь, Романъ, конечно, разсчитывалъ сохранить фактическое вліяніе въ Кіевской волости; любопытно, что южно-русскій (Густинскій) сводъ прямо называетъ Ингваря намѣстникомъ Романа [5]). Что Романъ чувствовалъ себя хозя-

---

[1]) Н. И. Костомаровъ въ переходѣ населенія на сторону Романа видѣлъ проявленіе сознанія единства Южной Руси и стремленіе южнорусскаго народа къ ея объединенію, Моногр. I с. 220.

[2]) См. у Погодина Изслѣдов. VI с. 233—235.

[3]) И Тверскаго свода (с. 291).

[4]) Никоновск. II с. 34.

[5]) П. с. р. л. II с. 328. Соловьевъ (II с. 288) полагаетъ, что Романъ не сѣлъ въ

иномъ въ Кіевской землѣ, это, мнѣ кажется, показалъ онъ и походомъ на половцевъ, который былъ имъ предпринятъ въ томъ же 1202 г.; походъ былъ удаченъ, были захвачены половецкія вѣжи, много плѣнниковъ возвращено на Русь, „и бысть радость велика в земли Русьстѣй“ [1]).

Но „Русскую землю“ ждало большое горе. Рюрикъ не могъ помириться со своею участью; послѣ удаленія Романа онъ опять соединился съ Ольговичами, призвалъ „всю Половецькую землю“, хановъ Кончака и Данила Кобяковича, и напалъ на Кіевъ. Городъ былъ взятъ, и побѣдители принялись хозяйничать въ немъ: половцы хватали всѣхъ попавшихся, не разбирая ни пола, ни возраста, сильныхъ забирали въ полонъ, а негодныхъ избивали; церкви, монастыри были безъ пощады ограблены; только иноземные купцы, укрывшіеся въ церквахъ своихъ, по словамъ одной лѣтописи, отдѣлались половиною своихъ товаровъ; такого зла не было отъ крещенія надъ Кіевомъ, замѣчаетъ лѣтописецъ [2]). Исходя изъ послѣдняго замѣчанія, ученые объясняютъ, что это разореніе было тяжелѣ разоренія 1169 г., такъ какъ въ 1203 г. грабили преимущественно половцы и забрали множество плѣнныхъ [3]); но можетъ быть, лѣтописное замѣчаніе—просто фраза: послѣднее бѣдствіе всегда кажется тяжелѣ всѣхъ предшествую-

---

Кіевѣ потому прежде всего, что Всеволодъ не позволилъ бы ему соединить въ своихъ рукахъ столько волостей; но едва ли Романъ испугался бы этого, если бы захотѣлъ удержать Кіевъ за собою. Не могу согласиться и съ мнѣніемъ П. В. Голубовскаго (Ист. Сѣв. з. с. 169), что Романъ „позволилъ Всеволоду самовластно распорядиться кіевскимъ толомъ, который былъ отданъ самому незначительному князю“; какъ сказано, извѣстіе о передачѣ Всеволодомъ (и то вмѣстѣ съ Романомъ) Ингварю Кіева находится лишь въ Суздальск. л. и Тверск. св., и подобныя извѣстія Суздальской лѣтописи не слѣдуетъ принимать буквально (о суздальскомъ лѣтописномъ стилѣ см. напр. у Хрущева ор. с. с. 143 сл.); если бы Всеволодъ самовластно распоряжался кіевскимъ столомъ, то, мнѣ кажется, онъ скорѣе отдалъ бы его какому-нибудь князю, менѣе близкому къ Роману.

[1]) Лавр. с. 396—7, Густ. с. 327—8, Воскр. I с. 107—8, Никон. II с. 34, Тверск. с. 291—2.

[2]) Лавр. с. 397—398, 1 Новгор. с. 26, Густин. с. 228, Воскр. I с. 107—108, Никон. II с. 34, Тверск. с. 292; по Лавр. и Густин. это событіе совершилось 2 Января 1203 г. (по нашему счету—1204 г.), по Новгор. и Тверск.—1 Января 1203, Воскр.—2 Января 1202, въ одинъ годъ со взятіемъ Кіева Романомъ, въ Никонов. подъ 1202, но первое взятіе стоитъ подъ 1201 (такъ и у Татищева, III с. 333). Мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ, что Рюрикъ напалъ на Кіевъ немедленно, а не спустя годъ послѣ своего пораженія (если впрочемъ только Романъ не остался въ Кіевѣ послѣ своей побѣды на болѣе продолжительное время).

[3]) Карамзинъ III с. 66, Иловайскій Истор. Рос. I. 280.

щихъ; вѣдь и въ первомъ разореніи участвовали „поганые“ (черные клобуки), и тогда уведено было множество плѣнныхъ, равно какъ и въ разореніи 1203 г. кромѣ поганыхъ участвовали дружины Рюрика и Ольговичей.

Со стороны Рюрика это была, кажется, вспышка слѣпой злобы и мести; онъ никоимъ образомъ не могъ надѣяться усидѣть въ Кіевѣ и, кажется, немедленно послѣ погрома удалился въ свой Овручъ; напрасно было бы выгораживать его и сваливать вину на половцевъ [1]: Рюрикъ могъ бы уберечь Кіевъ отъ нихъ, еслибы хотѣлъ, но онъ отомстилъ кіянамъ за ихъ измѣну, или просто выместилъ на нихъ свою досаду вслѣдствіе несчастій, такъ неожиданно обрушившихся на него. Это вторичное опустошеніе Кіева, послѣдовавшее чрезъ тридцать лѣтъ за первымъ, еще болѣе подорвало его значеніе, торговлю, благосостояніе. Любопытно, что и этимъ вторымъ разореніемъ, если не прямо, какъ въ 1169 г., то косвенно, Кіевъ былъ обязанъ суздальскому князю: это былъ результатъ той вражды, которую „великій Всеволодъ“ умышленно посѣялъ между южнорусскими князьями; онъ и не обнаружилъ неудовольствія на Рюрика за его варварскій поступокъ: „не помяну зла Рюрикова, что есть сотворилъ въ Русской земли“, потому что былъ „боголюбивъ и милостивъ“, объясняетъ суздальскій лѣтописецъ [2]).

Вѣсть о взятіи Кіева и о союзѣ Рюрика съ Ольговичами должна была обезпокоить Романа: союзники вслѣдъ за тѣмъ могли возобновить свои претензіи на Галичъ. Поэтому онъ рѣшился во что бы то ни стало разрушить этотъ союзъ и угомонить своихъ противниковъ. Немедленно онъ отправился съ ратью въ Кіевскую землю. Рюрикъ былъ уже въ своей Овручской волости; Романъ подступилъ къ Овручу, но вмѣсто того, чтобы выгнать Рюрика изъ Кіевской земли, какъ ожидалъ тотъ, Романъ предложилъ ему Кіевъ подъ условіемъ разрыва съ Ольговичами и половцами [3]). Въ этомъ смыслѣ состоялось согла-

---

[1]) Андріяшевъ ор. с. с. 149; Соловьевъ предполагалъ, что союзники отдали Кіевъ на разграбленіе, не имѣя чѣмъ заплатить половцамъ (II с. 288); тѣмъ обстоятельствомъ, что разграбленіе Кіева было дѣломъ половцевъ, г. Андріяшевъ объясняетъ и снисходительное отношеніе Романа къ Рюрику.

[2]) Лавр. с. 399.

[3]) По свидѣтельству Татищева (III с. 334), кіевляне и черные клобуки упрашивали Романа вокняжиться въ Кіевской землѣ, но онъ боялся возбудить этимъ соперничество

шеніе, послѣ котораго, при посредствѣ Романа, Рюрикъ помирился и со Всеволодомъ: повинился въ разореніи Кіева и получилъ согласіе на то, чтобы снова ему княжить въ Кіевѣ. Вслѣдъ затѣмъ Романъ вошелъ въ сношеніе и съ Ольговичами, и по его настоянію они тоже помирились съ нимъ и со Всеволодомъ: иначе имъ пришлось бы вступить въ борьбу со всѣми князьями. Это все со стороны Романа было весьма искусною политическою мѣрою: свидѣтельствуя свое почтеніе Всеволоду и приводя къ такому же почтенію прочихъ князей, онъ привлекалъ его на свою сторону и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторымъ образомъ отдавалъ подъ его надзоръ своихъ соперниковъ. Впрочемъ, что касается до самихъ изъявленій почтенія, то тутъ слѣдуетъ, кажется, отнестись къ лѣтописнымъ извѣстіямъ съ нѣкоторою осторожностью; такъ, въ Суздальской лѣтописи [1] мы читаемъ: „целова Рюрикъ к великому князю Всеволоду, и к сыномъ его Костянтину и ко Всеволоду [2] и ко его братьи, и рече Романъ к Рюрикови: то уже еси крестъ целовалъ, пошли ты мужа ко отцю и господину великому князю Всеволоду, и ты ся моли, и я ся молю, а бы ти далъ Киевъ опять“; все это излишнее низкопоклонство очень подозрительно, и мнѣ кажется несомнѣннымъ, что здѣсь мы имѣемъ извѣстіе о дѣйствительномъ фактѣ, но сильно разукрашенное суздальскимъ авторомъ; въ Никоновскомъ сводѣ [3] фактъ излагается гораздо проще: Романъ Рюрика „приведе къ крестному целованію, яко быти ему съ нимъ заединъ, такоже и съ в. кн. Всеволодомъ быти заединъ. И сице князь Романъ много устрашивъ и наказавъ тестя своего Рюрика, и сослався съ в. кн. Всеволодомъ, и паки посадиша кн. Рюрика на столѣ на великомъ княженіи въ Кіевѣ“ [4]).

„И бысть миръ“, заключаетъ рѣчь лѣтописецъ; этого мира од-

прочихъ русскихъ князей и предпочелъ отказаться до времени отъ Кіева, пока уладитъ свои отношенія на западѣ.

[1]) По спискамъ Академическому, Радзивиловскому и Переяславскому (изд. Оболенскимъ); въ Лаврентьевскомъ здѣсь большой пропускъ.

[2]) Издатель поправляетъ: Костянтину Всеволодовичу.

[3]) Исключая одного списка (VI Публичный).

[4]) Лавр. с. 298—399, Густ. с. 328, Воскр. I с. 108, Никон. II с. 35, Тверск. с. 293. Въ Густ. и Тверск. суздальскія украшенія нѣсколько сглажены; Воскр. и вышеупомянутый списокъ Никон. (VI Публичн.) сходны съ Суздальск., только прибавляютъ, что Рюрикъ цѣловалъ крестъ и къ Роману. Соловьевъ (II с. 288) объясняетъ, что Рюрикъ, цѣлуя крестъ къ дѣтямъ Всеволода, отказался отъ старшинства въ родѣ и по смерти Всеволода.

нако стало не надолго. Вскорѣ послѣ примиренія, Рюрикъ и Романъ съ другими князьями предприняли походъ на половцевъ [1]). Походъ былъ очень удаченъ, захвачено было множество добычи, „и бысть радость велика всѣмъ хрестьяномъ Русской земли"; но кончилось все это самымъ неожиданнымъ образомъ. Вѣроятно возвращаясь съ похода, Романъ съ Рюрикомъ остановились въ Треполѣ и здѣсь завели какіе-то переговоры о волостяхъ: „рядъ положити, кто како терпѣлъ за Русскую землю" [2]). Рюрикъ чѣмъ-то досадилъ своему бывшему зятю, Романъ схватилъ его, отправилъ въ Кіевъ и приказалъ его насильно постричь въ монахи [3]), постричь также жену его и дочь, свою прежнюю жену, которую онъ отослалъ отъ себя раньше, а Рюриковыхъ сыновей Ростислава и Владиміра повезъ съ собою въ Галичъ. Въ Кіевѣ, по словамъ Татищева, онъ посадилъ снова Ингваря (Игоря) Ярославича: извѣстіе это довольно вѣроятно [4]). Но Всеволодъ суздальскій вступился за своего зятя, Ростислава Рюриковича, и по его просьбѣ Романъ не только отпустилъ обоихъ Рюриковичей, но и предоставилъ Ростиславу кіевскій столъ [5]).

---

[1]) Извѣстіе это помѣщено въ Лавр. подъ 1205, Густ. и Тверск.—1204, Воскр. и Никон. —1203 г., дата Густин. кажется наиболѣе вѣроятною.

[2]) По Густ. (с. 328) князья поссорились, „дѣляще користи", ср. Тверск. (с. 294). Бѣляевъ (ор. с.с. 273) полагалъ, что Романъ схватилъ Рюрика за то, что тотъ водилъ половцевъ на Русскую землю, но странно было бы вспоминать объ этомъ послѣ совмѣстнаго похода на половцевъ.

[3]) Тверск. (с. 294) и Лѣт. Авраамки (с. 47) сообщаютъ маленькую подробность: „посла его (Рюрика) съ Вячеславомъ въ Кіевь, повелѣ его постричи"; въ числѣ бояръ Романа въ Галицко-волынской лѣт. дѣйствительно упоминаются Вячеславъ Володимерскій и Вячеславъ Толстый (Ипат. с. 485, 486).

[4]) Татищевъ III с. 338. Романъ при этомъ пишетъ къ прочимъ князьямъ любопытное письмо, въ которомъ извѣщаетъ, что смѣстилъ Рюрика за клятвопреступленіе, и предлагаетъ реформировать политическій строй Руси: чтобы великій князь выбирался 6-ю главными удѣльными князьями и съ помощью ихъ поддерживалъ порядокъ на Руси; дробленіе удѣловъ должно быть прекращено, и они должны передаваться по нисходящей линіи (с. 336—338). Этотъ проэктъ принадлежитъ, конечно, XVIII, а не XIII в. (ср. примѣч. 569).

[5]) Лавр. с. 399—400, Густин. с. 328, Воскр. I с. 108—109, Никон. I с. 36, Тверск. с. 294. Въ Суздальской лѣтописи: „Романъ же послуша великого князя, и зятя его пусти, и бысть князь Киевській, и брата его пусти". Г. Андріяшевъ (с. 150) полагаетъ, что слова „и бысть князь" относятся къ Роману, что составитель Никон. свода не понялъ этого и отнесъ ихъ къ Ростиславу; но расположеніе словъ („и брата его пусти") не позволяетъ отнести эти слова къ Роману; прямое извѣстіе о вокняженіи Ростислава находится, кромѣ Никон., въ Густин., Воскр. (см. еще с. 234) и Тверск. Г. Андріяшевъ говоритъ еще, что если бы въ Кіевѣ княжилъ Ростиславъ, то Рюрикъ имѣлъ полную воз-

Скоро однако прекратилось вліяніе Романа на дѣла Кіевскаго княжества: лѣтомъ 1205 г. онъ былъ убитъ во время похода на Польшу, оставивъ наслѣдниками по себѣ малолѣтнихъ сыновей отъ новаго брака—Даніила и Василька. Не сбылись надежды, возлагавшіяся на него кіевскимъ земствомъ. Благодаря своимъ государственнымъ способностямъ и необыкновенной энергіи, онъ пріобрѣлъ большое вліяніе на дѣла Южной Руси и дѣйствительно могъ бы водворить спокойствіе и прочный порядокъ въ Кіевской землѣ. Но вниманіе его привлекалъ новый политическій центръ Юга—Галичъ, а преждевременная смерть помѣшала ему, утвердившись тамъ, прочно привязать къ этому новому центру Кіевскую землю [1]).

Лишь только вѣсть объ этомъ дошла до Кіева, Рюрикъ сбросилъ съ себя монашество и вокняжился снова; хотѣлъ разстричь и жену, но та отказалась и приняла схиму. Ольговичи явились не медля къ Кіеву, старые союзники возобновили союзъ и отправились добывать Галичъ. Походъ былъ неудаченъ: въ Галичъ былъ введенъ венгерскій гарнизонъ, и Ольговичи были отбиты. Въ утѣшенье они получили отъ Рюрика Бѣлгородъ, отобранный, вѣроятно, отъ какого-нибудь ставленника Романа, и посадили здѣсь Глѣба Святославича. Былъ отобранъ и Вышгородъ у Ярослава Володимерича—на его мѣсто сѣлъ Ростиславъ Рюриковичъ [2]).

Въ слѣдующемъ году Ольговичи снова предприняли походъ на Галичъ, къ нимъ присоединился Мстиславъ смоленскій съ племянниками, Рюрикъ со своимъ полкомъ и съ берендичами и большой отрядъ половцевъ; одновременно двинулись на Галичъ и поляки. Исходъ

можность сбросить съ себя монашество и раньше смерти Романа; но очевидно, Романъ продолжалъ сохранять вліяніе въ Кіевской землѣ и по вокняженіи Ростислава. Татищевъ (III с. 339) весьма правдоподобно замѣчаетъ: „Ярославъ (ошибка вмѣсто Ростиславъ), обязавшись Роману ротою, (что) безъ воли его ничего не дѣлать, а на тестя своего Всеволода не могши надежды имѣть, жилъ въ Кіевѣ весьма опасно, якобы никакой власти не имѣлъ“.

[1]) О Романѣ см. у Карамзина (III с. 68—69), Соловьева (II с. 291—292), Погодина (Др. Рус. Ист. I с. 279) и у г. Жданова: Пѣсни о кн. Романѣ (Ж. М. Н. П. 1890 кн. IV. с. 279 сл.); татищевская характеристика Романа въ т. III с. 347—8.

[2]) Лавр. с. 405, Ипат. с. 480—481 (Густ. с. 329, Воскр. I с. 112, Никон. II с. 50, Тверск. с. 303).

этого похода былъ довольно неожиданный. Дорогу Ольговичамъ загородилъ венгерскій король, призванный галичанами; постоявъ другъ противъ друга, противники отправились во-свояси. Ольговичи считали кампанію проигранною, какъ вдругъ галичане, боясь оставаться безъ князя (Романовичи ушли изъ Галича) и не дождавшись Ярослава Всеволодича переяславскаго, котораго призвали по совѣту венгерскаго короля, пригласили на столъ Владиміра, сына Игоря Святославича, знаменитаго князя Новгорода Сѣверскаго; послѣдній тайкомъ отъ своей братіи отправился въ Галичъ и вокняжился[1]). Такой исходъ, конечно, былъ непріятенъ и Всеволоду Святославичу, который, вѣроятно, не для Игоревичей предпринималъ этотъ походъ, и Ростиславичамъ, тоже надѣявшимся, конечно, поживиться отъ галицкаго наслѣдства, но имъ ничего болѣе не оставалось, какъ вернуться во-свояси. Но ошибшись въ видахъ на Галичъ, Всеволодъ рѣшилъ вознаградить себя на счетъ Рюрика, и снова началась борьба ихъ, совершенно аналогичная съ борьбою Святослава Всеволодича съ Ростиславичами и окончившаяся также въ пользу черниговскаго князя.

На возвратномъ пути изъ-подъ Галича Всеволодъ, „надѣясь на свою силу“ (съ ними были черниговскіе полки и половцы), захватилъ Кіевъ и не пустилъ Рюрика. Обошлось дѣло мирно: Рюрикъ, „видя свое непогодье“, ретировался въ Овручъ, Вышгородъ остался по прежнему за Ростиславомъ, а Бѣлгородъ Всеволодъ уступилъ Мстиславу Романовичу смоленскому; кромѣ Кіева Всеволодъ получилъ еще другіе кіевскіе города (вѣроятно Поросье) и посажалъ здѣсь своихъ посадниковъ. Затѣмъ онъ обратился на Ярослава Всеволодича переяславскаго и придравшись къ тому, что онъ былъ кандидатомъ на галицкій столъ, велѣлъ немедленно очистить Переяславскую волость; не имѣя ни откуда помощи, Ярославъ былъ вынужденъ удалиться, и Всеволодъ посадилъ въ Переяславлѣ своего сына. Но осенью того же года Рюрикъ, собравшись съ силами[2]), выгналъ съ Мстиславомъ Всеволода изъ Кіева, а сына его изъ Переяславля, сѣлъ самъ въ Кіевѣ, а въ Переяславлѣ посадилъ сына Владиміра. Всеволодъ не медля пригласилъ половцевъ и пошелъ съ братіею снова на Кіевъ; Рюрикъ,

---

[1]) Лавр. с. 405—406, Ипат. с. 481 (Густ. с. 329, Воскр. I с. 112—113, Никон. II с. 50—51, Тверск. с. 303).

[2]) Татищевъ (III с. 351) говоритъ, что онъ собралъ полки подъ предлогомъ похода на Литву.

не рѣшаясь попытать счастья въ открытомъ бою, затворился въ городѣ; Всеволодъ три недѣли осаждалъ его, но взять не могъ и удалился, опустошивъ окрестности и „многу нужу сотворивъ“ горожанамъ своими половцами [1]). На вѣсну 1208 г. [2]) онъ, съ братіею и съ половцами, предпринялъ новый походъ; къ нему присоединились еще князья туровскіе и пинскіе, а изъ Галича двинулся Владиміръ Игоревичъ. Ольговичи перебродились у Треполя и осадили этотъ городъ, въ которомъ Рюрикъ посадилъ было Ярослава Владиміровича—какъ видно, этотъ Ярославъ успѣлъ помириться съ нимъ; послѣ трехнедѣльной осады жители сдались, и Всеволодъ направился къ Кіеву; здѣсь присоединился къ нему и Владиміръ Игоревичъ. Рюрикъ, увидавъ, что на него идетъ „рать бесщисленая отвсюду“, и не ожидая ни откуда помощи, ушелъ по обыкновенію въ Овручъ, а племянники его засѣли въ пригородахъ: Мстиславъ Романовичъ въ Бѣлгородѣ, а Мстиславъ Мстиславичъ въ Торческѣ. Всеволодъ отправился сначала на Бѣлгородъ, потомъ на Торческъ, оба города сдались, но послѣ упорной защиты. Всеволодъ удовольствовался этимъ и сѣлъ въ Кіевѣ; „много зла створивъ землѣ Рустѣй“; вслѣдствіе упорнаго сопротивленія завоеваніе затянулось надолго, и волости было очень тяжело выносить пребываніе непріятельскихъ полковъ, особенно половцевъ, „плѣнующихъ, сѣкущихъ и села жгущихъ“. По словамъ Никоновскаго свода, Всеволодъ щедро одарилъ своихъ родичей и половцевъ, „яко трудъ велій сотвориша его ради“; за то побѣда была такъ рѣшительна, Ростиславичи были такъ ослаблены, что можно было надѣяться на болѣе прочное господство [3]).

Но это усиленіе Ольговичей должно было сильно обезпокоить Всеволода суздальскаго; завладѣвъ кіевскимъ столомъ безъ согласія его, старѣйшаго въ родѣ Ярослава, они тѣмъ самымъ унижали его престижъ, посягали на его права; мало того, Ольговичи дерзнули выгнать Всеволодова сына изъ Переяславля. Всеволодъ рѣшилъ имъ напомнить о себѣ. Оффиціальною, такъ сказать, причиною было выставлено то, что Ольговичи разоряютъ съ погаными землю Русскую,

[1]) По Густ. (с. 339) и Тверск. (с. 304) Всеволодъ осаждалъ не Рюрика, а сына его Владиміра въ Переяславлѣ.

[2]) Въ Лавр. и Тверск. подъ 1207, но датировка событій указываетъ на 1208-й г. (см. Лавр. с. 409 и 411, прим.); въ Густин. и Никон.—1208.

[3]) Лавр. с. 406—408, Густ. с. 330, Воскр. I с. 113—114, Никон. II с. 51—54, Тверск. с. 303—304.

отчину Всеволода. Въ августѣ 1208 г. Всеволодъ началъ снаряжать походъ: явилось новгородское ополченіе, рязанскіе князья со своими полками; по всей вѣроятности, это была не болѣе, какъ демонстрація по адресу черниговскихъ князей: Всеволодъ былъ слишкомъ остороженъ для того, чтобы вступить съ ними въ открытую борьбу. Однако и демонстрація не состоялась: на дорогѣ двое рязанскихъ князей донесли Всеволоду, что ихъ родичи заключили тайный союзъ съ Ольговичами; Всеволодъ послѣ этого походъ свой на Черниговъ отложилъ и занялся расправою съ рязанскими князьями. Но Рюрикъ все-таки успѣлъ воспользоваться этимъ движеніемъ суздальскаго князя, которое должно было отвлечь вниманіе и силы Всеволода Святославича, и нечаяннымъ нападеніемъ снова захватилъ Кіевъ [1]). Зимою Ольговичи приходили на него, но неудачно, и возвратились восвояси [2]).

Эта безконечная борьба, какъ видно, надоѣла Ольговичамъ, они рѣшились устроиться болѣе прочно и для того пойти на компромиссы, тѣмъ болѣе, что въ Галичѣ шли смуты и усобицы, и оттуда нельзя было ожидать помощи: по нѣкоторымъ извѣстіямъ тамъ одно время вокняжился было даже Ростиславъ Рюриковичъ, только вскорѣ былъ изгнанъ [3]). Приблизительно осенью 1210 г. Ольговичи завели сношенія со Всеволодомъ суздальскимъ; посредникомъ съ ихъ стороны былъ митрополитъ Матѳей, который и ѣздилъ для этого во Владиміръ [4]); по словамъ Суздальской лѣтописи, Ольговичи „просили мира и во всемъ покорялись,“ но это опять-таки суздальское украшеніе: Ольговичи не имѣли нужды особенно заискивать у суздальскаго князя, тѣмъ болѣе, что въ это время Всеволодъ столкнулся съ Ростиславичами, въ лицѣ Мстислава Мстиславича, который отнялъ у него Новгородъ. Поэтому союзъ съ Ольговичами Всеволоду Юрьеви-

---

[1]) По Никоновск. (II с. 59)—съ помощью половцевъ.

[2]) Лавр. с. 408, 411, 412, Густин. с. 330, Воскр. I с. 114, 115, 116, Никон. II. с. 54—5, 59, Тверск. с. 304, 307, Татищевъ III с. 353, 363.

[3]) Это извѣстіе находится въ Никон. (II с. 60), Воскр. (I с. 116—7), Тверск. (с. 308) и нѣкоторыхъ другихъ позднѣйшихъ сводахъ (см. Арцыбашевъ I. 2 пр. 1743). Въ Ипат. его нѣтъ и потому оно было заподозрѣно Карамзинымъ (III пр. 135), въ новѣйшее время П. В. Голубовскимъ (Ист. Сѣв. з. с. 174—5); но замѣчанія Соловьева (II пр. 377) въ пользу достовѣрности этого извѣстія кажутся мнѣ вполнѣ убѣдительными.

[4]) По Татищеву, митрополитъ поѣхалъ туда изъ Кіева подъ предлогомъ, что хочетъ хлопотать объ освобожденіи рязанскаго еп. Арсенія (III с. 366).

чу былъ весьма желателенъ. Впрочемъ, для заключенія его Ольговичамъ, кажется, все-таки пришлось пожертвовать Переяславлемъ, который послѣ того мы видимъ снова въ распоряженіи суздальскихъ князей [1]). За то Всеволодъ, съ своей стороны, обѣщалъ имъ, надо полагать, поддержку относительно кіевскаго стола, передалъ имъ свое право старѣйшинства. Этотъ новый союзъ былъ скрѣпленъ затѣмъ бракомъ: сынъ Всеволода суздальскаго Юрій женился на дочери Всеволода черниговскаго (въ апрѣлѣ 1211 г.).

Заручившись такимъ образомъ поддержкою суздальскаго князя, Всеволодъ черниговскій совершилъ неслыханную вещь—сѣлъ въ Кіевѣ, а Рюрика, какъ старѣйшаго послѣ себя, посадилъ на своемъ мѣстѣ въ Черниговѣ; кіевскіе пригороды при этомъ остались за дѣтьми и родичами Рюрика, какъ видно изъ послѣдующихъ извѣстій. Произошло все это, кажется, уже въ 1211 г., безъ кровопролитія, мирнымъ путемъ [2]). Это перемѣщеніе Рюрика въ Черниговъ имѣло значеніе окончательной побѣды Ольговичей: они выиграли вполнѣ свою вѣковую тяжбу съ Мономаховичами. Мы видѣли раньше, что послѣдніе не признавали правъ Ольговичей на Кіевъ, считали его своею отчиною, какъ Черниговъ—отчиною Ольговичей, и на Днѣпръ указывали, какъ на предѣлъ владѣній и притязаній [3]). Переходя на столъ въ Черниговъ, Рюрикъ тѣмъ самымъ отрекся отъ этихъ воззрѣній. Вообще это время—апогей славы Ольговичей; одно время они соединили въ своихъ рукахъ Кіевъ, Переяславль, Волынь и Галичъ; конечно, все это могущество было шатко, весь этотъ блескъ—въ значительной степени призраченъ.

Рюрикъ скоро послѣ этого скончался въ Черниговѣ (около 1214 г.), не дождавшись своего возвращенія въ Кіевъ [4]). Личность

---

[1]) П. В. Голубовскій (Ист. Сѣв. з. с. 180) полагаетъ, что Переяславль возвратился къ нимъ лишь послѣ брака Владиміра Всеволодовича на дочери Глѣба Святославича (1215 г.); но Владиміръ женился, уже будучи переяславскимъ княземъ (см. Лавр. л. с. 416, подъ 1213 г.).

[2]) Лавр. с. 413, Густин. с. 331, Никон. II с. 62, Воскр. I с. 117, Тверск. с. 309; вокняженіе Всеволода въ Лавр. и Тверск. находится подъ 1210 г., въ остальныхъ—подъ 1211; въ Лавр. соединены подъ этимъ годомъ событія двухъ годовъ, потому-то годъ кончается іюнемъ. Въ Густин. примиреніе Ольговичей со Всеволодомъ слѣдуетъ уже за вокняженіемъ Всеволода въ Кіевѣ.

[3]) Ипат. с. 329, 393, 462, Воскр. I с. 32.

[4]) Лавр. с. 416: „преставися Рюрикъ Ростиславичъ, князь Кыевьскый, княжа Черниговѣ“: его княженіе въ Черниговѣ такимъ образомъ представляется временнымъ, и онъ

этого князя очень любопытна, такъ какъ онъ въ продолженіи весьма длиннаго періода игралъ важную роль въ исторіи Кіевской земли: въ теченіи 40 почти лѣтъ, съ перерывами, онъ является на кіевскомъ столѣ; еще раньше, со вступленія на кіевскій столъ Ростислава (1159 г.), онъ принимаетъ участіе въ кіевскихъ дѣлахъ въ качествѣ подручника своего отца. Но не смотря на то, что Рюрикъ такъ долго фигурируетъ въ нашихъ источникахъ, его личность рисуется какъ-то неясно, неполно; происходитъ, вѣроятно, это отъ того, что и самый характеръ его не былъ отмѣченъ рѣзкими, опредѣленными чертами. Любопытно, что это первый князь за весь удѣльно-вѣчевой періодъ, который свилъ себѣ гнѣздо въ Древлянской землѣ. Между тѣмъ какъ другіе князья стремятся въ землю полянъ, Рюрика сильно интересуетъ Овручъ: сюда почасту уѣзжаетъ онъ изъ „Руской земли", здѣсь у него свои интересы, „свои орудія." Уже сдѣлавшись кіевскимъ княземъ, во время своей борьбы съ Романомъ, Рюрикъ подвергаетъ Кіевъ разоренію (участвовалъ онъ и въ первомъ погромѣ—1169 г.), легко оставляетъ его—и всякій разъ удаляется въ Овручъ и тамъ отсиживается. Это земскій князь Древлянской земли, но уже, думаю, въ смыслѣ территоріальномъ, географическомъ, а не этнографическомъ: этнографическая рознь, особность успѣли отойти въ область преданій.

Такимъ образомъ, по смерти Рюрика, Всеволодъ Чермный черниговскій остался безъ соперниковъ; еще раньше (въ 1212 г.) скончался Всеволодъ суздальскій, и Южная Русь уже не чувствовала надъ собою его недремлющаго ока; его сыновья подняли междоусобную борьбу и не могли болѣе поддерживать суздальскаго престижа.

продолжаетъ считаться собственно княземъ кіевскимъ; также Воск. I с. 119, Никон. II с. 69, Тверск. с. 315 (здѣсь ошибка: *Ростиславъ* вмѣсто Рюрикъ *Ростиславичъ*); во всѣхъ ихъ смерть Рюрика отнесена къ 1215 г., но какъ замѣтилъ уже Карамзинъ (III пр. 133), его не было въ живыхъ во время похода Мстислава на Кіевъ (лѣтомъ 1214 г.); въ Густ. л. смерть его отнесена къ 1218 г. (с. 334); у Татищева къ 1211 г. (съ точною датою—19 апрѣля), при чемъ Рюрикъ умираетъ въ Кіевѣ (III с. 369, тутъ же и характеристика его), но Рюрикъ Ольговичъ, который подъ слѣдующимъ годомъ (с. 371) принимаетъ у себя въ Черниговѣ дочь Всеволода черниговскаго на пути ея во Владиміръ, есть, вѣроятно, нашъ Рюрикъ Ростиславичъ; очевидно, Татищевъ нашелъ это извѣстіе въ какой-то лѣтописи.

Всѣмъ этимъ Всеволодъ Чермный задумалъ воспользоваться для своего усиленія, но крайне неудачно. Незадолго предъ тѣмъ Игоревичи въ Галичѣ потерпѣли полное пораженіе: своими рѣзкими мѣрами они возбудили галицкое боярство, которое призвало въ Галичъ Даніила и съ помощью венгровъ, поляковъ и волынскихъ Мстиславичей одержало надъ ними рѣшительную побѣду; трое князей Игоревичей было захвачено въ плѣнъ, и озлобленные бояре добились ихъ казни: всѣ трое были повѣшены. Придравшись къ участью въ этомъ дѣлѣ Мстиславичей, Всеволодъ въ 1214 г. повыгонялъ дѣтей и племянниковъ Рюрика, сидѣвшихъ въ кіевскихъ пригородахъ: „брата моя есте повѣсили вы въ Галици, яко злодѣя, и положили есте укоръ на всѣхъ; и нѣту вамъ чясти въ Русьскои земли,“ объявилъ онъ имъ [1]).

Но Ростиславичи нашли себѣ защитниковъ. Мстиславъ Мстиславичъ, сидѣвшій тогда въ Новгородѣ и обратившій на себя всеобщее вниманіе своими подвигами, Мстиславъ Романовичъ смоленскій съ другими Ростиславичами и съ ополченіями новгородцевъ и смольнянъ пошли добывать отъ Ольговичей свою отчину. Опустошивъ на пути Черниговскую волость, они пришли къ Вышгороду, гдѣ затворились черниговскіе князья, сюда же подошелъ и Ингварь Ярославичъ, и всѣ вмѣстѣ занялись осадою: Ольговичи оборонялись упорно, но вышгородцы передались на сторону Ростиславичей и отворили имъ городскіе ворота [2]). Послѣ этого князья быстро двинулись къ Кіеву, Всеволодъ не рѣшился отсиживаться и бѣжалъ въ Черниговъ; много народу при этомъ перетонуло въ Днѣпрѣ. Кіевское населеніе вышло навстрѣчу и съ почетомъ приняло побѣдителей. Затѣмъ князья отправились на Черниговъ, Всеволодъ Чермный умеръ въ это время, и въ Черниговѣ засѣлъ уже братъ его Глѣбъ Святославичъ; Ростиславичи постояли, опустошили окрестности, но города взять не могли и возвратились. Послѣ совѣщаній на кіевскій столъ сначала былъ посаженъ Ингварь Ярославичъ; какъ мы видѣли, онъ раньше уже занималъ кіевскій столъ,—быть можетъ, и къ Ростиславичамъ онъ присоединился подъ тѣмъ условіемъ, что ему отдадутъ Кіевъ: вспомнимъ, что такъ поступилъ и отецъ его въ 1174 г. подъ Вышгородомъ. Мстиславъ Романовичъ сѣлъ было въ Вышгородѣ. Затѣмъ,

---

[1]) 1 Новгор. с. 32, Никон. II с. 66—67, Густ. с. 333, Тверск. с. 313.

[2]) Никон. II с. 67: „бѣ бо и крамолу сотвориша надъ князи своими“.

въ силу какихъ-то комбинацій, намъ неизвѣстныхъ, Ингварь сошелъ съ кіевскаго стола, и на немъ былъ посаженъ Мстиславъ [1]). Вѣроятно, и другіе Ростиславичи получили надѣлы въ Кіевской землѣ, хотя на это нѣтъ прямыхъ указаній; тогда, должно быть, и Мстиславъ Мстиславичъ получилъ Торческій удѣлъ, который мы видимъ за нимъ позже. Владиміръ Рюриковичъ сѣлъ въ Смоленской волости [2]). Такимъ образомъ Кіевская волость объединилась въ рукахъ Ростиславичей и на этотъ разъ довольно прочно; подѣйствовало ли пораженіе, нанесенное ими Ольговичамъ, или какія - либо иныя были тому причины, но традиціонное соперничество Ольговичей съ Мономаховичами примолкаетъ, Ольговичи принимаютъ даже участіе въ общихъ предпріятіяхъ Ростиславичей. Что до новаго кіевскаго князя Мстислава Романовича, то онъ, кажется, не отличался ни выдающимися талантами, ни энергіей, по крайней мѣрѣ ни въ чемъ особенномъ не обнаружилъ ихъ, но пользовался доброю славой: суздальскій лѣтописецъ называетъ его „старымъ добрымъ княземъ" [3]). Среди Ростиславичей первенствовалъ младшій изъ внуковъ Ростислава—Мстиславъ Мстиславичъ; благодаря своей славѣ, рыцарскому характеру и военнымъ талантамъ, онъ пользовался большимъ уваженіемъ не только въ своемъ племени, но и вообще среди южнорусскихъ князей.

Послѣ того какъ Кіевъ былъ отнятъ у Ольговичей, Мстиславъ Мстиславичъ возвратился въ свой Новгородъ, но не прервалъ связи

---

[1]) 1 Новгор. с. 32, Воскр. I с. 118, Никонов. II с. 67, Густин. с. 333, Тверск. с. 314—5, Татищевъ III с. 378—381. Обыкновенно въ изложеніи этого эпизода слѣдуютъ Новгор. лѣтописи, въ которой главнымъ героемъ всего этого дѣла является Мстиславъ Мстиславичъ (съ нею сходенъ и разсказъ Густинск. свода, а Тверск.—тождественъ) см. Карамзина III с. 91, Соловьева II с. 324, Иловайскаго I с. 281—2 и друг. Не отрицая талантовъ Мстислава, замѣчу, что авторъ новгородскихъ извѣстій, очевидно, находился подъ вліяніемъ новгородскаго патріотизма и расположенія къ Мстиславу Мстиславичу: онъ не упоминаетъ объ участіи смольнянъ въ осадѣ Вышгорода, объ Ингварѣ Ярославичѣ, у него дѣйствуютъ „Мьстиславъ (новгородскій) съ братьею и Новгородци", между тѣмъ въ Воскр. на первомъ мѣстѣ стоитъ Мстиславъ Романовичъ, какъ старѣйшій. Воскр. л. подробнѣе излагаетъ кіевскія событія, и эти подробности заслуживаютъ полнаго довѣрія. Любопытно, что въ числѣ участниковъ похода не упоминается Ростиславъ Рюриковичъ: можетъ быть, и его, какъ и Рюрика не было уже въ живыхъ; впрочемъ въ Никон. (II с. 81), Воскр. (I с. 125), и Тверск. (с. 327) его смерть помѣщена подъ 1218 г.; по Татищеву (III с. 417) онъ умеръ въ Туровѣ.

[2]) 1 Новгор. с. 34.

[3]) Лавр. с. 424.

съ Южною Русью: онъ пріѣзжалъ въ Кіевъ въ слѣдующемъ (1215) и въ 1217 году, послѣ своего знаменитаго похода въ Суздальскую волость и Липицкой битвы [1]): по извѣстіямъ позднѣйшихъ сводовъ, онъ велъ въ это время переговоры съ венгерскимъ королемъ изъ-за Галича. Дѣло въ томъ, что не смотря на свою славу, Мстиславъ никакъ не могъ сладить съ суздальскою партіею, и положеніе его въ Новгородѣ было не особенно прочно. Поэтому онъ съ удовольствіемъ принялъ приглашеніе польскаго князя Лешка, поссорившагося съ венгерскимъ королемъ,—занять галицкій столъ, и распрощался съ Новгородомъ; на новгородскомъ столѣ послѣ него сидѣлъ сначала старшій сынъ Мстислава кіевскаго—Святославъ, потомъ его меньшій братъ—Всеволодъ [2]).

Извѣстія о борьбѣ Мстислава за Галичъ довольно разнорѣчивы [3]), для насъ они важны, поскольку касаются Кіева, о которомъ мы за это время имѣемъ вообще очень мало извѣстій.

Въ 1219 г., по словамъ Новгородской лѣтописи, ходили на Галичъ Мстиславъ Мстиславичъ и Владиміръ Рюриковичъ—изъ Кіева; Мстиславъ выгналъ угровъ и сѣлъ въ Галичѣ, а Владиміръ въ Кіе-

[1]) 1 Новг. с. 32 и 35. Въ сказаніяхъ о Липицкой битвѣ есть между прочимъ одно мѣсто, относящееся къ Кіеву: Юрій и Ярославъ Всеволодичи, увѣренные въ побѣдѣ, заранѣе подѣлили между собою прочія русскія волости: „Юрью Всеволодичю Володимерь и Ростовъ, а Новъгородъ князю Ярославу Всеволодичю, а Смоленскъ князю Святославу Всеволодичю, а съ Кіева возмемъ дань и князя въ немъ посадимъ изъ своихъ рукъ, а съ Галичя также дань возмемъ"—Никон. II с. 72; въ Софійск. (I с. 223): „а Киевъ дай Черниговскимъ княземъ, а Галичь намъ же" (Арцыбашевъ 1. 2 пр. 1859 болѣе вѣроятнымъ считаетъ „имъ же"). Это извѣстіе принималось историками (Карамзинъ III с. 95, Арцыбашевъ I. 2 с. 294, Соловьевъ II с. 330), и Соловьевъ видѣлъ здѣсь выраженіе презрѣнія къ Кіеву сѣверныхъ князей. Конечно, еще вопросъ, почему бы сѣверные князья не хотѣли брать Кіева: потому ли, что пренебрегали, или потому, что не надѣялись удержать за собою; но помимо того эта подробность содержится лишь въ нѣкоторыхъ сводахъ (я не нашелъ ея и у Татищева), и весьма вѣроятно, есть позднѣйшее украшеніе, какихъ много въ этомъ сказаніи; дѣлежъ добычи заранѣе—общее мѣсто подобныхъ разсказовъ.

[2]) 1 Новгор. с. 36—37.

[3]) Въ Ипат. л. подъ 1212, 1213, 1219 г., 1 Новгор.—1219, Лавр.—1221, Густ.—1216 и 1218, Никон.—1218, 1219, 1221, Воскр.—1219, 1220, 1221, Тверск.—1219, 1221, 1222; въ послѣднихъ трехъ говорится о трехъ походахъ на Галичъ, въ Ипат. и Густ.—о двухъ, Лавр. и Новгор. знаютъ лишь одинъ; объ этомъ разногласіи см. у Карамзина (III пр. 190 и Н. П. Дашкевича—Даніилъ Галицкій с. 9—10). По извѣстіямъ позднѣйшихъ сводовъ Мстиславъ еще раньше велъ сношенія съ угорскимъ королемъ относительно Галича (Никон. II с. 67—8, Воскр. I с. 119, ср. Татищевъ III с. 382); по Длугошу онъ владѣлъ Галичемъ еще до Коломана (I. VI р. 604).

вѣ [1]). Однако при описаніи слѣдующаго похода, подъ 1220 г., кіевкимъ княземъ является по прежнему Мстиславъ Романовичъ. Можно допустить, что между Владиміромъ и Мстиславомъ Романовичемъ произошла временная мѣна столовъ; возможно и то, что новгородскій лѣтописецъ просто ошибся: Владиміръ, напримѣръ, могъ имѣть какой-нибудь удѣлъ въ Кіевской землѣ и туда уйти изъ Галича, а лѣтописецъ смѣшалъ это съ кіевскимъ столомъ [2]).

Мстиславъ не долго усидѣлъ въ Галичѣ: Лешко примирился съ венгерскимъ королемъ, и оба соединенными усиліями принялись выгонять Мстислава; этотъ послѣдній собралъ всѣхъ князей „Рускыхъ и Черниговьскыхъ“ [3]), но почему-то не рѣшился вступить въ борьбу со врагами и отступилъ безъ боя [4]). Онъ обратился за помощью къ половцамъ и получилъ ее (ханъ Котянъ приходился ему тестемъ, и Мстиславъ поддерживалъ съ половцами дружескія связи); предпринятый затѣмъ походъ, въ которомъ участвовалъ и Мстиславъ кіевскій съ другими князьями, по извѣстіямъ позднѣйшихъ сводовъ, былъ неудаченъ: королевичъ затворился въ Галичѣ, русскіе князья опустошили окрестности его и съ тѣмъ возвратились [5]). Другой походъ за то увѣнчался успѣхомъ; по весьма вѣроятнымъ извѣстіямъ Длугоша [6]), кромѣ Мстислава Мстиславича въ этотъ разъ на Галичъ ходили еще: Владиміръ Рюриковичъ, Ростиславъ Давыдовичъ, Ростиславъ Мстиславичъ, сынъ Мстислава кіевскаго [7]), и половцы; Татищевъ прибавляетъ еще Мстислава кіевскаго, Мстислава Святославича черниговскаго и нѣкоторыхъ другихъ князей [8]). Войско венгровъ и ляховъ

---

[1]) Ипат. с. 489, 1 Новгор. с. 37, Воскр. I с. 126, Никон. II с. 82, Тверск. с. 329; у Длугоша (p. 602) и Стрыйковскаго (I p. 223) Владиміръ еще до галицкихъ походовъ называется княземъ кіевскимъ, хотя находится въ Смоленскѣ; въ Тверск. извѣстіе о княженіи Владиміра въ Кіевѣ отнесено къ третьему походу (подъ 1222 г.).

[2]) Впрочемъ въ это время у новгородцевъ сидѣлъ сынъ Мстислава Романовича, и они, повидимому, должны бы имѣть о судьбѣ кіевскаго стола болѣе точныя свѣдѣнія.

[3]) Ипат. л. с. 490.

[4]) Ипат. с. 489—491, Густ. с. 334; Никон. II с. 82, Воскр. I с. 126, Тверск. с. 329.

[5]) Воскр. I с. 128, Никон. II с. 85, 86, Тверск. с. 332, Татищевъ III с. 422.

[6]) Длугошъ въ этомъ разсказѣ, несомнѣнно, пользовался какою-то недошедшею до насъ русскою лѣтописью; это призналъ еще Карамзинъ (III пр. 193).

[7]) Густ. с. 334, ср. Погодина Изслѣд. VI с. 362.

[8]) Татищевъ III с. 425; по его словамъ Владиміръ Рюриковичъ пришелъ изъ Овруча; походу предшествовалъ княжескій съѣздъ въ Кіевѣ, созванный Мстиславомъ кіевскимъ.

потерпѣло сильнѣйшее пораженіе, вслѣдъ затѣмъ королевичъ Коломанъ былъ осажденъ въ Галичѣ и принужденъ сдаться. Мстиславъ Мстиславичъ отправилъ его въ Торческъ, и тамъ этотъ любопытный плѣнникъ пробылъ по нѣкоторымъ извѣстіямъ цѣлый годъ, пока Мстиславъ, подъ вліяніемъ венгерской партіи въ Галичѣ, не примирился съ королемъ венгерскимъ [1]).

Въ изложенныхъ событіяхъ ясно выступаетъ значительная солидарность Ростиславичей и вліяніе, которымъ пользовался среди нихъ Мстиславъ Мстиславичъ; они усердно поддерживаютъ его въ борьбѣ за галицкій столъ, хотя на какія-либо вознагражденія съ его стороны, въ видѣ раздачи удѣловъ или чего-нибудь подобнаго, источники не даютъ никакихъ указаній. Эта солидарность Ростиславичей и вліяніе Мстислава были главными причинами, обезпечивавшими за ними обладаніе Кіевомъ.

Спустя три года послѣ этихъ событій произошло первое вторженіе монголовъ въ Европу. Какъ извѣстно, первый ударъ обрушился на половцевъ, которые были разбиты и обратились за помощью къ русскимъ; ханъ Котянъ подарками и просьбами склонилъ русскихъ князей къ содѣйствію. Въ Кіевѣ собрались князья на съѣздъ—Мстиславъ Романовичъ, Мстиславъ Мстиславичъ, Мстиславъ Святославичъ черниговскій и другіе, младшіе князья. Мстиславъ Мстиславичъ усиленно совѣтовалъ поддержать половцевъ: не забудемъ, что онъ состоялъ въ родствѣ съ Котяномъ и пользовался услугами половцевъ во время борьбы за Галичъ. Онъ доказывалъ, что если половцы не получатъ помощи, то передадутся на сторону татаръ и тѣмъ увеличатъ ихъ силы. Авторитетъ его подѣйствовалъ, и князья снарядили походъ. Помочь ближайшимъ и слабѣйшимъ кочевникамъ противъ сильнѣйшихъ было, пожалуй, благоразумно, но князья уже слишкомъ поусердствовали: предложенія мира со стороны татаръ были отвергнуты, и

[1]) Лавр. с. 423 (Воскр. I с. 128, Никон. II с. 87 подъ 1221 г., Тверск. с. 333—4)—кратко; Густ. с. 334 —по польскимъ источникамъ; Длугошъ l. VI. p. 605—609; Татищевъ III с. 424—428 и пр. 609; Стрыйковскій I с. 225—228: здѣсь подробность о короновaніи Мстислава, попавшая затѣмъ и въ Синопсисъ (с. 84 изд. 1823 г.) „вѣнчанъ бысть отъ епископовъ вѣнцемъ царскимъ, егоже отбѣже Коломанъ, и оглашенъ бѣ царь и всея Россіи самодержецъ“. Длугошъ разсказываетъ, что послѣ побѣды Мстиславъ Мстиславичъ отправился въ гости въ Кіевъ къ Мстиславу Романовичу и тутъ провелъ много дней in solatiis et voluptate.

послы ихъ избиты. У Хортицы соединились ополченіе земель—Кіевской, Волынской, Галицкой и отсюда отправились въ степь. Я не буду останавливаться на подробностяхъ этого похода, какъ извѣстно, русскіе углубились слишкомъ далеко въ степь; между тѣмъ у старшихъ князей произошла изъ-за чего-то „котора велика", и они, несмотря на большія силы, понесли сильнѣйшее пораженіе (31 мая 1223 года). Мстиславъ кіевскій, устроивъ таборъ изъ повозокъ на возвышенномъ берегу Калки, три дня отбивался отъ татаръ, но напослѣдокъ сдался, повѣривъ клятвѣ бродниковъ, которые выступають здѣсь въ качествѣ татарскихъ союзниковъ. Вмѣстѣ съ другими князьями онъ былъ раздавленъ, а прочіе люди были изсѣчены: „глаголють бо тако, замѣчаетъ суздальскій лѣтописецъ, яко Кыянъ одинѣхъ изгыбло на полку томъ 10 тысячь". Такого страшнаго пораженія Русь не помнила: по свидѣтельству лѣтописей, едва десятая часть войска возвратилась. Союзники-половцы не отставали отъ татаръ и во время отступленія избивали русскихъ изъ-за одежды или коня. „И бысть плачь и туга в Руси и по всей земли слышавшимъ сию бѣду". Вслѣдъ за русскими татары отправились въ глубь страны и прошли до Днѣпра (до Новгорода Святополческаго), но затѣмъ поворотили обратно [1]).

Калкское побоище не повліяло на политическія отношенія въ Южной Руси; татары также таинственно исчезли, какъ и явились, и жизнь вернулась въ свою колею. Въ Кіевѣ на мѣсто убитаго Мстислава Романовича вокняжился Владиміръ Рюриковичъ; его мѣсто въ Смоленскѣ занялъ Мстиславъ Давыдовичъ. Старый Котянъ съ половцами по прежнему фигурируетъ при княжескихъ столкновеніяхъ.

Подобно своему предмѣстнику, Владиміръ не игралъ видной политической роли. По прежнему средоточіемъ политики южнорусскихъ князей служитъ Галичъ, изъ-за котораго соперничаютъ волынскіе и черниговскіе князья, венгры и поляки; кіевскій князь игралъ лишь второстепенную роль въ этой борьбѣ. Подобно Роману Мстиславичу, Владиміръ сохранялъ солидарность съ Мстиславомъ Мстиславичемъ; когда послѣдній размолвился съ Даніиломъ Романовичемъ и сталъ собирать противъ него силы, въ числѣ его союзниковъ мы видимъ и Владиміра кіевскаго [2]). Мсти-

[1]) Ипат. с. 495—497, Лавр. с. 423—424, 1 Новгор. с. 39—41. О редакціяхъ этого сказанія см. у Бестужева-Рюмина, О составѣ рус. лѣтоп. с. 154, Срезневскаго Древніе памятн. письма и языка с. 48—9.

[2]) Ипат. с. 498.

славъ въ это время хотя и утвердился въ Галичѣ, игралъ жалкую роль среди интригъ различныхъ партій; это положеніе тяготило его и онъ наконецъ, по совѣту венгерской партіи, отказался отъ Галича въ пользу своего зятя, венгерскаго королевича Андрея, оставилъ за собою только Понизье и удалился въ свой Торческъ. Въ этомъ положеніи онъ и скончался въ 1228 г., на пути въ Кіевъ, принявъ предъ кончиною постриженіе въ схиму, и былъ похороненъ въ Кіевѣ, въ созданной имъ церкви св. Креста. Предъ смертію онъ раскаялся въ уступкѣ венграмъ Галича, хотѣлъ добыть его для Даніила, но смерть помѣшала этимъ планамъ [1]).

Съ Даніиломъ Владиміръ на первыхъ порахъ столкнулся: подбилъ его Ростиславъ, князь пинскій, съ которымъ Даніилъ враждовалъ изъ-за захвата волостей (Черторыйска). Ростиславъ приходился родичемъ Владиміру; онъ напугалъ его честолюбивыми планами Даніила, напомнилъ старую обиду—постриженіе Рюрика отцемъ Даніила; Владиміръ поддался этому вліянію, и „бѣ ему велика боязнь во сердци его". Онъ поднялъ противъ Даніила также Михаила Всеволодовича, новаго князя черниговскаго, пригласилъ Котяна со всѣми половцами и вмѣстѣ съ туровскими и пинскими князьями отправился на волость Даніила. Эта коалиція вошла въ сношенія съ королевичемъ и венгерскою партіею въ Галичѣ и такимъ образомъ представляла для Даніила несомнѣнную опасность. Послѣдній обратился за помощью къ полякамъ, одновременно вошелъ въ переговоры съ Котяномъ и склонилъ его на свою сторону: вмѣсто того, чтобы присоединиться къ Владиміру, тотъ принялся опустошать Галицкую землю; военныя дѣйствія союзниковъ, начавшіяся осадою Каменца (на Случи), были тоже неудачны, и имъ пришлось отправиться во-свояси. Между тѣмъ къ Даніилу подоспѣли польскія подкрѣпленія, и онъ направился къ Кіеву; такого оборота Владиміръ и Михаилъ не ожидали; они выслали пословъ на встрѣчу и просили мира. Даніилъ согласился и вернулся [2]).

---

[1]) Ипат. с. 500—501, 502 (смерть подъ 1226 г.), Лавр. с. 428 (подъ 1228, то же и въ сводахъ), Воскр. I с. 134, Густ. с. 336, Твер. с. 347, Никон. II, с. 94; Длугошъ с. VI, p. 623.

[2]) Ипат. с. 502—503. Время похода опредѣляется приблизительно смертью Мстислава (1228) и бракомъ Всеволода Юрьевича (апрѣль 1230 г.—см. Ипат. с. 505, Лавр. с. 431); ср. Дашкевича Даніилъ Галицкій с. 56. Проф. Малышевскій высказалъ предположеніе, что этимъ походомъ вспомогательнаго отряда поляковъ на Кіевъ воспользовались доми-

Это происходило около 1229 года. Вскорѣ въ отношеніяхъ происходитъ перемѣна: Владиміръ сближается съ Даніиломъ, вступаетъ съ нимъ въ тѣсный союзъ; причиною этого была перемѣна въ его отношеніяхъ къ Ольговичамъ. Первоначально Владиміръ дружилъ съ черниговскимъ княземъ. Новый черниговскій князь Михаилъ Всеволодичъ (прежній—Мстиславъ Святославичъ погибъ въ битвѣ на Калкѣ) занялъ этотъ столъ помимо своего дяди—Олега Игоревича курскаго и долженъ былъ выдержать борьбу съ нимъ. Понятно, что ему тогда было не до притязаній на Кіевъ, напротивъ, приходилось заискивать поддержки у кіевскаго князя. Владиміръ принялъ сторону Михаила и посылалъ митрополита Кирилла мирить соперниковъ [1]). Благодаря поддержкѣ его и князя Юрія Всеволодовича (владимірскаго), Михаилъ удержалъ за собою черниговскій столъ, но онъ пріобрѣлъ себѣ въ въ это время другаго соперника и врага—въ лицѣ Ярослава Всеволодовича, князя Переяславля Залѣсскаго: съ нимъ Михаилъ столкнулся изъ-за Новгорода. Владиміръ и на этотъ разъ выступилъ въ качествѣ посредника: онъ посылалъ снова митрополита, съ игуменомъ Спаса на Берестовѣ Петромъ Акеровичемъ и со своимъ стольникомъ Юріемъ, во Владиміръ къ Юрію, который съ нимъ незадолго передъ тѣмъ породнился, и хлопоталъ о примиреніи Ярослава съ Михаиломъ. Суздальско-черниговскія отношенія были, вѣроятно, причиною и того княжескаго съѣзда, о которомъ упоминаетъ случайно суздальскій лѣтописецъ; разсказывая о посвященіи епископа Кирилла, онъ говоритъ, что въ то время въ Кіевѣ собрались князья „на соньмѣ"—Михаилъ черниговскій съ сыномъ Ростиславомъ и младшіе Ростиславичи [2]). Съ своей стороны, Михаилъ платилъ Владиміру за поддержку помощью во время его столкновенія съ Даніиломъ, какъ упомянуто выше.

Однако весьма скоро послѣ описанныхъ событій Михаилъ перемѣняетъ свои отношенія; обезпечивъ себя съ тылу, со стороны своихъ

никанцы, чтобы проникнуть въ этотъ городъ; въ Кіевѣ они, по даннымъ источниковъ, являются въ 30-хъ годахъ XIII в. (Яцекъ Одровонжъ — Труды Кіев. Дух. Акад. 1867, кн. VI, с. 431); Н. П. Дашкевичъ—Первая унія Ю.-З. Руси (Унив. Изв. 1884, VIII с. 141) высказывается противъ предположенія проф. Малышевскаго.

[1]) Лавр. с. 426 (1226 г.), Воскр. I с. 133 (Никон. II с. 93, Тверск. с. 346).

[2]) Лавр. 433, 434 (Воскр. I с. 137, Никон. II с. 100, 101, Тверск. с. 355).

родичей и суздальскихъ князей, онъ возобновляетъ традиціонное стремленіе своего рода на западъ — вѣковыя претензіи на Кіевъ и болѣе новыя притязанія на Галичъ. Мы не знаемъ, какъ и когда именно произошелъ разрывъ между Михаиломъ и Владиміромъ, приблизительно около 1232—3 г. отношенія ихъ обострились уже, и Михаилъ собрался итти на Кіевъ. Владиміръ обратился къ Даніилу, тотъ пріѣхалъ въ Кіевъ и своимъ вмѣшательствомъ предотвратилъ столкновеніе. Съ Владиміромъ онъ заключилъ союзъ и получилъ отъ него Торческъ, выморочный удѣлъ Мстислава Мстиславича; этотъ городъ онъ передалъ затѣмъ въ управленіе дѣтямъ Мстислава, „за отца ихъ добродѣяніе“ [1]). Съ этихъ поръ между Даніиломъ и Владиміромъ завязываются оживленныя и близкія отношенія.

Въ это время Галичемъ владѣли угры и пытались лишить Даніила и волынскихъ владѣній. Готовя отпоръ имъ, Даніилъ снова поѣхалъ въ Кіевъ, къ своему новому союзнику за помощью; призванъ былъ ханъ Котянъ съ половцами, присоединился къ Даніилу и загадочный Изяславъ, который съ этихъ поръ начинаетъ играть роль въ кіевскихъ событіяхъ; вѣроятно, это былъ сынъ Мстислава Романовича [2]).

---

[1]) Ипат. с. 511 (Густ. с. 337). Въ Ипат. лѣт. эти извѣстія помѣщены подъ 1231 г., что невѣроятно: въ это время, по сѣвернымъ источникамъ, Владиміръ мирилъ Михаила съ Ярославомъ; подъ 1229 г. въ Ипат. помѣщены событія 1230 г. (см. Ипат. с. 505, Лавр. с. 431 — свадьба Всеволода Юрьевича), такъ и относительно событій ея 1231 г. можно тоже прибавить годъ или два съ нѣкоторою вѣроятностью. Въ Густинск. событія этого года отнесены къ 1234 г., но она вообще спѣшитъ въ этой части—сравн. напр. Густинск. 1233 и 1 Новгор. 1232 г.

[2]) Происхожденіе этого князя спорное; въ лѣтописныхъ сводахъ онъ единогласно называется Мстиславичемъ: въ Воскр. (I с. 138), Ник. (II с. 104) и Тверск. с. 364—Изяславъ Мстиславичъ, внукъ Романа Ростиславича, въ Новгородской четвертой (с. 30), Соф. (I с. 104) и Акад. (с. 486)—просто Изяславъ Мстиславичъ; въ Акад. поправка „Владимировичъ“, о которой упоминаетъ П. В. Голубовскій, принадлежитъ издателю; въ Густ. (с. 337)—Изяславъ Мстиславичъ Храбрый, у Татищева (III с. 463)—Изяславъ Мстиславичъ Смоленскій. Но уже Карамзинъ (III с. 162 и пр. 347) полагалъ, что то былъ сынъ Владиміра Игоревича, княжившаго одно время въ Галичѣ, у котораго былъ дѣйствительно сынъ Изяславъ; въ подтвержденіе онъ ссылается на то мѣсто Ипат. (с. 516), гдѣ Михаилъ и Изяславъ называютъ болоховскихъ князей своею братіею, и замѣчаетъ: „слѣдственно они были одного рода“; это обстоятельство находитъ вѣскимъ и Соловьевъ (III пр. 268), который впрочемъ относительно этого вопроса не высказалъ опредѣленнаго мнѣнія (ср. III с. 154); но весьма возможно, что слово „братія“, какъ полагаетъ Н. П. Дашкевичъ (Болоховская земля с. 96), употреблено здѣсь не въ собственномъ значеніи. Мнѣніе Карамзина принято Арцыбашевымъ (1. 2 пр. 2183, 2212, 2216), Полевымъ (III с. 336), По-

Князья дали взаимную присягу другъ другу и затѣмъ всѣ отправились противъ угровъ; клятва не помѣшала Изяславу немедленно затѣмъ измѣнить и заняться опустошеніемъ волости Даніила. Даніилъ съ союзниками встрѣтили угровъ у Перемиля и заставили ихъ отступить. Послѣ этого Владиміръ возвратился въ Кіевъ, а Даніилъ пошелъ слѣдомъ за уграми къ Галичу и осадилъ этотъ городъ [1]).

Вскорѣ послѣ этого скончался угорскій королевичъ (1234 г. [2]), Даніилъ овладѣлъ Галичемъ, но боярство выставило ему противника въ лицѣ Михаила черниговскаго. Одновременно Михаилъ не оставлялъ и своихъ притязаній на Кіевъ. Общій интересъ заставилъ Владиміра еще тѣснѣе сблизиться съ Даніиломъ, онъ посылалъ своего сына Ростислава къ нему и „прия с нимъ братьство и любовь велику". Какъ нуждался Владиміръ въ поддержкѣ Даніила и дорожилъ дружескими отношеніями къ нему, можетъ до нѣкоторой степени показать слѣдующій эпизодъ: предъ тѣмъ Даніилъ столкнулся еще разъ съ кн. Александромъ бельзскимъ, зятемъ Владиміра; потерпѣвъ опять неудачу въ своихъ расчетахъ, Александръ пустился бѣжать въ Кіевъ къ своему тестю, но былъ схваченъ Даніиломъ на дорогѣ („в лузѣ Хоморьскомъ"), и Владиміръ не вступился за своего зятя [3]). Приходилось думать о себѣ. Михаилъ вмѣстѣ съ Изяславомъ начали открытую борьбу съ Владиміромъ и въ самомъ концѣ 1234 года [4]) приступили къ Кіеву. У Владиміра былъ вспомогательный отрядъ, оставленный Даніиломъ, но этого было недостаточно, и онъ просилъ его самого притти на помощь. Даніилъ, „вѣдавъ его любовь", собралъ

годинымъ (Изслѣд. VI с. 284—но въ т. IV с. 357 онъ считаетъ его Мстиславичемъ, внукомъ Романа), подробнѣе развито П. В. Голубовскимъ (Ист. Сѣв. з. с. 186). Доводы этого ученаго однако кажутся мнѣ тоже не настолько сильными, чтобы можно было пожертвовать изъ-за нихъ свидѣтельствомъ лѣтописей; тожество нашего Изяслава и Изяслава новгородскаго, Даніилова союзника (Ипат. с. 517), которое предполагаетъ П. В. Голубовскій, для меня тоже не убѣдительно. Важнымъ мнѣ кажется то обстоятельство, что Изяславъ претендуетъ не на Галичъ, какъ естественнѣе было ожидать, принимая его за Владиміровича, такъ какъ тамъ княжилъ его отецъ, а на Кіевъ, гдѣ сидѣлъ Мстиславъ Романовичъ, и не княжилъ никогда Владиміръ Игоревичъ.

[1]) Ипат. с. 513—4 (Густин. с. 337).

[2]) Даніилъ Галицкій с. 47.

[3]) Ипат. с. 514.

[4]) Даніилъ, повидимому, явился на помощь Владиміру около Крещенія 1235 г., см. Ипат. с. 515.

свои полки и поспѣшилъ къ Кіеву; Михаилъ, при вѣсти объ этомъ, отступилъ, но Владиміръ и Даніилъ не удовольствовались этимъ и порѣшили доконать противника; они перешли за Днѣпръ и принялись разорять Черниговскую волость; къ нимъ присоединился еще Глѣбъ Мстиславичъ, двоюродный братъ Михаила. Михаилъ затворился въ Черниговѣ и не выходилъ въ поле, а Изяславъ пустился въ степь за половецкою помощью. Союзники приступили къ Чернигову, пожгли переднія укрѣпленія, поставили осадныя машины и начали осаду; относительно ея мы имѣемъ два разнорѣчивыя извѣстія, исходящія изъ различныхъ источниковъ; по сѣверному источнику, Михаилъ продѣлалъ какую-то „прелесть" относительно Даніила, перебилъ множество галичанъ, такъ что Даніилъ едва ушелъ; по извѣстію Галицко-Волынской лѣтописи—Даніилъ очень стѣснилъ осажденныхъ, металъ на нихъ изъ тарана огромные камни и заставилъ заключить миръ; лѣтопись однако о послѣднемъ обстоятельствѣ выражается какъ-то неопредѣленно [1]) и тѣмъ даетъ понять, что въ дѣйствительности осада далеко не была такъ удачна [2]).

Даніилъ съ Владиміромъ возвратились въ Кіевъ, но въ это время—это уже было послѣ Вознесенья 1235 г.—въ Кіевскую область вторгнулся Изяславъ съ половцами и началъ опустошать ее. Даніилово войско такъ было утомлено продолжительнымъ походомъ, что онъ хотѣлъ было оставить своего союзника и уйти „лѣсною стороною" во-свояси; но Владиміръ упрашивалъ его пойти вмѣстѣ на половцевъ; эту просьбу поддержалъ и Мирославъ, одинъ изъ галицкихъ бояръ. Даніилъ согласился и пошелъ съ Владиміромъ; передовые отряды половцевъ встрѣтились уже у Звенигорода, тогда Владиміръ и Мирославъ стали совѣтовать вернуться: можетъ быть, вѣсти о половецкомъ войскѣ были неутѣшительныя, а еще вѣроятнѣе—было получено извѣстіе, что Михаилъ двинулся къ Кіеву, узнавъ о вторженіи Изяслава. Но Даніилъ теперь уже стоялъ за продолженіе похода: „подобаеть воину устремившуся на брань или побѣду приятн

---

[1]) „Створиша же миръ со Володимеромъ и Даниломъ Мьстиславъ и Черниговчи... оттуда с миромъ преидоша Кыеву"; можетъ быть, вмѣсто *Мстиславъ* слѣдуетъ читать *Михаилъ*?

[2]) Ипат. с. 514—515, подъ 1234 г., 1 Новгор. с. 50, Густ. с. 337, Тверск. с. 363—подъ 1235 г.; Густ. и Тверск. слѣдуютъ Новгородской.

или пастися отъ ратныхъ", отвѣчалъ онъ на увѣщанія спутниковъ и заставилъ ихъ продолжать походъ; у Торческа встрѣтились главныя силы половцевъ, произошла ожесточенная схватка, и русскіе потерпѣли пораженіе. Владиміръ съ Мирославомъ и другими галицкими боярами затворился въ Торческѣ, но половцы овладѣли городомъ благодаря измѣнѣ галицкихъ бояръ (Григорія Василевича и Молибоговичевъ); Владиміръ попался въ плѣнъ. Даніилъ послѣ этого ушелъ въ Галичъ, а Изяславъ двинулся къ Кіеву, куда пришелъ также и Михаилъ съ своимъ полкомъ; городъ былъ взятъ, побѣдители „много зла створиша Кияномъ", на иностранныхъ купцовъ была наложена контрибуція [1]); плѣнный Владиміръ и жена его были отданы половцамъ. Въ Кіевѣ сѣлъ Изяславъ, а Михаилъ былъ призванъ въ Галичъ: бояре распустили слухъ, будто Изяславъ съ половцами идетъ на Галичъ, заставили тѣмъ Даніила послать полки на Волынь, а въ Галичѣ подняли смуту противъ него, и Даніилъ вынужденъ былъ удалиться („въ Угры"); въ Галичѣ сѣлъ Михаилъ, а въ Черниговѣ видимъ послѣ того Мстислава Глѣбовича [2]).

Извѣстія о послѣдующихъ событіяхъ сбивчивы и скудны; Кіевъ необыкновенно быстро переходитъ изъ рукъ въ руки,—едва можно услѣдить за этими переходами. Кромѣ отрывочныхъ данныхъ для каталога кіевскихъ князей источники не даютъ ничего; какъ для предшествующихъ, такъ и для этихъ годовъ мы не имѣемъ вовсе никакихъ извѣстій о земской дѣятельности князей и внутренней жизни Кіевщины.

Владиміръ скоро освободился: далъ за себя выкупъ и былъ выпущенъ; въ сѣверныхъ источникахъ извѣстіе о его освобожденіи стоитъ подъ тѣмъ же 1235 г., что и плѣнъ [3]). Въ Волынской лѣтопи-

---

[1]) „И на нѣмцихъ имаша искупъ князи", 1 Новг. с. 50.

[2]) Ипат. с. 515—516, 1 Новг. с. 50, Густ. с. 337, Тверск. с. 363—4, Воскр. 1 с. 138, Софійск. 1 с. 237, Акад. с. 486, 4 Новг. с. 30. Извѣстія этихъ источниковъ въ существенномъ сходны между собою: войну противъ Владиміра ведутъ Михаилъ и Изяславъ, послѣдній садится въ Кіевѣ; походъ на Кіевъ Ярослава Всеволодовича и вокняженіе его помѣщаются подъ слѣдующимъ годомъ. Въ Никон. же (II с. 104) Ярославъ съ новгородцами участвуютъ въ походѣ Михаила и Изяслава, и онъ же садится въ Кіевѣ, а подъ слѣдующимъ годомъ помѣщено извѣстіе о вокняженіи въ Кіевѣ Изяслава; составитель этого свода, вѣроятно, спуталъ извѣстія: вставилъ лишній разъ Ярослава.

[3]) „И опять пустиша Володимера половци на искупѣ и жену его"—1 Новг. с. 50 и другія.

си, въ описаніи борьбы Даніила съ галицкими боярами, какой-то Владиміръ выступаетъ вслѣдъ за удаленіемъ Даніила изъ Галича, какъ его союзникъ: онъ посылаетъ отрядъ торковъ на помощь къ Каменцу, осажденному галичанами и болоховскими князьями [1]); весьма возможно, что то былъ и нашъ Владиміръ Рюриковичъ [2]); выгналъ ли онъ изъ Кіева Изяслава, или сидѣлъ въ данный моментъ гдѣ-нибудь на Поросьи, напримѣръ въ Торческѣ, удѣлѣ Даніила [3]), нельзя рѣшить, но ниже въ Волынской лѣтописи мы находимъ извѣстіе уже вполнѣ опредѣленное, что Владиміръ добылъ себѣ Кіевъ [4]). Михаилъ въ то время былъ занятъ борьбою съ Даніиломъ за Галичъ, Изяславъ также принималъ участіе въ этой борьбѣ, и Владиміру не трудно было воротить себѣ Кіевъ. Пробылъ онъ въ немъ однако не долго: всею этою сумятицею задумалъ воспользоваться сѣверный князь—Ярославъ Всеволодовичъ; съ новгородскимъ ополченіемъ напалъ онъ на Кіевъ и безъ труда, вѣроятно безъ боя [5]), овладѣлъ имъ; это было уже въ 1236 г. Чрезъ недѣлю Ярославъ отпустилъ своихъ новгородцевъ и новоторжцевъ, но оставшись безъ войска, онъ по словамъ Волынской лѣтописи, не могъ долго усидѣть въ Кіевѣ и вскорѣ ретировался („не мога его держати иде паки Суждалю“); Кіевъ захватилъ Михаилъ и сѣлъ здѣсь, оставивъ въ Галичѣ сына Ростислава [6]). Весьма возможно впрочемъ, что на удаленіе Ярослава

---

1) Ипат. с. 516.

2) Такъ думали Карамзинъ (III пр. 346, с. 127), Арцыбашевъ (I. 2 с. 346), Погодинъ (Изсл. VI с. 311); Соловьевъ (III пр. 267) замѣчаетъ, что то могъ быть и Владиміръ Ингваревичъ, сынъ Ингваря луцкаго, но въ такомъ случаѣ лѣтописецъ кажется, назвалъ бы его по отчеству, чтобы отличить отъ того Владиміра, о которомъ говоритъ до этого и послѣ этого.

3) Ср. Соловьева III пр. 267.

4) Ипат. с. 517: „приде Ярославъ Суждальскый и взя Киевъ подъ Володимеромъ“.

5) Такъ заставляетъ думать то, что новгородцы, участвовавшіе въ походѣ, по свидѣтельству 1 Новгор. лѣт. (с. 50), „придоша здрави вси“ въ Новгородъ. Владиміръ Рюриковичъ послѣ этого сходитъ со сцены; по нѣкоторымъ извѣстіямъ, онъ княжилъ потомъ въ Смоленской землѣ и скончался въ 1239 г., см. Татищева III с. 464 и Карамзина III пр. 347, извѣстіе котораго повторилъ и Погодинъ—VI с. 311; у Карамзина ссылка на родословныя книги и Псковск. л., но въ изданныхъ лѣтописяхъ псковскихъ я не нашелъ этого извѣстія.

6) Относительно даннаго вопроса въ источникахъ великое разнорѣчіе, собственно между Ипат. (с. 517), Густ. (с. 338), Никон. (II с. 104) и Татищевымъ (III с. 464—5), такъ какъ 1 Новгор. (с. 50), Воскр. (1 с. 138), Софійск. (1 с. 237), Акад. (с. 486), Тверск. (с.

повліяло еще одно обстоятельство: въ то время онъ, можетъ быть, получилъ уже извѣстіе о гибели своего брата Юрія на Сити (4 марта 1237 г.), и такъ какъ владимірскій столъ былъ для него дороже кіевскаго, то это понудило его, не поднимая борьбы, оставить Кіевъ и поспѣшить въ Суздальскую волость [1]).

Въ это время по восточной равнинѣ уже разливалось опустошительнымъ потокомъ монгольское нашествіе, приближаясь къ Кіевщинѣ. Прежде чѣмъ перейти къ описанію этого нашествія и дальнѣйшей судьбы земли, я прерву свое историческое повѣствованіе и обращусь къ изображенію внутренняго строя, отношеній и быта Кіевской земли за пройденное нами время. Для такого обзора монгольскій погромъ является наиболѣе удобнымъ поворотнымъ пунктомъ, такъ какъ имѣлъ существенное вліяніе на исторію нашей земли; онъ, правда, не обратилъ Кіевщину въ пустыню, какъ думали и думаютъ

---

364), 4 Новг. (с. 30) упоминаютъ просто о вокняженіи Ярослава въ Кіевѣ, не говоря, у кого отнялъ онъ столъ. Свидѣтельство Волынской л. я изложилъ въ текстѣ, по Густин. Ярославъ отнялъ Кіевъ у Изяслава, выгналъ его Владиміръ, вернувшись изъ половецкаго плѣна, а Владиміра Михаилъ; по Никон., какъ я упомянулъ выше, Ярославъ вокняжился въ Кіевѣ непосредственно послѣ пораженія и плѣна Владиміра, подъ слѣдующимъ (1236) годомъ стоитъ: „сяде въ Кіевѣ на в. княженіи Изяславъ Мстиславичъ", но въ дальнѣйшемъ (с. 114): „а по Ярославѣ сяде на Кіевѣ кн. Михайло Черниговски". Наконецъ по Татищеву Ярославъ отнялъ Кіевъ у Изяслава, но затѣмъ возвратилъ ему обратно по договору —Татищевъ въ послѣднемъ извѣстіи имѣлъ въ виду, вѣроятно, версію Никоновской л. При быстрой и частой смѣнѣ князей понятны эти разнорѣчія сводовъ, составители которыхъ группировали и объясняли на разные лады извѣстія первоисточниковъ; имѣя ясное и подробное, не внушающее никакихъ сомнѣній извѣстіе древней южной лѣтописи, мы можемъ пренебречь варіантами позднѣйшихъ сводовъ. Изъ историковъ Карамзинъ (III с. 164), Арцыбашевъ (I с. 346—7), Полевой (III с. 342—3) слѣдуютъ версіи Галицко-волынской лѣтописи; Карамзинъ только объясняетъ почему-то вокняженіе въ Кіевѣ Ярослава переговорами Даніила съ Юріемъ Всеволодовичемъ (эту догадку повторилъ и Полевой). У Соловьева (III с. 156, 157 и пр. 269) Ярославъ отнимаетъ Кіевъ у Изяслава; вторичное вкняженіе Владиміра опущено (какъ въ Никон. и Татищ.). У Погодина въ каталогѣ кіевскихъ князей отсутствуетъ Изяславъ (Изслѣд. VI с. XXXVI, ср. V с. 288). Болѣе новые курсы русской исторіи (Бестужева-Рюмина и Иловайскаго) не касаются этого вопроса.

[1]) Карамзинъ (III пр. 349), Соловьевъ (III с. 157) считали удаленіе Ярослава добровольнымъ, но Голицко-Волынская лѣтопись очень опредѣленно говоритъ, что оно не было такимъ, вполнѣ по крайней мѣрѣ. Въ Воскр. (I с. 143), въ Голицынск. спискѣ Никон. (II с. 113) сказано прямо, что Ярославъ явился во Владиміръ изъ Кіева, но это можетъ быть и домыслъ составителя свода; въ другихъ спискахъ Никоновской стоитъ „изъ Новгорода", однако Новгородская л. не упоминаетъ, чтобы Ярославъ пріѣзжалъ въ Новгородъ послѣ своего вокняженія въ Кіевѣ.

большею частію и теперь, но за то произвелъ, какъ мнѣ кажется, существенныя измѣненія въ политико-общественномъ строѣ ея, точнѣе—произведенное имъ потрясеніе современнаго строя, всеобщая паника дали возможность проявиться такимъ общественнымъ теченіямъ, которыя зародились и существовали давно и лишь нуждались въ благопріятныхъ условіяхъ для своего обнаруженія—я разумѣю паденіе княжеско-дружиннаго строя, характеризующаго до-монгольскій періодъ, и распаденіе земли на автономныя общины. Обозрѣвъ ея строй въ періодъ до-монгольскій, мы перейдемъ затѣмъ къ изученію, точнѣе—выслѣживанію этого знаменательнаго явленія, о которомъ впрочемъ, благодаря скудости извѣстій, приходится болѣе гадать, чѣмъ утверждать.

V.

Общественное устройство и бытъ Кіевской земли въ до-монгольскій періодъ.

Да никто же дерзнетъ рещи: яко ненавидими Богомь есмы! Кого бо Богъ тако любить, якоже насъ узлюбилъ есть и възнеслъ есть? никого же. Начальная лѣт.

Братья и дружино! Богъ всегда Рускыя землѣ и Рускихъ сыновъ въ безчестьи не положилъ есть; на всихъ мѣстѣхъ честь свою взимали суть. Кіевская лѣт.

Приступая къ обозрѣнію общественнаго устройства Кіевской земли въ періодъ удѣльно-вѣчевой, необходимо бросить предварительно хотя общій взглядъ на предшествующее время, на тѣ причины и обстоятельства, подъ вліяніемъ которыхъ сложился общественный строй земли въ разсматриваемый періодъ: связь его съ предшествующимъ временемъ тѣсная, органическая.

Ядро Кіевской земли составило племя полянъ, даровитое, энергичное племя, обладавшее еще въ доисторическій періодъ своего существованія довольно высокою культурою. Исторія застаетъ его уже на довольно поздней ступени политическаго развитія: общественный строй въ это время слагается изъ двухъ элементовъ — общинаго и княжеско-дружинаго, при чемъ первый въ сильной степени подавленъ и закрытъ послѣднимъ [1]. Относительно болѣе ранняго времени мы

[1]) Считаю нужнымъ оговориться, что подъ общиною я разумѣю вообще самоуправляющуюся общественную группу въ разныхъ формахъ: и сельскую общину, и городской

имѣемъ только очень скудные намеки. Лѣтописецъ сохранилъ представленіе о томъ времени, когда племя состояло изъ отдѣльныхъ семейныхъ общинъ—„живяху кождо съ родомъ своимъ на своихъ мѣстехъ, володѣюще кождо родомъ своимъ“ [1]); какъ извѣстно, значеніе слова „родъ“ въ этомъ текстѣ служило предметомъ многочисленныхъ пререканій, несомнѣнно однако, для меня по крайней мѣрѣ, что оно обозначаетъ здѣсь семью; семьи эти затѣмъ должны были объединятся въ мелкія общины; послѣднія, въ свою очередь, объединялись въ земскіе округа—это ясно видно изъ центральнаго значенія нѣкоторыхъ кіевскихъ городовъ, какъ Бѣлгородъ, Вышгородъ, Василевъ, но соединялись ли эти округа въ общій племенной союзъ съ федеративною организацію, мы рѣшительно не знаемъ; при небольшомъ размѣрѣ полянской территоріи, при взаимной близости земскихъ центровъ, конечно, должно было существовать живое сознаніе племенного единства и солидарности, но политическое единство, быть можетъ, явилось уже послѣ появленія дружиннаго элемента.

Какъ совершился переходъ отъ общиннаго строя къ общинодружинному, лѣтописецъ уже не зналъ хорошо и объяснялъ эту перемѣну завоеваніемъ Кіева норманскою дружиною, пришедшею съ сѣвера. Не уясняетъ этого процесса и сообщаемая лѣтописцемъ легенда о туземныхъ князьяхъ—строителяхъ Кіева: и эта легенда, какъ и разсказъ о норманскомъ завоеваніи, едва ли имѣетъ какую-нибудь историческую основу (кромѣ, можетъ быть, кіевскаго синойкизма), она—просто этимологическій миѳъ. По лѣтописцу существуютъ сначала „роды“, потомъ появляются эти братья, затѣмъ они „изгыбоша“, и опять остаются роды: ясно, что преданіе о братьяхъ—эпизодъ, привнесенный извнѣ въ вполнѣ реальное воспоминаніе о періодѣ племенной разрозненности [2]). По аналогіи съ исторіею другихъ племенъ

вѣчевой округъ, и самоуправляющуюся землю. Княжеско-дружинный элементъ противополагается общинному, потому что князь и дружина, хотя были выдвинуты самой общиной изъ своей среды, объединяются затѣмъ и обособляются отъ общины; дружина стоитъ въ непосредственной связи и зависимости отъ князя, а не отъ общины, князь ближайшимъ образомъ опирается на дружину; помимо удовлетворенія извѣстныхъ нуждъ общины, у князя и дружины существуютъ свои общія цѣли и интересы.

[1]) Ипат. с. 5.

[2]) Ипат. с. 5—6, 9, 11, Любопытно, что у самаго лѣтописца въ этомъ случаѣ есть противорѣчіе: то онъ говоритъ (с. 6), что „по сей братьи почаша дѣржати родъ ихъ

и народовъ нужно думать, что появленіе дружиннаго элемента вызвано было нападеніями иноплеменниковъ и необходимостью обороны; лѣтописецъ передаетъ, что поляне нѣкогда „быша обидими Деревляны и инѣми околными", что хозары подчинили ихъ и обложили данью; этотъ последній фактъ произошелъ, можно думать, приблизительно около половины VIII в. [1]), и по представленію лѣтописца, у полянъ князей тогда еще не было [2]). Иноземная власть, естественно, вызвала реакцію, и для систематической борьбы съ нею и для обезпеченія племени отъ завоеваній и вторженій въ будущемъ долженъ былъ создатся институтъ князей-военачальниковъ, или прежніе общинные старѣйшины получили военную власть, а изъ общества выдѣлился спеціальный классъ воиновъ-дружинниковъ. При этомъ князья кіевскаго округа, который благодаря своему богатству, добытому торговлею, могъ выставить несравненно сильнѣйшую дружину, чѣмъ какой-либо другой, должны были получить рѣшительный перевѣсъ, совершенно оттѣснить и подчинить себѣ подобныхъ князей другихъ полянскихъ округовъ (если они еще существовали), и Полянская земля—если не раньше, то теперь—получила политическую сплоченность и единство. Благодаря культурному и экономическому превосходству полянъ, борьба ихъ съ сосѣдями шла успѣшно и, въ свою очередь, перешла изъ оборонительной въ наступательную—въ томъ былъ интересъ дружины и князей: походы и завоеванія служили имъ средствомъ обогащенія и усиленія, и князья постепенно должны были все болѣе и болѣе расширять кругъ военныхъ дѣйствій. Средствами, которыя почерпались изъ полянскихъ общинъ, подчинялись сосѣднія общины, и обратно—

княжене въ Поляхъ", а ниже выходитъ, что послѣ этихъ братьевъ не было князей (с. 9 и 11—12).

[1]) Еще въ первой половинѣ VII в. Хозары утверждаются на берегахъ Чернаго и Азовскаго морей; вѣроятно, въ первой половинѣ VIII в. проникли они въ Поднѣпровье; съ начала IX в. господство ихъ въ Южной Руси начинаетъ ослабѣвать. См. „Болгары и Хозары" П. В. Голубовскаго въ Кіевск. Стар. 1888 кн. VII, с. 65. Замѣчу, что г. Иловайскій считаетъ недостовѣрнымъ лѣтописное извѣстіе о хозарскомъ господствѣ надъ полянами (Розыск. о нач. Руси с. 60, 247, 249); на мой взглядъ, для этого нѣтъ достаточныхъ основаній.

[2]) Образованіе дружины ставитъ въ связи съ хозарскимъ господствомъ также проф. Ключевскій, но относитъ ея появленіе ко времени упадка хозарскаго владычества, когда явилась надобность въ охранѣ торговыхъ путей, раньше оберегавшихся хозарами (Боярская дума с. 22, также въ Русской Мысли 1880, X с. 65, 88).

опираясь на дружину, усиливающуюся отъ этихъ завоеванiй, князья расширяли свои права на счетъ полянскихъ общинъ. Не ограничиваясь компетенцiями полководца, они проникли и въ сферу суда и администрацiи; изъ военныхъ чиновниковъ они превратились въ полновластныхъ почти государей, если не de jure, то de facto, какими застаетъ ихъ исторiя; община, ея органы и строй продолжаютъ существовать, но политическая и административная дѣятельность ея постепенно ограничивается и ослабѣваетъ; община сама постепенно отвыкаетъ отъ этой дѣятельности въ такой мѣрѣ, что позже, при измѣнившихся обстоятельствахъ, является уже въ значительной степени не способною къ политической и административной дѣятельности, въ смыслѣ полнаго самоуправленiя. Это ограниченiе и подавленiе общины, повидимому, происходило мирно, естественнымъ ходомъ, безъ рѣзкихъ насильственныхъ захватовъ, безъ обостренiя отношенiй; въ сказанiяхъ Начальной лѣтописи нѣтъ намековъ на какую-нибудь борьбу, вражду общины и князя; напротивъ, Владимiръ, напримѣръ, представляется дѣйствующимъ въ тѣсной связи, въ духовномъ единенiи съ общиною, точнѣе—съ ея представителями, и „градскiе старцы“ являются его совѣтниками наравнѣ съ княжьими боярами; да и послѣднiе, надо думать, тоже въ значительной части набирались и тогда изъ представителей земскаго боярства.

Такъ, мнѣ кажется, естественнѣе всего можно объяснить происхожденiе того общественнаго строя, который мы позже застаемъ въ Кiевской землѣ. Широкое, полное проникновенiе дружиннаго начала въ общественную жизнь, мирныя отношенiя, существующiя при этомъ между общиною и княземъ-дружинникомъ, все это показываетъ именно то, что дружинный элементъ не пришелъ здѣсь извнѣ, но развился на мѣстѣ, изъ историческихъ условiй жизни самой полянской общины. И возвращенiе вѣча къ политической дѣятельности, которое произошло во второй половинѣ XI в., неноситъ вовсе характера революцiи, взрыва насильственно подавленной силы; чувствуется, что общинный элементъ жилъ и признавался другимъ общественнымъ элементомъ и раньше и только до сихъ поръ не имѣлъ случая заявить себя въ такой мѣрѣ. И позже, вплоть до XIII в., по справедливому замѣчанiю В. И. Серѣевича, вовсе не замѣтно принцiпiальнаго антагонизма князя и народа, стремленiя послѣдняго раз-

ширить свои права на счетъ правъ князей [1]). Между тѣмъ, если бы принять насильственное завоеваніе полянской общины пришлою дружиною, отношенія были бы иныя, по крайней мѣрѣ сначала, и воспоминанія о враждебныхъ отношеніяхъ должны были бы дойти и до нашего лѣтописца. Что онъ не зналъ ничего о такихъ отношеніяхъ, показываетъ его разсказъ объ утвержденіи въ Кіевѣ варяговъ: дѣло обходится совершенно мирно, населеніе не оказываетъ имъ ни малѣйшаго сопротивленія [2]); но, конечно, пассивное подчиненіе пришлой дружинѣ народа культурнаго, энергичнаго есть фактъ вовсе не вѣроятный, и разсказъ лѣтописца можетъ служить только доказательствомъ, что въ дѣйствительности такого завоеванія вовсе не было.

Изъ внѣшнихъ сношеній полянскаго племени для насъ наиболѣе интересны отношенія его къ древлянамъ, которые затѣмъ вошли въ составъ Кіевской земли. О древнѣйшемъ политическомъ строѣ Древлянской земли мы имѣемъ весьма скудныя извѣстія; по представленію лѣтописца, въ половинѣ X в. у древлянъ были города, служившіе, вѣроятно, общинными центрами областей, во главѣ племени стоялъ князь или, что вѣроятнѣе, нѣсколько князей одновременно, во главѣ отдѣльныхъ земскихъ округовъ; князья эти, повидимому, не пользовались особеннымъ значеніемъ: въ политическихъ дѣлахъ они заслоняются общиною и ея представителями—„лучшими мужами"; существованія дружины въ лѣтописи не замѣтно [3]). Всѣ эти извѣстія лѣтописи

---

[1]) Вѣче и князь с. 113.

[2]) Ипат. л. с. 11: „и поидоста по Днѣпру, идучи мимо, и узрѣста на горѣ городокъ и въспрошаста, ркуще: чий се городъ? Они же ркоша: была суть три братья, Кий, Щекъ, Хоривъ, иже сдѣлаша городъ сий, и изъгибоша, а мы сѣдимъ роды ихъ и платимы дань Козарамъ. Асколдъ же и Диръ остаста въ городѣ семъ, и многы Варягы съвокуписта; и начаста владѣти Польскою землею". Изъ этого разсказа выходитъ, что пришлая дружина, захватившая Кіевъ, была даже и не велика. Что до вокняженія Олега, то по лѣтописному разсказу, это не завоеваніе, а замѣна одного вождя дружины другимъ; взятый самъ по себѣ, безъ отношенія къ первому завоеванію Кіева, этотъ эпизодъ представляетъ такія же невѣроятности, какъ и захватъ Кіева Аскольдомъ и Диромъ.

[3]) Ипат. с. 34—38; для вопроса о князьяхъ любопытны два мѣста: „сдумавше древляне съ княземъ своимъ Маломъ.... и шедше из города Искоростѣня противу Древляне, и убиша Игоря и дружину его" (с. 34) и затѣмъ: „и ркоша Деревляни: посла ны Деревьская земля, ркущи сице:..наши князи добри суть, иже роспасли суть Деревьскую землю, да иди за нашь князь за Малъ; бѣ бо ему имя Малъ, князю деревьскому". Возможно

очень вѣроятны, по крайней мѣрѣ возразить противъ нихъ нельзя ничего; въ частности, отсутствіе дружины у древлянъ подтверждается археологическими изслѣдованіями: могильники съ оружіемъ встрѣчаются очень рѣдко, и самое вооруженіе очень бѣдно [1]).

Со своими восточными сосѣдями древляне имѣли частыя столкновенія, которыя перешли затѣмъ въ открытую борьбу. Послѣдняя тянулась долго. Перепетіи ея были извѣстны составителю лѣтописи, кажется, только по довольно смутнымъ воспоминаніямъ, достовѣрныя историческія извѣстія онъ имѣлъ лишь относительно конца этой борьбы. Какъ упомянуто выше, онъ зналъ, что сначала поляне „быша обидими древляны", какъ народомъ менѣе культурнымъ, но съ появленіемъ дружины полянскіе князья скоро перешли отъ оборонительной войны къ наступательной и начали систематически „примучивать" древлянъ, утверждая въ ихъ странѣ свое господство въ той первоначальной формѣ, въ которой оно ограничивалось лишь сборомъ дани и нисколько не входило во внутренній строй страны. Начало этого господства лѣтописецъ пріурочиваетъ ко времени Олега, который „бѣ обладая ими"; по словамъ лѣтописца, онъ бралъ съ нихъ дань „по черьнѣ кунѣ", и по приказу его древлянское ополченіе участвовало въ походѣ на Царь-градъ [2]); но древляне продолжали пользоваться самоуправленіемъ и имѣть своихъ князей. Древляне пытались стряхнуть это господство кіевскихъ князей и производили при случаѣ возстанія, которыя, вѣроятно, были

двоякое пониманіе этихъ извѣстій, именно: или Малъ былъ княземъ всей Древлянской земли, и множественное число „наши князи" нужно понимать о преемствѣ князей, или Малъ былъ только княземъ Искоростня, и слова „князь Деревьскій", земля Деревская" не имѣютъ точнаго значенія; въ подтвержденіе послѣдняго объясненія можно указать на то, что Ольга позднѣе воюетъ съ Искоростнемъ, словно убійство Игоря было дѣломъ этой общины, а не всей Древлянской земли; кромѣ того, существованіе нѣсколькихъ князей сообразнѣе съ общими условіями древлянскаго общественнаго строя. Этого послѣдняго мнѣнія держался Н. И. Костомаровъ (Монографіи т. 1, 120) и въ недавнее время проф. Ключевскій (Боярская дума с. 25 и 33), противъ него возражалъ Барсовъ, Геогр. Нач. лѣт. с. 293.

[1]) Рефераты В. Б. Антоновича въ Чтеніяхъ Общ. Нестора кн. III с. 2—3, кн. V с. 25; Гамченко—Житомирскій могильникъ с. 115. Сравненіе древлянскихъ могильниковъ съ могилами полянскихъ воиновъ очень ясно показываетъ разницу въ общественномъ строѣ обоихъ племенъ и объясняетъ самый фактъ завоеванія древлянъ полянами.

[2]) Я не касаюсь здѣсь достовѣрности этого факта, а отмѣчаю лишь воззрѣніе лѣтописца на исторію междуплеменныхъ отношеній.

неудачны и влекли только новыя „примучиванія", замѣну „дани легкой" „данью тяжкой" и вообще усиленіе зависимости отъ Кіева. Послѣ усмиренія большаго возстанія, предпринятаго ими въ срединѣ IX в. и стоившаго жизни самому кіевскому князю, зависимость уже выразилась въ томъ, что кіевскій князь посадилъ своего сына „въ Деревѣхъ"; резиденціею его является неизвѣстный дотолѣ городъ Овручъ; по аналогіи съ другими фактами можно думать, что то былъ новый административный центръ, созданный кіевскимъ правительствомъ на смѣну старымъ земскимъ центрамъ или центру.

Существуетъ мнѣніе, что послѣднее возстаніе древлянъ, пріурочиваемое лѣтописцемъ ко времени управленія Игоря и Ольги, повлекло за собою порабощеніе древлянъ полянами; такъ, Н. И. Костомаровъ полагалъ, что „покореніе древлянъ было не только подданствомъ, но порабощеніемъ", что часть ихъ была отдана въ рабство и выведена въ землю полянъ, часть страны была обращена во владѣнія фиска, другая часть была роздана полянамъ—боярамъ; поляне по отношенію къ древлянамъ составляли народъ господствующій, и это обстоятельство, съ одной стороны, ускорило сліяніе полянъ съ ихъ пришлою дружиною, съ другой—содѣйствовало формировкѣ вліятельнаго и могущественаго боярскаго сословія; словомъ, въ отношеніяхъ полянъ къ древлянамъ знаменитый историкъ видѣлъ полную аналогію съ западнымъ феодальнымъ строемъ [1]). Съ такимъ взглядомъ нельзя согласиться; лѣтописное сказаніе гласитъ только, что Ольга, взявъ Искоростень, „пожьже и, старѣйшины же города ижьже, и прочая люди овѣхъ изби, а другия работѣ преда мужемъ своимъ, а прокъ остави ихъ платити дань, и възложи на ня дань тяжьку, и двѣ части идета Киеву, а третьяя Вышгороду къ Ользѣ", затѣмъ она обошла Деревскую землю, уставляя „уставы и уроки, и суть становища ея и ловища ея" [2]). Сколько въ этихъ подробностяхъ исторической правды, мы не можемъ рѣшить, но нельзя, по меньшей мѣрѣ, на Древлянскую землю вообще распространять то, что говорится только объ Искоростнѣ [3]); распоряженія Ольги относительно этой земли передаются

---

[1]) Монографіи т. I. с. 121—123; слово „порабощеніе" употребляется нерѣдко и другими историками для полянско-древлянскихъ отношеній.

[2]) Ипат. с. 38.

[3]) Ср. Соловьева I пр. 210.

въ выраженіяхъ, сходныхъ съ распоряженіями ея относительно земли Новгородской [1])—послѣднюю, конечно, никто не считаетъ порабощенною. Далѣе, завоеваніе древлянъ было совершено не племенемъ полянъ, а княжескою дружиною, въ зависимости они находились не отъ народа полянскаго, а отъ князя, потому поляне и не могли составить относительно ихъ господствующаго народа; отношеніе самихъ полянъ къ князю, правдоподобно, не особенно разнилось отъ отношенія къ нему древлянъ. Что касается дружины и бояръ, то на существованіе въ Южной Руси помѣстной системы нѣтъ никакихъ намековъ, можно съ вѣроятностью думать, что дружина не получала отъ князя земельныхъ надѣловъ, и едва ли можно въ данномъ случаѣ предполагать исключеніе изъ этой общей нормы. Правда, для половины XII в. мы имѣемъ указаніе на присутствіе въ Древлянской землѣ княжьей дружины: когда Изяславъ шелъ въ 1150 г. на Юрія, дружина его, совѣтуя итти скорѣе къ Кіеву, говорила: „а что ти будешь на Тетереви, а ту к тобѣ дружина твоя вси приѣдуть, а что ти Богъ дасть и до Бѣлогорода дойдеши передъ нимъ (Володиміркомъ), а боле дружины к тобѣ приѣдеть, а болши ти сила"; и дѣйствительно, у Мичьска „усрѣтоша и дружина многое множество, иже сѣдяхуть по Тетереви" [2]). Но то могли быть поляне, посаженные княземъ въ качествѣ гарнизона; могли быть и древляне-землевладѣльцы, служившіе въ княжеской дружинѣ; будь то и поляне,—пребываніе ихъ въ Древлянской землѣ мы не имѣемъ права связывать непремѣнно съ утвержденіемъ кіевскаго господства въ этой землѣ, фактомъ, отдѣленнымъ отъ нашего извѣстія двумя столѣтіями.

Итакъ, мы имѣемъ только тотъ вполнѣ ясный и достовѣрный фактъ, что въ концѣ концовъ во второй половинѣ X в. (въ 970 г. по лѣтописи) въ Древлянской землѣ былъ посаженъ кіевскій княжичъ. Въ какой мѣрѣ при этомъ подвергся измѣненіямъ политическій строй земли, мы не знаемъ [3]); и послѣ назначенія кіевскаго князя общины

---

[1]) „Иде Олга к Новугороду и устави по Мьстѣ погосты и дань, и по Лузѣ погосты и дань и оброки; и ловища ея суть по всей земли и знаменія и мѣста и погосты"— Ипат. с. 38.

[2]) Ипат. с. 286.

[3]) Конечно, истребленіе старѣйшинъ Искоростня нельзя распространять также на всю Древлянскую землю, какъ дѣлалъ, напримѣръ, Эверсъ, соединявшій съ походомъ Ольги

могли сохранять въ значительной степени свою автономію, могли существовать на ряду съ нимъ нѣкоторое время даже частные туземные князья и исчезнуть только постепенно, со временемъ. Древляне болѣе не обнаруживали попытокъ сбросить съ себя зависимость отъ кіевскаго князя. Тотъ же Н. И. Костомаровъ высказалъ предположеніе, что, быть можетъ, въ распрѣ Святославичей Олега и Ярополка проявилось возстаніе побѣжденныхъ противъ побѣдителей [1]); но это мало вѣроятно: пріобрѣвъ отдѣльнаго князя, хотя бы изъ кіевскаго княжескаго дома, земля получала вмѣстѣ съ тѣмъ и полную автономію [2]); скорѣе ужъ здѣсь можно усматривать со стороны древлянъ защиту своей автономіи отъ посягательствъ кіевскаго князя и кіевской дружины. Во всякомъ случаѣ, если устранить этотъ эпизодъ, мы не находимъ болѣе извѣстій о какихъ-либо столкновеніяхъ Древлянской земли съ Полянскою, не видимъ также борьбы или столкновеній между древлянскимъ земствомъ и пришлыми князьями и ихъ дружиною; повидимому, этотъ новый элементъ покорно былъ принятъ населеніемъ.

Два раза Древлянская земля получала самостоятельныхъ князей изъ кіевскаго дома, но обособиться въ самостоятельное княженіе ей не удалось: и тотъ и другой князь—Олегъ Святославичъ и Святославъ Володимеричъ—вскорѣ по вокняженіи погибали отъ кіевскихъ собирателей, не оставивъ потомства [3]); въ обоихъ случаяхъ, по смерти ихъ, Древлянская земля должна была обращаться въ кіевскую провинцію, находившуюся подъ управленіемъ кіевскихъ посадниковъ, и приходила такимъ образомъ постепенно въ болѣе близкую связь съ Полянскою землею. При Ярославовомъ дѣленіи Древлянская земля уже не была выдѣлена въ самостоятельное княжество, а была объединена въ одну волость вмѣстѣ съ землею полянъ.

Заодно прослѣдимъ кратко дальнѣйшія отношенія земель Древлянской и Полянской. Въ теченіи удѣльно-вѣчевого періода изъ тер-

---

уничтоженіе всѣхъ прежнихъ политико-общественныхъ отношеній Древлянской земли, см. Соловьева I пр. 210.

[1]) Монографіи т. I с. 124.

[2]) Ср. Сергѣевича Вѣче и князь с. 159.

[3]) Олегъ по лѣтописи княжилъ семь лѣтъ (970—977 г.); назначеніе Святослава помѣщено подъ 988 г., но о раздачѣ удѣловъ здѣсь упомянуто при случаѣ только, въ дѣйствительности эта раздача происходила, вѣроятно, много позже и постепенно, а не сразу.

риторіи древлянской выкраивались нѣсколько разъ частные кіевскіе удѣлы [1]), но, подобно другимъ кіевскимъ удѣламъ, Древлянская земля не выдѣлилась въ самостоятельную политическую единицу. Во время борьбы за кіевскій столъ, въ періодъ упадка Кіева. Древлянская земля не обнаружила никакихъ стремленій къ обособленію; такъ какъ обстоятельства были очень благопріятны для обнаруженія такихъ стремленій, если бы они существовали, то мы въ правѣ заключить, что древлянское племя въ это время утратило уже въ значительной степени сознаніе своей особности и единства, утратило вкусъ къ политической свободѣ. Очевидно, кіевскій режимъ не возбуждалъ рѣзкаго, опредѣленнаго неудовольствія въ смыслѣ междуплеменной вражды: мы не замѣчаемъ никакихъ враждебныхъ отношеній къ полянамъ, древляне никогда не пользуются кіевскими смутами во вредъ своимъ сожителямъ. Въ одномъ случаѣ древлянскіе города обнаруживаютъ даже живое участіе и сочувствіе къ кіевскому князю-народнику: я говорю о сочувственной встрѣчѣ, которую сдѣлало Изяславу Мстиславичу населеніе Корческа и Мичьска во время вышеупомянутаго похода его на Кіевъ; но этотъ фактъ стоитъ такъ одиноко, что невольно возбуждаетъ сомнѣніе—не стояло ли населеніе этихъ городовъ въ какихъ-либо особыхъ условіяхъ, не было ли оно разбавлено полянскими колонистами, или не имѣло ли какихъ-либо особыхъ поводовъ сочувствовать Изяславу [2]). Во всѣхъ другихъ случаяхъ, напротивъ, мы замѣчаемъ у древлянъ полную апатію, полную безучастность къ кіевскимъ интересамъ, къ различнымъ злобамъ дня кіевскаго населе-

---

[1]) Такъ Котельница вмѣстѣ съ Бужскимъ и Межибожьемъ и еще двумя городами выдѣлялась въ особый удѣлъ въ половинѣ XII в. (Ипат. с. 243 и 257), позже Котельница составляетъ также удѣлъ Владиміра Мстиславича (с. 367); Погорина часто отдавалась въ удѣлъ, начиная съ 1084 г.; о судьбѣ ея я говорилъ выше, въ географическомъ очеркѣ (с. 14—15); въ семидесятыхъ годахъ XII в. Овручъ также фигурируетъ въ качествѣ частнаго удѣла (Ипат. с. 370, 372); что до болоховскихъ городовъ, то неизвѣстно пока, была ли то древлянская территорія, да и стремленіе ихъ къ автономіи едва ли имѣло своимъ источникомъ сознаніе племенной особности.

[2]) Я приведу эти мѣста лѣтописи: Изяславъ „поиде ко Коречьску, и Корчане же вышедше с радостью и поклонишася ему“; у Мичьска „усрѣтоша и дружина многое множество, иже сѣдяхуть по Тетереви, и ту поклонишася Изяславу и Мичане с ними, рекуче: „ты нашь князь“—Ипат. с. 285, 286. Мичане особенно подозрительны: очевидно, вся сила тутъ въ Изяславовой дружинѣ, сидѣвшей по Тетереву. Что до дорогобужцевъ, также встрѣтившихъ Изяслава „съ кресты“ (с. 285), то совершенно ясно, что они хлопотали о своей безопасности.

нія; это высказалось въ первое же кіевское народное движеніе: когда изгнанный изъ Кіева Изяславъ Ярославичъ шелъ на него съ польскимъ войскомъ, кіевское ополченіе, выйдя ему на встрѣчу, остановилось у Бѣлгорода, пограничнаго пункта Полянской земли: очевидно, древляне остались въ сторонѣ отъ этого движенія, не обнаружили солидарности съ полянами. И позже, въ другихъ случаяхъ, когда полянское населеніе выступаетъ на политическую сцену, мы напрасно стали бы искать участія древлянскаго населенія. Оно и понятно: насильствено лишенное самостоятельности и введенное въ кругъ отношеній полянскаго племени, древлянское населеніе оставалось чуждо ихъ, было безучастно къ его желаніямъ и цѣлямъ, ко всему тому, что такъ мощно двигало полянскимъ населеніемъ въ періодъ удѣльно-вѣчевой и придавало такую напряженность его жизни. Древлянская земля не слилась органически съ Полянскою, а продолжала быть ея аннексомъ, или, какъ справедливо выразился Н. И. Костомаровъ, она была волостью Кіева, а не землею въ смыслѣ народовластія—самоуправленія[1]); лѣтописецъ—кіянинъ въ XII в. еще противополагаетъ ее настоящей „Русской землѣ“, сознательно и даже безсознательно; когда онъ говоритъ, что „вся Русская земля“ приняла или обрадовалась прибытію такого-то князя и т. п., ясно чувствуется, что подъ „Русскою землею“ лѣтописецъ разумѣетъ только Полянскую землю.

Но при равнодушіи древлянъ къ политической жизни Кіева не нужно предполагать отчужденности въ другихъ отношеніяхъ; напротивъ, нужно думать, что древляне быстро „русѣли“ (въ полянскомъ смыслѣ) и подчинялись вліянію высшей культуры; ассимиляціи должно было способствовать и христіанство, приходившее къ древлянамъ изъ Полянской земли, и административная зависимость, и естественное тяготѣніе къ тѣмъ торговымъ путямъ, которые находились въ рукахъ полянъ.

Уже въ удѣльно-вѣчевой періодъ въ общественную жизнь Кіевской земли привходитъ еще одинъ этнографическій элементъ—это раз-

[1]) Моногр. XII с. 22. Включая Древлянскую землю въ понятіе Кіевской земли, мы собственно уклоняемся отъ строгой терминологіи: земля предполагаетъ единство самоуправленія; но иногда и аннексы ясно включаются въ составъ „Русской земли“, напр. Ипат. с. 261—2.

ноплеменные тюркскіе населъники, извѣстные подъ общимъ именемъ черныхъ клобуковъ. Выше я приводилъ извѣстія объ этой колонизаціи [1]); задержанная половецкими вторженіями въ концѣ XI в., она получаетъ наибольшее развитіе въ первой половинѣ XII в.; областью ея было Поросье, можетъ быть—и сѣверное Побожье; впрочемъ сплошного населенія черные клобуки не составляли, а жили вмѣстѣ съ русскими. Сохраняя свой кочевой бытъ и свою предковскую религію, черный клобукъ тѣмъ не менѣе уживался мирно съ Русью, и у послѣдней мы не замѣчаемъ антагонизма къ „своимъ поганымъ". Черные клобуки принимаютъ въ XII в. живое участіе въ дѣлахъ Русской земли и заявляютъ свою преданность кіевскимъ князьямъ, заявляютъ, что они „головы складываютъ за Русскую землю и за княжью честь" [2]). Однако они считаютъ себя при этомъ за нѣчто самостоятельное, не принадлежащее къ Кіевской общинѣ, и также смотрятъ на нихъ туземцы („Русская земля и Черные клобуки"); въ тѣхъ случаяхъ, когда призывались князья, рядомъ съ посольствомъ отъ кіянъ упоминаются послы и отъ черныхъ клобуковъ; съ послѣдними иногда заключается особый рядъ. Во второй половинѣ XII в. мы не видимъ у черныхъ клобуковъ даже солидарности съ Кіевскою общиною: они ведутъ свою особую политику, и, напримѣръ, въ то время какъ община усердно поддерживаетъ Мстислава Изяславича, берендичи держатъ себя или очень двусмысленно, или открыто поддерживаютъ его враговъ [3]); въ концѣ XII в. у нихъ существуютъ связи съ половцами, „сватами своими" [4]). Такимъ образомъ въ это время нѣтъ вовсе единства между Русью и тюрками, послѣдніе руководствуются своими частными интересами. Быть можетъ, здѣсь сказалось вліяніе той сумятицы, которая царила во второй половинѣ XII в. въ Кіевской землѣ, во время ослабленія кіевскихъ князей; при нормальномъ ходѣ дѣлъ можно было, наоборотъ, ожидать болѣе тѣснаго объединенія, сплоченія [5]).

Черные клобуки были поселены съ цѣлью обороны отъ полов-

---

[1]) См. с. 31—32.

[2]) Ипат. л. с. 330 (Лавр. с. 327), ср. также с. 295.

[3]) Ипат. л. с. 365, 367, 372, 375.

[4]) Ibid. с. 439, 453.

[5]) П. В. Голубовскій (Печенѣги etc. с. 153—154) перемѣну въ отношеніяхъ черныхъ клобуковъ къ половцамъ объясняетъ тѣмъ, что вражда ихъ постепенно ослабѣла, а въ бытѣ и характерѣ оставалось слишкомъ много общаго.

цевъ и эта цѣль въ значительной степени достигалась; въ XII в. половцы въ своихъ набѣгахъ большею частью, какъ я замѣчалъ уже, застреваютъ въ этой военной границѣ и рѣдко проникаютъ дальше Поросья. Кромѣ того черноклобуцкое населеніе представляло въ распоряженіе кіевскихъ князей весьма дешевое и численное войско, особенно пригодное для борьбы съ половцами. Это, естественно, давало черному клобуку важное значеніе въ жизни Кіевской земли, и князья дорожили преданностью ихъ, старались снискать и поддержать расположеніе черноклобуцкихъ старшинъ. Если въ указанныхъ отношеніяхъ черные клобуки были полезны землѣ, то когда у нихъ явилась своя особая политика, они вносили и весьма вредную рознь въ общественную жизнь Кіевщины, парализовали стремленія Кіевской общины. Другое нежелательное вліяніе—вліяніе степной дикости и грубости; такое вліяніе черные клобуки въ особенности должны были оказывать на своихъ непосредственныхъ сожителей—поршанъ, съ которыми у нихъ существовали, вѣроятно, и брачныя связи. Конечно, существовало, вмѣстѣ съ тѣмъ и обратное вліяніе—Руси на черныхъ клобуковъ.

Перейдемъ къ обзору политическаго строя Кіевской земли въ удѣльно-вѣчевой періодъ. Этотъ строй, сообразно двумъ элементамъ его, можно назвать общинно-дружиннымъ, или дружинно-вѣчевымъ: земская автономная, суверенная община, обнимающая собою всю *землю*, и единоличная власть опирающаяся на дружину, составляютъ два элемента, два фактора, обусловливающіе этотъ строй. Первый изъ этихъ элементовъ—общинный вступаетъ въ разсматриваемый періодъ въ состояніи ослабленія, атрофіи. Хотя подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій онъ затѣмъ возвращается къ политической дѣятельности, но не создаетъ для себя опредѣленныхъ, постоянныхъ функцій, а остается въ своей практикѣ, такъ сказать, органомъ экстраординарнымъ, текущее же управленіе вѣдаетъ элементъ дружинный, причемъ эти два элемента иногда конкурируютъ и сталкиваются. Такое нѣсколько неопредѣленное положеніе общиннаго элемента подало поводъ нѣкоторымъ ученымъ игнорировать его: считая политическую дѣятельность общины за нѣчто ненормальное, революціонное, они признаютъ строй Кіевской земли за строго монархическій [1]). Несправедливость такого

[1]) Этотъ взглядъ былъ обстоятельно проведенъ проф. Самоквасовымъ въ упоминавшей-

взгляда будетъ ясна при ближайшемъ разсмотрѣніи дѣятельности обоихъ общественныхъ элементовъ и ихъ взаимнаго отношенія.

Начнемъ съ общиннаго, какъ старѣйшаго, исконнаго элемента; оговоримся только, что свѣдѣнія наши о немъ относятся ближайшимъ образомъ лишь къ землѣ полянъ—Русской землѣ. Что элементъ этотъ жилъ и дѣйствовалъ въ разсматриваемый періодъ въ Кіевской землѣ, это утверждаетъ прежде всего извѣстное, классическое свидѣтельство Суздальской лѣтописи, которое относится ко второй половинѣ XII в. и гласитъ такъ: „Новгородци бо изначала, и Смоляне, и Кияне, и Полочане, и вся власти яко же на думу на вѣча сходятся, на что же старѣйшии сдумають, на томь же пригороди станутъ“ [1]). Центръ тяжести этого извѣстія—въ отношеніяхъ городовъ къ пригородамъ; лѣтописецъ объясняетъ почему Владиміръ, младшій городъ отступаетъ отъ общей нормы и не подчиняется рѣшенію старшихъ городовъ; но онъ въ то же время утверждаетъ существованіе въ эту эпоху въ Кіевской землѣ вѣча, какъ органа всей земли, притомъ органа воли верховной, такъ какъ тутъ, очевидно, идетъ дѣло о вѣчѣ, собираемомъ населеніемъ по собственной инициативѣ, а не по указанію извнѣ; однимъ словомъ, это извѣстіе указываетъ на существованіе въ Кіевской землѣ суверенной общины и не дѣлаетъ въ этомъ отношеніи разницы между нашею землею и такими политически-развитыми общинами, какъ Новгородъ и Полоцкъ [2]). Это теоретическое утвержденіе сѣвер-

---

ся уже раньше статьѣ его „Замѣчанія по исторіи рус. госуд. устр. въ Жур. Мин. Н. Пр. 1869 кн. XI и XII; въ частности о чисто-монархическомъ строѣ Кіевской земли см. XI с. 70, 88, XII с. 226; тѣ же воззрѣнія на южныя вѣча развивалъ въ своей работѣ г. Лимбертъ—Предметы вѣдомства вѣча с. 109—119, 124—8, 130—131, 135 и др. (Варш. Унив. Изв. 1877 кн. I—III). Обстоятельныя возраженія противъ этого воззрѣнія—въ сочиненіи И. А. Линниченка—Вѣче въ Кіевской области, passim.

[1]) Лавр. с. 358.

[2]) Г. Самоквасовъ въ упомянутой статьѣ своей видитъ здѣсь „ординарные законные сходы“, имѣвшіе юридическое значеніе, вѣдавшіе—въ южныхъ княжествахъ—вопросы экономическіе, хозяйственные и административные, по порученію верховнаго правительства въ государствѣ; за вѣчемъ сверхъ того остается въ болѣе важныхъ случаяхъ, по мѣрѣ надобности, значеніе княжескаго совѣта, земской думы князя. Въ политической же сферѣ вѣче самостоятельнымъ является только въ исключительныхъ случаяхъ, какъ изъятіе изъ общаго правила (XII с. 222—223); ср. Лимберта op. c. с. 99 - 100. Вѣчевыя сходки по вопросамъ хозяйственнымъ и административнымъ, конечно, существовали, но лишь въ частныхъ городскихъ и сельскихъ общинахъ; чтобы всенародныя, всей земли, вѣча существовали спеціально для такихъ цѣлей въ ту эпоху, это едва ли мыслимо, не говоря о томъ,

наго лѣтописца подтверждается конкретными фактами исторіи Кіевской земли; факты эти были уже болѣе или менѣе обслѣдованы въ предшествующемъ изложеніи, теперь я сведу ихъ, распредѣливъ по отдѣламъ, сообразно тѣмъ вопросамъ, которые обсуждались и рѣшались общиною [1]).

На первомъ планѣ среди различныхъ функцій вѣча стоитъ избраніе и призваніе князя, принятіе его, или утвержденіе, и низложеніе. Къ этой категоріи относится первое проявленіе политической дѣятельности вѣча, когда въ 1068 г. недовольные Изяславомъ кіяне низложили его и посадили на княженіи („поставиша средѣ двора княжа") Всеслава. Когда Всеславъ бѣжалъ, „людье створиша вѣче, послашася кь Святославу и кь Всеволоду", призывая ихъ къ себѣ на столъ, но вслѣдствіе отказа ихъ были вынуждены принять назадъ Изяслава [2]). Въ 1113 г. кіяне призвали къ себѣ на столъ Мономаха, и когда онъ не рѣшался принять предложеніе, настояли на своемъ [3]). Въ 1132 г. они призвали на столъ Ярополка Володимерича [4]). Въ 1146 г., по предложенію Всеволода Ольговича, признали своимъ княземъ Игоря Ольговича, по смерти Всеволода подтвердили свое согласіе („брать твой князь и ты"), но затѣмъ окончательно разочаровавшись въ Игорѣ, призвали на столъ Изяслава; послѣдняго встрѣтили на пути депутаціи отъ старшаго города и отъ пригородовъ съ заявленіемъ признанія („ты нашь князь, а Олговичь не хочемъ" [5]). Въ 1150 г. Изяславъ, изгнанный Юріемъ, отправился обратно въ Кіевъ, „хотящимъ его Кыяномъ"; между тѣмъ Вячеславъ сѣлъ на кіевскій столъ, но кіяне отреклись отъ него и признали своимъ княземъ Изяслава („а мы его не хочемъ, ты нашь князь"). Когда Изяславъ долженъ былъ снова ретироваться предъ нападеніемъ Юрія и Володимірка, „Кияне убоявъшеся Володимера Галичьскаго, уведоша князя Дюргя въ Киевъ", но затѣмъ снова „му-

---

что мы совершенно не имѣемъ извѣстій о такой дѣятельности, равно какъ и объ ординарности, регулярности ихъ.

[1]) О функціяхъ вѣча см. Погодина Изслѣд. VII с. 156—166, Сергѣевича Вѣче и князь с. 66—85, Хлѣбникова Общество и государство с. 260—273, М. Ф. Владимірскаго-Буданова Обзоръ исторіи русскаго права с. 54—55.

[2]) Ипат. с. 120—122.

[3]) Ипат. с. 198.

[4]) Лавр. с. 286.

[5]) Ипат. с. 229—230.

жи Вячеславли и Берендѣи и Кияне“ „повабиша Изяслава“ [1]). Въ 1154 г. „посадиша в Киевѣ Ростислава Кияне, рекуче ему: яко же и братъ твой Изяславъ честилъ Вячеслава, тако же и ты чести, а до твоего живота Киевъ твой“. Послѣ пораженія Ростислава Изяславъ Давыдовичъ „посла Кияномъ река: хочю к вамъ поѣхати, и послаша Кияне епископа Демьяна Канѣвьского, рекуче: ты еси нашь князь, а поѣди“; потомъ Изяславъ, оправдываясь предъ Юріемъ, говорилъ: „ци самъ есмь ѣхалъ Киевѣ (взялъ Кыевъ)? посадили мя Кияне“ [2]). Подъ 1157 г. въ Новгородской лѣтописи читаемъ: „посадиша Изяслава ДавыдовицЯ Кыяне на столѣ“ [3]). Въ 1168 (1169) г., по смерти Ростислава, къ Мстиславу Изяславичу были посланы отдѣльныя посольства съ призывомъ на столъ отъ князей, отъ кіянъ и отъ черныхъ клобуковъ [4]). Наконецъ въ 1202 г., когда Романъ пошелъ на Рюрика, „Черныи Клобуци вси совкупившеся ѣхаша къ Роману, и что городовъ Русскыхъ и ис тѣхъ людье ѣхаша к Романови... и отвориша ему Кыяне ворота Подольская“ [5]).

Весьма важно, что правоспособность общины относительно призванія и утвержденія князей признавалась самими князьями; съ этой стороны любопытно предложеніе Всеволода Ольговича, чтобы вѣче признало своимъ княземъ его брата Игоря, и вышеприведенное оправданіе Изяслава Давыдовича: „ци самъ есмь ѣхалъ Киевѣ? посадиша мя Кияне“ [6]).

Во вторыхъ, община „рядилась“ съ княземъ, т. е. предъявляла ему свои требованія и въ зависимости отъ исполненія ихъ ставила обладаніе столомъ. Намъ извѣстно, и то отчасти, содержаніе только

---

[1]) Ипат. с. 276, 280, 284, Лавр. с. 309.

[2]) Ипат. с. 324, 327, 329.

[3]) 1 Новг. с. 12.

[4]) Ипат. с. 365.

[5]) Лавр. 396—397.

[6]) Существуетъ интересный вопросъ относительно того, призывался ли князь лишь на время или нѣтъ; проф. Сергѣевичъ (Вѣче с. 71 сл.) полагаетъ, что призваніе было временное, но на неопредѣленное время—до сохраненія единенія народа и князя. Это предположеніе кажется мнѣ вполнѣ вѣроятнымъ: оно имѣетъ за себя такія выраженія, какъ напр. слова кіевлянъ Ростиславу: „а до твоего живота Киевъ твой“. Наоборотъ, проф. Будановъ думаетъ, что „избраніе новаго князя каждый разъ являлось какъ бы избраніемъ новой династіи, съ утвержденіемъ на будущее время наслѣдственнаго преемства престола, и признавалось какъ бы явленіемъ случайнымъ, вызваннымъ временною нуждою“ (Обзоръ с. 38—39).

двухъ „рядовъ“, именно ряда кіянъ съ Игоремъ Ольговичемъ: „ынѣ, княже Святославе, цѣлуй намъ хрестъ, и зъ братомъ (за братомъ) своимъ: аще кому насъ будеть обида, то ты прави“ (въ Воскр.: „аще кому до насъ будетъ дѣло какое, да сами насъ судите“), на что Святославъ отвѣчалъ: „язъ цѣлую крестъ за братомъ своимъ, яко не будеть насилья никоторого же“; послѣ присяги кіяне повторили, что признаютъ Игоря княземъ, и цѣловали ему крестъ—послѣднее, очевидно, было обусловлено исполненіемъ требованій [1]). Другой рядъ, уже упомянутый,—съ Ростиславомъ: „яко же и братъ твой Изяславъ честилъ Вячеслава, тако же и ты чести, а до твоего живота Киевъ твой“—опять исполненіемъ этого условія обусловливалось признаніе княземъ. Кромѣ того мы имѣемъ еще два случая заключенія ряда, но безъ объясненія, въ чемъ они состояли,—одинъ подъ 1169, другой подъ 1172 г.; оба были заключены Мстиславомъ Изяславичемъ [2]). Наконецъ, сюда же относится извѣстіе, что по смерти Вячеслава дружина совѣтовала Ростиславу вернуться въ Кіевъ и „утвердиться съ людьми: да аче стрый придеть на тя Дюрги, понѣ ты ся с людми утвердилъ будеши, годно ти ся с нимъ умирити—умиришися, пакы ли а рать зачнеши с нимъ“ [3]). Здѣсь, очевидно, идетъ рѣчь о новомъ рядѣ съ населеніемъ, котораго требовала перемѣна въ положеніи Ростислава. Нечего и говорить, что правоспособность населенія въ этомъ отношеніи признавалась князьями: заключая рядъ съ населеніемъ, князь тѣмъ самимъ признавалъ ее.

Въ третьихъ, вѣче обсуждало и рѣшало разные текущіе государственные вопросы; такъ въ сказаніи объ ослѣпленіи Василька разсказывается, что Святополкъ послѣ поимки Василька созвалъ вѣче („бояре и Кияне“) и сообщилъ ему о намѣреніи Василька, убить его и захватить Кіевъ; Святополкъ при этомъ, очевидно, желалъ, чтобы община высказала свое рѣшеніе, но вѣче уклонилось отъ опредѣленнаго заявленія, не желая связывать себя дѣломъ Святополка. Въ 1098 г., когда союзныя войска двинулись на Кіевъ, Святополкъ хотѣлъ бѣжать изъ Кіева, но кіяне не пустили его („не даша

---

1) Ипат. с. 228, Воскр. 1 с. 35.

2) Ипат. с. 365: „....въ Киевъ вниде; ту выидоша Кияне вси. Възма рядъ съ братьею и дружиною и Кияны“; Ипат. с. 375: „и вшедъ в Киевъ вземъ ряды съ братьею... и съ Кианы“.

3) Ibid. с. 326.

ему Кияне побѣгнути"), а отправили отъ себя пословъ къ Мономаху, убѣждая не погубить „Русьской землѣ". Ходатайство общины было уважено, и союзники обѣщали окончить дѣло мирно. Весьма характерна въ этомъ разсказѣ подробность, что князья вели переговоры съ общиною помимо ея князя, котораго община заслоняетъ при этомъ[1]). Фактъ непосредственнаго сношенія князей съ общиною, но въ отсутствіе князя, упоминается и раньше—община сносилась съ Святославомъ и Всеволодомъ въ 1069 г., и князья „утѣшиста Кыяне" [2]). Въ 1146 г. вѣче обсуждало злоупотребленія княжьихъ чиновниковъ и рѣшило принести на нихъ жалобу князю Игорю и потребовать на будущее время гарантіи отъ подобныхъ злоупотребленій. Призвавъ къ себѣ на вѣче князя, оно заключило съ нимъ упомянутый выше рядъ[3]). Здѣсь кстати будетъ вспомнить также о намѣреніи Мономаха и Святополка „рядъ учинить о Руской земьлѣ" съ Олегомъ Святославичемъ въ Кіевѣ, „предъ епископы, игумены и предъ мужи отець нашихъ, и перед горожаны (людьми градьскими)" [4]).

Въ частности община обсуждала вопросы о войнѣ, особенно если съ этимъ связывался вопросъ о созывѣ земскаго ополченія. Такъ въ 1068 года вѣче постановляетъ продолжать войну съ половцами и проситъ у князя коней и оружія [5]). Въ 1093 г., во время похода на половцевъ, когда обсуждался вопросъ, переходить ли за Стугну или нѣтъ, „Кіяне", т. е. кіевское ополченіе, рѣшили перейти, и это рѣшеніе было принято остальными [6]). Въ 1147 г. Изяславъ Мстиславичъ созвалъ вѣче („бояре своя и всю дружину свою, Кияне") и объявивъ ему свое намѣреніе итти на Юрія, предложилъ также снарядить ополченіе („а вы доспѣвайте"). Кіяне рѣшительно отказались („княже, ты ся не гнѣвай, не можемъ на Володимире племя рукы възняти, оня же Ольговичь хотя и с дѣтми"), и Изяславъ вынужденъ былъ замѣнить народное ополченіе созывомъ охотниковъ. Когда же походъ на Юрія неожиданно перешелъ въ походъ на Ольговичей, Изя-

---

[1]) Ипат. с. 169—170, 172—173; о цѣнности этихъ извѣстій сказанія см. выше с. 109—110.

[2]) Ипат. с. 122.

[3]) Ипат. с. 229.

[4]) Ипат. с. 160 (Лавр. с. 222); выше я замѣтилъ, что нѣтъ повода подъ людьми градскими разумѣть здѣсь представителей русскихъ городовъ.

[5]) Ипат. с. 120.

[6]) Ibid. с. 153.

славъ пригласилъ кіянъ исполнить обѣщанное: „нынѣ же, братье Кияне, чего есте хотѣли, чимъ ми ся есте обечали, поидите по мнѣ к Чернигову на Олговичь“, и созывъ народнаго ополченія состоялся [1]). Въ 1149 г. Изяславъ опять предложилъ кіянамъ собрать земское ополченіе противъ Юрія; кіяне не соглашались, и только обѣщаніемъ, что походъ будетъ имѣть лишь характеръ демонстраціи, Изяславу удалось добиться желаемаго. Онъ не исполнилъ однако своего обѣщанія, кіяне вынуждены были сражаться за него и потерпѣли пораженіе. Вернувшись въ Кіевъ, Изяславъ освѣдомился, согласна ли община поддерживать его впредь; получивъ отказъ, онъ удалился изъ Кіева [2]). Въ 1150 г., во время похода на Владимірка, Кіяне, узнавъ о превосходныхъ силахъ послѣдняго, настаивали на отступленіи („поѣди, княже, прочь“); Изяславъ не соглашался, тогда „Кияне побѣгоша отъ него прочь, и оттолѣ Черниии Клобуки побѣгоша къ своимъ вежамъ“ [3]). Въ 1151 г. вѣче, повидимому, по собственной инціативѣ постановило собрать поголовное ополченіе противъ Юрія („атъ же пойдуть вси“); ослушникамъ оно при этомъ грозило смертною казнью [4]).

Пересматривая эти извѣстія лѣтописи, нужно признать, что политическая дѣятельность вѣча не имѣетъ характера революціоннаго [5]), нѣкоторыя дѣйствія его имѣютъ строго легальный характеръ, насколько можно прилагать подобные термины къ неопредѣленнымъ вообще отношеніямъ того времени; правоспособность вѣча признается самими князьями. На ряду съ такими дѣйствіями и тѣ, которыя не облечены въ легальную форму, имѣютъ по внѣшности даже характеръ революціонный (какъ напр. изгнаніе Изяслава и посаженіе Всеслава въ 1068 г., призваніе Изяслава Мстиславича), должны быть признаны проявленіями того же права общины на государственную дѣятельность, которая сознавалась всегда общиною и признавалась князьями. Государственная дѣятельность общины не имѣетъ также характера чего-либо новаго, какой-нибудь узурпаціи княжескихъ правъ, со стороны князей она не встрѣчаетъ

---

[1]) Ипат. с. 243, 245—246.

[2]) Ibid. 265, 268.

[3]) Ibid. с. 279.

[4]) Ibid. с. 300.

[5]) Этотъ терминъ прилагаетъ къ дѣятельности кіевскаго вѣча Хлѣбниковъ (ор. с. с. 261, 270).

какой-либо принципіальной вражды или противодѣйствія (избіеніе кіевлянъ въ 1069 г. было, конечно, личною местью князя за понесенныя непріятности и убытки, а перенесеніе торговища было сдѣлано въ тѣхъ видахъ, чтобы близость княжескаго двора сдерживала народъ въ его совѣщаніяхъ и рѣшеніяхъ). Въ сказаніи объ ослѣпленіи Василька князья (Святополкъ, Мономахъ) обращаются къ вѣчу, какъ къ нормальному институту, хотя послѣ вспышки 1069 г., притомъ такъ плачевно кончившейся, намъ ничего не извѣстно о правительственной дѣятельности вѣча, и было бы чрезвычайно странно, если бы князья стали сами будить революціонную силу, такъ мимолетно проявившуюся и снова скрывшуюся. Очевидно, мы имѣемъ дѣло съ элементомъ, не возникшимъ вновь, а существовавшимъ всегда, права котораго на государственную дѣятельность всегда молчаливо признавались князьями.

Функціи вѣча, настолько извѣстны онѣ изъ лѣтописи, довольно широки: въ приведенныхъ извѣстіяхъ мы имѣемъ, кромѣ утвержденія и низложенія князей, нѣчто въ родѣ законодательной дѣятельности— заключеніе „рядовъ“, въ весьма, конечно, примитивной формѣ, такъ какъ этихъ рядовъ нельзя сравнивать съ позднѣйшими новгородскими рядами; далѣе—рѣшеніе вопросовъ внѣшней политики, войны и мира, контроль надъ администраціею и судопроизводствомъ; наконецъ, вѣче вѣдаетъ земское ополченіе. Однако функціи эти вовсе не отличаются опредѣленностью и постоянствомъ; возьмемъ самыя главныя—призваніе и утвержденіе князей и рядъ съ ними: въ періодъ до монгольскаго нашествія мы имѣемъ около пятидесяти смѣнъ князей на кіевскомъ столѣ и около сорока до 1202 г., къ которому относится послѣднее извѣстіе о дѣятельности кіевской общины. За это время, по нашимъ источникамъ, община принимала участіе въ смѣнѣ князей около четырнадцати разъ; при этомъ кандидатъ получилъ столъ исключительно по иниціативѣ общины три или четыре раза[1]); десять или одинадцать разъ вѣче подтвердило права кандидата, получившаго столъ по завѣщанію или договору князей, или поддержало одного претендента въ борьбѣ противъ другого; только четыре раза вѣче заключило

---

[1]) Въ 1068, 1113, 1146, 1150; колебаніе въ цифрѣ зависитъ отъ того, причислять ли сюда вокняженіе Изяслава въ 1150 г., когда онъ былъ „повабленъ“ на столъ кіевскимъ населеніемъ, или нѣтъ.

рядъ съ княземъ. Конечно, мы не можемъ положиться на полноту нашихъ извѣстій, на дѣлѣ, быть можетъ, вѣче выступало и чаще, тѣмъ не менѣе съ увѣренностью можно сказать, что случаи, гдѣ оно выступало, составляли все-таки меньшинство. Столъ получали князья на основаніи своихъ, принятыхъ въ ихъ сословіи правъ—на основаніи старѣйшинства, по завѣщанію, договору, или добывали оружіемъ; княжескія права, договоры ихъ, завѣщанія вѣче считало для себя необязательными, тѣмъ не менѣе оно часто предоставляло князьямъ получать столъ на основаніи этихъ правъ, или добывать силою и не принимало активнаго участья въ замѣщеніи его. Это было въ тѣхъ случаяхъ, когда община ничего не имѣла противъ кандидата или, по крайней мѣрѣ, не такъ много, чтобы выступить открыто противъ него и подвергаться непріятностямъ войны, когда она не имѣла подъ рукою иного, болѣе желательнаго кандидата, или не было у ней достаточно средствъ для борьбы. Если претендентъ или данный князь былъ ужъ слишкомъ немилъ, если подъ рукою былъ болѣе желательный кандидатъ, особенно если борьба не представляла большого риску, тогда только вѣче дѣятельно вмѣшивалось въ княжескія отношенія и вершило дѣло по своему, не справляясь, кто кого старше, или кто кому обѣщалъ столъ [1]. Еще больше благопріятныхъ шансовъ требовалось для ряда; община заключить его могла только съ княземъ, который считалъ нужнымъ справляться съ желаніемъ населенія по внимательности своей къ его голосу, или потому, что чувствуя недостатокъ въ силахъ, хотѣлъ заручиться поддержкою общины; съ своей стороны, община едва ли стала бы заключать рядъ, если бы вовсе не имѣла довѣрія къ князю, считала невозможнымъ устроить съ нимъ какой-нибудь modus vivendi; наконецъ она не стала бы входить въ рядъ безъ особыхъ, чрезвычайныхъ поводовъ и съ княземъ, къ которому чувствовала полное довѣріе, на котораго вполнѣ полагалась. Такимъ образомъ на практикѣ рядъ былъ явленіемъ скорѣе экстраординарнымъ, чѣмъ обычнымъ, хотя, конечно, вполнѣ легальнымъ.

То же можно сказать и объ остальныхъ проявленіяхъ народной воли. Община не имѣла своихъ спеціальныхъ, исключительно ей принадлежащихъ функцій, она была институтомъ контролирующимъ; текущая административная и государственная дѣятельность находилась

---

[1]) Такъ было въ 1113, 1146, 1168 и др. г. Ср. Костомарова Моногр. XII с. 44, 64.

въ вѣдѣніи князя, община вмѣшивалась въ нее въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣятельность эта расходилась съ ее желаніями, или когда князь оказывался въ какомъ-нибудь отношеніи несостоятельнымъ. Вѣче служило какъ бы коррективомъ княжьяго управленія; община могла вмѣшаться во всякую сферу вѣдѣнія князя, но удовлетворивъ себя тѣмъ или инымъ путемъ, она возвращала эту сферу первоначальному ея хозяину, не внося никакихъ существенныхъ измѣненій. Гарантіи порядка, желаемыхъ отношеній она искала не въ правовыхъ нормахъ, не въ обязательствахъ, а въ личности князя—пріобрѣсти князя, который жилъ бы душа въ душу съ общиною, осуществлялъ бы во всемъ ея желанія—вотъ панацея отъ всѣхъ неустройствъ; поэтому чаще всего практикуемое средство отъ всякихъ золъ—это замѣна одного князя другимъ. Если же князя нельзя было перемѣнить—оставалось покоряться и ожидать лучшихъ обстоятельствъ [1]). Такой образъ дѣйствій, кромѣ недостатка политическаго развитія, объясняется, съ одной стороны, тѣмъ, что кіяне были нѣсколько избалованы относительно князей-народолюбцевъ и впослѣдствіи, вмѣсто длинной и трудной выработки правовыхъ гарантій, предпочитали обзавестись какъ-нибудь такимъ княземъ народолюбцемъ [2]); съ другой стороны, кіевскій столъ дѣлался часто добычею сильныхъ князей, опиравшихся на военную силу, съ которыми общинѣ трудно было входить въ компромиссы или добиваться исполненія своихъ требованій.

По отношенію къ князю вѣче является въ приведенныхъ извѣстіяхъ источниковъ то какъ высшая инстанція, контролирующая его или устраняющая, то какъ равносильный общественный элементъ. Въ нашихъ извѣстіяхъ нѣтъ случая, чтобы князь пользовался вѣчемъ, какъ орудіемъ, созывалъ его для выслушанія своихъ распоряженій [3]), или какъ свою думу. Князь не предлагаетъ ему своихъ плановъ, а доводитъ ихъ до свѣдѣнія общины, которая вольна отнестись къ нимъ такъ или иначе, принять свое рѣшеніе. Въ этомъ есть существенная разница между вѣчемъ и, напримѣръ, земскими соборами Москов-

---

[1]) Ср. Хлѣбникова Общ. и госуд. с. 272—273.

[2]) Ср. Линниченка Вѣче с. 59.

[3]) Подобныя собранія могли практиковаться, но то будутъ уже сходки иного порядка, не вѣча.

скаго государства, съ которыми сравниваютъ его нѣкоторые изслѣдователи [1]).

Пересмотримъ теперь извѣстія, относящіяся до устройства и порядка вѣча. Относительно участниковъ его мы имѣемъ только одно извѣстіе лѣтописи: кіяне заявляли Изяславу, что готовы итти на Ольговичей „хотя и с дѣтми" [2]); отсюда выводятъ и, мнѣ кажется, совершенно справедливо, что рѣшающій голосъ на вѣчѣ принадлежалъ главамъ семействъ [3]); собиралось же на вѣче все свободное населеніе „отъ мала и до велика" [4]). На участье пригорожанъ въ вѣчѣ нѣтъ указаній, но, конечно, пригорожанинъ, случившійся въ городѣ, имѣлъ право также учавствовать въ вѣчѣ. Впрочемъ, по смыслу приведеннаго выше свидѣтельства Суздальской лѣтописи о городахъ и пригородахъ, участье пригорожанъ въ вѣчѣ не было необходимо, даже въ теоріи, для того, чтобы вѣчевое постановленіе имѣло силу и для пригородовъ: „на что же старѣйшии сдумають на томь же пригороди стануть", безусловно [5]). Представительство не допускалось: всякъ участвовалъ только самъ за себя. Созываетъ вѣче князь; въ единственномъ подробномъ описаніи, которое мы имѣемъ, Изяславъ поручаетъ въ свое отсутствіе созвать вѣче брату своему съ вѣдома митрополита и тысяцкаго [6]). Но вѣче можетъ собираться и по собственной иниціативѣ, и тогда, вѣроятно, оно собиралось само собою, безъ участія какихъ-либо оффиціальныхъ посредниковъ. Въ одномъ случаѣ сказано, что вѣче было созвано звукомъ трубъ [7]), созывалось оно, вѣроятно, и колокольнымъ звономъ, какъ въ другихъ мѣстахъ. Мѣ-

---

[1]) Напр. проф. Самоквасовъ, Ж. М. Н. П. 1869, XII с. 223.

[2]) Ипат. с. 243 и 246.

[3]) Такъ какъ думаютъ Сергѣевичъ (Вѣче с. 43), Бестужевъ-Рюминъ (Р. ист. I с. 206—7) и другіе; Соловьевъ хотя не сомнѣвается въ томъ, что рѣшающій голосъ принадлежалъ отцамъ семействъ, считаетъ однако выраженіе лѣтописи фигуральнымъ и потому не придаетъ ему значенія (III пр. 66).

[4]) Ипат. с. 245.

[5]) Проф. Будановъ (Обзоръ с. 50) справедливо выражается такъ: „участье пригорожанъ на вѣчѣ старшаго города возможно, но лишь случайно и не необходимо.

[6]) Ипат. с. 169, 229, 243 и др., Лавр. с. 299—300: „посла к брату Кыеву к Володимеру и к Лазареви к тысячскому два мужа, Добрынку и Радила, рекъ: брате, ѣди к митрополиту и съзови Кыяны всѣ, ать молвита си мужа лесть Черниговскихъ князей. И ѣха Володимеръ к митрополиту, повабя (созове) Кыяны, и придоша Кыянъ много множство народа, и сѣдоша у святое Софьи слышати".

[7]) Ипат. с. 278.

стами вѣча являются: площадь у св. Софіи, Ярославль дворъ, Угорское, торговище и площадь у Туровой божницы; въ первыхъ трехъ—у Св. Софіи и на княжескихъ дворахъ—собиралось вѣче по зову князя, въ послѣднихъ, на Подольѣ—по собственной иниціативѣ; такъ, вѣроятно, оно было и въ другихъ случаяхъ [1]). Любопытно извѣстіе 1146 г.: будучи созвано на Ярославль дворъ, вѣче безпрекословно присягнуло Игорю, но собравшись снова у Туровой божницы, оно рѣшило предъявить свои требованія и призвало князя къ себѣ сюда; очевидно, на Подольѣ оно чувствовало себя болѣе свободнымъ, чѣмъ на княжьемъ дворѣ; въ связи съ этимъ обстоятельствомъ стоялъ и переводъ торговища съ Подолья на Гору Изяславомъ Ярославичемъ [2]): конечно, этимъ путемъ Изяславъ думалъ оказывать вліяніе на народныя собранія. Относительно вѣча у св. Софіи въ одной лѣтописной версіи стоитъ: „въставшемъ же имъ въ вѣчи", а въ другой: „сѣдоша у святое Софьи"; у Туровой божницы вѣчники совѣщались, сидя на коняхъ [3]). Говорить на вѣчѣ могъ, повидимому, всякій [4]). Терминомъ для вѣча служили: „сотворити вѣче", „совѣтъ сотворити", „совѣтъ совѣщати", „сдумати". Рѣшеніе принималось, вѣроятно, громаднымъ большинствомъ; вѣче признавало свое рѣшеніе обязательнымъ и для отдѣльныхъ несогласныхъ и считало себя въ правѣ принуждать силою къ исполненію его [5]).

Что касается отношеній общины собственно кіевской къ пригородамъ, свѣдѣнія наши весьма скудны. Изъ городовъ Кіевской земли въ качествѣ отдѣльныхъ общинъ, низшихъ въ сравненіи съ кіевскою (городскою), выступаютъ ясно Вышгородъ, Бѣлгородъ, Василевъ; Пороосская область (поршане) тоже выступаетъ какъ отдѣльная община Кіевской земли, но безъ опредѣленнаго центра.

Опредѣленныя свѣдѣнія о кіевскихъ пригородахъ мы имѣемъ только для половины XII в.: когда Изяславъ былъ призванъ на кіевскій столъ въ 1146 г. кіянами, наравнѣ съ депутаціею отъ кіянъ

---

[1]) Ипат. с. 120, 229, 245—246, Лавр. с. 300. Ср. Обзоръ М. Ф. Буданова с. 32; проф. Будановъ считаетъ вполнѣ нормальными мѣстами для вѣча только площадь св. Софіи и Ярославль дворъ.

[2]) Ипат. с. 122.

[3]) Ипат. с. 229, 245, Лавр. с. 300.

[4]) Ипат. с. 246.

[5]) Ипат. с. 300.

явились депутаціи отъ бѣлгородской и василевской общинъ, отъ поршанъ и черныхъ клобуковъ съ признаніемъ и призывомъ на столъ („ты нашь князь, а Олговичь не хочемъ“)—пригороды такимъ образомъ подтверждали и присоединялись къ рѣшенію старшаго города. Затѣмъ въ 1151 г., когда Юрій приступилъ къ Бѣлгороду и потребовалъ, чтобы отворили ему городъ, бѣлгородцы отвѣчали: „а Киевъ ти ся кое отворилъ? а князь нашь Вячьславъ, Изяславъ и Ростиславъ“: пригородъ такимъ образомъ ссылается на примѣръ и рѣшеніе старшаго города [1]). Приведенныя извѣстія указываютъ на солидарность города и пригородовъ; однако послѣдніе, очевидно, сознаютъ за собою извѣстную самостоятельность.

Что до Вышгорода, мы имѣемъ извѣстіе о самостоятельной присягѣ его подъ 1146 г.: Всеволодъ, разболѣвшись въ Вышгородѣ, пригласилъ сюда депутатовъ отъ кіевской общины и рекомендовалъ имъ Игоря; принявъ его, кіяне присягнули ему въ Кіевѣ, „заутрии же день ѣха Игорь Вышегороду, и цѣловаше к нему хрестъ Вышегородцѣ“ [2]).—Здѣсь собственно мы имѣемъ опять фактъ подтвержденія, принятія пригородною общиною рѣшенія старшаго города, какъ и въ приведенныхъ выше извѣстіяхъ о другихъ пригородахъ. Н. И. Костомаровъ высказалъ предположеніе, что этимъ выражался переходъ Вышгорода изъ состоянія пригорода на степень свободнаго города [3]); мнѣ кажется, что для такого предположенія нѣтъ достаточныхъ основаній. Вышгородъ не обнаруживаетъ большей самостоятельности послѣ этого; непосредственно за этимъ кіевское вѣче, принося жалобу Игорю Святославичу, жалуется и на разореніе княжьими чиновниками Вышгорода—значитъ, послѣдній также считался составною частью кіевской земской общины. Если принять отдѣльную присягу за признакъ самостоятельности, то придется признать, что съ княженія Изяслава Мстиславича и другіе кіевскіе пригороды сдѣлались самостоятельными, а это не вѣроятно. Любопытно, что вышгородцы присягаютъ *послѣ* присяги кіянъ, какъ бы присоединяясь къ ней, хотя ничто не мѣшало имъ присягнуть и раньше старшаго города, если

---

[1]) Ипат. с. 230, 300.

[2]) Ипат. с. 229.

[3]) Костомаровъ Монографіи I с. 209; это предположеніе повторилъ и г. Линниченко въ изслѣдованіи своемъ о кіевскомъ вѣчѣ с. 36.

они желали, такъ сказать, подчеркнуть свою независимость. При всемъ томъ несомнѣнно, что Вышгородъ дѣйствительно игралъ болѣе самостоятельную роль и дѣйствительно какъ будто нѣсколько соперничалъ съ Кіевомъ; то былъ старинный, торговый, вѣроятно богатый городъ; по извѣстію лѣтописца, уже въ половинѣ IX в. онъ занималъ исключительное положеніе относительно Кіева, составляя удѣлъ Ольги; раньше другихъ пригородовъ (вѣроятно, въ 1077 г.) онъ получилъ своего особаго, хотя и подручнаго князя (Ярополка Изяславича) и позже затѣмъ имѣлъ часто своихъ особыхъ князей [1]). Интересно, что Святополкъ Володимеричъ нашелъ себѣ пособниковъ для убіенія Бориса среди вышгородскихъ бояръ, которыхъ кіевскій лѣтописецъ характеристично именуетъ „боярцами" („Вышегородьскыя боярьцѣ") [2]). Во время борьбы Мономаховичей и Ольговичей вышгородцы какъ будто благопріятствуютъ не любимымъ кіянами Ольговичамъ; по нѣкоторымъ лѣтописнымъ спискамъ Всеволодъ Ольговичъ даже пришелъ на Вячеслава *съ вышгородцами* [3]); если и не принять этого чтенія, то все-таки замѣтно со стороны Всеволода какое-то благоволеніе къ Вышгороду; послѣдній не послалъ, подобно другимъ городамъ, и своихъ депутатовъ на встрѣчу Изяславу. Позже мы имѣемъ еще эпизодъ, не лишенный, быть можетъ, значенія: когда тѣло Владиміра Андреевича везли въ Кіевъ, и дружина отказывалась провожать его туда, боясь мести за учиненный недавно погромъ 1169 г. (княже, ты самъ вѣдаеши, что есмы издѣяли Кияномъ; а не можемъ ѣхати, избьють ны"), эта дружина безбоязненно отправилась въ Вышгородъ, и мы не видимъ никакого проявленія народнаго неудовольствія: повидимому, пригородъ не принималъ близко къ сердцу несчастья, постигшаго городъ [4]). При всемъ томъ до открытой борьбы или вражды дѣло не доходитъ, нѣтъ никакихъ намековъ на нее.

Итакъ кіевскіе пригороды въ общемъ находились со своимъ городомъ

---

[1]) Ипат. с. 38, 140.

[2]) Ипат. с. 92: „боярьцѣ" въ Ипат. и Погод. спискахъ, „бояре"—въ Хлѣбн. Объ этомъ ср. у Сергѣевича с. 66. Чтобы объяснить преданность вышгородскихъ бояръ Святополку, Соловьевъ (I, с. 188) предполагалъ, что Святополкъ по освобожденіи изъ заточенія былъ посаженъ отцемъ въ Вышгородѣ; но возможно объяснить это и соперничествомъ кіевскихъ и вышгородскихъ бояръ.

[3]) О разночтеніяхъ этого мѣста см. выше с. 154.

[4]) Ипат. с. 374.

въ хорошихъ отношеніяхъ; это обстоятельство слѣдуетъ объяснить тѣмъ, что пригороды были сгруппированы вблизи города, такъ что послѣдній могъ быть вполнѣ отзывчивымъ къ ихъ нуждамъ и желаніямъ, жители пригорода легко могли участвовать въ вѣчахъ города, наконецъ тѣмъ, что Кіевъ во много разъ превосходилъ, совершенно затмевалъ свои пригороды славою, богатствомъ, силою, такъ что его преобладаніе должно было казаться вполнѣ естественнымъ.

Перейдемъ къ другому элементу политическаго устройства земли—князю. Каково бы ни было происхожденіе тоговременной княжеской власти, выросла ли она естественнымъ путемъ на почвѣ самой кіевской общины, какъ убѣждены мы, или она пришла извнѣ, какъ думалъ лѣтописецъ, во всякомъ случаѣ община настолько свыклась съ нею, княжья власть такъ глубоко и широко проникла въ общественное устройство земли, что считалась необходимою, и безъ нея земля чувствовала себя совершенно безпомощною. Лѣтопись намъ сохранила нѣсколько характеристическихъ примѣровъ: въ 1069 г. кіевское ополченіе, узнавъ о бѣгствѣ Всеслава, не рѣшилось сражаться съ Изяславомъ, а вернулось назадъ въ Кіевъ; община принялась подыскивать себѣ новаго князя, и когда старанія ея оказались неудачными, покорилась Изяславу. Въ 1113 г. въ отсутствіе князя поднялись безпорядки, и только прибытіе новаго князя, по мнѣнію населенія, могло прекратить ихъ. Въ 1156 г. „тяжко бяше Кияномъ, не осталъ бо ся бяше у нихъ ни единъ князь у Киевѣ", и за неимѣніемъ лучшаго, они должны были призвать непопулярнаго Изяслава Давыдовича [1]). Такой же смыслъ имѣло отчасти и приглашеніе въ Кіевъ Святослава Всеволодича по смерти Изяслава—„блюсти волость" до прибытія Ростислава, такъ какъ старикъ Вячеславъ не шелъ въ счетъ, а община сама, очевидно, блюсти волость не могла [2]). Любопытно также извѣстіе, что для поддержанія порядка въ войскѣ необходимо было присутствіе князя, „а боярина не вси слушаютъ" [3]). На-

---

[1]) Ипат. с. 121—122, 198, 327.

[2]) Ипат. с. 323—324. См. объ этомъ въ статьѣ В. Пассека „Княжеская и докняжеская Русь" Чтенія М. О. И. Д. 1870, III с. 110—111, также Костомарова Моногр. XII с. 40—41.

[3]) Ипат. с. 295.

родныя движенія, какія мы имѣемъ въ до-татарскій періодъ, направляются противъ личности князя, котораго желательно было замѣнить болѣе пріятнымъ кандидатомъ, а не противъ княжеской власти вообще[1]). Послѣднее составляло связующее звено, которымъ держался политическій строй государства. Самоуправленіе, по выраженію В. И. Сергѣевича, теперь (въ доисторическую эпоху оно могло быть и иначе) оказывается уже „не въ средствахъ вѣча"—самоуправленіе въ смыслѣ общаго управленія всею землей[2]). Такъ что когда въ Кіевщинѣ прекратилась, какъ думаю я, княжеская власть во второй половинѣ XIII в., земля уже потому самому должна была распасться на отдѣльныя, автономныя общины.

Званіе князя пользовалось большимъ почетомъ и уваженіемъ. Для выраженія особеннаго почтенія кромѣ обыкновеннаго имени „князь" употребляются титла „господина" и „царя", т. е. цесаря, императора—это означало возможный почетъ и властность[3]). Въ такомъ же значеніи почетнаго названія, а не титула, употребляется и имя „великаго князя"; за все продолженіе разсматриваемаго періода оно употребляется лишь изрѣдка и никогда не встрѣчается въ обращеніяхъ[4]); техническое значеніе это титло получило уже на сѣверо-востокѣ, оффиціальный же титулъ кіевскаго князя—просто „князь". Личность князя признавалась неприкосновенною и оставалась такою во всякихъ передрягахъ[5]); убіеніе Игоря Ольговича есть явленіе исключительное, объясняющееся необычайнымъ возбужденіемъ и раздраженіемъ народа —оно, очевидно, произвело сильное впечатлѣніе на самое общество. Изъ Византіи проникало уже въ то время чрезъ литературу ученіе о

---

[1]) Ср. Обзоръ проф. Буданова с. 41.

[2]) Вѣче и князь, с. 67.

[3]) Ипат. с. 249, 266, 303, 323, 479, ср. Соловьева III с. 5. Одинъ разъ (въ похвальномъ словѣ Рюрику с. 476) употреблено титло „кюръ" (киръ).

[4]) До половины XII в. это титло прилагается лишь къ умершимъ князьямъ, особенно при упоминаніи о кончинѣ, см. Ипат. 90 (Владиміръ), 110 (Ярославъ), 208 (Мономахъ), 217 (Мстиславъ), 323 (Изяславъ); въ нѣкоторыхъ случаяхъ оно отсутствуетъ въ Ипат. сп. и является въ позднѣйшихъ Хлѣбник. и Погод.—с. 109, 113 (о Ярославѣ), 151 (о Всеволодѣ); по всей вѣроятности, позднѣйшаго происхожденія и заголовокъ на с. 268, гдѣ Юрій названъ великимъ княземъ. Во второй половинѣ XII в. это титло прилагается и къ живымъ князьямъ, напр. с. 352—о Ростиславѣ, 426—о Рюрикѣ, 427—о Святославѣ Ольговичѣ. Ср. у Соловьева III, с. 4—5.

[5]) Ср. у Сергѣевича Вѣче и князь с. 111.

божественномъ происхожденіи и святости власти; составитель Начальной лѣтописи разсуждаетъ, напримѣръ, такъ: „поставляеть царя и князя Вышьний, ему же хощеть, дасть. Аще бо кая земля управиться предъ Богомъ, поставляеть царя и князя праведна, любяща судъ и правду, и властеля устраяеть и судью правяща судъ" [1]. То же ученіе проповѣдовало и духовенство; митрополитъ Никифоръ въ своемъ посланіи къ Мономаху говоритъ о немъ, между прочимъ: „егоже Богъ издалеча проразумѣ и прѣдповелѣ, егоже изъ утробы освяти и и помазавъ, отъ царское и княжьское крови смѣсивъ" [2]. Но въ обществѣ это ученіе не привилось; съ нимъ сталкивалось исконное воззрѣніе на князя, какъ на мірского человѣка, перваго чиновника общины, котораго послѣдняя можетъ во всякое время перемѣнить; хотя нельзя сказать, чтобы община ревниво относилась къ этому своему праву выбора—далеко не всегда осуществляла она его, какъ указано выше.

Внѣшнимъ знакомъ пріобрѣтенія княземъ стола служило настолованіе; конечно, первоначально народъ сажалъ на самомъ дѣлѣ новаго князя на столъ, какъ германцы поднимали короля или герцога на щитѣ; но въ разсматриваемое время хотя встрѣчается выраженіе „посадить" („посадиша Кияне" [3]), однако чаще говорится „сѣде на столѣ", даже о князьяхъ, которые получали столъ по волѣ народа [4]; измѣнился ли сообразно этому и обрядъ, трудно сказать. Настолованіе обыкновенно происходило въ одномъ изъ княжескихъ дворцовъ, особенно на Ярославлѣ дворѣ; въ извѣстіяхъ XII в. князь предварительно отправляется поклониться св. Софіи и затѣмъ настолуется; эти два момента соединяются въ одинъ, и настолованіе получаетъ отчасти церковный характеръ [5]. Духовенство также участвовало во встрѣчѣ новаго князя населеніемъ; по всей вѣроятности митрополитъ благословлялъ его на княженіе [6]. Въ смыслѣ настолованія извѣстна и

---

[1]) Ипат. с. 98 и Лавр. с. 136. Объ освященіи власти см. В. С. Иконникова Опытъ изслѣд. культ. знач. Византіи с. 313—5, Дьяконова Власть москов. государей с. 38—42.

[2]) Русскія достопамятн. I с. 63.

[3]) Ипат. с. 324, 329, Лавр. с. 291, 1 Новг. с. 12.

[4]) Напр. Ипат. с. 198, 233.

[5]) Ипат. с. 233, 276, 290; въ 1073 г. Святославъ и Всеволодъ „сѣдоста на столѣ на Берестовомъ" (с. 128).

[6]) Ипат. с. 198, 233; когда въ 1156 г. прибылъ новый м. Константинъ на мѣсто

другая церемонія: кіевляне, изгнавъ Изяслава Ярославича и освободивъ Всеслава, „поставиша и средѣ двора княжа“ [1]).

Функціи князя очень широки и разнообразны; въ вѣдѣніи его находятся почти всѣ сферы тогдашняго управленія, только вся дѣятельность его находилась подъ контролемъ общины и ея органа—вѣча, которое, какъ сказано, могло вмѣшаться (при благопріятныхъ условіяхъ) во всякую сферу его дѣятельности, если находило что-либо несогласнымъ со своими желаніями и интересами. Съ своей стороны, князь иногда самъ привлекалъ вѣче къ участію въ своей дѣятельности, съ цѣлью достигнуть большей солидарности съ общиною, заручиться ея поддержкою [2]).

Въ частности князь вѣдалъ: во первыхъ, сношенія съ другими государствами и князьями; онъ заключалъ съ ними союзы и договоры, принималъ на себя тѣ или другія обязательства, объявлялъ войну и заключалъ миръ. Примѣровъ такой дѣятельности князя приводить нѣтъ надобности; гораздо меньше извѣстно случаевъ участія въ этой дѣятельности общины: Изяславъ два раза сообщалъ вѣчу свое намѣреніе воевать съ Юріемъ, желая заручиться поддержкою населенія; въ обоихъ случаяхъ вѣче отговаривало князя отъ этой войны, совѣтовало помириться, а въ первомъ случаѣ, кромѣ того,—расторгнуть союзъ съ Ольговичами. На исполненіи своего желанія вѣче не настояло, но когда Изяславъ, потерпѣвъ неудачу, хотѣлъ превратить наступательную войну въ оборонительную, вѣче настоятельно потребовало удаленія его изъ города. Въ сказаніи объ ослѣпленіи Василька мы имѣемъ разсказъ о сношеніяхъ общины съ другими князьями помимо своего князя [3]).

Во вторыхъ, князь вѣдалъ военное дѣло; онъ былъ главнымъ полководцемъ и распорядителемъ всякой войны; на доставляемыя волостью средства онъ содержалъ дружину; въ случаѣ надобности онъ вербовалъ отряды охотниковъ изъ земства; созывалъ земское ополченіе

Климента: „створивше божественую службу и благословиша князя Дюргя Володимерича (с. 333)—потому, можетъ быть, что за отсутствіемъ митрополита надъ нимъ не былъ исполненъ этотъ обычный обрядъ.

[1]) Ипат. с. 121.

[2]) О функціяхъ князя см. Изслѣдов. Погодина VII с. 8 сл., „Обзоръ“ проф. Буданова с. 40—42.

[3]) Ипат. с. 172, 243, 265, 268.

съ согласія вѣча или безъ него, если со стороны общины не предвидѣлось никакого сопротивленія, какъ, напримѣръ, во время половецкихъ нападеній; имъ же назначались какъ начальники дружины, охотниковъ, такъ и предводители земскихъ полковъ—тысяцкіе, воеводы. Примѣровъ этой дѣятельности опять-таки указывать не буду [1]); выше были приведены случаи, показывающіе, какъ необходимъ былъ князь для общины въ этой сферѣ дѣятельности, а также случаи вмѣшательства вѣча въ военныя распоряженія.

Въ третьихъ, князь назначалъ чиновниковъ административныхъ и полицейскихъ, судебныхъ, фискальныхъ. Такъ намъ извѣстно изъ лѣтописи, что князь назначалъ тысяцкихъ—„держи ты тысячю, какъ еси у брата моего держалъ", говорилъ Игорь тысяцкому Улѣбу [2]); что соцкіе тоже не были выборными, а назначались княземъ, видно изъ того, что они подверглись мести народа вмѣстѣ съ тысяцкимъ въ 1113 г. [3]). О назначеніи посадниковъ мы имѣемъ нѣсколько мѣстъ, напримѣръ подъ 1162 г.: „Давыдъ ѣха въ Торцьскый, а посадника Мьстиславля Вышка емъ, приведе къ Киеву", или подъ 1206 г.: „Всеволодъ Чермный сѣде в Кыевѣ, надѣяся на свою силу, и посла посадникы по всѣмъ городомъ Киевьскымъ" [4]). Относительно тіуновъ достаточно будетъ и жалобъ кіянъ Игорю на разоренія, причиненныя тіунами. По аналогіи имѣемъ право и замѣщеніе остальныхъ должностныхъ лицъ приписать князю, исключая лишь такихъ, какъ сельскіе старосты. Относительно вѣча мы не имѣемъ ни одного примѣра, чтобы оно назначало или смѣщало чиновниковъ; этого, навѣрное, и въ дѣйствительности не бывало.

Далѣе, судъ также принадлежалъ князю и отправлялся какъ его чиновниками, такъ и самолично; о Всеволодѣ Ярославичѣ говорится, что его любимцы „начаша людемь не хотѣти княжѣе правды"; въ Поученіи Мономаха въ числѣ княжьихъ занятій стоитъ и „оправливаніе" людей [5]). Вѣче не судитъ никого и даже жалуясь Игорю на

---

[1]) Укажу только нѣсколько примѣровъ назначенія воеводъ—Ипат. с. 108, 179, 444; Погодинъ Изслѣд. VII с. 44; о тысяцкихъ см. ниже.

[2]) Ипат. с. 231.

[3]) Ипат. с. 198.

[4]) Ипат. с. 355, Лавр. с. 406. Другія мѣста лѣтописей см. у Погодина Изслѣд. VII с. 205—207.

[5]) Ипат. с. 151, Лавр. с. 238. Ср. также Русскую Правду—приговоръ Изяслава надъ дорогобужцами, убившими его конюха—сп. Академ. ст. 21.

злоупотребленія тіуновъ, апелляціи на нихъ направляетъ къ князю [1]).

Князю же принадлежало изданіе законовъ—функція эта стояла въ тѣсной связи съ отправленіемъ суда. На участіе вѣча въ этомъ отношеніи мы не имѣемъ никакихъ указаній, исключая рядовъ съ княземъ: въ извѣстіяхъ нашихъ объ изданіи законовъ дѣйствуютъ князья съ участіемъ своей думы, бояръ-дружениковъ. Такъ извѣстны законы, изданные сообща Изяславомъ, Святославомъ и Всеволодомъ съ участіемъ „мужей своихъ": Коснячка, Перенѣга, Микыфора Кыянина, Чудина, Микулы; свои законы о лихвѣ Мономахъ издалъ, созвавъ „дружину свою на Берестовѣмъ: Ратибора тысечьскаго Кыевьскаго, и Прокопия тысачьскаго Бѣлогородьскаго, Станислава, тысячьскаго Переяславьскаго, Нажира, Мирослава, Иванка Чудиновича, Олгова мужа" [2]).

Наконецъ князь принималъ еще широкое участіе въ церковномъ благоустройствѣ (о чемъ рѣчь будетъ ниже).

При обширности и разнообразіи компентенцій княжеской власти, при затруднительности и слабости вѣчевого контроля, личность князя имѣла огромное значеніе. Жизнь не отлилась еще въ прочныя юридическія формы, отношенія отличались неопредѣленностью, административный механизмъ—несовершенствомъ; нуженъ былъ энергичный руководитель, одушевленный стремленіемъ къ правдѣ, любовью къ народу, чтобы сгладить эти несовершенства, дополнить недостающее въ формѣ живымъ духомъ, словомъ—нуженъ былъ князь, который бы „хотѣлъ добра всѣмъ сердцемъ Русской землѣ" [3])—только такая любовь и могла одушевить его; но этотъ идеалъ оставался большею частью неосуществимымъ. По справедливому замѣчанію историка, княжеская политика того времени можетъ быть охарактеризована, какъ политика эгоизма по преимуществу; первая забота каждаго князя состояла въ увеличеніи владѣній, и все приносилось ей въ жертву—земскій миръ, узы родства [4]). Даже излюбленные народомъ князья въ сущности видѣли въ земствѣ орудіе для осуществленія своихъ личныхъ цѣлей, и ихъ ласковое отношеніе къ общинѣ является подчасъ только искус-

---

[1]) Ср. Вѣче и князь с. 84.

[2]) Русская Правда по сп. Акад. ст. 18, по сп. Карамзинск. ст. 2 и 66; любопытно что въ обоихъ случаяхъ главными участниками являются тысяцкіе (Коснячко и Чудинъ были также тысяцкими—первый кіевскимъ, второй—вышгородскимъ).

[3]) Ипат. с. 368 (о Мстиславѣ Изяславичѣ).

[4]) Вѣче и князь с. 316—317.

нымъ средствомъ добиться отъ послѣдней тѣхъ или другихъ жертвъ въ свою пользу. Конечно, это чувствовалось населеніемъ. „Господина наю князя, говорило кіевское вѣче Изяславу и Ростиславу, не погубита насъ до конца; се нынѣ отци наши и братья наша и сынови наши на полку они изоимани, а друзии избьени, и оружие снято; а вы вѣдаета оже намъ съ Гюргемъ не ужити: аже по сихъ днехъ кде узримъ стягы ваю, ту мы готовы ваю есмы“ [1]). Эти слова звучатъ горькою ироніею и служатъ обвинительнымъ актомъ противъ государственнаго строя того времени.

Къ этому основному недостатку—отсутствію солидарности, единенія между земствомъ и правящею сферою присоединялось еще много другого—нашествія ратей, „плѣнующихъ и села жгущихъ“, наводимыхъ князьями въ ихъ „которахъ“, экономическія бремена въ видѣ разныхъ „даній тяжкихъ“, „нетворимыхъ виръ и продажъ“ на содержаніе двора и дружины, небрежность и неправды въ судахъ, неустройства слишкомъ несовершенной административной машины, всевозможныя злоупотребленія „небогобойныхъ и лукавыхъ мужей“, назначаемыхъ „толико того дѣля, абы князю товара добывалъ“, тіуновъ „людей грабящихъ и продающихъ“, „погубляющихъ“ цѣлые города, отроковъ, обижающихъ худого смерда и убогую вдовицу—все это внушало населенію весьма мало симпатій къ носителямъ власти вообще; власть и притѣсненіе тѣсно связывались въ общественномъ представленіи, и сѣверный лѣтописецъ, укоряющій тѣхъ, которые „не вѣдятъ глаголемаго: идѣже законъ, ту и обидъ много“, конечно, и не подозрѣвалъ, что говоритъ такую злую иронію [2]).

Неудовлетворительность тогдашняго кіевскаго государственнаго устройства обусловливалась въ значительной степени еще внѣшней политикой Кіевской земли, ея положеніемъ среди другихъ русскихъ земель. Отъ предшествующаго періода осталось преданіе, что Кіевъ и его волость есть центръ всѣхъ русскихъ волостей и старѣйшій столъ между остальными столами; кіевскій князь есть старѣйшій, великій князь между прочими, независимо отъ дѣйствительныхъ родовыхъ счетовъ (такъ Ростиславичи, уступая Кіевъ Ярославу Изяславичу въ

[1]) Ипат. с. 268.
[2]) Лавр. с. 351.

1174 г., тѣмъ самимъ „положиша на немъ старѣйшиньство“ [1]); по Ярославлю завѣщанію кіевскій князь долженъ быть остальнымъ „въ отца мѣсто“, и прочіе князья должны „послушати его“, какъ отца. Однако фактическихъ преимуществъ ни старѣйшинство, ни положеніе „въ отца мѣсто“ не давали сами по себѣ. Князья не одаренные выдающимся характеромъ, энергіею, не обладавшіе большими силами, какъ, напримѣръ, Изяславъ Ярославичъ, Ярополкъ Володимеричъ, отчасти Святополкъ Изяславичъ и другіе, не пользовались никакимъ особеннымъ авторитетомъ среди другихъ; только личности энергичныя, къ тому могущественныя, какъ Мономахъ, Мстиславъ, превращали свою почетную роль въ настоящее господство: какъ тотъ, такъ и другой поставляютъ прочимъ князьямъ въ обязанность являться по ихъ зову, поставлять контингенты и за ослушаніе наказываютъ лишеніемъ волостей [2]). Во вторую половину XII в., когда кіевскій столъ часто получаютъ на основаніи договоровъ, и притомъ самое обладаніе является спорнымъ, когда самый Кіевъ падаетъ, теряетъ свое обаяніе, и съ нимъ соперничаютъ новые центры политической жизни,—только выдающіеся князья, какъ Изяславъ Мстиславичъ, Ростиславъ, Мстиславъ Изяславичъ, „въ воли“ котораго были Ольговичи [3]), сохраняли за собою почетное положеніе среди другихъ собратій; о господствѣ же нечего было уже и думать. Доставляло ли Кіевское княженіе матеріальныя преимущества? Намъ извѣстно, что Ярополкъ Володимеричъ посылалъ (въ 1133 г.) Изяслава Мстиславича „къ братьи Новугороду, и даша дани Печерьскиѣ и отъ Смолиньска даръ“ [4]); возможно, что и въ другихъ случаяхъ кіевскій князь, какъ старѣйшій, получалъ подарки, но только отъ своихъ родичей; на какія-либо другія матеріальныя преимущества нѣтъ никакихъ указаній.

Съ этимъ традиціоннымъ престижемъ Кіева была связана традиціонная же политика собиранія русскихъ земель; какъ я замѣтилъ уже выше, она существовала среди кіевскихъ князей и въ разсматриваемый періодъ. Князь, взобравшійся на кіевскій столъ, немедленно пре-

---

[1]) Ипат. с. 392.

[2]) Ипат. с. 203, 204 (о Мономахѣ), 217 (о Мстиславѣ).

[3]) Ипат. с. 368.

[4]) Лавр. с. 287, въ Никон. I с. 158: „да дадятъ дань на Кіевъ по старинѣ, также отъ Смоленска и отъ Дунайска“.

вращаяся изъ автономиста въ горячаго объединителя и собирателя; общее стремленіе къ увеличенію владѣній тутъ еще усугублялось историческими преданіями Кіева. Мы видѣли, что первые Ярославичи—Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ—вели сообща собирательную политику на счетъ другихъ родичей, потомъ Святославъ и Всеволодъ соединяются противъ старшаго брата, а позже Изяславъ и Всеволодъ лишаютъ волостей Святославичей; въ это время, какъ собирательное средство, и выдвинуто было т. н. изгойство. Всеволодъ и его преемники вели собирательную политику уже на свой собственный счетъ, безъ союзниковъ; ему и особенно Мономаху посчастливилось собрать большое число волостей—это былъ послѣдній значительный успѣхъ собиранія; не безуспѣшна была также дѣятельность Святополка, вернувшаго Волынь, и Мстислава, прихватившаго Полоцкую волость и Посемье. Пріобрѣтеніями Мстислава В. и закончилось собираніе; послѣднимъ отголоскомъ этой политики было еще намѣреніе Всеволода „самому землю всю держати", если только дѣйствительно у него было такое намѣреніе, въ чемъ я сильно сомнѣваюсь. Послѣдующіе князя настолько не прочно сидѣли на кіевскомъ столѣ или настолько были слабы, что не помышляли уже о собираніи земель.

Эта собирательная политика для Кіевской земли была весьма вредна; на нее уходили ея средства и силы: борьба велась не только княжьими дружинами, содержавшимися впрочемъ также на счетъ земли, но и земскими ополченіями; земля оскудѣвала отъ этихъ „ратий" [1]), которыя были совершенно чужды ея интересамъ, и результаты которыхъ въ сущности были совершенно безплодны: собираемое въ концѣ концовъ раздѣлялось между дѣтьми собирателя, и исторія начиналась сызнова. Только княжья дружина, особенно высшая, была заинтересована въ пріобрѣтеніи новыхъ волостей: это приносило новыя кормленія, новые доходы, которыми, по тогдашнимъ понятіямъ, князья должны были дѣлиться прежде всего съ дружиною.

Еще больше значенія имѣлъ способъ перехода кіевскаго стола отъ князя къ князю. Относительно пріобрѣтенія столовъ въ то время, какъ извѣстно, существуетъ нѣсколько теорій, которыя кладутъ въ основу одинъ какой-нибудь принципъ: родовое владѣніе, отчинность, добываніе, договоръ, народное избраніе; но ни одна изъ этихъ теорій не

---

[1]) Ипат. с. 152—это относится къ войнамъ Всеволода съ изгоями.

обнимаетъ собою всей суммы фактовъ, представляемыхъ исторіей: кажется, всѣ перечисленныя начала дѣйствовали одновременно, подчасъ сталкиваясь, и едва ли у самихъ князей существовали опредѣленныя, ясныя воззрѣнія на этотъ предметъ [1]). Къ серединѣ XII в. отдѣльныя волости постепенно обособились подъ управленіемъ особыхъ княжескихъ линій, и принципы старшинства, добыванія и пр. примѣняются уже внутри такихъ отдѣльныхъ волостей; однако Кіевъ (равно какъ и другіе нѣкоторые столы) не раздѣлилъ этой общей участи и попрежнему имѣлъ князей изъ различныхъ линій и семействъ. Эту особенную судьбу Кіева, кажется, нужно объяснить, въ связи съ его традиціонною ролью, тѣмъ, что сами князья ревниво слѣдили другъ за другомъ и не позволяли Кіевской землѣ сдѣлаться спеціальнымъ владѣніемъ которой-нибудь линіи; то была своего рода система равновѣсія. Существуетъ мнѣніе, что кіевская община, дорожа своимъ правомъ избранія князей, съ своей стороны всѣми мѣрами противодѣйствовала установленію у себя наслѣдственнаго преемства; Соловьевъ видѣлъ здѣсь одну изъ причинъ, почему кіевская община не создала прочнаго государства [2]). Основаніемъ для этого воззрѣнія служатъ извѣстныя слова кіянъ, призывавшихъ Изяслава Мстиславича: „Ольговичевъ не хочемъ быти акы в задничи“ [3]), но это частный случай, который нельзя обобщать. Кіевляне дѣйствительно не хотѣли сдѣлаться наслѣдственнымъ достояніемъ Ольговичей, но это вовсе не значитъ, чтобы они вообще были противъ наслѣдственности. Напротивъ, мы знаемъ, что они охотно переходятъ отъ Мономаха къ Мстиславу и Ярополку; послѣ перерыва, произведеннаго захватомъ Всеволода, они призываютъ Изяслава Мстиславича, по смерти его утверждаютъ на столѣ его брата—Ростислава, затѣмъ поддерживаютъ Мстислава Изяславича и его сына Романа. Очевидно, кіевская община обнаруживаетъ тяготѣніе къ одному опредѣленному роду, стремится закрѣпить его за землею. Такимъ образомъ Кіевская земля не составляетъ въ этомъ отношеніи исключенія въ ряду другихъ земель; то

---

[1]) Ср. Костомарова Монографіи I с. 185.

[2]) Ист. Россіи II с. 233. Такого же приблизительно мнѣнія объ этомъ держится и проф. Сергѣевичъ (Вѣче и князь с. 79): наслѣдственное преемство столовъ, по его мнѣнію, казалось народу чѣмъ-то неумѣстнымъ и оскорбительнымъ. Совершенно противнаго воззрѣнія держится проф. Будановъ, слова котораго я привелъ выше.

[3]) Ипат. с. 230.

обстоятельство, что кіяне предпочитаютъ старшихъ племянниковъ младшимъ дядьямъ и игнорируютъ „лѣствичныя восхожденія“, не составляетъ какого-нибудь спеціальнаго отличія ихъ, и аналогическіе примѣры встрѣчаются и въ другихъ земляхъ. Этимъ я хочу сказать, что Кіевская земля не представляла никакихъ противогосударственныхъ элементовъ, какъ находятъ нѣкоторые историки, и вовсе не въ ея строѣ лежала причина, что ей не удалось составить отдѣльнаго, замкнутаго политическаго тѣла [1]).

Смѣна князей изъ различныхъ линій, по большей части безъ санкціи земли, безъ обязательствъ относительно ея, безъ прочныхъ нормъ и гарантій во взаимныхъ отношеніяхъ, была, несомнѣнно, вредна для земли и совершенно непріятна населенію. Она плодила усобицы, мало того—отражалась и на земскомъ строѣ. Князь, являвшійся въ Кіевъ въ силу завоеванія или въ силу обычнаго княжескаго права, смотрѣлъ на землю, какъ на временное, въ лучшемъ случаѣ—„доживотное“ владѣніе, онъ зналъ, что передать этотъ столъ своимъ дѣтямъ ему ни въ какомъ случаѣ не придется, напротивъ, его смѣнитъ князь изъ враждебной, соперничающей линіи. Болѣе предусмотрительный князь заботился объ образованіи партіи, которая, пожалуй, сможетъ когда-нибудь, чрезъ большой промежутокъ времени, помочь его сыну взобраться на златой столъ кіевскій, но во всякомъ случаѣ онъ чувствовалъ себя чужимъ въ землѣ, и такимъ чувствовало его населеніе; зачастую его встрѣчало съ самаго начала предвзятое нерасположеніе земства—при такихъ условіяхъ нравственной связи между нимъ и землею не могло существовать. Естественно, князь видѣлъ въ землѣ лишь средство къ достиженію собственныхъ выгодъ и не имѣлъ особенныхъ поводовъ радѣть о ней. Онъ наводилъ съ собою земляковъ, которые оттѣсняли мѣстную знать, которые были чужды мѣстныхъ воззрѣній, не знали мѣстнаго права, которые не связаны были нравственно съ туземнымъ населеніемъ и тоже не имѣли причинъ воздерживаться отъ эксплуатаціи его. Народное раздраженіе противъ этого порядка проявилось въ избіеніи черниговцевъ по смерти Игоря, суздальцевъ—по смерти Юрія, проявлялось, вѣроятно, и во многихъ другихъ случаяхъ, но не устраняло этого порядка вещей.

Въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ находилась излюбленная ди-

---

[1]) Смотри объ этомъ также въ упомянутой статьѣ Пассека, с. 35 сл., 76—77.

настія кіянъ (Мономахъ - Мстиславъ - Изяславъ - Мстиславъ - Романъ); она хорошо знала дорогу къ популярности, умѣла ее цѣнить и, разъ пріобрѣвъ расположеніе кіевскаго земства, старалась сохранить и закрѣпить его за собою. Однако и тутъ была худая сторона. Дѣло въ томъ, что расположеніе современнаго общества, насколько можно судить, снискивалось не столько тѣми или иными конкретными результатами княжьей дѣятельности, сколько характеромъ князя, его личнымъ поведеніемъ, личною дѣятельностью. Излюбленный князь—человѣкъ вѣрный, на него можно положиться, онъ хочетъ добра Русской землѣ, знаетъ желанія ея и при всякомъ случаѣ поступитъ въ ея интересахъ—таково, приблизительно, было общественное представленіе (хотя практика часто и сильно расходилась съ нимъ). Результатомъ было не усиленіе дѣятельности общины, не расширеніе ея функцій, а напротивъ - ослабленіе вѣчевой иниціативы, контроля, расширеніе полномочій князя и еще большее проникновеніе его въ жизнь земли. Такимъ образомъ правленіе излюбленныхъ князей убаюкивало общину, тормозило политическое развитіе ея, и въ концѣ концовъ, послѣ благополучнаго правленія князя народолюбца община получала какого-нибудь непріятнаго Всеволода Ольговича или Юрія, безъ всякой политической подготовки, безъ средствъ къ устройству сноснаго modus vivendi. Оставалось терпѣть и ждать случая, чтобъ учинить лесть подъ княземъ своимъ.

Заговоривъ объ излюбленныхъ князьяхъ Кіевщины, естественно поставить вопросъ: какія качества были причиною популярности Мономаха и его старшей линіи, предпочтенія ея всѣмъ остальнымъ? Этого вопроса я касался уже при случаяхъ въ предшествующемъ изложеніи, теперь не лишнимъ будетъ свести разрозненныя замѣчанія воедино. Кстати по этому вопросу мы имѣемъ отличный источникъ въ Поученіи Мономаха. Самый популярный князь своего вѣка, онъ очень хорошо зналъ запросы общества и не оставилъ своихъ сыновей безъ руководства въ этомъ отношеніи. Его наставленія въ общественной сферѣ можно свести къ такимъ положеніямъ: будьте энергичны и дѣятельны, будьте мужественны и отважны на войнѣ и внимательны къ управленію, входите во всѣ отрасли его, до „церковнаго наряда“ включительно, контролируйте своихъ чиновниковъ и слугъ, особенно заботьтесь о правосудіи и защитѣ слабыхъ, ко всѣмъ, даже случайнымъ встрѣчнымъ, будьте ласковы и радушны, оказывайте предупредительность

и почетъ [1]). Несомнѣнно, населеніе очень цѣнило эти качества, и мы дѣйствительно находимъ ихъ или, по крайней мѣрѣ, догадываемся, что они были присущи старшей линіи Мономаха, и, наоборотъ, отсутствіемъ этихъ качествъ болѣе или менѣе страдали прочіе искатели и обладатели кіевскаго стола: у однихъ не ставало энергіи и распорядительности, какъ у Всеволода Ярославича, у другихъ—рыцарской отваги, радушія, какъ у Святополка, у третьихъ—вниманія къ желаніямъ земства, какъ у Юрія. Затѣмъ нужно имѣть въ виду еще одно очень важное обстоятельство, которое я постоянно отмѣчалъ въ предшествующемъ изложеніи, именно—отношенія къ половцамъ. Ни одинъ излюбленный князь не прибѣгалъ къ ихъ услугамъ, напротивъ—всѣ они, начиная съ Мономаха и кончая Романомъ, по возможности вели наступательную борьбу съ ними [2]); я считаю это чисто-народною политикою, не допуская, чтобы она велась лишь въ угоду воззрѣніямъ духовенства и дружины [3]). Вражда къ степному хищнику глубоко залегала въ южнорусскомъ народѣ; чуждый всякой племенной вражды и исключительности, онъ не могъ дружить лишь съ этимъ исконнымъ врагомъ, въ продолженіи вѣковъ высасывавшимъ его жизненные соки, ничѣмъ не утолимымъ [4]). И когда древній лѣтописецъ отмѣчаетъ, что „се уже третье наведе Олегъ поганыя на Рускую землю, его же грѣха дабы и Богъ простилъ, понеже много хрестьянъ изгублено бысть“, или разсуждаетъ (по поводу набѣга Кончака): „аще кто любить врагы Божія, то сами что приимуть отъ Бога“? [5])—его устами говоритъ не только духовный человѣкъ, но еще, можетъ быть, больше—кіянинъ. И кіевское населеніе, несомнѣнно,

---

[1]) Любопытно, что и здѣсь, у Мономаха, все сводится къ личному поведенію; Мономахъ совѣтуетъ, напримѣръ, „на посадники не зрѣти ни на биричи“, „вдовицю оправдите сами, а не вдавайте сильнымъ погубити человѣка“, но ничего не говоритъ о томъ, какъ устроить, чтобы сильные не губили человѣка и посадники и биричи не нуждались въ непрестанномъ надзорѣ. Очевидно, въ этомъ отношеніи Мономахъ нисколько не возвышался надъ уровнемъ современныхъ воззрѣній общества.

[2]) Мономахъ пользовался помощью половцевъ, но въ болѣе раннее время, до борьбы съ ними 1103—1111 г. (Ипат. с. 166, Лавр. с. 239).

[3]) Ср. выше с. 117.

[4]) И тутъ, впрочемъ, была вражда не племенная, а культурная; степнякъ, оставившій свои набѣги, становился для русскаго населенія вполнѣ сноснымъ сожителемъ, какъ видно изъ нашихъ свѣдѣній о Поросьѣ.

[5]) Ипат. с. 158, 415.

всегда ставило на счетъ своимъ князьямъ, если они „наводили половцевъ на Рускую землю".

Не сочувствуя соперничеству и постоянной смѣнѣ князей изъ разныхъ вѣтвей, желая оставаться при излюбленной линіи Мономаховичей, кіевское населеніе держалось двоякаго, совершенно различнаго образа дѣйствій: то оно устранялось совершенно отъ внѣшней политики, предоставляя князьямъ вести свои безпокойныя распри, то съ одушевленіемъ вмѣшивалось въ эти отношенія, желая поддержать симпатичнаго князя или надѣясь прекратить разъ навсегда постороннія претензіи и посягательства, какъ при Изяславѣ. Но и то и другое помогало мало: съ одной стороны—осуществить извѣстную формулу „князь и дружина сами по себѣ, а земство само по себѣ" [1]) въ полномъ ея объемѣ на практикѣ было невозможно: княжеско-дружинный элементъ все-таки довольно глубоко проникалъ въ жизнь общества, и княжьи которы и рати производились не гдѣ индѣ, а по живому тѣлу самого земства; съ другой стороны, кіевская община, располагавшая средствами одной лишь Полянской земли, вдобавокъ ослабляемая существованіемъ династическихъ партій, не была достаточно сильна для того, чтобы своими силами уничтожить сложившійся порядокъ преемства, противостать всѣмъ постороннимъ искательствамъ. Такое колебаніе продолжалось во все время до монгольскаго нашествія. Столкновеніе интересовъ князей и земли окончилось плачевно для послѣдней — она подверглась разореніямъ, ослабѣла, захудала.

Такимъ образомъ въ Кіевской землѣ политическая несостоятельность княжеско-дружиннаго строя присоединялась къ тѣмъ экономическимъ тягостямъ, неустройствамъ, которыя повсемѣстно удручали народъ; кіевское земство болѣе, чѣмъ какое-либо, имѣло поводы тяготиться имъ и наконецъ, отчаявшись создать когда-либо желаемый modus vivendi, не находя къ тому средствъ ни у себя, ни во внѣ, безъ попытокъ борьбы съ этимъ строемъ въ смыслѣ какихъ-либо реформъ (по крайней мѣрѣ намъ ничего не извѣстно въ этомъ смыслѣ), какъ кажется, прямо отказалось отъ него. Оно воспользовалось монгольскимъ погромомъ и вернулось къ первоначальному строю—къ мелкимъ, автономнымъ общинамъ.

---

[1]) Бѣляевъ, Разсказы изъ рус. ист. I с. 50.

Перейдемъ къ организаціи управленія земли. Прежде всего займемся частными удѣлами Кіевщины. Подобно тому, какъ въ другихъ волостяхъ, здѣсь также отдѣльные города, области отдавались князьями въ управленіе и пользованіе близкимъ и дальнимъ родичамъ. До половины XII в. раздача удѣловъ весьма рѣдка. Дорогобужъ, Бужскъ и Острогъ были даваемы Давыду Игоревичу; Ярополкъ Изяславичъ и Мстиславъ Володимеричъ при жизни отцовъ сидѣли — первый въ Вышгородѣ, второй въ Бѣлгородѣ; кромѣ того, Вышгородъ держалъ съ годъ Всеволодъ Мстиславичъ (при Ярополкѣ), а Бѣлгородъ былъ отданъ на нѣкоторое время Всеволодомъ Ольговичемъ брату Святославу. Лишь начиная съ правленія Изяслава, раздача удѣловъ практикуется очень широко и съ послѣдней четверти XII в. входитъ въ обыкновеніе — Кіевская земля постоянно раздѣлена на удѣлы. Если обратить вниманіе на то, какъ часто тотъ или другой городъ былъ назначаемъ въ удѣлъ и какъ долго онъ находился въ положеніи удѣльнаго, то кіевскіе удѣлы можно расположить въ слѣдующемъ нисходящемъ ряду: Погорина, Вышгородъ, Бѣлгородъ, Торческъ, Треполь, Каневъ, Котельница съ Божскимъ, Межибожемъ и еще двумя городами, Овручъ, Корсунь, Богуславль, Бужскъ (отдѣльно), Мозырь, Корческъ, Котельница (отдѣльно), Михайловъ, Полоный [1]); конечно, мы можемъ составить только приблизительное понятіе о дѣйствительномъ распредѣленіи удѣловъ, такъ какъ продолжительность владѣнія не всегда извѣстна, а также неизвѣстно часто и то, какіе города тянули къ упоминаемому центральному пункту. Обращая вниманіе на приведенный списокъ, замѣчаемъ, что удѣлы, за исключеніемъ межеумочной Погорины, выдѣлялись преимущественно въ землѣ Полянской (съ Поросьемъ), гораздо рѣже въ ея аннексахъ: это, можетъ быть, вытекало изъ политическихъ соображеній кіевскихъ князей.

Изъ перечисленныхъ удѣловъ только Погорина обособилась и присоединилась затѣмъ къ Волыни; прочіе удѣлы никогда прочно не обособлялись. Главною причиною было то обстоятельство, что при постоянной смѣнѣ князей на кіевскомъ столѣ въ выдѣленіи удѣловъ, въ распредѣленіи ихъ происходили частыя перемѣны, такъ что ни одинъ не могъ закрѣпиться за кѣмъ-либо, не оставался даже непре-

---

[1]) Списокъ кіевскихъ удѣльныхъ князей см. у Погодина Изслѣд. VI, с. XXXVI—VII, XXXIX, XL.

рывно въ роли удѣла (кромѣ Погорины). Кромѣ того, какъ указано, удѣлы выдѣлялись преимущественно на территоріи полянской, послѣдняя же настолько невелика и объединена самыми географическими условіями, что распасться на удѣлы не могла. Такимъ образомъ цѣлость Кіевской земли во весь этотъ періодъ, за вычетомъ западной полосы, оставалась ненарушимою. Но выдѣленіе удѣловъ все-таки, надо думать, нарушало связь пригородовъ съ городами и ослабляло единство общины; что оно ослабляло силы кіевскаго князя, это само собою разумѣется.

Что до отношеній удѣльныхъ князей къ кіевскому, то необходимо различать тѣ случаи, когда удѣлы получали сыновья отъ отца—кіевскаго князя, и когда ихъ получали другіе родичи, особенно отдаленные. Въ первомъ случаѣ отдѣленные города оставались въ тѣсной связи съ Кіевомъ, ихъ князья немного разнились отъ обыкновенныхъ посадниковъ и находились въ полномъ повиновеніи у кіевскаго князя; во второмъ случаѣ зависимость удѣльнаго князя опредѣлялась тѣми мотивами, которые привели къ выдѣленію удѣла—было ли то пожалованіе изъ милости безземельному родичу, уступка за помощь, за услугу, или просто дѣлежъ „Руской земли" между нѣсколькими претендентами: сообразно съ этимъ измѣнялись и отношенія; въ послѣднемъ случаѣ совладѣльцы пользовались полною самостоятельностью, и ихъ могло объединять только представленіе о солидарности ихъ интересовъ, какъ князей одной и той же „Руской земли": подобное видѣли мы въ совмѣстное правленіе Святослава Всеволодича и Рюрика.

Что касается городовъ, отдававшихся княгинямъ—какъ, напримѣръ, извѣстно, что Вышгородъ принадлежалъ Ольгѣ, кн. Верхуславѣ былъ отданъ Рюрикомъ Ростиславичемъ городъ Брагинъ—то они, правдоподобно, не составляли ни удѣловъ, ни, еще менѣе, частной собственности княгинь; послѣднія, вѣроятно, пользовались только всякаго рода данью и пошлинами; самые же города не выдѣлялись изъ общей системы управленія.

Центральный органъ управленія волости составлялъ князь, который, какъ сказано, назначалъ чиновниковъ, отправлялъ судъ, въ частности—по жалобамъ на рѣшенія чиновниковъ, кромѣ того управлялъ финансами, принималъ доходы и завѣдывалъ ихъ назначеніями. При немъ находился совѣтъ, или, какъ его называютъ теперь, „дума", съ которою онъ, какъ св. Владиміръ въ сказаніи, „дума о строеньи

землинемь, и о уставѣ земленемь, и о ратѣхъ“ [1]), словомъ—о всѣхъ тѣхъ предметахъ, которые вѣдалъ самъ [2]). Главнымъ элементомъ, изъ котораго складывалась эта „дума“, была старшая дружина, бояре княжьи: это ихъ обязанность и право; въ нѣкоторыхъ случаяхъ княжьими совѣтниками являются также духовныя лица—митрополитъ и епископы [3]). Въ болѣе раннюю эпоху, при Владимірѣ Св., въ этомъ совѣтѣ участвуютъ и вліятельные представители общины—„старцы градскіе“ или „людскіе“ и „старѣйшины городскіе“; привлекались ли неслужилые люди, представители общины, и позже? Этотъ вопросъ рѣшается новѣйшими изслѣдователями различно; такъ, проф. Иловайскій полагаетъ, что рядомъ съ боярскою думою стояло „малое вѣче“, когда „лучшіе люди“, вліятельные члены общины, призывались на княжескій дворъ для совѣщаній вмѣстѣ съ боярами и дружиною. Напротивъ, проф. Ключевскій въ спеціальномъ своемъ изслѣдованіи держится того мнѣнія, что земская аристократія въ эту эпоху тѣсно примкнула къ вѣчу, сдѣлавшись его руководительницею, и лучшіе люди являлись къ князю только въ качествѣ депутатовъ и посредниковъ отъ вѣча. Другіе ученые (какъ, напримѣръ, проф. Будановъ), полагая, что въ XI и XII вв. земское и служилое боярство совершенно слилось, тѣмъ самимъ устраняютъ самый вопросъ [4]). Мнѣ

---

[1]) Ипат. с. 87. Для нашей эпохи есть множество извѣстій о княжеской думѣ, напр. Ипат. с. 152, 191, 275; см. также въ сказаніи о походѣ Игоря Святославича: „гдѣ бояре думающеи, гдѣ мужи храборьствующеи“ (Ипат. с. 434). Впрочемъ, самый терминъ „дума“ въ смыслѣ учрежденія не встрѣчается въ разсматриваемый періодъ: въ такомъ значеніи онъ является лишь въ Московскомъ государствѣ (Ключевскій, Боярская дума, с. 210).

[2]) Обзоръ функцій думы см. въ Обзорѣ проф. Буданова с. 47—48; кромѣ обсужденія вопросовъ, подлежавшихъ княжеской компетенціи, сюда включено еще право призывать князя и заключать рядъ съ нимъ, но въ этомъ случаѣ дума выступала не какъ учрежденіе, а какъ частная группа, вмѣстѣ съ прочею дружиною (см. Ипат. с. 365).

[3]) Нѣсколько мѣстъ лѣтописи объ участіи бояръ см. выше; см. еще у Погодина VII с. 75 сл.; относительно участія духовенства самое интересное свидѣтельство находится въ сказаніи о Владимірѣ Св. (Ипат. с. 87); для позднѣйшаго времени см. Ипат. 446, 459—460; сюда отчасти могутъ быть отнесены также случаи ходатайства духовенства предъ княземъ, которые будутъ указаны ниже. См. „Боярскую думу“ проф. Ключевскаго с. 14 сл., 42 слѣд., 66; „Обзоръ“ проф. Буданова с. 44—45.

[4]) Ист. Россіи т. I, ч. 2 с. 301, Боярск. дума с. 42 слѣд., Обзоръ исторіи русскаго права с. 30. Мнѣніе проф. Буданова всецѣло принято и г. Линниченкомъ въ его изслѣдованіи о кіевскомъ вѣчѣ (с. 63—64).

думается, что возобновленіе вѣча, какъ выраженія воли населенія, само по себѣ не дѣлало излишнимъ участье въ княжескомъ совѣтѣ представителей земства: вѣче было институтомъ контролирующимъ, экстраординарнымъ, князю же весьма часто необходимо было знать образъ мыслей населенія; правда, посредниками могли служить дружинники изъ мѣстной аристократіи (о чемъ ниже), но лишь отчасти. Поэтому нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что и въ разсматриваемое время князь, если у него не было рѣзкаго антагонизма съ общиною, могъ приглашать къ совѣщанію выдающихся членовъ земства; такое совѣщаніе не могло имѣть, впрочемъ, юридическаго значенія: князь имѣлъ цѣлью лишь освѣдомиться о настроеніи общины или заручиться помощью вліятельныхъ членовъ ея для проведенія того или другого плана.

Совѣщанія думы происходили весьма часто, едва ли не ежедневно, раннимъ утромъ [1]); въ обыкновенныхъ совѣщаніяхъ принимали участіе наличные бояре, въ болѣе важныхъ случаяхъ призываются, напримѣръ, тысяцкіе изъ другихъ городовъ; но и въ такомъ случаѣ составъ думы не многочисленъ — всего 5—6 бояръ [2]). Хотя дума составляла личный совѣтъ князя, тѣмъ не менѣе обычай требовалъ, чтобы послѣдній ничего важнаго не предпринималъ безъ совѣта со своей дружиной; кіевскій лѣтописецъ съ неудовольствіемъ отмѣчаетъ фактъ, что Святославъ Всеволодичъ задумалъ выгнать Ростиславичей изъ Русской земли, „сдумавъ с княшнею своею и с Кочкаремь, милостьникомъ своимъ, и не поведѣ сего мужемь своимъ лѣпшимъ думы своея“ [3]). Съ своей стороны, бояре считали себя не обязанными участвовать въ тѣхъ предпріятіяхъ князя, которыя не были предварительно обсуждены въ ихъ совѣтѣ („о себѣ еси, княже, замыслилъ, а не ѣдемъ

---

[1]) См. Поученіе Мономаха (Лавр. с. 238): послѣ заутрени, при восходѣ солнца совѣтуется „сѣдше думати съ дружиною, или люди оправливати, или на ловъ ѣхати, или поѣздити, или лечи спати“. Въ житіи Ѳеодосія разсказывается, что святой, возвращаясь отъ князя, на зарѣ встрѣчалъ вельможъ, ѣдущихъ къ князю (Житіе въ изд. Бодянскаго л. 15).

[2]) См. вышеприведенныя статьи Русской Правды о добавленіяхъ Ярославичей и Мономаха; Боярская дума с. 63, Обзоръ ист. р. пр. с. 46.

[3]) Ипат. с. 367, 371, 418. Любопытно также обвиненіе галицкаго князя Владиміра Ярославича, что онъ „думы не любяшеть с мужми своими“ (с. 444).

по тобѣ, мы того не вѣдали“ [1]). Совѣтники князя имѣли собственно совѣщательный голосъ, но пользовались немалымъ вліяніемъ; не рѣдко князь принималъ то или другое рѣшеніе по инициативѣ бояръ; этимъ обстоятельствомъ объясняется то, что при княжескихъ договорахъ приводили къ присягѣ и бояръ, обязывая ихъ не разстраивать согласія [2]).

Княжескій дворъ носилъ характеръ болѣе частный, чѣмъ государственный, и придворные чиновники были личными слугами князя. Одинъ разъ упоминается у насъ „дворскій“ (подъ 1169 г.): правдоподобно, то былъ завѣдующій княжескимъ дворомъ; этотъ чинъ часто затѣмъ встрѣчается въ Галичѣ [3]). Упоминаются еще придворные чины— покладника (спальника) и стольника [4]). Казною и запасами князя завѣдывали тіуны и ключники [5]), тіуны же вѣдали отдѣльныя отрасли придворнаго управленія. Для исполненія княжескихъ порученій существовало нѣсколько категорій чиновниковъ и слугъ; таковы биричи: въ одномъ случаѣ биричъ публикуетъ княжеское распоряженіе, въ другомъ они являются также исполнительными органами [6]); затѣмъ—дѣтскіе и отроки, исполнявшіе разныя служебныя обязанности; предпола-

---

[1]) Ипат. с. 367.

[2]) Напр. Ипат. с. 152, 209, 275, 371; о присягѣ дружины см. с. 278. О значеніи думы см. Боярская дума с. 52—56, Обзоръ ист. рус. права с. 46. Проф. Будановъ даже считаетъ думу первостепеннымъ элементомъ политическаго устройства земли, наравнѣ съ вѣчемъ и княземъ (с. 36). Позволяю себѣ не согласиться съ мнѣніемъ уважаемаго профессора, по крайней мѣрѣ относительно Кіевской земли. Дума здѣсь тѣсно связана съ княземъ, не отдѣлима отъ него и не имѣетъ самостоятельнаго значенія; если нѣтъ князя (какъ въ междукняжеское время)—нѣтъ и думы; самостоятельно она, какъ институтъ, не выступаетъ, да и не можетъ выступить. Если, положимъ, дума разойдется во мнѣніи съ княземъ, то ей придется либо покориться, либо исчезнуть: въ такомъ случаѣ одни дружинники должны отъѣхать къ другому князю, другіе, принадлежащіе къ мѣстному боярству, —возвратиться въ составъ земства. Если въ 1150 г. мужи Вячеславли повабили, вмѣстѣ съ кіянами и берендичами, Изяслава на кіевскій столъ (Ипат. с. 284), то одно изъ двухъ: или они исполняли въ этомъ случаѣ порученіе своего князя, или выступали, какъ извѣстная группа, но не какъ институтъ.

[3]) Ипат. с. 372, см. Вѣче и князь с. 377—378.

[4]) Ипат. с. 364, Лавр. с. 433.

[5]) Ипат. с. 326: „и съзва (Ростиславъ) мужи отца своего Вячеславли и тивуны („и казначѣи“—прибавл. Воскр. I с. 62) и ключникы, каза нести имѣнье отца своего передъ ся, и порты, и золото, и серебро.“

[6]) Ипат. 84, Лавр. 242 (Поученіе Мономаха): „на посадникы не зря, ни на биричи, самъ творилъ, что было надобѣ, весь нарядъ, и въ дому своемь то я творилъ есмь.“

гать, что между ними существовала такая разница: отрокомъ могъ быть и не свободный, дѣтскій же—всегда свободный человѣкъ [1]); мечники, правдоподобно составлявшіе собственно княжью гвардію, также были исполнительными чиновниками, по крайней мѣрѣ во время народнаго движенія 1146 г. въ Кіевѣ они подверглись народному негодованію наравнѣ съ мѣстнымъ тіуномъ [2])

Перейдемъ къ помѣстному управленію; въ качествѣ чиновниковъ помѣстныхъ встрѣчаемъ: тысяцкихъ, посадниковъ, тіуновъ. Тысяцкіе были самыми важными чиновниками; по происхожденію своему это чинъ военный: тысяцкій значитъ то же, что воевода, и должность тысяцкаго называется воеводствомъ [3]); но тождественны ли по объему понятія воеводы и тысяцкаго, рѣшить трудно; возможно, что первое понятіе было шире. Въ разсматриваемый періодъ мы дѣйствительно видимъ, что тысяцкіе во время войны предводительствуютъ войскомъ; такъ какъ эта должность была пріурочена къ важнѣйшимъ городамъ Кіевской земли (Кіеву, Бѣлгороду, Вышгороду), то, очевидно, тысяцкій былъ предводителемъ мѣстнаго земскаго ополченія. Но онъ не былъ только полководцемъ; должность эта была постоянною, и мы ее встрѣчаемъ и внѣ войны: отправляясь въ походъ на Юрія, въ 1147 г., Изяславъ оставилъ въ свое отсутствіе въ Кіевѣ тысяцкаго Лазаря, очевидно, для управленія (народное ополченіе тогда въ походѣ не участвовало) [4]); тысяцкіе же участвовали, какъ мы видѣли уже, въ законодательной дѣятельности Ярославичей и Мономаха. Очевидно, въ это время они были также административными правителями—„держали тысячу“, т. е. управляли ею [5]). Тысяча заключала въ себѣ, по всей вѣроятности, не только городъ, но и окружающую территорію,

---

[1]) Объ отрокахъ, для примѣра, см. Лавр. 237 и 242 (Поученіе); отроками же называлась вообще дружина, см. напр. Ипат. с. 152. О дѣтскихъ см. Ипат. с. 272 и 367; позже, въ литовскій періодъ, дѣтскіе исполняли обязанности судебныхъ приставовъ. Ср. Вѣче и князь с. 353, Погодина, Изслѣд. VII с. 85—87; послѣдній отождествляетъ дѣтскихъ и отроковъ.

[2]) Ипат. с. 230; въ Извѣстіи о Суздальской землѣ мечники упоминаются рядомъ съ дѣтскими (Лавр. с 351).

[3]) См. Ипат. с. 146: „воеводьство держащю Киевьской тысящи Яневи“, ср. Лавр. с. 434.

[4]) Ипат. с. 245—7.

[5]) Сравни въ Суздальской лѣтописи о владимірскомъ тысяцкомъ: „тисящю предержащю Роману Михаиловичю и весь рядъ“, Лавр. с. 450.

тянувшую къ нему [1]). Въ Кіевской землѣ тысяцкіе извѣстны въ Кіевѣ, Бѣлгородѣ и Вышгородѣ [2]); тысяцкіе вышгородскіе и бѣлгородскіе упоминаются всего по одному, по два раза, но кіевскіе—довольно часто, такъ что можно составить довольно большой списокъ ихъ; намъ извѣстны: Коснячко (1068 г.), Янъ Вышатичъ (1089), Путята, братъ Яневъ (1113), Ратиборъ (1113—1125), Давыдъ Яруновичъ (1136), Улѣбъ (1146), Лазаръ (1147), прежде бывшій саковскимъ посадникомъ, Жирославъ Андреевичъ (1160), Григоръ (1172), Славно Борисовичъ (1188), Іоаннъ Славновичъ (1231), Дмитро (1239—1240 г.) [3]). Были ли тысяцкіе въ другихъ городахъ земли? На это можно отвѣчать лишь болѣе или менѣе гадательно, въ связи съ вопросомъ о происхожденіи этой должности. Дѣло въ томъ, что хотя тысяцкіе въ разсматриваемое время назначались князьями, но первоначально они, весьма вѣроятно, были выборными военными вождями общинъ и какъ такіе, могли существовать лишь въ общинныхъ центрахъ, т. е. городѣ и важнѣйшихъ пригородахъ земли; да и сборными пунктами ополченія естественно было служить этимъ послѣднимъ. Какъ оно было впослѣдствіи, въ разсматриваемое время — другой вопросъ. Однако важно то, что и въ это время мы находимъ тысяцкихъ лишь въ важнѣйшихъ пунктахъ, земскихъ центрахъ русскихъ земель; вотъ почему утвержденіе, напримѣръ, Погодина, что каждый городъ и каждый князь имѣли своего тысяцкаго, нельзя принять безъ ограниченій [4]). Тысяцкіе княжьи, т. е. называемые по именамъ князей, а не городовъ (тысяцкій Давыдовъ, Даниловъ) встрѣчаются также лишь съ именами князей, занимавшихъ важнѣйшіе столы, имѣвшіе значеніе

---

[1]) Ср. Погодина Изслѣдов. VII с. 219.

[2]) Титулъ вышгородскаго тысяцкаго не встрѣчается въ источникахъ, но Радило, тысяцкій Давыда, кн. вышгородскаго, имѣвшій въ Вышгородѣ домъ (Ипат. с. 365—366), очевидно, былъ вышгородскимъ тысяцкимъ; такимъ же вышгородскимъ тысяцкимъ былъ и Чудинъ, „державшій" Вышгородъ въ 1072 г. (Ипат. с. 128). Тысяцкій бѣлгородскій упомянутъ въ вышеприведенномъ текстѣ Русской Правды (сп. Карамз. ст. 66); бѣлгородскимъ тысяцкимъ былъ, кажется, и Лазарь воевода 1180 г. (Ипат. с. 420). О кіевскихъ тысяцкихъ см. напр. Ипат. с. 198, 231, 245. Сводъ лѣтописныхъ извѣстій—у Погодина VII с. 186 сл.

[3]) Этотъ списокъ я заимствовалъ у Погодина, Изслѣд. VII с. 122, провѣривъ его по источникамъ и прибавивъ Жирослава Андреевича, который упоминается лишь въ Никон. л. I с. 218. Славно встрѣчается только съ титуломъ воеводы—Ипат. с. 445.

[4]) Погодинъ Изслѣд. VII с. 190. Проф. Ключевскій, говоря объ измѣненіяхъ, внесенныхъ князьями въ земскій строй, замѣчаетъ: „сторожевое укрѣпленіе въ Кіевской

земскихъ центровъ [1]); по всей вѣроятности, это были тѣ же городскіе тысяцкіе, и имя князя равносильно въ данномъ случаѣ имени его стольнаго города: такъ Дмитро, знаменитый тысяцкій 1240 г., называется „кіевскимъ тысяцкимъ Даниловымъ“ [2]). Нужно впрочемъ замѣтить, что тысяцкіе, если и были нѣкогда вождями земства, въ это время, повидимому, утратили вовсе земское значеніе, стали вполнѣ княжьими чиновниками: по крайней мѣрѣ и въ движеніе 1067 г., и во время безпорядковъ 1113 г. народное неудовольствіе направляется изъ чиновниковъ прежде всего на тысяцкихъ (Коснячка и Путяту) [3]).

Должности сотскихъ и десятниковъ имѣли, вѣроятно, общее происхожденіе съ должностью тысяцкихъ: то были, надо думать, земскіе чины, подчиненные тысяцкому, также бывшіе военными первоначально и военно-административными въ разсматриваемое время; какъ я выше замѣтилъ, они назначались тогда, по всей вѣроятности, княземъ [4]).

Посадники управляли городскими округами, которые не имѣли тысяцкихъ; правдоподобно, они были такими же военно-административными чиновниками, какъ и тысяцкіе, хотя прямыхъ указаній на это мы не имѣемъ [5]).

землѣ Бѣлгородъ, возникшее при св. Владимірѣ изъ княжескаго дворцоваго села, при Мономахѣ также было тысячей“ (Боярская дума с. 30, также Русская Мысль 1880 кн. X, с. 73—74). Но извѣстіе о заложеніи „города“ въ Бѣлгородѣ (Ипат. с. 53) еще не значитъ, что тамъ раньше не существовало города (ср. напр. заложеніе Кіева при Ярославѣ с. 106), и тысяча тамъ могла существовать не только раньше Владиміра Мономаха, но и Владиміра Св. Существованіе тысяцкихъ въ Бѣлгородѣ и Вышгородѣ гораздо естественнѣе, кажется мнѣ, объяснять земскимъ значеніемъ этихъ городовъ, тѣмъ болѣе, что они никогда собственно не превращались въ настоящіе стольные города. Что до сѣверныхъ „новыхъ“ стольныхъ городовъ (какъ Владиміръ, Москва, Нижній Новгородъ), на которые указываетъ проф. Ключевскій, то они въ своемъ строѣ въ многомъ повторяли строй старыхъ, земскихъ городовъ.

[1]) См. сводъ данныхъ у Погодина l. с. Сомнѣніе возможно лишь относительно Владиміра Мстиславича, у котораго былъ въ 1147 г. тысяцкій („Рагуило Володимеръ тысяцкой“—Ипат. с. 247), но весьма возможно и вѣроятно предположеніе, что Владиміръ въ это время занималъ владимірскій (на Волыни) столъ—см. Линниченко Взаимн. отнош. с. 160.

[2]) Ипат. с. 523. Тысяцкихъ княжьихъ отъ городскихъ отличаетъ, напримѣръ, Бестужевъ-Рюминъ—Рус. ист. I с. 210.

[3]) Ипат. с. 120, 198.

[4]) О сотскихъ Ипат. с. 86, 198; десятники упоминаются только въ сказаніи о Владимірѣ Св. (с. 86); если справедливо, что это сказаніе сложилось много позже описываемыхъ событій, то эта должность существовала въ нашу эпоху.

[5]) Ср. Сергѣевича Вѣче и князь с. 362—365; мѣста лѣтописей о посадникахъ см. въ Изслѣд. Погодина VII с. 205—207.

Соединяли ли въ своихъ рукахъ тысяцкіе и посадники также судебныя и финансовыя компетенціи, судили ли они и собирали регаліи? Любопытно, что въ тѣхъ городахъ, гдѣ существовали тысяцкіе—въ Кіевѣ и Вышгородѣ, встрѣчаемъ и тіуновъ, которые „продаютъ и губятъ" народъ, т. е., правдоподобно, завѣдываютъ сборомъ судебныхъ пошлинъ и податей [1]). Можетъ быть, судебныя и финансовыя компетенціи не всегда входили въ кругъ вѣдомства тысяцкаго и посадника и передавались лишь въ силу особаго пожалованья, а безъ того тысяцкій или посадникъ получалъ на свое содержаніе только извѣстную часть этихъ податей или пенъ.

Обязанности низшихъ чиновниковъ при посадникахъ и тысяцкихъ исполняли, вѣроятно, ихъ частные тіуны, дѣтскіе, отроки; въ качествѣ судебнаго чиновника упоминается въ Русской Правдѣ „вирникъ" [2]).

Далѣе, въ лѣтописи упоминается еще *осменикъ* (осмьникъ), важный чиновникъ кіевскій, водившій хлѣбъ-соль съ самимъ княземъ; эту должность мы встрѣчаемъ въ Кіевѣ и позже, въ литовскій періодъ: „осмникъ" тогда завѣдывалъ сборомъ торговыхъ пошлинъ, обладалъ также судебно-полицейскими полномочіями и участвовалъ въ смѣшанномъ церковно-гражданскомъ судѣ [3]). Упоминается въ XII в. въ Бѣлгородѣ мытникъ, собиравшій пошлины на мосту [4]); подобныя мытницы надо предполагать также и на другихъ торговыхъ трактахъ; изъ Русской Правды мы узнаемъ, что мытники находились и на торгахъ—для сбора торговыхъ пошлинъ; при этомъ они исполняли обязанность маклеровъ, санкцируя торговыя сдѣлки [5]).

Значительная часть административнаго, полицейскаго, финансоваго управленія оставалась, несомнѣнно, у мѣстныхъ общинъ—городскихъ и сельскихъ; органами его служили общее вѣче и совѣтъ „лучшихъ людей", „старѣйшинъ", „старцевъ". Намъ извѣстно изъ Русской Правды, что княжескій судъ пользовался общиною, какъ орудіемъ для поимки преступниковъ, что существовала круговая по-

---

[1]) Ипат. л. с. 151, 229.

[2]) Сп. Академич. ст. 42 (сп. Карамз. ст. 7, 8).

[3]) Ипат. с. 336, уставныя грамоты Кіеву 1494 и 1499 г.—въ Акт. Зап. Россіи т. I с. 145, 194—195.

[4]) Ипат. с. 288.

[5]) См. сп. Карамзинск. ст. 33, 36.

рука, и община отвѣчала за своего члена [1]); нельзя сомнѣваться, хотя прямыхъ указаній такого рода мы не имѣемъ, что община также занималась раскладкою и собираніемъ податей, верстала ратниковъ въ ополченіе, выбирала свою старшину и вообще самоуправлялась. По справедливому замѣчанію проф. Градовскаго, только благодаря тому, что большая часть управленія оставалась въ рукахъ мѣстныхъ общинъ, княжеское управленіе могло обходиться такими несложными органами [2]). Княжьи чиновники были лишь посредниками между мѣстными общинами и центральною княжескою властью.

Резюмируя все вышесказанное, мы видимъ, что политическое и земское управленіе складывалось изъ двухъ элементовъ—общинаго и княжеско-дружиннаго; частнѣе мы находимъ: земское вѣче, какъ верховный органъ земли, князя и думу при немъ, систему княжескихъ чиновниковъ и мѣстныя вѣча, какъ органы низшаго, мѣстнаго самоуправленія. Благодаря тѣмъ историческимъ условіямъ, о которыхъ была рѣчь выше, князь оттѣснилъ общенародное вѣче на степень контролирующаго института и захватилъ центральное текущее управленіе въ свои руки; политическое вѣче потеряло свои исполнительные, посредствующіе органы; связь между нимъ и мѣстными самоуправляющимися вѣчами была разрушена, стала невозможною, и такимъ образомъ общее земское самоуправленіе оказалось „не въ средствахъ вѣча".

Выше было сказано, что наши свѣдѣнія объ общинной организаціи относятся ближайшимъ образомъ къ землѣ полянъ; о кіевскихъ аннексахъ, въ частности самомъ главномъ изъ нихъ—землѣ древлянъ мы можемъ судить лишь по аналогіи съ строемъ другихъ волостей и съ историческими условіями самой земли [3]). Я говорилъ уже, что Древлянская земля, по всей вѣроятности, не входила въ кругъ кіевскихъ общинныхъ отношеній; ея города были только волостями, а не пригородами Кіева. Но въ то же время она не составляла,

---

[1]) Русская Правда по сп. Академ. ст. 18 и 19, по сп. Карамзинск. 3—6, 80, 88.

[2]) См. статью „Государственный строй древней Руси" въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1868, X с. 126; ср. Иловайскаго Ист. Россіи I, ч. 2 с. 301.

[3]) Нѣчто похожее на дѣятельность общинъ можно видѣть въ упомянутыхъ выше привѣтствіяхъ Изяслава со стороны корчанъ и мичанъ во время его похода 1150 г. (Ипат. с. 285—6), но, какъ замѣчено было выше, это извѣстіе стоитъ такъ одиноко, что требуетъ очень большой осторожности по отношенію къ себѣ.

надо думать, и особой земли—общины, въ смыслѣ системы города и подчиненныхъ ему пригородовъ съ центральнымъ вѣчемъ всей земли, такъ какъ не составляла отдѣльнаго, обособленнаго княженія (да и въ до-княжеское время не имѣла, по всей вѣроятности, политическаго единства); здѣсь существовали, правдоподобно, лишь болѣе мелкія городскія общины, уже по своей незначительности лишенныя политическаго значенія. То же было, вѣроятно, и въ другихъ кіевскихъ аннексахъ. Всѣ они зависѣли непосредственно отъ князя, такъ что политическаго двоевластія, какое мы видимъ въ землѣ полянъ, здѣсь, вѣроятно, не существовало. Но мѣстно-общинная струя была здѣсь жива и сильна, сильнѣе, можетъ быть даже, нежели въ Полянской землѣ, такъ какъ здѣсь она не нейтрализовалась вліяніемъ центральнаго земскаго вѣча, и въ XIII в. мѣстныя общины здѣсь очень энергично добиваются автономіи. Что до организаціи княжьяго управленія, то агентами его служили тѣ же посадники и тіуны; резиденціями ихъ, правдоподобно, служили тѣ „становища“, о которыхъ говоритъ сказаніе объ Ольгѣ [1]). Что касается до тысяцкихъ, то существованія ихъ въ кіевскихъ аннексахъ мы не имѣемъ права ни утверждать, ни отрицать; однако болѣе вѣроятнымъ мнѣ кажется, что ихъ здѣсь не было.

Относительно организаціи и управленія черныхъ клобуковъ мы имѣемъ весьма скудныя свѣдѣнія. Эти насельники, очевидно, сохраняли свой исконный родовой бытъ, дробились на колѣна, во главѣ которыхъ находились князья, или ханы: именами ихъ назывались колѣна [2]). Находимъ затѣмъ аристократію въ видѣ „лѣпшихъ мужей“—неизвѣстно, была ли то аристократія родовая, или значеніе пріобрѣталось богатствомъ и заслугами; какъ видно, эти лѣпшіе мужи имѣли значительное вліяніе среди населенія и потому пользовались вниманіемъ со стороны русскихъ князей [3]). Существовало нѣчто въ родѣ вѣча этихъ „лѣпшихъ мужей“, которые общимъ совѣтомъ принимали различныя рѣшенія: „сдумаша лѣпшии мужи в Черныхъ Клобуцѣхъ, и почаша просити у Рюрика сына Ростислава на Половцѣ“ [4]). Любопытно что

[1]) Ипат. с. 38.

[2]) См. объ этомъ у П. В. Голубовскаго—Печенѣги с. 213.

[3]) Ипат. с. 344: черноклобуцкіе старшины вспоминаютъ, „якоже ны любилъ“ Изяславъ Мстиславичъ.

[4]) Ипат. с. 451, 453.

и въ этомъ, и въ другихъ случаяхъ черные клобуки дѣйствуютъ сообща, безъ различія племенъ—очевидно, существовало сознаніе солидарности между отдѣльными племенами; но во второй половинѣ XII в. встрѣчаемъ и случаи розни между черноклобуцкими ханами—изъ своихъ личныхъ выгодъ они принимаютъ стороны разныхъ князей во время борьбы за кіевскій столъ; такъ, напримѣръ, когда прочія колѣна, хотя не особенно искренно, поддерживаютъ Мстислава Изяславича, три черноклобуцкихъ хана—Чекъманъ, Тошманъ и Моначюкъ входятъ въ сношенія съ его соперникомъ Владиміромъ Мстиславичемъ, а колѣна Кончака и Бастія принимаютъ сторону Ростиславичей [1]). Вообще политика хановъ, что и естественно, обусловливается своекорыстными расчетами [2]). Они интригуютъ другъ противъ друга и чернятъ предъ кіевскими князьями; любопытный примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ разсказанное уже дѣло Кунтувдѣя, который былъ оклеветанъ другимъ ханомъ — Чюрнаемъ; предъ Святославомъ Всеволодичемъ и арестованъ послѣднимъ; въ отместку Кунтувдѣй разграбилъ городъ своего соперника и захватилъ его имущество [3]).

Подобно кіевскимъ аннексамъ, и черные клобуки зависѣли отъ кіевскаго князя, а не отъ кіевской общины. Князья принимали участье въ ихъ управленіи—отъ нихъ зависѣла раздача черноклобуцкихъ городовъ въ держанье; они могли назначить въ тотъ или другой городъ своего посадника или отдать въ держанье хану: такъ мы въ одномъ случаѣ видимъ Торческъ въ держаньи у Кунтувдѣя, котораго лѣтописецъ величаетъ „княземъ Торцькимъ", въ другомъ случаѣ находимъ тамъ княжьяго посадника" [4]). Кунтувдѣй впослѣдствіи получилъ городъ Дверень, „Рускоѣ землѣ дѣля". Ханы Чюрнай и Кульдеюръ также имѣли въ держаньи городки [5]). Ханы вooобще очень дорожили этимъ держаньемъ; вступивъ въ сношенія съ Мстиславомъ Изяславичемъ въ 1158 г., три хана объявляютъ ему: „аже ны хощеши любити, якоже ны есть любилъ отець твой, и по городу ны даси по леп-

---

[1]) Ипат. с. 367, 372, 375.

[2]) См. особенно Ипат. с. 343—344; текстъ этотъ приведенъ будетъ ниже.

[3]) См. Ипат., с. 450, объ этомъ дѣлѣ см. также у П. В. Голубовскаго Печенѣги с. 154—157.

[4]) Ипат. с. 355 и 450.

[5]) Ипат. 450, 452, 453; см. объ этомъ у П. В. Голубовскаго, ор. с. с. 150.

шему, то мы на томъ отступимъ отъ Изяслава (Давыдовича)“ [1]). Довольно трудно уяснить себѣ, въ чемъ заключалось это держанье; съ одной стороны, кажется мало вѣроятнымъ, чтобы хану поручались города съ населеніемъ или чисто-русскимъ или смѣшаннымъ [2]) (мнѣ кажется даже мало вѣроятнымъ самый фактъ существованія городовъ со смѣшаннымъ населеніемъ). Съ другой стороны, если предположить, что ханы получали въ держанье городки, къ которымъ тянуло исключительно черноклобуцкое населеніе, то какъ согласить эту административную власть, получаемую отъ русскаго князя, съ прирожденнымъ достоинствомъ хана и связанною съ нимъ властью? Я по крайней мѣрѣ не берусь разрѣшить этой дилеммы [3]).

Къ этому обзору административнаго строя земли слѣдуетъ прибавить еще нѣсколько словъ о княжьихъ финансахъ и объ организаціи войска. О финансахъ въ нашемъ распоряженіи имѣется довольно мало свѣдѣній. Повидимому, не существовало разграниченія между доходами государственными и частными доходами князя: въ казну его одинаково поступали и одинаково расходовались и регаліи и доходы отъ хозяйства, и вся вообще финансовая система въ значительной степени имѣла характеръ частноправный. Главные источники дохода можно намѣтить слѣдующіе: 1) общая подать всего вообще населенія, чаще называемая данью; въ землѣ древлянъ и другихъ, зависѣвшихъ отъ Кіева земляхъ она была слѣдствіемъ завоеванія; древнѣйшій способъ ея сбора было „полюдье“—военный постой, позже она частію шла на содержаніе гарнизоновъ и чиновниковъ, частію поступала, чрезъ посредство ихъ, въ казну князя [4]); въ землѣ полянъ, гдѣ подать эта, правдоподобно, тоже существовала, она, надо думать, имѣла сначала характеръ взноса на содержаніе войска; существованіе

---

[1]) Ипат. с. 343—4.

[2]) Можно сомнѣваться относительно Дверня—то могъ быть и славянскій городъ; можетъ быть, лѣтописецъ прибавленіемъ словъ: „Рускоѣ землѣ дѣля“ хотѣлъ объяснить такое необычайное явленіе—отдачу славянскаго города черноклобуцкому князьку.

[3]) П. В. Голубовскій дѣлаетъ предположеніе, что такіе державцы пользовались лишь доходами всякаго рода, судъ же производилъ, вѣроятно, русскій тіунъ (авторъ предполагаетъ города со смѣшаннымъ населеніемъ), но въ концѣ концевъ онъ справедливо замѣчаетъ, что лѣтопись не даетъ ни малѣйшихъ указаній для рѣшенія этого вопроса (ор. с. с. 154).

[4]) Ипат. с. 34 и 89, De admin. imperio c. IX.

ея здѣсь можно вывести косвенно—изъ существованія церковной десятины [1]). Единицею обложенія съ древнѣйшихъ поръ и до позднѣйшаго времени служилъ дымъ [2]); взымалась дань какъ деньгами, такъ и натуральными продуктами—мѣхами, медомъ и пр. [3]). Кромѣ дани упоминаются еще урокъ и оброкъ [4]); чѣмъ отличались они отъ дани, трудно рѣшить. Кромѣ платы дани все вообще населеніе отбывало еще, несомнѣнно, различныя повинности—постройку городовъ, мостовъ, содержаніе княжескихъ чиновниковъ при проѣздѣ и т. п. [5]). 2) Судебныя пошлины—при широкомъ примѣненіи и большомъ размѣрѣ штрафовъ это была очень важная доходная статья. 3) Торговыя пошлины, взымаемыя на торговыхъ путяхъ и рынкахъ [6]). 4) Доходы княжескаго хозяйства; въ источникахъ есть нѣсколько свидѣтельствъ о княжескихъ имѣніяхъ въ Кіевской землѣ: такъ у Ярополка Изяславича были гдѣ-то имѣнія подъ Кіевомъ, которыя онъ завѣщалъ Печерскому монастырю; дочь его завѣщала тому же монастырю „пять селъ и съ челядью"; у вдовы Мстислава В. было село Шоломница; Владиміръ Мстиславичъ, захвативъ Погориву по смерти Владиміра Андреевича, „уклонися на имѣние, и на села, и на стада Андреевича" [7]). По аналогіи съ извѣстіями о Сѣверской землѣ [8]), можно предположить, что и кіевскіе князья вели значительное хозяйство и извлекали изъ него немалые доходы. 5) Военная добыча и контрибуціи. 6) Подарки отъ младшихъ князей-родственниковъ, едва ли, впрочемъ, регулярные, о которыхъ я упоминалъ выше.

Главныя статьи расхода можно указать слѣдующія: 1) содержаніе двора; 2) содержаніе дружины, а также всего необходимаго

---

[1]) См. особенно извѣстіе о выдѣлѣ десятины изъ вышгородской дани въ „Чтеніи" о Борисѣ и Глѣбѣ—въ изд. Бодянскаго с. 17 (Срезневскаго с. 29).

[2]) Ипат. с. 9, 11.

[3]) Ипат. с. 13, 14, 37 („ради даемъ и медомъ и скорою") и 89.

[4]) Ипат. с. 38.

[5]) Для сравненія см. Рус. Правду, сп. Акад. ст. 42 и 43. Считаю нужнымъ оговориться, что Русскою Правдою въ тѣхъ частяхъ ея, происхожденіе которыхъ не опредѣлено совершенно точно, я пользуюсь здѣсь и ниже лишь какъ матеріаломъ для аналогій и косвенныхъ заключеній относительно Кіевской земли, подобно извѣстіямъ лѣтописей о современномъ строѣ другихъ русскихъ земель.

[6]) Вспомнимъ мытника на мосту въ Бѣлгородѣ (Ипат. с. 288).

[7]) Ипат. с. 338, 374, Воскрес. I с. 71.

[8]) Ипат. с. 236—7.

для военныхъ дѣйствій (напр. оружія для вооруженія неимущихъ охотниковъ, ополченцевъ и т. п.); 3) содержаніе различныхъ чиновниковъ; надо думать, большею частью они получали въ вознагражденіе извѣстную часть собираемыхъ ими доходовъ [1]); 4) пособія на содержаніе церквей и духовенства; кромѣ регулярныхъ субсидій, каковы десятина, руга, князь, по воззрѣніямъ тогдашняго времени, долженъ былъ широко благодѣтельствовать представителямъ духовенства. Въ хорошія времена Кіевской земли доходы превышали расходы, и въ распоряженіи князя оставались не малые остатки; но добрый князь, по тогдашнимъ понятіямъ, не долженъ былъ копить богатствъ—это было недостойнымъ корыстолюбіемъ: излишки должны были употребляться на пользу, на утѣшеніе дружины и духовенства [2]).

Военныя силы кіевскаго князя слагались изъ дружины, охотниковъ, земскаго ополченія и черныхъ клобуковъ. Постоянное войско составляла только дружина, находившаяся на содержаніи князя. На случай похода княземъ вербовались охотники изъ населенія [3]). Сборъ ополченія, надо думать, практиковался лишь въ особенныхъ случаяхъ, когда походъ ближайшимъ образомъ касался интересовъ земли или послѣдняя близко къ сердцу принимала интересы князя; терминомъ для ополченія были „вои", хотя это имя часто безъ различія обозначало войско вообще [4]). Предводителями ополченія были тысяцкіе и, правдоподобно, посадники. Отряды черныхъ клобуковъ предводились своими ханами; часто во главѣ послѣднихъ посылался, въ качествѣ главнокомандующаго, русскій бояринъ или князь [5]). Участники ополченія снаряжались на свой счетъ и, смотря по достатку, служили конную или пѣшую службу [6]); въ случаѣ недостатка, они обращались за вооруженіемъ или конями къ князю [7]). Кажется, всѣ отряды безъ разли-

---

[1]) См. Русск. Правду, напр. сп. Акад. ст. 41 и 42, Карамзинск. ст. 7, 8.

[2]) См. напр. Ипат. л. с. 105 (Мстиславъ Тмутараканскій), 117 (Ростиславъ Володимеричъ), 376, 414, 471 (Святославъ, Мстиславъ и Давыдъ Ростиславичи).

[3]) См. Ипат. с. 243: „Изяславъ же рече имъ: „а тотъ добръ, кто по мнѣ поидетъ"; и то рекъ, съвъкупи множество вои".

[4]) Ипат. с. 92 (ополченіе), с. 105, 228 и др. (войско).

[5]) Напримѣръ, Ипат. с. 210, 365, 430.

[6]) Ипат. л. с. 300: „поидоша другъ друга не остани веи, и на конихъ, и пѣши, многое множество"; ср. с. 246: „доспѣвайте отъ мала и до велика, кто имѣеть конь, кто ли не имѣеть коня—а в лодьи".

[7]) Ипат. с. 120.

чія назывались полками; слово *полкъ* впрочемъ имѣло различное значеніе, и въ переносномъ смыслѣ вся земля называлась „полкомъ кіевскимъ“ [1]), такъ какъ въ случаѣ нужды все населеніе могло превратиться въ ратниковъ: такимъ образомъ терминъ „полкъ“ въ территоріальномъ значеніи ведетъ свое начало еще изъ удѣльно-вѣчевого періода.

Перейдемъ теперь къ населенію, его составу и отношеніямъ. Древняя Русь, какъ извѣстно, не знала сословности; единственная рѣзкая и опредѣленная грань раздѣляла людей свободныхъ и несвободныхъ. Свободное населеніе затѣмъ распадалось на двѣ части, сохранявшія, впрочемъ, постоянное взаимное общеніе и не имѣвшія вовсе характера кастъ,—на княжьихъ людей (*дружина, княжьи мужи*) и на людей, такъ сказать земскихъ—„*людей*“ въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, *кіянъ* и т. п. Затѣмъ эти двѣ части распадались на болѣе мелкія и еще менѣе разъединенныя группы, различавшіяся степенью вліянія, почета, но не объемомъ правъ.

Дружина раздѣлялась на *большую*, или *лучшую*, и *младшую;* первая называлась *боярами* (что производятъ также отъ слова „болій“), младшая же, правдоподобно, должна быть отождествляема съ отроками и дѣтскими [2]). Бояре составляли ближайшую свиту князя и думу его; они же занимали важнѣйшіе посты—тысяцкихъ, посадниковъ; отроки употреблялись для низшихъ должностей, для прислуги при дворѣ и составляли войско—конное. Относительно численности дружины мы имѣемъ лишь нѣсколько случайныхъ указаній: такъ у Святополка въ 1093 г. было 800 отроковъ, Изяславъ Давыдовичъ въ 1146 г., побравъ дружину у Изяслава Мстиславича и Владиміра Давыдовича, имѣлъ 3000 ратниковъ. Сопоставивъ эти указанія съ данными о другихъ княжествахъ, можно притти къ заключенію, что дружина кіевскаго князя считалась сотнями и рѣдко переходила за тысячу; это и понятно, такъ какъ содержаніе дружинниковъ обходилось дорого [3]). Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того какъ кіевскіе князья

---

[1]) Ипат. с. 287.

[2]) Относящіяся сюда мѣста лѣтописей собраны у Погодина VII с. 64 сл.

[3]) О размѣрѣ жалованія дружины есть одно лишь извѣстіе—знаменитое сѣтованіе лѣтописца на дружинниковъ, говорящихъ: „мало ми есть, княже, двѣсти гривенъ“ (Софійск. 1 с. 10), но, мнѣ кажется, это извѣстіе нельзя принимать за сколько-нибудь точное (какъ

становились менѣе могущественны и богаты, число дружины должно было еще болѣе уменьшиться [1]).

Дружина служила не землѣ, а князю, и между ними существовала тѣсная связь. Князь при помощи дружины добывалъ волости; дружина была единственною надежною гарантіею противъ посягательствъ соперниковъ и на случай столкновенія съ общиною; поэтому князь чрезвычайно дорожитъ дружиною. Это отношеніе князя къ дружинѣ ясно выражается въ извѣстномъ анекдотѣ о дружинѣ Владиміра Св. и деревянныхъ ложкахъ: „сребромъ и златомъ не имамъ налѣсти дружины, а дружиною налѣзу сребро и злато, яко дѣдъ мой и отець мой доискася дружиною злата и сребра“, сказалъ князь [2]). Въ свою очередь, дружина была заинтересована въ усиленіи князя: если онъ былъ богаче, если волости его увеличивались, то это влекло за собою и обогащеніе дружины; по тогдашнимъ воззрѣніямъ, князь и дружина являлись какъ бы пайщиками въ одномъ и томъ же предпріятіи, и князь не долженъ былъ копить богатства для себя, а раздавать ихъ дружинѣ. Отношенія дружины къ князю были совершенно свободныя; вступая на службу, дружинникъ не принималъ на себя никакихъ особыхъ обязательствъ; разъ находилъ онъ службу невыгодною для себя, или былъ недоволенъ чѣмъ-нибудь, онъ былъ въ правѣ покинуть своего князя и итти искать себѣ другого, „доброго пана, що платить добре за служеньку“, какъ поется въ древней, тоговременной колядкѣ [3]).

дѣлаетъ Д. И. Иловайскій—Ист. Рос. I, 2 с. 294): лѣтописецъ самъ приводитъ эту цифру, какъ баснословную. Проф. Ключевскій объясняетъ эту дружинную жалобу вздорожаніемъ металла и уменьшеніемъ вѣса гривны (Боярская дума с. 102), въ связи со своею теоріею общерусской монетной гривны.

[1]) Объ этомъ см. у Погодина VII с. 174 слѣд. Соловьевъ (III с. 23) полагалъ, что подъ отроками Святополка нужно разумѣть княжескую служню, которую слѣдуетъ отдѣлять отъ бояръ и гридей (младшей дружины).

[2]) Ипат. с. 87; какъ контрастъ такому правильному, по тогдашнимъ понятіямъ, воззрѣнію на дружину, лѣтописецъ выставляетъ поведеніе Изяслава и Святослава Ярославичей: первый „иде въ Ляхы со имѣниемъ многымь, глаголя, яко симь налѣзу вой; еже взяша у него Ляхове, показаша ему путь отъ себе“, а второй хвасталъ своими богатствами предъ нѣмецкими послами, но тѣ отвѣчали ему вполнѣ въ духѣ кіевскихъ воззрѣній: „се ни въ чтоже есть, се бо лежить мертво; сего суть кметье луче, мужи бо ся доищють и болше сего“; „тако и по сего смерти все имѣнье расыпася разно“, замѣчаетъ лѣтописецъ. Ипат. с. 128, Лавр. с. 192—193.

[3]) Историч. пѣсни малорусск. народа Антоновича и Драгоманова, т. I с. 1.

Дружина складывалась изъ весьма разнообразныхъ элементовъ: тутъ были и туземцы, и пришельцы изъ другихъ волостей, и иноплеменники. Какъ въ болѣе раннюю эпоху мы находимъ при кіевскихъ князьяхъ варяговъ, ятвяговъ, угровъ и пр., такъ и теперь иноплеменная струя не оскудѣваетъ: мы находимъ, напримѣръ, между дружинниками Чудина и брата его Тукы, Козарина, Шимона варяга, Володислава-Ляха; ляхъ былъ, можетъ быть, и Иванъ Войтишичъ; тюркскаго происхожденія, вѣроятно, были Олбырь Шерошевичъ (1159 г.) и Воиборъ Генечевичъ (1162); нѣкоторыя изъ этихъ лицъ играли видную роль среди дружины, какъ Чудинъ, Козаринъ, Иванъ Войтшичъ, Володиславъ [1]. Людей прихожихъ изъ другихъ волостей въ кіевской дружинѣ должно было бывать много: они приходили сюда и поодиночкѣ сами, какъ приходили къ другимъ князьямъ, только въ большемъ количествѣ, привлекаемые славою Кіева и постоянными войнами, происходившими здѣсь; еще больше ихъ приходило вмѣстѣ съ князьями. Занимая кіевскій столъ, всякій князь приводилъ съ собою, къ величайшему неудовольствію туземцевъ, свою прежнюю дружину; такъ Святополкъ привелъ съ собою въ 1093 г. туровскую дружину, Всеволодъ Ольговичъ навелъ черниговцевъ, Юрій—суздальцевъ и т. д.; это явленіе должно было непремѣнно повторяться съ каждою смѣною князя.

Въ какой мѣрѣ, какомъ видѣ входилъ въ дружину элементъ туземный? Есть мнѣніе, что кіевскіе князья старались привлечь къ себѣ, заручиться содѣйствіемъ мѣстной аристократіи, и что среди княжескихъ бояръ было много представителей земской аристократіи. Это мнѣніе очень вѣроятно a priori и имѣетъ за себя нѣкоторыя указанія источниковъ, косвенныя впрочемъ. Мы видимъ, что когда князь очищаетъ кіевскій столъ, дружина его не расходится вся цѣликомъ, но часть бояръ остается въ Кіевской землѣ и сохраняетъ за собою видное положеніе и значеніе; такъ, напримѣръ, Янъ Вышатичъ служитъ сначала Святославу, правдоподобно во время его княженія въ Кіевѣ, является тысяцкимъ кіевскимъ при Всеволодѣ и виднымъ сановникомъ при Святополкѣ; Ивана Войтишича видимъ на важныхъ постахъ при Мо-

[1]) Ипат. л. с. 120, 128, 186, 204, 344, 354, 360, Патерикъ с. 111. Ср. Погодина Изслѣд. VII с. 124—125. Конечно, по именнымъ прозвищамъ происхожденіе можно опредѣлить только съ нѣкоторою приблизительностью.

номахѣ и его сыновьяхъ, потомъ при Всеволодѣ и Игорѣ Ольговичахъ; Шварно служитъ у Изяслава Мстиславича, потомъ у Изяслава Давыдовича; Володиславъ Ляхъ—у Ростислава, Мстислава Изяславича, Давыда Ростиславича, Михалка Юрьевича [1]). Эти бояре являются такимъ образомъ прикрѣпленными къ Кіевской волости и послѣдовательно переходятъ на службу къ новымъ князьямъ; въ дѣйствительности подобныхъ случаевъ, конечно, было гораздо больше. Можно прибавить сюда нѣсколько общихъ указаній: такъ подъ 1093 г. туровской дружинѣ, приведенной Святополкомъ, противопоставляются Янь и другіе „мужи смысленѣи"—очевидно туземная, кіевская дружина; призывая Олега въ 1096 г. на судъ въ Кіевъ *„предъ мужи отець своихъ"*, Святополкъ и Мономахъ, вѣроятно, разумѣли старую дружину, оставшуюся въ Кіевѣ. Этотъ фактъ осѣдлости дружины въ Кіевѣ лучше всего объясняется, если принять предположеніе, что то были жители Кіевской земли, богатые, вліятельные члены общины, которые не имѣли надобности слѣдовать изъ Кіевщины за наслѣдниками своего прежняго князя, и которыхъ послѣдующіе князья приглашали въ свою дружину, разсчитывая на ихъ авторитетъ и вліяніе въ землѣ.

Другое указаніе, тоже косвенное и само по себѣ не имѣющее рѣшительной доказательности, связано съ вопросомъ о содержаніи дружины. Изъ лѣтописи мы знаемъ, что дружина получала денежное жалованье („золото и серебро" [2]), получала она также, вѣроятно, жалованье натурою—изъ натуральной дани; наконецъ, бояре получали въ завѣдываніе города и области. Надѣлялась ли дружина помѣстьями? [3]). Чего-либо похожаго на западные домены или наши позднѣйшія ран-

---

[1]) Ипат. с. 123, 146, 186; 204, 210, 231; 238, 354; 360, 365, 376, 380; см. каталогъ бояръ у Погодина Изслѣд. VII с. 103 сл.; относительно Володислава возможно сомнѣніе, одно лицо Володиславъ Ляхъ, Володиславъ Воротиславичъ и Володиславъ Яневъ братъ, или разныя.

[2]) См. приведенныя выше мѣста о щедрости князя относительно дружины.

[3]) Этотъ вопросъ рѣшается утвердительно напр. Костомаровымъ (Мон. I с. 122, XII с. 56), Бѣляевымъ (Разсказы I с. 203), Иловайскимъ (Ист. Рос. I, 2 с. 293, 306), Будановымъ (Обзоръ с. 82); другіе, какъ Соловьевъ (Ист. Рос. III с. 18), Бестужевъ-Рюминъ (Русск. Ист. I с. 211), не находятъ достаточно данныхъ для рѣшенія этого вопроса; третьи, какъ Погодинъ (Изслѣд. VII с. 229), Сергѣевичъ (Вѣче и князь с. 410—411), прямо считаютъ раздачу помѣстій явленіемъ позднѣйшимъ.

говыя имѣнія у князей незамѣтно; они владѣли отдѣльными имѣніями, вѣроятно на частномъ правѣ, но едва ли эти имѣнія были очень велики, и во всякомъ случаѣ едва ли князья отдавали ихъ въ помѣстья дружинѣ; никакихъ указаній такого рода мы не имѣемъ. Между тѣмъ намъ извѣстно, что землевладѣніе боярское было довольно развито; такъ въ 1146 г. кіяне разграбили „домы дружины Игоревы и Всеволожѣ, и села, и скоты, взяша имѣнья много в домехъ и в монастырехъ". Изяславъ, идя на Юрія въ 1150 г., говоритъ своей дружинѣ: „вы есте по мнѣ изъ Руские земли вышли, своихъ селъ и своихъ жизний (животовъ) лишився", а ниже мы узнаемъ, что кіяне по смерти Юрія „избивахуть Суждалци по городомъ и по селомъ, а товаръ ихъ грабяче"; сопоставляя эти два извѣстія, мы можемъ думать, что Юрій, захвативъ Кіевъ, конфисковалъ села Изяславлихъ бояръ, послѣдовавшихъ за своимъ княземъ, и раздалъ ихъ своимъ боярамъ. Затѣмъ подъ 1159 г. разсказывается, что Мстиславъ Изяславичъ, занявъ Кіевъ, „зая товара много Изяславли дружины, золота и серебра, и челяди, и коний, и скота, и все проводи Володимирю"; это извѣстіе также предполагаетъ существованіе боярскихъ имѣній [1]). Сопоставляя приведенныя извѣстія, нельзя, мнѣ кажется, думать, что упоминаемыя села давались боярамъ въ держаніе, для собиранія регалій; очевидно, эти села находились во владѣніи ихъ, и притомъ, въ силу высказанныхъ выше соображеній, гораздо вѣроятнѣе, что это владѣніе было частноправное, а не на помѣстномъ правѣ. Такое частноправное боярское владѣніе могло происходить двоякимъ путемъ: мѣстные землевладѣльцы вступали на княжескую службу, такъ какъ это была служба доходная и почетная, да и стоять ближе къ носителю власти было выгодно въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ для людей состоятельныхъ; съ другой стороны, люди безземельные, туземные и прихожіе, обогатившись на княжеской службѣ, обращали нажитое въ поземельную собственность и становились землевладѣльцами. Послѣднее явленіе, несомнѣнно существовало въ Кіевѣ, болѣе, можетъ быть, чѣмъ гдѣ-либо [2]): въ случаѣ смерти князя не всякій дружинникъ могъ надѣяться на соотвѣтственное положеніе при его преемникѣ, а перебираться изъ Кіева въ какую-то второстепенную волость и тамъ дѣлать снова свою

---

[1]) Ипат. с. 233, 284, 336, 344.

[2]) Ср. Боярская дума с. 68—69.

карьеру какому-нибудь почтенному тысяцкому или воеводѣ было уже тяжело, и много такихъ бояръ должно было осаживаться въ Кіевской землѣ, сливаясь съ земскою аристократіею. Для пріобрѣтенія имѣній въ землѣ препятствій, вѣроятно, не существовало—кіевская община едва ли была такъ ревнива въ этомъ отношеніи, какъ новгородская, оговаривавшая, что ни князь, ни бояре не имѣютъ права пріобрѣтать недвижимыхъ имуществъ въ новгородскихъ волостяхъ [1]).

Въ какой мѣрѣ званіе дружинниковъ, въ частности бояръ, было наслѣдственно? На этотъ счетъ существуетъ нѣкоторое несогласіе во взглядахъ ученыхъ. Защитникомъ широкой наслѣдственности является Погодинъ, который полагалъ, что „точно какъ были роды княжескіе, такъ точно были и роды боярскіе и отроковъ или дѣтскихъ" [2]). Это мнѣніе преувеличено, какъ справедливо указалъ Соловьевъ, но лишь до нѣкоторой степени; лѣтопись, дѣйствительно, даетъ мало вполнѣ достовѣрныхъ случаевъ наслѣдственности, но много ли вообще говоритъ намъ лѣтопись о внутренней жизни? Должность дружинника была выгодна, и потому сыновья съ охотою могли наслѣдовать занятіе своихъ отцовъ; съ другой стороны, дѣти дружинниковъ должны были отличаться сравнительно большею опытностью и сноровкою въ отправленіи обязанностей, и потому князья могли ихъ предпочитать людямъ совершенно новымъ [3]). Изъ приводимыхъ источниками случаевъ наслѣдованія особенно интересно преемство должности тысяцкаго: такъ тысяцкимъ былъ, правдоподобно, Вышата, затѣмъ его сыновья—Янь и Путята; тысяцкимъ былъ, по всей вѣроятности, Славно и сынъ его Іоаннъ Славновичъ [4]). Тѣмъ не менѣе, если дружина и отличалась большею усидчивостью, чѣмъ думаетъ, напримѣръ, Соловьевъ, и званіе дружинника часто передавалось по наслѣдству, все это еще

---

[1]) Объ этихъ, такъ сказать, дружинныхъ осадкахъ въ Кіевской землѣ ср. Боярскую думу с. 67—69.

[2]) Изслѣдов. и пр. VII с. 92 слѣд. Раньше эта статья „О наслѣдственности сановъ въ древн. Руси" помѣщена была въ „Архивѣ" Калачова кн. I. Возраженія на нее у Соловьева III с. 14—15.

[3]) Случаи наслѣдственности приведены у Погодина ibid. с. 97 слѣд.; нѣкоторыя сближенія его, впрочемъ, неособенно вѣроятны. Мнѣ кажется еще, что если въ рядахъ дружины оказываются братья, можно предполагать—по крайней мѣрѣ иногда—что и отецъ ихъ былъ дружинникомъ.

[4]) Ипат. с. 108, 146, 198, 445, Лавр. с. 434.

не дѣлало дружину какимъ-нибудь замкнутымъ сословіемъ, кастою. Эта общественная группа все-таки, по самому положенію своему, отличалась большою подвижностью; при всякой смѣнѣ князя происходили сильныя перемѣны и въ составѣ дружины: часть удалялась въ другія волости, часть уходила въ составъ кіевскаго земства, а на ихъ мѣсто, кромѣ пришлыхъ дружинниковъ новаго князя, должны были являться и новыя лица изъ земства. Такъ же пополнялись мѣста отъѣхавшихъ почему-либо дружинниковъ. Наконецъ, во время войнъ наиболѣе рѣдѣли именно ряды дружины. Въ замѣщеніи ихъ князья не придерживались, конечно, какихъ-либо сословныхъ воззрѣній, нужна была только сила и ловкость, да достатокъ, чтобы справить себѣ приличную амуницію; потому въ дружину могли попадать лица изъ всевозможныхъ общественныхъ группъ, хотя наиболѣе желательными для князей дружинниками были вліятельные члены мѣстнаго земства, какъ сказано выше.

Въ составѣ земства, неслужилаго населенія, мы находимъ ту же градацію, какъ и среди дружины: различаются люди *лучшіе*, *лѣпшіе* и *людье* въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, или *простии людье*; среди послѣднихъ *людье градскіе*, горожане, можетъ быть, стояли въ общемъ нѣсколько выше, чѣмъ селяне—*смерды;* наконецъ, между свободнымъ и несвободнымъ классами стояли *наймиты*, *закупы*, безземельное и обязанное населеніе. Различаясь между собой, такъ сказать, качественно, всѣ эти группы, исключая развѣ послѣдней, не различались юридически нисколько: всѣ имѣли одинаковый юридическій вѣсъ, и пеня за убійство всякаго свободнаго земца полагалась одинаковая [1]).

Лучшіе мужи, или *нарочитая чадь*, составляютъ земскую аристократію, земскихъ бояръ; въ сказаніи о Владимірѣ Св., правдоподобно, они же называются „старцами градскими“ или „людскими“ [2]). Носили ли они также титло бояръ? Прямыхъ указаній такого рода мы не

---

[1]) Ср. Русск. Прав. по сп. Академич. ст. 1, сп. Карамз. ст. 1.

[2]) Ипат. с. 35, 36, 230, 351 (лучшіе мужи); 81 (нарочитая чадь); 54, 73, 85, 87, 88 и Лавр. 122 прим. (старцы). Старцевъ съ лучшими людьми отождествляютъ Ключевскій (Боярск. дума с. 16 сл.), Будановъ (Обзоръ с. 27), Линниченко (Вѣче с. 62—63); они отождествляютъ съ лучшими людьми и „старѣйшинъ градскихъ“ (Ипат. с. 38, 86, 88). Другія толкованія термина „старцы“ (родовладыки, старики, зажиточные домохозяева) приведены у Ключевскаго (Боярск. дума с. 17) и Линниченка (Вѣче с. 10).

имѣемъ, и вообще невозможно, кажется, различить бояръ служилыхъ и бояръ земскихъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ лѣтописи говорятъ о боярахъ вообще; встрѣчается правда терминъ „бояре кіевскіе“ [1]), но онъ не имѣетъ большого значенія—лѣтописецъ могъ поставить имя города вмѣсто имени князя. Однако это во всякомъ случаѣ не значитъ еще, что земскіе бояре, земская аристократія совершенно слилась съ княжьею въ эту эпоху, какъ думаютъ нѣкоторые [2]); эти двѣ группы дѣйствительно совпадаютъ въ нѣкоторой степени, между ними существуетъ общеніе, передвиженіе отдѣльныхъ членовъ изъ одной въ другую, но полнаго совпаденія не могло быть—дружина постоянно разрѣжалась пришлымъ элементомъ, съ другой стороны—едва ли возможно, чтобы вся земская аристократія находилась на княжеской службѣ. Большее или меньшее совпаденіе земской аристократіи со служилою зависѣло въ значительной степени отъ отношенія князя къ населенію: если на столѣ сидѣлъ князь излюбленный—земская аристократія должна была широко входить въ составъ дружины, по приглашенію князя и по собственной инціативѣ; если же садился князь нелюбимый, наперекоръ народнымъ желаніямъ, то земская аристократія должна была тѣснѣе сливаться съ прочимъ населеніемъ и входить въ дружину въ самой малой мѣрѣ, уступая мѣста чужестранцамъ, землякамъ князя. Во всякомъ случаѣ *кіяне лѣпшіе* весьма ясно выступаютъ, какъ члены земства, и противополагаются дружинѣ [3]). Что до титла боярскаго, то есть нѣкоторые намеки, что онъ не принадлежалъ исключительно дружинѣ: такъ противополагаются

---

[1]) Ипат. с. 214—рѣчь идетъ, повидимому, о боярахъ княжьихъ; Погодинъ (Изслѣд. VII с. 76) видѣлъ въ нихъ осѣдлыхъ, „какъ бы городскихъ“ бояръ, проф. Ключевскій (Боярск. дума с. 69)—мѣстные осадки княжьихъ бояръ.

[2]) Напр. проф. Будановъ Обзоръ с. 11, 24, Линниченко Вѣче с. 64; ту же мысль проводилъ пространно и Пассекъ въ своей статьѣ (с. 15—16, 109, 146 и др.). Существованіе земской аристократіи независимо отъ служилой признаютъ Сергѣевичъ (Вѣче и князь с. 33 слѣд., 356), Ключевскій (Боярская дума с. 43); оба они отличаютъ эту аристократію и отъ осѣдлой, отставной дружины (Вѣче и князь с. 40, Боярск. дума с. 69); существованіе *земскихъ бояръ* признавали также Костомаровъ (Монографія I с. 142—144, XII с. 57), Хлѣбниковъ (Общ. и госуд. с. 220 слѣд.), Бестужевъ-Рюминъ (Русская Исторія I с. 211—2). Костомаровъ и Хлѣбниковъ полагали, что терминъ „бояринъ“ означалъ первоначально именно только земскаго боярина.

[3]) Ипат. с. 230, 351; въ первомъ случаѣ *лучшіе мужи* являются представителями вѣча въ отношеніяхъ къ нелюбимому князю—Игорю Ольговичу.

бояре и *убогіе*, *бояре* и *простые люди;* если допустить здѣсь точность въ выраженіи, то подъ боярами (т. е. классомъ знатныхъ, богатыхъ) необходимо разумѣть не только старшую дружину, но и лучшихъ людей земскихъ [1]).

Выскажемъ нѣсколько соображеній относительно этой земской аристократіи. При отсутствіи сословной кастичности и всякого рода прирожденныхъ правъ, общество, естественно, сортировалось на основаніи экономическихъ отношеній—кіевскую аристократію составляли люди богатые, это была аристократія капитала (я не говорю здѣсь, конечно, о духовенствѣ). Довольно развитая культура, обширныя и древнія торговыя сношенія съ культурными народами востока и запада должны были уже въ весьма древнія времена дать большое значеніе капиталу и выдвинуть классъ капиталистовъ—крупныхъ промышленниковъ и купцовъ. Обладаніе капиталомъ ставило въ зависимость отъ нихъ массы какъ сельскаго, такъ еще больше—городскаго населенія, мелкихъ купцовъ, промышленниковъ и земледѣльцевъ, и создавало имъ въ обществѣ вліятельное, руководящее положеніе. Эти-то „лучшіе люди“, правдоподобно, и стояли во главѣ мѣстныхъ общинъ „Русской земли“ въ до-княжеское время, руководили вѣчами и занимали административныя должности. Съ появленіемъ княжеско-дружиннаго элемента, выдвинутаго, правдоподобно, тою же общинною аристократіею, послѣдняя теряетъ постепенно свою политическую власть, но не общественное вліяніе, не экономическую силу: здѣсь она, быть можетъ, еще выиграла, получивъ новую опору въ князѣ [2]). Выше было сказано, что мы не замѣчаемъ принципіальнаго антагонизма между общиною и княземъ—въ частности, еще въ большей мѣрѣ, это можно повторить относительно земской аристократіи: ей открытъ былъ широкій доступъ въ княжью дружину, къ должностямъ, ей представлялась такимъ образомъ полная возможность участвовать въ вы-

---

[1]) Ипат. с. 90: „плакашася по немь (Владимірѣ Св.) бояре акы заступника земли ихъ, убозии акы заступника и кормителя“, и с. 152: „и бояре, и простии людье“; любопытно, что въ первомъ случаѣ бояре являются представителями земли—ср. Костомарова Монографіи 1 с. 144.

[2]) Объ этомъ см. у проф. Ключевскаго Боярская дума с. 31 сл., также Русск. Мысль I с. 71 с. л., X с. 91 сл. Въ позднѣйшее время—въ XI и XII в. проф. Ключевскій усматриваетъ борьбу двухъ аристократій: служилой и городской и здѣсь видитъ „основной, господствующій фактъ“, вліявшій на обостреніе отношеній князей и общества (X с. 94).

годахъ, которыми пользовался новый общественный элементъ; не замѣчаемъ мы антагонизма и между аристократіею дружинною и земскою—наоборотъ, между ними существовало часто большое общеніе; если бывалъ антагонизмъ—то онъ направлялся противъ прихожей дружины или противъ княжьихъ „милостниковъ", „уныхъ", оттѣснявшихъ старую, коренную аристократію. Не встрѣчая противодѣйствія со стороны земскаго боярства, князья, съ своей стороны, не имѣли повода противиться вліянію боярства, ослаблять его экономическую силу, хлопотать объ освобожденіи „людей" изъ подъ его зависимости. Можно замѣтить, что древнѣйшій юридическій кодексъ, Русская Правда, начиная со старѣйшихъ редакцій, имѣетъ въ виду преимущественно богатый классъ и въ общемъ постановленія его весьма благопріятны для этого послѣдняго. Мѣры, принимавшіяся иногда противъ притѣсненій капиталистовъ, диктовались чувствомъ справедливости и постепенно распространявшейся христіанской гуманности, а не демократизмомъ или демагогическими побужденіями. Могли быть для нихъ еще и другіе поводы; любопытно, что постановленіе Мономаха объ ограниченіи процентовъ—единственное постановленіе въ этомъ родѣ, происхожденіе котораго мы можемъ опредѣлить съ совершенною точностью, стоитъ, несомнѣнно, въ связи съ движеніемъ бѣднѣйшаго кіевскаго населенія противъ богатыхъ классовъ въ 1113 г.; къ этому же времени многіе ученые съ вѣроятностью относятъ и нѣкоторыя другія аналогичныя постановленія Русской Правды, какъ было упомянуто выше [1]): они являются такимъ образомъ какъ бы вытребованными бѣднѣйшимъ населеніемъ у княжьей власти. Любопытно еще въ этомъ эпизодѣ, что боярство ищетъ защиты отъ разгулявшагося людства въ князѣ—торопитъ Мономаха скорѣе явиться въ Кіевъ, и дѣйствительно—по его прибытіи „мятежь влеже"; князь и боярство являются солидарными [2]). Пользуясь поддержкою князя и его дружины, земская аристократія въ об-

---

[1]) См. с. 131—132.

[2]) Что посольство къ Мономаху, понуждавшее его явиться скорѣе въ Кіевъ, было отправлено боярствомъ, свидѣтельствуетъ Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ: „многу мятежу бывшю и крамолѣ въ людехъ и молвѣ не малѣ и тъгда совкупившеся вси людие, паче же болшии и нарочитии мужи шедше причтомъ всихъ людии моляху Володимера, да шедъ уставить крамолу сущюю въ людехъ" (изд. Срезневскаго с. 86).

щемъ свободно и безпрепятственно, особенно въ предѣлахъ законности, пользовалась своимъ экономическимъ могуществомъ и во все домонгольское время кіевскія общественныя отношенія, правдоподобно, имѣли нѣсколько аристократическій, точнѣе—плутократическій характеръ. Впрочемъ аристократизмъ здѣсь не достигъ полнаго развитія, не отлился въ строго-опредѣленныя формы, не замкнулся. Мы даже не можемъ опредѣлить, насколько рѣзко обозначился антагонизмъ между аристократіею и „людьми“: единственный вполнѣ опредѣленный фактъ—это все то же движеніе 1113 г., когда разграблены были дома княжьихъ чиновниковъ и жидовъ, а въ перспективѣ предвидѣли погромъ вообще боярскихъ домовъ (монастыри, я думаю, были присоединены сюда послами только для большаго эффекта). Весьма вѣроятно, что экономическій элементъ привходилъ и въ другія народныя движенія, весьма сильно примѣшивался и борьбу политическихъ партій, но уловить его слишкомъ трудно.

Горожане, люди градскіе, составляли въ то время не только торговое и промышленное, но и земледѣльческое населеніе--изъ лѣтописи это мы знаемъ прямо о городахъ Древлянской земли[1]). Въ небольшихъ городахъ земледѣльцы, несомнѣнно, составляли главную массу обывателей. Исконная роль города, какъ политическаго центра волости, вѣроятно, сообщала гражданамъ важнѣйшихъ городовъ земли нѣсколько болѣе почетное положеніе среди остальнаго населенія; особенно это нужно сказать о Кіевѣ, хотя у насъ и нѣтъ относительно Кіевщины такихъ опредѣленныхъ свидѣтельствъ этого рода, какія мы имѣемъ, напримѣръ, для Новгорода[2]).

Сельскіе жители назывались обыкновенно смердами[3]). Это названіе употреблялось однако въ разныхъ значеніяхъ: въ самомъ широкомъ значеніи оно означала, повидимому, всякаго земскаго человѣка, подвластнаго князю; въ такомъ смыслѣ Янь Вышатичь разузнаетъ о бѣлозерскихъ волхвахъ, „чья еста смерда“; въ такомъ же смыслѣ

---

[1]) Ипат. с. 37.

[2]) 1 Новг. с. 1. Нѣкоторые ученые (напр. проф. Будановъ—Обзоръ с. 33) полагаютъ, что города вообще отличались отъ селъ въ отношеніи обложенія налогами; дѣйствительно, данныя такого рода существуютъ—относительно Смоленской земли, въ грамотѣ Ростислава (см. Хрестом. по ист. русск. права I с. 247, пр. 40).

[3]) О смердахъ см. Русск. юрид. древности проф. Сергѣевича I, с. 165 сл.

Олегъ Святославичъ называетъ смердами горожанъ [1]). Въ болѣе тѣсномъ смыслѣ это названіе обозначаетъ все сельское, свободное населеніе, обладавшее движимымъ и недвижимымъ имуществомъ [2]); въ еще болѣе тѣсномъ смыслѣ смердами назывались люди несвободные, крѣпкіе землѣ, близкіе къ положенію холоповъ. Это послѣднее различіе вполнѣ опредѣленно выступаетъ въ Русской Правдѣ; съ одной стороны, здѣсь упоминаются смерды, которые „платять княжю продажу“ и противополагаются холопамъ княжьимъ и инымъ, „ихъ же князь продажею не казнить, зане же суть несвободни“ [3]), съ другой стороны—смердъ фигурируетъ на ряду съ княжьими рабами, какъ лицо несвободное [4]). Вслѣдствіе этого нельзя считать смердовъ вообще полусвободными княжескими подданными, рабами фиска, какъ дѣлаютъ нѣкоторые; неправдоподобно также предположеніе, что смерды вообще были жители княжескихъ земель: частновладѣльческія села (какими были, по моему убѣжденію, и княжескія имѣнія) тогда, повидимому, населялись преимущественно несвободными людьми [5]).

Закупами—иначе наймитами—назывались люди, отрабатывающіе физическимъ трудомъ занятыя деньги; закупъ сохранялъ личную свободу: такъ онъ могъ жаловаться на злоупотребленія „господина“, послѣдній не имѣлъ права безъ вины бить закупа, но въ то же время закупъ былъ ограниченъ въ своихъ гражданскихъ правахъ:

---

[1]) Ипат. с. 122, 160; въ такомъ же значеніи, вѣроятно, употреблено это слово въ Ипат. с. 341 (объ Ушицѣ); возраженія противъ такого пониманія см. у Ключевскаго—Рус. Мысль 1880, I с. 63.

[2]) Такіе смерды, я думаю, упоминаются въ лѣтописныхъ разсказахъ о походахъ на половцевъ 1103 и 1111 г.—Ипат. с. 183 и 191.

[3]) Русск. Правда по сп. Карамзинск. ст. 42 и 43.

[4]) Русск. Правда по сп. Академ. ст. 23. Проф. Сергѣевичъ предлагаетъ читать вм. „въ смердѣ и въ хопѣ“ (холопѣ)—„въ смерди холопѣ“, какъ въ Троицк. сп. ст. 13: „а за смерди холопъ 5 гривенъ“—Рус. юр. др. I с. 173.

[5]) Такія воззрѣнія, съ извѣстными варіаціями, встрѣчаемъ напр. у Н. И. Костомарова (XII с. 58—9), Хлѣбникова (ор. с. с. 109, 247), Никитскаго (Очеркъ ист. Пскова с. 278—9), Ключевскаго (Русск. Мысль 1880, I с. 63—4): всѣ они, расходясь въ опредѣленіи зависимости смердовъ, считаютъ ихъ обитателями княжьихъ земель; главнымъ основаніемъ для такого взгляда служитъ статья Русской Правды (сп. Карамз. ст. 103), ограничивающая въ пользу князя право завѣщанія смерда: наслѣдовать послѣ смерда могутъ только сыновья и незамужнія дочери, въ противоположность боярамъ и боярской дружинѣ. Возраженія противъ такого воззрѣнія см. у Бестужева-Рюмина, Рус. ист. I с. 213. Обзоръ мнѣній о смердахъ—у Сергѣевича, Рус. юрид. древн. I с. 173—176.

свидѣтелемъ онъ могъ являться лишь въ крайней нуждѣ и въ небольшихъ тяжбахъ; при этомъ закупъ прямо противополагается людямъ свободнаго состоянія. За побѣгъ закупъ обращался въ полное рабство [1]). Свѣдѣнія объ этомъ классѣ людей даетъ намъ только Русская Правда: спеціальныхъ свѣдѣній относительно его для Кіевской земли мы не имѣемъ.

Несвободные люди носили разныя названія—холоповъ, челяди, рабовъ, также смердовъ; была ли какая-нибудь разница между этими терминами, неизвѣстно. Судя по нѣкоторымъ даннымъ, рабовладѣніе въ то время имѣло широкое распространеніе, хотя и нѣтъ основаній предполагать, какъ дѣлалъ, напримѣръ, Хлѣбниковъ [2]), что несвободныхъ было значительное большинство. Уже въ древнѣйшихъ извѣстіяхъ о кіевской Руси челядь является одною изъ главныхъ статей вывоза; въ Русской Правдѣ, начиная съ древнѣйшихъ ея редакцій, законы о холопахъ, ихъ бѣгствѣ, проступкахъ, присвоеніи и пр. играютъ видную роль; здѣсь перечисляются холопы „княжи, болярскыи, черньцевы". Какъ упомянуто было выше, есть основанія думать, что имѣнія владѣльческія были заселены лицами несвободными и полусвободными, холопами и закупами; о вдовѣ кн. Глѣба Всеславича лѣтописецъ разсказываетъ, что она пожертвовала Печерскому монастырю пять селъ „и съ челядью" [3]) (еще болѣе ясныя указанія въ этомъ родѣ мы имѣемъ въ лѣтописи для сосѣдней Сѣверской земли) [4]). Мстиславъ Изяславичъ забралъ „товара много Изяславли дружины, золота и серебра, *и челяди,* и коней, и скота": какъ упомянуто выше, здѣсь нужно предполагать разграбленіе боярскихъ селъ [5]). Домашняя прислуга обыкновенно состояла тоже изъ челяди; это видно изъ извѣстнаго постановленія Русской Правды, что вступившій въ тіуны или ключники „безъ ряду", становился рабомъ [6]). Источникомъ рабовладѣнія была прежде всего война—полонъ былъ непремѣннымъ

---

[1]) Русская Правда по сп. Карамзинск. ст. 70, 73, 77. О закупахъ подробно въ Рус. юрид. др. I с. 177 сл., см. также у Бѣляева—Крестьяне с. 15 сл.

[2]) Общество и государство с. 247, тамъ же пространное изслѣдованіе о рабовладѣніи с. 229 сл.

[3]) Ипат. с. 338.

[4]) Ibid. с. 237.

[5]) Ibid. с. 344.

[6]) Русск. Правда по Карамз. сп. ст. 121.

спутникомъ тогдашнихъ войнъ. Другой источникъ—экономическій; неисправный должникъ, который не могъ отработать своего долга, обанкрутившійся купецъ, подсудимый, который не могъ заплатить судебной пени,—обращались въ рабство. Этотъ источникъ рабства долженъ былъ имѣть широкое примѣненіе: проценты были весьма высоки, а судебныя пени далеко превышали среднюю зажиточность. Закупъ, бѣжавшій отъ своего хозяина или совершившій проступокъ, за который уплатилъ пеню хозяинъ, свободный человѣкъ, женившійся на рабѣ, становились также рабами [1]). Переходъ въ рабство происходилъ такъ легко и подавалъ поводъ къ столь многочисленнымъ злоупотребленіямъ, что правительство вынуждено было вмѣшиваться и ограничивать эту легкость порабощенія. Въ сказаніи о чудесахъ Бориса и Глѣба есть разсказъ, особенно интересный для насъ потому, что относится къ Кіевской землѣ (дѣло происходитъ въ Дорогобужѣ): раба (вѣроятно, попавшая въ кабалу по несостоятельности) вслѣдствіе болѣзни сдѣлалась неспособною къ работѣ; господа прогнали ее и вмѣсто нея „отроча ея, въ слободѣ родившагося, поработиша"; но „судящии не послабиша тому такому быти" и отпустили на свободу и сына и мать, такъ какъ она по винѣ своихъ господъ была постигнута болѣзнью [2]). Въ Русской Правдѣ мы имѣемъ нѣсколько постановленій, ограничивающихъ тяжесть процентовъ; затѣмъ запрещается обращать въ рабство за небольшую дачу: за нее полагается годичная отработка; принимаются мѣры къ тому, чтобы хозяева закуповъ не обременяли ихъ неосновательными штрафами, что, несомнѣнно, было однимъ изъ источниковъ рабства; полагается наказаніе тому, кто продалъ бы въ рабство своего закупа и т. под. [3]). Такимъ образомъ развитіе рабовладѣнія встрѣчало нѣкоторыя препятствія въ законѣ; съ другой стороны, христіанское начало оказывало вліяніе на подъемъ личности несвободнаго человѣка и установленіе болѣе справедливыхъ отношеній къ нему [4]).

---

[1]) Русск. Правда по сп. Карамзин. ст. 69, 70, 75, 120; о холопствѣ см. Рус. юр. древн. I с. 131 сл., Хрестомат. по ист. русск. права I стр. 77 прим. 160.

[2]) Сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ изд. Срезневскаго с. 78.

[3]) Русск. Правда по списк. Карамзин. ст. 71, 73, 122.

[4]) См. объ этомъ Русск. юрид. древн. I с. 112 сл.

Поговоривъ о мірѣ и злобахъ его, перейдемъ къ учрежденію, которое, существуя въ мірѣ и для міра, должно однако быть учрежденіемъ не отъ міра сего.

Въ разсматриваемую эпоху Кіевская земля заключала въ себѣ три каѳедры—митрополичью и двѣ епископскихъ. Какъ извѣстно, составляетъ спорный вопросъ, гдѣ первоначально находилась митрополичья каѳедра—въ Кіевѣ или Переяславлѣ [1]); во всякомъ случаѣ, начиная съ Иларіона, митрополія безспорно была въ Кіевѣ и здѣсь оставалась во все продолженіе нашего періода и далѣе. Изъ епископскихъ каѳедръ одна все время находилась въ Бѣлгородѣ, а другая—въ Юрьевѣ, но епископъ юрьевскій въ половинѣ XII в. называется также каневскимъ [2]), что указываетъ, можетъ быть, на пребываніе его въ Каневѣ, гдѣ незадолго предъ тѣмъ Всеволодъ Ольговичъ заложилъ также храмъ св. Георгія, можетъ быть—именно для каѳедры. Обыкновенно предполагаютъ, что бѣлгородская каѳедра была основана Владиміромъ Св., а юрьевская—Ярославомъ; несомнѣнныя данныя о существованіи ихъ мы имѣемъ только со второй половины XI в. (1072 и 1089 г.); затѣмъ каѳедры эти существовали во все разсматриваемое время [3]). Какимъ образомъ распредѣлялась Кіевская земля между тремя своими каѳедрами, имѣли ли всѣ онѣ самостоятельныя епархіи, мы совершенно не знаемъ [4]). Любопытно, что всѣ каѳедры сосредоточивались въ землѣ полянъ, и Древлянская земля все время не имѣла своей особой каѳедры.

Русская церковь не пользовалась самостоятельностью и во весь періодъ находилась во власти константинопольскаго патріарха, подобно другимъ, византійскимъ митрополіямъ. Митрополиты назнача-

---

[1]) Объ этомъ вопросѣ см. Ист. рус. церкви м. Макарія I с. 38, проф. Голубинскаго I, 1 с. 286, Константиноп. патріархъ Т. Барсова с. 423 и спеціальную статью П. Г. Лебединцева въ Кіевск. Ст. 1888 кн. I с. 177 сл.

[2]) Ипат. с. 327.

[3]) Подъ 1197 г. въ Ипат.: „святи церковь блаженымъ м. Никифоромъ, епископомъ Адрѣяномъ, тоя церкви (бѣлгородской) столъ добрѣ правяща епископомъ юрьевскимъ (с. 473). Проф. Голубинскій предполагаетъ (I, 1 с. 550), что въ это время епископъ Адріанъ управлялъ обѣими епархіями; но мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ, что здѣсь пропущено имя юрьевскаго епископа.

[4]) Проф. Голубинскій высказывалъ предположенія, что земля полянъ составляла кіевскую епархію, земля Древлянская—бѣлгородскую, а юрьевскій епископъ почти вовсе не имѣлъ епархіи, кромѣ partes infidelium (Ист. рус. церк. I, 1 с. 298, 550—551, 568).

лись обыкновенно патріархомъ, безъ предварительныхъ соглашеній съ кіевскими князьями или русскими епископами, изъ кандидатовъ, представляемыхъ патріаршимъ соборомъ [1]). Извѣстны два случая отступленія отъ этой нормы, когда русскіе митрополиты были поставляемы по указанію кіевскаго князя соборомъ русскихъ епископовъ; первый имѣлъ мѣсто при Ярославѣ, второй—при Изяславѣ Мстиславичѣ. Въ этихъ фактахъ видѣли стремленіе къ достиженію большей самостоятельности церкви и къ національзаціи іерархіи; но противъ этого взгляда были выставлены вѣскія возраженія проф. Голубинскимъ [2]). Въ самомъ дѣлѣ, важно то, что оба эти факта стоятъ одиноко, что мы совершенно не видимъ стремленія примѣнить такой порядокъ замѣщенія къ послѣдующимъ митрополитамъ. Это обстоятельство свидѣтельствуетъ, что въ обществѣ, точнѣе—среди князей, вообще не было распространено такое стремленіе; но у Ярослава и Изяслава Мстиславича мы такъ же не имѣемъ никакихъ основаній отрицать его, какъ и утверждать: и тотъ и другой до новаго замѣщенія епископовъ не дожили, и неизвѣстно, какъ бы они дѣйствовали въ такомъ случаѣ. На поставленіи Иларіона я не буду останавливаться, такъ какъ оно хронологически не принадлежитъ къ разсматриваемой эпохѣ, а о второмъ эпизодѣ—поставленіи Климента—нахожу умѣстнымъ сказать подробнѣе.

Предмѣстникъ Климента—митрополитъ Михаилъ удалился въ 1145 г., въ правленіе Всеволода Ольговича, въ Грецію, взявъ съ епископовъ обѣщаніе не служить безъ него въ св. Софіи [3]). О причинѣ этого удаленія источники не говорятъ ничего, наиболѣе вѣроятно, что оно было слѣдствіемъ столкновенія митрополита съ упомянутымъ Всеволодомъ Ольговичемъ. Преемника м. Михаилу изъ Константинополя не присылали: можетъ быть, съ цѣлью произвести нѣкоторое давленіе на кіевскаго князя, или вслѣдствіе неурядицы,

---

[1]) Подробнѣе объ этомъ см. у м. Макарія т. I с. 2, Т. Барсова—Константиноп. патр. с. 443—448, 457.

[2]) М. Макарій III с. 6, 14, Соловьевъ III с. 60—61, Иловайскій Ист. Рос. I пр. 68, Т. Барсовъ ор. с. с. 452—3. Голубинскій I, 1 с. 260 сл.

[3]) Лавр. с. 296, Ипат. с. 241. Соображенія о причинахъ удаленія м. Михаила см. въ статьѣ проф. Малышевскаго: Кіевскіе церковные соборы, въ Трудахъ Кіевск. Дух. Ак. 1884 кн. XII с. 501, ср. также Голубинскаго I, 1 с. 261, Соловьева III пр. 137. По сказанію Никон. лѣт. (I с. 205) Михаилъ ушелъ въ Царьградъ „за нѣкое волненіе".

происходившей въ самомъ Константинополѣ: въ 1146 г. скончался патріархъ Михаилъ Окситъ, преемникъ его (Козьма Аттикъ) былъ чрезъ нѣсколько времени низложенъ, и затѣмъ весь почти 1147 годъ (съ февраля по декабрь) патріаршій престолъ оставался празднымъ [1]). Изяславъ Мстиславичъ, очевидно, былъ недоволенъ этимъ и рѣшилъ поставить митрополита на мѣстѣ; это намѣреніе поддерживалъ, а можетъ быть—былъ и иниціаторомъ его, Онуфрій, епископъ черниговскій (черниговскіе Давыдовичи еще считались тогда въ тѣсномъ союзѣ съ Изяславомъ). Къ мнѣнію Онуфрія присоединились епископы каѳедръ, находившихся въ волостяхъ Изяслава—юрьевскій, бѣлгородскій, переяславскій и владимірскій [2]). Кандидатомъ Изяславъ избралъ Климента, постриженника Зарубскаго монастыря, книжника и философа, „якоже въ Руской земли не бяшеть“, и онъ былъ посвященъ 27 іюля 1147 г. главою св. Климента папы [3]). Это поставленіе вызвало протестъ со стороны приверженцевъ освященныхъ временемъ отношеній русской церкви къ патріарху, съ одной стороны, и политическихъ враговъ Изяслава—съ другой [4]). Во главѣ ихъ стоялъ Нифонтъ, епископъ новгородскій, знатокъ греческой церковной практики [5]); за свою ревность онъ даже былъ заточенъ потомъ Изясла-

---

[1]) Филаретъ Ист. рус. цер. I с. 107 (изд. 1857 г.), Голубинскій I, 1 с. 261; эту историческую справку сдѣлалъ еще З. Копыстенскій въ Палинодіи—см. у Терновскаго, Изуч. визант. ист. II с. 215. Татищевъ (II с. 301) говоритъ, что въ 1147 г. умеръ митрополитъ Михаилъ, но это, очевидно, догадка самого Татищева, имѣющая цѣлью объяснить, почему въ 1147 г. приступили къ избранію новаго митрополита; о времени смерти м. Михаила см. у Зернова—Нифонтъ еп. новгородскій, въ Архивѣ ист.-юрид. свѣд. II, 1 с. 108.

[2]) Ипат. с. 241; по Лавр. (с. 299), Софійск. (I с. 192) за Климента было шесть епископовъ; м. Макарій (III с. 12) принимаетъ извѣстіе Патерика (позднѣйшей редакціи), что шестымъ сторонникомъ Климента былъ Іоакимъ туровскій; возраженія противъ этого смотри у Филарета I с. 109.

[3]) Ипат. с. 241—2, Лавр. с. 299.

[4]) Весьма любопытны слова Никон. I с. 206: „но о семъ мнози вознегодоваша отъ священныхъ, и иночествующихъ, и отъ мирьскихъ, и отъ князей мнози, и паче же ненависть имущеи на в. князя Изяслава Мстиславича“. Мы, очевидно, имѣемъ здѣсь отдѣльное сказаніе о Нифонтѣ (отличное отъ его житія, помѣщеннаго въ Пам. ст. рус. лит. кн. IV); изъ этого же сказанія, вѣроятно, заимствованъ разсказъ о поставленіи м. Климента—подъ 1147 г. (Никон. I с. 172—3).

[5]) Высказано было даже предположеніе, что Нифонтъ былъ родомъ грекъ, см. Зернина ор. с. с. 114, Никитскаго—Очеркъ ист. церкви въ В. Новгородѣ с. 17.

вомъ [1]). Характерно, что Нифонтъ находился, по словамъ лѣтописи, въ дружбѣ со Святославомъ Ольговичемъ и, весьма вѣроятно, съ Юріемъ Долгорукимъ: эти князья поддерживали его, вѣроятно, изъ вражды къ Изяславу [2]). Главнымъ доводомъ противъ Климента и Изяслава было то, что Климентъ не взялъ благословенія у св. Софіи и у патріарха, т. е. что Изяславъ, поставивъ Климента, не испросилъ благословенія и утвержденія отъ патріарха. Каковы бы ни были намѣренія Изяслава: желалъ ли онъ національизовать іерархію, или ограничивался даннымъ случаемъ, во всякомъ случаѣ онъ поступилъ не тактично, порвавъ всякія связи съ патріархатомъ: этимъ онъ смутилъ совѣсть болѣе свѣдущихъ въ церковныхъ правилахъ людей, между ними и своего брата Ростислава. Я думаю, что и епископы, поставившіе Климента, не предвидѣли подобнаго раскола: на соборѣ ихъ шла рѣчь только о томъ, можно ли поставить митрополита епископскимъ соборомъ; о разрывѣ же съ патріархомъ и рѣчи не было [3]). Благодаря этому и Климентъ не могъ утвердиться на митрополіи; будучи ставленникомъ Изяслава, онъ держался лишь его покровительствомъ: долженъ былъ покидать Кіевъ всякій разъ при его неудачахъ и возвращался вмѣстѣ съ нимъ въ случаѣ успѣха [4]).

Когда по смерти Изяслава Юрій болѣе прочно усѣлся въ Кіевѣ, изъ Царьграда прислали новаго митрополита Константина (Климентъ, вѣроятно, удалился изъ Кіева еще до прибытія Юрія); неизвѣстно, Юрій ли просилъ объ этомъ патріарха, или послѣдній самъ прислалъ митрополита, пользуясь перемѣною обстоятельствъ [5]). Новый митрополитъ съ честью былъ принятъ Юріемъ (1156 г.). На Изяслава произне-

---

[1]) 1 Новг. с. 10—11.

[2]) Ипат. с. 333; Никон. I с. 206: „бѣ же сему Нифонту епископу любовь и согласіе съ в. кн. Юрьемъ Долгорукимъ и съ в. кн. чрънигоовськимъ съ Святославомъ Ольговичемъ и съ иными со многими князи въ согласіи и любви бѣ, имъ же всѣмъ съ в. кн. кіевскимъ Изяславомъ Мстиславичемъ несогласно бѣ, такоже и сему Нифонту еп. новогородцкому“; это свидѣтельство, что Нифонта поддерживали многіе изъ политическихъ видовъ, заслуживаетъ вниманія.

[3]) Ипат. л. с. 241.

[4]) Ипат. с. 268, 305.

[5]) Арх. Филаретъ (Ист. р. ц. I с. 109) и м. Макарій (III с. 18), ссылаясь на одинъ и тотъ же источникъ (которымъ я не могъ воспользоваться), разногласятъ относительно времени поставленія Константина: по Филарету Константинъ былъ поставленъ митрополитомъ къ январю 1155 г., по Макарію—1156 г.

сено было проклятіе, Юрія митрополитъ „благословилъ", на священниковъ и діаконовъ, поставленныхъ Климентомъ, было наложено запрещеніе, но затѣмъ богослуженіе имъ было разрѣшено, причемъ они „писаша рукописание на Клима"[1]). Этотъ рѣзкій образъ дѣйствій м. Константина очень повредилъ ему. Когда Кіевъ по смерти Юрія перешелъ въ руки Мстислава Изяславича, послѣдній рѣшительно отказался признать митрополитомъ Константина, „зане клялъ ми отца". Онъ желалъ возвратить на митрополію Климента, но Ростиславъ, которому былъ предложенъ столъ, не соглашался на это: „не хочю Клима у митропольи видити, зане не взялъ благословения отъ Святыя Софья и отъ патріарха"[2]). Послѣ долгихъ пререканій рѣшено было „иного митрополита привести исъ Царягорода", отставивъ и Климента и Константина[3]). Это рѣшеніе любопытно, такъ какъ показываетъ, что ни Мстиславъ, ни Ростиславъ не стремились вовсе къ націонализаціи іерархіи: такъ какъ рѣчь шла только о сохраненіи связи между кіевскою митрополіею и патріархатомъ, то если бы національное стремленіе существовало, мы должны ожидать, что Мстиславъ или Ростиславъ пошлютъ къ патріарху для поставленія своего кандидата, и патріархъ, конечно, предпочелъ бы такой выходъ полному разрыву съ кіевской митрополіей. Новый митрополитъ— Ѳеодоръ присланъ былъ изъ Царьграда нескоро, уже по смерти Константина; послѣдній еще послѣ пораженія Изяслава Давыдовича удалился въ Черниговъ и здѣсь скончался, удививъ всѣхъ необычайнымъ завѣщаніемъ: онъ попросилъ выволочь его трупъ за городъ, на съѣденіе псамъ; позднѣйшіе своды прибавляютъ, что послѣ его смерти надъ Кіевомъ были грозныя знаменья, которыя привели въ страхъ— по одному изводу Ростислава, по другому—Мстислава[4]). Трудно рѣшить, насколько древне это послѣднее извѣстіе въ своей основѣ;

---

[1]) Ипат. с. 332—333, Лавр. с. 329. Срезневскій (Древн. памятники письма и языка с. 31) впрочемъ послѣднія слова понимаетъ такъ, что „рукописаніе" писали епископы смоленскій и полоцкій къ м. Михаилу.

[2]) Весьма вѣроятна догадка Татищева (III с. 118), что Ростиславъ въ этомъ отношеніи дѣйствовалъ подъ вліяніемъ еп. смоленскаго, грека Мануила, противника Климента; это мнѣніе принимаютъ м. Макарій (ор. с. III с. 19), Т. Барсовъ (ор. с. с. 453—4), а проф. Голубинскій отвергаетъ (I, 1 с. 272).

[3]) Ипат. с. 345.

[4]) Ипат. с. 352, Лавр. с. 331, Воскр. I с. 70—71, Никон. I с. 215; ср. Татищева III пр. 477.

оно легко могло явиться и немедленно по смерти Константина: несомнѣнно, среди его современниковъ были люди, считавшіе его мученикомъ за правду, и смиренное его завѣщаніе могло лишь поддержать такой взглядъ на него.

Митрополитъ Ѳеодоръ скоро также скончался [1]). Ростиславъ, вѣроятно подъ вліяніемъ Мстислава, съ которымъ незадолго предъ тѣмъ онъ помирился, рѣшился на сей разъ возстановить на митрополіи Климента, съ согласія патріарха, и отправилъ по этому поводу въ Царьградъ для переговоровъ своего посла. Но въ Царьградѣ, очевидно, узнали объ этомъ раньше и поспѣшили послать своего миполита: тамъ, конечно, относились къ Клименту съ большимъ недовѣріемъ. Ростиславовъ посолъ уже въ Олешьѣ встрѣтилъ митрополита Іоанна и съ нимъ императорскаго посла и возвратился съ ними въ Кіевъ; императоръ убѣждалъ Ростислава принять новаго митрополита и посылалъ, для вящщаго убѣжденія, богатые дары [2]). Ростиславъ, очевидно, уступилъ, м. Іоаннъ былъ принятъ на митрополію, но какъ это именно произошло—неизвѣстно. Во всѣхъ спискахъ Кіевской лѣтописи въ этомъ мѣстѣ находится пробѣлъ, и мы не знаемъ ни доводовъ императора, ни отвѣта Ростислава; въ сводѣ Татищева послѣдній соглашается принять митрополита Іоанна „за честь и за любовь царскую“, но ставитъ условіемъ на будущее время, чтобы патріархъ безъ согласія князя митрополитовъ не посылалъ [3]). Это извѣстіе принимается обыкновенно историками [4]): оно, кажется, и по-

---

[1]) По Ипат. лѣт. Ѳеодоръ пробылъ на митрополіи 10 мѣсяцевъ, но пришелъ онъ въ августѣ 1161 г., а смерть его—подъ 1163 г. (с. 352 и 357), по Воскр. онъ прибылъ въ 1160, скончался въ 1163 г., въ Никон. прибытіе его подъ 1159 г., кончина подъ 1163 г. Ср. у проф. Голубинскаго I, 1 с. 250.

[2]) Ипат. с. 357. Разсказъ лѣтописи довольно неясенъ; я изложилъ его, какъ мнѣ казалось, болѣе вѣроятнымъ (сравни Голубинскаго I, 1 с. 272); въ Густин. л. (с. 307) „и не хотѣ его (Іоанна) Ростиславъ пріяти, донелиже его поселъ отъ патріархи возвратися“.

[3]) Ист. Рос. III с. 142.

[4]) Филаретъ Ист. р. ц. I с. 111, Макарій III с. 21, Знаменскій Руков. къ рус. церк. ист. с. 22, Т. Барсовъ ор. с. с. 454, Карамзинъ II с. 186, Арцыбашевъ Повѣст. о Россіи т. I кн. 2 с. 176, Соловьевъ III с. 60 и примѣч. 140. Проф. Голубинскій (I, 1 с. 272) не принимаетъ татищевскаго добавленія; едва ли только справедливо предположеніе, что пропускъ въ лѣтописяхъ намѣренный: цензорамъ нечего было захватывать и разсказъ о смерти Святослава (ср. Бестужева-Рюмина О составѣ р. л. с. 129).

служило главнымъ основаніемъ для предположенія въ князьяхъ стремленій къ національзаціи іерархіи; но Татищевъ въ данномъ вопросѣ, несомнѣнно, тенденціозенъ [1]), и хотя въ отвѣтѣ Ростислава въ сущности нѣтъ ничего невѣроятнаго [2]), мы не можемъ никакъ принимать его за достовѣрный.

Этимъ окончилось дѣло м. Климента; я остановился на нѣмъ какъ потому, что оно, несомнѣнно, сильно занимало извѣстную часть мѣстнаго общества, такъ и потому, что этотъ эпизодъ даетъ много данныхъ относительно положенія нашей іерархіи.

За немногими исключеніями, митрополиты наши были иноземцы, преимущественно греки; это обстоятельство, конечно, затрудняло тѣсное общеніе пастыря съ пасомыми, въ частности—лишало его возможности обращаться къ своей паствѣ непосредственно, съ живымъ словомъ [3]); но съ другой стороны, оно, какъ справедливо замѣчено, имѣло и хорошую сторону: какъ люди посторонніе, митрополиты стояли внѣ политическихъ отношеній, внѣ партій, это позволяло имъ дѣйствовать свободно, согласно своему долгу, и охраняло ихъ достоинство отъ тѣхъ униженій и обвиненій, которыя неизбѣжны были, разъ митрополитъ являлся ставленникомъ той или другой партіи, того или другого политическаго дѣятеля [4]). Мы видѣли, какъ политика немедленно примѣшалась въ дѣло м. Климента и произвела смуты; въ извѣстной мѣрѣ это могло бы повторяться вообще относительно митрополитовъ, ставимыхъ князьями.

---

[1]) Такъ у него Святополкъ въ 1096 г. велѣлъ епископамъ русскимъ поставить Никифора въ митрополиты; Мономахъ посылалъ еп. Никиту въ 1122 г. изъ Руси для посвященія въ Константинополь; м. Константинъ, соперникъ Климента, по Татищеву былъ раньше еп. черниговскимъ и отправленъ Нифонтомъ и Ѳеодоромъ, еп. владимірскимъ, къ патріарху для посвященія; Ростиславъ предъ смертію послалъ ставиться въ Константинополь еп. Константина (II с. 169, 225, III с. 36, 151, пр. 477). Очевидно, Татищевъ послѣдовательно и тенденціозно проводитъ мысль о бо́льшей самостоятельности нашей церкви и широкомъ участіи князей въ поставленіи митрополитовъ.

[2]) Самая редакція отвѣта впрочемъ не совсѣмъ вѣроятна, см. Голубинскаго ор. с. I, 1 с. 272—274.

[3]) См. сожалѣніе м. Никифора, въ его поученіи, что онъ, не имѣя дара языковъ, „безгласенъ посредѣ пасомыхъ стоитъ и молчитъ много" (у м. Макарія т. II прил. 11, с. 366); свое ученіе митрополитъ поэтому предлагаетъ паствѣ письменно, въ переводѣ.

[4]) Обстоятельныя сужденія объ этомъ см. у проф. Голубинскаго ор. с. I, 1 с. 277 сл. Болѣе распространено въ ученой литературѣ отрицательное отношеніе къ греческой іерархіи, см. напр. у Макарія V с. 284—6, 290—3, Т. Барсова с. 471 сл., Знаменскаго с. 20.

Что до епископскихъ каѳедръ, то онѣ замѣщались, вопреки каноническимъ правиламъ, не соборомъ епископовъ, а по соглашенію митрополита и князя, причемъ инипіатива могла принадлежать тому или другому, такъ что лѣтопись иногда выражается, что князь *поставилъ* такого-то епископа [1]). Кіевскіе князья имѣли вліяніе на поставленіе епископовъ и чужихъ епархій, до позднѣйшаго времени [2]). За княземъ же, тоже противно канонамъ, въ обществѣ признавалось повидимому, право смѣщать іерарховъ и судить ихъ; такихъ случаевъ извѣстно вообще нѣсколько въ другихъ волостяхъ [3]), для Кіевской земли укажемъ на вышеприведенный случай удаленія съ каѳедры митрополитовъ Климента и Константина по соглашенію Ростислава и Мстислава.

Вступали въ управленіе и митрополитъ и епископы чрезъ настолованіе, которое производилось, правдоподобно, епископами или въ ихъ присутствіи и было аналогично съ настолованіемъ князей [4]). При Ярославѣ было постановлено производить настолованіе новоставимыхъ епископовъ въ кіевской церкви св. Георгія, „предъ враты св. Софіи“ [5]).

Относительно церковнаго управленія свѣдѣнія наши скудны. Болѣе важныя дѣла рѣшались, вѣроятно, митрополитомъ на соборахъ епископовъ [6]). Но въ епархіальномъ управленіи епископы пользовались значительною самостоятельностью. Патріархъ не вмѣшивался въ управленіе митрополіи, исключая тѣхъ случаевъ, когда замѣчалъ какіе-либо безпорядки, такъ и митрополитъ не вмѣшивался въ епископское управленіе [7]). Какъ при митрополитахъ, такъ и епископахъ упоми-

---

[1]) См. Лавр. с. 281, Ипат. с. 448, ср. у Голубинскаго I, 1 с. 310 слѣд.

[2]) См. напр. Лавр. с. 387, 432, 1 Новг. с. 21; особенно любопытно первое изъ указанныхъ мѣстъ: „посла в. кн. Всеволодъ (Юрьевичъ) къ Кыеву Святославу ко Всеволодичю и к митрополиту Никиѳору отця своего духовного Іоана на епископьство“; не забудемъ, что то было время наибольшаго могущества суздальскихъ князей.

[3]) Они указаны у Голубинскаго I, 1 с. 455—456.

[4]) Ипат. с. 185: „Никифоръ митрополитъ посаженъ на столѣ“—это извѣстіе стоитъ отдѣльно отъ упоминанія о его приходѣ; также Иларіонъ говоритъ о себѣ: „отъ благочестивыхъ епископъ священъ и настолованъ“. См. объ этомъ у м. Макарія, I с. 275—276.

[5]) Сказаніе объ освященіи церкви св. Георгія—у Хрущова, О древ. ист. пов. с. 127.

[6]) Соображенія объ этихъ соборахъ см. въ упомянутой статьѣ проф. Малышевскаго „Кіевскіе церковные соборы“ въ Труд. Кіевск. Дух. Акад. 1884 кн. XII; для нашего періода см. с. 497—524.

[7]) О зависимости митрополита отъ патріарха см. у Т. Барсова с. 498—9, 533 сл.,

нается клиросъ[1]); назывался ли такъ штатъ лицъ, участвовавшихъ въ управленіи епархіею, или обозначались этимъ именемъ только священники каѳедральной церкви, опредѣленныхъ указаній мы собственно не имѣемъ; проф. Голубинскій не сомнѣвается, что клиросъ былъ административный органъ[2]). Сношенія епископа съ подвѣдомственнымъ духовенствомъ, какъ полагаютъ, происходили посредствомъ соборовъ священниковъ, которые въ извѣстное время съѣзжались къ епископу[3]). Изъ юридическихъ памятниковъ намъ извѣстенъ еще одинъ органъ церковнаго управленія—владычній (епископскій) намѣстникъ; правдоподобно, онъ былъ финансовымъ и судебнымъ чиновникомъ[4]).

Кромѣ сферы собственно-административной, митрополиту и епископамъ подлежалъ въ широкихъ размѣрахъ судъ. Вопросъ о церковномъ судѣ, какъ извѣстно, одинъ изъ самыхъ спорныхъ; до насъ сохранились церковные уставы съ именами Владиміра и Ярослава, опредѣляющіе пространство церковнаго суда, но подлинность ихъ доселѣ подвергается серьезнымъ нападеніямъ[5]). Не входя въ ближайшее разсмотрѣніе этихъ памятниковъ, я замѣчу только, что каково бы ни было происхожденіе ихъ, несомнѣнно, что заключающіяся въ нихъ нормы въ сферѣ церковнаго суда примѣнялись; выдѣляя нормы общія

объ отношеніяхъ митрополита къ епископамъ—у м. Макарія III с. 242—3, ср. также V с. 77 сл.

[1]) См. Житіе Ѳеодосія („единъ отъ клироса святыя и великыя церкве Софія"—изд. Бодянскаго л. 30), „Чтеніе" Нестора (изд. Бодянскаго с. 14, Срезневскаго—с. 25) и „Сказаніе" Іакова („клиросъ и все поповство"—изд. Срезневскаго с. 72); въ „Чтеніи" „клиросъ", кажется, равносильно слову „причетъ".

[2]) Ор. с. с. I, 1 с. 323 сл.; здѣсь же приведены извѣстія о клиросахъ другихъ епархій.

[3]) Соображенія объ этомъ см. у Голубинскаго же ibid. с. 398—399.

[4]) Намѣстники упоминаются въ церковномъ уставѣ Владиміра; о нихъ см. у проф. Голубинскаго ор. с. с. 329 сл.; послѣдній предполагаетъ также еще въ до-монгольскій періодъ существованіе т. н. десятинниковъ, собиравшихъ десятину и надзиравшихъ за поведеніемъ духовенства (с. 334 сл.).

[5]) Литература вопроса см. въ Хрестоматіи М. Ф. Владимірскаго-Буданова, I с. 225; обстоятельную защиту уставовъ см. у м. Макарія I с. 173 сл., II с. 269 сл.; возраженія у проф. Голубинскаго—I, 1 с. 342 слѣд. Голубинскій предполагаетъ даже, что уставъ Владиміра былъ сочиненъ въ Новгородѣ послѣ монгольскаго нашествія (I, 1 с. 350, 535). Въ послѣднее время защитѣ устава Владиміра Св. былъ посвященъ рефератъ проф. А. Павлова на VIII археологическ. съѣздѣ. Изслѣдованіе о содержаніи уставовъ—въ статьяхъ Мысовскаго, Правосл. Собесѣдн. 1862 ч. II и III.

разнымъ редакціямъ этихъ уставовъ и сопоставляя ихъ съ другими подобными же, но достовѣрными памятниками (какъ грамота Ростислава и др.), мы съ значительною увѣренностью можемъ предполагать, что эти общія нормы примѣнялись и въ до-монгольскую эпоху.

Судебныя компетенціи епископа двоякія: его суду подлежатъ всѣ міряне по нѣкоторымъ вопросамъ, а „люди церковные"—по всѣмъ вообще дѣламъ, кромѣ самыхъ тяжкихъ преступленій. Всѣ міряне подлежатъ суду епископа въ послѣдующихъ дѣлахъ: преступленія противъ религіи (святотатство и кощунство, ереси, вѣдовство), дѣла о бракѣ (неправильный бракъ, расторженіе брака, прелюбодѣйство), столкновенія между членами семьи, дѣла о женской чести (драка между женщинами, оскорбленіе женщины и под.). Церковные люди, подлежавшіе церковному суду по всякимъ вообще дѣламъ, были: священнослужители и ихъ семьи, церковный причетъ, монахи и монахини, калѣки, нищіе и вообще люди, жившіе и питавшіеся при церквяхъ, и наконецъ еще одна группа: *прощеники, задушные люди;* значеніе этихъ названій неособенно ясно: подъ прощениками разумѣютъ людей, исцѣленныхъ отъ болѣзни, задушный человѣкъ—вѣроятно, рабъ отпущенный на свободу „за душу" своего господина. Если эти церковные люди тягались съ нецерковными, то судъ былъ смѣшанный, и епископскій намѣстникъ судилъ вмѣстѣ съ княжьимъ тіуномъ; смѣшанный же судъ практиковался въ нѣкоторыхъ изъ выше перечисленныхъ тяжбъ, гдѣ преступленіе противъ нравственности соединялось съ уголовнымъ или гражданскимъ преступленіемъ (такъ смѣшанный судъ полагается въ уставѣ Ярослава при похищеніяхъ женщинъ, при ссорахъ женщинъ и т. п.). Наказанія могли быть троякія: чисто церковныя (епитиміи, лишеніи причастія и пр.), денежные штрафы и тѣлесныя наказанія, принесенныя византійскимъ законодательствомъ; въ разсматриваемый періодъ, правдоподобно, практиковались лишь первые два рода наказаній, такъ какъ членовредительство было глубоко антипатично народу [1]).

Уставъ Владиміра отдаетъ въ вѣдѣніе епископа еще одну отрасль управленія: завѣдываніе мѣрами и вѣсами; извѣстно, что въ сѣверныхъ городахъ, во избѣжаніе злоупотребленій, образцы мѣръ и вѣ-

---

[1]) Ср. Хлѣбникова Общество и госуд. с. 356.

совъ хранились при церквяхъ; нѣтъ основаній поэтому отрицать достовѣрность этого постановленія.

Помимо такого, такъ сказать, обязательнаго участія въ общественныхъ дѣлахъ, представители церкви, по требованію обстоятельствъ, принимали вообще довольно живое участіе въ общественной жизни. Такъ они часто выступаютъ въ междукняжескихъ отношеніяхъ въ роли посредниковъ и особенно примирителей; подобныхъ примѣровъ лѣтопись передаетъ намъ довольно много [1]); м. Никифоръ прямо заявилъ Рюрику: „княже, мы есмы приставлены в Руской землѣ отъ Бога востягивати васъ отъ кровопролитья“ [2]); особенно для такой роли годился митрополитъ по своему авторитету. Далѣе, представители церкви вмѣняли себѣ въ обязанность ходатайствовать предъ князьями за всякого рода обидимыхъ; такъ въ 1097 г. игумены, въ отсутствіе митрополита, „начаша молитися о Васильцѣ къ Святополку“, такъ митрополитъ съ игуменами выхлопотали у Святополка освобожденіе Ярославу Ярополковичу въ 1101 г., не позволили Юрію выдать Ярославу галицкому Ивана Берладника „на убиство“ [3]). Въ посланіи Никифора къ Мономаху есть намекъ, что и частные люди въ случаѣ обидъ имѣли обыкновеніе обращаться къ заступничеству митрополита [4]). По словамъ преп. Нестора, Өеодосій Печерскій „многымъ заступьникъ бысть прѣдъ судиями и князи, избавляя тѣхъ“ [5]). Наконецъ, духовенство становилось иногда въ защиту и національныхъ интересовъ: такъ митрополитъ побуждалъ Святослава и Рюрика къ возвращенію Галича отъ угровъ: „се иноплеменьници отъяли отчину вашю; а лѣпо вы бы потрудитися“ [6]).

Въ свою очередь, князья принимали довольно широкое участіе въ дѣлахъ церковныхъ. Я выше говорилъ объ участіи ихъ въ назначеніи и удаленіи съ каөедръ епископовъ, укажу еще нѣсколько при-

---

[1]) Ипат. с. 172, 210, 215, 217, 327, 462, Лавр. с. 413, 433. Насколько распространенъ былъ обычай посылать епископовъ въ качествѣ пословъ, показываетъ письмо Мономаха (Лавр. с. 245): „пославъ солъ свой или пископа“.

[2]) Ипат. с. 460.

[3]) Ипат. с. 170, 181, 335.

[4]) Русск. достопам. I с. 73: „или мниши, яко кто приде ко мнѣ печаленъ и того дѣля написахъ ти се“?

[5]) Житіе Өеодосія л. 27 обор.

[6]) Ипат. с. 446.

мѣровъ въ другомъ родѣ (они относятся преимущественно къ Печерскому монастырю): св. Ѳеодосій, умирая, поручилъ свой монастырь „на сблюдение, егда будетъ что смятение в немь“ кн. Святославу и просилъ не давать въ обиду преемника его, Стефана. Подъ 1112 г. разсказывается о выборѣ игумена въ Печерскомъ монастырѣ: выбравъ его, братія извѣстила объ этомъ митрополита и Святополка, „и повелѣ князь митрополиту поставити с радостію“. Канонизація Ѳеодосія также происходила при непосредственномъ участіи Святополка [1]). Изъ другихъ случаевъ намъ извѣстно, напримѣръ, что князья принимали живое участіе въ знаменитыхъ спорахъ о постѣ въ праздничные дни [2]).

Средства на содержаніе церквей и ихъ служителей черпались изъ разныхъ источниковъ. Владиміръ при первомъ устроеніи церкви пожертвовалъ Десятинному храму св. Богородицы „отъ имѣния своего и отъ моихъ градъ десятую часть—по всей Руськой (т. е. Кіевской) земли“, на вѣчныя времена [3]); это понимаютъ такъ, что князь уступилъ десятую часть доходовъ отъ своихъ частныхъ имѣній (селъ) и доходовъ государственныхъ; уставъ Владиміра Св. объясняетъ это такъ: „отъ всего княжа суда (изъ всѣхъ судныхъ пошлинъ) десятую вѣкшю, ис торгу десятую недѣлю, а из домовъ (подымной дани) на всяко лѣто отъ всего прибытка, и отъ лова княжа, и отъ стадъ, и отъ жита (съ частныхъ княжескихъ имѣній) десятину“ [4]). При этомъ, по аналогіи съ уставными грамотами Новгорода и Смоленска, предполагаютъ, что десятина эта выплачивалась не княземъ, а собиралась церковными чиновниками непосредственно: такого рода постановленія содержатся въ Русской Правдѣ относительно судебныхъ пошлинъ. Десятина эта шла въ пользу митрополіи; при этомъ является трудный вопросъ, получали ли десятину кіевскіе епископы? далѣе, въ Несторовомъ „Чтеніи“ о Борисѣ и Глѣбѣ говорится, что на содержаніе вышгородской церкви св. мучениковъ назначена была десятая часть мѣстной дани [5])—въ какомъ отношеніи стояла эта десятина къ де-

---

[1]) Ипат. с. 132, 187, 197.

[2]) См. особенно Лавр. с. 334.

[3]) Ипат. л. с. 85, 379.

[4]) См. Ист. рус. цер. м. Макарія I с. 283 (т. н. средняя редакція).

[5]) „Повелѣ властелину града того даяти отъ дани церкви святою десятую часть“— „Чтеніе“ въ изд. Бодянскаго с. 17, въ изд. Срезневскаго с. 29.

сятинѣ, платившейся на митрополію со всей Русской земли? это тоже трудно рѣшить.

Кромѣ десятины въ пользу каѳедръ шли доходы съ церковнаго суда. Далѣе, каѳедры, значительнѣйшіе храмы и монастыри владѣли селами, жертвуемыми благочестивыми людьми; къ разряду такихъ собственно церковныхъ имѣній проф. Голубинскій относитъ и Полоный, „св. Богородицы градъ десятиньный“ [1]).

Въ болѣе раннее время все вообще приходское духовенство (тогда еще очень немногочисленное) получало княжеское жалованье—„урокъ“ [2]); это было необходимо на первыхъ порахъ, пока христіанство не укрѣпилось въ населеніи. Въ разсматриваемый періодъ бѣлое духовенство, правдоподобно, было предоставлено усердію прихожанъ [3]). Причты получали отъ послѣднихъ приношенія деньгами и продуктами и пользовались платою за исполненіе требъ и особыхъ службъ. Предполагаютъ, что и тогда уже существовалъ обычай собирать съ прихожанъ подаянія, обходя ихъ дома по большимъ праздникамъ [4]).

Отъ обзора общественнаго строя и учрежденій переходимъ къ изученію экономическаго состоянія, быта и жизни земли; это изученіе начнемъ съ обзора мѣстной промышленности; къ счастью здѣсь на помощь литературнымъ источникамъ является археологическій матеріалъ и заполняетъ нѣкоторые пробѣлы въ небогатыхъ свидѣтельствахъ письменныхъ источниковъ [5]).

---

[1]) Ипат. с. 380; Ист. рус. цер. проф. Голубинскаго I, 1 с. 423. Къ числу имѣній митрополичьей каѳедры относятъ также г. Синелецъ, упоминаемый въ Никон. л. (I с. 130, 152) и пріурочиваемый къ Сенчѣ на Сулѣ (Синець списка городовъ—Воскр. I с. 240, Карамзинъ II пр. 225)—см. Макарія II с. 292, Голубинскаго I, 1 с. 435.

[2]) Ипат. с. 107.

[3]) Соображенія объ этомъ см. въ трудѣ проф. Голубинскаго I, 1 с. 438 сл.

[4]) Ист. рус. цер. Голубинскаго I, 1 с. 441—442.

[5]) Археологическаго матеріала для Кіевской земли накопилось уже значительное количество, но онъ далеко не весь опубликованъ; сжатый сводъ его—для нынѣшней Кіевской губерніи—сдѣланъ въ часто уже упоминавшейся Объяснительной запискѣ къ археол. картѣ В. Б. Антоновича. Для изученія промысловъ и ремеслъ особенно богатый матеріалъ даютъ производящіяся въ настоящее время раскопки Княжей горы (около Канева)—о тамошнихъ находкахъ см. статьи Н. Ѳ. Бѣляшевскаго въ Кіевской Старинѣ 1890 кн. XII с. 494 сл. и въ Кіевлянинѣ 1891 № 189; я пользовался также устными сообщеніями автора

Начнемъ съ охоты и рыболовства. Въ представленіи начальнаго лѣтописца охота являлась древнѣйшимъ, исконнымъ занятіемъ полянъ; о легендарныхъ братьяхъ, основателяхъ Кіева, разсказывается: „бяше около города лѣсъ и боръ великъ, и бяху ловяще звѣрье“ [1]) Мѣха являются важнымъ предметомъ вывоза съ древнѣйшихъ поръ, мѣхами взымалась дань съ покоренныхъ древлянъ—„по черьнѣ кунѣ“; правдоподобно, мѣхами платили дань и сами поляне своимъ князьямъ, какъ раньше платили козарамъ „по бѣлѣ и вѣверицѣ отъ дыма“ [2]); позже татары, завоевавъ Русь, обложили, по словамъ Плано Карпини, населеніе такою данью: по шкурѣ медвѣдя, бобра, соболя и хорька [3]). Все это указываетъ на широкое распространеніе охоты и важное мѣсто ея въ ряду другихъ промысловъ. Охота же служитъ любимымъ развлеченіемъ князей: въ Поученіи Мономаха она является однимъ изъ обыкновенныхъ занятій князя; ловчіе, „наряды“ соколиный и ястребиный составляютъ цѣлыя отдѣльныя отрасли княжескаго хозяйства [4]). Лѣтописи также часто говорятъ о княжьей охотѣ: первое столкновеніе между дѣтьми Святослава Игоревича произошло изъ-за нарушенія права охоты; о Всеволодѣ Ярославичѣ разсказывается, какъ онъ ловилъ зайцевъ тенетами подъ Вышгородомъ; Мономахъ охотился на дикихъ коней по Роси; подъ 1180 г. описывается охота Давыда Ростиславича, который „ходяшеть по Днѣпру в лодьяхъ, ловы дѣя“, вмѣстѣ съ женою и дружиною, а на противоположномъ берегу, „по Черниговьской сторонѣ“, занимался тѣмъ же Святославъ Всеволодичъ, тоже съ дружиною и женою. Не довольствуясь подгородною охотою, князья отправлялись въ глушь окраинъ: такъ Святославъ и Рюрикъ „идоста на ловы по Днепрю в лодьяхъ на устья Тесмени, и ту ловы дѣявша и обловишася множьствомъ звѣрѣй“ [5]). Несомнѣн-

---

ихъ, за которыя приношу искреннюю благодарность. Судя по сообщеніямъ г. Бѣляшевскаго, раскопки до сихъ поръ не обнаружили никакихъ слѣдовъ поселенія позднѣйшаго, послѣ-княжескаго времени на томъ мѣстѣ; въ виду этого мы можемъ пользоваться матеріаломъ Княжей горы, какъ иллюстраціей до-монгольской промышленности и быта.

[1]) Ипат. с. 5.

[2]) Ипат. с. 11, 13; ср. с. 37: древляне предлагаютъ Ольгѣ дать дань „медомъ и скорою“.

[3]) Собраніе путешествій къ татарамъ стр. 184 и 185; хотя размѣръ дани опредѣленъ здѣсь, вѣроятно, не вполнѣ точно, но любопытенъ самый фактъ платежа дани мѣхами.

[4]) Лавр. с. 238 и 242.

[5]) Ипат. с. 49, 150, 416, 449, Лавр. с. 242.

но, кромѣ удовольствія, охота служила князьямъ и немаловажнымъ источникомъ доходовъ, доставляя мясо и особенно шкуры и мѣха [1]). Существовали специальныя княжескія ловища и перевѣсища (приспособленія для ловли тенетами)—одно такое перевѣсище находилось у самаго Кіева; установленіе ихъ въ землѣ древлянъ и по берегу Днѣпра въ Кіевщинѣ приписывали Ольгѣ [2]). Существовали ли ограниченія права княжеской охоты и заповѣдные лѣса—не знаемъ. Что до предметовъ охоты, то, кромѣ современныхъ породъ звѣрей и птицъ, въ Руси водились нѣкоторыя нынѣ исчезнувшія, какъ дикіе кони, туры, лоси, козы, олени, бобры; ловили также журавлей, лебедей [3]).

Рыба искони составляла важный источникъ пропитанія, и рыболовство, несомнѣнно, такъ же широко практиковалось въ ту пору, какъ и позже; разнаго рода рыболовные крючья, удочки, остроги, грузила для сѣтей встрѣчаются между археологическимъ матеріаломъ разсматриваемаго періода [4]); практиковалась, навѣрно, и тогда ловля въ обширныхъ размѣрахъ посредствомъ езовъ или заколовъ; но письменныхъ свидѣтельствъ о рыболовствѣ мы почти не имѣемъ [5]).

Весьма рано и широко распространено было пчеловодство. Первоначально оно существовало въ видѣ бортничества и въ нашихъ извѣстіяхъ фигурируетъ только этотъ родъ пчеловодства, хотя, рядомъ съ нимъ, въ степныхъ пространствахъ Кіевской земли практиковалось, вѣроятно, пчеловодство пасѣчное: уже у Ибнъ-Даста (первая половина X в.) есть очень обстоятельное извѣстіе объ ульяхъ у „славянъ“ [6]). Продукты пчеловодства—воскъ и медъ—издревле играли

[1]) Объ этомъ см. у Аристова, Промышленность древней Руси с. 11 слѣд.

[2]) Ипат. с. 35, 38; о перевѣсищахъ см. у Аристова с. 8, также словарь Даля III с. 34; существуетъ впрочемъ иное толкованіе этого слова: Срезневскій видѣлъ здѣсь общественные вѣсы—Чтенія о др. рус. лѣт., Зап. Ак. Наукъ II с. 33.

[3]) Относящіяся сюда мѣста собраны въ сочиненіи Аристова с. 6—7.

[4]) Напр. находки с. Городска (Радомысл. у.)—Объяснит. зап. и рефератъ В. Б. Антоновича въ Чтеніяхъ общ. Нестора III с. 16, находки Княжей горы.

[5]) Подъ 1213 г. (Ипат. с. 491) говорится о лодьяхъ, пришедшихъ изъ Олешья па Понизье съ рыбою и виномъ, но рыба эта могла быть и не изъ Кіевской земли; по сказанію иноземцевъ, рыба вывозилась преимущественно съ береговъ Дона, какъ и теперь—см. статью о Сурожѣ проф. Васильевскаго въ Ж. Мин. Нар. Пр. 1889 г. кн. V с. 122—123. О рыбной пищѣ см. Житіе Ѳеодосія л. 18 об., 20.

[6]) Хвольсонъ—Извѣстія Ибнъ-Даста с. 28—29. По изслѣдованію г. Аристова, древнѣйшее туземное упоминаніе о пасѣчномъ пчеловодствѣ относится къ 1400 г. (Акты Юж. и Зап. Россіи I № 6).

видную роль въ вывозной торговлѣ; подобно мѣхамъ, они также употреблялись издавна и до позднѣйшаго времени для платежа даней. Помимо вывоза заграницу продукты пчеловодства имѣли широкое примѣненіе и дома; медъ употреблялся въ пищу—прѣсный [1]), и для приготовленія напитка—послѣдній потреблялся въ большомъ количествѣ: вспомнимъ 300 переваръ меду, которые приготовлялись для пировъ Владиміра на Преображенье. Упоминаются княжьи „медуши" въ Бѣлгородѣ" [2]). Съ распространеніемъ христіанства получилъ еще большее примѣненіе воскъ.

Скотоводство также составляло одну изъ важнѣйшихъ отраслей хозяйства. Въ источникахъ упоминаются всѣ тѣ виды животныхъ, которыя разводятся и понынѣ: кони, волы, овцы, козы, свиньи, даже ослы [3]); изъ сосѣдней степи, отъ кочевниковъ, получались и такія необычныя животныя, какъ верблюды [4]). У Константина Порфиророднаго есть странное извѣстіе, что Русь получала скотъ отъ печенѣговъ, такъ какъ у нея не водились коровы, лошади и овцы [5]); первая половина этого сообщенія очень вѣроятна—Русь дѣйствительно получала отъ кочевниковъ скотъ: такъ половчинъ въ извѣстномъ сказаніи даетъ выкупъ за себя скотомъ и жертвуетъ стадо въ пользу церкви; такъ половецкіе ханы предлагаютъ за свой выкупъ скотъ; изъ своихъ походовъ въ степь Русь пригоняла въ случаѣ удачи большія стада [6]). Но вторая половина, именно, что у русскихъ скотъ не водился, основана, несомнѣнно, на недоразумѣніи. Въ лѣсистыхъ частяхъ Кіевской земли скотоводство, конечно, не могло имѣть широкаго развитія; иное дѣло—степное Поросье. Мы знаемъ, что у черныхъ клобуковъ имущество заключалось главнымъ образомъ въ многочисленныхъ стадахъ [7]); скотоводство, вѣроятно, было здѣсь развито и у русскихъ насельниковъ. Имѣемъ указаніе на существованіе

---

[1]) Ипат. с. 88 (о знаменитомъ бѣлгородскомъ киселѣ, который ѣли съ сытою), см. также житіе Θеодосія л. 19 об., 20, 21.

[2]) Ипат. с. 86 (сравни также с. 36), 88.

[3]) См. Ипат. с. 34, 41, 84, 119, 134—135.

[4]) Ипат. с. 184.

[5]) De admin. imper. c. 2; объ этомъ извѣстіи см. у Аристова с. 41—42, Иловайскаго Разысканія с. 23.

[6]) Сказаніе о плѣнномъ половчинѣ въ Памятн. стар. рус. литер. в. I, см. с. 73.

[7] Ипат. с. 295.

у князей и бояръ стадъ коней и скота, вѣроятно значительныхъ [1]); Мономахъ разсказываетъ, что онъ много передавалъ скота половцамъ, удерживая ихъ отъ набѣговъ [2]); у князей упоминаются особые конюхи и овчюхи (овечьи пастухи) [3]). Княжескіе кони были, видно, очень хороши, такъ что ихъ не стыдно было посылать въ подарокъ королю въ Угрію, которая сама славилась конями [4]). Конина нѣкогда употреблялась и въ пищу [5]). Что до разведенія птицъ, то свидѣтельства объ этомъ мы можемъ получить лишь изъ Русской Правды: здѣсь упоминаются куры, гуси, утки, журавли, лебеди, голуби [6]).

Переходимъ къ земледѣлію. Въ Южной Руси оно составляло исконное занятіе; извѣстно Геродотово сказаніе о скиѳахъ-пахаряхъ и земледѣльцахъ; археологическія раскопки обнаружили употребленіе нѣсколькихъ сортовъ хлѣбныхъ растеній еще въ до-христіанскую эпоху [7]). Письменные источники упоминаютъ въ Кіевской землѣ почти всѣ виды хлѣбныхъ растеній [8]). Лѣтописныя извѣстія и археологическія изслѣдованія свидѣтельствуютъ о весьма давнемъ распространеніи земледѣлія даже въ менѣе культурной части Кіевщины—Древлянской землѣ [9]). Естественныя условія благопріятствовали развитію этой отрасли хозяйства; неурожаи въ Кіевской землѣ упоминаются довольно рѣдко: на протяженіи двухъ столѣтій удѣльнаго періода мы имѣемъ два прямыхъ указанія на неурожай—одинъ разъ голодъ былъ въ началѣ правленія Святополка, другой неурожай—въ 1193 г. [10]); можно предположить, что они повторялись нѣсколько чаще: такъ есть извѣстія о саранчѣ подъ 1094, 1095, 1103, 1195 гг. [11]);

---

[1]) Ипат. с. 233, 344, 370, 374, Рус. Правда сп. Акад. ст. 21.

[2]) Лавр. с. 241.

[3]) Рус. Правда сп. Акад. ст. 21, Ипат. с. 170.

[4]) Ипат. с. 290.

[5]) Ипат. с. 41.

[6]) Рус. Прав. по сп. Акад. ст. 35—36.

[7]) См. Самоквасова Сѣверянскіе курганы—въ Трудахъ III арх. съѣзда I с. 188, 191.

[8]) Ипат. с. 88, 160, 526 (пшеница, овесъ, просо); Житіе Ѳеодосія л. 9 об., 21 об. (рожь, ленъ, макъ), Патерикъ с. 86, 100, въ разночтеніяхъ (горохъ); въ раскопкахъ Княжей горы г. Бѣляшевскій нашелъ и зерна ґречихи—Кіевлянинъ I. с.

[9]) Ипат. с. 37, В. Б. Антоновичъ—Чтенія Общ. Нест. V с. 25, Гамченко ор. с. с. 66.

[10]) Ипат. с. 454, Патерикъ—въ житіи Прохора (с. 152): „бысть убо въ дни княженія Святополча... гладъ крѣпокъ и скудота велія во всемъ въ Рускои земли“.

[11]) Ипат. с. 158, 160, 185, 462; упоминая о саранчѣ подъ 1094 г., лѣтописецъ говоритъ: „не бѣ сего слышано во днехъ первыхъ в землѣ Руской“—точнѣе, за памяти того поколѣнія.

вышеупомянутый неурожай въ правленіе Святополка былъ, вѣроятно, вызванъ именно нашествіемъ саранчи. Въ общемъ Южная Русь не испытывала недостатка въ хлѣбѣ. Подъ 1230 г. новгородскій лѣтописецъ, разсказывая о сильномъ голодѣ, замѣчаетъ: „се же горе бысть не въ нашеи земли во одинои, нъ по всеи области Русьстѣи, кромѣ Кыева одиного“ [1]). Самыя упоминанія о неурожаѣ, саранчѣ кіевскими лѣтописями дѣлаются вскользь, потому можно думать, что и неурожаи эти не были очень тяжелы; во всякомъ случаѣ о тѣхъ ужасахъ голода, какіе бывали на сѣверѣ, въ источникахъ нѣтъ и рѣчи. О вывозѣ хлѣба на сторону нѣтъ извѣстій, хотя, вѣроятно, онъ вывозился и вверхъ и внизъ по Днѣпру. Широкому развитію земледѣлія, собственно въ степной полосѣ Кіевщины, препятствовали вторженія кочевниковъ; эта отрасль хозяйства особенно страдала отъ нихъ: хлѣбъ на корню, хлѣбъ, сложенный въ скирды, нельзя было никакъ спасти отъ истребленія. Изъ орудій обработки въ лѣтописи упоминаются рало и борона (плугъ упоминается въ Русской Правдѣ) [2]); желѣзныя части рала и плуга находимы были и въ раскопкахъ [3]); терминомъ для обработки служилъ глаголъ „орати“, вспаханное поле называлось „ролья“—слова эти сохранились донынѣ въ малорусскомъ языкѣ [4]); для уборки служили серпы и косы [5]). Для работъ употребляли коней, вѣроятно и воловъ [6]). Хлѣбъ складывался на „гумнѣ“, зерно хранилось, кажется, въ клѣтяхъ и ямахъ—этотъ послѣдній способъ храненія былъ особенно удобенъ въ виду вражескихъ нападеній, потому практиковался здѣсь и позже [7]). Мельницы въ эпоху до-монгольскую

---

[1]) 1 Новгор. с. 47.

[2]) Ипат. с. 42 (рало—у вятичей), 224 (борона); Русск. Правда по сп. Карамзин. ст. 71.

[3]) Княжа гора.

[4]) Ипат. с. 183.

[5]) Серпы встрѣчаются въ древлянскихъ могильникахъ (изображеніе см. въ альбомѣ г. Гамченка, табл. 47), на Княжей горѣ находятъ серпы и косы.

[6]) Ипат. с. 183 (о коняхъ), о волахъ см. с. 7: очевидно, въ Кіевщинѣ ѣздили на волахъ, а разъ такъ—то, конечно, и употребляли ихъ для работъ. Г. Аристовъ, основываясь на томъ, что у кіянъ кони были не у всѣхъ (Ипат. с. 246), думаетъ, что населеніе было бѣдно рабочимъ скотомъ (с. 46); но въ указанномъ мѣстѣ лѣтописи рѣчь идетъ о городскомъ населеніи—конечно, торговцы и ремесленники не имѣли и тогда нужды держать коней.

[7]) Ипат. с. 224, Русск. Правда по сп. Карамзин. ст. 40; о ямахъ см. напр. въ статьѣ г. Бѣляшевскаго (Кіевлянинъ), такія ямы были находимы и въ другихъ мѣстахъ.

не упоминаются, за то хорошо извѣстны ручные жернова [1]). О частномъ поземельномъ владѣніи мы имѣемъ извѣстія начиная съ XI в.; упоминаются села княжескія, боярскія и церковныя [2]); въ Русской Правдѣ уже существуютъ наказанія за захватъ чужихъ земель и порчу межевыхъ знаковъ [3]); впрочемъ цѣнилась не самая земля – свободныхъ земель все еще было много сравнительно съ населеніемъ—а сельско-хозяйственный инвентарь и вложенный въ землю трудъ, ея культура (послѣднее особенно въ кіевскомъ Полѣсьи) [4]). Для обработки владѣльческихъ имѣній употреблялась челядь и закупы [5]); въ древней Русской Правдѣ упоминаются княжьи сельскіе старосты, старосты ролейные и рядовичи—правдоподобно, надзиратели за работами; всѣ они были тоже несвободныя лица [6]).

Что до садоводства и огородничества, о нихъ мы имѣемъ весьма скудныя извѣстія. Мы знаемъ, что подъ Кіевомъ были огороды и, какъ видно, на большомъ пространствѣ [7]), что огородныя овощи были въ употребленіи между печерскими монахами, которые сами воздѣлывали ихъ. У нѣкоторыхъ иноковъ были при келіяхъ и садики [8]). Въ сказаніи о Борисѣ и Глѣбѣ есть намекъ на большое развитіе огородничества въ Вышгородѣ: кромѣ простого огородника здѣсь упоминается „старѣй огородьникъмъ“, т. е. старшина огородниковъ, можетъ быть княжескихъ [9]).

Перейдемъ къ издѣльной промышленности. Среди ремеслъ самое широкое распространеніе въ то время имѣло, правдоподобно, „древо-

---

[1]) Житіе Өеодосія л. 9 об., Патерикъ с. 168.

[2]) О княжескихъ и боярскихъ селахъ см. выше с. 342 и 348, о селахъ церковныхъ см. напр. Житіе Өеодосія л. 20, 22 об., 24 и др.

[3]) Русск. Правда по сп. Акад. ст. 33, сп. Карамз. ст. 83—84.

[4]) Объ этомъ ср. у Бѣляева Крестьяне с. 19, хотя онъ имѣетъ здѣсь въ виду великорусскія земли.

[5]) Относящіяся сюда мѣста источниковъ приведены выше, с. 357.

[6]) Сп. Академ. ст. 22.

[7]) Ипат. с. 296; въ Никон. (I с. 188) вмѣсто „огороды“—„винограды“; трудно рѣшить, обязанъ ли этотъ варіантъ своимъ происхожденіемъ фантазіи составителя или нѣтъ; что виноградные сады существовали около Кіева позже, въ XVI и XVII вв., объ этомъ есть весьма точныя свѣдѣнія—см. описаніе кіевск. замка 1552 г. въ Архивѣ Ю.-З. Р. VII, I с. 117 и Сборникъ мат. для ист. топ. Кіева отд. II с. 57.

[8]) Житіе Өеодосія л. 9 об., Патерикъ с. 100, 137.

[9]) Сказанія въ изд. Срезневскаго с. 73 и 77.

дѣліе“ въ разныхъ его видахъ. Изъ дерева строились тогда городскія укрѣпленія—вспомнимъ „столпье“, которымъ было огорожено кіевское Подолье, деревянную стѣну, выстроенную вокругъ Десятинной церкви въ 1240 г.; каменныхъ укрѣпленій не имѣлъ ни одинъ городъ Кіевской земли, они были исключительно земляныя и деревянныя; изъ дерева строились церкви (каменныя упоминаются только въ значительныхъ городахъ, какъ Кіевъ, Бѣлгородъ, Вышгородъ и под.), дома, исключая немногихъ княжескихъ дворцовъ; изъ дерева же дѣлалось большинство домашней утвари и посуды (остатки деревянныхъ ведеръ, напримѣръ, во множествѣ встрѣчаются въ древлянскихъ могильникахъ) [1]). Съ искусствомъ этимъ, конечно, былъ знакомъ болѣе или менѣе каждый обыватель и нехитрыя подѣлки дѣлалъ самъ для себя, но существовали и спеціальные мастера, тѣмъ болѣе, что „древодѣліе“ достигло уже значительнаго совершенства: археологическія находки даютъ весьма большой ассортиментъ инструментовъ (топоры разныхъ видовъ, молотокъ, пила, долота и стамески, буравы, различные инструменты для выдалбливанія [2]). Письменные источники дѣйствительно сообщаютъ нѣсколько свѣдѣній о спеціализаціи ремесла. Такъ въ Несторовомъ „Чтеніи“ о Борисѣ и Глѣбѣ разсказывается, какъ Изяславъ, задумавъ выстроить новую церковь (деревянную), призвалъ „старѣйшину древодѣлей“ [3]): плотники такимъ образомъ составляли нѣчто въ родѣ артели; изъ разсказа о морѣ 1092 г. видно существованіе спеціальныхъ гробовщиковъ („яко же глаголаху продающеи корсты“) [4]). Еще Константинъ Порфирородный передаетъ, что жители Поднѣпровья занимались приготовленіемъ лодокъ и весною пригоняли ихъ на продажу въ Кіевъ [5]),—въ этомъ промыслѣ въ наибольшей степени должны были участвовать жители кіевскаго Поднѣпровья, древляне и дреговичи; но судостроители были и въ самомъ Кіевѣ—это видно хотя бы изъ разсказа о построеніи дивно исхитренныхъ лодей Изяслава Мстиславича [6]). Строевой лѣсъ и дрова, какъ теперь, такъ и тогда заготовлялись зимою и затѣмъ сплавлялись плотами по

---

[1]) В. Б. Антоновичъ—Чтенія V с. 25, Гамченко op. c. passim.

[2]) Этотъ ассортиментъ цѣликомъ даютъ раскопки Княжей горы.

[3]) Чтеніе о Борисѣ и Глѣбѣ въ изд. Бодянскаго с. 18, въ изд. Срезневскаго с. 32.

[4]) Лавр. с. 208.

[5]) De admin. imp. c. IX.

[6]) Ипат. с. 293.

Днѣпру. Патерикъ упоминаетъ объ особыхъ „извозникахъ", перевозившихъ ихъ съ кіевской пристани въ городъ [1]).

О каменщичьемъ мастерствѣ я буду говорить ниже. О гончарномъ литературные памятники не сообщаютъ почти никакихъ свѣдѣній, за то мы располагаемъ обильнымъ археологическимъ матеріаломъ, свидѣтельствующимъ о большомъ развитіи этого ремесла. Гончарный кругъ появляется еще въ концѣ языческаго періода какъ у полянъ, такъ и у древлянъ, и въ христіанское время гончарныя издѣлія отличаются уже хорошею выдѣлкою и значительнымъ разнообразіемъ формъ; особенно любопытны большіе, иногда въ нѣсколько ведеръ вмѣстимости, сосуды въ видѣ амфоръ, характеризующіе княжескій періодъ.

Относительно обработки металла мы также располагаемъ значительнымъ археологическимъ матеріаломъ. Кіевщина имѣла собственные желѣзные рудники — въ старой Древлянской землѣ, и руда обрабатывалась здѣсь, несомнѣнно, еще въ языческій періодъ: на это указываютъ находки молота, шлаковъ, значительное число желѣзныхъ издѣлій, несомнѣнно мѣстнаго происхожденія, находимыхъ въ древлянскихъ могильникахъ, особенно множество большихъ гвоздей, составляющихъ характерную принадлежность древлянскаго похороннаго обряда [2]). Существованіе рудниковъ обезпечивало значительное развитіе кузнечному дѣлу (слѣды кузни были находимы при раскопкахъ Княжей горы: большой кузнечный молотъ, наковальня и перегорѣвшіе шлаки) [3]); на основаніи данныхъ археологическихъ и литературныхъ можно составить довольно большой наборъ различныхъ металлическихъ издѣлій: ножи, сѣкиры, заступы („лыскари", „рогалія"), кирки и др. инструменты, замки и ключи, огнива, петли, гвозди, обручи, дужки и т. п., изъ вооруженія—мечи, острія копій („оскѣпы", „сулицы") и стрѣлъ, оковки щитовъ, брони, шеломы, принадлежности конской сбруи; полянская дружина еще въ до-христіанское время обладала очень хорошимъ вооруженіемъ, какъ показываютъ могилы полянскихъ

---

[1]) Патерикъ с. 100, 169—170. Въ Чтеніи о Борисѣ и Глѣбѣ разсказывается, что Ярославъ „повелѣ древодѣлямъ, да приготовятъ древа на сограженіе церкви, бѣ бо уже время зимно, они же приготовиша древо и наставшу лѣту воградиша" (изд. Бодянскаго с. 16, изд. Срезневскаго с. 28); ср. также De admin. imper. l. c.

[2]) Гамченко с. 121—122, Хмыровъ—Металлы въ древней Руси с. 33.

[3]) Кіевлянинъ l. c. и частное сообщеніе г. Бѣляшевскаго.

воиновъ. Всѣ эти предметы изготовлялись изъ желѣза. Обрабатывались и другіе, привозные металлы—мѣдь, свинецъ, олово, серебро, золото. На существованіе мѣстнаго литейнаго производства указываютъ, напримѣръ, каменныя формы для литья и предметы, испорченные при отливкѣ [1]). Было бы слишкомъ долго перечислять различные предметы, изготовлявшіеся изъ этихъ металловъ. Большаго развитія и совершенства достигло ювелирное дѣло—о немъ я буду говорить ниже.

За удовлетвореніемъ внутренняго спроса металлическія издѣлія могли служить и предметомъ вывоза; любопытенъ разсказъ Начальной лѣтописи, что поляне платили хозарамъ дань мечами („вдаша отъ дыма мечь“) [2]). Но, съ другой стороны, въ Кіевщинѣ и вообще въ Южной Руси обращались и предметы иностраннаго мастерства: такъ въ Словѣ о полку Игоревѣ говорится о сулицахъ лядскихъ, о шеломахъ латинскихъ, оварскихъ; еще Ибнъ-Фадланъ (первая полов. X в.) замѣтилъ, что Русь употребляла оружіе европейской работы [3]). Вѣроятно, болѣе богатые люди не удовлетворялись туземнымъ искусствомъ; въ обиходъ народной массы заграничныя вещи, конечно, проникали очень мало.

Въ сходномъ положеніи съ металлическимъ производствомъ находилось ткацкое ремесло. Болѣе дорогія матеріи, всякія паволоки, аксамиты, тонкія шерстяныя, пеньковыя и бумажныя ткани привозились изъ чужихъ странъ и, нужно замѣтить, имѣли весьма значиительное распространеніе—опять-таки, конечно, среди зажиточныхъ классовъ [4]). Дома приготовлялись, правдоподобно, лишь болѣе простые виды сукна и полотна [5]). Въ сказаніи о походѣ Олега на Царьградъ

---

[1]) Кіевъ (Объяснит. зап.) и Княжа гора.

[2]) Ипат. с. 9, ср. Хмырова l. с. Любопытно также извѣстіе Ибнъ-Хордадбе (второй полов. IX в.) о вывозѣ мечей изъ Руси—см. у Гаркави Сказанія мусульм. писат. с. 49, также Хвольсона—Извѣстія Ибнъ-Даста с. 185.

[3]) Слово с. 4, 9; Гаркави с. 93.

[4]) Остатки парчи и шелковыхъ тканей не составляютъ рѣдкости въ кіевскихъ могильникахъ (см. напр. Труды III съѣзда II прил. с. 24), даже въ древлянскихъ встрѣчаются остатки шелка (напр. могильники Вчерайшаго и Букъ Сквир. у., Стрыжавки Радомысл. у. —см. Объяснит. записку, Чтенія V с. 25); вспомнимъ также разсказъ Ибнъ-Фадлана о русскихъ одеждахъ изъ византійской парчи (румскаго дибаджа)—см. у Гаркави Сказанія мусульман. писат. с. 97—98.

[5]) См. объ этомъ у Аристова с. 133.

греческія тонкія полотна и шелковыя ткани противополагаются грубой туземной холстинѣ: „и ркоша Словенѣ имемъся своимъ толъстинамъ, не даны суть Словѣномъ пре (паруса) кропинныя“ [1]); здѣсь тонкія полотна и шелковыя ткани представляются чѣмъ-то чуждымъ русскому быту. Въ житіи св. Θеодосія разсказывается, что печерскіе монахи шили клобуки (шапки) и копытца (правдоподобно чулки) [2]) на продажу; между братіею упоминается также одинъ чернецъ, который „бѣ платьна дѣлая“ [3]). Простыя полотна и сукна въ значительной части могли приготовляться, какъ теперь, самыми хозяйками или сельскими ткачами. На широкое распространеніе занятія пряжей указываютъ каменныя пряслицы отъ веретенъ, находимыя въ изобиліи по всему пространству Кіевской земли.

О кожевенномъ ремеслѣ есть извѣстіе въ Начальной лѣтописи: знаменитый богатырь, переявшій славу у печенѣжина, былъ ремесленникъ кожевникъ; существуетъ предположеніе, что теперешнее урочище кіевское Кожемяки ведетъ свое имя съ древнѣйшихъ временъ [4]); ни за, ни противъ этого предположенія нельзя, кажется, ничего сказать. Изъ видовъ обуви упоминаются „пробошни“ и сапоги; кожа называется „усньe“ и „черевье“ [5]). Судя по лѣтописному разсказу, данники кіевскихъ князей, жители лѣсовъ, носили преимущественно лапти [6]), однако въ древлянскихъ могильникахъ обувь у покойниковъ кожаная— это полусапожки изъ тонкой, сложенной вдвое кожи, безъ отдѣльной подошевы [7]). Въ тѣхъ же могильникахъ встрѣтились остатки овчиннаго „кожуха“—единственное свидѣтельство о скорнячномъ ремеслѣ (конечно, очень распространенномъ), потому что письменныхъ извѣстій о немъ мы не имѣемъ [8]).

Извѣстія о каменныхъ постройкахъ начинаются у насъ съ X в.: по сказанію лѣтописца, при Ольгѣ уже былъ княжій „теремъ каменъ“ [9]).

---

[1]) Ипат. с. 19.
[2]) См. у Аристова с. 143, ср. Голубинскаго 1, 2 с. 540, словарь Востокова I с. 178.
[3]) Житіе Θеодосія л. 9 об., 19 об.
[4]) См. Иловайскаго Ист. Россіи I ч. 2 ст. 4.
[5]) Ипат. с. 84, 137.
[6]) Ипат. с. 56.
[7]) В. Б. Антоновичъ—Чтенія III с. 3, Гамченко ор. с. с. 114.
Ипат. с. 35.
[9]) В. Б. Антоновичъ—Чтенія V с. 25.

Съ конца X в. начинаютъ появляться каменныя церкви—за періодъ до-монгольскій ихъ можно насчитать въ Кіевской землѣ больше двадцати; большинство ихъ сосредоточено было въ Кіевѣ [1]), затѣмъ каменныя церкви извѣстны въ Вышгородѣ (освящена въ 1115 г.), въ Бѣлгородѣ (выстроена въ 1197 г.), въ Овручѣ—церковъ св. Василія, выстроенная, правдоподобно, Рюрикомъ Ростиславичемъ, въ Зарубѣ—вѣроятно, церковь Пречистой [2]). Изъ другихъ сооруженій можно указать на Ярославовы Золотые ворота, на каменную трапезницу въ Печерскомъ монастырѣ и стѣну, которою монастырь былъ окруженъ во второй половинѣ XII в., на каменную же стѣну, выстроенную въ въ 1200 г. въ Выдубицкомъ монастырѣ для защиты горы отъ разрушенія [3]). Продолжали ли строиться каменные княжескіе теремы, неизвѣстно.

Первыми строителями и учителями нашими въ строительномъ искусствѣ были, конечно, греки; для построенія Десятинной церкви Владиміръ „пославъ приведе мастеры отъ Грькъ“; цареградскіе же мастера, по сказанію Патерика, строили великую Печерскую церковь [4]). Но въ скоромъ времени появились свои мастера, и не въ маломъ, вѣроятно, количествѣ; Петръ Милонѣгъ, котораго Рюрикъ для построенія выдубицкой стѣны „изообрѣте во своихъ си приятелехъ, акы Моисѣй древле оного Веселѣила“ [5]), конечно, не составлялъ исключенія. Что каменьщиковъ, конечно туземныхъ, было въ Кіевѣ множество—видно изъ сказанія объ освященіи церкви св. Георгія: Ярославъ былъ недоволенъ малымъ числомъ рабочихъ, „и возвѣстиша на

---

[1]) Именно: Десятинная, св. Софіи, Благовѣщенія (на Золотыхъ воротахъ), св. Георгія, Ирины, Петра (въ Димитріевомъ монастырѣ), Симеона, Михаила въ Выдобичахъ, Печескія—великая и св. Іоанна, св. Андрея, Влахернская, св. Михаила-Златоверхая, св. Ѳеодора, Богородицы Пирогощая, св. Кирилла, св. Василія на Новомъ дворѣ, Спаса на Берестовѣ; не претендуя на полноту, я внесъ въ каталогъ главнымъ образомъ тѣ церкви, о которыхъ источники говорятъ, что онѣ были каменныя, или которыя съ вѣроятностью пріурочиваются къ сохранившимся остаткамъ до-монгольскаго типа. Ср. каталогъ въ Ист. рус. цер. проф. Голубинскаго 1, 2 с. 255—260.

[2]) Ипат. с. 201, 473, объ овруцкомъ и зарубскомъ храмахъ см. выше с. 34 и 40.

[3]) Ипат. с. 106, 187, 475 сл., Лавр. с. 432; о построеніи стѣны въ Печерскомъ монастырѣ упоминается въ посланіи къ печерскому архимандриту Василію (съ 1182 г.)—отрывокъ изъ него, въ переводѣ, см. у м. Макарія III с. 46.

[4]) Ипат. с. 83, Патерикъ с. 117 сл.

[5]) Ипат. с. 476.

торъгу людемъ, да возьмуть каждо по погатѣ на день. И бысть множество дѣлающихъ" (здѣсь мы кстати узнаемъ, что считалось тогда хорошею заработною платою: по обычному разсчету ногата составляла около двухъ золотниковъ серебра) [1]). Вообще нельзя думать, чтобы каменныя постройки составляли что-нибудь необыкновенное въ Кіевской Руси [2]) — пышныя похвалы, расточаемыя Рюрику по поводу построенія стѣны, я думаю, вовсе этого не доказываютъ—это цвѣты витійства, которые могли расточаться не только по важному поводу, но и вовсе безъ всякаго повода. Быть можетъ, неискусству учениковъ должно приписать то обстоятельство, что нѣкоторыя церкви быстро разрушались, такъ въ Андреевскомъ монастырѣ упалъ верхъ чрезъ двадцать лѣтъ послѣ постройки; вспомнимъ также, для сравненія, соборъ переяславкій, обрушившійся чрезъ двадцать пять лѣтъ по освященіи [3]).

Изъ построекъ того времени нѣкоторыя церкви сохранились до насъ цѣликомъ, другія въ болѣе или менѣе значительныхъ остаткахъ, и по нимъ можно составить себѣ ясное представленіе о тогдашнемъ строительномъ искусствѣ [4]). Матеріаломъ служили камень и кирпичъ, стѣны кладутся въ перемежку изъ того и другого, преобладаетъ камень—это желѣзнякъ и красный шиферъ, добывавшійся въ овручскомъ Полѣсьѣ [5]). Кирпичъ имѣетъ характеристическую, приближающуюся къ квадратной, форму. Камень и кирпичъ соединяются толстыми слоями цемента, состоящаго изъ смѣси толченаго кирпича и извести и имѣющаго потому характерный розовый цвѣтъ; толщина цементнаго слоя доходитъ до $2\frac{1}{2}$ вершковъ (въ орнаментирующихъ частяхъ), между тѣмъ кирпичъ не бываетъ толще одного вершка, такъ что, по замѣчанію проф. Лашкарева, цементъ составляетъ преобладающую массу въ кладкѣ кіевскихъ церквей [6]); со временемъ,

---

[1]) У Хрущова—О др. ист. пов. с. 126—7.

[2]) Аристовъ с. 106.

[3]) Ипат. с. 185, 207,

[4]) Приводимыя ниже свѣдѣнія я заимствую преимущественно изъ статьи проф. Лашкарева: Кіевская архитектура XI—XII вв. въ Трудахъ III археологическаго съѣзда т. I с. 263 слѣд.

[5]) См. статью г. Оссовскаго въ Трудахъ того же съѣзда т. II с. 159 слѣд.; шиферныя плиты, занесенныя водою, встрѣчаются также и въ сѣверной части Радомысльскаго уѣзда.

[6]) Кіевская архитектура с. 278.

отвердѣвая, этотъ цементъ дѣлается крѣпче самого кирпича. Основная архитектурная форма церквей—крестъ, вписанный въ четвероугольникъ корабля, съ тремя полукруглыми алтарными абсидами; для расширенія помѣщенія прибавлялась паперть и хоры; въ св. Софіи къ тремъ основнымъ абсидамъ прибавлены еще двѣ. Число куполовъ бывало очень разнообразно—отъ одного до тридцати; кровля была свинцовая и лежала непосредственно на сводахъ храма, потому имѣла видъ волнообразный, безъ прямыхъ граней; на нѣкоторыхъ церквяхъ (какъ, напримѣръ, на храмѣ Михаила Золотоверхомъ) крыша была золоченая. Для орнаментовъ употреблялся упомянутый красный шиферъ—изъ него дѣлались карнизы, полъ, облицовка (сохранилось нѣсколько подобныхъ плитъ съ разными рельефными изображеніями), а также мраморъ—существуетъ нѣсколько колоннъ бѣлаго мрамора, хотя и не на первоначальныхъ своихъ мѣстахъ), сохранились также мраморныя плитки отъ мозаичнаго помоста (для помоста употреблялись также плитки глиняныя, глазированныя), кромѣ церковныхъ украшеній изъ мрамора приготовлялись саркофаги; два сохранились до нашего времени, въ томъ числѣ знаменитая гробница Ярослава; встрѣчаются гробницы и изъ краснаго шифера. Повидимому, въ Кіевѣ существовали мастерскія, гдѣ обрабатывался заграничный мраморъ: такъ въ сказаніи о построеніи великой Печерской церкви разсказывается, что когда неизвѣстно кѣмъ была привезена въ монастырь каменная (конечно, мраморная) доска, для престола, то монахи послали за эту доску три гривны серебра „тамо, идѣже дѣлаются таковыя вещи“, но „мастеръ“ не отыскался [1]).

Храмы украшались живописью—фресками и мозаичными изображеніями (мусіею); такъ въ св. Софіи мозаичными изображеніями украшена алтарная часть и главный куполъ, остальныя части церкви были расписаны; то же было и въ Михайловскомъ храмѣ (Золотоверхомъ), который былъ украшенъ по образцу Софійскаго; мозаикой былъ убранъ и алтарь великой Печерской церкви [2]). Изображенія алтарной части и купола замѣняли современныя изображенія иконоста-

---

[1]) Патерикъ с. 124—5.

[2]) См. рефератъ Н. Г. Лебединцева „О св. Софіи Кіевской“ въ I т. Трудовъ III археолог. съѣзда с. 76 слѣд. и замѣтку въ Кіевск. Стар. 1884, IX с. 163; Описаніе Кіева Закревскаго т. II стр. 536 сл., 787 сл.; Патерикъ с. 121 и 175.

совъ: послѣдніе состояли тогда изъ невысокой мраморной преграды. Кромѣ фресковыхъ изоброженій существовали также иконы на деревѣ, висѣвшія на стѣнахъ, какъ знаменитые образа—Успенія въ Печерской церкви и св. Николая въ Софійскомъ храмѣ. Лѣстницы, ведущія на хоры св. Софіи, украшены свѣтскою живописью: эти ходы находились первоначально внѣ храма.

Конечно, первыми иконописцами у насъ были иноземцы—греки: всѣ надписи на стѣнахъ Софійскаго собора сдѣланы на греческомъ языкѣ, но евхаристическая надпись Михайловскаго храма, а также надписи Кирилловской церкви сдѣланы уже по славянски; притомъ въ живописи послѣднихъ, особенно во фрескахъ Кирилловской церкви, замѣчаютъ отличія сравнительно съ живописью XI в., большую естественность и изящество, на основаніи чего заключаютъ не только о существованіи въ то время туземцевъ-художниковъ, но и о нѣкоторой національной школѣ, конечно—въ зародышѣ [1]). Что въ Кіевѣ существовали въ XI и XII вв. уже туземные иконописцы, перенявшіе свое искусство отъ грековъ, это видно изъ житія св. Алимпія [2])

Болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, мы можемъ искать слѣдовъ туземнаго искусства того времени, своеобразныхъ типовъ и пошибовъ въ замыслѣ и техникѣ въ остаткахъ утвари, въ различныхъ украшеніяхъ. Даже при бѣгломъ обзорѣ можно замѣтить нѣкоторые прочно установившіеся типы въ формахъ и орнаментировкѣ; таковъ, напримѣръ, извѣстный типъ т. н. кіевской серьги, въ видѣ трехъ шариковъ на круглой проволокѣ—типъ, повторяющійся во множествѣ экземпляровъ, такова свитая изъ нѣсколькихъ проволокъ гривна или браслетъ—типъ весьма разнообразно и прихотливо варьирующійся въ отдѣльныхъ экземплярахъ, такова литая орнаментировка различныхъ украшеній въ видѣ мелкаго бисера и т. п. Но относящійся сюда матеріалъ, къ сожалѣнію, еще мало изученъ, хотя заслуживаетъ большого вниманія по обилію, разнообразію и изяществу своихъ формъ, свидѣтельствующихъ о значительномъ совершенствѣ и вкусѣ мастеровъ.

---

[1]) См. статью проф. Прахова: Фрески Кіево-Кирилловской церкви XII в. въ Кіевск. Стар. 1883 кн. V, особ. с. 109—110.

[2]) Патерикъ с. 174, 179—180.

Перейдемъ къ торговлѣ. Она имѣла чрезвычайно большое значеніе въ судьбѣ Кіевской земли; то преобладающее положеніе, какое заняла земля полянъ среди другихъ русскихъ земель, было въ значительной мѣрѣ слѣдствіемъ большой торговли, накопленія богатствъ, которое дало возможность этой землѣ завести значительное постоянное войско. Что и позже торговля имѣла большое жизненное значеніе для земли, это видно уже изъ того вниманія, которое оказываетъ ей правительство; послѣднее заботиться, чтобы русскіе купцы не подвергались притѣсненіямъ внѣ своей земли, принимаетъ мѣры къ обезпеченію торговыхъ путей. Такъ мы имѣемъ отъ X в. торговые договоры съ греками, которые ограждаютъ интересы русскихъ купцовъ въ Греціи; въ заключеніи договора 944 г. кромѣ пословъ отъ князя и бояръ участвуютъ и купцы. Затѣмъ въ XI и XII вв. упоминается нѣсколько разъ о нападеніяхъ на купцовъ въ Олешьѣ, важномъ транзитномъ пунктѣ греко-русской торговли: кіевскіе князья въ этихъ случаяхъ принимали мѣры для ихъ защиты. Подъ 1167, 1168, 1170 гг. разсказывается объ экспедиціяхъ, снаряженныхъ кіевскими князьями для освобожденія торговыхъ путей отъ кочевниковъ и охраненія каравановъ [1]). Припомнимъ также, какъ близко принималъ къ сердцу Святополкъ жалобы на свое разореніе кіевскихъ купцовъ, торговавшихъ солью [2]). Такая отзывчивость князей къ интерессамъ мѣстной торговли будетъ вполнѣ понятна, если мы вспомнимъ то, что говорено было выше о вліятельной общественной роли капиталистовъ-негоціантовъ и широкомъ проникновеніи ихъ въ княжью дружину; помимо того, князья часто (если не всегда) лично были заинтересованы въ успѣхахъ торговли, такъ какъ сами участвовали въ торговыхъ операціяхъ; характерный примѣръ такого участія (только уже въ неблаговидной формѣ) мы имѣемъ въ извѣстной соляной спекуляціи Святополка [3]).

Средоточіемъ торговли служили города; значительная часть ихъ была обязана возникновеніемъ и возвышеніемъ именно своему выгодному положенію относительно торговли (другіе создавались только для обороны). Сюда на рынки—„торговища“ стекались излишки сы-

---

[1]) Ипат. с. 29, 144, 346, 360, 361, 368, 370.

[2]) Патерикъ с. 155.

[3]) Ср. также указаніе Русской Правды, что князья участвовали капиталами въ торговыхъ операціяхъ—сп. Карамз. ст. 69 (Троицк. ст. 51).

рыхъ продуктовъ и произведеній промышленности окрестнаго населенія, и отсюда получались имъ предметы торговли; такое торговище (кромѣ Кіева, гдѣ ихъ извѣстно нѣсколько), упоминается въ Звижднѣ [1]); они были, конечно, и въ другихъ городахъ. Должно впрочемъ замѣтить, что торговища не были только рынками: здѣсь происходили мѣстныя вѣча и сходки, дѣлались разнаго рода частныя и оффиціальныя объявленія, публиковались распоряженія—словомъ, то былъ настоящій центръ общественной жизни города [2]). Большинство городовъ ограничивалось указанною, болѣе тѣсною сферою торговли; только значительнѣйшіе, лежавшіе на важныхъ торговыхъ путяхъ, вели болѣе широкую отпускную торговлю, собирая продукты изъ менѣе значительныхъ городовъ и распредѣляя между ними предметы культуры; первое мѣсто между ними занималъ Кіевъ, во много разъ превосходившій своею торговлею и богатствомъ остальные города земли— обстоятельство, имѣвшее очень важное политическое значеніе.

Какіе же извѣстны намъ торговые пути изъ Кіевщины и въ Кіевщину? Главною торговлею артеріею былъ, конечно, Днѣпръ— „путь изъ Варягъ въ Греки". Начальный лѣтописецъ объясняетъ, какимъ образомъ Поднѣпровье соединялось съ областью великихъ озеръ: изъ Днѣпра (чрезъ З. Двину и Касплю волокомъ) до Ловати и оттуда въ озеро Ильмень [3]). Только небольшіе волоки отдѣляютъ верховья Днѣпра отъ Западной Двины и Окскаго бассейна, и весьма вѣроятно, что сношенія производились изъ верхняго Днѣпра и въ этихъ направленіяхъ. Важными торговыми путями служили затѣмъ притоки Днѣпра—Десна, которая своими верховьями подходитъ затѣмъ къ верховьямъ Оки, а верховьями Сейма—къ бассейну Дона, и Припеть, сближающаяся съ бассейнами Нѣмана и Вислы [4]). Кіевъ зани-

---

[1]) Ипат. с. 170.

[2]) См. сказаніе о построеніи церкви св. Георгія (объявленіе о размѣрѣ заработной платы каменьщикамъ: „возвѣстиша на торъгу людемъ, да возьмуть каждо по ногатѣ на день"—у Хрущова с. 126), сказаніе о чудесахъ св. Николая—чудо о нѣкоемъ дѣтищи (публикація о найденномъ ребенкѣ)—Житіе и чудеса св. Николая Мурликійскаго изд. арх. Леонидомъ въ Памятн. древн. письмен. с. 92; ср. также закличь на торгу Русской Правды—сп. Карамз. ст. 27, 29.

[3]) Ипат. с. 4, Соловьевъ I с. 19, Барсовъ Геогр. Нач. лѣт. с. 20; начальный лѣтописецъ о З. Двинѣ умалчиваетъ.

[4]) Ср. Барсова Географію с. 20—21.

малъ выгодную позицію—ниже впаденія обѣихъ этихъ рѣкъ: сюда такимъ образомъ стекались предметы торговли изъ области великихъ озеръ, изъ верхняго Поднѣпровья, изъ обширной области Припети, изъ Подесенья—земель радимичей и сѣверянъ, и затѣмъ направлялись далѣе, по новымъ путямъ. Главнымъ изъ нихъ былъ опять-таки путь по Днѣпру внизъ, на югъ; Константинъ Порфирородный даетъ намъ обстоятельныя свѣдѣнія о немъ: волокомъ обходили днѣпровскіе пороги и, достигнувъ устья его, отправлялись вдоль черноморскаго берега въ Царьградъ [1]); въ разсматриваемое время еще болѣе, вѣроятно, чѣмъ въ Царьградъ, ѣздили въ крымскіе торговые города. Чтобы покончить съ водяными путями, упомяну, что многіе ученые предполагають въ то время существованіе изъ Кіевщины торговаго пути на юго-востокъ, чрезъ днѣпровскій притокъ Самару и небольшой волокъ въ Міусъ или Калміусъ и оттуда въ Азовское море [2]).

О сухопутныхъ трактахъ мы имѣемъ болѣе или менѣе опредѣленныя показанія источниковъ. На сѣверо-востокъ, кромѣ Десны, велъ и сухопутный трактъ, по водораздѣлу Десны и другихъ днѣпровскихъ притоковъ—Супоя, Сулы, Псла, на Курскъ и далѣе, быть можетъ, въ бассейнъ средней Волги; по этой дорогѣ въ XI в., по свидѣтельству житія Ѳеодосія, двигались торговые обозы въ Кіевъ [3]). На западъ трактъ шелъ на Бѣлгородъ, отсюда на Вздвижень, потомъ, кажется, на Мичьскъ, Ушескъ, Корческъ и далѣе на Волынь, „въ Ляхы“ и „въ Угры“ (если хотѣли обойти Галичину) [4]). Другой трактъ шелъ на юго-западъ—на Звенигородъ, Василевъ или Тумащь,

---

[1]) De admin. imp. c. 9, cf. c. 2.

[2]) Это предположеніе высказано было проф. Ф. Бруномъ и принято затѣмъ Л. Майковымъ (Журн. М. Н. Пр. 1874. VIII с. 257), Барсовымъ (Географія с. 21); возраженія высказалъ г. Бурачковъ въ своей статьѣ: Замѣтки по ист. геогр. ю.-рус. степей, Кiев. Стар. 1886 кн. IV с. 667 сл.

[3]) Житіе Ѳеодосія л. 5; по словамъ житія, обозъ шелъ отъ Курска до Кіева три недѣли.

[4]) Такое направленіе тракта дѣлается вѣроятнымъ, если сопоставить Ипат. с. 170 (Василька изъ Звенигорода повезли во Владиміръ на Вздвижень), с. 276 (Глѣбъ Юрьевичъ ѣхалъ отъ Пересопницы на Дорогобужь, Корческъ и Ушескъ) и с. 284—287 (Изяславъ съ Волыни шелъ на Пересопницу, Дорогобужь, Корческъ, Ушескъ, Мичьскъ, Вздвижень и Бѣлгородъ къ Кіеву); что дорога въ Ляхы шла на Бѣлгородъ, видно изъ описанія кіевскаго движенія 1068—9 г.: къ Бѣлгороду вышли кіяне на встрѣчу Изяславу и Болеславу (с. 121). О путяхъ въ Ляхы см. у г. Линниченка Взаимн. отнош. с. 184.

затѣмъ чрезъ Перепетово поле на Мунаревъ и Володаревъ и далѣе въ Галицкую волость [1]); этимъ путемъ, можетъ быть, производились также сношенія съ подунайскими городами.

Во второй половинѣ XII в. въ Кіевской лѣтописи упоминаются такіе торговые пути: „Греческій, Соляной (Солоный) и Залозный“ [2]); къ сожалѣнію, направленіе этихъ путей не опредѣлено точнѣе, и это дало поводъ къ всевозможнымъ догадкамъ; изслѣдователи не согласны не только въ направленіи этихъ путей, но и относительно того, какіе изъ этихъ путей были сухопутные, и какіе водяные [3]). Изъ лѣтописныхъ данныхъ можно вывести только, что всѣ эти пути пролегали чрезъ степи, такъ что на нихъ половцы грабили торговцевъ, далѣе— что Греческій путь шелъ по Днѣпру по крайней мѣрѣ до пороговъ: здѣсь, у пороговъ, половцы въ 1167 г. „начаша пакостити гречникомъ“, воспользовавшись княжескими усобицами [4]); обыкновенно принимаютъ, и это вполнѣ вѣроятно, что подъ Греческимъ путемъ разумѣется путь по Днѣпру въ греческіе города Крыма и Византіи. Путь Залозный также шелъ по Днѣпру; онъ отклонялся отъ него не выше, во всякомъ случаѣ, Канева; въ какую сторону? мнѣ кажется невѣроятнымъ, чтобы онъ шелъ затѣмъ на юго-западъ, въ подунайскіе города, какъ думалъ, напримѣръ, Аристовъ: выходилъ бы не малый кругъ. Надо думать, что путь этотъ отклонялся отъ Днѣпра на юго-востокъ, въ область Дона. При описаніи похода на половцевъ подъ 1184 г. разсказывается, что князья, отправившись изъ Кіева въ Переяславскую волость, „усрѣтоста гости идущь противу себе ис Половець“, и тѣ сообщили имъ, что половцы стоятъ на р. Хоролѣ [5]);

[1]) Этотъ трактъ опредѣляется очень точно изъ сравненія Ипат. с. 278—9, 300, 342—343; сравни Погодина Изслѣд. IV с. 176—177. Эти торговые пути сохранились и въ послѣдующее время; такъ въ уставной грамотѣ Кіеву 1494 г. мытныя коморы упоминаются въ Вышгородѣ, Чернобылѣ, Бѣлгородѣ и Глевахѣ (село по дорогѣ изъ Кіева въ Васильковъ)—см. Акты Зап. Рос. т. I с. 145; такимъ образомъ торговые пути шли тогда: вверхъ по Днѣпру, по Припяти, и сухопутные—на Бѣлгородъ и Васильковъ; отъ этихъ данныхъ мы можемъ обратно заключать и о направленіи путей въ болѣе раннее, домонгольское время.

[2]) См. Ипат. с. 368: „а уже у насъ (половцы) и Гречьский путь изъотимають, и Соляный (Солоны), и Залозный“ (Воскр. I с. 82—„залозы“), ср. с. 360, 361, 370.

[3]) Литература этого вопроса указана въ упомянутой статьѣ г. Майкова (с. 258), см. также Аристова Промышленность с. 186—188.

[4]) Ипат. с. 360.

[5]) Ипат. л. с. 429.

не были ли это именно „залозники“? Что касается Соляного пути, то большею частью здѣсь разумѣютъ путь въ Крымъ, къ солянымъ озерамъ; но мы знаемъ, что соль вывозилась также изъ Галицкой области, между прочимъ изъ коломыйскихъ пріисковъ; путь въ Коломыю пролегалъ также чрезъ степную область Буга, и половцы здѣсь свободно могли грабить купцовъ; этотъ путь, если принять его, составлялъ бы южную вѣтвь того галицкаго тракта, о которомъ было сказано выше [1]). Какой изъ этихъ двухъ, по моему мнѣнію возможныхъ, путей носилъ имя Соляного—рѣшать не берусь.

Такимъ образомъ изъ Кіевской земли, въ частности—изъ Кіева шли торговые пути во всѣхъ направленіяхъ. Подъ вліяніемъ историческихъ условій эти пути имѣли неодинаковое значеніе въ разныя времена: усиливались сношенія въ одномъ направленіи, ослабѣвали и даже прекращались въ другомъ. Древнѣйшими, вѣроятно, были торговыя сношенія съ югомъ и юго-западомъ—съ городами сѣвернаго берега Чернаго моря и нижняго Дуная. Для болѣе древняго времени свидѣтелями объ этой торговлѣ служатъ римскія монеты, которыя въ значительномъ количествѣ, и не только спорадически, но и въ видѣ болѣе или менѣе значительныхъ кладовъ, встрѣчаются на территоріи Кіевской земли [2]); извѣстно нѣсколько экземпляровъ монетъ республики, но въ большинствѣ онѣ относятся къ II—IV вв. нашей эры [3]); есть извѣстія о монетахъ понтійскихъ и малоазіатскихъ [4]), но монетъ черноморскихъ греческихъ колоній до сихъ поръ почти неизвѣстно [5]).

---

[1]) Такое направленіе Соляного пути принималъ и Бѣляевъ (Разск. I с. 225).

[2]) Свѣдѣнія относительно монетныхъ находокъ Кіевской губерніи сведены въ трудѣ г. Бѣляшевскаго: Монетные клады Кіевской губерніи, а также въ Объяснительной запискѣ къ археологич. картѣ Кіевской губ. В. Б. Антоновича. Для западной части старой Кіевщины пока нѣтъ подобныхъ пособій; добросовѣстно составленное „Изслѣдованіе о кладахъ Волынской губ.“ г. Орлова, по свойству источниковъ, на которыхъ оно основано, даетъ, къ сожалѣнію, по большей части самыя общія свѣдѣнія о составѣ кладовъ; для насъ интересны—извѣстіе о римской монетѣ (Антонина)—Ровенск. у., и три извѣстія о гривнахъ (очень неопредѣленныя впрочемъ)—два относятся къ Ровенскому у. и одно къ Дубенскому (с. 21, 36, 42, 49).

[3]) Значительные клады римскихъ монетъ были найдены въ Кіевѣ (одинъ—болѣе 80 монетъ, другой—59), въ Махновкѣ (Бердичевскаго у.)—болѣе 800 монетъ, изъ нихъ опредѣлено лишь три, въ с. Плоскомъ (Сквир. уѣз.)—болѣе 10 монетъ, около м. Смѣлы—разновременно 23 монеты, въ м. Крыловѣ—нѣсколько десятковъ, Бѣляшевскій с. 10, 27, 69, 99—101, 117.

[4]) Бѣляшевскій ор. с. 27 сл., 69, 89.

[5]) Если не считать херсонесской монеты императора Романа (Бѣляшевскій с. 65).

Впрочемъ, и византійскихъ монетъ въ теперешней Кіевской губерніи найдено очень мало, большею частью это отдѣльные, затерянные экземпляры [1]); проф. Хвольсонъ объясняетъ это такъ, что ввозъ византійскихъ товаровъ въ Русь превышалъ вывозъ, между тѣмъ восточные товары находили менѣе сбыта въ Руси, и русскіе купцы предпочитали тамъ продавать свои товары за звонкую монету [2]). Между тѣмъ сношенія съ Византіею были очень оживленныя; по извѣстію Константина Порфиророднаго, кіевскіе руссы снаряжали каждую весну цѣлый торговый флотъ въ Царьградъ [3]). Изъ договора Руси съ греками 944 г. видно, что въ Царьградѣ проживало большое число русскихъ купцовъ, такъ что греческое правительство опасалось съ ихъ стороны насильственныхъ дѣйствій [4]). Сношенія не прекращались и позже—во второй половинѣ XI в. въ Олешьѣ торговали „грѣкы", или „гречники", по другому чтенію [5]); гречники—купцы, торговавшіе съ греками, существовали и въ XII в.; ихъ торговые караваны, очевидно, были весьма значительны, если князья выходили на охрану ихъ; тѣсныя связи съ греками обнаруживаются и въ извѣстной угрозѣ кіянъ (1069 г.), что они зажгутъ городъ и уйдутъ въ греческую землю [6]). О сношеніяхъ Руси съ подунайскими городами говоритъ начальный лѣтописецъ устами Святослава [7]). Кромѣ того, существовали сношенія съ крымскими городами—Херсонесомъ, Судакомъ (Согдая, Солдая); судя по нѣкоторымъ извѣстіямъ, тамъ проживали русскіе купцы цѣлыми колоніями [8]). Главнымъ торговымъ путемъ въ этихъ сношеніяхъ служилъ Днѣпръ, а также, можетъ быть, галицкій трактъ и Соляной путь, если только онъ велъ въ Крымъ. Весьма

---

[1]) Бѣляшевскій с. 10, 39, 41, 88, 142; только разъ найдено вмѣстѣ 9 монетъ, приписываемыхъ Іоанну Цимисхію (ibid. с. 49).

[2]) Извѣстія Ибнъ-Даста с. 160.

[3]) De admin. imperio c. IX.

[4]) Ипат. с. 30.

[5]) Въ спискахъ Ипат., Академ., Радзив. и въ спискахъ Воскр., исключая Архивскаго—„гречники", въ сп. Лавр., Хлѣбн., Погод., въ Архив. сп. Воскресенской и въ Никоновской—„греки"; я предпочелъ бы первое чтеніе, какъ болѣе трудное, притомъ слово „гречники" встрѣчается здѣсь въ первый разъ.

[6]) Ипат. с. 122.

[7]) Ипат. с. 44.

[8]) Ибнъ эль Атиръ (перв. полов. XIII в.)—въ Учен. Зап. Ак. Н. по I и III отд. т. II с. 661.

важнымъ торговымъ узломъ въ этихъ сношеніяхъ служило Олешье; оно находилось на Днѣпрѣ, но гдѣ именно, неизвѣстно; обыкновенно его помѣщаютъ недалеко отъ устья, на мѣстѣ теперешняго города Алешекъ; другое мнѣніе было высказано г. Бурачковымъ, который пріурочивалъ Олешье къ городищу у с. Знаменки, гдѣ находятъ монеты Херсонеса и восточныя [1]). Гдѣ бы ни находилось Олешье, оно, очевидно, служило этапомъ на пути изъ Кіева въ Грецію, складочнымъ мѣстомъ греческихъ и русскихъ товаровъ (лѣтопись упоминаетъ, напримѣръ, что отсюда вывозилось вино и рыба въ Галицкую волость) [2]); два раза въ лѣтописяхъ разсказывается о разграбленіи Олешья и олешскихъ купцовъ (одинъ разъ Давыдомъ Игоревичемъ, въ 1084 г., другой—берладниками, въ 1159 г.), и въ обоихъ случаяхъ, какъ было сказано, кіевскіе князья принимаютъ это очень къ сердцу [3]): очевидно, въ Олешьи было что пограбить, съ другой стороны—ясно, что олешская торговля стояла въ непосредственной связи съ кіевской.

Утвержденіе въ южно-русскихъ степяхъ кочевниковъ неблагопріятно отразилось на сношеніяхъ Руси съ греческими и подунайскими городами, хотя и не прекратило ихъ вовсе; печенѣги и половцы въ нѣкоторой степени являлись даже сами посредниками въ торговлѣ; не смотря на враждебное отношеніе къ Руси, во время самыхъ военныхъ дѣйствій, какъ мы видѣли, половцы пропускаютъ купцовъ на Русь; съ самими половцами русскіе купцы вели торговлю. Но съ другой стороны, пользуясь неурядицами, половцы часто и грабили торговые караваны, такъ что князья вынуждены были совершать цѣлые походы въ степи для охраненія ихъ.

Что до предметовъ этой южной торговли, то изъ Руси отправлялись сырые продукты, преимущественно мѣха, медъ, воскъ, а также рабы. Такъ Ибнъ-Хордадбе сообщаетъ, что руссы привозятъ въ Византію мѣха выдръ (или бобровъ) и черныхъ лисицъ и—мечи; по

---

[1]) Замѣтки по ист. геогр. с. 659 слѣд.; мнѣніе это довольно вѣроятно, хотя едва ли Олешье было очень удалено отъ моря: такъ можно заключить изъ лѣтописнаго извѣстія, что когда кіяне отправились въ погоню за берладниками, пограбившими Олешье, то догнали ихъ уже у Дциня (Дѣдцина—Воскр.), города, по всей вѣроятности, придунайскаго (Ипат. с. 346, Воскр. I с. 71).

[2]) Ипат. с. 491.

[3]) Ипат. с. 144, 346.

словамъ Начальной лѣтописи, въ болгарскіе подунайскіе города изъ Руси вывозились: „скора, и воскъ, и медъ, и челядь“; Игорь, „утвердивъ миръ съ Грѣкы, отпусти послы, одаривъ скорою и челядью и воскомъ“; такихъ же подарковъ просили греки у Ольги [1]); въ частности мы имѣемъ извѣстіе начала XIII в. о вывозѣ въ Константинополь изъ Руси заячьихъ шкуръ [2]). Торговля рабами была широко развита, такъ что евреи называли „Есклавонію и Русь“ землею Ханаанскою, „потому что жители продаютъ своихъ сыновей и дочерей въ рабство“ [3]); въ Константинополѣ былъ особый торгъ, „идѣже русстіи купци приходяще челядь продаютъ“ [4]). Отъ грековъ непосредственно, а также, можетъ быть, и посредственно русскіе получали: различнаго рода ткани бумажныя, шелковыя (паволоки), парчу (аксамиты), тонкія полотна, затѣмъ вина, „овощи разноличьнии“, пряности, различныя издѣлія изъ золота и серебра, можетъ быть—и оружіе. Дорогія ткани служили главнымъ предметомъ ввоза; греческое правительство ограничивало даже эту торговлю, и по договору 944 г. не дозволялось вывозить ткани дороже 50 златниковъ за свертокъ. Изъ греческихъ же городовъ русскіе купцы получали деревянное масло, ладонъ, смирну и другія принадлежности церковнаго обихода [5]). По словамъ Ибнъ ель Атира, до прихода татаръ приходили въ Судакъ корабли съ одеждами (изъ Греціи), а оттуда вывозили мѣха, рабовъ „и другіе товары, находящіеся въ ихъ землѣ“ [6]); Рубруквисъ говоритъ, что изъ Турціи (т. е. Малой Азіи) привозили въ Судакъ хлопчатобумажныя и шелковыя ткани, пряные коренья; русскіе же купцы привозили въ крытыхъ телѣгахъ, запряженныхъ волами, разные мѣха [7]). По словамъ того же Рубруквиса, русскіе вывозили изъ Крыма соль [8]). У половцевъ, какъ раньше у печенѣговъ, русскіе купцы покупали

---

[1]) Гаркави с. 49, Ипат. с. 34, 40, 44.

[2]) См. статью проф. Васильевскаго „Древняя торговля Кіева съ Регенсбургомъ“ въ Жур. М. Н. Пр. 1888, VII с. 150.

[3]) Отрывки изъ путешествія Веніам. Тудельскаго (XII в.) въ Отеч. Зап. 1858, XI с. 419.

[4]) Въ сказаніи о чудесахъ св. Николая Мурликійскаго—чудо 34, с. 85.

[5]) См. въ Житіи Θеодосія (л. 13 и об.) о св. Варлаамѣ, накупившемъ въ Константинополѣ „еже на пользу монастырю своему: иконы и ино“.

[6]) Уч. зап. Акад. Н. по I и III отд. II с. 660, 662.

[7]) См. въ статьѣ проф. Васильевскаго о Сурожѣ—Ж. М. Н. Пр. 1889, V с. 130.

[8]) Аристовъ с. 70.

скотъ, продавали имъ рабовъ, а также, вѣроятно, хлѣбъ (кочевники любили особенно просо); митрополитъ Іоаннъ упрекаетъ тѣхъ, которые „имѣнія ради или скотолюбства ради“ ѣздятъ къ половцамъ и сквернятся, а также продаютъ рабовъ христіанъ „поганымъ“, евреямъ и еретикамъ [1]). По свидѣтельству Патерика, евреи занимались въ Корсунѣ торговлею рабами [2]).

Древнѣйшее извѣстіе о сношеніяхъ Руси съ Западною Европою видятъ обыкновенно въ постановленіи мытнаго устава Восточной марки начала X в. относительно славянскихъ купцовъ, которые приходятъ de Rugis et de Boemanis—т. е. изъ Руси и Чехіи, и привозятъ на продажу рабовъ и коней [3]). По словамъ писателя X в. Ибрагима Ибнъ Якуба, въ Прагу пріѣзжали тогда, чрезъ Краковъ, „русы и славяне съ товарами“, а „изъ страны тюрковъ—мусульмане и евреи и тюрки“, которые привозили, между прочимъ, различныя византійскія ткани и покупали муку и разные мѣха [4]). По словамъ Мартина Галла, въ XI в. черезъ Польшу проходили западные купцы въ Русь [5]). Вообще начиная съ XI в. кіевскіе князья поддерживаютъ оживленныя сношенія съ Западною Европою: вспомнимъ брачныя связи, скитанія Изяслава по З. Европѣ, посольство Генриха къ Святославу и т. п. Слава о походѣ на половцевъ 1111 г., по представленію лѣтописца, разошлась по дальнимъ странамъ, „рекуще къ Грекомъ, и Угромъ, и Ляхомъ, и Чехомъ, дондеже и до Рима проиде“, а славу Святославу Всеволодичу пѣли „Греци и Венедици, Чехи и Морава“ [6]). Угры, чехи и ляхи принимали участіе въ политическихъ судьбахъ Кіевской земли. Все это само собою предполагаетъ и сношенія торговыя; дѣйствительно, колоніи нѣмецкихъ и западно-европейскихъ купцовъ встрѣчаемъ въ Кіевѣ при описаніи погромовъ 1174 (Ярослава Изяславича), 1203 и 1235 гг. („латина“, „гостя иноземьця всякого языка“ и

---

[1]) Правило м. Іоанна ст. 22 и 29—у м. Макарія т. II, приложенія, с. 373 и 375; интересна конъектура предложенная г. Розеномъ въ извѣстіяхъ Аль-Бекри—о мѣновой торговлѣ Руси съ печенѣгами (Извѣстія Аль-Бекри с. 59).

[2]) Патерикъ с. 93—95.

[3]) См. статью проф. Васильевскаго: Древняя торговля Кіева съ Регенсбургомъ въ Жур. М. Н. Пр. 1888, VII с. 122 слѣд.

[4]) Извѣстія Аль-Бекри Куника и бар. Розена с. 49.

[5]) M. Galli Chronicon, proem.—Mon. Polon. hist. I p. 394.

[6]) Ипат. с. 196, Слово о полку Игоревѣ с. 7.

„нѣмци“) [1]). Помимо торговли туземными товарами Кіевъ еще имѣлъ значеніе посредника въ торговлѣ запада съ югомъ и востокомъ. Изъ германскихъ городовъ въ этой торговлѣ, повидимому, наиболѣе принималъ участіе Регенсбургъ, также Эннсъ (на среднемъ Дунаѣ), Вѣна. Въ записи второй половины XII в. (1178—1180 г.) одного регенсбургскаго монастыря разсказывается, что подданный его—Гартвигъ, проживающій въ странѣ Русской, въ городѣ Кіевѣ (Chiebe), пожертвовалъ монастырю восемнадцать фунтовъ серебра, и эта сумма была выплачена его регенсбургскими должниками: это показываетъ, что между Регенсбургомъ и Кіевомъ происходили правильныя торговыя сношенія. Въ льготной грамотѣ г. Эннса упоминаются повозки, направляющіяся въ Россіи и изъ Россіи. Существовала цѣлая группа купцовъ, спеціально торговавшихъ съ Русью, т. н. ruzarii. Въ это время, т. е. во второй половинѣ XII в., по мнѣнію проф. Васильевскаго, Кіевъ уже велъ не активную, какъ раньше, а пассивную торговлю съ Германіею: и ввозомъ и вывозомъ товаровъ оттуда занимались упомянутые ruzarii [2]).

Что касается Венгріи, то хотя и существуютъ извѣстія, что тамъ торговали русскіе купцы [3]), но были ли то купцы галицкіе или кіевскіе, неизвѣстно; правдоподобно, однакожъ, что кіевская торговля не оставляла и Венгрію внѣ круга своихъ сношеній. Не имѣется положительныхъ извѣстій и относительно Польши, хотя она находилась въ довольно оживленныхъ сношеніяхъ съ Кіевомъ: тамъ проживали въ трудныя времена польскіе княжичи, знатные поляки то встрѣчаются на службѣ у кіевскаго князя, то просто гостятъ у него; ни съ однимъ владѣтельнымъ домомъ не роднились кіевскіе князья такъ усердно, какъ съ польскимъ. Впрочемъ торговля въ Польшѣ въ то время была вообще очень слаба [4]).

Предметами западной торговли со стороны Руси служили въ нашу эпоху прежде всего мѣха, затѣмъ византійскія и, пожалуй, восточныя ткани, дорогіе сосуды и вообще металлическія издѣлія—тоже византійской работы, овощи и пряности, получавшіяся съ

---

[1]) Ипат. с. 393 (Лавр. с. 348), 1 Новгор. с. 26 и 50.

[2]) Древняя торговля Кіева съ Регенсбургомъ с. 140, 141, 142—5.

[3]) Ibidem с. 148—149.

[4]) О ней см. у И. А. Линниченка Взаимн. отнош. Руси и Польши с. 186 слѣд.

юга и востока [1]). Одинъ регенсбургскій монастырь былъ достроенъ благодаря щедрой милостынѣ мѣхами, выпрошенной однимъ изъ монаховъ у „короля руссовъ“ въ Кіевѣ (Chios) (въ первой четверти XII в.): монахъ привезъ ее *вмѣстѣ съ купцами* [2]). Выряжая угровъ послѣ завоеванія кіевскаго стола, Изяславъ послалъ угорскому королю подарокъ „сосуды, и порты, и комонми, и паволоками и всякими дарми“ („узорочьи“—Воскр.) [3]). Изъ предметовъ ввоза можемъ указать только одинъ—оружіе; какъ упомянуто выше, еще въ языческую эпоху руссы имѣли оружіе „франкской работы“; въ Словѣ о полку Игоревѣ упоминаются шеломы латинскіе, сулицы лядскія. Но любопытно, что западно-европейскихъ монетъ доселѣ на территоріи Кіевской земли найдено весьма мало [4]).

Сношенія Кіева съ востокомъ восходятъ къ довольно древнему времени; въ монетныхъ кладахъ Кіевской земли встрѣчаются восточныя монеты начиная со второй половины VIII в. Извѣстно доселѣ нѣсколько такихъ кладовъ весьма значительныхъ—по нѣскольку сотъ и даже тысячъ диргемовъ, при томъ состоящихъ исключительно изъ монетъ восточныхъ (арабскихъ и туркестанскихъ), что указываетъ на широкія и непосредственныя сношенія съ восточными купцами. Въ тѣ времена видывали русскихъ купцовъ въ самомъ Багдадѣ [5]); а позднѣйшій арабскій писатель замѣчаетъ, что изо всѣхъ ихъ наиболѣе отличались купцы кіевскіе [6]). Наибольшее количество монетъ падаетъ на IX и начало X в., затѣмъ находки сразу обрываются [7]). По всей вѣроятности, въ это время сношенія съ востокомъ ослабѣли или прекратились вовсе; причиною тому, по объясненію ученыхъ, было вторженіе въ Персію и Хорасанъ кочевниковъ, которое прекратило тор-

---

[1]) Ср. Древняя торговля Кіева с. 145.

[2]) Ibidem с. 135—136.

[3]) Ипат. с. 290, Воскрес. I с. 50.

[4]) Для Кіевской губерніи они ограничиваются одною монетою Генриха III, найденною въ Кіевѣ, Бѣляшевскій с. 8.

[5]) Ибнъ Хордадбе у Гаркави с. 49.

[6]) Идриси (XII в.)—см. Труды III арх. съѣзда I с. 351 (рефератъ Гаркави).

[7]) См. Монетн. клады Кіевск. губер. с. 7, 11, 12, 21, также с. 14 и 66—всѣ это находки на территоріи Кіева. Кладъ описанный на стр. 10 и заключающій въ себѣ монеты VIII—XIII вв. очень подозрителенъ своимъ составомъ, не прибавлены ли были туда монеты, не принадлежащія къ нему?

говлю этихъ странъ съ Европою [1]). На ослабленіе торговли еще раньше могли повліять опустошительные походы Руси X в. въ прикаспійскія страны и разрушеніе хозарскаго царства, затѣмъ—водвореніе кочевниковъ въ южнорусскихъ степяхъ. Итакъ, къ началу удѣльно-вѣчевого періода восточная торговля Кіева ослабѣла, непосредственныя сношенія, быть можетъ, прекратились вовсе; я потому не буду останавливаться на нихъ, замѣчу только, что въ болѣе раннее время предметами вывоза изъ Руси служили: мѣха, медъ и воскъ, челядь; взамѣнъ ихъ получали монету, разнаго рода ткани, украшенія, пряности, а также, вѣроятно, оружіе [2]).

Болѣе устойчива была торговля съ сѣвернымъ Поднѣпровьемъ и Балтійскимъ бассейномъ. Извѣстія о ней восходятъ къ IX в.; по представленію начальнаго лѣтописца, тогда уже новгородскіе купцы представляли весьма обычное явленіе въ Кіевѣ [3]). По словамъ Константина Порфиророднаго, въ Кіевъ каждую весну приходили торговые караваны изъ Новгорода, Смоленска, Чернигова, Вышгорода и затѣмъ направлялись въ Царьградъ; по его словамъ, кривичи, лучане и другіе славяне пригоняли въ Кіевъ на продажу лодки,—но лодками торговля, конечно, не ограничивалась [4]). Въ послѣдующіе вѣка продолжаются дѣятельныя сношенія съ Новгородомъ; въ Кіевѣ была цѣлая новгородская колонія, которая имѣла и свою церковь; Ростиславъ Мстиславичъ, разсерженный тѣмъ, что въ Новгородѣ былъ арестованъ сынъ его, велѣлъ похватать въ Кіевѣ новгородцевъ и посадить въ пересѣченскій погребъ, гдѣ въ одну ночь умерло ихъ 14 человѣкъ: очевидно, всѣхъ ихъ было гораздо больше [5]); существованіе постоянныхъ торговыхъ сношеній Новгорода съ Кіевомъ подтверждается и

---

[1]) Объясненіе г. Бартоломея (въ трудѣ гр. Толстого, Др. рус. монеты в. кн. Кіевскаго стр. 163), см. также у Савельева Мухаммеданская нумизматика с. CCI сл. По наблюденію г. Бартоломея, въ русскія земли вообще начали привозить куфическіе диргемы въ VIII столѣтіи; этотъ привозъ усиливался въ IX, еще болѣе въ первой половинѣ X столѣтія, потомъ вдругъ уменьшился во второй половинѣ того же столѣтія и внезапно прекратился въ XI в.

[2]) О восточной торговлѣ см. Савельева Мухаммед. нумизмат. с. CXLIII сл., Хвольсона Извѣстія Ибнъ-Даста с. 158 сл., Аристова с. 195—197.

[3]) Ипат. с. 13.

[4]) De admin. imper. cap. IX.

[5]) Ипат. с. 350.

тѣмъ, что новгородская лѣтопись отмѣчаетъ судьбу купцовъ во время кіевскихъ погромовъ 1203 и 1235 гг.

Предметами этой торговли служили: со стороны Кіева—товары, получавшіеся отъ грековъ, „отъ всихъ царьскихъ земль", а также, можетъ быть, хлѣбъ, скотъ; со стороны сѣверныхъ городовъ (Новгорода, Смоленска, Полоцка)—товары „отъ верхьнихъ земль и отъ Варягъ" [1]). Въ чемъ состояли сѣверные товары, можно судить по подаркамъ, которые далъ Ростиславъ Святославу Всеволодовичу: „да бо соболми, и горностайми, и черными кунами, и песци, и бѣлыми волкы, и рыбьими зубы" [2]); изъ варяжскихъ товаровъ въ Кіевъ могли привозиться сукна, полотна, металлическія и мануфактурныя издѣлія [3]). Въ монетныхъ кладахъ Кіевской земли торговля его съ сѣверными землями не оставила замѣтныхъ слѣдовъ, англо-саксонскихъ и другихъ сѣверныхъ монетъ, широко обращавшихся въ Балтійскомъ бассейнѣ, въ Кіевской губерніи доселѣ не найдено; новгородскія гривны обыкновенно встрѣчаются въ кладахъ, принадлежащихъ послѣ-монгольскому времени. Кіевскія же монеты съ именемъ Владиміра на сѣверѣ встрѣчаются: такъ доселѣ извѣстны находки въ губерніяхъ Могилевской, Псковской, Ярославской, около Швана (въ землѣ поморскихъ славянъ) и Ленчицы [4]).

Какъ видимъ Кіевская земля находилась въ оживленныхъ сношеніяхъ не только съ ближайшими, но и довольно отдаленными странами; даже невзгоды, постигавшія Кіевъ, начиная съ XII в., не прекращали этихъ сношеній, и колоніи иностранцевъ существовали въ Кіевѣ вплоть до самаго монгольскаго нашествія. Предметами вывоза въ общемъ служили преимущественно сырые продукты и товары чужеземные, для которыхъ Кіевъ служилъ складочнымъ и передаточнымъ пунктомъ, предметы ввоза—преимущественно предметы комфорта и роскоши; изъ предметовъ первой необходимости можно указать только соль. Посредствомъ торговли же добывались благородные

---

[1]) Ипат. с. 259.

[2]) Ипат. с. 345—346. Объ издѣліяхъ изъ рыбьяго зуба см. Извѣстія Ибнъ-Даста с. 183, Древ. торг. Кіева съ Регенсбургомъ с. 140; въ Византію издѣлія эти шли, правдоподобно, чрезъ Кіевъ изъ сѣверныхъ земель.

[3]) См. у Аристова с. 203—205.

[4]) И. Толстой. Древн. рус. мон. в. кн. Кіевскаго, passim.

и нѣкоторые другіе металлы (какъ мѣдь, олово, свинецъ), поэтому въ общемъ металлы эти должны были быть здѣсь нѣсколько дороже, чѣмъ въ другихъ земляхъ; по мнѣнію Аристова, цѣнность серебра и золота здѣсь была приблизительно въ 8 разъ выше нынѣшней [1]). Въ болѣе раннее время торговля по преимуществу была мѣновая, такою же, въ значительной степени, она оставалась и въ разсматриваемые вѣка, вслѣдствіе общей (сравнительно) бѣдности металла. Единицами цѣнности служили раньше мѣха и иностранныя монеты, позже явилась національная монетная единица—гривна серебра. Кіевская гривна имѣла характеристическую шестиугольную форму и вѣсила около половины греческой литры—около 36 зол., между тѣмъ какъ новгородская гривна равнялась половинѣ фунта нѣмецкаго (48 зол.) [2]). Считали, только рѣже, и на гривны золота; отношеніе золота къ серебру г. Прозоровскій для этого времени опредѣляетъ пропорціею 12:1, по этой разцѣнкѣ гривна золота будетъ равняться 12 гривнамъ серебра (равновѣснымъ) [3]). Подраздѣленіями гривны были ногаты и рѣзаны; обыкновенно въ гривнѣ серебра считаютъ 20 ногатъ и 50 рѣзанъ [4]). Существовала и чеканная монета; не такъ давно ученые считали экземпляры ея чужестранными монетами или медалями, но находки крупныхъ кладовъ, состоявшихъ исключительно изъ этихъ монетъ, каковы нѣжинскій (1852 г.) и кіевскій (1877 г.), заключавшіе около двухсотъ монетъ каждый, сами собою устраняютъ эти предположенія [5]). Доселѣ извѣстны золотыя монеты съ именемъ Владиміра, вѣсомъ въ одинъ золотникъ съ небольшимъ (какъ византійскіе златники) [6]) и серебрянныя—съ именами Владиміра, Святополка, Ярослава и Георгія; при этомъ монеты съ именемъ Владиміра и Георгія пред-

---

[1]) Промышленность др. Руси с. 129.

[2]) Куникъ—О русско-визант. монетахъ Ярослава с. 12, Прозоровскій—Монета и вѣсъ въ Россіи до к. XVIII в. (Зап. Археол. общ. XII, 2) с. 216.

[3]) Монета и вѣсъ с. 384—385, ср. с. 238—9.

[4]) Ibidem с. 214; основаніемъ для такого опредѣленія отношеній между единицами цѣнности служитъ разцѣнка сельскохозяйственнаго инвентаря въ Карамзин. сп. Русской Правды (ст. 49 сл.). Впрочемъ древнерусская монетная система еще не можетъ считаться вполнѣ точно установленною.

[5]) Другія возраженія противъ этихъ предположеній въ книгѣ гр. И. Толстого—Древнѣйшія русскія монеты в. кн. Кіевскаго с. 159—160; см. также О русско-визант. мон. Куника с. 13 сл., 119—120.

[6]) Древнѣйш. рус. монеты с. 5.

ставляютъ по нѣсколько самостоятельныхъ типовъ (первыя—четыре, вторыя—два[1]). Графъ И. Толстой, послѣ внимательнаго изученія этихъ монетъ, пришелъ къ выводу, что онѣ принадлежатъ Владиміру Св., Святополку и Ярославу Владиміровичамъ[2]); другіе предпочитаютъ относить нѣкоторые типы съ именемъ Владиміра къ Мономаху[3]). Дѣйствительно, довольно страннымъ является то обстоятельство, что монетное дѣло, получивъ довольно широкое примѣненіе въ первой половинѣ XI в., не продолжалось затѣмъ при такихъ „самовластьцахъ", какъ Всеволодъ и Мономахъ, къ тому же близко стоявшихъ къ византійскому двору. Во всякомъ случаѣ въ XII в., при Мономахѣ, были въ обращеніи „сребреники"[4]), вѣроятно туземнаго происхожденія, такъ какъ иноземныхъ монетъ за это время въ кладахъ совсѣмъ не встрѣчается. Обращались ли мѣха въ качествѣ денежныхъ знаковъ въ это время, или слова „куна", „бѣль" обозначаютъ собою металлическую монету, это вопросъ, доселѣ не рѣшенный окончательно[5]).

Промыслы, торговля, война накопляли значительныя богатства въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ. О размѣрѣ богатствъ мы можемъ составить болѣе или менѣе приблизительное понятіе. Первыми богачами были, конечно, князья—ежегодный доходъ значительнѣйшихъ изъ нихъ считался тысячами гривенъ[6]); изгнавъ Изяслава въ 1068 г., кіяне разграбили у него на дворѣ „бещисленное множьство злата и сребра, и кунами, и бѣлью (скорою)"; богатства Святослава Ярославича возбуждали удивленіе въ нѣмецкихъ вельможахъ; такой неособенно значительный князь, какъ Глѣбъ Всеславичъ съ женою пожертвовали Печерскому монастырю 700 гривенъ серебра и 100 золота[7]). Боль-

---

[1]) Вѣсъ монетъ различный—наиболѣе тяжелые экземпляры имѣютъ около золотника вѣсу, наиболѣе легкіе—менѣе полузолотника. Г. Прозоровскій считалъ извѣстные ему экземпляры этихъ монетъ рѣзанами (ор. с. с. 232).

[2]) Древнѣйш. русск. мон. с. 187 сл.

[3]) Волошинскій въ описаніи нѣжинск. клада с. 6 (Труды ком. для опис. губ. кіевск. уч. окр. 1853 г., смѣсь), Куникъ О русско-визант. монет. с. 137 сл., Бѣляшевскій ор. с. с. 38.

[4]) Ипат. с. 202.

[5]) См. Рус. ист. Бестужева-Рюмина I с. 264—265.

[6]) Это намъ извѣстно о Смоленской волости изъ грамоты Ростислава.

[7]) Ипат. с. 121, 139, 338, Лавр. с. 167; объ иностранныхъ свидѣтельствахъ о бо-

шія богатства скоплялись позже въ монастыряхъ и знаменитыхъ церквяхъ. Но и частные люди—бояре, купцы обладали значительными богатствами; въ Патерикѣ разсказывается о нѣкоемъ черноризцѣ Іоаннѣ, который, раздавъ часть имѣнія нищимъ, оставилъ сыну въ наслѣдство 1000 гривенъ серебра и 100 золота—эта цифра, если и преувеличена, все же даетъ извѣстное понятіе о дѣйствительныхъ богатствахъ [1]). Несомнѣнныя данныя даютъ археологическія находки: на территоріи Кіева найдены два клада, содержащіе въ себѣ свыше двухъ тысячъ диргемовъ каждый [2]); особенно большихъ кладовъ гривенъ пока неизвѣстно: существуютъ находки въ 20, 18, 14 гривенъ; за то, что еще важнѣе, есть клады, состоящіе изъ однихъ туалетныхъ украшеній—на многіе десятки гривенъ. Если мы вспомнимъ, что тогдашняя цѣнность металла во много разъ превосходила современную, далѣе, что при сравнительной скудости металла богатства обыкновенно не капитализировались, а въ значительной части заключались въ натуральныхъ произведеніяхъ—мѣхахъ, товарахъ, запасахъ, челяди, хозяйственномъ инвентарѣ, то мы, на основаніи приведенныхъ литературныхъ и археологическихъ данныхъ, должны будемъ, конечно, признать, что въ тѣ времена уже существовали крупныя богатства.

Накопленіе богатствъ должно было производить различіе въ образѣ жизни богатыхъ и бѣдныхъ, хотя различіе это при томъ состояніи культуры было внѣшнее, болѣе, такъ сказать, количественное, чѣмъ качественное: богатый ѣлъ больше и слаще, пилъ чаще, а ужъ если былъ очень богатъ, то замѣнялъ домашній медъ виномъ византійской доставки; богатые люди носили платье „свѣтло и славно" изъ иностранныхъ шелковыхъ и парчевыхъ тканей, употребляли дорогія украшенія, дорогую, подчасъ иноземную посуду, такое же оружіе, сбрую, держали многочисленную прислугу, свиту, часто сзывали гостей, устраивали пиры, тѣшились музыкою, скоморохами. Современный

гатствѣ Святослава см. выше с. 82—83; Святославъ, по разсказу Патерика, тоже пожертвовалъ на построеніе Печерской церкви 100 гривенъ золота (с. 113).

[1]) Патерикъ с. 123; вспомнимъ также пожертвованіе тысяцкаго Георгія на оковку гроба св. Ѳеодосія 500 гривенъ серебра и 50 золота (ibid. с. 114).

[2]) Диргемъ (искаженіе слова „драхма")—серебрянная монета, цѣнностью около 30 коп. серебромъ—Савельевъ Мухаммед. нумизм. с. XIX—XX, XXX.

писатель, говоря о княжескомъ великолѣпіи, такъ изображаетъ его: „гдѣ слава мира сего, и багряница и брачины (родъ парчи), сребро и злато, вина, медъ и брашна честная, и быстрии кони и велиции, имѣния многа и дани и чести бещисленныя, и гордѣния яже о болярѣхъ своихъ“; о пирахъ и развлеченіяхъ мы будемъ еще говорить; а вотъ какъ описывается, напримѣръ, выѣздъ знатнаго кіянина: „одѣвся въ одежду свѣтлу и тако въсѣдъ на конь поѣха къ старцю, и отроци бѣша окрестъ его ѣдуще, и другие кони ведуще предъ нимь въ твари (утвари)“ [1]). Что до тогдашней роскоши въ убранствѣ— о ней даютъ полное представленіе клады туалетныхъ принадлежностей, находимые на территоріи Кіевской земли, преимущественно въ самомъ Кіевѣ; тутъ встрѣчаются массивныя золотыя и серебряныя цѣпи, мониста, серебряныя шейныя гривны, массивныя серебряныя и золотыя серьги, носившіяся на головномъ уборѣ, медальоны, браслеты, кольца и т. п.; все это, дѣйствительно, роскошное, богатое и часто очень изящное [2]). Въ источникахъ также упоминаются золотыя гривны и цѣпи, носимыя боярами и ближайшими отроками, золотыя серьги дорогіе иноземные сосуды [3]). Серебряныя украшенія, гривны и серьги, были довольно распространены и среди средняго городскаго населенія, какъ показываетъ извѣстіе о контрибуціи, наложенной Володимиркомъ на жителей Мичьска [4]); въ этой средѣ употреблялись также болѣе дешевыя украшенія изъ стекла, мѣди, низкопробнаго серебра; особенно широко были распространены браслеты изъ цвѣтнаго сте-

[1]) Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ—изд. Срезневскаго с. 45, Житіе Ѳеодосія л. 7. Очень полную картину жизни богача даетъ одно поученіе о милостыни, извѣстное въ спискахъ XII в.; въ цѣльномъ видѣ оно было издано Срезневскимъ въ Свѣдѣн. и замѣт. LXXVIII (Слово Иоанна Златоустаго о второмъ пришествіи Христовѣ и о милостини и о богатѣмъ и о Лазарѣ (ср. у Монфокона X р 831, spuria – сокращенный переводъ этого слова составляетъ первую часть нашего поученія). Самое описаніе жизни богача извѣстно въ двухъ изводахъ, различающихся многими бытовыми подробностями (сводный текстъ его см. у Срезневскаго ibidem с. 553—554); но я, къ сожалѣнію, не знаю, насколько можно пользоваться ими при изученіи современнаго русскаго быта.

[2]) См. напр. описанія нѣкоторыхъ кладовъ въ Кіевск. Стар. 1888 кн. VII с. 124—5, 127, 139—141.

[3]) Ипат. с. 93, 284, 290 (съсуды); въ Несторовомъ Чтеніи о Борисѣ и Глѣбѣ: „златии колци, иже ношаше въ ушию своею“ (въ изд. Бодянскаго с. 22, въ изд. Срезневскаго с. 37).

[4]) Ипат. с. 289.

кла—они во множествѣ встрѣчаются всюду среди остатковъ того- временнаго быта.

Насколько благосостояніе было вообще распространено въ народной массѣ, объ этомъ, за недостаткомъ опредѣленныхъ свѣдѣній, можно дѣлать лишь болѣе или менѣе вѣроятныя предположенія. Кіевская земля на своемъ протяженія располагала разнообразными природными богатствами; кругъ промысловъ, запасъ техническихъ свѣдѣній того времени въ сущности не слишкомъ сильно отставалъ отъ современнаго сельскаго обихода; въ спросѣ на продукты, благодаря развитію торговли, тоже не было недостатка. Повидимому, особенно благопріятно складывались условія народнаго достатка въ юго-восточной части земли—но здѣсь же народный трудъ, развитіе благосостоянія и культуры встрѣчали для себя и сильныя препятствія, именно въ княжьихъ усобицахъ и набѣгахъ степняковъ. Относительно княжьихъ усобицъ въ ученой литературѣ были высказываемы успокоительныя воззрѣнія: князья вели войны между собою, а не съ народомъ, потому отъ усобицъ страдало главнымъ образомъ имущество самихъ князей и дружины, населеніе же воюющіе щадили, и потому усобицы не оказывали особенно губительнаго дѣйствія на его культуру и благосостояніе [1]). Въ этомъ воззрѣніи есть доля правды—князья дѣйствительно имѣли побужденія щадить населеніе; но, во первыхъ, они не всегда слѣдовали этимъ побужденіямъ, а главное—помимо ихъ доброй воли, самый способъ тогдашней войны былъ таковъ, что она не могла не ложиться тяжело на населеніе. Лѣтописи дѣйствительно выражаются иногда очень лаконически о военныхъ дѣйствіяхъ и своими выраженіями даютъ поводъ думать, что дѣло обходилось мирно, безъ обиды населенія, но иногда они проговариваются нѣкоторыми подробностями, и тогда оказывается совсѣмъ иное: всѣ эти приходы и проходы ратей, не только чужихъ, но даже и своихъ, сопровождались для земли всякими „тяготами“ и „пакостями“, рати непремѣнно творили „много зла“ и „многу нужу“ мирному населенію, уводя полонъ, забирая скотъ и припасы, истребляя остальные пожитки. Нельзя было себѣ представить войны безъ полону и добычи; да уже одинъ то-

[1]) См. напр. Погодина Изслѣд. V с. 51, 63, 70, Бѣляева Разсказы I с. 199—200, 220; справедливыя возраженія противъ крайностей этого воззрѣнія были высказаны Соловьевымъ (III с. 40).

гдашній способъ фуражировки, „зажитія“, чего стоилъ!... Если во время рати городъ и успѣвалъ отсидѣться, то подгородніе и сельскіе запасы, постройки гибли непремѣнно. Всѣ эти тягости еще усугублялись, когда въ рядахъ войскъ (что было слишкомъ часто) оказывались „поганые“; если черные клобуки, явившіеся на защиту Кіева въ 1151 г., „велику пакость створиша, оно ратнии, а оно своѣ, и монастыри оторгоша, и села пожгоша, и огороды вси посѣкоша“ [1])— то что же дѣлали они или половцы въ чужой землѣ? Посѣщеніе земли половцами въ качествѣ союзниковъ какого-нибудь князя очень мало разнилось отъ обыкновеннаго половецкаго набѣга. О разорительности послѣднихъ нѣтъ надобности распространяться—въ этомъ, кажется, никто не сомнѣвался. При этомъ нужно замѣтить, что Кіевская земля, благодаря тѣмъ политическимъ условіямъ, о которыхъ говорено было выше, подвергалась нашествію враждебныхъ ратій такъ часто, какъ ни одна изъ русскихъ земель, да и отъ степняковъ терпѣла послѣ Переяславской волости наиболѣе; очень мало можно указать такихъ періодовъ, когда она не подвергалась то тому, то другому изъ этихъ бѣдствій [2]). Отъ тѣхъ и отъ другихъ особенно страдала южная и юго-восточная части Кіевщины—здѣсь былъ театръ всевозможныхъ усобицъ и половецкихъ наѣздовъ: тутъ были сосредоточены важнѣйшіе города, обладаніе которыми отдавало подъ власть претендента всю землю, здѣсь представлялась наиболѣе цѣнная и лакомая добыча, а главное—тутъ не было, какъ въ сѣверной части земли, дремучихъ лѣсовъ и трущобъ, препятствовавшихъ движеніямъ ратій и летучихъ экскурсій половцевъ. Къ этой южной полосѣ можно ближайшимъ образомъ отнести знаменитую картину запустѣнія Русской земли въ Словѣ о полку Игоревѣ, когда въ княжьихъ крамолахъ „погибашеть жизнь Даждьбожа внука“.

Подъ вліяніемъ этихъ причинъ населеніе отодвигалось со степныхъ, черноземныхъ пространствъ на сѣверъ, въ глубь лѣсовъ кіев-

---

[1]) Ипат. с. 296.

[2]) Таблицы кіевскихъ усобицъ и половецкихъ набѣговъ см. у Погодина—Изслѣд. V с. 46 и 148 (также у Соловьева l. с.); эти таблицы впрочемъ нуждаются въ дополненіяхъ, особенно послѣдняя: сюда не включены данныя изъ позднѣйшихъ сводовъ, сообщающихъ довольно много свѣдѣній о половецкихъ вторженіяхъ, которыхъ не имѣется въ древнихъ лѣтописяхъ и подлинности которыхъ по большей части нѣтъ повода подозрѣвать.

скаго Полѣсья: тамъ жилось не такъ сытно и привольно, за то спокойнѣе. Можно сказать, населеніе южной Кіевщины было подвержено постояннымъ приливамъ и отливамъ, сообразно улучшенію или ухудшенію внѣшнихъ условій здѣшняго быта. Не только теперь, но и позже, пока продолжались набѣги степняковъ, Полѣсье въ общемъ было прочнѣе заселено, гуще засажено землевладѣльцами, чѣмъ южная полоса. Такимъ образомъ внѣшнія, политическія условія препятствовали естественному распредѣленію населенія и эксплоатаціи естественныхъ богатствъ.

Препятствіе встрѣчало народное благосостояніе и въ разнаго рода правительственныхъ тягостяхъ. Есть много основаній думать, что содержаніе княжьяго двора, администраціи—и особенно войска тяжело ложилось на населеніе. И эта тяжесть имѣла тенденцію не уменьшаться, а увеличиваться съ теченіемъ времени, съ раздробленіемъ княжьихъ владѣній, умноженіемъ усобицъ, упадкомъ промышленности и торговли въ большихъ городахъ, служившихъ раньше главными источниками княжьихъ доходовъ. Можно отмѣтить при этомъ то лишь благопріятное обстоятельство, что правительственные налоги взымались сырыми продуктами. Другое благопріятное условіе—что населеніе, какъ было сказано, не имѣло нужды въ привозныхъ продуктахъ первой необходимости (исключая соли) и обходилось туземными произведеніями. При всемъ томъ довольство едва ли было широко распространено въ массѣ населенія; большое число несвободныхъ, легкость закрѣпощенія служатъ въ этомъ отношеніи очень дурнымъ признакомъ [1]).

Неблагопріятныя политическія и экономическія условія, въ которыхъ жило населеніе въ разсматриваемый періодъ, хотя и живо чувствовались имъ, не забили однако народа, не лишили его бодрости и энергіи—очевидно онъ обладалъ добрымъ запасомъ этихъ качествъ. Насколько можно судить по имѣющимся свѣдѣніямъ, видно, что полянское племя отличалось бодрымъ, открытымъ, веселымъ характеромъ, но, сообразно тому состоянію культуры, нѣсколько грубымъ и чувственнымъ (свѣдѣнія наши опять-таки таковы, что относить ихъ ближайшимъ образомъ можно лишь къ населенію Кіева и его окрест-

---

[1]) См. у Хлѣбникова Общ. и госуд. с. 229 сл.

юстей). Насколько въ народѣ распространены были всякія игрища, скоморошества, пляски, съ гудцями и свирцями, съ гуслями и сопелями, можемъ судить изъ обличеній христіанскихъ проповѣдниковъ; музыка и скоморохи составляли непремѣнную принадлежность княжескихъ, а также, вѣроятно, боярскихъ дворовъ; весьма распространены были пиры и попойки (что было неотдѣлимо), „съ плясаніемъ и гудѣніемъ“ [1]); въ употребленіи были большіе, всенародные пиры, которые устраивались князьями народу, и наоборотъ—населеніемъ князьямъ; характернымъ образцомъ ихъ служатъ пиры Владиміра Св. [2]). Многочисленные источники свидѣтельствуютъ о большой свободѣ брачныхъ отношеній, распространенности конкубината, двоеженства, частыхъ разводовъ. Но при всемъ томъ нельзя, я думаю, обвинять кіянъ въ изнѣженности, сибаритствѣ, какъ дѣлаютъ нѣкоторые ученые [3]): въ самой распущенности чувствуется избытокъ силъ, энергіи молодого народа, а не безсиліе изжившагося общества, и эта распущенность не мѣшала народу быть храбрымъ, воинственнымъ. При мужественности и воинственности въ народномъ характерѣ не замѣтно жестокости: это лучше всего показываетъ система наказаній; казни и убійства вообще рѣдко встрѣчаются въ политической исторіи земли, ихъ обыкновенно замѣняетъ заточеніе; съ этой стороны извѣстное свидѣтельство лѣтописца о „кроткомъ и тихомъ обычаѣ“ полянъ заслуживаетъ нѣкотораго довѣрія [4]). Конечно, этотъ кроткій обычай не препятствовалъ современному человѣку непосредственно отдаваться чувствамъ злобы, вражды; месть существовала, по обыкновенію, какъ юридическое учрежденіе, хотя кровомщеніе, очевидно, еще раньше замѣнялось

---

[1]) См. напр. Ипат. с. 288, 325 (Воскр. I с. 61—2), 336; Житіе Θеодосія л. 26; Правило м. Іоанна—у м. Макарія II с. 372, также поученіе Георгія Зарубскаго (у Срезневскаго, Свѣдѣн. и замѣт. VII, с. 56). Аналогическія указанія находятся и въ извѣстномъ поученіи о казняхъ Божіихъ (въ лѣтописи—Ипат. с. 120, и съ именемъ Θеодосія Печерскаго—въ Учен. Зап. Ак. Н. II, 2 с. 193), но такъ какъ вопросъ объ отношеніи его къ предполагаемому греческому оригиналу не выясненъ окончательно, то я и не рѣшаюсь пользоваться имъ для характеристики современнаго быта; о немъ см. Срезневскаго Свѣд. и зам. XXIV, спеціальное изслѣдованіе Вадковскаго въ Православномъ Собесѣдникѣ 1876, IX с. 284 сл. (авторъ предполагаетъ въ лѣтописной версіи дословный переводъ съ греческаго) и у Голубинскаго I, 1 с. 676—7.

[2]) См. напр. Ипат. с. 86, 288, 290, 458; Никон. I с. 163.

[3]) Костомаровъ Моногр. I с. 129 сл., Иловайскій Ист. Россіи т. I ч. 2 с. 15.

[4]) Ипат. с. 7.

платежемъ, если сыновья Ярослава могли вовсе отмѣнить его. Здоровое состояніе общества обнаруживается также въ значительномъ развитіи правъ женщины—она пользовалась довольно самостоятельнымъ положеніемъ въ семьѣ, владѣла своимъ особымъ имуществомъ, которое охранялось закономъ отъ посягательствъ мужа, по смерти мужа дѣлалась главою семьи, свободно являлась въ обществѣ [1]).

Слава, которая покрывала имена Кіева и „Руси“, первенствующее положеніе послѣдней среди прочихъ племенъ восточной Европы (хотя оно было результатомъ дѣятельности не народа, а княжьей дружины) не могли не положить также своего отпечатка на народномъ характерѣ. Въ началѣ этой главы я привелъ два изреченія, въ которыхъ выражается это чувство племенной гордости, славолюбія, сознанія собственнаго достоинства у кіянина [2]); особенно интересно изреченіе самого лѣтописца: бѣдствія, которыя обрушились на Кіевщину въ концѣ XI в., очевидно, не гармонировали съ народною гордостью, вызывали недоумѣнія и сомнѣнія, которыя хочетъ разсѣять авторъ. Но съ этимъ чувствомъ превосходства не соединялась національная исключительность или нетерпимость. Насколько можно судить, Русь жила въ тѣсномъ общеніи и съ востокомъ, и съ западомъ, и съ византійскимъ югомъ, подъ культурнымъ воздѣйствіемъ которыхъ выростала ея собственная культура. Если мы позже встрѣчаемъ въ литературныхъ памятникахъ что-либо похожее на исключительность, то это истекало изъ религіознаго, а не племеннаго чувства, да и тутъ приходилось сталкиваться со старымъ языческимъ индифферентизмомъ, заявлявшимъ, что „сию вѣру и ону Богъ далъ есть“. Дружелюбное общеніе съ латинскимъ западомъ и въ болѣе позднее время, въ разсматриваемый періодъ, отразилось между прочимъ и въ современной литературѣ; въ особенности интересны съ

---

[1]) О надѣлахъ княгинь я говорилъ выше (с. 330)—см. Ипат. с. 38, 443, также с. 248 и Воскр. I с. 71—дворъ княгини Мстиславлей въ Кіевѣ и ея же село Шоломница; ср. Рус. Прав. (по сп. Карамзин. ст. 106, 113, 114, 116)—объ имущественныхъ правахъ жены. О положеніи женщины въ семьѣ—см. Житіе Ѳеодосія (напомню, что родители св. Ѳеодосія были изъ Василева и уже по рожденіи сына переселились въ Курскъ); ср. также лѣтописный разсказъ объ опекѣ Ольги. Объ участіи женщинъ въ пирахъ см. Правило м. Іоанна ст. 25 и 30—у м. Макарія II с. 374, 375. Иной взглядъ на положеніе женщины у Хлѣбникова, Общ. и госуд. с. 372.

[2]) Ипат. с. 157, 310.

этой точки зрѣнія два памятника—это сказаніе о перенесеніи мощей св. Николая въ Бари (оно интересно также потому, что указываетъ на существованіе непосредственныхъ сношеній съ Италіею) и латинская легенда о третьемъ крестовомъ походѣ, включенная въ составъ Кіевской лѣтописи: въ обоихъ памятникахъ описываемыя событія разсматриваются совершенно съ латинской точки зрѣнія [1]).

Таковы были свѣтлыя и темныя стороны народной жизни, насколько ихъ можно уловить въ случайныхъ указаніяхъ источниковъ. Дальнѣйшее развитіе общества совершалось подъ великимъ вліяніемъ христіанства. Когда впервые проникло оно къ нашимъ племенамъ, неизвѣстно, но къ началу удѣльно-вѣчеваго періода христіанство существовало у полянъ уже гораздо болѣе столѣтія; торговыя и военныя сношенія съ Византіею и западными государствами издавна знакомили ихъ съ христіанствомъ, и нѣтъ никакой надобности возводить варяжскихъ авантюристовъ на степень просвѣтителей полянъ, чтобы объяснить себѣ появленіе его здѣсь. Первоначально христіанство распространялось естественнымъ путемъ, медленно и свободно, затѣмъ оно было объявлено государственною религіею и стало вводиться принудительно. Распространеніе его шло, такъ сказать, по радіусамъ отъ Кіева. Въ самомъ Кіевѣ, гдѣ почва была подготовлена прежнею проповѣдью, въ ближайшемъ сосѣдствѣ духовенства и княжьяго двора, оно распространилось легко и по внѣшности прочно. Извѣстно свидѣтельство о громадномъ числѣ церквей въ Кіевѣ, доходившемъ до нѣсколькихъ сотъ; весьма вѣроятно, что домовая церковь уже тогда стала необходимою принадлежностью всякаго богатаго двора; какъ справедливо замѣтилъ проф. Голубинскій, эпизодъ съ Янемъ Вышатичемъ показываетъ, что важные бояре обыкновенно имѣли при себѣ священниковъ во всѣхъ путешествіяхъ безотлучно; въ сохранившейся грамотѣ константинопольскаго патріарха кіевскому митрополиту 1228 г. указывается на обыкновеніе богатыхъ людей, очевидно, желавшихъ имѣть своихъ священниковъ, отдавать въ ученье рабовъ; эти обученные рабы затѣмъ посылались къ епископу для поставленія въ священническій санъ и оставались въ рабскомъ званіи и послѣ посвя-

---

[1]) Сказаніе о перенесеніи мощей св. Николая напечатано у м. Макарія, въ приложеніяхъ, II с. 343 сл., о немъ см. у Голубинскаго I, 1 с. 641—2; легенда—въ Ипат. л., с. 449.

щенія [1]). Но успѣхи христіанства были и здѣсь болѣе внѣшними: подъ внѣшностью христіанъ и даже „христолюбцевъ“ жило старое язычество съ его распущенностью. Исторія Кіевской земли представляетъ множество примѣровъ обмановъ, клятвопреступленій, насилій; памятники, преимущественно церковные, свидѣтельствуютъ о томъ, что безпорядочность брачныхъ отношеній продолжалась; охотники до питья устраивали попойки подъ самыми благовидными предлогами: такъ м. Іоаннъ обличаетъ въ своемъ „Правилѣ“ обычай устраивать въ монастыряхъ пиры и приглашать на нихъ мужчинъ и женщинъ, щеголяя другъ предъ другомъ, кто задастъ лучшій пиръ [2]). Сюда же до нѣкоторой степени относятся и праздничные пиры, и пиры, устраивавшіеся для духовнаго чина [3]). „Мірскіе люди, замѣчаетъ Н. И. Костомаровъ, дѣлали уступки благочестію до извѣстной степени, соглашались признавать грѣшнымъ то, что имъ называли грѣшнымъ, но въ то же время продолжали жить попрежнему“ [4]). По мнѣнію глубокоуважаемаго историка, это имѣло деморализующее вліяніе, порождало лицемѣріе; такъ, но съ другой стороны, съ точки зрѣнія прогресса понятій было и то важно, что хотя на словахъ признавалось несправедливымъ то, что раньше считалось вполнѣ законнымъ или безразличнымъ.

Если такимъ образомъ даже въ городскихъ центрахъ большинство принимало христіанство внѣшнимъ образомъ, то чѣмъ дальше отъ нихъ, тѣмъ языческая стихія становилась сильнѣе: господствовало двоевѣріе, старыя понятія прилаживались къ новымъ, а то сохранялось и цѣликомъ язычество, едва лишь прикрытое новымъ именемъ; на христіанскіе праздники переносились языческіе обряды, на христіанскіе обряды—языческія представленія; напримѣръ, панихиду раз-

---

[1]) Грамота эта помѣщена у м. Макарія т. III, въ приложеніяхъ, с. 321; о домовыхъ священникахъ см. у проф. Голубинскаго I, 1 с. 400—402.

[2]) Правило м. Іоанна—у м. Макарія II с. 375. Весьма характерно обыкновеніе пить на пирахъ чаши въ честь Христа, Богородицы и святыхъ, съ чтеніемъ тропарей, о которомъ сообщается въ поученіи о пьянствѣ, приписываемомъ Ѳеодосію Печерскому (Уч. Зап. Ак. Н. II, 2 с. 197); но туземное происхожденіе этого поученія также подозрѣвается—см. упомянутую статью г. Вадковскаго с. 296—297 и Голубинскаго I, 1 с. 675—677 (возраженія). Объ этомъ же обыкновеніи говоритъ „Заповѣдь св. отецъ“ о пьянствѣ—см. у Срезневскаго Свѣдѣн. и зам. LVIII.

[3]) Ипат. с. 86, 428, 458.

[4]) Монографіи I с. 259.

сматривали какъ языческую тризну—остатки этого взгляда сохранились и понынѣ; „простые люди“ заключали браки безъ церковнаго освященія, „съ плясаніемъ, и гудѣніемъ, и плесканіемъ“, предоставляя вѣнчаться князьямъ и боярамъ; а въ захолустьяхъ, вѣроятно, и въ Кіевской землѣ молились, „жрали“, у болотъ, колодезей и рощъ [1]). Тѣмъ не менѣе христіанство въ общемъ все же было распространено въ Кіевской землѣ гораздо болѣе широко и прочно, чѣмъ въ другихъ земляхъ; между тѣмъ какъ въ Новгородѣ во второй половинѣ XI в. волхвы привлекали на свою сторону поголовно все населеніе, въ Кіевѣ, когда появился волхвъ, предсказывавшій со словъ явившихся ему пяти боговъ разные удивительные феномены („яко на пять лѣтъ Днѣпру потещи вьспять, а землямь переступати на ина мѣста, яко стати Грѣчкой земли на Руской земли, а на Русской Грѣчкой, и прочимъ землямъ измѣнитися“) и, вѣроятно, призывавшій при этомъ народъ къ возстановленію дѣдовской религіи,—нашлась въ обществѣ часть „вѣрныхъ“, которые встрѣтили эти пророчества насмѣшками, и только на „невѣгласихъ“ они произвели впечатлѣніе [2]); чрезъ нѣкоторое время волхвъ исчезъ: вѣроятно, правительство позаботилось избавить невѣгласовъ отъ соблазна [3]).

Въ какомъ направленіи христіанство вліяло на общество, объ этомъ можно отчасти судить по тому, на какія стороны жизни обращали свое вниманіе проповѣдники, съ чѣмъ они боролись и что насаждали. Первою задачею ихъ было, конечно, искорененіе язычества, его обрядовъ, праздниковъ и насажденіе христіанства. Въ сферѣ нравственности ихъ проповѣдь была по преимуществу проповѣдью любви и воздержанія, особенно послѣдняго: и само по себѣ христіанство есть религія самоотреченія, въ добавокъ оно явилось къ намъ, пройдя сквозь горнило аскетизма. Духовенство вооружалось противъ злобы и вражды, противъ мести, проповѣдывало милость и смиреніе; несомнѣнно, подъ вліяніемъ его совершилась отмѣна мести, какъ юридическаго института; исходя изъ того же принципа любви, духовенство возставало противъ „рѣзоимства“ и „прикладовъ“, требовало

---

[1]) См. Правило м. Іоанна ст. 15 и 31—у м. Макарія II с. 372 и 376; о панахидахъ говорится въ вышеупомянутомъ заподозрѣнномъ словѣ о пьянствѣ.

[2]) Ипат. с. 123.

[3]) Ср. Ист. рус. цер. проф. Голубинскаго I, 1 с. 183—184.

уничтоженія „рѣзовъ“ или по крайней мѣрѣ уменьшенія; кто беретъ большіе проценты, говоритъ м. Никифоръ, тотъ ѣстъ плоть брата своего, „закалая его злымъ ножемъ—лихоиманіемъ неправедныя мзды тяжкаго рѣза“. Изъ того же источника главнымъ образомъ исходила и проповѣдь противъ общественныхъ нестроеній—противъ княжескихъ усобицъ, въ противовѣсъ которымъ проповѣдывалось послушаніе старѣйшимъ и „непреступаніе предѣла братня“, противъ неправосудія и всякаго рода неправдъ и притѣсненій княжьихъ чиновниковъ и самихъ князей [1]). Еще энергичнѣй дѣйствовало духовенство противъ пьянства и безпорядочности брачныхъ отношеній—эти пороки занимаютъ едва ли не самое видное мѣсто въ обличеніяхъ проповѣдниковъ; „піанство—вольный бѣсъ, піанство—дщи діавола, піанство—уму смерть; погубивый бо умъ скотины пущи есть“, говоритъ тотъ же м. Никифоръ; этимъ порокамъ церковь противопоставляла проповѣдь строгаго поста, покаянія и воздержанія отъ мірскихъ развлеченій [2]). На нашъ взглядъ духовенство въ своей проповѣди доходило иногда до крайностей и излишествъ; такъ оно весьма неодобрительно относилось къ скоморохамъ, музыкѣ и пляскѣ, къ народнымъ игрищамъ; вооружаясь противъ распущенности, относилось неодобрительно къ третьему, иногда даже ко второму браку; противодѣйствуя свойственному язычеству индифферентизму и наклонности ко всякаго рода компромиссамъ въ дѣлѣ вѣры, оно доходило до проповѣди нетерпимости къ иновѣрцамъ, запрещая православнымъ не только родниться съ ними, но даже вступать въ сношенія, ѣсть изъ одной посуды и пр.; при этомъ обрядовой сторонѣ придавалось слишкомъ большое значеніе, такъ что католики и армяне ставились на одну доску съ евреями, магометанами и язычниками [3]). Такое направленіе отчасти

---

[1]) Поученіе въ недѣлю сыропустную (у м. Макарія II с. 366—7) и посланіе къ Мономаху м. Никифора (Рус. Достоп. I с. 71—2), см. также посланіе Іакова (у Макарія II с. 341), поученіе Ѳеодосія о терпѣніи и любви (Уч. Зап. Ак. Н. II, 2 с. 205—206) и посланіе къ Изяславу (ibid. с. 217 и сл., и въ Ист. р. ц. Макарія с. 338; о личности автора см. еще у Голубинскаго I, 1 с. 699). Объ общественныхъ темахъ древнерусской проповѣди см. у Дьяконова—Власть московскихъ государей с. 32—37, 47—49.

[2]) Поученіе Никифора l. с., посланіе къ Мономаху с. 61—63, поученіе Ѳеодосія—въ Ипат. с. 129—130, посланіе Іакова с. 339—340, Правило м. Іоанна ст. 30 (с. 375). О проповѣди духовенства противъ пьянства см. спеціальную статью въ Правосл. Собес. 1862, ч. I с. 263 сл.

[3]) Напр. о развлеченіяхъ см. житіе Ѳеодосія л. 26, поученіе Георгія Зарубскаго

вполнѣ понятно и зависѣло отъ современныхъ культурныхъ условій (такъ игрища стояли въ тѣсной связи съ языческимъ культомъ, притомъ эти игры, пляски, скоморошества отличались, вѣроятно, чувственностью и распущенностью), отчасти же оно должно быть объяснено нѣкоторымъ охлажденіемъ христіанскаго духа и приверженностью къ внѣшнему обряду въ то время въ самой Греціи, откуда почерпалось наше христіанство. Характернымъ явленіемъ въ этомъ отношеніи были споры о постѣ въ господскіе праздники, возникшіе въ половинѣ XII в. и живо интересовавшіе высшіе слои общества; князья отправляли пословъ въ Византію за разрѣшеніемъ ихъ, а сѣверный лѣтописецъ даже разореніе Кіева 1169 г. объяснялъ Божьимъ наказаніемъ за „митрополичу неправду" въ этомъ вопросѣ [1]). Впрочемъ отрицательныя явленія, къ которымъ могло привести, или содѣйствовать, этого рода направленіе,—какъ преувеличенная преданность обряду и буквѣ, національная и религіозная исключительность, самодовольство и самопоклоненіе не развились на почвѣ нашей земли, благодаря ея историческимъ и культурнымъ условіямъ.

Глубокое значеніе для общественной жизни должно было имѣть ученіе, что въ христіанской церкви „нѣсть рабъ ни свободь, но всяческая и во всѣхъ Христосъ"—это ученіе шло навстрѣчу демократическому чувству народа и отчасти смягчало тѣ аномаліи общественнаго строя, о которыхъ мы говорили выше. Другая весьма важная сторона христіанства—это „ученіе и почитаніе книжное", которое въ связи съ проповѣдью старалось распространить духовенство и которое открыло невѣдомую и богатую область народному уму. Важно также было самое появленіе духовнаго сословія: дорогу къ почету, къ славѣ открывало здѣсь образованіе, нравственность; такимъ образомъ наряду съ матеріальнымъ могуществомъ, капиталомъ, получаетъ въ обществѣ право гражданства духовная сила. Въ политическомъ отношеніи христіанство собственно для Кіевской земли не

(въ Свѣдѣн. и зам. Срезневскаго, VII). О бракѣ см. у м. Іоанна ст. 17 (с. 373), ср. также „Заповѣдь" м. Георгія ст. 47, 49, 165—у Голубинскаго I, 1 с. 515, 526—см. еще объ этомъ у него же I, 2 с. 387. Объ иновѣрцахъ см. напр. Посланіе Ѳеодосія къ Изяславу (Уч. Зап. с. 215, 218, у Макарія II с. 337) и Правило м. Іоанна ст. 19—29 (с. 373, 375).

[1]) Лавр. с. 334 и 336; см. объ этихъ спорахъ особенно у Голубинскаго, I, 2 с, 398 сл., также у арх. Филарета I с. 97 сл., м. Макарія II с. 105 сл.

принесло ощутительныхъ результатовъ; ученіе о божественномъ происхожденіи власти и обязанности повиновенія не успѣло утвердиться здѣсь въ до-монгольскій періодъ; а если что и было сдѣлано въ этомъ направленіи, и то исчезло въ послѣдующіе вѣка. Положеніе Кіева въ ряду другихъ городовъ, какъ митрополіи и центра духовной жизни, возвышало престижъ кіевскаго князя, но реальныхъ преимуществъ не давало. Сношенія съ Греціею, поддерживаемыя іерархическими отношеніями, также не имѣли особеннаго политическаго значенія (иное дѣло—вліяніе культурное). Церковный строй имѣлъ развѣ только то значеніе во внутреннемъ строѣ земли, что возвышалъ Кіевъ еще болѣе въ ряду пригородовъ и способствовалъ сплоченію земель Полянской и Древлянской, такъ какъ послѣдняя во все время была лишена іерархической самостоятельности и зависѣла отъ каѳедръ, находившихся въ землѣ Полянской.

Если большинство, какъ сказано, принимало христіанство болѣе или менѣе внѣшнимъ образомъ, за то люди, обладавшіе болѣе чуткимъ духомъ и нравственнымъ чувствомъ, отнеслись къ нему со всѣмъ пыломъ неофитовъ, беззавѣтно, всецѣло отдаваясь усвоенію и осуществленію новой религіи, и дѣйствительно достигали высокаго духовнаго и нравственнаго совершенства. Въ агіографическихъ произведеніяхъ того времени прекрасно отразился тотъ духовный подъемъ, то живое, непосредственное чувство, которымъ были проникнуты лучшіе люди современнаго общества. Такъ какъ то была эпоха сильнаго развитія монашества, то у насъ, какъ и въ Греціи, искреннее отношеніе къ христіанству отливалось по большей части въ форму монашескую, въ отреченіе отъ міра и посвященіе себя аскетическимъ подвигамъ. Въ уваженіи къ монашеству иногда доходили до крайности и приходили къ ложному выводу, что монашество—единственный путь ко спасенію, внѣ котораго невозможна богоугодная жизнь. Отсюда происходило раздвоеніе жизни; аскетическій элементъ, по словамъ Н. И. Костомарова, умножая монастыри, оставлялъ за ихъ стѣнами грѣшный міръ самому себѣ, связывая его только внѣшними признаками съ религіею; міръ оставался безъ нравственныхъ идеаловъ, которые непремѣнно являлись въ монашеской оболочкѣ [1]). Это однако

[1]) Монографіи I с. 256, Рус. истор. въ жизнеопис. I с. 33—35.

приложимо только къ крайнимъ увлеченіямъ монашествомъ; лучшіе люди никогда не доходили до полнаго отрицанія мірской жизни и не лишали ея идеальныхъ стремленій [1]). Съ теченіемъ времени уваженіе къ монашеству усиливалось, явился обычай постригаться предъ смертью; изъ кіевскихъ князей, по лѣтописи, первый принялъ постриженіе Святославъ Всеволодичъ (1194), по нѣкоторымъ другимъ извѣстіямъ—еще отецъ его былъ постриженъ, съ именемъ Кирилла [2]); затѣмъ это извѣстно о Давидѣ и Мстиславѣ Мстиславичахъ; широкаго распространенія этотъ обычай здѣсь однако не достигъ: просвѣщенное духовенство даже энергично возставало противъ такого обыкновенія [3]).

Монастыри появились у насъ непосредственно за распространеніемъ христіанства; въ половинѣ XI в. въ Кіевѣ уже было нѣсколько монастырей мужскихъ и женскихъ; по мнѣнію проф. Голубинскаго, появленію настоящихъ монастырей предшествовали еще монастыри несобственные—въ видѣ отдѣльныхъ келій у приходскихъ церквей [4]). Но заслуга организаціи и утвержденія монашества принадлежитъ собственно св. Ѳеодосію († 1074): то была, можно сказать, самая крупная личность XI в., оставившая наиболѣе глубокій слѣдъ въ исторіи нашей культуры. Заставъ при своемъ вступленіи на игуменство Печерскаго монастыря всего двадцать монаховъ, онъ за неособенно долгое свое управленіе (около 12 лѣтъ) довелъ число братіи до ста человѣкъ [5]), къ концу же XI в. число ея доходило до ста восмидесяти [6]);

---

[1]) См. напр. разсказъ лѣтописи о св. Ѳеодосіи и Янѣ—Ипат. с. 149, также с. 363 (о игуменѣ Поликарпѣ и кн. Ростиславѣ).

[2]) Въ Печерскомъ помянникѣ, списокъ котораго, приготовленный для Чтеній Общ. Нестора я имѣлъ случай просмотрѣть, въ спискѣ кіевскихъ князей читается: „великаго князя Всеволода Кіевскаго, въ иноцѣхъ Кирилла, великаго князя Георгія, убіеннаго въ Кіевѣ“. Изъ трехъ кіевскихъ Всеволодовъ здѣсь естественнѣе всего видѣть Всеволода Ольговича, основателя Кирилловскаго монастыря, тѣмъ болѣе, что упоминаемый рядомъ съ нимъ Георгій есть, несомнѣнно, Игорь Ольговичъ.

[3]) Патерикъ с. 185—186 („а глаголяй же сице: аще видите мя умирающа, тогда постризите мя, сего суетна вѣра и постриженіе“).

[4]) Ист. рус. цер. I, 2 с. 415 сл.

[5]) Ипат. с. 112; игуменомъ Ѳеодосій былъ поставленъ около 1062 г., по свидѣтельству Нестора (Житіе Ѳеодосія л. 10 об.); въ показаніяхъ объ этомъ Нестора и начальнаго лѣтописца есть разнорѣчіе, объ этомъ см. у г. Голубинскаго (I, 2 с. 479).

[6]) Патерикъ с. 130; описываемыя въ этомъ разсказѣ событія происходили, повидимому, недолго спустя послѣ несчастія съ Никитою затворникомъ, которое еще было свѣ-

вмѣстѣ съ тѣмъ Ѳеодосій ввелъ въ монастырѣ строгій порядокъ и правильную организацію, по образцу монастырей Студійскаго устава. Благодаря этому, Печерскій монастырь занялъ первое и исключительное мѣсто среди прочихъ монастырей, служилъ какъ бы монашескою митрополіею: по образцу его организовались прочіе обители, изъ печерской братіи ставили игуменовъ и епископовъ; за до-монгольскій періодъ однихъ епископовъ вышло изъ него, по свидѣтельству св. Симона, еп. суздальскаго, до пятидесяти [1]). Сложилась даже легенда объ особенной святости Печерской обители: всякій погребенный въ ней, хотя бы былъ грѣшенъ, спасается молитвами св. Антонія и Ѳеодосія [2]); обиліе высокихъ подвижниковъ въ этомъ монастырѣ служило какъ бы оправданіемъ этого взгляда: „Печерскій монастырь море есть, говоритъ тотъ же св. Симонъ, и не держитъ въ себѣ гнилого, но изметщетъ вонъ“ [3]).

Всего въ Кіевской землѣ за до-монгольское время намъ извѣстно восемнадцать монастырей: св. Георгія, св. Ирины, Никольскій, Печерскій, св. Мины, св. Димитрія, св. Симеона, Спасскій (Германечь, на Берестовомъ), Влахернскій (Стефенечь, на Кловѣ), Выдубицкій св. Михаила, Андреевскій (Янчинъ), Лазаревскій, Михайловскій Златоверхій, Ѳедоровскій, Кирилловскій, Васильевскій, Воскресенскій и Пречистыя Богородицы—въ Зарубѣ [4]); кромѣ послѣдняго, всѣ они на-

---

жо въ памяти печерской братіи, а Никита вошелъ въ затворъ въ концѣ княженія Изяслава (см. с. 128).

[1]) Патерикъ с. 90.

[2]) См. Патерикъ с. 92, 99, 185, ср. обѣщаніе Ѳеодосія въ его житіи (л. 28 об.): „и се еликоже васъ въ монастыри семь умьреть, или игуменъмь къде отъсъланъ, аще и грѣхы будеть къто сътворилъ, азъ имамъ о томь прѣдъ Богомь отвѣщати“.

[3]) Патерикъ с. 88.

[4]) См. Ипат. с. 106; 109; 112; 250; 127 и 162; 162, 188 и 201; 122; 144; 199; 239 457; Лавр. с. 434; Жит. Ѳеодосія л. 6 об., 8 об., 30 об.; ср. списки монастырей у м. Макарія (II с. 89 сл.) и проф. Голубинскаго (I, 2 с. 626—627). Списокъ можно составить только болѣе или менѣе приблизительный; такъ мѣстонахожденіе монастыря св. Мины (Житіе Ѳеодосія л. 8 об.) не опредѣлено точно, отождествленіе монастыря св. Спаса и Германеча все-таки гипотетично, о Златоверхомъ, какъ о монастырѣ, для этого времени прямого свидѣтельства нѣтъ; проф. Голубинскій причисляетъ къ кіевскимъ еще монастырь св. Козьмы и Даміана (Патерикъ с. 88). Зарубскій монастырь, „слыветъ Светое Пречистое“, существовалъ въ половинѣ XVI в. (см. описаніе кіевскаго замка въ Архивѣ Ю.-Зап. Россіи ч. VII, I с. 121); сопоставляя это извѣстіе съ извѣстіемъ Ипат. лѣт. о Климѣ Смолятичѣ, выведенномъ изъ Заруба (с. 241), съ вѣроятностью можно предпола-

ходились въ Кіевѣ или въ окрестностяхъ его; на территоріи древлянъ мы не знаемъ ни одного. Изъ этого числа тринадцать было мужскихъ и четыре женскихъ (св. Ирины, Никольскій, Янчинъ, Лазаревъ) [1]). Исторія возникновенія извѣстна только одинадцати изъ нихъ: девять изъ нихъ были основаны князьями и служили ихъ фамильными монастырями; такъ Ярославъ основалъ монастыри св. Георгія и св. Ирины, Изяславъ—св. Димитрія, Святославъ—св. Симеона, Всеволодъ—Выдубицкій и Андреевскій, Святополкъ—Златоверхій Михайловскій, Мстиславъ В.—Өедоровскій, Всеволодъ Ольговичъ—Кирилловскій [2]), Рюрикъ (вѣроятно)— Васильевскій. По иниціативѣ монаховъ были основаны Печерскій и Влахернскій, а также, вѣроятно, Германечь и Зарубскій; послѣдній, можетъ быть, также какъ и Печерскій, былъ основанъ „не златомъ и сребромъ, а пощеніемъ и слезами", такъ какъ находился вдали отъ людей богатыхъ и власть имѣющихъ.

Что касается устройства монастырей, то по свидѣтельству начальнаго лѣтописца, св. Өеодосій ввелъ въ Печерскомъ монастырѣ Студійскій уставъ, „отъ него же монастыря прияша вси монастырѣ уставъ по всимъ монастыремъ" [3]). Сличеніе извѣстій объ обиходѣ Печерскаго монастыря съ тѣмъ, что мы знаемъ о Студійскомъ уставѣ, дѣйствительно показываетъ, что Өеодосій въ точности слѣдовалъ Сту-

---

гать существованіе тамъ монастыря и въ XII в.; памятникомъ его осталось „Поученіе Георгія, черноризца Зарубскія пещеры", относимое Срезневскимъ къ до-монгольскому періоду (издано имъ же въ Свѣдѣн. и Зам. VII, с. 54 сл. и проф. Владиміровымъ въ Чтеніяхъ Общ. Нестора кн. IV с. 140—142). Къ XII в. преданіе относитъ и начало Межигорскаго Спасскаго монастыря (около Вышгорода) и приписываетъ основаніе его Андрею Боголюбскому (это преданіе принимаетъ и М. А. Максимовичъ въ своемъ изслѣдованіи о Межигорскомъ монастырѣ—Собр. сочин. II с. 256—257); монастырь, конечно, могъ существовать въ XII в., но весьма сомнительно, чтобъ основалъ его Андрей, такъ непріязненно относившійся къ Кіевщинѣ и въ добавокъ—такъ мало жившій на югѣ; пріуроченье это, вѣроятно, стоитъ въ связи съ домысломъ, приписывавшимъ Андрею пожалованіе Лаврѣ помѣстій и правъ ставропигіи.

[1]) Андреевскій Янчинъ монастырь впрочемъ, можетъ быть, позже превращенъ былъ въ мужской, такъ какъ подъ 1128 г. (Ипат. с. 210) упоминается Григорій, игуменъ св. Андрея; см. м. Макарія II с. 93.

[2]) Замѣчу, что о Кирилловскомъ монастырѣ въ лѣтописяхъ есть разнорѣчіе: въ однихъ случаяхъ созданіе его приписывается Всеволоду Ольговичу, въ другихъ—его женѣ—Ипат. с. 414, 457, Лавр. 391, см. объ этомъ у Максимовича Собр. сочин. II с. 161 сл.; противорѣчіе это можно примирить, приписавъ иниціативу Всеволоду, а окончаніе или осуществленіе дѣла—его женѣ.

[3]) Ипат. с. 113.

дійскому уставу, который предписывалъ строгое общежитіе, отреченіе отъ собственности, полное равенство братіи между собою, порядокъ, постоянную молитву и трудъ [1]). Но позднѣйшія извѣстія Патерика о Печерскомъ монастырѣ показываютъ, что въ послѣдующее время тамъ не соблюдалось строго общежитіе, монахи имѣли личную собственность [2]). Въ какой мѣрѣ прилагался общежительный уставъ въ другихъ монастыряхъ, неизвѣстно. Кромѣ общежитія было весьма распространено затворничество, т. е. безысходное пребываніе и пустынничество въ отдѣльныхъ пещерахъ. Въ побережьи Днѣпра доселѣ сохранилось много пещеръ, служившихъ мѣстожительствомъ древнѣйшихъ обитателей земли, и это, вѣроятно, подало поводъ къ возникновенію здѣсь среди христіанъ подвижническаго пещерничества; пещеры со слѣдами отшельничества извѣстны въ Кіевѣ, кромѣ Печерскаго монастыря,—около теперешняго Цѣпного моста, въ горѣ Уздыхальницѣ (вѣроятно, около монастыря св. Симеона), затѣмъ у с. Лѣсниковъ, у Межигорья, у Заруба. Это былъ высшій видъ монашескаго подвижничества [3]).

Рука объ руку христіанствомъ шло распространеніе книжнаго образованія: „велика бо полза бываеть человѣку отъ учения книжнаго, замѣчаетъ лѣтописецъ, и книгами бо кажеми и учими есми пути покаянию и мудрость бо обрѣтаемь и воздержание отъ словесъ книжныхъ“ [4]). Въ ученой литературѣ оцѣнка просвѣщенія до-монгольскаго періода вообще постепенно понижалась; если Карамзинъ былъ того мнѣнія, что въ до-монгольское время Русь не только не уступала въ просвѣщеніи Западной Европѣ, но и превосходила ее [5]), то новѣйшій ученый – проф. Голубинскій полагаетъ, что истинное образованіе и просвѣщеніе начало было, дѣйствительно, основываться въ правленіе Владиміра и Ярослава, но эти начатки затѣмъ погибли,

[1]) См. у проф. Голубинскаго I, 2 с. 502 сл., особ. 518—520.

[2]) Патерикъ с. 98, 106, 107, 176—178, 185, ср. у проф. Голубинскаго I, 2 с. 522—523.

[3]) О пещерахъ см. рефератъ В. Б. Антоновича въ Чтеніяхъ Общ. Нестора I с. 244 сл., также Опис. Кіева Закревскаго II с. 499—500, 708 сл., Сборникъ лѣтоп. относящ. къ исторіи Южной и Запад. Россіи с. 84—85 (Уздыхальница), Кіевлянинъ на 1840 г. с. 63 сл. (Лѣсники), Срезневскій Свѣдѣн. и зам. XIII и Похилевичъ Сказанія с. 594 (Зарубъ).

[4]) Ипат. с. 107.

[5]) Ист. Госуд. Рос. V с. 215.

и все русское просвѣщеніе ограничивалось только грамотностью; ни въ эту, ни въ предшествовавшую эпоху училищъ въ настоящемъ смыслѣ не существовало, а, по всей вѣроятности, люди, искавшіе духовнаго званія или вообще желавшіе учиться, поступали на выучку къ какому-нибудь грамотею [1]). Что касается училищъ, то дѣйствительно, прямыя извѣстія о нихъ существованіи встрѣчаются только въ Татищевскомъ сводѣ, и эти извѣстія, какъ справедливо замѣтилъ проф. Голубинскій, очень сомнительны [2]); въ другихъ источникахъ объ ученіи говорится въ общихъ выраженіяхъ, изъ которыхъ не видно, идетъ ли рѣчь о правильно организованной школѣ, или нѣтъ; такой характеръ имѣетъ хотя бы извѣстіе лѣтописи о томъ, что Владиміръ, „пославъ нача поимати у нарочитой чади дѣти и даяти на учение книжное“ [3]). Но такъ или иначе стояло дѣло со школами, все-таки, на мой взглядъ, проф. Голубинскій впадаетъ въ крайность; что удѣломъ большинства духовенства была простая грамотность, совершенно справедливо, но рядомъ съ нею существовало и высшее, литературное, риторическое образованіе—это видно изъ существованія такихъ сочиненій, какъ произведенія Кирилла Туровскаго, какъ похвальное слово Рюрику неизвѣстнаго автора, включенное въ лѣтопись, похвала св. Клименту и пр. [4]); въ дѣйствительности такихъ произведеній было, конечно, гораздо больше.

Представителями образованности были по преимуществу люди духовнаго чина; просвѣщеніе однако находило поддержку и со стороны князей и выдающихся бояръ; извѣстно книголюбіе Ярослава и Святослава Ярославича, образованность Всеволода, начитанность Мономаха; накопленныя такими книголюбцами собранія книгъ по смерти, вѣроятно, отказывались церквямъ и монастырямъ и обогащали ихъ библіотеки. При Софійскомъ соборѣ была заведена библіотека стараніемъ Ярослава. Монастыри принимали значительное участіе въ на-

---

[1]) Ист. рус. цер. I, 1 с. 580 сл.

[2]) Ibid. с. 709 сл.

[3]) Ипат. с. 81; карамзинское мнѣніе о существованіи школъ въ древней Руси было подвергнуто основательной критикѣ еще въ Studien zur gründl. Kentniss der Vorzeit Russlands Эверса—см. переводъ въ Архивѣ ист.-юрид. свѣд. I отд. 5, с. 7 сл.

[4]) Отрывки изъ похвалы св. Клименту, въ переводѣ, приведены у м. Макарія т. III с. 216—217; можно думать, что авторъ ея былъ не грекъ, потому что, по словамъ м. Макарія, ссылается на болгарскіе источники (ibid.).

сажденіи просвѣщенія. По Студійскому уставу библіотека является непремѣнною принадлежностью каждаго монастыря, и посѣщеніе ея рекомендуется братіи въ извѣстные часы [1]); насколько вообще наши монастыри слѣдовали своему образцу въ этомъ отношеніи, неизвѣстно, но въ Печерскомъ монастырѣ во время Ѳеодосія и позже книжное почитаніе и списываніе были значительно развиты—весьма вѣроятно, что самъ Ѳеодосій заботился о возможномъ процвѣтаніи ихъ. По извѣстіямъ преп. Нестора и Патерика, нѣкоторые монахи имѣли свои собранія книгъ и съ большимъ усердіемъ занимались чтеніемъ ихъ; существовала, повидимому, и монастырская библіотека, помѣщавшаяся въ церкви на хорахъ; о преп. Никонѣ сообщается, что онъ часто занимался переплетомъ книгъ, причемъ самъ Ѳеодосій прялъ нити для этой работы; инокъ Иларіонъ постоянно занимался перепискою въ келіи Ѳеодосія [2]). Эти извѣстія даются мимоходомъ, авторы, видимо, имъ не придаютъ особеннаго значенія: изъ этого можно заключить, что книжное дѣло было обычнымъ въ монастырѣ явленіемъ. Значительная доля извѣстныхъ намъ кіевскихъ оригинальныхъ произведеній принадлежитъ монахамъ.

Литература того времени имѣла преимущественно религіозный характеръ; умственная работа вѣка, по справедливому замѣчанію Хлѣбникова, состояла главнымъ образомъ въ усвоеніи Священнаго Писанія [3]). Насколько развита была на ряду съ этою религіозною литературою литература свѣтская, національная, трудно судить по немногимъ дошедшимъ отъ нея остаткамъ, каковы Слово о полку Игоревѣ и обломки эпоса о борьбѣ Мономаха съ половцами. И о религіозной литературѣ и ея объемѣ мы не можемъ себѣ составить полнаго понятія, такъ какъ большинство дошедшихъ до насъ произведеній, оригинальныхъ и переводныхъ, не могутъ быть опредѣленно отнесены къ извѣстному времени или извѣстной области; видно однако, что литература эта, оригинальная и, еще болѣе, переводная, была довольно обширна. Любопытно, что изъ извѣстныхъ намъ оригинальныхъ кіевскихъ произведеній гораздо большая часть относится къ XI в.

---

1) Цитату см. у проф. Голубинскаго I, 2 с. 514 пр. 2, ср. еще с. 580 (о должности библіотекаря).

2) Житіе Ѳеодосія л. 14, 16 и об. Патерикъ с. 101, 122, 136, 138.

3) Общество и госуд. с. 361.

и началу XII в., чѣмъ къ послѣдующему времени; случайность ли это, или дѣйствительно литературная дѣятельность ослабѣла ко второй половинѣ XII в., рѣшить трудно.

О кіевскомъ искусствѣ я говорилъ уже выше. Замѣчу, что изъ прикладныхъ знаній мы имѣемъ еще нѣкоторыя свѣдѣнія о медицинѣ. Врачебное искусство, повидимому, довольно было распространено; по древнѣйшей Русской Правдѣ панесшій увѣчье долженъ былъ платить также за лѣченіе потерпѣвшаго—„лѣтцю мзда“ [1]). Въ Патерикѣ сообщается о знаменитыхъ кіевскихъ врачахъ XII в.—иноземцахъ, армянинѣ и сирійцѣ [2]): иноземное искусство, слѣдовательно, пользовалось бо́льшею славою, чѣмъ туземное. Рядомъ съ врачебнымъ искусствомъ, а также, вѣроятно, и въ тѣсной связи съ нимъ, существовало лѣченіе волхвованіемъ и чародѣйствомъ [3]).

Этимъ я закончу свой очеркъ внутренняго строя и жизни Кіевской земли въ до-монгольскій періодъ. Бросая общій взглядъ на нихъ, приходишь къ заключенію, что народъ обладалъ многими здоровыми, могучими задатками дальнѣйшаго развитія: въ немъ замѣчаемъ недюжинныя духовныя силы, энергію, видимъ у него значительные успѣхи культуры и общественнаго развитія, видимъ проложенные уже пути для дальнѣйшаго духовнаго совершенствованія, въ тѣсной связи съ греческимъ востокомъ, а также и съ латино-германскимъ западомъ. Но историческія условія сложились неблагопріятно для дальнѣйшаго совершенствованія: въ политической жизни—тягостное, тормозящее всякое развитіе сосѣдство степи, ненормальное положеніе Кіева въ ряду другихъ русскихъ земель, рознь правительства и земства и неумѣнье или невозможность установить извѣстныя нормы во взаимныхъ отношеніяхъ, въ общественной жизни—несовершенства и злоупотребленія администраціи, экономическое отягощеніе населенія и ненормальное развитіе капитала, нарушавшее общественное равновѣсіе, порождавшее тяжкую зависимость однихъ общественныхъ классовъ отъ другихъ, наперекоръ народному демократизму. Эти ненормальности, несомнѣнно, сильно тяготили земство и постепенно, однѣ больше, другія меньше, однѣ прямо, другія косвенно подготовляли народ-

---

[1]) Рус. Правда по сп. Академ. ст. 2.
[2] Патерикъ 101 сл., 131 сл.
[3]) Патерикъ с. 176.

ное движеніе для перестройки земскаго уклада. Такая перестройка, реформировка была необходима для того, чтобы вывести землю изъ состоянія апатіи и косности и постепеннаго, все усиливающагося упадка и захуданія. Какъ скоро, въ какихъ формахъ, какими средствами произведена была бы эта реформировка, если бы земля была предоставлена сама себѣ, мы не знаемъ: вмѣшалась посторонняя сила, которая весьма облегчила и повліяла на эту реформировку, дала толчекъ ей; это было монгольское нашествіе.

VI.

Кіевская земля отъ монгольскаго нашествія до конца XIV в.

Кончились віки! зілля сухее огонь поідае—
Хай поідае!...
„Співець Митуса“ I. Галки (Костомарова).

Начиная съ монгольскаго нашествія, въ теченіе по крайней мѣрѣ лѣтъ полутораста, Кіевщина, можно сказать почти безъ преувеличенія, составляетъ въ исторіи пустое мѣсто. Скудость извѣстій, которая начинаетъ ощущаться съ прекращеніемъ мѣстной, кіевской лѣтописи, достигаетъ въ этотъ періодъ чрезвычайной степени. Случайныя упоминанія лѣтописей сѣверныхъ и западныхъ, нѣсколько мѣстъ изъ документовъ, нѣсколько гораздо позже записанныхъ извѣстій легендарнаго характера—вотъ наши источники! Извѣстія первыхъ двухъ категорій кратки, малосодержательны, въ большинствѣ лишь упоминаютъ о Кіевѣ, такъ что могутъ констатировать только его существованіе (таково въ особенности большинство извѣстій церковно-историческаго характера); весьма немногія проливаютъ какой-нибудь свѣтъ на положеніе земли, и такія раздѣлены между собою большими промежутками. Извѣстія третьей категоріи приняли наслоенія легенды и позднѣйшихъ домысловъ, и почти невозможно выдѣлить въ нихъ историческую, достовѣрную основу. Если собрать и свести самымъ тщательнымъ образомъ всѣ эти данныя, въ результатѣ получится очень немного; окажутся огромныя прорѣхи во внѣшней исторіи земли, не говоря уже о внутренней, и составить сколько-нибудь отчетливое представленіе о жизни Кіевщины за это время невозможно. А

это тѣмъ болѣе досадно, что разсматриваемый нами послѣ-монгольскій періодъ—промежутокъ, переходное время отъ того княжеско-дружиннаго государственнаго строя, который мы видимъ здѣсь въ до-монгольское время, къ тому весьма отличному демократическому общинному укладу, который съ полною опредѣленностью даетъ себя замѣтить лишь съ XVI в. Прослѣдить посредствующіе моменты, переходной процессъ отъ одного уклада къ другому—составляетъ задачу высокой научной важности, вещь необходимую для пониманія народной исторіи. Чтобы осуществить эту задачу хотя въ нѣкоторой степени въ настоящее время, найти связь между отрывочными извѣстіями источниковъ, соединить эти disjecta membra хоть въ сколько-нибудь органическое цѣлое, приходится дать широкую роль гипотетическому элементу, прибѣгнуть къ заключеніямъ отъ предшествующаго и послѣдующаго, къ аналогическимъ явленіямъ въ жизни сосѣднихъ земель, приходится подвергнуть инквизиціонной пыткѣ небогатыя извѣстія источниковъ, чтобы извлечь изъ нихъ возможно болѣе. Конечно, при этомъ представляются серьезныя неудобства: кромѣ того, что изложеніе загромождается экскурсами и получаетъ мелочной характеръ, представляется опасность впасть въ субъективизмъ, лишить изслѣдованіе основательности; тѣмъ не менѣе, по моему мнѣнію, въ данныхъ условіяхъ единственно такой путь и можетъ привести къ успѣху въ изученіи, такъ какъ обыкновенно неудачная гипотеза ведетъ за собою болѣе основательную и правдоподобную.

Въ историческомъ изложеніи я остановился на томъ моментѣ, когда монголы вторично появились на восточно-европейской равнинѣ. Разрушивъ болгарское царство, зимою 1237—8 г. они напали и опустошили Рязанскую и Суздальскую волости и чрезъ область вятичей прошли въ половецкія степи. Здѣсь оставались они съ годъ, воюя половцевъ, затѣмъ отдѣльные отряды монголовъ были разосланы для завоеванія сосѣднихъ земель. Одинъ изъ такихъ отрядовъ разорилъ Переяславль и взялъ Черниговъ; вѣроятно, во время этого похода ханъ Менгу, двоюродный братъ Батыя, пришелъ „сглядатъ града Кыева"; по словамъ лѣтописи, онъ остановился у „градка Пѣсочнаго", удивлялся красотѣ и величинѣ города и послалъ пословъ къ кіевлянамъ и Михаилу Всеволодовичу, занимавшему въ то вре-

мя кіевскій столъ, предлагая сдаться и обѣщая пощаду —„хотя и прельстити“. Слухи о татарскихъ жестокостяхъ, доходившіе до кіевлянъ, какъ видно, напугали ихъ, такъ что сдаться населеніе не согласилось. Послѣ того нужно было ожидать татарскаго нашествія. Михаилъ не отважился встрѣтить его—онъ бѣжалъ съ семьею въ Угры [1]); Ярославъ Ингваревичъ, сидѣвшій тогда, кажется, въ Межибожьѣ [2]), захватилъ на пути его жену, бояръ и занялъ, пользуясь этимъ случаемъ, сосѣдній Каменецъ; княгиня Михаилова была освобождена по ходатайству Даніила, а о Каменцѣ лѣтопись умалчиваетъ [3]). Кіевъ и въ ожиданіи татарскаго нашествія составлялъ лакомую добычу и не остался безъ хозяина; сначала въ немъ сѣлъ, при вѣсти объ отъѣздѣ Михаила, Ростиславъ Мстиславичъ, изъ рода князей смоленскихъ, внукъ одного изъ Ростиславичей—кого именно, рѣшить трудно; большинство сводовъ называютъ его внукомъ Давыда Ростиславича [4]). Вѣроятно, онъ сидѣлъ въ одномъ изъ кіевскихъ пригородовъ; кіевскій столъ онъ, можетъ быть, занялъ по приглашенію

[1]) Никон. л. (II с. 115—116) развиваетъ и украшаетъ слова Волын. л.: „Менгукакъ“, раздраженный мужественнымъ отвѣтомъ Михаила, призываетъ его съ намѣреніемъ убить; Михаилъ избиваетъ татарскихъ пословъ и бѣжитъ въ Угры, татары гонятся за нимъ, но не могутъ догнать. Подробность объ убіеніи татарскихъ пословъ Михаиломъ находится и въ нѣкоторыхъ другихъ сводахъ: Воскр. I с. 144, Густин. с. 339, Тверск. с. 374; подробность эта мало вѣроятна и заимствована составителями сводовъ, кажется, изъ житія Михаила, а въ житіе она внесена при позднѣйшей передѣлкѣ его, въ XV в., въ болѣе же ранней редакціи отсутствуетъ, срав. краткую редакцію—у Макарія V с. 417 и распространенную—въ Воскр. I с. 153; см. Ключевскаго: Древне-русск. житія святыхъ с. 127.

[2]) Ипат. с. 502, ср. Андріяшева Ист. Вол. зем. с. 170—171.

[3]) Въ лѣтописи: „и городъ Каменѣць взя“; г. Андріяшевъ (l. c.) понимаетъ это такъ, что Ярославъ только ограбилъ городъ; дѣйствительно, для Межибожья это будетъ чрезполосное владѣніе, но такъ какъ мы вообще плохо знаемъ тогдашнее распредѣленіе волостей, то едва ли слѣдуетъ уклоняться отъ ближайшаго смысла лѣтописнаго извѣстія. Извѣстіе объ Ярославѣ попало и въ сѣверные своды, такъ какъ Ярославъ Ингваревичъ по недоразумѣнію былъ принятъ за Ярослава Всеволодовича—Лавр. с. 446, Никон. II с. 114—115; ср. Арцыбашева I, 2 пр. 2284, Соловьева III пр. 177, Экземплярскаго: Князья Сѣверной Руси I с. 17.

[4]) Ростиславъ названъ внукомъ Давыда въ Густ. (с. 339), Никон. (II с. 116), Тверск. (с. 374) и въ трехъ спискахъ Воскресенской (I с. 144), также въ Синопсисѣ (с. 86); только въ одномъ спискѣ Воскресенской лѣтописи (Арх. III)—внукомъ Романа. Карамзинъ (IV с. 9), Арцыбашевъ (I, 2 пр. 2286), Соловьевъ (III с. 167) считали его внукомъ Давыда; Погодинъ предпочитаетъ видѣть въ немъ сына Мстислава Романовича—„такъ какъ и отецъ его владѣлъ Кіевомъ“ (Изслѣд. VI с. 362)—это, дѣйствительно, довольно вѣскій аргументъ. Во всякомъ случаѣ, думаю, князь этотъ явился не изъ какой-нибудь смоленской, а болѣе близкой, кіевской волости.

самого населенія, которое вообще такъ не любило оставаться въ подобные моменты безъ князя. Затѣмъ явился въ Кіевъ Даніилъ, схватилъ этого Ростислава и оставилъ волость за собою, но самъ въ Кіевѣ не остался (ему зачѣмъ-то нужно было ѣхать къ угорскому королю), а посадилъ здѣсь тысяцкимъ боярина Дмитра [1]).

Осенью слѣдующаго 1240 г. Батый двинулся со своею ордою на западъ; первый ударъ палъ на Кіевъ. Приблизительно въ концѣ ноября Батый перешелъ за Днѣпръ и со всею ордою, со стадами и кибитками, обступилъ городъ [2]); жители, вѣроятно, сами покинули нижній городъ и затворились на „горѣ", въ верхнемъ городѣ—по крайней мѣрѣ о защитѣ нижняго города лѣтопись не говоритъ. Многолюдство татарскаго табора производило сильное впечатлѣніе на населеніе: по словамъ южной лѣтописи, въ которыхъ слышится, несомнѣнно, голосъ очевидца, „бѣ исполнена земля Руская ратныхъ", отъ шума татарскаго табора—„отъ гласа скрипания телѣгъ его, множества ревения вельблудъ его, и рьжания отъ гласа стадъ конь его"— жители Кіева не могли разслышать человѣческаго голоса. Тѣмъ не менѣе о сдачѣ не думали. Батый приступилъ къ городу съ юга, у Лядскихъ воротъ, и стѣнобитными машинами началъ разбивать городскія стѣны; послѣ нѣсколькихъ сутокъ непрерывной работы стѣны были пробиты; жители упорно продолжали отбиваться на остаткахъ укрѣпленій: „и ту бѣаше видити ломъ копѣйны и щитомъ скѣпание, стрѣлы омрачиша свѣтъ"; между другими раненъ былъ и воевода Дмитро. Кіевляне отступили наконецъ за послѣдній оплотъ: на холмѣ вокругъ Десятинной церкви было выстроено наскоро укрѣпленіе. Татары, отдохнувъ день и ночь, напали на это послѣднее укрѣпленіе, снова началась „брань велика"; населеніе съ наиболѣе дорогимъ изъ имущества укрылось въ Десятинную церковь, но хоры не выдержали тяжести, и стѣны рухнули—„и приятъ бысть сице градъ воими". Взятіе произошло, по общепринятому свидѣтельству Суздальской лѣтописи, 6 декабря, по свидѣтельству нѣкоторыхъ сѣверныхъ сводовъ—19 ноября [3]). Что сталось затѣмъ съ Кіевомъ, Волын-

---

[1]) Ипат. с. 520—521, Густин. с. 339.

[2]) Въ Ипат. спискѣ—„остолпи"—т. е. окружилъ палисадомъ, въ Хлѣбн. и Погод. „оступи".

[3]) Лавр. с. 447; отсюда дата была заимствована во многіе своды—Густин., Софійск., IV Новгор., Воскр., Тверск., Никон. Другая дата, правдоподобно новгородскаго проис-

ская лѣтопись, такъ живо разсказывающая объ осадѣ его, не говоритъ, прибавляетъ только, что Дмитро былъ схваченъ татарами, но Батый даровалъ ему жизнь, „мужьства ради его“, и приблизилъ къ себѣ. Затѣмъ „Батыю веземшю градъ Кыевъ и слышавъшу ему о Данилѣ, яко въ Угрѣхъ есть, поиде самъ Володимерю“. Лѣтопись упоминаетъ, что по пути онъ взялъ Колодяженъ, Каменецъ, Изяславль; первый онъ добылъ хитростію, подманивъ населеніе на сдачу, а взять силою не могъ; жители его были затѣмъ избиты; Кременецъ и Даниловъ Батый обошелъ: „видивъ же, яко невозможно прияти ему“, и направился ко Владиміру. Очевидно, онъ торопился: хотѣлъ покончить съ Волынью и Галичемъ до возвращенія Даніила, находившагося тогда въ Венгріи, захватывалъ, что можно было захватить на ходу, по дорогѣ, останавливался только у значительнѣйшихъ городовъ и спѣшилъ дальше на западъ [1]).

Я упомянулъ о бѣгствѣ Михаила въ Угры подъ вліяніемъ той паники, какую тогда наводила повсюду вѣсть о татарахъ. Нѣсколько лѣтъ скитался онъ по чужимъ землямъ, испытывая разныя злоключенія. Въ Угріи онъ не нашелъ такого пріема, на какой разсчитывалъ; быть можетъ, вслѣдствіе неудачъ постигшихъ его (Галичъ предъ тѣмъ былъ также отнятъ у Ростислава Даніиломъ), угорскій король отказалъ Ростиславу въ рукѣ дочери и „погна его“. Михаилъ удалился въ Польшу, затѣмъ, не найдя, вѣроятно, и здѣсь привѣта, за-

---

хожденія, сохранилась въ 1 Псковск. (с. 179), Супрасл. (с. 32), лѣт. Авраамки (с. 51): „пріидоша Татарове къ Кіеву, сентября 5, и стояша 10 недѣль и 4 дни, и едва взяша и, ноября въ 19, въ понедѣльникъ“. Трудно объяснить себѣ происхожденіе этой разницы въ датировкѣ. Подробность, сообщаемая Псковской и др. лѣтописями о продолжительности осады сходится съ показаніемъ Плано Карпини (et cum diu obsidessent, illam ceperunt— Собраніе путешествій къ татарамъ с. 152). Волынская лѣтопись не даетъ прямого свидѣтельства объ этомъ, но подробности, сообщаемыя ею, скорѣе указываютъ на непродолжительность осады (приде Батый Кыеву... и остолпи, постави же пороки городу... порокомъ же беспрестани бьющимъ день и нощь, выбиша стѣны).

[1]) Ипат. с. 522—523, Густин. с. 339. Обозрѣніе другихъ редакцій сказанія см. у Бестужева-Рюмина: О составѣ рус. лѣт. с. 115—116. Въ Густин. подробность, заимствованная, по всей вѣроятности, изъ Стрыйковскаго (I р. 229) – что у Батыя было 600 тыс. войска; любопытно, что и западные путешественники также исчисляютъ Батыево войско въ 600 т. (см. Собраніе путешествій къ татарамъ с. 47); эту подробность Карамзинъ указываетъ и въ Минеѣ (IV пр. 16), но я не могъ найти ея ни въ Минеяхъ Макарія, ни въ новѣйшемъ изданіи Миней св. Димитрія.

вязалъ сношенія съ Даніиломъ, винился и клялся отложить всякую вражду. Примиреніе состоялось, былъ заключенъ договоръ, по которому Кіевъ предоставлялся по прежнему Михаилу, Ростиславъ получалъ Луцкъ, и оба, конечно, отрекались отъ всякихъ притязаній на Галичъ. Но Михаилъ, „за страхъ татарьскый", не рѣшался возвратиться въ Кіевъ; Даніилъ съ братомъ доставляли ему содержаніе, выручили его жену, захваченную Ярославомъ Ингваревичемъ. Въ это время пришла вѣсть о новомъ походѣ Батыя и взятіи Кіева; эта вѣсть такъ напугала Михаила, что онъ снова уѣхалъ съ сыномъ въ Польшу, а когда татары подошли ближе,—въ Силезію, но тутъ „узрѣвши нѣмци, яко товара много есть", ограбили его, и онъ вернулся снова въ Польшу. Сюда же пріѣхали и галицкіе Романовичи съ семьями. Метавшіеся въ паническомъ страхѣ князья не составляли исключенія въ этомъ отношеніи: множество русскаго населенія также бѣжало на западъ въ страхѣ предъ татарами [1]). Когда Батыевы полчища ушли далѣе на западъ, въ Силезію и Венгрію, Михаилъ отправился обратно въ свои волости. Отношенія его къ Даніилу уже успѣли охладѣть— лѣтописецъ, преданный послѣднему, отмѣчаетъ, что Михаилъ прошелъ чрезъ землю Даніила, не извѣстивъ его, не пославъ къ нему посла, и корить Михаила за неблагодарность. Тѣмъ не менѣе Кіевъ остался за Михаиломъ, и онъ поселился въ немъ, на днѣпровскомъ островѣ, гдѣ у него, вѣроятно, былъ загородный дворецъ. Ростиславъ отправился въ Черниговъ, но вскорѣ опять вмѣшивается въ галицкія дѣла и, опираясь на бояръ, заводитъ борьбу съ Даніиломъ [2]).

Въ это время (1243 г.) возвращался Батый изъ своего похода; какъ извѣстно, онъ получилъ отпоръ въ Моравіи и повернулъ обратно. Это движеніе его, повидимому, не было такъ грозно, какъ первое; лѣтопись сообщаетъ только, что онъ повоевалъ область Западнаго Буга, о какихъ-либо опустошеніяхъ Кіевской земли или другихъ волостей не упоминается. Батый откочевалъ затѣмъ въ приволжскія степи. По приглашенію его, какъ говорятъ нѣкоторые своды, или по собственной инціативѣ, явился въ Орду немедленно Ярославъ Всеволодовичъ суздальскій съ изъявленіемъ покорности; по словамъ Суздальской лѣтописи, Батый повелѣлъ ему быть старѣйшимъ „всемъ

---

[2]) Ипат. с. 523.

[1]) Ипат. с. 521—522, 524, Густ. с. 340.

княземъ в Русскомъ языцѣ"; кромѣ Суздальской волости за Ярославомъ былъ, какъ видно, утвержденъ и Кіевъ. Михаила въ Кіевѣ въ то время, кажется, не было; около этого времени онъ отправился въ Угры, прослышавъ, что угорскій король выдаетъ наконецъ свою дочь за Ростислава, но и король и Ростиславъ приняли его очень сухо, „чести ему не створиста", и онъ поѣхалъ назадъ—уже въ Черниговъ. Въ Кіевъ Ярославъ самъ не поѣхалъ; какъ онъ распорядился съ нимъ въ данный моментъ, мы не знаемъ; въ 1245 г. Кіевъ „обдержалъ" бояринъ Ярослава Дмитро Еиковичъ [1]). Такимъ образомъ, если не раньше, то теперь, въ 1243 г., Кіевская земля формально пришла въ подчиненіе татарамъ, сдѣлалась улусомъ татарскаго царя.

Остановимся здѣсь нѣсколько, чтобы сдѣлать оцѣнку тѣхъ результатовъ, того значенія, которое имѣло для Кіевской земли монгольское нашествіе; вопросъ этотъ имѣетъ существенную важность для исторіи Кіевской земли и требуетъ болѣе обстоятельнаго изложенія, такъ какъ относительно его высказывались самыя противоположныя мнѣнія, и еще недавно онъ послужилъ предметомъ весьма оживленной полемики. Болѣе распространенное и до недавняго времени господствовавшее мнѣніе таково, что Кіевъ во время татарскаго нашествія подвергся конечному разоренію, населеніе было избито, Кіев-

---

[1]) Лавр. с. 447 (Тверск. с. 385, Ник. II с. 129), Ипат. с. 528, 535, Густ. с. 340. Зубрицкій считалъ Дмитра Ейковича намѣстникомъ не Ярослава Всеволодича, а Ярослава Ингваревича, который получилъ Кіевъ во владѣніе отъ Даніила; онъ основывался на словахъ Ипатск. л. подъ 1250 г. (въ описаніи поѣздки Даніила къ хану): „Данилови... обладавшу Рускою землею, Кыевомъ и Володимеромъ и Галичемъ" и полагалъ, что Даніилъ владѣлъ Кіевомъ до этого времени и отказался отъ него, признавъ власть хана (Ист. Гал.-Рус. княж. III с. 153 и 157). Мнѣніе Зубрицкаго принялъ и Шараневичъ (ор. с. с. 92—3 и 104). Дѣйствительно, въ Ипат. л. Дмитро названъ просто намѣстникомъ Ярослава, безъ отчества; тѣмъ не менѣе предположеніе Зубрицкаго не можетъ быть принято; какъ справедливо указалъ Н. П. Дашкевичъ, передача ханомъ Кіева по смерти Ярослава его сыну Александру показываетъ, что Ярославъ владѣлъ Кіевомъ; при томъ мало вѣроятно, чтобы Ярославъ Ингваревичъ, получивъ Кіевъ, не сѣлъ здѣсь самъ, а посадилъ намѣстника (Даніилъ Галицкій с. 63). Въ Густын. говорится, что ханъ поставилъ Ярослава „княземъ старѣшимъ всей Московской земли *и надъ Кіевомъ*", и ниже Дмитро названъ воеводою Ярослава Всеволодича Московскаго": если это, можетъ быть, и домыслъ, то во всякомъ случаѣ удачный. Что до приведенныхъ словъ Ипат. л. о Даніилѣ, то не даромъ здѣсь поставлено прошедшее время.

ская земля совершенно упала, обезлюдѣла, по мнѣнію крайнихъ сторонниковъ этого воззрѣнія—обратилась на долгое время чуть не въ пустыню, такъ какъ населеніе ея частью было истреблено, частью выселилось. Противники этого воззрѣнія утверждаютъ, что монгольское нашествіе вовсе не было такимъ чрезвычайно-губительнымъ и не измѣнило столь рѣшительнымъ образомъ судьбы Кіевской земли [1]). Не претендуя на полное и окончательное разрѣшеніе этого, вообще очень темнаго и сложнаго вопроса, я постараюсь дать посильное разсмотрѣніе его.

Вопросъ распадается на двѣ части—о судьбѣ самаго города Кіева и о судьбѣ Кіевской земли. Какъ упомянуто выше, Волынская лѣтопись, подробно разсказывая объ оборонѣ Кіева, о дальнѣйшей судьбѣ города и земли не говоритъ ничего. Тѣ, которые полагаютъ, что Кіевъ, подобно другимъ городамъ, подвергся поголовному избіенію жителей, совершенному разоренію и запустѣнію, въ этомъ смыслѣ толкуютъ нѣкоторыя подробности лѣтописнаго разсказа. Такъ, изъ словъ лѣтописи „Дмитрѣя же изведоша язвена и не убиша его, мужьства ради его" выводятъ, что Дмитро былъ исключеніемъ, а все прочее населеніе было поголовно избито [2]). Выводъ этотъ однако не особенно убѣдителенъ: лѣтописецъ могъ упомянуть о судьбѣ Дмитра безотносительно къ судьбѣ остальнаго населенія—ему, какъ главному защитнику, конечно, смерть угрожала въ особенности, независимо отъ того, было ли избито остальное населеніе или нѣтъ [3]). Не ли-

---

[1]) Вопросъ этотъ породилъ, какъ извѣстно, значительную литературу; исторія его —собственно со стороны филологической — и библіографія изложены въ статьѣ г. Пыпина: „Споръ южанъ и сѣверянъ о малорусскомъ языкѣ", Вѣстникъ Европы 1886, VI; библіографическія указанія даны также въ „Лекціяхъ по исторіи русскаго языка" г. Соболевскаго с. 37, 201—203. Я примыкаю ко второму изъ указанныхъ воззрѣній, которое наиболѣе полное выраженіе получило въ трудахъ Максимовича (О мнимомъ запустѣніи Украины), Котляревскаго (Были ли малоруссы исконными обитателями Полянской земли или пришли въ XIV в. изъ-за Карпатъ) и В. Б. Антоновича (Кіевъ, его судьба и значеніе). Противоположное воззрѣніе со всею рѣзкостью и обстоятельностью было высказано въ работѣ проф. Соболевскаго: Къ вопросу объ историческихъ судьбахъ Кіева. Проф. Владимірскій-Будановъ въ своемъ изслѣдованіи „Населеніе Юго-Запад. Россіи отъ полов. XIII до полов. XV в." (Архивъ Ю.-З. Р. VII, I) держится средняго направленія.

[2]) Соболевскій: Къ вопросу объ ист. судьбахъ Кіева, Унив. Изв. 1885 VIII с. 283, Владимірскій-Будановъ: Насел. Ю.-Зап. Россіи с. 14.

[3]) Укажемъ на свидѣтельство П. Карпини, что татары никогда не щадятъ знатныхъ людей (Собр. путеш. къ татарамъ с. 181).

шено значенія, что сказаніе Волынской лѣтописи, говорящее объ избіеніи жителей Пронска, Рязани, Владиміра на Клязьмѣ, Козельска, Переяславля, Колодяжна, Владиміра Волынскаго, подробно разсказывая объ оборонѣ Кіева, ничего не говоритъ объ избіеніи жителей и разореніи этого города. И во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ забывать, что граждане, засѣвшіе въ городѣ, вовсе не обозначаютъ еще непремѣнно всего городскаго населенія, которое могло укрыться, и укрылось, вѣроятно, въ значительной части внѣ города, въ лѣсахъ и разныхъ трущобахъ, особенно послѣ того, какъ стало извѣстно, напримѣръ, избіеніе жителей Переяславля [1]).

Другая подробность относится къ Михаилу: по возвращеніи своемъ изъ Польши, Михаилъ „иде въ Кіевъ и живяше подъ Киевомъ во островѣ“; отсюда заключаютъ, что Кіевъ подвергся совершенному разоренію, такъ что Михаилу въ городѣ негдѣ было жить [2]). Но отчего не предположить, какъ предположили мы выше, что у Михаила былъ тамъ на островѣ загородный дворецъ? Вѣдь жилъ же подъ Вышгородомъ на островѣ Всеволодъ Ольговичъ, имѣлъ за Днѣпромъ дворецъ Юрій Мономаховичъ [3]); для князей непопулярныхъ у кіевскаго населенія удобнѣе было жить за предѣлами города [4]). Любопытно опять-таки, что Волынская лѣтопись нѣсколько разъ говоря о Кіевѣ непосредственно послѣ монгольскаго нашествія, сообщая о немъ тѣ или другія подробности (какъ въ приведенномъ извѣстіи о возвращеніи Михаила, затѣмъ при описаніи путешествія Даніила въ Орду), ни словомъ не обмолвилась о какомъ-либо запустѣніи въ родѣ того, какъ говоритъ она, напримѣръ, о Владимірѣ Волынскомъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ предполагать только лишь умолчаніе едва ли возможно.

Вполнѣ опредѣленно говоритъ о полномъ опустошеніи Кіева Суздальская лѣтопись: „взяша Кыевъ Татарове, и святую Софью разграбиша, и монастыри всѣ, и иконы, и кресты честныя и вся узорочья церковная взяша, а люди отъ мала и до велика вся убиша мечемъ“ [5]). Но категоричность этого извѣстія не дѣлаетъ его вполнѣ

---

[1]) Ср. Костомарова Русск. ист. въ жизнеоп. I с. 135.

[2]) Соболевскій ор. с. с. 284, Будановъ ор. с. с. 16.

[3]) Ипат. с. 229, 336. Максимовичъ отождествлялъ островъ, на которомъ жилъ Михаилъ, съ вышгородскимъ островомъ, гдѣ жилъ нѣкогда Всеволодъ (Собр. сочин. II с. 258).

[4]) Могла быть для этого еще иная, спеціальная причина—о ней будетъ рѣчь ниже.

[5]) Лавр. с. 447.

убѣдительнымъ для насъ; сѣверный лѣтописецъ записалъ это извѣстіе по слухамъ, слухи могли быть преувеличенные, и затѣмъ мы не знаемъ еще, на сколько точно онъ передалъ намъ ихъ. У лѣтописца были готовыя, шаблонныя формы, въ которыя онъ одѣвалъ свои извѣстія, мало заботясь о томъ, насколько соотвѣтствовали онѣ дѣйствительности; возьмемъ, напримѣръ, извѣстіе той же лѣтописи о разореніи Кіева 1203-го г.; вотъ какъ описывается оно: „не токмо одино Подолье взяша и пожгоша, ино Гору взяша, и митрополью Святую Софью разграбиша, и Десятиньную Святую Богородицю разграбиша и монастыри всѣ... черньци и черници старыя иссекоша, и попы старые, и слѣпыя и хромыя и слукыя и трудоватыя, та вся иссекоша, а что черньцовъ уныхъ и черниць унѣхъ, и поповъ и попадей, и Кияны, и дщери ихъ и сыны ихъ, то все ведоша иноплеменици в вежи к собѣ“ [1]). Если принять это извѣстіе серьезно, то мы и въ данномъ случаѣ должны будемъ констатировать совершенное разореніе и запустѣніе Кіева: одни побиты, остальные взяты въ плѣнъ; но, конечно, и въ этомъ случаѣ мы имѣемъ фразы, готовыя фразы, въ которыя лѣтописецъ уложилъ дошедшій до него слухъ о кіевскомъ разореніи [2]). Подобными же страшными словами описываетъ лѣтописецъ разореніе Кіева въ 1169 г. („не бысть помилованія никому же ниоткуду же, крестьяномъ убиваемомъ, другымъ вяжемымъ“) [3]), и однако какого-нибудь дѣйствительнаго запустѣнія Кіева на дѣлѣ не произошло ни въ 1169, ни въ 1202 г. Не болѣе значенія само по себѣ имѣетъ и вышеприведенное свидѣтельство о татарскомъ разореніи, особенно если сопоставить его съ упорнымъ молчаніемъ относительно этого предмета Волынской лѣтописи и нѣкоторыми другими фактами. Кіевъ не подвергся совершенному разоренію, ибо до насъ

---

[1]) Лавр. с. 397—8, по спискамъ Кенигсбергскому и Академическому.

[2]) Эти же фразы находимъ въ описаніяхъ разоренія Владиміра и Суздаля—Лавр. с. 440—441, 490. Какъ вообще легко относились къ подобнымъ фразамъ лѣтописцы, примѣръ представляетъ хотя бы составитель Густинскаго свода; при описаніи Батыева нашествія онъ пользовался, несомнѣнно, Суздальскою лѣтописью, но у него дѣло съ кіевскимъ разореніемъ представляется уже нѣсколько иначе: „изсѣкше людей безъ числа, а прочіихъ связанныхъ въ плѣнъ поведоша, а градъ Кіевъ огнемъ и монастырѣ всѣ запалиша“—конечно, и это фразы, не имѣющія серьезнаго значенія (см. у проф. Владимірскаго-Буданова о плѣнныхъ с. 14).

[3]) Ипат. с. 373.

сохранились въ цѣлости нѣкоторыя древнія сооруженія, какъ Софійскій соборъ, Михайловскій монастырь; разореніе Печерскаго монастыря, относимое къ нашествію Батыя Синопсисомъ, съ большимъ вѣроятіемъ должно быть отнесено ко времени болѣе позднему, вѣроятнѣе всего—къ нападенію Эдигея [1]); о Выдубицкомъ монастырѣ говорится въ Волынской лѣтописи въ ряду событій 1245 г., безъ всякихъ намековъ на его разореніе. Что Кіевъ не вполнѣ запустѣлъ, показываетъ тотъ фактъ, что здѣсь поселился Михаилъ непосредственно по возвращеніи, что здѣсь сидѣлъ намѣстникъ Ярослава [2]) (о немъ впрочемъ рѣчь будетъ ниже); между тѣмъ о возстановленіи Кіева, о созываніи жителей—какъ то разсказывается, напримѣръ, о Владимірѣ на Клязьмѣ [3]), нѣтъ никакихъ извѣстій, да и нѣкому собственно было объ этомъ заботиться. Въ описаніи путешествія Плано Карпини (февраль 1246 г.) Кіевъ является, несомнѣнно, значительнымъ городомъ, съ боярами (nobiles) и тысяцкимъ, не чета, напримѣръ, Каневу. Если далѣе тотъ же авторъ, разсказывая о татарскихъ завоеваніяхъ, говоритъ, что татары „обложили Кіевъ, митрополію русскую, и взявъ послѣ долгой осады, побили жителей города“, то сопоставляя это извѣстіе съ собственнымъ разсказомъ путешественника о Кіевѣ и приведенными выше соображеніями, придется это свидѣтельство объ избіеніи кіевлянъ тоже нѣсколько ограничить [4]).

---

[1]) Синопсисъ с. 87—89. Что Печерскій монастырь разоренъ былъ и запустѣлъ уже послѣ монгольскаго нашествія, это дѣлается очевиднымъ при сопоставленіи извѣстій объ окупѣ, наложенномъ на него въ 1399 г. Темиръ Кутлукомъ, о разореніи Кіева и Печерскаго монастыря Эдигеемъ въ 1416 г. и о возстановленіи обители Семеномъ Олельковичемъ въ 1470 г., см. Густин. л. подъ этими годами.

[2]) Ср. у проф. Владимірскаго-Буданова с. 18.

[3]) Воскр. I с. 143.

[4]) Собраніе путеш. с. 152—4: iverunt contra Russiam et fecerunt magnam stragem in terra Russiae, civitates et castra destruxerunt, et homines occiderunt: etiam Kioviam (Kaoniam), quae est Metropolis Russiae, obsederunt et cum diu obsidessent illam ceperunt, et occiderunt homines civitatis. Inde procedentes pugnando destruxerunt totam Russiam. Затѣмъ въ одной изъ редакцій путешествія (у Винцентія Бовезскаго) читается слѣдующее дополненіе къ этому мѣсту: unde quando per illam terram ibamus, innumerabilia capita et ossa hominum mortuorum, iacentia super campum, inveniebamus. Fuerat enim urbs valde magna et populosa, nunc quasi ad nihilum est redacta: vix enim domus ibi remanserunt ducentae, quarum etiam habitatores tenentur in maxima servitute. Къ сожалѣнію, мнѣ неизвѣстно, въ какомъ отношеніи стоятъ подобныя дополненія къ основному тексту; безъ этого пользоваться ими нельзя съ увѣренностью; очевидно съ основнымъ текстомъ эта тирада не вяжется (Kiovia—Russia—urbs); быть можетъ, urbs, о которомъ идетъ рѣчь, не есть вовсе Кіевъ, къ которому обыкновенно относятъ эти слова.

Подводя итогъ вышесказанному, я нахожу, что мы не имѣемъ твердыхъ, положительныхъ основаній для того, чтобы предполагать поголовное избіеніе и совершенное разореніе, запустѣніе Кіева. Въ ряду другихъ разореній, болѣе или менѣе опустошительныхъ, постигавшихъ Кіевъ, какъ разоренія 1169, 1202, 1416, 1482 гг., и погромъ 1240 г. повредилъ благосостоянію, торговлѣ города, уменьшилъ его населеніе, можетъ быть—и въ большей степени, чѣмъ другіе, но фатальнаго значенія приписывать ему мы не въ правѣ. Лыбопытно, что по поводу разоренія 1416 г. (Эдигея) лѣтописецъ замѣчаетъ: „оттолѣ Кіевъ погуби красоту свою и даже доселѣ не можетъ быть таковъ“ [1])—вотъ когда еще существовала она, кіевская „красота“!

Но допустимъ даже самое худшее: что Кіевъ подвергся сильнѣйшему разоренію, что уцѣлѣвшіе жители и прихожіе люди возобновили его въ весьма жалкомъ видѣ, и подобное,—въ сущности это не такъ важно, гораздо важнѣе вторая половина вопроса—о запустѣніи Кіевщины. Историческихъ основаній это положеніе имѣетъ уже такъ мало, что едва ли и явилось бы когда-нибудь, если бы не давали къ тому толчковъ соображенія совершенно посторонния. Превращали Кіевскую землю въ пустыню съ двумя различными цѣлями: одни—чтобы заселить ее вмѣстѣ съ Волынью и правобережною Украиною польскими колонистами и превратить въ zdobycze pługa polskiego, другіе—чтобы населить ее колонистами галицкими и волынскими и объяснить такимъ образомъ появленіе здѣсь малорусскаго языка, задатковъ котораго въ древнѣйшій періодъ тутъ будто бы не существовало. Писатели первой категоріи собственно и не считаютъ нужнымъ нисходить до историческихъ доказательствъ, и потому я не буду на нихъ останавливаться [2]). Что касается второго направленія, то оно впервые, какъ извѣстно, со всею рѣзкостью и опредѣленностью проявилось у Погодина. Исходя изъ положенія, выставленнаго Срезневскимъ, Лавровскимъ, что въ произведеніяхъ древней южнорусской письменности нѣтъ слѣдовъ малорусскаго языка, покойный рѣшилъ, что Кіевская область или, по крайней мѣрѣ, область полянъ первоначально была населена великоруссами, которые во время татарскаго

---

[1]) Густин. с. 354.

[2]) Опроверженіе этихъ взглядовъ см. у М. А. Максимовича, Собр. сочин. т. I с. 249 сл., М. Ф. Владимірскаго-Буданова Населеніе с. 2–4.

нашествія выселились на сѣверо-востокъ, а ихъ мѣсто заняли малороссы, пришедшіе изъ Карпатъ или Галиціи и Волыни [1]). Въ подтвержденіи того онъ ссылался на отсутствіе великокняжескаго эпоса у малороссовъ и великорусскіе будто бы характеры древнихъ князей. Статья его вызвала оживленную полемику; Максимовичъ и Котляревскій представили вѣскія возраженія противъ его гипотезы: первый подвергъ критикѣ историческіе и филологическіе доводы Погодина, второй—остальныя доказательства его: объ эпосѣ, княжьихъ характерахъ [2]). Погодинъ былъ диллетантъ въ филологіи, и поэтому не трудно было отвергнуть его филологическіе доводы; но въ недавнее время его гипотезу воскресилъ проф. Соболевскій уже во всеоружіи филологическихъ знаній. Въ своихъ „Очеркахъ изъ исторіи русскаго языка" (1884 г.), обозрѣвъ памятники „галицко-волынскаго нарѣчія", „которое было предкомъ современнаго малорусскаго языка" [3]), этотъ ученый пришелъ къ выводу, что памятники, имѣющіе особенности малорусскія, не имѣютъ никакого отношенія ни къ Кіеву, ни къ ближайшимъ къ Кіеву мѣстамъ, что кіевскіе памятники не имѣютъ малорусскихъ особенностей, и что древній кіевскій говоръ принадлежалъ къ числу говоровъ великорусскихъ [4]). Въ своемъ рефератѣ, читанномъ въ Обществѣ Нестора, проф. Соболевскій ставитъ гранью въ этомъ отношеніи конецъ XV в. и полагаетъ, что малорусскій языкъ былъ принесенъ въ Кіевскую область и въ Заднѣпровье приблизительно въ XV в. съ запада, изъ Подоліи, Волыни и Галича, колонистами, ассимилировавшими остатки стараго кіевскаго населенія [5]). Въ связи

---

[1]) Соотвѣтственно этому Погодинъ объясняетъ тождество ц.-славянскаго языка и великорусскаго тѣмъ, что великоруссы жили и около Солуня. Статья Погодина помѣщена въ VII т. его Изслѣдованій с. 410—442.

[2]) Критикѣ историческихъ доводовъ Погодина Максимовичъ посвятилъ прекрасную статью „О мнимомъ запустѣніи Украины" (въ I т. Собр. сочин. с. 131 сл.), а филологическимъ доказательствамъ —Филологическія, Отвѣтныя и Новыя письма къ Погодину (въ III т. Собр. сочин. с. 183 сл.); объ этой полемикѣ см. также въ Очеркѣ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія П. И. Житецкаго, с. 5 сл.). Статья Котляревскаго издана въ I т. Собранія сочиненій с. 624 сл., а первоначально въ Основѣ 1862 кн. IX. См. также Н. П. Дашкевича Къ вопросу о происхожд. русск. былинъ—въ Чтен. Общ. Нестора III с. 54 сл.

[3]) Очерки с. 68.

[4]) Ibidem.

[5]) Чтенія въ Обществѣ Нестора кн. II с. 215—216.

съ этими положеніями онъ доказываетъ, что нашествіе Батыя весьма сильно отразилось на состояніи Кіевской земли, населеніе послѣдней было весьма сильно разрѣжено и разрѣжалось впослѣдствіи, благодаря татарскимъ погромамъ и притѣсненіямъ, что и дало возможность западнымъ колонистамъ ассимилировать кіевлянъ [1]). Филологическая теорія проф. Соболевскаго вызвала возраженія со стороны многихъ, въ томъ числѣ со стороны такого компетентнаго и безпристрастнаго въ данномъ дѣлѣ судьи, какъ академикъ Ягичъ [2]). Сущность этихъ возраженій сводиться къ тому, что выводъ проф. Соболевскаго сдѣланъ поспѣшно, къ галицко-волынской группѣ нѣкоторые памятники отнесены довольно произвольно [3]), что достовѣрныхъ кіевскихъ памятниковъ мы имѣемъ пока слишкомъ мало, чтобы на нихъ строить твердые выводы (въ послѣднемъ своемъ трудѣ проф. Соболевскій признаетъ авторитетными лишь четыре памятника для XI и XII вв. [4])), да и въ этихъ памятникахъ на самомъ дѣлѣ есть нѣкоторыя особенности говора, хотя въ маломъ количествѣ; малочисленность послѣднихъ вовсе не можетъ служить какимъ-либо доказательствомъ, такъ какъ вообще присутствіе элементовъ живаго языка въ древнихъ памятникахъ всегда болѣе или менѣе случайно, а къ памятникамъ кіевскимъ нужно относиться съ особенною осторожностью,

---

[1]) Къ вопросу объ историческихъ судьбахъ Кіева с. 288, ср. Лекціи по ист. рус. яз. с. 199.

[2]) Возраженія на рефератъ проф. Соболевскаго въ тѣхъ же Чтеніяхъ кн. II с. 216—217, 219—227. Академикъ Ягичъ представилъ свои возраженія сначала въ сочиненіи „Четыре критико-палеографическія статьи (1884 г.) с. 98 сл. (здѣсь между прочимъ онъ указалъ, что несомнѣнно-малорусскія особенности находятся въ Рязанской кормчей 1284 г., списанной съ оригинала, присланнаго изъ Кіева м. Максимомъ), затѣмъ въ „Критическихъ замѣткахъ по исторіи русскаго языка“ (1889 г.) с. 11 сл. На первую книгу проф. Соболевскій возражалъ въ Журналѣ Мин. Нар. Пр. 1885 кн. II; по поводу Кормчей онъ замѣтилъ здѣсь, что она могла быть списана въ Галичѣ или на Волыни, хотя прислана изъ Кіева. Въ отвѣтѣ своемъ на „Критическія замѣтки“ (Русск. филол. вѣстникъ 1889, IV с. 292 сл.) проф. Соболевскій вопроса о кіевскомъ говорѣ не касался.

[3]) См. с. 68 его „Очерковъ“, гдѣ онъ мотивируетъ отнесеніе этихъ памятниковъ въ одну группу; еще произвольнѣе предложеніе (Журн. М. Н. П. 1885. II с. 356)—къ источникамъ кіевскаго говора отнести тѣ памятники XII—XIII в., которые не имѣютъ въ своемъ правописаніи ни новгородскихъ, ни галицко-волынскихъ особенностей.

[4]) Лекціи по исторіи русскаго языка с. 36; да и изъ этихъ четырехъ памятниковъ къ чтеніямъ Тріоди проф. Соболевскій относится весьма скептически и считаетъ ихъ въ большинствѣ описками (Ж. М. Н. П. 1885. II с. 356). Четыре или пять памятниковъ насчитываетъ проф. Соболевскій и для времени послѣ Батыева нашествія (Лекціи с. 199).

такъ какъ среди его населенія всегда было особенно много людей прихожихъ, сѣвернорусcовъ; наконецъ современное т. н. украинское нарѣчіе нельзя производить отъ галицкаго, оно представляетъ самостоятельный типъ малорусскаго языка [1]). Подъ вліяніемъ этихъ возраженій проф. Соболевскій сдѣлалъ нѣкоторыя уступки и смягчилъ свои положенія въ новѣйшемъ своемъ трудѣ—„Лекціяхъ по исторіи русскаго языка“: такъ онъ призналъ нѣкоторыя особенности за кіевскимъ говоромъ, согласился, что памятники XIV и XV вв. не могутъ служить доказательствомъ существованія въ это время великорусскаго говора въ Кіевѣ [2]), но въ принципѣ отъ своей „гипотезы“ [3]) не отказался.

Я счелъ нужнымъ остановиться на этомъ чисто филологическомъ вопросѣ потому, что положеніе проф. Соболевскаго, будь оно дѣйствительно доказано, могло бы послужить обратнымъ доказательствомъ для гипотезы о запустѣніи Кіевской земли, разрѣженіи населенія и т. п. Перейдемъ теперь къ историческимъ фактамъ. Относительно запустѣнія Кіевщины въ Батыево нашествіе современныя лѣтописи не даютъ никакихъ извѣстій или даже намековъ. Изъ Волынской лѣтописи мы узнаемъ только, что послѣ взятія Кіева Батый, узнавъ объ отсутствіи Даніила, направился далѣе на западъ, на Колодя-

---

[1]) Соображенія объ историческомъ процессѣ созданія этого нарѣчія см. въ вышеупомянутомъ трудѣ П. И. Житецкаго, въ заключительной (IV) главѣ.

[2]) Лекціи с. 36, 199 (сравни возраженія Н. П. Дашкевича противъ первоначальныхъ положеній проф. Соболевскаго въ Чтеніяхъ с. 223—224).

[3]) Таковою призналъ свое мнѣніе авторъ въ упомянутой статьѣ въ Ж. М. Н. П. (с. 349, 357). Замѣчу еще по поводу одной подробности: однимъ изъ доказательствъ великоруссизма полянъ проф. Соболевскій выставляетъ прозвища на *ша*: Мьстиша, Путьша, Святоша, Ратьша, Володша (Ипат. с. 34, 92, 177, 229, 346), которыя встрѣчаются въ древнихъ лѣтописяхъ и, по его мнѣнію, несвойственны малороссамъ. Дѣлать какіе-либо выводы, основываясь на именахъ бояръ и дружинниковъ, очень рисковано: между ними всегда бывало множество людей прихожихъ, сохранявшихъ, конечно, и свои имена; изъ приводимыхъ проф. Соболевскимъ именъ два даже не имѣютъ никакого отношенія къ Кіевской землѣ: Святоша Давыдовичъ—князь изъ черниговскаго дома, Володша—изъ полоцкаго; Ратша, несомнѣнно, былъ человѣкъ прихожій. Въ pendant къ приводимымъ проф. Соболевскимъ именамъ можно указать на Ратьшу или Рачтьшу „добраго, вѣрнаго слугу“ Владиміра Васильковича (Ипат. с. 600—подъ 1288 г.) на Волыни, гдѣ и проф. Соболевскій не предполагаетъ великороссовъ. Что до полянскихъ великороссовъ—они встрѣчаются еще у Д. И. Иловайскаго, см. его Разысканія о началѣ Руси с. 294, ср. Ист. Рос. I, 2 с. 520 (болѣе осторожно).

женъ, Каменецъ, Изяславль [1]). Если проф. Соболевскій находитъ возможнымъ утверждать, что Батыева орда „разорила всѣ города Кіевской области, такъ что нѣкоторые изъ нихъ, главнымъ образомъ въ южной ея части, послѣ Батыя или совсѣмъ, или долго не возобновлялись“ [2]),—это, конечно, его дѣло.

Въ подверждение мнѣнія о запустѣніи Кіевщины ссылаются на свидѣтельства Плано Карпини и сказанія о мученической кончинѣ св. князя Михаила. Первый, разсказывая о своемъ путешествіи отъ Василька Романовича въ Даниловъ и оттуда въ Кіевъ, говоритъ, что путешественники постоянно опасались набѣговъ литовцевъ, особенно нападавшихъ на тѣ мѣста, по которымъ путешественники ѣхали, русскихъ же они не боялись, благодаря проводнику, „къ тому же большая часть (maxima pars) ихъ была побита или уведена въ плѣнъ татарами“ [3]). Но очевидно, что эти слова (они поставлены предъ прибытіемъ путешественника изъ Владиміра въ Даниловъ—городъ, находившійся гдѣ-то въ центрѣ Волыни) относятся собственно къ Волыни, на которую дѣлали нападенія литовцы, или, по самой крайней мѣрѣ, могутъ быть относимы къ Кіевской землѣ никакъ не болѣе, какъ и къ Волынской [4]).

Въ сказаніи о св. Михаилѣ описывается состояніе Руси во время монгольскаго нашествія; свидѣтельство его, что жители, затворившіеся въ городахъ, погибли, а изъ тѣхъ, которые спасались по разнымъ трущобамъ, „мало тѣхъ остася“, а третьи, что бѣжали въ дальніяс траны, по минованіи опасности возвратились [5])—это свидѣтельство

---

[1]) Ипат. с. 523.

[2]) Къ вопросу объ ист. судьб. Кіева с. 284—285.

[3]) Собраніе путешествій с. 8—10.

[4]) Извѣстіе о множествѣ костей и череповъ, которое находится въ томъ же варіантѣ путешествія, что говоритъ о жалкомъ состояніи Кіева (Собр. путеш. с. 155), должно быть также относимо къ Руси вообще (totam Russiam).

[5]) Я позволю себѣ привести этотъ отрывокъ: В лѣто 6746 бысть нахожение поганыхъ Татаръ на землю христьянскую гнѣвомъ Божиимъ за умноженіе грѣхъ ради. Овии убо затворяхуся въ градѣхъ; Михаилу же бѣжавшю во Угры; инии же бѣжаша въ земли дальнии, инии же крыяхуся въ пещерахъ и въ пропастѣхъ земныхъ, а иже въ градѣхъ затворишася, ти исповѣданиемъ и со слезами Богу молящеся, тако отъ поганыхъ немилостивно избьени быша; а инии же крыяхуся въ горахъ и въ пещерахъ, и въ пропастехъ, и въ лѣсѣхъ—мало отъ тѣхъ остася. Тѣхже нѣ по колицѣхъ времянѣхъ осадиша въ градѣхъ изочтоша я в число и начаша на нихъ дань имати Татарове. Слышавше же се, иже

относятъ спеціально къ Кіевской землѣ и въ нѣмъ усматриваютъ новое доказательство кіевскаго запустѣнія. Но во-первыхъ, въ житіи идетъ рѣчь не о Кіевщинѣ, а вообще о „землѣ крестьянской“; во вторыхъ—нужно замѣтить, что свидѣтельство это вообще не имѣетъ большой цѣны; все житіе это, древнее въ своей основѣ, и, несомнѣнно, точное относительно самаго факта мученичества св. Михаила [1]), написано однако съ большою дозою риторики; авторъ или не имѣлъ обстоятельныхъ свѣдѣній о событіяхъ, предшествовавшихъ кончинѣ св. Михаила или не желалъ останавливаться на нихъ: онъ, напримѣръ, не останавливается на странствованіяхъ Михаила, не объясняетъ, какъ онъ очутился въ Черниговѣ потомъ и проч., и предпочитаетъ обходиться общими фразами. Что авторъ сказанія былъ кіевлянинъ, на это никакихъ указаній нѣтъ, напротивъ—въ авторѣ съ гораздо большею вѣроятностію, судя по общему тону сказанія, нужно видѣть сѣвернаго книжника, и слѣдовательно никакъ нельзя поручиться, что картина всеобщаго бѣгства и истребленія списана непремѣнно съ Кіевской земли, а не написана безотносительно къ опредѣленной мѣстности; что авторы житій обыкновенно мало заботились о точности въ изображеніи условій времени и мѣста, въ которыхъ проходила жизнь того или другого святого—фактъ слишкомъ извѣстный [2]).

бяху ся разбѣгли на чужи земли, и возвратишася князи, и вси людие на свои земли, что ихъ избылося. Начаша ихъ (т. е. князей) звати татарове нужею глаголюще: не подобаетъ жити на земли канови и батыевѣ, не поклонившеся имъ“. Древнѣйшая рукопись этого сказанія—XIV в.; проф. Ключевскій, на котораго ссылается проф. Соболевскій (Къ вопросу с. 283—4) замѣчаетъ вскользь, что оно „написано вѣроятно вскорѣ по смерти князя Михаила“ (Древнерусскія житія святыхъ с. 146); древнее сказаніе затѣмъ было передѣлано въ XV в. Пахоміемъ Логоѳетомъ. Я не нашелъ указаній, въ какомъ отношеніи къ древнему сказанію стоитъ житіе, включенное въ Воскресенскій сводъ, которымъ пользуются обыкновенно въ данномъ вопросѣ ученые (въ томъ числѣ и проф. Соболевскій); по свидѣтельству проф. Ключевскаго (ор. с. с. 147), подробность объ избіеніи Батыевыхъ пословъ, находящаяся въ Воскрес. лѣтоп., была внесено Пахоміемъ; съ другой стороны, здѣсь отсутствуетъ преніе Михаила съ Елдегою о вѣрѣ, прибавленное Пахоміемъ. Вышеприведенная тирада взята изъ житія, напечатаннаго въ прилож. къ Ист. рус. церкви м. Макарія (V с. 417) по рукописи XIV—XV в.

[1]) Это обнаруживается изъ сопоставленія житія съ разсказомъ Плано Карпини (с. 85 и 87); Елдега, фигурирующій въ житіи, упоминается и у него—на с. 19.

[2]) Какъ на примѣры риторики, укажу на то, что татары раздаютъ князьямъ волости для того, чтобы совратить ихъ, Михаилъ отправляется къ Батыю съ намѣреніемъ

Такимъ образомъ эти два источника не даютъ твердыхъ, основательныхъ данныхъ для сужденій о судьбѣ Кіевской земли. Но если бы даже, оставивъ въ сторонѣ все вышесказанное о качествѣ и значеніи сообщаемыхъ ими извѣстій, принять эти послѣднія и пріурочить къ Кіевской землѣ,—все-таки и съ помощью ихъ обратить Кіевщину въ пустыню трудно. Первое извѣстіе, если его распространить и на Кіевскую землю, будетъ говорить, что послѣдняя, какъ и Волынь, подверглась разоренію и лишилась большей части (maxima pars) населенія; второе, если опять-таки пріурочить его къ Кіевщинѣ, сообщитъ намъ, что часть жителей, затворившаяся въ городахъ, была истреблена [1]), а тѣ, которые укрывались въ разныхъ трущобахъ или бѣжали въ дальнія страны—тѣ спаслись, одни цѣликомъ, другіе—отчасти, и по минованіи опасности возвращались „на свои земли". Изъ этихъ извѣстій нельзя вывести какого-нибудь такого особеннаго запустѣнія, которое бы выдѣляло Кіевщину изъ ряда остальныхъ земель; такъ же населеніе избивалось и разбѣгалось и въ сѣверо-восточныхъ областяхъ, при томъ неоднократно, и на Волыни, и если тѣмъ не менѣе мы вслѣдъ за тѣмъ видимъ эти страны населенными, города возстановленными, жизнь—вернувшеюся въ прежнее русло, то почему во всемъ этомъ мы должны отказать Кіевщинѣ? Проф. Соболевскій говоритъ: „во всякомъ случаѣ Кіевщина была разорена гораздо болѣе, чѣмъ земли Рязанская и Ростовская. Многочисленные лѣса этихъ послѣднихъ, разбросанность поселеній, безъ сомнѣнія, способствовала тому, что татары не оказались въ состояніи истребить или увести въ плѣнъ большей части жителей; вслѣдствіе чего, тотчасъ по уходѣ татаръ, мы видимъ въ Ростовскомъ удѣлѣ такую жизнь, какой и много времени послѣ не было въ Кіевѣ" [2]). Но въ Кіевской

„обличити прелесть его, ею же лстить кристьяны" (с. 418 у м. Макарія, ср. Ключевскаго ор. с. с. 147), что татары предлагали боярину Ѳеодору за отступничество княженіе Михаила (с. 420). Невѣроятно указаніе, что еще до возвращенія св. Михаила жители были переписаны. Даже подробность о жителяхъ, укрывавшихся въ горахъ, пещерахъ и пропастяхъ, быть можетъ, навѣяна не дѣйствительною жизнью, а какимъ нибудь текстомъ, въ родѣ Евр. 11, 38: „въ пустыняхъ скитающеся и въ горахъ и въ вертепахъ и въ пропастехъ земныхъ".

[1]) Максимовичъ (О мнимомъ запустѣніи с. 133) полагаетъ, что это извѣстіе относится преимущественно къ городскому населенію.

[2]) Къ вопросу и пр. с. 285.

землѣ также не было недостатка въ лѣсахъ, какъ о томъ было говорено въ своемъ мѣстѣ, въ частности—и на полянской территоріи было довольно и лѣсовъ, и пещеръ, и всякихъ трущобъ, а населеніе въ тѣ времена съ большою легкостію передвигалось на значительныя пространства (вспомнимъ хотя бы жителей Юрьева, которые, улучивъ удобный моментъ, поголовно перебѣжали къ Кіеву въ 1095 г., спасаясь отъ половцевъ)[1]. Нашествіе Батыя произошло не внезапно какъ-нибудь, до кіевлянъ задолго доходили слухи о всѣхъ ужасахъ этого нашествія, объ избіеніи городскаго населенія; осадѣ Кіева предшествовали переговоры съ татарами, слѣдовательно населеніе даже и южныхъ, менѣе защищенныхъ мѣстностей имѣло возможность заблаговременно удалиться въ недоступныя мѣста, бѣжать даже въ сосѣднія земли (вспомнимъ бѣгство русскаго населенія въ Венгрію)[2], съ тѣмъ чтобы снова возвратиться, когда пройдетъ гроза, на свои пепелища. Если бы у мѣстнаго населенія не было этого тяготѣнія къ своей родинѣ, къ насиженнымъ мѣстамъ, этой устойчивости, удивляющей историка[3], наконецъ этой привычки къ періодическимъ опустошеніямъ, созданной исторіей земли, то, конечно, Кіевская земля еще до монгольскаго нашествія, на глазахъ исторіи, нѣсколько разъ обратилась бы въ пустыню. Обозрѣвая исторію ея на протяженіи двухъ предшествующихъ столѣтій, мы видѣли, какою тревожною жизнью жила она, какимъ невзгодамъ подвергалась; эти невзгоды, конечно, отражались на ея благосостояніи, тормозили экономическое развитіе, успѣхи торговли, уменьшали естественный приростъ населенія, заставляли, быть можетъ, нѣкоторый процентъ его выселяться въ болѣе спокойныя страны, но чрезвычайнаго, рѣшительнаго вліянія на состояніе страны, на разрѣженіе, обѣднѣніе населенія не имѣли. Иноземная торговля, особенно чувствительная къ подобнаго рода передрягамъ, не прекращалась, какъ мы видѣли выше, вплоть до самаго монгольскаго нашествія. А что не произошло запустѣнія страны, это можетъ показать извѣстіе Суздальской лѣтописи, что по народной молвѣ, положимъ, значительно и преувеличенной, въ Калкской битвѣ „Кыянъ одинѣхъ изгибло 10 тысячь"[4]. Почему же монгольское на-

---

[1]) Ипат. с. 159.

[2]) Ср. у М. Ф. Владимірскаго-Буданова ор. с. с. 20.

[3]) М. Ф. Владимірскій-Будановъ ор. с. с. 11.

[4]) Лавр. с. 424.

шествіе произвело бы на это стойкое, выросшее въ грозѣ, во всякихъ передрягахъ населеніе такое сильное дѣйствіе, такой паническій страхъ, заставило его развѣяться, между тѣмъ какъ не развѣялось непривычное къ подобнымъ погромамъ населеніе сѣверо-восточныхъ областей? Прибавимъ еще, что въ Кіевской землѣ произошло то, чего не было на сѣверо-востокѣ, именно, что нѣкоторыя области добровольно подчинились татарамъ, стали къ нимъ въ непосредственную зависимость и были пощажены; это ясно засвидѣтельствовано относительно южной и западной части земли, но можетъ и даже должно быть предположено, какъ мы постараемся доказать ниже, и относительно восточной ея части.

Если предположить, что Кіевская земля во время монгольскаго нашествія и въ послѣдующее господство татаръ запустѣла, то какимъ бы образомъ она могла быть заселена? Какъ мы можемъ предположить сюда переселеніе народныхъ массъ изъ сосѣднихъ земель, разъ признаемъ, что до водворенія литовской власти условія жизни здѣсь были невыносимы до крайности, заставили туземцевъ выселиться чуть не поголовно? Между тѣмъ въ XV в., предъ страшнымъ нашествіемъ Менгли-Гирея (1482 г.) Кіевщина была достаточно населена, это можно констатировать. Предположить, что это населеніе составилось изъ прихожихъ людей за время литовскаго управленія, трудно: татарская гроза продолжалась и послѣ водворенія литовской власти; Погодинъ, Соболевскій приводятъ сюда колонистовъ съ запада, но если при этомъ имѣютъ въ виду позднѣйшее движеніе малорусскаго населенія на востокъ, то упускаютъ изъ виду, что это передвиженіе было вынуждено утвержденіемъ помѣщичьей власти и повинностей, чего мы не имѣемъ никакого права предполагать на Волыни ни въ XIV, ни въ XV в. До конца XVI в. мы не имѣемъ никакихъ указаній на движеніе народныхъ массъ въ Украину; волынскіе помѣщики середины XVI в. жалуются, напротивъ, что крестьяне ихъ бѣгаютъ въ Польшу [1]); изслѣдованія прозвищъ кіевскаго населенія, произведенныя проф. В. Б. Антоновичемъ и М. Ф. Владимірскимъ-Будановымъ по даннымъ половины XVI в., обнаружили весьма небольшое

---

[1]) Памятники изд. Кіевск. археограф. коммис. т. IV, 2 с. 49, Żródła dziejowe t. VI p. 24, 116.

количество колонистовъ изъ западно-русскихъ земель, больше было ихъ изъ Сѣверщины и Бѣлоруссіи [1]), а что бѣлорусская стихія не имѣла преобладанія надъ туземнымъ элементомъ, за это можетъ поручиться украинское нарѣчіе, чуждое бѣлорусскаго вліянія. Итакъ необходимо предположить въ Кіевщинѣ, въ частности въ землѣ полянъ, существованіе значительнаго туземнаго ядра, пережившаго и нашествіе Батыя, и послѣдующія передряги, отодвигавшагося въ сѣверную полосу, въ лѣса, въ тяжелыя годины и возвращавшагося на югъ по минованіи ихъ, ядра, въ которое постепенно подмѣшивались пришлые элементы, но которое никогда не мѣняло радикально своего состава, не замѣщалось пришлою стихіею [2]). Любопытно, что по наблюденію филологовъ, непосредственно къ сѣверу отъ Кіева въ мѣстномъ нарѣчіи замѣчаются типическія особенности древнѣйшей эпохи малорусскаго языка [3])—очевидно, мѣстное населеніе держалось здѣсь очень устойчиво.

Остается сказать еще объ одномъ обстоятельствѣ—объ отсутствіи свѣдѣній о Кіевской землѣ за вторую половину XIII в. и почти весь XIV в. Въ сущности это обстоятельство послужило тою, болѣе психологическою, причиною, которая повела къ созданію вышеприведенныхъ гипотезъ о запустѣніи Кіевщины: нѣтъ извѣстій, значитъ и не было ничего, страна была совершенно разорена, запустѣла и т. д. Но это обстоятельство обусловлено совсѣмъ иными причинами. Во-первыхъ, для Кіевской земли за это время мы не имѣемъ мѣстной лѣтописи (нѣкоторые намеки на существованіе ея появляются только со 2-й пол. XIV в. въ южнорусскомъ т. н. Густинскомъ сводѣ); обстоятельство это очень важно: много ли мы знаемъ, напримѣръ, о

---

[1]) Чтенія въ Обществѣ Нестора II с. 225—226, Населеніе Юго-Западной Россіи отъ второй полов. XV в. до Люблин. уніи с. 172 сл.

[2]) Проф. Владимірскій-Будановъ, изслѣдуя въ сейчасъ названномъ трудѣ этнографическій составъ украинныхъ повѣтовъ Литовскаго государства въ полов. XVI в., приходитъ къ такому заключенію: „Пришлые элементы претворялись постепенно въ особую этнографическую группу, замѣтно отличающуюся, напр., отъ кореннаго населенія Волыни. Это даетъ основаніе предположить, что далеко не все населеніе Украйны сложилось изъ пришлыхъ людей, что въ основѣ его сохранялась древняя закваска туземнаго, кіевскаго и сѣверскаго, племеннаго начала. Кіевское населеніе не все поголовно было сносимо бурями татарскихъ опустошеній“ (с. 188).

[3]) Житецкій Очеркъ звуковой ист. малор. нарѣч. с. 276.

Полоцкой землѣ за XIII в., хотя она, конечно, не запустѣла и не пришла въ конечный упадокъ? Другая причина—это упадокъ политической роли Кіевщины. По мѣрѣ того какъ политическій центръ Южной Руси передвигается въ государство Галицко-Волынское, а политическимъ центромъ сѣверо-востока становится Владиміръ, значеніе Кіевской земли, потерявшей свой престижъ, раздробленной на удѣлы, слабой вслѣдствіе отсутствія солидарности между княземъ и земствомъ, все падаетъ, и извѣстій о ней въ чужихъ лѣтописяхъ дѣлается все меньше и меньше. Уже для первой половины XIII в. мы имѣемъ такъ мало извѣстій, что едва можемъ составить каталогъ кіевскихъ князей за это время. Захуданіе Кіева, продолжающееся и впредь crescendo, само по себѣ служило бы достаточнымъ объясненіемъ молчанія о Кіевѣ лѣтописей юго-западныхъ и сѣверо-восточныхъ, тѣмъ болѣе, что монгольское нашествіе разорвало и ту небольшую связь между сѣверо-востокомъ и юго-западомъ, какая существовала до него, и сузило политику какъ галицкихъ, такъ и владимірскихъ князей, толкнувъ первыхъ на западъ, а вторыхъ на сѣверъ и востокъ. Но этого мало; если принять, что послѣ монгольскаго нашествія прекратилась и династическая связь Кіевщины съ Галичемъ и Владиміромъ, что здѣсь вовсе прекратилась княжеская власть, прекратился тотъ государственный строй, который сближалъ ее и съ сѣверо-восточными и съ юго-западными княжествами (что я постараюсь доказать сейчасъ)—жизнь раздробленныхъ автономныхъ общинъ, не имѣвшихъ княжескихъ усобицъ, не производившихъ походовъ на сосѣднія земли, не вступавшихъ въ брачныя связи съ сосѣдними государями, жизнь чуждая и враждебная современнымъ княжеско-государственнымъ понятіямъ какой матеріалъ могла доставить сосѣднимъ лѣтописцамъ? И они, дѣйствительно, только случайно, мелькомъ, обронили о ней нѣсколько словъ.

Этою же причиною обусловливается переселеніе митрополитовъ изъ Кіева—обстоятельство, которое поставляется въ связь съ теоріями о запустѣніи Кіевщины и, въ свою очередь, служитъ для нихъ доказательствомъ. Іерархи привыкли къ союзу и общенію съ носителями центральной государственной власти и потому естественно тяготѣли къ государственнымъ центрамъ, къ Владиміру, Москвѣ, къ Вильну, а Кіевщина, хотя бы и благоденствовала, сначала лишена была вовсе этой власти, а позже, хотя и была объединена и снабжена княжескою

властью,—въ политическомъ отношеніи все же оставалась однимъ изъ второстепенныхъ княжествъ [1]).

Такимъ, по крайнему моему разумѣнію, представляется вопросъ о татарскомъ нашествіи. Я не могу признать за монгольскимъ нашествіемъ рѣшительнаго, фатальнаго значенія для состоянія страны,—я за то, какъ упоминалъ выше, придаю ему большое значеніе въ другомъ отношеніи—въ отношеніи перестройки политико-общественныхъ отношеній. Къ этому вопросу я и перехожу теперь.

Мы остановились въ изложеніи событій на томъ моментѣ, когда Кіевъ перешелъ по повелѣнію Батыя во власть Ярослава Всеволодовича. Какъ было упомянуто, мы находимъ здѣсь его намѣстника, но самъ Ярославъ, вѣроятно, не пріѣзжалъ сюда болѣе, занятый устройствомъ разоренныхъ сѣверно-восточныхъ волостей. Скоро впрочемъ онъ скончался „нужною смертью" во время путешествія въ Монголію (30 сентября 1246 г.) [2]).

На главномъ столѣ, во Владимірѣ, сѣлъ его братъ Святославъ, раздавъ своимъ племянникамъ города, „яко же бѣ отець имъ урядилъ Ярославъ" [3]). Самъ онъ не поѣхалъ на утвержденіе въ Орду, вмѣсто того туда отправился сынъ покойнаго Ярослава—Андрей, и за нимъ старшій братъ—Александръ; отъ Батыя они отправились затѣмъ въ Монголію. Между тѣмъ во время ихъ путешествія Святославъ былъ согнанъ со стола однимъ изъ младшихъ Ярославичей, Михаиломъ, который затѣмъ погибъ въ войнѣ съ Литвою; въ связи ли съ этимъ переворотомъ, или независимо отъ того, Александръ и Андрей получили старшинство помимо дядей и зимою 1249 г. явились изъ Орды: Александру „приказаша Кыевъ и всю Русьскую землю", а Андрею—Владимірскую волость, „по завѣту отца ихъ" прибавляетъ сводъ Татищева [4]). Кто въ промежутокъ 1246—1249 г. считался кіевскимъ

---

[1]) Что касается извѣстій константинопольскихъ актовъ XIV в. о Кіевѣ, то о нихъ я буду говорить ниже.

[2]) Лавр. с. 448, Воскр. I с. 156, Никон. II с. 133, Собраніе путешествій къ татарамъ с. 52.

[3]) Лавр. с. 448.

[4]) Лавр. с. 448, Воскр. I с. 156—157, 159, Никон. II с. 135, 136—7, Татищевъ IV с. 20—22.

княземъ, лѣтописи не говорятъ; осенью 1245 года, когда чрезъ Кіевъ проѣзжалъ Даніилъ, здѣсь сидѣлъ, въ качествѣ намѣстника Ярослава, упомянутый уже Дмитро Ейковичъ; что было затѣмъ въ Кіевѣ, мы не знаемъ [1]). Плано Карпини, проѣзжавшій въ 1246 и 1247 г., упоминаетъ о кіевскомъ тысяцкомъ, котораго онъ называетъ Монгротомъ [2]); нѣкоторые видятъ въ этомъ искаженіе имени Дмитра [3]). Довольно вѣроятно предположеніе, что Кіевъ былъ назначенъ Александру въ удѣлъ еще отцемъ его [4]), и въ такомъ случаѣ тамъ могъ, дѣйствительно, и по смерти Ярослава сидѣть тотъ же Дмитро [5]). Самъ Александръ, вернувшись изъ Орды, не сѣлъ въ Кіевѣ, а отправился въ Новгородъ; Татищевскій сводъ разсказываетъ, что оттуда онъ собирался отправиться въ Кіевъ, но новгородцы отговорили его—„татаръ ради" [6]).

Вышеуказанное распредѣленіе волостей, по которому владимірскій столъ достался младшему брату, а кіевскій—старшему, для того времени было уже анахронизмомъ; Владимірская волость была несравненно выгоднѣе, и Александръ, какъ видно, былъ огорченъ такимъ дѣлежомъ. По извѣстію того же Татищевскаго свода, довольно вѣроятному, Александръ жаловался хану на несправедливый дѣлежъ и взводилъ на брата разныя обвиненія. Какъ бы то ни было, въ 1252 г. Андрей былъ выгнанъ татарскимъ войскомъ изъ своихъ владѣній, „старѣйшиньство во всей братьи" получилъ Александръ и сѣлъ во Владимірѣ [7]).

---

[1]) Даніилъ былъ въ Кіевѣ на св. Димитрія, вѣроятно Солунскаго, 26 октября; въ январѣ 1246 г., когда Плано Карпини былъ на Волыни, Даніилъ еще не возвратился изъ Орды (Собр. путеш. с. 8).

[2]) Millenarius p. 10, Mongrot, capitaine de Kiovie—p. 212.

[3]) Княженіе Даніила Галицкаго Н. П. Дашкевича с. 63. Впрочемъ нужно замѣтить, что о Монгротѣ упоминается въ заключительной главѣ Плано Карпини, которая находится только у Бержерона (см. Собр. путешествій с. 295 пр. 100).

[4]) Соловьевъ Ш с. 183.

[5]) Можно предположить еще иную причину, по которой Дмитро могъ сидѣть въ Кіевѣ независимо отъ смѣны князей—о ней рѣчь будетъ ниже.

[6]) 1 Новг. с. 54 (1250 г.), Татищевъ IV с. 22; изъ словъ послѣдняго выходитъ какъ будто, что Александръ вовсе отказался отъ Кіева: „остася въ Новѣградѣ, а отчины имѣя Переяславль Бѣлорускій"; вѣдь и Кіевъ былъ ему отчиной?

[7]) Лавр. с. 449, Воскр. I с. 159—160, Никон. II с. 138—9, Татищевъ IV с. 24. Ср. Соловьевъ Ш с. 184, Костомаровъ Русск. ист. въ жизнеоп. I с. 159—161, Экземплярскій—Князья Сѣверной Руси I с. 26—27.

Какъ распорядились съ Кіевомъ? Относительно этого молчитъ и Суздальская лѣтопись, и сѣверно-русскіе своды. Имѣя въ виду прежнее распоряженіе хана, можно, пожалуй, заключить, что Кіевъ съ „Русскою землею“ по прежнему оставался во владѣніи Александра. Дѣйствительно, южнорусскій сводъ, т. н. Густынская лѣтопись, подъ 1252 г. сообщаетъ, что Александръ выпросилъ себѣ „княженіе надъ всею Рускою и Московскою землею и надъ всѣми князи“, а упоминая о смерти Александра, называетъ его княземъ „московскимъ и кіевскимъ“. „Кіевскимъ“ титулуетъ она и преемника его—Ярослава Ярославича [1]). Эти извѣстія южнорусскаго свода пользуются довѣріемъ въ наукѣ [2]). Между тѣмъ въ сѣверныхъ источникахъ за все это и послѣдующее время нѣтъ никакихъ указаній, чтобы въ Кіевѣ сидѣлъ какой-либо изъ сѣверныхъ князей. Такое яко бы пренебреженіе сѣверныхъ князей нѣкоторые ученые не прочь объяснить совершеннымъ разореніемъ и запустѣніемъ Кіевской земли, не представлявшей поэтому ничего привлекательнаго для сѣверныхъ князей [3]). Но то любопытно, что сѣверные источники не только не упоминаютъ о томъ, чтобы въ Кіевѣ сидѣлъ кто-либо изъ сѣверныхъ князей,— они не даютъ за все время Александра и Ярослава († 1272 г.) и за послѣдующій періодъ рѣшительно никакихъ указаній на какую-либо зависимость Кіева отъ нихъ—не упоминается ни о посылкѣ намѣстниковъ, ни о какихъ-либо сношеніяхъ съ Кіевомъ. Такое упорное молчаніе источниковъ, которые въ общемъ довольно подробно излагаютъ относящееся къ сѣвернымъ князьямъ, едва ли только случайность; оно дѣлаетъ сомнительнымъ самый фактъ зависимости Кіева отъ сѣверныхъ князей. Что касается до упомянутыхъ свидѣтельствъ южнорусскаго свода, то ихъ легко объяснить домысломъ составителя; найдя извѣстіе о подчиненіи Кіева Александру, онъ предположилъ, что и въ послѣдующее время Кіевъ оставался за нимъ, а затѣмъ перешелъ къ его преемнику. Впрочемъ говоря о вокняженіи Ярослава Ярославича, составитель свода не упоминаетъ о Кіевѣ: „сѣде по немъ (Александрѣ) на княженіи Московскомъ Ярославъ Яросла-

[1]) П. с. л. II с. 342, 343, 344; эти извѣстія вошли и въ Синопсисъ с. 134.

[2]) В. Б. Антоновичъ—Монографіи I с. 226; см. также Квашнина-Самарина ор. с. с. 222, Замѣтки Н. П. Дашкевича с. 59, прим. 1, Князья Сѣвер. Руси Экземплярскаго I с. 39.

[3]) См. „Къ вопросу объ истор. судьбахъ Кіева“ с. 286–287.

вичъ“ [1]), и только говоря о кончинѣ, называетъ его „литовскимъ и кіевскимъ“; „кіевскій“, можетъ быть, такая же обмолвка, какъ и „литовскій“ (какъ ниже подъ 1305 г.: „паки начатъ въ Кіевѣ княжити Іоанъ Даниловичъ Калита“) [2]), потому что въ сѣверныхъ сводахъ Ярославъ называется „княземъ владимірскимъ и новгородскимъ“, равно какъ и Василій Ярославичъ (такъ названъ послѣдній и въ Густынской) [3]), а для этого періода Густынская лѣтопись не имѣла иныхъ русскихъ источниковъ кромѣ Волынской лѣтописи и сѣверныхъ сводовъ. Противъ принадлежности Кіева великимъ князьямъ владимірскимъ можно высказать еще одно соображеніе. Въ пятидесятыхъ годахъ XIII в. Даніилъ начинаетъ наступательную борьбу противъ татаръ и подчиняетъ себѣ зависѣвшія непосредственно отъ нихъ общины въ раіонѣ Случи и Тетерева; онъ задумываетъ походъ на Звягель, также непосредственно зависѣвшій отъ татаръ, и Кіевъ; послѣднее намѣреніе не состоялось, походъ Даніила ограничился лишь разореніемъ Звягля, но для насъ важно то, что Даніилъ имѣлъ намѣреніе итти на Кіевъ [4]). Спрашивается, если бы Кіевъ въ это время фактически принадлежалъ в. князю владимірскому, неужели Даніилъ задумалъ бы напасть на Кіевъ и нажить въ своей борьбѣ съ татарами еще одного такого врага, какъ Александръ Невскій [5])?

Кіевщина не принадлежала и галицко-волынскимъ князьямъ; извѣстія мѣстной лѣтописи обнаруживаютъ это ясно, хотя принадлежность Кіевщины къ государству Даніила защищаютъ такіе авторитетные ученые, какъ проф. Шараневичъ и Владимірскій-Будановъ [6]).

---

[1]) П. с. л. II с. 343.

[2]) Ibidem с. 348. Г. Экземплярскій (ор. с. I с. 72) находитъ это извѣстіе „страннымъ и ничѣмъ не объяснимымъ“; вѣроятно въ немъ есть и описка („въ Кіевѣ“—вмѣсто „въ Москвѣ“) и недоразумѣніе, источникомъ котораго было, можетъ быть, извѣстіе сѣверныхъ источниковъ подъ 1304 г., что Калита (въ отсутствіи брата) держалъ Москву (см. Никон. II с. 175). Н. П. Дашкевичъ придаетъ, повидимому, нѣкоторое значеніе этому извѣстію Густин. л. (Болохов. зем. с. 106).

[3]) Воскр. I с. 171, Никон. II с. 144, 150, Тверск. с. 403, Густ. с. 344.

[4]) Ипат. с. 555—6. Время похода можно опредѣлить только съ нѣкоторою приблизительностью; въ Ипат. онъ разсказывается между коронованіемъ Даніила, которое Н. П. Дашкевичъ относитъ къ осени 1253 г. (Даніилъ Галицкій с. 99) и нашествіемъ Бурундая 1258 г. (1 Новг. с. 56, Воскр. I с. 162, ср. Дашкевичъ ор. с. с. 85).

[5]) Да и въ самомъ разсказѣ походъ на Кіевъ является какъ часть „рати противу Татаромъ“, воздвигнутой Даніиломъ (Ипат. с. 555).

[6]) Ист. Гал.-Волод. Руси с. 102, Населеніе Ю.-З. Россіи до полов. XV в. с. 24 и

Въ 40-хъ годахъ XIII в. Кіевъ находился во владѣніи (дѣйствительномъ или номинальномъ) Ярослава; не принадлежалъ онъ Даніилу и въ 50-хъ г., потому что въ это время Даніилъ замышляетъ свой вышеупомянутый походъ на Кіевъ; никакихъ указаній на то, чтобы Кіевъ въ этотъ промежутокъ принадлежалъ Даніилу и былъ отнятъ, какъ полагаютъ, Куремсой, мы не имѣемъ [1]). Задуманный Даніиломъ походъ на Кіевъ не состоялся, Даніилъ вернулся, о новыхъ походахъ мы ничего не знаемъ, да и немыслимы они были въ тоговременныхъ обстоятельствахъ; молчаніе столь обстоятельнаго памятника, какъ современная Волынская лѣтопись, служитъ весьма сильнымъ доказательствомъ противъ мнѣній о принадлежности Кіева галицко-волынскимъ князьямъ [2]). Правда, Стрыйковскій утверждаетъ, что и послѣ монгольскаго нашествія Кіевъ принадлежалъ Даніилу, а потомъ Льву Даниловичу; у него и коронація Даніила происходитъ сначала въ Кіевѣ, а потомъ уже въ Дрогичинѣ [3]); но сопоставленіе несомнѣнныхъ историческихъ данныхъ заставляетъ видѣть въ этихъ утвержденіяхъ лишь неудачный домыслъ компилятора.

Итакъ, на основаніи всего вышесказаннаго, думаю, можно заключить, что во второй половинѣ XIII в. Кіевщина не принадлежала ни сѣвернымъ, ни галицко-волынскимъ князьямъ. На основаніи современныхъ лѣтописныхъ данныхъ приходится, съ значительною вѣроятностью, заключить, что въ Кіевской землѣ не было вовсе князей во второй половинѣ XIII в. [4]). Въ Волынской лѣтописи упоминается рядъ татарскихъ походовъ съ участьемъ южнорусскихъ князей, и при

32, см. также Молчановскаго ор. с. с. 147. Къ этому вопросу я еще разъ возвращусь, когда будетъ рѣчь о завоевательныхъ планахъ Даніила.

[1]) Шараневичъ ор. с. с. 98, Владимірскій-Будановъ ор. с. с. 24, Молчановскій ор. с. с. 148.

[2]) Нѣкоторыя другія доказательства непринадлежности Кіевщины галицко-волынскимъ князьямъ, преемникамъ Даніила, будутъ еще приведены ниже.

[3]) Kronika I p. 286, 287, 291, 303, 306, 311; ср. Синопсисъ с. 134.

[4]) Такая мысль была высказываема и раньше; проф. Н. П. Дашкевичъ въ одномъ мѣстѣ выражается такъ: „какъ управлялись въ то время (полов. XIII в.) земли, тянувшіяся на востокъ отъ перечисленныхъ нами до Днѣпра, платили ли и онѣ дань непосредственно Татарамъ или имѣли русскихъ князей, которые упоминаются позже въ Кіевѣ, мы не знаемъ (Болох. зем. с. 105). Проф. Малышевскій въ статьѣ о Яцкѣ Одровонжѣ прямо высказалъ мнѣніе, что отъ нашествія Батыя и до начала XIV в. Кіевъ не имѣлъ у себя русскихъ князей (Труды Кіев. Дух. Ак. 1867. VI с. 467).

этомъ ни разу не упоминаются князья кіевскіе [1]); интересны въ этомъ отношеніи: походъ на Литву, записанный подъ 1274 г., и походъ на ляховъ—подъ 1283 г.; въ первомъ случаѣ разсказывается, что ханъ въ помощь Льву Даниловичу „да рать, Ягурчина с ними воеводу, и Заднѣпрескыи князи всѣ да ему в помочь, Романа Дьбряньского и сыномь Олгомъ, и Глѣба князя Смоленьского, иныихъ князий много: тогда бо бяху вси князи в воли в Татарьской“ [2]). Если были князья въ Кіевщинѣ въ это время, то они должны были принять участье въ походѣ, а если бы они участвовали, то едва ли лѣтописецъ не упомянулъ бы ихъ; онъ могъ игнорировать или незнать „иныхъ“ мелкихъ князей Черниговской или Смоленской земли, но сосѣдней—Кіевской, вѣрно, упомянулъ бы. Еще яснѣе это въ разсказѣ о походѣ на ляховъ: „Телебуга же посла ко Заднѣпрѣйскимъ княземъ и ко Волыньскимь, ко Львови и ко Мьстиславу и к Володимѣру, веля имъ пойти с собою на войну; тогда же бяху вси князи в неволѣ Татарьской“ [3])—очевидно, между Волынью, границею которой въ это время съ востока была, повидимому, Горынь [4]), и Днѣпромъ не было князей; лѣтописецъ какъ бы подчеркиваетъ, что всѣ князья были въ татарской неволѣ, всѣ должны были участвовать въ походѣ. Нѣтъ никакихъ намековъ на существованіе князей въ Кіевской землѣ и въ сѣверныхъ источникахъ; въ одномъ случаѣ, кажется, непремѣнно должно бы ожидать упоминанія о кіевскомъ князѣ, если бы онъ существовалъ, именно въ знаменитомъ извѣстіи 1299 или 1300 г.: „того же лѣта митрополитъ Максимъ, не терпя татарьского насилья, оставя митрополью и збѣжа ис Киева, и весь Киевъ розбѣжалъся; а митрополитъ иде ко Бряньску, и оттолѣ иде в Суждальскую землю, и со всѣмъ своимъ житьемъ“ [5]); о князѣ ни слова, и молчаніе это, по моему, многозначительно.

---

[1]) См. Ипат. с. 560 подъ 1260 г., с. 575—подъ 1274, 578 подъ 1277, 581 подъ 1280, 585 подъ 1282, 588 подъ 1283, 591 подъ 1287.

[2]) Ипат. с. 575.

[3]) Ипат. с. 588. Не лишено, быть можетъ, значенія и то, что въ современной Волынской лѣтописи волынскіе и галицкіе князья въ это время называются просто „князи Русцыи“, словно то были единственные князья въ юго-западной Руси.

[4]) Какъ было указано выше, въ географическомъ очеркѣ (с. 48), это видно изъ описанія того же похода: у Горыни Мстиславъ встрѣчаетъ Телебугу съ дарами (Ипат. с. 588).

[5]) Лавр. с. 461, здѣсь оно помѣщено подъ 1300 г., въ сводахъ же находится подъ 1299 г.—Никон. II с. 172, Татищевъ IV с. 79—сходно съ Лавр., Воскрес. I с. 182 точ-

Въ Волынской лѣтописи, правда, упоминается подъ 1289 г. Юрій князь поросскій, котораго князь Мстиславъ Даниловичъ послалъ „возводить Татарь на сыновця своего“ и который „служаше Мьстиславу, а первое служилъ Володимиру“ (Васильковичу) [1]); но то былъ, по всей вѣроятности, служилый князь [2]), который носилъ только титулъ поросскаго, или, быть можетъ, владѣлъ какимъ-нибудь помѣстьемъ на Пороси: объ этой области еще съ большимъ вѣроятіемъ, какъ увидимъ ниже, чѣмъ о другихъ удѣлахъ Кіевщины, можно предполагать, что тамъ князей не было. Было еще высказано въ ученой литературѣ мнѣніе, что во второй половинѣ XIII в. въ Кіевской землѣ княжили мелкіе князья изъ дома черниговскихъ Ольговичей; это мнѣніе основывается на именахъ князей въ т. н. Сѣверскомъ синодикѣ, гдѣ между прочимъ записаны: „Іоаннъ Володимеръ Кіевскій и Андрей Вруцкій“ [3]). Но время княженія этихъ князей опредѣлить весьма трудно,

---

нѣе опредѣляетъ время: митрополитъ пришелъ во Владиміръ 18 апрѣля (та же дата и въ 4 Новг.); въ Тверск. (с. 407), Софійск. (I с. 292) и 4 Новг. (с. 46)—короче.

[1]) Ипат. с. 612. Владиміръ Васильковичъ княжилъ съ 1271 по 1288 по Ипат. л.

[2]) Такимъ его считаютъ Сергѣевичъ (Вѣче и князь с. 358), Н. П. Дашкевичъ (Болоховск. земля пр. 138), И. А. Линниченко (Журн. М. Н. П. 1891, V с. 160). М. Ф. Владимірскій-Будановъ (ор. с. с. 32) считаетъ его владѣтельнымъ—объ этомъ я еще буду говорить ниже. Шараневичъ въ одномъ мѣстѣ видитъ въ немъ, повидимому, князя служилаго, безудѣльнаго, въ другомъ—владѣтельнаго и замѣчаетъ: „чи Юрій былъ вразъ и княземъ кіевскимъ, чи може обôчь него сидѣлъ князь въ Кіевѣ, сказати не знаемъ“ (ор. с. с. 109 и 120).

[3]) Квашнинъ-Самаринъ По поводу Любецкаго синодика—въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. за 1873 г. кн. IV с. 222—223; Н. П. Дашкевичъ Болоховская земля с. 105. Записи „Сѣверскаго синодика“ приведены архіеп. Филаретомъ въ его примѣчаніяхъ къ Любецкому синодику, изданныхъ вмѣстѣ съ послѣднимъ въ книгѣ гр. Милорадовича: „Любечъ“ (Москва 1871 г., также въ Чтеніяхъ О. И. Д. за 1871 кн. II). По словамъ арх. Филарета (Любечъ с. 37), послѣ имени Іоанна Путивльскаго, вписаннаго въ Любецкомъ и Сѣверскомъ синодикахъ, въ послѣднемъ читается: „кн. Іоанна Володимера Іоанновича Кіевскаго и сестру его, кн. Елену, кн. Андрея Вруцкаго, и сына его, кн. Василія, убіеннаго въ Путивлѣ“. Личность Іоанна Путивльскаго и время его княженія совершенно неизвѣстны (см. статью г. Квашнина-Самарина), равно какъ и время предшествующихъ ему князей; въ Любецкомъ синодикѣ за нимъ слѣдуетъ кн. Іоаннъ Рязанскій, убіенный отъ татаръ, котораго Филаретъ пріурочиваетъ къ Іоанну Постнику († 1237), кн. Михаилъ Андреевичъ Трубецкой († 1557 по Филарету), кн. Юрій Торусскій, по Филарету, сынъ св. Михаила, Константинъ Оболенскій, по Филарету † 1368. Желательно, чтобы этотъ, несомнѣнно, важный историческій памятникъ подвергнутъ былъ основательному изслѣдованію, равно какъ и отношеніе его къ другимъ синодикамъ, съ которыми его сравнивалъ арх. Филаретъ, на основаніи же наличныхъ данныхъ опредѣлить сколько нибудь точно время нашихъ князей

и къ XIV вѣку ихъ отнести можно еще удобнѣе, чѣмъ къ XIII, такъ что и это обстоятельство не можетъ служить къ опроверженію изложеннаго мнѣнія объ отсутствіи князей въ Кіевщинѣ во второй половинѣ XIII в.

Эти соображенія объ отсутствіи князей въ Кіевской землѣ пріобрѣтаютъ, мнѣ кажется, еще болѣе вѣроятія, если сопоставить ихъ съ другими, несомнѣнными извѣстіями источниковъ. Татарское завоеваніе частью выдвинуло, частью поддержало въ Южной Руси чрезвычайно интересное явленіе; въ то время какъ остальная Русь, устами лѣтописцевъ, плачется на татарское иго, населеніе украинныхъ областей задумало воспользоваться имъ для того, чтобы освободиться отъ дружиннаго строя, отъ княжеской централизаціи и въ непосредственной зависимости отъ татаръ возстановить первоначальный строй мелкихъ автономныхъ общинъ (поскольку оставляло мѣста для такой общинной автономіи татарское верховенство). Явленіе это обнаруживается непосредственно за монгольскимъ нашествіемъ и замѣчается затѣмъ на значительномъ пространствѣ; въ дѣйствительности оно, быть можетъ, приняло гораздо болѣе обширные размѣры, но къ сожалѣнію наши свѣдѣнія о немъ весьма скудны.

Несомнѣнно, уже въ первое движеніе татаръ чрезъ правобережную Русь (1240 г.), или, быть можетъ, и до него, вошли въ сношенія съ татарами и покорились имъ болоховскіе князья—еще до возвращенія Батыя изъ Венгріи (по Волынской лѣтописи—въ 1241 г.) мы видимъ ихъ въ подчиненіи у татаръ [1]). Свѣдѣній о Болоховской землѣ вообще у насъ очень мало; какъ было указано въ своемъ мѣстѣ, ее съ наибольшею вѣроятностью помѣщаютъ, вслѣдъ за Н. П. Дашкевичемъ, въ верхнемъ теченіи Буга, до поворота его на югъ, и на верховьяхъ

совершенно невозможно: предшествующіе имъ князья неизвѣстны, а послѣдующіе отнесены къ самымъ различнымъ временамъ; для меня даже и происхожденіе ихъ отъ Ольговичей не вполнѣ убѣдительно, такъ какъ ниже мы видимъ князей и изъ другихъ домовъ. Еще болѣе интереса представляли бы для насъ помянники кіевскіе; въ упомянутомъ выше Печерскомъ помянникѣ, точнѣе—помянникахъ, есть нѣсколько списковъ кіевскихъ князей, но пользоваться ими также трудно, вслѣдствіе отсутствія хронологической послѣдовательности въ размѣщеніи князей и скудости объясненій при ихъ именахъ.

[1]) Ипат. с. 526.

Случи и Тетерева [1]), такъ что она захватываетъ собою юго-западный край старой Кіевской земли. До XIII в. она ничѣмъ не заявляетъ себя и не выдается въ ряду другихъ кіевскихъ областей. Подъ 1231 г. въ Волынской лѣтописи впервые выступаетъ группа болоховскихъ князей, съ очень опредѣленной политической физіономіей: это ярые поборники областной самостоятельности, противники централистическаго государственнаго строя. Главными представителями государственной идеи въ Южной Руси въ то время были Романовичи, и болоховскіе князья противодѣйствуютъ имъ всѣми силами, являются дѣятельными союзниками всѣхъ ихъ враговъ. Неизвѣстно, кто такіе были эти болоховскіе князья—были ли то представители общинъ, вокняжившіеся бояре, мелкіе князья Рюриковичи, или даже потомки древнѣйшихъ туземныхъ князей; первое изъ этихъ предположеній кажется мнѣ наиболѣе вѣроятнымъ [2]). Любопытны и весьма вѣроятны нѣкоторыя сближенія этихъ князей съ подольскими атаманами XIV в. и волошскими „князьями"—представителями сельскихъ общинъ [3]). Несомнѣнно во всякомъ случаѣ, что князья эти стояли въ тѣсной связи и солидарности съ населеніемъ и являлись выразителями его вожделѣній. Подчиненіе болоховцевъ татарамъ не было мѣрою одной княжьей политики, но дѣломъ всего населенія [4]), оно стояло въ связи

---

[1]) См. выше с. 44—46; Болоховская земля с. 87.

[2]) Карамзинъ III пр. 346 (с. 127), Костомаровъ Моногр. I с. 249, Русск. ист. въ жизнеопис. I с. 131, Квашнинъ-Самаринъ ор. с. с. 216, Дашкевичъ—Болоховская земля с. 101, Новѣйшіе домыслы о Болоховѣ с. 184 сл., Молчановскій Очеркъ изв. о Подол. з. с. 110 сл.; другія библіографическія указанія см. въ „Болоховск. землѣ" с. 94 сл.

[3]) Молчановскій ор. с. с. 158, 161, Дашкевичъ Новѣйшіе домыслы о Болоховѣ с. 169.

[4]) Это ясно показываетъ лѣтопись: говоря, что Даніилъ враждовалъ съ болоховцами за ихъ союзъ съ татарами, она затѣмъ переводитъ рѣчь на болоховскихъ князей и тѣмъ даетъ понять, что раньше рѣчь шла о населеніи, а не о князьяхъ: „Данилъ же на нѣ болшую вражьду держа, яко отъ Татаръ болшую надежду имѣаху. Князѣ же ихъ изъя отъ руку Болеславлю" и т. д.—Ипат. с. 527. Вѣроятно, такая необычная политика побудила Зубрицкаго предположить въ болоховцахъ и ихъ князьяхъ тюрковъ (Ист. Гал.-Рус. княж. III с. 138), поэтому же онъ и Звягель объявилъ „колоніею изъ татаръ или какихъ либо другихъ иностранцевъ, ибо русскіе обрадовали бы ся пришествіемъ своего государя, намѣревавшагося освободить ихъ отъ татарскаго ига" (III с. 187). Мнѣніе его о происхожденіи болоховцевъ было принято Шараневичемъ (Ист. Гал.-Волод. Руси с. 104), см. также у г. Молчановскаго ор. с. с. 116 (онъ впрочемъ сомнѣвается въ добровольномъ подчиненіи болоховцевъ татарамъ), Труды Комитета для ист. опис. Подольск. епарх. I р. VI.

со всею предшествующей политикою Болоховской земли: признавъ надъ собою власть татаръ, не грозившую никакими перемѣнами ихъ излюбленному общественному строю, болоховцы тѣмъ надѣялись спасти свою общинную автономію и пріобрѣсть защитниковъ противъ притязаній Даніила. И дѣйствительно, заручившись покровительствомъ татаръ, они не медля возобновляютъ прежнюю борьбу съ Даніиломъ, поддерживая Ростислава Михайловича [1]).

Неизвѣстно, одновременно или позже въ такую же зависимость отъ татаръ пришло населеніе территоріи, лежавшей къ сѣверу отъ Болоховской земли; хотя о подчиненіи его татарамъ мы узнаемъ только въ 50-хъ годахъ (XIII в.), но подчиненіе это могло состояться и раньше, даже въ 1240 г. Правда, мы знаемъ, что нѣкоторые города, лежавшіе въ этой полосѣ, какъ Колодяженъ и Каменецъ, сопротивлялись тогда татарамъ, но отсюда нельзя еще выводить какого-либо заключенія о всемъ населеніи: въ городахъ могли стоять гарнизоны Даніила, среди населенія могло не быть единства въ рѣшеніяхъ. Быть можетъ, то обстоятельство, что Волынская лѣтопись, разсказывая о возвращеніи татаръ изъ Венгріи, говоритъ только о разореніи сѣверной Волыни, и затѣмъ ни о какихъ разореніяхъ не упоминаетъ, тѣмъ именно и объясняется, что далѣе, за Горынью, татары вступили въ среду населенія, добровольно покорившагося имъ. Въ 50-хъ гг. татарамъ непосредственно подчинены были болоховцы, жители Побожья, городовъ, стоящихъ по Тетереву, Звягля—на Случи, и отдѣльныхъ мѣстностей, которыя съ большою вѣроятностью, соображая обстоятельства похода на нихъ Шварна, можно помѣщать также въ бассейнѣ Случи и далѣе къ востоку—до Тетерева: это Городокъ и Сѣмоцъ, бѣлобережцы и чернятинцы [2]). То были уже, какъ видно, общины

---

[1]) Въ виду всего этого никакъ нельзя согласиться съ М. Ф. Владимірскимъ-Будановымъ (ор. с. с. 23), что подчиненіе Даніилу „Бѣлобережцевъ, Чарнятинцевъ и всѣхъ Болоховцевъ“ (Ипат. с. 555) было добровольное, что „это подвижное населеніе украинъ, предшественники козаковъ, очевидно, охотно тянули къ русскому государству“. Подробнѣе распространяться о болоховцахъ нахожу излишнимъ, такъ какъ вопросъ этотъ обслѣдованъ и прекрасно освѣщенъ въ трудѣ Н. П. Дашкевича „Болоховская земля“ (с. 89 сл.).

[2]) Я позволю себѣ привести цѣликомъ это чрезвычайно любопытное и единственное въ своемъ родѣ мѣсто Волынской лѣтописи: „По рати же кремянецькой Куремьсинѣ, Данилъ воздвиже рать противу Татаромъ. Сгадавъ с братомъ и со сыномъ, посла Деонисия Павловича, взя Межибожие, потомъ же воевахуть людье Данилови же и Василкови Болоховъ, а Лвови Побожье и люди Татарьскыя. Веснѣ же бывши посла сына своего

чистаго типа, даже безъ такихъ князей, какихъ мы видѣли у болоховцевъ [1]). Лѣтопись не говоритъ намъ, составляли ли онѣ какую-нибудь федерацію между собою, или не имѣли другой связи, кромѣ общности интересовъ и условій быта; судя по тому, что войска Даніила борются порознь съ отдѣльными общинами, послѣднее кажется болѣе вѣроятнымъ. Подчиненіе ихъ татарамъ было, конечно, добровольное, и цѣлью было пріобрѣтеніе общинной автономіи; общины вовсе не имѣютъ желанія возвратиться въ подчиненіе Даніилу, соглашаются лучше терпѣть опустошеніе; покорность ихъ князьямъ галицкимъ—притворная; такъ жители Звягля, подъ давленіемъ силы, приняли отъ Шварна княжескаго тіуна въ знакъ покорности, но „не вдаша ему тивунити", за что впрочемъ и поплатились жестоко: Даніилъ сжегъ ихъ городъ, а жители были подѣлены между участниками похода и разведены [2]).

Итакъ мы видимъ, что западная часть Кіевской земли въ 50-хъ годахъ состояла сплошь, по всей вѣроятности, изъ отдѣльныхъ независимыхъ общинъ, безъ князей, въ непосредственномъ подчиненіи татарамъ. Лѣтописецъ въ вышеприведенномъ эпизодѣ перечисляетъ только мѣстности, которыя Даніилу удалось подчинить себѣ, что было къ востоку отъ Тетерева и къ сѣверу отъ Звягля, онъ не говоритъ,

---

Шварна на Городокъ, и на Сѣмоць, и на вси городы, и взя Городокъ и Сѣмоць и всѣ городы, сѣдящия за Татары, Городескъ и по Тетереви до Жедечева. Възъвягляне же солъгаша Шварномъ, поемше тивуна не вдаша ему тивунити; Шварно же приде поимавъ городы вся, и по немь придоша Бѣлобережцѣ и Чарнятинци и вси Болоховци к Данилу. Присла же Миндовгъ к Данилу: „пришлю к тобѣ Романа и Новогородцѣ, абы пошелъ ко Возвяглю, оттуда и къ Кыеву"; и срече срокъ во Възъвягля". Ипат. с. 555. О театрѣ этихъ военныхъ дѣйствій см. выше, въ географическомъ очеркѣ, с. 43—44, и Болоховскую землю с. 78—83. Судя по лѣтописному тексту первый походъ былъ направленъ противъ южныхъ поселеній, при чемъ рать Даніила и Василька воевала юго-западную часть (около Межибожья и, вѣроятно, по верхней Случи), а Льва—юго-восточную, Шварно же былъ отправленъ далѣе къ сѣверу, въ раіонъ средней Случи и Тетерева. Успѣхи Шварна на сѣверѣ заставили явиться съ изъявленіемъ покорности болоховцевъ, бѣлобережцевъ и чарнятинцевъ; очевидно, въ предшествующій походъ войска Даніила хотя и повоевали болоховцевъ, но къ покорности не принудили.

[1]) Изъ того, что въ описаніи послѣдняго похода князья болховскіе больше не упоминаются, г. Молчановскій заключаетъ, что, можетъ быть, послѣ погрома 1241 г., произведеннаго въ Болховской землѣ Даніиломъ, болховскихъ князей не стало (Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ с. 114); слѣдовательно болховцы также обратились въ чистую общину—это весьма возможно.

[2]) Ипат. с. 555—556.

но, конечно, это молчаніе нельзя понимать въ томъ смыслѣ, что указанными предѣлами вышеописанный политическій строй ограничивался; напротивъ, говоря, что Даніилъ замышлялъ походъ на непокорный Звягель, „оттуда и къ Кыеву“, лѣтописецъ какъ бы намекаетъ, что и Кіевъ находился въ подобныхъ же политическихъ условіяхъ. Относительно южной части Кіевской земли мы имѣемъ болѣе опредѣленныя указанія: Плано Карпини, проѣзжавшій здѣсь въ 1246 г., говоритъ, что Каневъ (villa Canouae) находился въ непосредственной зависимости отъ татаръ [1]). Нельзя думать, чтобы здѣшніе города только были заняты, какъ наблюдательные пункты: въ нихъ не было татарскаго гарнизона, и начальники были въ нихъ, несомнѣнно, русскіе [2]); путешественникъ ясно отличаетъ эти пункты отъ первой татарской заставы (custodia), которая, по его словамъ, находилась въ шести дняхъ пути отъ Кіева, гдѣ-то, слѣдовательно, къ югу отъ Тясмина. Надо полагать, что все Поросье находилось въ непосредственномъ подчиненіи татарамъ и не имѣло князей; неизвѣстно, кому здѣсь принадлежала инициатива такого устройства—татарамъ или самому населенію, привыкшему къ сожительству съ кочевниками.

Итакъ, резюмируя все вышеизложенное, мы для второй половины XIII в., во-первыхъ, не находимъ въ нашихъ источникахъ никакихъ указаній или намековъ на зависимость Кіевщины отъ суздальскихъ князей, номинальную послѣ 1249 (вокняженіе Александра) и сколько-нибудь фактическую—послѣ 1245 (проѣздъ Даніила чрезъ Кіевъ); въ то же время, несомнѣнно, Кіевъ не принадлежалъ и волынскимъ князьямъ. Во-вто-

---

[1]) Приведу опять цѣликомъ это свидѣтельство: Secundo igitur die post festum Purificationis (4 февраля 1246 г.) certo itinere venimus ad villam Canouae, quae sub Tartaris erat immediate. Cujus praefectus nobis dedit equos et conductum usque ad aliam, in qua reperimus praefectum Micheam, omni malitia plenum Qui tamen acceptis a nobis secundum velle suum, duxit nos usque ad primam custodiam Tartarorum (Собр. путешеств. с. 10). Слова sub Tartaris erat immediate нельзя понимать въ смыслѣ топографическаго опредѣленія, потому что отъ Канева до первой татарской заставы было еще нѣсколько перегоновъ, и на пути лежала эта неназванная по имени, но, несомнѣнно, русская alia villa

[2]) Micheas, Михей, сидѣвшій за Росью, былъ, несомнѣнно, русскій, да и каневскій praefectus также: Плано Карпини еще не встрѣчалъ на своемъ пути татаръ и несомнѣнно упомянулъ бы, если бы этотъ послѣдній praefectus былъ татаринъ.

рыхъ, нѣтъ никакихъ указаній на существованіе отдѣльныхъ владѣтельныхъ князей въ Кіевской землѣ, напротивъ—нѣкоторыя извѣстія даютъ основаніе для противоположнаго вывода. Въ-третьихъ, въ половинѣ XIII в., по несомнѣннымъ извѣстіямъ, южная и восточная части Кіевской земли добровольно—въ большинствѣ, по крайней мѣрѣ—находились въ непосредственной зависимости отъ татаръ, образуя систему отдѣльныхъ общинъ, безъ княжеской власти. Эти факты мнѣ кажется, даютъ право поставить гипотезу, что и остальная Кіевская земля также находилась подъ непосредственнымъ верховенствомъ татаръ и не имѣя князей, образовывала рядъ отдѣльныхъ общинъ. Такая гипотеза не противорѣчитъ наличнымъ даннымъ и способна объяснить факты, засвидѣтельствованные источниками; это, мнѣ кажется, служитъ достаточнымъ для нея оправданіемъ. Въ частности, для Кіева, какъ указано выше, мы имѣемъ даже намекъ въ описаніи похода Даніила.

На первыхъ порахъ, какъ мы видѣли, татары утвердили Кіевъ за Ярославомъ Всеволодовичемъ; съ точки зрѣнія предложенной гипотезы это можно объяснить тѣмъ, что они еще не успѣли хорошо ознакомиться съ положеніемъ дѣла, или противокняжеское движеніе среди населенія не успѣло достаточно выясниться. Тѣ стремленія и цѣли, которыя преслѣдовали города по-тетеревскіе, едва ли были чужды для населенія береговъ Ирпеня или Уша. Съ другой стороны, татары, приведя въ непосредственную зависимость южную и западную полосу Кіевщины, естественно должны были стремиться ввести тотъ же, болѣе выгодный и безопасный для нихъ строй и въ окрестностяхъ Кіева; даже при нежеланіи населенія они могли прекратить здѣсь княжескую власть и подчинить этотъ край непосредственно своему управленію; однако вѣроятнѣе предположить, что татары въ этомъ случаѣ шли на встрѣчу желаніямъ населенія. Быть можетъ, уже въ 1252 г., когда Александръ выпросилъ себѣ владимірскій столъ у татаръ, послѣдніе оставили Кіевъ за собою [1]); если и здѣсь населеніе было также враждебно настроено противъ княжеской власти, какъ къ западу отъ Тетерева, то суздальскому князю нечего было торговаться изъ-за Кіева: въ такомъ случаѣ власть его еще раньше здѣсь была лишь номинальною.

---

[1]) Напоминаю, что походъ Даніила на „людей татарскихъ" и намѣреніе его итти на Кіевъ относятся ко времени позднѣйшему—послѣ 1253 г.

По поводу Кіева, точнѣе—по поводу кіевскаго намѣстника Дмитра Ейковича, позволю себѣ высказать еще гипотезу, нисколько впрочемъ на ней не настаивая. Высказана была догадка, что Дмитро Ейковичъ есть одно лицо съ Дмитромъ—кіевскимъ тысяцкимъ 1240 г. [1]). Предположеніе это до нѣкоторой степени вѣроятно, тѣмъ болѣе, что Дмитро тысяцкій послѣ 1240 г. исчезаетъ изъ исторіи—въ Галичинѣ и на Волыни его не видно. Между тѣмъ мы знаемъ изъ Волынской лѣтописи, что онъ послѣ взятія Кіева пользовался уваженіемъ и довѣріемъ Батыя. Можетъ быть, когда выяснилась современная политическая ситуація, Дмитро счелъ за лучшее примкнуть къ новому общественному движенію и сталъ во главѣ кіевской общины. Не желая до времени, въ силу какихъ-либо соображеній, рѣзко разрывать со старымъ строемъ, онъ номинально признавалъ власть того или другого князя, утвержденнаго на кіевскомъ столѣ татарами, титуловалъ себя ихъ намѣстникомъ, а на дѣлѣ былъ общиннымъ чиновникомъ, тысяцкимъ земскимъ (сравни кіевскаго тысяцкаго и лучшихъ людей—millenarius и nobiles у Плано Карпини [2])), зависѣвшимъ лишь отъ общины и надъ собою имѣвшимъ лишь власть хана. Быть можетъ, благодаря вліянію Дмитра Кіевъ былъ и отданъ Ярославу, а не остался за Даніиломъ: Дмитру выгоднѣе было считаться намѣстникомъ далекаго сѣвернаго князя. Если что-либо подобное было въ дѣйствительности, если и среди кіевскаго населенія обнаружилось движеніе противъ княжескаго строя, тогда понятно будетъ, почему Михаилъ жилъ не въ самомъ Кіевѣ, а на островѣ, почему ни Ярославъ, ни Александръ Невскій ни разу не заглянули въ Кіевъ, почему въ сѣверныхъ источникахъ не сохранилось никакихъ указаній на реальную принадлежность Кіева сѣвернымъ князьямъ.

Мы не имѣемъ указаній на то, какъ вообще совершилась та перестройка общественнаго строя, о которой мы говорили до сихъ поръ: скудныя извѣстія лѣтописи констатируютъ только самый фактъ, уже совершившійся. Въ предшествующемъ изложеніи я старался указать мотивы народнаго недовольства княжеско-дружиннымъ укладомъ—недостатки политическіе и административные и экономическія тягости. Но если гдѣ-нибудь въ окраинныхъ, межеумочныхъ пространствахъ на-

---

[1]) Квашнинъ-Самаринъ ор. с. с. 222.

[2]) Собраніе путешествій с. 10.

селеніе успѣвало выбиться изъ подъ режима сосѣднихъ княжествъ и подъ шумъ княжьихъ усобицъ завести иной общественный строй—какъ это мы видимъ въ болоховскихъ городахъ,—въ общемъ княжеско-дружинный строй слишкомъ прочно установился, чтобы населеніе, въ тогдашнихъ условіяхъ, могло своими силами покончить съ нимъ. Для этого требовалось какое-либо чрезвычайное потрясеніе—такимъ было монгольское нашествіе; несомнѣнно, что оно произвело сильнѣйшій „пополохъ“ въ русскихъ земляхъ; князья заметались въ паническомъ страхѣ; казалось, всѣ прежнія основы жизни и строя рушились. Моментъ для разрыва со старымъ строемъ былъ очень удобный, населеніе это замѣтило, и одни—быть можетъ—раньше, другіе—позже постарались имъ воспользоваться. Выламываясь изъ-подъ власти дружинныхъ князей и замыкая свой политическій строй въ тѣсные предѣлы городской общины, населеніе избѣгало всѣхъ тягостей, не разлучныхъ съ созданіемъ сколько-нибудь обширнаго, централизованнаго государства [1]), избѣгало и вмѣшательствъ центральной власти въ свой общественный строй (татарская власть въ этомъ отношеніи была не страшна); упраздненіе дружиннаго строя уничтожало двойственность земства и князя и тамъ даже, гдѣ званіе князя сохранялось. Татарское верховенство „людямъ татарскимъ“ казалось достаточнымъ ручательствомъ за безопасность отъ княжьихъ посягательствъ, хотя надежда эта и не всегда оправдывалась: Даніилъ успѣлъ разгромить болоховскіе города, развести крамольныхъ звяглянъ, прежде чѣмъ татары собрались смирить его; но самый строй тѣмъ не менѣе устоялъ.

Таковы были, въ общихъ чертахъ, условія этого движенія; обстоятельства, формы, въ которыхъ оно проявлялось, конечно, весьма разнообразились, тѣмъ болѣе, что предполагать какое-нибудь единство въ планѣ, солидарность въ дѣйствіяхъ всѣхъ общинъ нѣтъ никакихъ основаній. Даже внутри самихъ общинъ, по крайней мѣрѣ—нѣкоторыхъ, возможно было раздвоеніе. Если все земство чувствовало недостатки, несостоятельность княжеско-дружиннаго строя, то съ другой стороны, какъ я старался показать выше, верхній слой населеній, земская аристократія участвовала до нѣкоторой степени и въ выгодахъ его, находила въ немъ опору и поддержку. Замѣна этого уклада общиннымъ была выгодна для нея только въ такомъ случаѣ, если бы факти-

---

[1]) Ср. Молчановскаго op. c. c. 119.

чески власть перешла въ ея руки, какъ то бывало въ до-княжескій періодъ; въ такомъ случаѣ она, пожалуй, могла взять на себя даже инипіативу реформы. Но не вездѣ обстоятельства могли сложиться такъ выгодно для нея, руководящая роль могла ускользнуть отъ боярства и оказаться въ рукахъ среднихъ и низшихъ слоевъ земства, тѣмъ болѣе, что татарскій „пополохъ“ долженъ былъ сильно колыхнуть общественно-экономическія отношенія и основанное на нихъ вліяніе боярства. Разъ земская масса выдвигалась на первый планъ, разъ община формировалась на основахъ демократическихъ,—боярство не могло сочувствовать реформѣ, должно было противиться ей, если могло; и въ то время какъ земская масса входила въ непосредственныя отношенія къ татарамъ и подъ ихъ верховенствомъ начинала „орать пшеницу и просо“ [1]), аристократія, земская и дружинная, могла, отчасти по крайней мѣрѣ, запираться въ городахъ либо эмигрировать.

Вообще говоря, монгольское нашествіе, послѣдующая непосредственная зависимость отъ татаръ и татарскіе „пополохи“ наиболѣе тяжело ложились, живѣе чувствовались верхнимъ, богатымъ слоемъ населенія. Гдѣ проносилась татарская гроза, тамъ богачи страдали сильно: не такъ трудно было спасти свою особу и скудные пожитки, но очень затруднительно было уберечь большія стада, обширные запасы разныхъ продуктовъ, многочисленную челядь; въ торговыхъ операціяхъ неизбѣжно было разстройство, правильное теченіе экономическихъ отношеній нарушалось. Въ результатѣ богатый классъ разорялся, упадалъ и сливался съ общей массой земства, либо, не вынося такихъ условій быта, эмигрировалъ на сѣверъ и западъ. Проф. Владимірскій-Будановъ, на основаніи извѣстій галицкихъ и волынскихъ, приходитъ къ заключенію, что „лучшее (городское) населеніе“ погибло, было избито въ большихъ городахъ, и „послѣ татарскаго погрома центръ тяжести населенія переносится на низшій классъ—черныхъ людей“, „замѣчается перевѣсъ пѣхоты надъ конницею, смердовъ надъ дружинниками, сельчанъ надъ горожанами“ [2]). То же явленіе должно было произойти и въ Кіевской землѣ; населеніе нивеллировалось вслѣдствіе обѣднѣнія и эмиграціи богатаго класса. Такая нивеллировка содѣйствовала большей демократизаціи общественныхъ

---

[1]) Ипат. с. 526.

[2]) Населеніе Ю.-Зап. Россіи до пол. XV в. с. 21—22.

отношеній и обратно—находила себѣ опору въ строѣ демократической общины.

Этотъ новый общинный строй нашелъ себѣ энергическаго врага въ лицѣ талантливѣйшаго изъ современныхъ представителей государственнаго принципа—Даніила галицкаго; автономическія стремленія общинъ являлись опасною помѣхою его планамъ—объединить юго-западную Русь и общими силами противостать татарамъ. На первыхъ порахъ онъ вступаетъ въ рѣшительную борьбу съ этимъ новымъ движеніемъ; еще до возвращенія татаръ изъ Венгріи онъ столкнулся съ болоховцами и воспользовавшись ихъ участьемъ въ галицкихъ дѣлахъ, подвергъ безжалостному опустошенію ихъ землю; его особенно раздражалъ союзъ ихъ съ татарами: „Данилъ же на нѣ болшую вражьду держа, яко отъ Татаръ болшую надежду имѣаху“ [1]. Позже, когда отношенія Даніила къ татарамъ обострились, и Куремса началъ противъ него военныя дѣйствія, Даніилъ, ободренный его неудачею, перешелъ самъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ и предпринялъ свой походъ на Кіевскую землю, о которомъ я уже не разъ имѣлъ случай упомянуть. Его войско, подъ начальствомъ Шварна, повоевало, побрало города и привело на время въ покорность западную часть земли до Тетерева. Даніилъ, какъ видно, замыслилъ тогда, съ помощью Мендовга, покорить себѣ и остальную Кіевщину, до Днѣпра, и выступилъ въ походъ самъ; но Мендовгъ не исполнилъ обѣщанія, не прислалъ помощи, и это, можетъ быть, было причиною, что Даніилъ, подождавши напрасно у Корческа, ограничился только наказаніемъ жителей Звягля и дальше не пошелъ. Ему не суждено было исполнить своего намѣренія: Куремса вслѣдъ затѣмъ предпринялъ новый походъ на Волынь, а за нимъ явился со своею ордою и болѣе грозный, „оканный, проклятый“ Бурундай. Разрушеніе волынскихъ городовъ, совершенное послѣднимъ, показало ясно Даніилу, что бороться ему съ татарами не подъ силу; планы на пріобрѣтенія на востокѣ приходилось отложить; завоеванныя за Случью земли, какъ кажется, были тоже вскорѣ утрачены: какъ было упомянуто, волынская граница, судя по нѣкоторымъ указаніямъ, проходила позже недалеко отъ Горыни [2]. Несомнѣнно, стремленія населенія къ общинной автономіи

---

[1]) Ипат. с. 526.

[2]) См. выше, географич. очеркъ с. 48. Иного мнѣнія о завоеваніяхъ Даніила держится проф. Владимірскій-Будановъ въ много разъ помянутомъ мною изслѣдованіи своемъ о

были одною изъ причинъ, которыя помѣшали Даніилу создать сильное государственное тѣло изъ Южной Руси [1]).

Итакъ, новый строй устоялъ предъ нападеніями Даніила; хотя точныя извѣстія о немъ мы имѣемъ только около половины XIII в., но нѣтъ никакихъ основаній думать, что онъ не существовалъ позже. Описывая подъ 1289 г. пространство Волынскаго княженія, лѣтописецъ говоритъ, что Мстиславъ Даніиловичъ „одержа землю свою величествомъ олны по Тотары, а сѣмо по Ляхы и Литву“ [2]); „Татары“ въ этомъ случаѣ употреблены конечно не въ смыслѣ этнографическомъ, а политическомъ—для обозначенія земель, непосредственно зависѣвшихъ отъ нихъ, въ противоположность Волыни; а такъ какъ при Мстиславѣ, есть основаніе думать, волынская граница проходила недалеко отъ Горыни, то, слѣдовательно, начиная оттуда и далѣе къ востоку, какъ и раньше, шли, вѣроятно, общины безъ княжеской власти, непосредственно подчиненныя татарамъ.

Такая перспектива Кіевской земли, лишенной князей и дружины, состоящей изъ отдѣльныхъ общинъ, подъ непосредственнымъ господствомъ

южнорусской колонизаціи до полов. XV в. Почтенный ученый полагаетъ, что Даніилъ дѣйствительно завоевалъ Кіевъ и владѣлъ имъ до похода Куремсы, что Куремса его отнялъ было, но въ концѣ концовъ Кіевъ и украинная полоса (земли по Бугу и Приднѣпровье) остались за волынскими князьями, и Поросье составляло подручный удѣлъ этихъ послѣднихъ (с. 23—24, 32). Но послѣ взятія Звягля Даніилъ на Кіевъ не пошелъ—„пойде в домъ си приемъ градъ“ (с. 556), и о какомъ-либо послѣдующемъ походѣ ничего неизвѣстно; да вслѣдъ за походомъ на Звягель и татары уже начали наступать на Даніила; не говорится и о Куремсѣ, чтобы онъ бралъ Кіевъ; если лѣтописецъ, описывая Холмъ, говоритъ объ иконахъ и колоколахъ, принесенныхъ изъ Кіева и Овруча (Ипат. с. 559), то это, вѣроятно, было еще до Батыева нашествія, когда Даніилу случалось и бывать въ Кіевѣ и владѣть имъ. Ничего неизвѣстно намъ и о завоеваніи Поросья, находившагося въ непосредственномъ владѣніи татаръ еще въ 40-хъ годахъ; Юрія поросскаго, какъ было указано, съ гораздо большею вѣроятностью слѣдуетъ считать княземъ безудѣльнымъ. Что и сдѣланныя Даніиломъ завоеванія потомъ были утеряны, это понятно a priori: при существовавшихъ тогда отношеніяхъ между волынскими князьями и татарами послѣдніе никакъ не отдали бы подъ власть князей своихъ „людей татарскихъ“, вдобавокъ это подтверждается намеками лѣтописи, что Горынь была границей.

[1]) См. Болховскую з. с. 122—123; почтенный авторъ напрасно только приписываетъ однимъ болоховцамъ то, что въ равной мѣрѣ принадлежитъ также и другимъ общинамъ Кіевской земли; это справедливо замѣтилъ уже г. Молчановскій (Очеркъ изв. о Подол. з. с. 118—119).

[2]) Ипат. с. 613; ср. Андріяшева ор. с. с. 191.

татаръ не должна насъ особенно пугать. Положеніе это было неудовлетворительно съ государственнической точки зрѣнія, но, очевидно, населеніе далеко предпочитало его прежнему строю, если упорно держалось за него и только послѣ примучиванія соглашалась подчиниться Даніилу, сильнѣйшему и талантливѣйшему изъ современныхъ князей, который могъ потому болѣе, чѣмъ кто-либо, гарантировать спокойствіе и безопасность отъ татаръ.

Къ крайнему сожалѣнію, свѣдѣнія наши объ этомъ новомъ укладѣ вообще чрезвычайно скудны. Волынскій лѣтописецъ называетъ наши общины „людьми татарскими“ и „людьми, сѣдящими за Татары“. Н. П. Дашкевичъ высказалъ предположеніе, что эти два названія соотвѣтствуютъ различнымъ условіямъ, въ которыхъ находилось населеніе: люди, сидѣвшіе за татары—такъ лѣтопись называетъ жителей Потетеревья—по его мнѣнію, не входили въ ближайшее соприкосновеніе съ татарами, между тѣмъ какъ „люди татарскіе“, обитатели Побожья, или получали отъ татаръ управителей или даже жили съ ними совмѣстно [1]). Трудно рѣшить, дѣйствительно ли эти нѣсколько различныя имена имѣютъ характеръ терминовъ въ устахъ лѣтописца; a priori весьма вѣроятно, что жители ближайшихъ къ татарамъ мѣстностей стояли въ нѣсколько иныхъ условіяхъ, чѣмъ обитатели болѣе отдаленные, но точныхъ данныхъ относительно этого мы не имѣемъ. Присутствія татаръ незамѣтно нигдѣ; ни волынскій лѣтописецъ, описывающій походъ Даніила на болоховцевъ или на территорію Случи и Тетерева, ни Плано Карпини не даютъ никакихъ намековъ на существованіе въ непосредственно подчиненныхъ татарамъ земляхъ татарскихъ гарнизоновъ или даже начальниковъ и чиновниковъ татаръ. Никоновская лѣтопись сообщаетъ подробность, не имѣющую впрочемъ большой цѣны (скорѣе всего—это позднѣйшій домыслъ составителя), что Батый въ 1240 г. какъ въ Кіевѣ, такъ и въ другихъ русскихъ (т. е. южнорусскихъ городахъ, „воеводы своя посажа“ [2]): и здѣсь объ управителяхъ-*татарахъ* нѣтъ рѣчи. По словамъ Плано Карпини, въ городахъ Поросья сидѣли какіе-то praefecti, но, по всей вѣроятности, не изъ татаръ. Въ Подольской землѣ, въ болѣе позднее время, но въ подобныхъ же условіяхъ, общинами завѣ-

---

[1]) Болоховская земля с. 103, см. также Андріяшева ор. с. с. 190.

[2]) Никон. II с. 117.

дывали атаманы, очевидно — туземные, отношенія къ нимъ владѣтелей — татаръ ограничивались сборомъ дани, черезъ баскаковъ, которые пріѣзжали отъ времени до времени за нею; и въ этомъ случаѣ слѣдовательно татары не жили среди подвластныхъ общинъ и не входили съ ними въ непосредственное соприкосновеніе. Эти подольскіе атаманы либо избирались изъ своей среды общинами либо назначались татарами изъ излюбленныхъ людей общины, потому что они продолжаютъ существовать и послѣ прекращенія татарскаго господства и сохраняютъ свое вліяніе у населенія, такъ что новоприбывшіе Коріатовичи, чтобы устроиться въ странѣ, должны были войти „у пріязнь со атаманы“ [1]. Были ли такими излюбленными людьми общины пороскіе praefecti, или они назначались изъ людей стороннихъ, неизвѣстно. Въ общинахъ западныхъ (Случи и Тетерева) если и были какіе-либо атаманы или старцы, или какъ бы они не назывались, они, очевидно, не играли особенно важной роли и не заслоняли собою общины: въ столкновеніяхъ съ Даніиломъ на нихъ нѣтъ намековъ, выступаетъ прямо населеніе—звягляне, чернятинцы, бѣлобережцы; особенно любопытенъ въ этомъ отношеніи подробный разсказъ о звяглянахъ—очень возможно, что никакого старшины и вовсе тутъ не было, а управляло общиною вѣче съ „лучшими людьми“, какъ встарину. Совмѣстнаго обитанія русскихъ и татаръ въ Кіевской землѣ, по крайней мѣрѣ вскорѣ послѣ татарскаго завоеванія, нельзя допустить: какъ я упомянулъ выше, Плано Карпини категорически свидѣтельствуетъ, что первая татарская застава отстояла на шесть дней пути отъ Кіева; и для позднѣйшаго времени нѣтъ никакихъ указаній на сожительство.

Относительно экономическихъ отношеній мы имѣемъ также очень скудныя извѣстія. По словамъ Плано Карпини, при немъ на Русь былъ присланъ отъ хана человѣкъ, который у всякаго жителя, имѣвшаго трехъ сыновей, уводилъ одного въ рабство, уводилъ также всѣхъ неженатыхъ мужчинъ, незамужнихъ женщинъ и нищихъ, остальные пересчитывались, и каждый, безъ различія возраста и состоянія, долженъ былъ дать: кожу бѣлаго (или чернаго) медвѣдя, кожу чернаго бобра (или стоимость ея), кожу „тхоря“ и кожу черной ли-

---

[1]) 1 лит.-русск. лѣтоп. въ изд. Попова с. 44. Ср. Молчановскаго ор. с. с. 156—158.

сицы; не заплатившій также отводился въ рабство[1]). Такъ какъ это извѣстіе приведено безъ всякой оговорки, то должно относиться и къ Кіевской землѣ. Дань, въ размѣрахъ, описываемыхъ Плано Карпини, конечно, не можетъ быть ежегодною, она слишкомъ высока для того, ее уплачивали, вѣроятно, при переписи только (на сѣверѣ переписи были производимы затѣмъ въ 1257 и 1275 гг.[2])). Но въ Волынской лѣтописи о болоховцахъ сказано, что ихъ оставили татары „да имъ орютъ пшеницю и проса"; выходитъ, что болоховцы платили татарамъ дань земледѣльческими продуктами; весьма вѣроятно, что подобная дань существовала также и въ другихъ мѣстностяхъ Кіевской земли. Какъ взымалась дань, опять-таки мы не знаемъ; въ Подольской землѣ ее, по сказанію литовско-русскихъ лѣтописей, принимали отъ атамановъ баскаки, пріѣзжая по временамъ за нею; такая система могла существовать и въ Кіевской землѣ; баскакъ упоминается здѣсь однажды, уже подъ 1331 г., въ Кіевѣ[3]); жилъ ли онъ постоянно тамъ, или былъ только проѣздомъ, не видно.

Что было худого въ этомъ бытѣ, это то, что населеніе не было гарантировано отъ всякаго рода случайныхъ нападеній, временныхъ притѣсненій; говорю—случайныхъ, временныхъ, потому что въ общемъ населеніе было, какъ видно, довольно своимъ положеніемъ, по крайней мѣрѣ—сначала; да и татары имѣли всѣ поводы щадить его. Раздробленныя общины не могли дать надлежащаго отпора; позже онѣ приноровились къ этимъ неудобствамъ, выдѣлили изъ своей среды военный элементъ въ видѣ козачества, но въ предшествующее время были почти беззащитны, и это дѣлало возможнымъ притѣсненія, въ родѣ тѣхъ, какое передается въ приведенномъ уже мною извѣстіи 1299—1300 г., что м. Максимъ, „не терпя татарьского насилья, оставя митрополью и збѣжа ис Кыева, и весь Кыевъ разбѣжался[4]). Впрочемъ извѣстіе это, можетъ быть, въ значительной мѣрѣ утрировано, такъ какъ записано на сѣверѣ со словъ бѣглецовъ и частнѣйшимъ образомъ имѣетъ цѣлью объяснить и, пожалуй, оправдать переселеніе митрополита

---

[1]) Собраніе путеш. с. 184; въ скобкахъ я привелъ варіанты.

[2]) Лавр. с. 451 и 496, Никон. II с. 141 и 152, Татищевъ IV с. 47; ср. Соловьева III с. 185 и 195.

[3]) Извѣстіе это приведено будетъ ниже.

[4]) Лавр. с. 461.

во Владиміръ; въ дѣйствительности, можетъ быть, дѣло вовсе не было такъ ужъ страшно, и то, что казалось несноснымъ митрополиту, могло и не казаться столь тягостнымъ для рядового населенія.

Мы имѣемъ еще другое аналогичное извѣстіе, на которое также указываетъ проф. Соболевскій [1])—именно въ постановленіи константинопольскаго патріаршаго собора 1354 г. о перенесеніи митрополичьей каѳедры изъ Кіева во Владиміръ. Я позволяю себѣ привести въ переводѣ относящіеся къ вопросу отрывки изъ него. „Такъ какъ Кіевъ, гласитъ это постановленіе, сильно пострадалъ отъ смутъ и безпорядковъ настоящаго времени и отъ страшнаго напора сосѣднихъ аламановъ и пришелъ въ крайне бѣдственное состояніе: то святительски предстоятельствующіе на Руси, имѣя здѣсь не такую паству, какая имъ приличествовала, но сравнительно съ прежними временами весьма недостаточную, такъ что имъ недоставало необходимыхъ средствъ содержанія, переселились отсюда въ подчиненную имъ святѣйшую епископію владимірскую, которая могла доставить имъ постоянные и вѣрные источники доходовъ“. Далѣе говорится еще, что м. Алексій послѣ поставленія своего „возбудилъ предъ нашею мѣрностію соборнѣ вопросъ и о Кіевѣ, именно поставилъ на видъ, что этотъ городъ разоренъ и пришелъ по вышеуказаннымъ причинамъ въ бѣдственное состояніе и уже не можетъ быть мѣстопребываніемъ архіерея [2])“. Чтобы оцѣнить по достоинству значеніе этихъ извѣстій, нужно принять во вниманіе, что постановленіе это сдѣлано было вслѣдствіе ходатайства м. Алексія, вслѣдъ за его постановленіемъ, а св. Алексій, родившійся и воспитавшійся въ Москвѣ, конечно, тяготѣлъ къ сѣверу не зависимо отъ того, въ какомъ положеніи находился Кіевъ. Что разореніе Кіева было въ этомъ случаѣ собственно лишь предлогомъ, это отлично показываетъ заключеніе документа: „если же при Божьей помощи Кіевъ опять придетъ въ прежнее благосостояніе, а низложенный Ѳеодоритъ будетъ изгнанъ оттуда, такъ что возможно будетъ архіерею имѣть тамъ нѣкоторое упокоеніе: то и въ такомъ

---

[1]) „Къ вопросу“ с. 287.

[2]) Актъ этотъ изданъ сначала въ Acta Patriarchatus Constantinopolitani, оттуда перепечатанъ въ Русской истор. библіотекѣ, изд. Археограф. ком. т. VI, прилож. № 12, съ переводомъ проф. Павлова, изъ котораго я и заимствовалъ приведенные отрывки (с. 64, 66, 68); актъ этотъ приведенъ также въ Ист. р. ц. м. Макарія IV с. 41 и 324.

случаѣ Владиміръ не перестанетъ оставаться собственнымъ сѣдалищемъ (οἰκεῖον κάθισμα) русскихъ митрополитовъ“ [1]). Приводимые отрывки ясно показываютъ также, гдѣ лежала главная причина переселенія митрополитовъ изъ Кіева—въ уменьшеніи доходовъ каѳедры; но уменьшеніе доходовъ само по себѣ еще не можетъ свидѣтельствовать о полномъ упадкѣ и бѣдственномъ состояніи земли.

Какъ на доказательство невыносимаго состоянія Кіевщины, которое вызвало яко бы массовыя переселенія на сѣверъ, ссылаются еще на одно позднѣйшее свидѣтельство, по которому въ концѣ XIII или началѣ XIV в. нѣкій кіевскій бояринъ Родіонъ Нестеровичъ прибылъ съ 1700 человѣкъ дружины въ Москву, по призыву московскаго князя, и поступилъ на службу къ нему [2]). Но во-первыхъ, самый источникъ этого извѣстія ни коимъ образомъ не можетъ считаться надежнымъ; во-вторыхъ, такихъ бояръ, которые имѣли до 1700 человѣкъ дѣтей боярскихъ и пр., конечно, ни въ это, ни въ болѣе раннее время въ Кіевщинѣ не было; въ основѣ этого извѣстія лежитъ, вѣроятно, фактъ переѣзда кокого-нибудь знатнаго кіянина; что знатные и богатые люди дѣйствительно могли эмигрировать изъ Кіевщины, объ этомъ я говорилъ уже.

Выше я сказалъ, что судя по извѣстію о кіевскомъ „пополохѣ“ 1299—1300 г., надо думать, что въ это время, на рубежѣ XIII и XIV вв., въ Кіевѣ князя не было; иначе о немъ тоже было бы упомянуто. Но въ XIV в. въ Кіевѣ, несомнѣнно, были какіе-то князья. Такъ въ 1331 г., по новгородскимъ извѣстіямъ, въ Кіевѣ сидѣлъ нѣкій князь Ѳеодоръ; князь кіевскій Ѳеодоръ упоминается затѣмъ въ южнорусскомъ сводѣ (т. н. Густинской лѣтописи) подъ г. 1361 и 1362; естественно думать, что это одно лицо съ Ѳеодоромъ 1331 г., который такимъ образомъ, непрерывно или съ промежутками, сидѣлъ

---

[1]) Рус. ист. библ. VI, прил. с. 70. Насколько при этомъ вообще считали необходимымъ справляться съ фактами, показываетъ заявленіе того же акта, что кромѣ Владиміра нѣтъ больше мѣста, удобнаго для водворенія и постояннаго пребыванія митрополитовъ (ibid. с. 68).

[2]) Соболевскій, Къ вопросу с. 288. Извѣстіе это извлекъ Карамзинъ изъ лѣтописи Ростовской (XVII в.), оно составляетъ здѣсь позднѣйшую вставку родословнаго характера (IV пр. 324, ср. I с. XVI). Объ этомъ см. еще у Максимовича (Собр. соч. I с.136) и Владимірскаго-Буданова (op. c. с. 40).

въ Кіевѣ въ теченіе 30 лѣтъ [1]). Къ первой четверти XIV в., ко времени предшествовавшему правленію этого Θеодора, слѣдуетъ, вѣроятно, отнести помянутыхъ князей Сѣверскаго синодика: Ивана Володиміра Ивановича кіевскаго и князя Андрея овруцкаго[2]). Къ этому же только времени можетъ быть отнесенъ кіевскій князь Станиславъ, упоминаемый во второй литовско-русской лѣтописи (т. н. Быховца) въ описаніи похода Гедимина на Кіевъ [3]), если только этотъ кіевскій князь существовалъ въ дѣйствительности. Въ той же лѣтописи упоминается еще и Святославъ кіевскій: вмѣстѣ съ Львомъ луцкимъ и Дмитріемъ друцкимъ и нѣсколькими тысячами татаръ „сага Zawolskoho" онъ выступилъ противъ Рынгольда (отца Мендовга), „хотячи его согнати с отчинъ своихъ городовъ Рускихъ" (Новгородка и др.), но потерпѣлъ пораженіе „на рѣцѣ Нѣманѣ, на Могильной" [4]); по даннымъ лѣтописи выходитъ, что это происходило приблизительно въ половинѣ XIII в. [5]),

---

[1]) П. с. л. II с. 350; о новгородскихъ извѣстіяхъ подробно будетъ сказано ниже. Густинск. лѣтопись подъ 1361 г. говоритъ о Θеодорѣ такъ: „въ Кіевѣ на княженіи Θеодоръ"; Н. П. Дашкевичъ замѣчаетъ по этому поводу: „по Густинской лѣтописи, Θеодоръ былъ посаженъ въ Кіевѣ какъ бы въ 1361 г." (Замѣтки с. 60). Но запись лѣтописи скорѣе указываетъ на то, что составитель ея встрѣтилъ гдѣ-то случайное упоминаніе о кіевскомъ князѣ Θеодорѣ подъ 1361 г. и занесъ его въ свой сводъ; говоря о возшествіи на столъ, онъ обыкновенно говоритъ: „сяде", „нача княжити" и т. под.

[2]) На это время приходится, быть можетъ, и правленіе нѣкоторыхъ князей Печерскаго помянника, но я не берусь выдѣлять ихъ.

[3]) Pomniki do dziejow litewskich przez Th. Narbutta p. 15—16.

[4]) Pomniki p. 7, Stryjkowski I p. 252; послѣдній прибавляетъ подробность: князья бѣжали съ поля битвы въ Луцкъ, при чемъ оговаривается, что по другимъ лѣтописямъ князья легли въ битвѣ. Кромѣ битвы у Могильной, Святославъ Кіевскій у Стрыйковскаго встрѣчается еще раньше—при описаніи пораженія татаръ на р. Окуневкѣ, у Мозыря, соединенными силами литовскихъ и русскихъ князей (I p. 249).

[5]) Хронологія и генеалогія этой лѣтописи вообще страдаетъ большими натяжками и противорѣчіями (объ этомъ см. у В. Б. Антоновича, Монографіи I с. 14—16), такъ и здѣсь дѣйствующимъ лицамъ являются Рынгольдъ (лицо, существованіе котораго также сомнительно), отецъ Мендовга, правившаго еще въ 30-хъ годахъ XIII в., съ другой стороны—Дмитрій друцкій, который, по той же лѣтописи, былъ раньше княземъ кіевскимъ и во время нашествія Батыя, „боячися великое силы и моцы его, збѣгъ зъ Кіева въ городъ Черниговъ, и потомъ довѣдался, што городъ Кіевскій а зжонъ и вся земля Руская спустошена, и слышалъ, ижъ мужыки мешкаютъ безъ господара, а зовутся Дручане, и онъ собравшися зъ людми и пошолъ ко Друцку, и землю Друцкую посѣлъ и городъ Друческъ зарубилъ и назвался великимъ княземъ Друцкимъ" (Pomniki p. 4). Святославъ кіевскій является какъ бы преемникомъ этого Дмитрія. Само собою разумѣется, историческаго значенія эти хронологическія пріуроченія лѣтописи не имѣютъ никакого.

но тогда никакого Святослава въ Кіевѣ (какъ Льва въ Луцкѣ) не было, да и такая борьба съ литовцами за города Черной Руси не вѣроятна; если въ основѣ этого извѣстіе есть историческое зерно, то оно можетъ относиться лишь ко времени позднѣйшему. Можетъ быть, этотъ Святославъ есть двойникъ вышеупомянутаго Станислава (хотя, какъ упомянуто было, и существованіе послѣдняго стоитъ подъ сомнѣніемъ) [1]).

Кое-какія несомнѣнныя данныя имѣемъ мы лишь относительно упомянутаго Ѳеодора, благодаря совершенно случайному столкновенію его съ новгородскимъ архіепископомъ. При скудости нашихъ свѣденій о Кіевщинѣ, этотъ эпизодъ заслуживаетъ того, чтобы надъ нимъ остановиться нѣсколько подробнѣе. Въ 1331 г. нареченный архіепископъ новгородскій Василій отправился во Владиміръ Волынскій къ м. Ѳеогносту для посвященія. Одновременно туда же прибыли послы отъ псковскаго князя Александра, отъ Гедимина „и отъ всѣхъ князеи Литовъскыхъ“, прося митрополита поставить для Пскова отдѣльнаго епископа — нѣкоего Арсенія; учрежденіе отдѣльной каѳедры имѣло цѣлью совершенно освободить Псковъ изъ-подъ зависимости Новгорода, и Гедиминъ покровительствовалъ этимъ стремленіямъ. Вѣроятно по ходатайству арх. Василія, просьба эта не была уважена; но архіепископъ послѣ этого не рѣшался возвращаться чрезъ владѣнія Гедимина, а направился мимо Кіева на Черниговъ и на пути подвергся нападенію со стороны Ѳеодора кіевскаго. Это обстоятельство передано намъ въ двухъ версіяхъ — въ краткой и въ болѣе подробной, но самостоятельной отъ краткой версіи. Краткая передана въ древнѣйшей Новгородской лѣтописи: „Арсеніи съ Плесковичи посрамленъ бысть, и прочь поиде отъ митрополита изъ Волыньскіа земля на Кіевъ, на память св. отца Симеона столпника (1 сентября), а Василіи владыка Новгородскіи, въ то же время, отъ митрополита поиде, со своими бояры, яко пришедшу ему къ городу Чернѣгову, и ту, наученіемъ діаволимъ, пригнася князь Ѳеодоръ Кыевскы, съ баскакомъ, въ пятидесятъ человѣкъ, разбоемъ; и Новогородци остерегошася и сташа доспѣвъ противу себе, мало ся зло не учини промежу ими, а князь въспріемъ срамъ побѣже прочь, а отъ

---

[1]) Ср. Н. П. Дашкевича Княженіе Даніила Галицк. с. 86.

Бога казни не убѣжа, помроша бо у него кони" [1]). Пространная версія сообщаетъ нѣсколько весьма интересныхъ подробностей: „Владыка Василіи, идя с постовьленіа, меже Литвы и Киева уходомъ бежали. А самъ митрополит грамоту присла ко владыцѣ своимъ человѣкомъ и (къ) бояромъ, а рекь тако: занеже отпусти князь Литовскыи 300 человѣкъ Литвы [2]) поимати васъ. И наши того убѣжали и приехали подъ Черньговь городъ, и ту пригнался Киевскій князь Феодоръ з баскокомъ Татарьскымъ, а с нимъ человѣкь 50 разбоемъ. И паши остерегошась и сташа доспевь противъ себе, мало крови пролития не вчинилось промежи има, понеже наши за себе (окупъ) отдали: а Ратслава, протодьякона митрополича, поимавше, на Кіевь повѣли чресъ целованию. А князь въспріимъ срамь отиде"... и пр. [3]).

Подробности этого эпизода чрезвычайно важны въ томъ отношеніи, что даютъ хотя нѣкоторое понятіе о положеніи кіевскаго „князя". Прежде всего то былъ, очевидно, владѣтель весьма не высокаго полета: вмѣстѣ съ баскакомъ онъ могъ набрать себѣ отрядъ всего изъ пятидесяти человѣкъ; наѣздъ его—чисто разбойничій, цѣль его—окупъ. Далѣе, рядомъ съ княземъ мы видимъ татарскаго баскака: какъ видно, они живутъ дружно и даже экспедицію предприняли сообща. Наконецъ, будучи татарскимъ подручникомъ, кіевскій князь оглядывается какъ будто и на сѣвернаго своего сосѣда: Арсенія, находившагося подъ покровительствомъ Гедимина, онъ, повидимому, не тронулъ, а обратился на Василія, котораго можно было ограбить безнаказанно. Кто былъ этотъ Θеодоръ, неизвѣстно; сопоставляя из-

---

[1]) 1 Новг. с. 76.

[2]) Въ Супрасльской—„въ Литвы".

[3]) Супрасл. с. 55, лѣт. Авраамки с. 68, 4 Новгород. с. 52, 1 Софійская I с. 320, Воскр. I с. 203. Супрасльская, лѣт. Авраамки (которая въ этой части составляетъ лишь одинъ изъ списковъ Супрасльской—см. предисловіе къ XVI т. П. с. л.) и 4 Новгородская передаютъ эпизодъ почти буквально сходно между собою и ближе къ 1 Новгородской; я выписалъ текстъ изъ Супрасльской, исправивъ его по лѣтописи Авраамки. Софійск. и Воскр. представляютъ нѣкоторыя несущественныя отличія: 1 сентября выѣхалъ не Арсеній, а Василій, вмѣсто „меже Литвы и Кіева" стоитъ „поѣха на Кіевъ, бояся Литвы", вмѣсто „съ баскакомъ"—„съ баскаки". Никон. л. (II с. 205) прибавляетъ еще нѣсколько подробностей: „со владыкою бяше и съ посадники 600 человѣкъ. И бѣ имъ вѣсть и окрѣпившеся сташа противу тверди, и ко князю къ Феодору начаша люди прибывати, а Новгородцемъ нача страхъ прибывати, и тако даша окупъ съ себя". Захваченнаго протодьякона Θеодоръ послалъ къ митрополиту, но отъ послѣдняго получилъ укоръ за разбой.

вѣстіе о немъ съ извѣстіемъ о князьяхъ Сѣверскаго синодика, можно предполагать, что онъ происходилъ изъ рода сѣверскихъ князей, но съ такимъ же правомъ его можно выводить и изъ другихъ княжескихъ домовъ и даже предполагать въ немъ лицо не княжескаго происхожденія [1]).

Какимъ образомъ объяснить появленіе князей въ Кіевщинѣ въ это время, если принять гипотезу, что во второй половинѣ XIII в. ихъ здѣсь не было? значитъ ли это, что непосредственное подчиненіе татарамъ, существованіе отдѣльныхъ самоуправляющихся общинъ въ Кіевщинѣ прекратилось, возстановленъ былъ прежній княжеско-дружинный строй въ XIV в.? Конечно, на этотъ вопросъ можно отвѣчать только новыми предположеніями; нѣкоторый матеріалъ для нихъ даетъ опять-таки эпизодъ съ Θеодоромъ кіевскимъ. Я обращалъ вниманіе на то, что это князекъ очень незначительный; въ своемъ управленіи онъ имѣлъ едва ли не городъ Кіевъ только, съ его ближайшими окрестностями,—чтобы онъ правилъ цѣлою Кіевскою землею или большею ея частью, совсѣмъ невѣроятно. Такой мелкій неавторитетный князекъ легко могъ быть посаженъ въ Кіевѣ татарами просто въ качествѣ намѣстника, въ родѣ тѣхъ префектовъ изъ русскихъ, которыхъ Плано Карпини видѣлъ на Поросьи, или подольскихъ атамановъ [2]); быть можетъ, въ дѣйствительности онъ и не былъ вовсе кня-

[1]) Ольговичемъ кн. Θеодора считаютъ г. Квашнинъ-Самаринъ (ор. с. с. 224), Н. П. Дашкевичъ (Болохов. з. пр. 136), также, повидимому, и проф. Соболевскій (Къ вопросу с. 289); первые кромѣ того отождествляютъ его со Станиславомъ литовскаго лѣтописца—первое имя считаютъ церковнымъ, а второе—мірскимъ. Н. П. Дашкевичъ предлагаетъ читать вм. Станислава—Святослава (Замѣтки по исторіи литов.-рус. госуд. с. 59). Г. Иловайскій (Исторія Россіи т. II пр. 16) и Н. П. Дашкевичъ (Замѣтки с. 61) высказали кромѣ того предположеніе, что Θеодоръ кіевскій тождественное лицо съ Θеодоромъ Святославичемъ, который упоминается въ числѣ пословъ Гедимина въ Новгородъ подъ 1326 г. (1 Новг. с. 73—4: „пріѣхаша послы изъ Литвы: братъ Гедиминовъ Воини Полотскыи князь, Василии Мѣньскыи, князь Θедоръ Святъславичъ", то же въ Воскр., Соф., 4 Новг., Супрасл., Лѣт. Авраамки, а въ Никон. II с.190 извѣстіе это спутано:„князь Θедоръ Ростиславичъ Мѣнскій"); въ родители ему г. Иловайскій предлагаетъ Святослава Глѣбовича, бывшаго одно время брянскимъ княземъ. Сближеніе это не имѣетъ за собою основаній, кромѣ тождества имени. Карамзинъ считалъ Θеодора—„княземъ россійскимъ" (IV с. 129), но Соловьевъ справедливо находитъ, что даже для такого предположенія нѣтъ никакихъ основаній (III пр. 426). Любопытно, что Θеодоръ нигдѣ не названъ по отчеству, ни въ новгородскихъ извѣстіяхъ, ни въ Густинскомъ сводѣ; это можетъ служить нѣкоторымъ доводомъ въ пользу предположенія о некняжескомъ происхожденіи его.

[2]) Г. Молчановскій подольскихъ атамановъ считаетъ „чѣмъ-то въ родѣ мелкихъ мѣстныхъ князей", аналогичныхъ до нѣкоторой степени съ болоховскими (ор. с. с. 158, 161).

земъ, не носилъ этого титула, и послѣднiй приданъ ему сторонними лѣтописцами лишь по общепринятой терминологiи [1]. Если Θеодоръ былъ татарскимъ намѣстникомъ, то этимъ объясняется и то, почему онъ фигурируетъ рядомъ съ татарскимъ баскакомъ въ приведенномъ извѣстiи. Такими же татарскими намѣстниками могли быть и упомянутые князья Сѣверскаго синодика. Во всякомъ случаѣ я думаю, что существованiе этихъ князей не можетъ насъ заставить думать, будто общинное движенiе, общинный строй въ это время ослабѣли или прекратились; разъ общины получили первоначальное свое значенiе, для нихъ было не важно, сидѣлъ ли въ городѣ въ качествѣ татарскаго подручника или намѣстника простой смертный или князекъ, лишь бы онъ не вмѣшивался въ ихъ жизнь, а татары, съ своей стороны, не имѣли никакихъ основанiй уничтожать или противодѣйствовать общинному строю, поддерживать противъ него князей и т. п.

И имя Θеодора и вышеприведенный эпизодъ его нападенiя на архiепископа связаны уже съ вопросомъ о времени и послѣдовательности подчиненiя Кiевской земли литовскими князьями. Татарское верховенство смѣнилось литовскою „зверхностью", но эта „зверхность" пришла гораздо болѣе незамѣтно, быть можетъ—постепенно, не производя рѣзкихъ перемѣнъ въ жизни земли; она была поверхностна и не влiяла рѣзко на общественный строй, на народную жизнь. По выраженiю одного современнаго историка, это „покоренiе, не принося съ собою никакой новой стихiи, не производило эпохи въ исторiи этихъ краевъ и скоро затерлось въ народной памяти" [2]. Отчасти благодаря такому характеру своему, отчасти вслѣдствiе опять-таки отсутствiя мѣстныхъ источниковъ, исторiя водворенiя литовской власти въ Кiевщинѣ весьма мало намъ извѣстна: нѣсколько легендарныхъ сказанiй, дошедшихъ въ позднѣйшей литературной переработкѣ, изъ которыхъ почти невозможно вылущить какое-нибудь историческое зерно, нѣсколько достовѣрныхъ, но неопредѣленныхъ упоминанiй, намековъ другихъ источниковъ, лѣтописныхъ и документальныхъ, довольно глу-

[1]) То же самое, пожалуй, можно сказать и объ остальныхъ (болѣе или менѣе гипотетичныхъ) князьяхъ, отнесенныхъ нами къ этому времени.

[2]) Stadnicki Synowie Gedymina t. II p. 17.

хое, въ двѣ строчки, извѣстіе Густинскаго свода—вотъ что имѣемъ мы въ данномъ случаѣ.

Отдѣленная отъ литовскихъ племенъ широкою полосою волостей полоцкихъ и турово-пинскихъ, Кіевская земля сравнительно позже пришла въ непосредственное соприкосновеніе въ Литвою. Походы кіевскихъ князей на литовскія племена упоминаются до-монгольскій періодъ неособенно рѣдко, но они предпринимались въ интересахъ не Кіевской собственно, а другихъ волостей, особенно Турово-Пинской; таковы походы на Литву, Голядь и ятвяговъ Владиміра Св., Ярослава, Изяслава, Ярослава Святополковича, Мстислава В.[1]); такой же характеръ имѣли, вѣроятно, походы на Литву Рюрика Ростиславича, въ бытность его княземъ овручскимъ: съ турово-пинскими князьями онъ былъ въ тѣсныхъ родственныхъ отношеніяхъ [2]). Для слѣдующаго времени указываютъ на извѣстіе Плано Карпини о частыхъ набѣгахъ литовцевъ, но это извѣстіе, какъ я говорилъ выше, не относится собственно къ Кіевской землѣ и ближайшимъ образомъ имѣетъ въ виду Волынь [3]). Затѣмъ историческія извѣстія обрываются и мы должны обратиться къ легендамъ.

Легенды о завоеваніи Кіевщины литовскими князьями имѣютъ генеалогическій характеръ и дошли до насъ, въ разныхъ источникахъ, въ обработкѣ позднѣйшей—XVI в. Генеалогіи вообще источникъ очень мутный; догадка и выдумка обыкновенно принимаютъ широкое участье въ ихъ составленіи. Если предположить въ извѣстіяхъ нашихъ легендъ историческую подкладку, то онѣ будутъ изображать собою постепенное поступаніе Литвы и борьбу съ нею кіевскихъ князей, хотя, повторяю, мы далеко не всегда можемъ опредѣлить, имѣемъ ли мы дѣло въ томъ или другомъ случаѣ съ темными отголосками дѣйствительныхъ событій или только съ позднѣйшими выдумками, домыслами и недоразумѣніями.

Слѣдуя генеалогическому порядку, намъ нужно начать съ извѣстія второй литовско-русской лѣтописи (иначе—лѣтопись Быховца,

---

[1]) Относящіяся сюда мѣста лѣтописи приведены у В. Б. Антоновича Монографіи I с. 9—10.

[2]) Ипат. с. 452, 455, 456 (1190—1193 г.), ср. Татищева III с. 302: Рюрикъ собирается на Литву по просьбѣ шурьевъ своихъ (кн. пинскихъ) и кн. полоцкихъ.

[3]) Собраніе путешествій къ татарамъ с. 8; Н. П. Дашкевичъ Замѣтки с. 53, М. Ф. Владимірскій-Будановъ ор. с. с. 37. См. выше с. 436.

литовская хроника), что князь Скирмунтъ, сынъ Мингайла, завладѣлъ сначала Туровомъ и Пинскомъ, а потомъ Мозыремъ и Сѣверскою землею; въ версіи Стрыйковскаго въ борьбѣ со Скирмунтомъ участвуетъ и кіевскій князь, но весьма вѣроятно, что подробность эта, не находящаяся въ лѣтописи, измышлена самымъ Стрыйковскимъ [1]). Ко времени близко слѣдующему, по хронологіи той же лѣтописи, относится столкновеніе Святослава кн. Кіевскаго съ Рингольдомъ, о которомъ я упоминалъ выше [2]). Потомъ, если опять таки держаться генеалогій, слѣдуетъ извѣстіе статьи „Начало государей литовскихъ", помѣщенной при Воскресенской лѣтописи и составленной также въ XVI в., какъ и 2 л.-русская лѣтопись [3]): „а по великомъ князѣ Миндовгѣ сѣде на княженіи Литовскомъ Давиловъ сынъ Видъ, его же люди волкомъ звали, и тотъ прибавилъ Деревьскіе земли много" [4]).

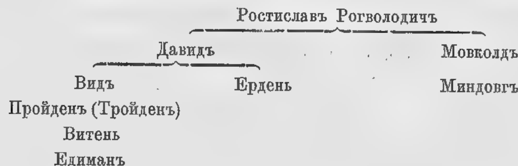
---

[1]) Pomniki p. 5—6, Stryjkowski I p. 243—244, 247—248. Въ лѣтописи со Скирмунтомъ ведетъ борьбу Мстиславъ кн. луцкій и пинскій; Стрыйковскій сдѣлалъ изъ него Мстислава Романовича monarchę Kijowskiego (погибшаго въ Калкской битвѣ), который послѣ Калкскаго побоища получилъ отъ Владиміра Рюриковича Волынь и по его совѣту и съ его помощью (Kijowska pomoc) началъ борьбу со Скирмунтомъ—въ 1220 г. Проф. Шараневичъ въ разсказѣ 2 л.—русск. лѣтописи видитъ искаженное и тенденціозно отодвинутое на столѣтіе извѣстіе Ипат. л. (подъ 1277 г.—с. 578—579) о неудачномъ походѣ на Литву волынскихъ князей (O latopisach i kronikach ruskich p. 7). Повторяю, для насъ интересны не лѣтописныя пріуроченья, а постепенное завоеваніе Кіевщины, какъ оно излагается въ легендахъ, независимо отъ ихъ датировки.

[2]) Pomniki p. 7, Stryjkowki I p. 251—252.

[3]) Время составленія этой статьи видно изъ того, что Сигизмундъ Старый названъ „теперешнимъ королемъ" (Воскр. I с. 256); начало ея, въ буквально сходныхъ выраженіяхъ, читается также въ Воскресенской л. подъ 1264 г., а слѣдующій затѣмъ отрывокъ, въ которомъ находится и приведенное извѣстіе о Видѣ—подъ 1265 (I с. 164—165), но здѣсь эти отрывки размѣщены довольно неудачно, такъ что смерть Миндовга повторяется дважды: очевидно, не эти отрывки лѣтописи были источниками „Начала", а послѣднее было разбито на части и размѣщено подъ годами; въ дальнѣйшемъ встрѣчаются и противорѣчія между Воскр. л. и „Началомъ"—см. напр. I с. 255 и II с. 25. О „началѣ" см. еще у Стадницкаго—Synowie Gedymina I p. 72, Bracia Władysława jagiełły p. 386, 388.

[4]) Воскр. 1 с. 254. Статья эта грѣшитъ несообразностями не меньше чѣмъ 2-ая л.-русская лѣтопись; генеалогія ея такова:



Видъ является преемникомъ Миндовга († 1263) и предшественникомъ Тройдена (съ

Наконецъ мы имѣемъ извѣстіе о завоеваніи Гедиминомъ Кіева; извѣстіе это задало не малую работу ученымъ и имѣетъ уже свою литературу [1]). Во второй литовско-русской лѣтописи оно передано такъ:

„И впокоивши землю Жомоицкую отъ Нѣмцовъ, и пошолъ (Гедиминъ) на князи Рускія, и приде напередъ къ городу Володымиру, и князь Володымиръ Володымерскій, собравшися зъ людьми своими, и вчини бой лютъ зъ княземъ великимъ Гидыминомъ. И поможе Богъ великому князю Гидымину, ижъ князя Володымера Володымерского самого вбилъ, и рать его всю побилъ, и городъ Володымиръ возметъ.

И потомъ поиде на князя Льва́ Луцкого, и князь Левъ услышалъ, што князя Володымира Литва вбила, и городъ Володымиръ взяли, и онъ не смѣлъ противу стати ему и побѣжитъ до князя Романа до зятя своего ку Браньску; а князи бояре Волынскіе били чоломъ великому князю Гидымину, абы въ нихъ пановалъ и господаремъ былъ, а земли ихъ не казилъ. И князь великій Гидыминъ, укрѣпивши ихъ присягою, и оставивши намѣстниковъ своихъ въ нихъ, и тамъ начнетъ княжити, а потомъ на зиму шолъ до Берестя, вси войска свои розпустилъ, а самъ въ Берестьи зимовалъ. И скоро великдень минулъ, и онъ собравши вси свои силы, Литовскіи, Жомоитскіи и Рускіи, и на другой недѣли по велицѣ дни поиде на князя Станиславля Кіевского и пришолъ возметъ городъ Вручей и городъ Житомиръ. И князь Станиславль Кіевскій, обославшися зъ княземъ Ольгомъ Переславльскимъ изъ княземъ Романомъ Браньскимъ, и зъ княземъ Львомъ Волыньскимъ, которого князь великій Гидыминъ вы-

---

1270 г.). Такимъ образомъ его правленіе падаетъ на то время, когда въ Литвѣ происходили усобицы (убійство Мендовга, правленіе Треняты, Войшелка и проч., см. Ипат. с. 568 сл.); конечно, въ это время было не до завоеваній. Далѣе, завоеваніе древлянскихъ волостей въ этомъ извѣстіи предшествуетъ завоеванію земли Ятвяжской и Подляшья, что также не вѣроятно.

[1]) Самыя важныя сочиненія по этому вопросу—В. Б. Антоновича Монографіи т. I с. 47—58 и Н. П. Дашкевича Замѣтки с. 40—64; затѣмъ къ литературѣ вопроса относятся: Карамзина Ист. Гос. Росс. IV с. 128—130, Зубрицкій Ист. Галич.-Русск. княж. III с. 262—268, Stadnicki Synowie Gedymina t. II p. 17—26, Шараневичъ Ист. Галицко-Волод. Руси с. 130—135, Иловайскій Ист. Россіи т. II с. 58, 539—540, Владимірскій-Будановъ Населеніе Юго-Западной Россіи до полов. XV в. с. 38—39, Андріяшевъ Ист. Волынск. зем. с. 200—201, Ясинскій Уставныя грамоты л.-русск. госуд. с. 63—64.

ґналъ зъ Луцка, и собралися вси у великомъ множестви людей своихъ Рускихъ, и сподкалися зъ княземъ великимъ Гидыминомъ на рѣцѣ на Рпени[1]) подъ Бѣлымгородомъ въ шести миляхъ отъ Кіева, и вчинили бой и сѣчу великую. И поможе Богъ великому князю Гидымину, побіетъ всихъ князей Рускихъ наголову и войска ихъ все побитое на мейсцу зостало, и князя Льва Луцкого и князя Ольга Переяславльского вбилъ, и въ малѣ дружинѣ Станиславль Кіевскій и зъ Романомъ Браньскимъ втекутъ до Браньска. А князь великій Гидыминъ оступилъ городъ Бѣлгородъ, и горожане, видячи, ижъ господръ ихъ з войска побѣгъ, а войско все наголову поражено, и оныи, нехотячи противитися войску такъ великому Литовскому, и передалися зъ городомъ князю Гидымину и присягу учинили служити къ великому князству Литовскому. И затымъ князь Гидыминъ пошолъ со всими силами своими до Кіева, обляже городъ Кіевъ, и Кіяне почалися ему боронити, и лежалъ князь великій Гидыминъ подъ Кіевомъ мѣсяцъ. А затымъ здумали зъ собою горожане Кіевскіе, ижъ моцы великого князя больш терпиты не могли, безъ господара своего, великого князя Станиславля Кіевского, и услышали то, ижъ господаръ ихъ князь Станиславль утекъ одъ Гидымина, и войско ихъ все господара побито, и въ нихъ зоставы никоторое князь ихъ не зоставилъ, и они, змовившися одномысльне, подалися великому князю Гидымину, и шедши зъ города со кресты Игумены, Попы и Діаконы, и ворота городовыя отворили, и стрѣтили великого князя Гидымина честно, и вдарили ему чоломъ, и поддалися служити ему, и присягу свою великому князю на томъ дали, и били чоломъ, штобы отъ нихъ отчинъ ихъ не отнималъ; и князь Гидыминъ при томъ ихъ зоставилъ и самъ честно въ городъ Кіевъ въѣхалъ.

И услышали то пригородки Кіевскіе, Вышегородъ, Черкасы, Каневъ, Путывлъ и Слѣповродъ, что Кіяне передалися зъ городомъ, а господара своего слышали, ижъ утекъ до Браньска, а силу его всю побито, и вси пришли до великого князя Гидымина изъ тыми вышереченными пригородки Кіевскими, и подалися служити, и присягу на томъ дали великому князю Гидымину. И Переславляне слышали, ижъ Кіевъ и пригородки Кіевскіе подалися великому князю

[1]) Narpeni.

Гидымину, а господаръ ихъ князь Ольгъ отъ великого князя Гидымина вбигъ, а они пріѣхавши, и подалися зъ городомъ служити великому князю Гидымину, и присягу свою на томъ дали.

И князь великій Гидыминъ, взявши Кіевъ и Переславль и вси тые вышереченные пригородки, и посадилъ на нихъ князя Миндогова сына Ольгимонта [1]), великого князя Гольшанского, а самъ зъ великимъ веселіемъ въ Литву возвратися.

И въ тотъ часъ будучи князю Станиславлю Кіевскому у Браньску, выгнаному одъ великого князя Гидымина, и присла къ нему князь Иванъ Резанскій, будучи у старости своей, просячи его, абы до него пріѣхалъ и дочку у него понялъ, именемъ Ольгу, бо сына не мѣлъ, только одну тую дочку, и по смерти его абы былъ великимъ княземъ Резанскимъ. И князь Станиславль до него ѣхалъ, и дочку въ него понялъ, по смерти его былъ великимъ княземъ Резанскимъ.

А князь великій Гидыминъ, прогнавши князей Рускихъ и отъ Нѣмецъ землю впокоивши, и пановалъ много лѣтъ въ покою [2])“.

Кромѣ второй литовско-русской лѣтописи извѣстіе о завоеваніи Кіева Гедиминомъ содержится въ разныхъ компиляціяхъ и сводахъ: въ Хроникѣ Стрыйковскаго и въ его же „Описаніи Сарматіи“, въ южнорусскомъ (Густинскомъ) сводѣ [3]), въ т. н. Межигорской рукописи [4]). Стрыйковскій собственно и популяризовалъ это извѣстіе: благодаря ему именно оно проникло въ послѣдующія сочиненія, до учебниковъ включительно [5]). Въ настоящее время ученые согласны въ томъ, что

---

[1]) Такъ въ изд. Нарбута: Mindogowa syna Olgimonta, welikoho kniazia Holszanskoho. У Стрыйковскаго (I p. 366—7) Mindowa xiążę Holszańskie, syna Holszowego.

[2]) Pomniki p. 15—16; я переписалъ текстъ кириллицею, исправивъ нѣсколько пунктуацію. Это мѣсто приведено также у В. Б. Антоновича (Моногр. I с. 47—49) и отчасти, что относится до Кіева,—въ Сборникѣ матер. для ист. топогр. Кіева отд. I с. 32—33.

[3]) Stryjkowski Kronika I p. 362—366, Sarmatiae Europeae descriptio, ed. 1581, f. 50 (въ изд. 1584 г. p. 314), Полн. собр. лѣтоп. II с. 348.

[4]) Это сборникъ, составленный въ XVII в. изъ разнообразныхъ статей историческаго содержанія, хранящійся во Львовѣ, въ библіотекѣ Оссолинскихъ. Впервые, кажется, обратилъ на него вниманіе К. Стадницкій, назвавшій его Кіево-печерской рукописью (Synowie Gedymina II p. 26). Описаніе его дано В. Б. Антоновичемъ въ Кіевской Стар. 1882 г. кн. VII с. 97—99 и въ предисловіи къ Сборнику лѣтописей, относ. къ ист. Южн. и Зап. Руси (с. 13—21); о немъ см. также у Шараневича O latopisach i kronikach ruskich, passim.

[5]) Объ этомъ см. у В. Б. Антоновича Моногр. I с. 47.

первоисточникомъ Стрыйковскаго и Густинскаго свода служила 2 литовско-русская лѣтопись [1]). При этомъ извѣстіе послѣдней подверглось нѣкоторымъ измѣненіямъ. Въ первоисточникѣ, подобно другимъ старѣйшимъ извѣстіямъ литовско-русскихъ лѣтописей, извѣстіе это лишено даты, Стрыйковскій датировалъ его на основаніи собственныхъ соображеній: въ Хроникѣ онъ пріурочиваетъ успокоеніе Жемоитской земли, о которомъ говоритъ лѣтописецъ, къ побѣдѣ надъ крестоносцами у Мѣдникъ 1320 г. и непосредственно затѣмъ помѣщаетъ походъ на южныхъ князей [2]). Въ „Описаніи Сарматіи" походъ на русскихъ князей отнесенъ къ 1304 г. [3]); отсюда, надо думать, заимствовалъ дату и составитель Густинскаго свода: разсказъ о походѣ Гедимина въ этомъ сводѣ сокращенъ и размѣщенъ подъ годами 1304—1305; при этомъ составитель внесъ и свой домыслъ: онъ называетъ кн. Владиміра Васильковичемъ, а Льва Даниловичемъ [4]). Затѣмъ Стрыйковскій, помимо обычныхъ описаній битвъ и другихъ украшеній, даетъ нѣсколько болѣе существенныхъ прибавленій; по его словамъ, Гедиминъ напалъ на волынскихъ князей за то, что они дѣлали нападенія на „земли Повилійскія и Новогородскія", отняли Брестъ и Дрогичинъ; союзниками русскихъ князей—Владиміра и Станислава—являются татары; въ число завоеванныхъ Гедиминомъ городовъ включенъ и Брянскъ [5]); говоря о назначеніи намѣстникомъ Миндовга, Стрыйковскій прибавляетъ, что онъ „пановалъ" въ Кіевѣ до назначенія сюда Владиміра Ольгердовича [6]). Замѣчу, что извѣстіе объ

---

[1]) Антоновичъ Монографіи I с. 47, Дашкевичъ Замѣтки с. 43, Иловайскій Истор. Рос. II с. 540.

[2]) Stryjkowski I p. 362—363, cf. p. 278; см. Монографіи В. Б. Антоновича I с. 49.

[3]) Такую рѣзкую разницу въ датировкѣ, быть можетъ, слѣдуетъ объяснить тѣмъ, что въ Хроникѣ Гедиминъ княжитъ съ 1315, а въ „Описаніи Сарматіи"—съ 1300 г.: въ обоихъ случаяхъ походъ происходитъ чрезъ 4—5 лѣтъ по вокняженіи.

[4]) Содержаніе извѣстія Густинск. свода тоже сходно съ извѣстіемъ „Описанія Сарматіи", только короче, и могло быть отсюда заимствовано, но утверждать этого я не буду: составитель Густинскаго свода пользовался и Хроникою Стрыйковскаго—см. ссылки на поляхъ свода подъ г. 1349 и 1387, имѣлъ подъ рукою и западно-русскія лѣтописи, можетъ быть и 2 л.—рус. лѣтоп. Отождествивъ волынскихъ князей съ Львомъ Даниловичемъ и Владиміромъ Васильковичемъ, онъ потому самому долженъ былъ предпочесть дату Описанія датѣ Хроники (ср. В. Б. Антоновичъ Моногр. I с. 50).

[5]) Брянскъ внесенъ въ число завоеванныхъ Гедиминомъ городовъ и въ Описаніи Сарматіи и въ Густинскомъ сводѣ: „Каневъ, Черкасы, Путывль, Брянско и Волынь".

[6]) О прибавленіяхъ Стрыйковскаго см. у В. Б. Антоновича Моногр. I с. 49.

участіи татаръ въ битвѣ на Ирпени (который у Стрыйковскаго названъ Pierna) противорѣчитъ категорическому заявленію литовско-русской лѣтописи, что князья собрались только „у великомъ множестви людей своихъ Рускихъ“.

Что касается до т. н. Межигорской рукописи, то К. Стадницкій и Н. П. Дашкевичъ придаютъ весьма важное значеніе ея извѣстію о завоеваніи Кіева Гедиминомъ; извѣстіе это, одно изъ нѣсколькихъ, излагающихъ на разные лады этотъ фактъ въ разныхъ статьяхъ сборника, заключается въ слѣдующемъ:

В лѣто ҂ѕѡлг҃ (1333). Гедиминъ кніазь литовский, повсталъ на князя кіевского Станислава и побѣдилъ его з рускимъ и татарскимъ войскомъ надъ рѣкою Ирпѣнею и прогнавши татаръ Кіевъ в свою власть взялъ [1]).

Упомянутые ученые противопоставляютъ это извѣстіе разсказу 2-й л.-русской лѣтописи, какъ независимое отъ него, а Н. П. Дашкевичъ высказалъ мнѣніе, что „подобное же, если не то же самое извѣстіе положено въ основу сказанія 2-й литовской лѣтописи о завоеваніи Кіева Гедиминомъ“ [2]). Однако доводы, приведенные почтеннымъ ученымъ въ защиту этого положенія, кажутся мнѣ недостаточно вѣскими [3]); необходимо еще произвести тщательное изслѣдованіе той

---

[1]) Дашкевичъ Замѣтки с. 56, K. Stadnicki Syn. Gedym. II p. 26.

[2]) Замѣтки с. 57.

[3]) Доводы Н. П. Дашкевича относительно самостоятельности извѣстія Межигорской рукописи таковы: извѣстіе это имѣетъ дату, чего нѣтъ въ лѣтописи; извѣстіе послѣдней исполнено амплификацій, не встрѣчающихся въ Межигорскомъ манускриптѣ; повѣствованіе Межигорской рукописи не заключаетъ въ себѣ никакой несообразности, между тѣмъ въ разсказѣ лѣтописи несообразностей есть нѣсколько (Замѣтки с. 58). Два послѣднія обстоятельства отлично мирятся съ предположеніемъ, что извѣстіе Межигорской рукописи есть извлеченіе изъ разсказа второй литовско-русской лѣтописи или, что вѣроятнѣе,—Стрыйковскаго. Источникомъ разсказа 2 л.—русской лѣтописи приведенное извѣстіе Межигорской рукописи не можетъ быть признано уже потому, что распространявшій его компиляторъ едва ли могъ упустить подробность объ участіи татаръ (ненаходящуюся въ 2 л.-русской лѣт.). Стадницкій (Syn. Ged. II p. 27) объ извѣстіи Межигор. рук. отзывается такъ: data o pierwszem zajęciu Kiowa jest nieskonczonej wagi, najsamprzód bo miejscowa, potem że nie znajduje sie w żadnej znanej dotąd kronice ruskiej; почтенный ученый, очевидно, также не допускалъ мысли о заимствованіи этого извѣстія изъ иного источника. Единственно, что есть самостоятельнаго въ извѣстіи Межигорскаго сборника противъ Стрыйковскаго и списка Быховца, это „Ирпѣнь“ вм. „Рпени“ и „Пёрны“, но то, можетъ быть, чтеніе другого, болѣе исправнаго списка, или поправка компилятора—кіевлянина; такую поправку находимъ и въ Синопсисѣ (с. 135): „надъ рѣкою Пирною или Ирпѣнью“.

статьи сборника, въ которой содержится вышеприведенное извѣстіе [1]), а пока мы должны имѣть въ виду, что это извѣстіе могло произойти и изъ сокращенія извѣстія Стрыйковскаго или 2-й л.-русской лѣтописи, знакомство съ которыми ясно обнаруживается въ другихъ статьяхъ сборника [2]); такъ какъ извѣстіе объ участіи татаръ находится и у Стрыйковскаго и въ Межигорской рукописи, то я склоненъ думать, что составитель извѣстія послѣдней имѣлъ въ виду и версію Стрыйковскаго. Что касается даты, сопровождающей извѣстіе Межигорской рукописи,—мы не можемъ придавать ей большаго значенія. Мы знаемъ, что Стрыйковскій датировалъ взятіе Кіева по своимъ соображеніямъ двумя различными датами; въ той же Межигорской рукописи, кромѣ 1333 г., взятіе Кіева въ другихъ мѣстахъ датировано еще 1340 и 1341 г. [3]); пока дата 1333 г. не будетъ подтверждена другими историческими свидѣтельствами, мы, думаю, не въ правѣ эту дату считать за что-либо большее, чѣмъ домыслъ компилятора и давать ей больше цѣны, чѣмъ прочимъ датамъ этого событія [4]). Можетъ

---

[1]) Судя по замѣткѣ Бѣлевскаго (въ „Замѣткахъ" Н. П. Дашкевича с. 57), это извѣстіе находится на стр. 104 рукописи, слѣдовательно въ той части ея, которая озаглавлена „Лѣтописецъ вторый" и составлена, въ свою очередь, изъ шести лѣтописныхъ статей, именно во второй статьѣ ея: здѣсь, по описанію проф. Антоновича, подробнѣе передаются мѣстныя смоленскія извѣстія и прибавлены краткія замѣтки о событіяхъ литовскихъ, московскихъ и кіевскихъ (предисл. къ Сборнику лѣт. Ю. и З. Руси с. 18).

[2]) Предисл. къ Сборн. лѣтоп. Ю. и З. Руси с. 17, также O latopisach i kronikach p. 6.

[3]) Замѣтки с. 56—7.

[4]) Авг. Бѣлевскій и Н. П. Дашкевичъ въ подтвержденіе этой даты привели еще два извѣстія. Одно—запись, „находящаяся въ лѣтописи при польскомъ переводѣ Нестора": подъ 1333 г. записано, что Альбрехтъ Гаштольдъ, воевода виленскій, основалъ замокъ и монастырь на р. Острѣ и надалъ имѣнія и рыбныя ловли. Другое—отрывокъ изъ инвентаря польскаго королевскаго архива, составленнаго въ 1730 г. и хранящагося въ копіи въ Дрезденской королевской библіотекѣ; я позволю себѣ привести его цѣликомъ, какъ онъ приведенъ у Н. П. Дашкевича:

„Palatinatus Cijoviae": „Cujus nulla in Archivo reperiuntur Documenta tantum modo ex antiquis Connotationibus patet Descriptio quinque Instrumentorum, quae hic in Thesauro reperiebant....

1333. 2. Kłodimirus Vladislao Homagium praestat и т. д. (pag. 377).

Palatinatus Volhiniae

1333 Theodori Romani et Alexandri Ducum et Aliorum Homagium et Fidelitas Vladislao Regi promissa (pag. 400).—Замѣтки с. 57 и 62.

По странному совпаденію, обѣ даты оказываются просто описками. Что касается перваго извѣстія, то по сравненіи съ люстраціями Остерскаго замка оказывается, что

быть и то, что она основывается на какомъ-нибудь авторитетномъ источникѣ, намъ неизвѣстномъ, но можетъ быть—она изобрѣтена и самимъ составителемъ статьи, который оказался лишь болѣе счастливымъ, чѣмъ другіе компиляторы, отодвинувъ дату впередъ и избѣгнувъ такимъ образомъ несообразностей датъ 1320 и 1305 г.; мы этого пока не знаемъ [1]).

Итакъ, въ концѣ концовъ относительно завоеванія Кіева Гедиминомъ мы не имѣемъ другаго извѣстія, въ самостоятельности котораго отъ другихъ, извѣстныхъ намъ, свидѣтельствъ мы могли быть вполнѣ увѣрены, кромѣ разсказа 2-ой литовско-русской лѣтописи; источника его мы не имѣемъ и при современныхъ данныхъ онъ является единственнымъ первоисточникомъ по этому вопросу. Такимъ образомъ критеріями истинности въ данномъ случаѣ являются—качество самого источника и соотвѣтствіе передаваемаго имъ событія съ другими историческими данными.

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію его съ этой точки зрѣнія, упомяну вкратцѣ о взглядахъ, существующихъ въ наукѣ относительно разсказа о завоеваніи Гедиминомъ Кіева. Нѣкоторыя подозри-

---

передаваемый въ немъ фактъ въ дѣйствительности имѣлъ мѣсто въ XVI в., около 1538 г., и упоминаемый въ немъ Альбрехтъ Гаштольдъ есть извѣстный сподвижникъ Сигизмунда Стараго—ср. Архивъ Ю.-Зап. Рос. VII, I с. 592—8, также 341—2; сравненіе текстовъ см. также въ брошюрѣ „Южнорусскіе господарскіе замки въ полов. XVI в.“ (въ Унив. Изв. 1890 г. кн. II и отдѣльно, с. 10—11). Второе извѣстіе—о присягѣ кіевскаго князя королю Владиславу—Владиславу Локетку (который, замѣчу, скончался именно въ 1333 г. 2 марта—см. напр. Rocznik Małopolski, въ Mon. Pol. h. II p. 858), въ 1333 г., слѣдовательно до начала движенія Польши на Русь, само по себѣ вовсе невѣроятно и нисколько не согласуется съ историческими условіями. Но мы имѣемъ присяжную грамоту кіевского кн. Владиміра (Kłodimirus) Ольгердовича Владиславу Ягайлу отъ 1388 г. (Homagium Ducis Kijoviensis Vladimiri fratri suo Vladislao, какъ озаглавлена она въ регистрѣ), см. Supplementum ad Hist. Russ. Mon. № 211 (тамъ же № 210 и присяжная грамота Θеодора-Любарта 1386 г.). Очевидно, что этотъ именно документъ имѣется въ виду въ приведенномъ отрывкѣ инвентаря. Если обратить вниманіе на начертаніе датъ (1333, 1388, 1538), то эти недоразумѣнія или описки будутъ вполнѣ понятны.

[1]) Что бы заставило его подвинуть дату впередъ, не знаю; развѣ, можетъ быть, онъ обратилъ вниманіе на то, что смутило и новѣйшихъ историковъ относительно даты Стрыйковскаго,—на присутствіе баскака въ Кіевѣ въ 1331 г.: въ этой части сборника замѣчается пользованіе сѣверными источниками (см. предисл. къ Сборн. лѣт. Ю. и З. Руси с. 18), въ нихъ компиляторъ могъ наткнуться на указанное извѣстіе (замѣчу, что въ Никоновскомъ сводѣ, сообразно сентябрьскому счисленію нападеніе, Θеодора отнесено именно къ 1332 г.).

тельныя свойства его довольно давно обратили на себя вниманіе ученыхъ: уже Карамзинъ отнесся къ извѣстію о завоеваніяхъ Гедимина съ большимъ скептицизмомъ и находилъ его очень сомнительнымъ; его мысль развилъ полнѣе Зубрицкій, который отрицалъ всякую достовѣрность за извѣстіемъ Стрыйковскаго [1]). Напротивъ, другіе ученые, признавая различныя несообразности въ извѣстіи литовско-русской лѣтописи, тѣмъ не менѣе считали достовѣрною его основу и пытались согласить его съ показаніями другихъ источниковъ; такъ поступаютъ, напримѣръ, Стадницкій, Шараневичъ, Владимірскій-Будановъ; они принимаютъ, что Гедиминъ дѣйствительно столкнулся съ волынскими князьями, дѣйствительно завоевалъ Кіевъ. В. Б. Антоновичъ установилъ иной взглядъ на наше извѣстіе; по его мнѣнію въ разсказѣ лѣтописца соединены преданія о двухъ совершенно разновременныхъ событіяхъ, подробности же его частью вымышлены, частью состоятъ изъ набора лицъ и событій, заимствованныхъ на протяженіи почти двухъ столѣтій [2]). Въ разсказѣ о завоеваніи Волыни В. Б. Антоновичъ признаетъ воспоминаніе о борьбѣ Гедимина съ волынскими князьями изъ-за Подляхіи; походъ же на Кіевъ происходилъ въ дѣйствительности при Витовтѣ и неправильно перенесенъ въ эпоху Гедимина. Этотъ методъ провелъ дальше Н. П. Дашкевичъ; онъ разчленяетъ разсказъ лѣтописца не на два, а на четыре отдѣльныхъ похода—столкновеніе Гедимина со Львомъ Луцкимъ, война его съ княземъ владимірскимъ, захватъ Овруча и Житомира, покореніе Кіева и остальной Кіевской земли, оговариваясь впрочемъ, что два послѣднія пріобрѣтенія могли быть сдѣланы и въ одинъ походъ. Всѣ

---

[1]) „Сіе повѣствованіе историка не весьма основательнаго едва ли утверждено на какихъ нибудь современныхъ или достовѣрныхъ свидѣтельствахъ"—Карамзинъ IV с. 129. Зубрицкій (Исторія Галич.-Русск. княж. т. III с. 265) выражается рѣшительнѣе: „баснословъ Стрыйковскій схвативъ тѣ историческія имена (Владиміра, Льва и Романа) и прибавивъ къ нимъ небывалаго Станислава, сплелъ свою небылицу". Оба историка полемизировали со Стрыйковскимъ, не зная его источника. Приведу доводы Зубрицкаго: невозможно, чтобы всѣ эти завоеванія совершились въ одну осень и весну; упоминаемые въ разсказѣ князья—Владиміръ, Левъ и Романъ—принадлежатъ къ XIII в.; въ 1320 г. на Волыни правили Левъ и Андрей, которые служили, по выраженію Владислава Локетка, щитомъ противъ татаръ и потому не могли пользоваться помощью послѣднихъ; могущественный современникъ Гедимина Узбекъ († 1340) не допустилъ бы никогда завоеванія Кіева (ор. с. с. 262—268).

[2]) Монографіи т. I с. 53—56.

эти завоеванія вышеупомянутый ученый находитъ возможнымъ отнести къ Гедимину [1]).

Такова постановка вопроса въ современной наукѣ; перейдемъ теперь къ изслѣдованію лѣтописнаго извѣстія. И шаблонно-изукрашенная форма, и анахронизмы и несообразности ясно обличаютъ его позднюю редакцію. Эти промахи весьма обстоятельно раскрыты были В. Б. Антоновичемъ, и не смотря на ученую защиту лѣтописнаго разсказа Н. П. Дашкевичемъ, многія изъ его положеній сохранили всю свою силу. Существованіе въ то время кн. Владиміра на Волыни доселѣ остается лишь гипотезою [2]); княженіе Станислава въ Рязани и Романа въ Брянскѣ невѣроятно; въ перечнѣ кіевскихъ пригородовъ Путивль и Снепородъ вовсе неумѣстны: послѣдній, съ точки зрѣнія составителя этого извѣстія, долженъ былъ явиться пригородомъ Переяславля [3]). Любопытна еще подробность, указывающая на позднѣйшее происхожденіе легенды: кіевляне просятъ у Гедимина: „штобы

---

[1]) Замѣтки с. 63. Изъ другихъ ученыхъ проф. Замысловскій слѣдуетъ мнѣнію В. Б. Антоновича (Объясненія къ атласу с. 55). Проф. Иловайскій признаетъ разсказъ лѣтописи позднимъ и недостовѣрнымъ вымысломъ (Ист. Россіи II с. 540). Соловьевъ (III. с. 289—290), Бестужевъ-Рюминъ (II с. 2), хотя съ извѣстнымъ скептицизмомъ, принимаютъ извѣстіе лѣтописца.

[2]) Н. П. Дашкевичъ (Замѣтки с. 44) къ числу доказательствъ его существованія прибавляетъ еще упоминанія его у Стрыйковскаго, но весьма возможно, что имя это Стрыйковскій почерпнулъ изъ разсказа лѣтописца и потомъ отъ себя вставилъ его при случаѣ. Шараневичъ (ор. с. с. 128) ссылается на Описаніе Кіево-Соф. собора Евгенія, но послѣдній не почерпнулъ ли свое извѣстіе изъ Стрыйковскаго же? въ Степ. кн. (I с. 414), на которую при этомъ ссылается м. Евгеній (с. 88), „князь Волынскія земли“ по имени не названъ. Вообще методъ соглашенія извѣстій при помощи двойныхъ княжескихъ именъ, примѣняемый въ данномъ случаѣ, слѣдовало бы прилагать съ большею осторожностью. Какъ видно, одно изъ двухъ именъ князя употреблялось обыкновенно, и въ древнихъ лѣтописяхъ южнорусскихъ всего ва-три раза одинъ и тотъ же князь называется то церковнымъ, то мірскимъ именемъ.

[3]) Существованіе поселенія Снепорода Н. П. Дашкевичъ, мнѣ кажется, доказалъ вполнѣ убѣдительно (с. 52)—см. въ спискѣ городовъ по тексту изд. Срезневскимъ (Свѣдѣн. и зам. XL): „а на Сулѣ Снепородъ“; о теперешнемъ Снепородѣ см. выше с. 218—219. Въ доказательство существованія Бѣлгорода и Вышгорода, какъ пригородовъ, въ литовскую эпоху онъ ссылается (с. 50) на уставную грамоту в. кн. Александра, но тамъ Вышгородъ и Бѣлгородъ упомянуты просто, какъ трактовые пункты, наравнѣ съ с. Глевахою— „а Вышегородскаго и Чернобыльскаго и Бѣлогородскаго и Глевацкаго мыта имъ не платити“. Списокъ городовъ Воскрес. лѣт. также не можетъ служить доказательствомъ: какъ справедливо замѣтилъ В. Б. Антоновичъ (с. 55), онъ представляетъ сводъ данныхъ разновременныхъ. Существованіе Житомира и Черкасъ въ эту пору также не подтверждается доселѣ никакими другими свидѣтельствами.

отъ нихъ отчинъ ихъ не отнималъ“; какъ видно, составитель этого разсказа представлялъ себѣ тогдашнихъ кіянъ въ видѣ позднѣйшихъ литовскихъ земянъ. Наконецъ самый фактъ такого крупнаго столкновенія Гедимина съ кіевскимъ княземъ мнѣ кажется мало вѣроятнымъ. То немногое, что намъ извѣстно о кіевскомъ князѣ XIV в. Ѳеодорѣ, таково, что устраняетъ мысль о возможности для него какой-либо борьбы съ Гедиминомъ: такой мелкій князекъ долженъ былъ ретироваться безъ боя при первомъ нападеніи Гедимина (какъ это было потомъ при Ольгердѣ), а объ участіи татаръ лѣтопись молчитъ. Очевидно, составитель лѣтописи, какъ и Стрыйковскій, увѣряющій, что князь Станиславъ sam jeden monarchą albo jedynowłajcą Ruskim w ten czas, jako dzis Moskewski, pisał [1]), перенесли на ту эпоху понятія о кіевскомъ князѣ иного времени.

Но можетъ быть, при всѣхъ неточностяхъ въ подробностяхъ, разсказъ 2-ой литовско-русской лѣтописи содержитъ въ себѣ, въ своей основѣ, воспоминаніе о дѣйствительномъ фактѣ, о завоеваніи Кіевской земли Гедиминомъ? Къ сожалѣнію, и на этотъ вопросъ нельзя отвѣтить съ полною увѣренностью утвердительно. Это зависитъ отъ характера самой лѣтописи. Она составлена въ половинѣ XVI в., неизвѣстный авторъ ея пользовался болѣе ранними лѣтописными памятниками (какъ, напримѣръ, Волынскою, древнею (или первою) литовско-русскою лѣтописью и пр.) и кромѣ того въ свою лѣтопись включилъ, вѣроятно уже изъ устныхъ сказаній, множество эпизодовъ частью баснословныхъ, частью историческихъ, которые преимущественно имѣютъ цѣлью объяснить тѣ или другіе факты родословныхъ знатныхъ фамилій, родовыя и мѣстныя имена [2]). Къ числу такихъ эпизодовъ принадлежитъ и разсказъ о завоеваніи Кіева; характеръ легенды въ немъ ясно даетъ себя чувствовать; соль его, кажется, заключается именно въ извѣстіи, что Гедиминъ посадилъ въ Кіевѣ намѣстникомъ Ольгимонта, сына Мендовга. Чтобы понять значеніе этого извѣстія, нужно вспомнить, что при Витовтѣ въ Кіевѣ сидѣлъ князь Іоаннъ Ольгимунтовичъ; возможно, что разсказъ о кіевскомъ завоеваніи есть родовое

---

[1]) Kronika I p. 364.

[2]) О составѣ второй литовско-русской лѣтописи см. у В. Б. Антоновича—Монографіи I с. 14—16, Шараневича O latopisach i kronikach ruskich p. 27 squ., также „Лѣтописные источники для исторіи Литвы въ средніе вѣка“ г. Барбашева с. 3 сл.

преданіе рода Ольгимунтовичей или другой, связанной съ ними фамиліи о томъ, что предокъ ихъ Ольгимунтъ сидѣлъ въ Кіевѣ; такое преданіе могло даже имѣть цѣлью подкрѣпить давностію чьи-нибудь права на Кіевъ. Былъ ли при этомъ перенесенъ фактъ позднѣйшаго пріобрѣтенія Кіева Витовтомъ на эпоху Гедимина и вмѣсто Іоанна Ольгимунтовича подставленъ его отецъ по недоразумѣнію, или этотъ эпизодъ былъ изобрѣтенъ сознательно [1]), или, наконецъ, это—неясное преданіе, имѣющее въ основаніи память о дѣйствительномъ историческомъ фактѣ, о столкновеніи Гедимина съ кіевскимъ княземъ—на этотъ вопросъ при наличныхъ данныхъ очень трудно отвѣтить.

Такимъ образомъ разсказъ 2-ой литовско-русской лѣтописи о завоеваніи Кіева Гедиминомъ долженъ быть отнесенъ къ разряду тѣхъ, покрытыхъ легендарною оболочкою, извѣстій объ отношеніяхъ Литвы и Кіевщины, которыя я приводилъ выше; разница только въ большей обстоятельности, обиліи подробностей, подкупающихъ читателя.

Всѣ эти извѣстія въ основѣ своей имѣютъ воспоминанія или догадки, домыслы о движеніи литовскихъ князей на Кіевскую землю, фактѣ дѣйствительномъ, только отнесенномъ произвольно и неудачно къ разнымъ существовавшимъ и несуществовавшимъ князьямъ и въ общемъ, быть можетъ тенденціозно [2]), значительно отодвинутомъ отъ его дѣйствительнаго осуществленія. Въ дѣйствительности такое движеніе литовскихъ князей на Кіевщину сдѣлалось особенно возможнымъ и естественнымъ послѣ того, какъ, съ одной стороны, Гедиминъ завладѣлъ Турово-Пинскою волостью [3]), съ другой стороны—

---

[1]) В. Б. Антоновичъ, какъ упомянуто, полагаетъ, что составитель 2 лит.-рус. лѣтоп. фактъ завоеванія Кіевщины Витовтомъ въ 1392 г. отнесъ ко времени Гедимина, перемѣнивъ имена (Моногр. I с. 56—7). Въ 1392 году походъ тоже происходитъ весною, дѣло начинается взятіемъ Овруча и Житомира. На сходство разсказовъ объ этихъ двухъ событіяхъ обратилъ вниманіе Шараневичъ (ор. с. с. 280); Н. П. Дашкевичъ въ Замѣткахъ (с. 63) отрицаетъ это сходство, но раньше онъ думалъ иначе (Болох. з. пр. 136, с. 106). Мнѣ только во всякомъ случаѣ кажется, что приписывать изобрѣтеніе Гедиминова завоеванія составителю лѣтописи не слѣдуетъ, онъ воспользовался, вѣроятно, готовымъ преданіемъ.

[2]) Шараневичъ O latopisach i kronikach ruskich p. 7.

[3]) Время завоеванія ея нельзя опредѣлить съ точностью; въ концѣ XIII в. она еще независима, Гедиминъ уже отдаетъ ее въ удѣлъ сыну Наримунту, см. Монографіи В. Б. Антоновича I с. 46.

Любартъ Гедиминовичъ осѣлся на Волыни. Выше мы видѣли, что древнѣйшимъ завоеваніемъ литовскихъ князей (именно легендарнаго Скирмунта) на кіевской территоріи въ легендахъ является Мозырская волость. Затѣмъ, если по примѣру Н. П. Дашкевича завоеваніе Овруча и Житомира въ разсказѣ 2-ой литовско-русской лѣтописи выдѣлить въ отдѣльный эпизодъ [1]) и сопоставить съ нимъ извѣстіе о завоеваніи Видомъ, прадѣдомъ Гедимина, Деревской земли, то можно выставить гипотезу, что Деревская земля ранѣе была подчинена литовцами, чѣмъ старая Полянская земля съ Кіевомъ. Такой ходъ завоеваній вѣроятенъ и a priori: они начинаются послѣ присоединенія Турово-Пинской области завоеваніемъ Мозыря, захватываютъ затѣмъ западную часть земли и заканчиваются захватомъ Кіева и юго-восточной полосы. Конечно, это только *могло* быть такъ, для болѣе твердыхъ заключеній мы не имѣемъ данныхъ. Завоеванія эти могли быть произведены частью при Гединминѣ, частью при Ольгердѣ: присоединеніе Турово-Пинскихъ волостей и Волыни при Гедиминѣ и завоеваніе Кіева Ольгердомъ, повторяю, служатъ крайними пунктами въ исторіи завоеванія Кіевщины.

Относительно времени и характера завоеванія Кіева существуютъ довольно разнообразныя воззрѣнія. До недавняго времени пользовалась широкимъ довѣріемъ дата Стрыйковскаго 1319—1320 г., съ этого времени считали инкорпорацію Кіевщины Русско-литовскимъ государствомъ. Эта дата имѣетъ своихъ защитниковъ доселѣ; но ее довольно трудно примирить съ другими историческими данными о Кіевщинѣ, а потому обыкновенно ученые, защищающіе извѣстіе о завоеваніи Кіева Гедиминомъ, или подвигаютъ впередъ время завоеванія Кіева или дѣлаютъ разныя оговорки и поправки въ извѣстіи о завоеваніи. Историческія данныя, съ которыми приходится считаться Гедиминову завоеванію, слѣдующія:

Въ 1331 г. въ Кіевѣ упоминается татарскій баскакъ, и Кіевъ въ разсказѣ лѣтописи противополагается Литвѣ.

Ѳеодоръ, княжившій въ 1331 г. въ Кіевѣ, оставался здѣсь, правдоподобно, до 1362 г., судя по извѣстію Густинскаго свода.

Кіевъ не упоминается среди удѣловъ сыновей Гедимина, или какъ удѣлъ кого-нибудь изъ современныхъ литовскихъ князей.

---

[2]) Замѣтки с. 53 и 63.

Густинскій сводъ свидѣтельствуетъ, что литовскіе князья завладѣли Кіевомъ въ 1362 г.

Самый консервативный въ отношеніи этого вопроса—проф. Шараневичъ полагаетъ, что въ 1319 г. Кіевщина была инкорпорирована Литвою, но затѣмъ „литовцѣ выпертіи были Татарами зъ тыхъ сторонъ надднѣпровскихъ“ [1]). Проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ также полагаетъ, что въ 1320 г. Гедиминъ подчинилъ своей власти Кіевъ; онъ думаетъ, что и кн. Ѳеодоръ былъ литовскій подручникъ: преслѣдуя архіепископа Василія, онъ исполнялъ приказаніе Гедимина; тѣмъ не менѣе продолжала существовать надъ Кіевомъ, хотя и ослабѣвъ нѣсколько, власть татарская; въ 1362 г. Ольгердъ вступилъ только въ непосредственное распоряженіе страною [2]). Это воззрѣніе подходитъ отчасти къ воззрѣнію Д. И. Иловайскаго: не придавая значенія разсказу 2-ой литовско-русской лѣтописи, онъ въ эпизодѣ 1331 года также видитъ доказательство зависимости кіевскаго князя отъ Гедимина; по его мнѣнію, при Гедиминѣ Кіевская земля находилась въ полузависимости отъ Литвы, и кіевскій князь долженъ былъ признавать то власть Гедимина, то Узбека [3]). Гр. К. Стадницкій принимаетъ дату 1333 г. (Межигорской рукописи) и для объясненія того, почему Кіевъ не упоминается среди удѣловъ Гедиминовичей, дѣлаетъ двоякое предположеніе: или Гедиминъ, отдавъ его Ольгимунту, и позже сохранилъ за нимъ это владѣніе, или Кіевъ затѣмъ вышелъ изъ подъ власти Гедимина [4]). Наконецъ Н. П. Дашкевичъ для соглашенія извѣстій Межигорской рукописи и Густинскаго свода высказываетъ предположеніе, что Гедиминъ, взявъ Кіевъ въ 1333 г., былъ принужденъ впослѣдствіи, въ виду сопротивленія татаръ, оставить Ѳеодора (котораго авторъ отождествляетъ со Станиславомъ литовско-русской лѣтописи)

---

[1]) Op. c. c. 128, 132—134, 141. Въ доказательство того, что Кіевъ былъ завоеванъ въ 1319 г., авторъ (с. 128 пр. 36) ссылается на буллу 1320 г. объ учрежденіи въ Кіевѣ католической каѳедры (издана у Тейнера Monum. Pol. et Lithuan. I № 252, p. 162); но подобное учрежденіе каѳедры для partes infidelium ровно ничего не значитъ. Предположеніе объ изгнаніи впослѣдствіи изъ Кіева литовцевъ татарами высказалъ и Н. П. Дашкевичъ въ болѣе ранней своей работѣ—Болох. з. с. 106.

[2]) Населеніе Ю.-З. Россіи до пол. XV в. с. 38—40, 50.

[3]) Исторія Россіи II с. 72, 540. Сходный взглядъ на этотъ вопросъ высказалъ и М. Ясинскій, op. c. c. 64.

[4]) Synowie Gedymina II p. 23—26.

своимъ намѣстникомъ и признать въ то же время верховную власть татаръ надъ Кіевомъ [1]). Въ подтвержденіе своего предположенія почтенный ученый доказываетъ, что въ 1362 г. произошло лишь смѣщеніе Ѳеодора, а завоеваніе Кіева не могло имѣть мѣста, и указываетъ на свидѣтельство константинопольскаго соборнаго постановленія 1361 г., изъ котораго, по мнѣнію Н. П. Дашкевича, явствуетъ, что уже въ 1356 г. Кіевъ принадлежалъ къ Русско-литовскому государству [2]).

Всецѣло отрицаетъ, на основаніи вышеприведенныхъ данныхъ, разсказъ о завоеваніи Кіева Гедиминомъ В. Б. Антоновичъ; онъ слѣдуетъ Густинскому своду и относитъ завоеваніе Кіева къ 1362 г. [3]).

Таковы важнѣйшіе взгляды на этотъ вопросъ въ ученой литературѣ. По поводу его замѣчу слѣдующее: принадлежность Кіева къ Русско-литовскому государству при Гедиминѣ не находитъ себѣ подтвержденія въ наличныхъ историческихъ данныхъ. Напротивъ, чтобы не стать въ противорѣчіе съ этими данными, защитники Гедиминова завоеванія вынуждены сводить это завоеваніе чуть не „на нѣтъ“: они или предполагаютъ, что это завоеваніе Кіева не уничтожило реальной зависимости его отъ татаръ, выражавшейся въ присутствіи баскака, что Гединимъ, завоевавъ Кіевъ, и татарскаго намѣстника оставилъ и татарское верховенство надъ нимъ призналъ; или допускаютъ, что Кіевъ хотя и былъ завоеванъ, но потомъ вышелъ изъ подъ власти Гедимина. Отъ этихъ гипотезъ наука выигрываетъ очень мало, дѣйствительныхъ историческихъ фактовъ онѣ вовсе не объясняютъ, вся цѣль ихъ—примирить извѣстіе о завоеваніи Кіева Гедиминомъ съ историческими фактами; но выше я старался показать, что извѣстіе это вовсе не имѣетъ права на такое вниманіе, на то, чтобы ученые во что бы то ни стало примиряли его съ другими данными о Кіевщинѣ.

---

[1]) Замѣтки с. 60—61. До нѣкоторой степени сходныя предположенія сдѣлалъ еще Нарбутъ: недоумѣвая, что захватъ южнорусскихъ земель не вызвалъ противодѣйствія со стороны хана, онъ высказалъ догадку, что и послѣ завоеванія Кіева zwykły haracz z Kijowa nie przestawał skarbowi jego bydź wypłacanym; предположилъ также, что за прежними князьями были сохранены нѣкоторыя владѣнія (Dzieje narodu litewskiego IV p. 490—492).

[2]) Замѣтки с. 54, 61—62.

[3]) Монографіи I с. 127—128.

Эпизодъ 1331 г., на который ссылаются нѣкоторые ученые [1]), вовсе не доказываетъ зависимости кіевскаго князя отъ Гедимина: Ѳеодоръ дѣйствуетъ вовсе не по приказу послѣдняго; Гедиминъ для поимки арх. Василія выслалъ особый отрядъ; если бы Ѳеодоръ хотѣлъ прислужиться Гедимину, онъ, вѣроятно, постарался бы во что бы то ни стало захватить архіепископа, но этого въ разсказѣ не замѣтно, Ѳеодоръ дѣйствуетъ скорѣе въ собственныхъ интересахъ, цѣль его—вѣроятно, только окупъ. Эпизодъ этотъ обнаруживаетъ, какъ было упомянуто, лишь извѣстное вліяніе Гедимина на кіевскаго князя, вліяніе, какое естественно между сильными и слабыми сосѣдями; а что Кіевъ не входилъ въ составъ Русско-литовскаго государства, категорически заявляетъ самый разсказъ объ этомъ эпизодѣ такими выраженіями, какъ „меже Литвы и Киева бѣжали", „поѣха на Киевъ, бояся Литвы".

Что до свидѣтельства константинопольскаго акта, на которое указываетъ Н. П. Дашкевичъ, то оно заключается въ слѣдующемъ: патріархъ Каллистъ въ 1361 г., опредѣляя области митрополитовъ кіевскаго и литовскаго (св. Алексія и Романа) заявляетъ, что Романъ „прійдя въ Кіевъ, не по праву совершалъ здѣсь литургіи и рукоположенія и дерзостно называлъ себя единственнымъ митрополитомъ кіевскимъ и всея Руси, что вызвало смуту и замѣшательство въ области преосвященнаго митрополита кіевскаго и всея Руси и побудило литовскаго государя возстать противъ христіанъ и причинить имъ не мало бѣдъ и кровопролитія" [2]). Н. П. Дашкевичъ видитъ въ этомъ поступкѣ митрополита доказательство, что Кіевъ, какъ и Брянскъ, на который также выказывалъ притязанія м. Романъ, въ это время принадлежалъ уже къ Русско-литовскому государству. Хотя это время—приблизительно между 1356—61 гг. [3])—и очень близко ко времени несомнѣнной зависимости Кіева отъ Ольгерда, однако мнѣ кажется, что въ это время Кіевъ еще не зависѣлъ отъ него, и вышеприведенное свидѣтельство константинопольскаго акта само по сибѣ не можетъ служить доказательствомъ противнаго. Прежде всего,

---

[1]) Кромѣ Д. И. Иловайскаго и М. Ф. Владимірскаго-Буданова, еще Н. П. Дашкевичъ (Замѣтки с. 61), М. Ясинскій (ор. с. с. 64).

[2]) Рус. ист. библ. VI, прил. с. 78 (изложеніе его у м. Макарія V с. 44—45)

[3]) Соображеніе о времени этого факта см. нѣсколько ниже.

въ вышеприведенномъ отрывкѣ прибытіе Романа въ Кіевъ поставляется въ связь съ его заявленіемъ, что онъ единственный митрополитъ кіевскій и всея Руси; и дальше патріаршее постановленіе разсказываетъ, что послы м. Романа хвастались: „видно преосвященный митрополитъ куръ Романъ силенъ и можетъ овладѣть всею областію русской митрополіи, если онъ, придя въ Кіевъ, литургисалъ здѣсь, захватилъ многія епископіи и возстановилъ литовскаго государя противъ куръ Алексія; имѣя такую силу, онъ можетъ дѣлать все" [1]); ясно, что дѣло шло не только о претензіяхъ на подчиненныя Ольгерду волости, виды Романа были гораздо шире. А что Ольгердъ благопріятствовалъ этимъ притязаніямъ Романа, это понятно: подобно московскимъ князьямъ, онъ желалъ пользоваться митрополитомъ для своихъ политическихъ плановъ и съ распространеніемъ власти митрополита могъ разсчитывать и на распространеніе своего вліянія. Это понимали ясно и въ Константинополѣ, и въ актѣ 1380 г. заявляется, что Ольгердъ ненавидѣлъ м. Алексія „за то, что онъ не давалъ ему власти въ Великой Руси, но сдѣлалъ ее совсѣмъ недоступною для него", и что поставленія отдѣльнаго митрополита Ольгердъ добивался для того, „чтобы при помощи Романа, дружески къ нему расположеннаго, пріобрѣсти себѣ власть и въ Великой Руси" [2]).

Мнѣ кажется, что это дѣло м. Романа можетъ пролить нѣкоторый свѣтъ на отношенія Русско-литовскаго государства къ Кіеву. М. Романъ былъ поставленъ въ 1354 г. по просьбѣ Ольгерда, который заявилъ, что народъ его не хочетъ имѣть митрополитомъ Алексія; область Романа составили епархіи волынскія, туровская и полоцкая; каѳедрою служилъ Новгородокъ. Но Романъ, какъ видно, былъ этимъ не доволенъ. Для его престижа было важно завладѣть Кіевомъ—митрополіею; судя по одному извѣстію, онъ непосредственно послѣ поставленія своего являлся въ Кіевъ—но не былъ принятъ населеніемъ, фактъ довольно знаменательный! [3]). Это однако не остано-

---

[1]) Рус. ист. библ. ibid. с. 80.

[2]) Ibidem с. 168 (Acta patriarchatus Constantinopolitani II p. 12—13). Н. П. Дашкевичъ (op. c. c. 62) указываетъ еще на папскую буллу 1351 г. (Theiner Monum. Pol. et Lithuan. I № 702 p. 532), но это, мнѣ кажется, недоразумѣніе: въ этой буллѣ рѣчь идетъ о завоеваніяхъ не Ольгерда, а Казиміра.

[3]) „Приде и со Литвы Романъ чернецъ на митрополію, выиде (т. е. изъ Константинополя) оне (и не?) пряша его Кіяне"—Kronika ruska изд. Даниловичемъ p. 174; ср. Ист. рус. ц. арх. Филарета II с. 84, м. Макарія IV с. 44.

вило его притязаній, и за поддержкою онъ отправился въ Константинополь; въ 1356 г. состоялось здѣсь соборное постановленіе по этому дѣлу—не въ пользу Романа [1]); послѣдній не призналъ его и, не сказавшись патріарху, уѣхалъ. Затѣмъ онъ снова является въ Кіевѣ и на этотъ разъ съ бо́льшимъ успѣхомъ: отправляетъ здѣсь функціи митрополита. Возможно колебаніе въ опредѣленіи времени этого посѣщенія: о немъ передается лишь въ соборномъ опредѣленіи 1361 г.— безъ даты. Въ 1358—60 г. въ Кіевѣ проживалъ м. Алексій [2]); по всей вѣроятности, посѣщеніе м. Романа предшествовало этой поѣздкѣ, даже вызвало ее [3]). Поѣздка м. Алексія однако не прекратила, вѣроятно, притязаній м. Романа, и м. Алексій отправилъ затѣмъ пословъ съ жалобою къ патріарху; въ іюля 1361 г. соборъ подтвердилъ права м. Алексія на Кіевъ и отправилъ пословъ для разбора дѣла, но смерть м. Романа прекратила дѣло [4]).

Приведенные факты, полагаю, даютъ основаніе думать, что Кіевъ не подчинялся Ольгерду въ 1358—60 г., когда гостилъ здѣсь м. Алексій: будь Кіевъ во власти литовскихъ князей, Ольгердъ, поддерживая притязанія м. Романа, конечно, не допустилъ бы сюда м. Алексія [5]). Послѣдній во время своего пребыванія въ Кіевѣ, какъ видно,

---

[1]) По свидѣтельству Воскр. (II с. 10) и Никонов. л. (II с. 228) м. Алексій отправился (вторично) въ Константинополь осенью, а вернулся зимою 1356 г.; Романъ былъ въ Константинополѣ еще лѣтомъ 1356 г.—см. Р. ист. библ. VI, прил. с. 74 прим.

[2]) Въ Воскрес. (II с. 10—11) подъ 1358 г.: „тое же зимы, по Крещеніи, преосв. Алексѣй митр. иде въ Кіевъ“, а подъ 1360: „пріиде съ Кіева на Москву преосв. м. Алексѣй“; ср. Никон. II с. 230—231, 1 Новг. с. 87.

[3]) Иного мнѣнія держатся проф. Шараневичъ и Чистовичъ: они помѣщаютъ посѣщеніе Кіева м. Романомъ послѣ поѣздки м. Алексія (Ист. Г.-В. Руси с. 208, Ист. зап.-русск. церкви I с. 109). Но въ такомъ случаѣ для этого посѣщенія м. Роману остается слишкомъ малый промежутокъ: еще въ 1360 г. м. Алексій былъ въ Кіевѣ, въ 1360 г. же году пріѣзжалъ м. Романъ въ Тверь (Никон. II с. 231), а въ іюлѣ 1361 г. состоялось уже постановленіе патріарха, которому предшествовала посылка пословъ съ жалобою м. Алексія на захватъ Кіева Романомъ (Р. ист. библ. I. с. с. 69). Впрочемъ такое или иное рѣшеніе этого недоумѣнія не имѣетъ особаго значенія для занимающаго насъ вопроса—объ отношеніи Кіева къ литовскимъ князьямъ.

[4]) Рус. ист. библ. I. с. с. 80—84, 88—90, 96, м. Макарій IV с. 44—45.

[5]) Что касается поимки и заключенія м. Алексія Ольгердомъ, о которомъ говоритъ актъ 1380 г. (Р. и. б. I. с. с. 167—8), то этотъ фактъ, думаю, не можетъ служить опроверженіемъ высказанныхъ мною мыслей. Время этой поимки не опредѣлено, сказано только, что Ольгердъ напалъ на м. Алексія—„когда онъ обозрѣвалъ Малую Русь“ (εἰς ἐπί-

склонилъ на свою сторону кіевскаго князя (или какъ бы онъ не назывался) и населеніе, былъ ими хорошо принятъ, такъ что пробылъ тамъ значительное время. Это обстоятельство должно было возбудить неудовольствіе Ольгерда; въ вышеприведенномъ отрывкѣ изъ акта 1361 г. говорится, что м. Романъ возстановилъ Ольгерда противъ м. Алексія и побудилъ его возстать противъ христіанъ. Быть можетъ, въ связи съ этимъ стоялъ даже походъ Ольгерда на Кіевъ и смѣщеніе Ѳеодора кіевскаго, Густинскимъ сводомъ относимое къ 1362 г. Любопытно еще, что въ 1371 г. Ольгердъ домогался отъ патріарха назначенія особаго митрополита, между прочимъ, уже и на Кіевъ, чего намъ неизвѣстно о Романѣ; и дѣйствительно, Кипріанъ въ 1376 г. былъ поставленъ митрополитомъ „кіевскимъ и литовскимъ“ [1].

Подъ 1362 г. въ Густинскомъ сводѣ стоитъ слѣдующая запись (я позволю себѣ привести ее цѣликомъ, потому что составъ ея имѣетъ свое значеніе):

„Въ лѣто 6870. Димитрый, князь Московскій, согна изъ Галича Московского князя Димитрія, а изъ Стародуба Іоанна. Въ сіе лѣто Олгердъ побѣди трехъ царковъ Татарскихъ и зъ ордами ихъ, си есть, Котлубаха, Качзея (Качбея), Дмитра; и оттоли отъ Подоля изгна власть Татарскую. Сей Олгердъ и инныя Рускія державы во свою

σκέψιν Μικρᾶς Ρωσίας περιόντος) и подчиненныхъ его власти христіанъ“. Положимъ, что это случилось до прибытія м. Алексія въ Кіевъ въ 1358 г.: если м. Алексій все-таки явился и жилъ послѣ того въ Кіевѣ, значитъ послѣдній не принадлежалъ Ольгерду. Во время пребыванія въ Кіевѣ это не могло случиться: предположить, что м. Алексій около двухъ лѣтъ жилъ въ Кіевѣ и напослѣдокъ былъ здѣсь схваченъ—не вѣроятно. Можно еще предположить, что онъ былъ схваченъ или на возвратномъ пути изъ Кіева, или въ другой пріѣздъ, уже послѣ 1361-го г.; послѣднее согласуется и съ тѣмъ, что въ актѣ 1361-го г. о поимкѣ ничего не говорится. Впрочемъ самый фактъ этотъ, который упомянутъ лишь въ одномъ константинопольскомъ актѣ и о которомъ ни словомъ не обмолвились русскія лѣтописи, довольно подозрителенъ.

[1]) Р. истор. библ. I. с. с. 140, 172, Воскр. II с. 25; ср. объ этомъ также у м. Макарія IV с. 55-56, 59-61. По вопросу о времени присоединенія Кіева къ Русско-литовскому государству не лишено, быть можетъ, нѣкотораго значенія еще одно обстоятельство: нѣмецкіе хронисты, перечисляя русскіе вспомогательные отряды, участвовавшіе въ битвѣ на р. Стравѣ 1348 г. (изъ Владиміра, Бреста, Витебска, Смоленска, Полоцка), не упоминаютъ о Кіевѣ—см. Scriptores rerum prussicarum II p. 75, 511, Stadnicki Olgierd i Kiejstut p. 48—49.

власть пріятъ, и Кіевъ подъ Ѳеодоромъ княземъ взятъ, и посади въ немъ Володымера сына своего; и нача надъ сими владѣти, имъ же отци его дань даяху“ [1]).

Это извѣстіе устанавливаетъ начало зависимости Кіева отъ Русско-литовскаго государства и потому чрезвычайно интересно. Что Кіевомъ владѣлъ Владиміръ Ольгердовичъ, что онъ получилъ его отъ отца, это мы знаемъ и изъ другихъ источниковъ [2]), но о времени и обстоятельствахъ этой передачи свидѣтельствуетъ только вышеприведенное извѣстіе. Пока пользовалось общимъ довѣріемъ извѣстіе о завоеваніи Кіева Гедиминомъ, извѣстіе Густинскаго свода не обращало на себя особеннаго вниманія [3]); выдвинулъ это извѣстіе В. Б. Антоновичъ который и кладетъ 1362 г. началомъ власти литовскаго государства надъ Кіевомъ, равно какъ и надъ Подоліемъ [4]).

Противъ этого положенія выставилъ нѣсколько возраженій Н. П. Дашкевичъ. Прежде всего, по его мнѣнію, Густинскій сводъ въ данномъ извѣстіи говоритъ не о завоеваніи Кіева, а лишь о смѣщеніи кн. Ѳеодора, который и раньше былъ литовскимъ подручникомъ [5]). Мнѣ кажется, изъ контекста явствуетъ, что дѣло идетъ о завладѣніи, по крайней мѣрѣ въ представленіи писавшаго оно являлось завладѣніемъ: это видно изъ словъ объ „иныхъ русскихъ державахъ“ и изъ сопоставленія этого факта съ занятіемъ Подолія. Считать Ѳеодора литовскимъ подручникомъ мы, какъ указано было выше, не имѣемъ достаточныхъ основаній. Другое возраженіе Н. П. Дашкевича таково: невозможнымъ допустить *завоеваніе* Кіева въ 1362 г., потому что въ это время происходила упорная борьба Литвы съ нѣмцами, въ которой принималъ участіе и Ольгердъ [6]). Но въ памятникахъ, на которые ссылается почтенный ученый, Ольгердъ упоминается, какъ

---

[1]) П. с. р. л. II с. 350.

[2]) Такъ во 2 л.-русск. лѣтописи Кіевская земля называется отчиною Владиміра— Pomniki p. 61. О передачѣ Кіева Ольгердомъ Владиміру, но съ пропускомъ имени послѣдняго, говоритъ и Никон. л. (IV с. 50): „бѣ же далъ сынови своему славныи великии градъ Киевъ“.

[3]) Хотя его и раньше имѣли въ виду нѣкоторые изслѣдователи, какъ, напримѣръ, проф. Шараневичъ (Ист. Гал.-Волод. Руси с. 187).

[4]) Монографіи I с. 126—8, 229.

[5]) Замѣтки с. 53—54.

[6]) Замѣтки с. 54.

участникъ этой борьбы, лишь однажды—при осадѣ Ковно; осада эта происходила въ мартѣ и апрѣлѣ 1362 г. [1]); въ другихъ военныхъ дѣйствіяхъ Ольгердъ могъ и не принимать участія, да и они упоминаются лишь съ начала года и потомъ осенью: времени для похода на югъ оставалось довольно.

Подозрѣвать достовѣрность извѣстія Густинскаго свода нѣтъ поводовъ; составитель свода, надо думать, не изобрѣлъ его, а заимствовалъ, правдоподобно, изъ какой-нибудь западно-русской, можетъ быть—и мѣстной кіевской, не дошедшей до насъ лѣтописи. Сопоставляя съ нимъ выведенное выше соображеніе, что въ 1358—1360 г. Кіевъ не принадлежалъ еще Русско-литовскому государству, съ этой стороны не найдемъ препятствій къ тому, чтобы принять сообщаемый Густинскимъ сводомъ фактъ и дату за начало зависимости Кіева отъ литовскихъ государей: терминъ non ante quem съ ними согласуется. Тѣмъ не менѣе относительно даты колебаніе все-таки возможно. 1362 годъ хоть не находитъ себѣ опроверженія въ другихъ историческихъ данныхъ, но не находитъ и подтвержденія, а главное—не имѣетъ, такъ сказать, внутренняго критерія достовѣрности: это зависитъ отъ состава записи. Извѣстіе о смѣщеніи князей галицкаго и стародубскаго заимствовано, несомнѣнно, изъ сѣверныхъ источниковъ; изъ наличныхъ сводовъ я нашелъ его въ Никоновскомъ, гдѣ оно помѣщено подъ 6871 г. [2]). Относительно слѣдующаго за нимъ извѣстія о завоеваніи Подолія въ самомъ сводѣ сдѣлана ссылка на Гвагнини [3]);

---

[1]) Scriptores rerum prussicarum II p. 81, cf. 531—538, см. также у Стадницкаго Olgierd i Kiejstut p. 55 sqq. Не имѣетъ большого значенія и другое обстоятельство, на которое указываетъ проф. Дашкевичъ (l. c.)—что въ 1367 г. Владиміръ Ольгердовичъ отъ имени отца заключалъ договоръ съ нѣмецкимъ орденомъ (Skarbiec I № 367): Владиміръ могъ отлучаться изъ Кіева, уже будучи здѣсь княземъ.

[2]) Никон. IV с. 5. Въ Воскрес. сводѣ оба эти извѣстія отсутствуютъ, въ сводахъ новгородскаго происхожденія есть лишь извѣстіе о смѣщеніи галицкаго князя—Соф. I с. 340, 4 Новг. с. 64, Супрасл. с. 79 (Лѣт. Авр. с. 90)—все подъ 6871 г., то же и въ Тверск. с. 428, но подъ 6870 г.

[3]) На поляхъ: „Гвагн. о Литвѣ 26“. У Гвагнини (т. е. Стрыйковскаго) извѣстіе это передано такъ: (Olgerdus) Tartarorum Regulos fratres germanos Kutlubachum Kaczbeium et Dmeitrum profligavit Podoliaque ejcit (Sarmatiae Europeae descr. ed. 1581 f. 51 verso, ed. 1584—I p. 321). Ср. Замѣтки Н. П. Дашкевича с. 79; почтенный ученый находитъ впрочемъ вѣроятнымъ, что составитель Густынскаго свода заимствовалъ это извѣстіе не изъ Гвагнини, а изъ его первоисточника, и указываетъ на отличіе густинской версіи отъ гвагниньевской: опущено выраженіе fratres germanos и прибавлена подробность „и зъ

дѣйствительно, редакція этого извѣстія довольно близко подходитъ къ гнагниньевской; но у Гвагнини оно не имѣетъ даты, и возможно, что относя это извѣстіе къ 1362 г., составитель руководился опять-таки извѣстіемъ Никоновскаго, или иного, сходнаго съ нимъ свода, послужившаго ему источникомъ—въ Никоновскомъ сводѣ подъ тѣмъ же 6871 г. читается: „того же лѣта князь великии литовскии Олгердъ Гедиминовичь Синюю воду и Белобережие повоева“ [1]). Это легко могло случиться, особенно если допустить, что составитель имѣлъ въ данномъ случаѣ связующее звено въ разсказѣ литовско-русскихъ лѣтописей о завоеваніи Подолья: здѣсь Ольгердъ тоже разбиваетъ татаръ „на Синей водe“, и результатомъ этой побѣды является завоеваніе Подолья [2]). Послѣ извѣстія о завоеваніи Подолья, въ Густинскомъ сводѣ слѣдуетъ общее замѣчаніе объ обширныхъ завоеваніяхъ Ольгерда, и къ этому присоединяется наконецъ извѣстіе о переходѣ Кіева отъ кн. Ѳеодора къ Владиміру Ольгердовичу. Въ виду такой конструкціи записи, мнѣ кажется, возможно двоякое предположеніе: возможно то, что составитель встрѣтилъ это извѣстіе о Кіевѣ съ готовою датою 1362 г., но не менѣе возможно, что въ первоисточникѣ это извѣстіе лишено было даты, и составитель помѣстилъ его подъ этимъ годомъ по крайнему своему разумѣнію. Въ такомъ случаѣ онъ, быть можетъ, съ одной стороны руководился неизвѣстно гдѣ найденнымъ извѣстіемъ, что въ 1361 г. еще княжилъ въ Кіевѣ Ѳеодоръ, съ другой стороны—опять-таки имѣлъ въ виду вышеприведенное извѣстіе Никоновскаго свода о походѣ Ольгерда въ низовья Днѣпра—къ этому походу онъ и пріурочилъ завоеваніе Кіева.

Если такимъ образомъ дата Густинскаго свода не имѣетъ, по моему мнѣнію, полнаго авторитета, тѣмъ не менѣе она кажется мнѣ

ордами ихъ“; но эти отличія такъ незначительны, что легко могли произойти и при пользованіи, сколько-нибудь свободномъ, извѣстіемъ Гвагнини. Нужно замѣтить при этомъ еще, что указанія на источники, сдѣланныя на поляхъ Густин. св., принадлежатъ не редакціи, а, правдоподобно, самому составителю—они находятся въ рукописи. Заключительныя слова Густ. свода также напоминаютъ Гвагнини: Universam fere Russiam ditioni suae subjugavit, cujus principibus olim Lituani tributa solvere cogebantur (l. c.).

[1]) Ср. у Н. П. Дашкевича Замѣтки с. 79. Синяя вода—это Синюха, см. Книгу Большого Чертежа въ изд. Спасскаго с. 102.

[2]) 1-ая л.-русск. лѣт. въ изд. Попова с. 43, Pomniki p. 19; въ этой редакціи 2-й л.-русск. лѣт. походъ датированъ 1351 г.; составитель Густин. св. могъ не знать этой даты, могъ и знать, но игнорировать ее.

весьма вѣроятною. Прежде всего самое это извѣстіе Густинскаго свода свидѣтельствуетъ, что Владиміръ получилъ Кіевъ послѣ удаленія оттуда Ѳеодора—это случилось слѣдовательно за нѣкоторое время до смерти Ольгерда († 1377 г.) [1]); далѣе, жалоба Ольгерда 1371 г. на м. Алексія, что онъ не бываетъ въ Кіевѣ, его просьба поставить митрополита на Кіевъ [2]) до нѣкоторой степени можетъ, мнѣ кажется, служить доказательствомъ, что Кіевъ уже принадлежалъ Литвѣ въ это время, слѣдовательно былъ завоеванъ еще въ 60-хъ годахъ. Самое пріуроченіе завоеванія Кіева къ вышеупомянутому походу Ольгерда въ южныя степи весьма вѣроятно; замѣчу только, что въ Никоновскомъ сводѣ этотъ походъ стоитъ подъ 6871 г. сентябрьскимъ, слѣдовательно относится къ осени 1362 или къ веснѣ и лѣту 1363 г. нашего счисленія.

Извѣстіе Густинскаго свода умалчиваетъ о какой-либо борьбѣ между Ольгердомъ и Ѳеодоромъ кіевскимъ; это и понятно. Такой князь, какъ Ѳеодоръ, насколько мы имѣемъ о немъ представленіе, не могъ и думать о сопротивленіи, а у своего сюзерена—татарскаго хана получить необходимой помощи въ то время онъ не могъ. Насколько было бы странно, если бы въ правленіе Гедимина татары позволили безъ борьбы утвердиться въ Кіевѣ литовскому господству, на столько же естественно, что извѣстіе Густинскаго свода умалчиваетъ о татарахъ. Со смертью Бирды-бека (1359 г.) ханская власть надолго перестала существовать фактически; безпрестанно смѣняются эфемерные ханы, временщики и авантюристы, среди которыхъ даже невозможно разобраться историку. По словамъ современнаго арабскаго историка, „было нѣсколько эмировъ монгольскихъ, подѣлившихся управленіями въ округахъ Сарая; они были несогласны между собою и правили

---

[1]) Объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ свидѣтельствуетъ и вышеприведенное извѣстіе Никоновской лѣт., съ пропускомъ имени (IV с. 50).

[2]) Р. Ист. Биб. I. с. с. 140. Правда, вмѣстѣ съ Кіевомъ митрополита просятъ назначить и на Тверь, Смоленскъ и Нижній Новгородъ—волости, находившіяся только подъ вліяніемъ, а не подъ властью Ольгерда; однако думается, что такъ какъ кіевская каѳедра была не въ примѣръ прочимъ, то для Кіева (который поставленъ на первомъ мѣстѣ) Ольгердъ могъ бы требовать митрополита только въ случаѣ, если владѣлъ имъ.

своими владѣніями порознь“ [1]). Позже—уже около семидесятыхъ годовъ, изъ среды этихъ правителейвыдвинулся крымскій эмиръ Мамай— захватилъ въ свои руки власть въ Золотой ордѣ и достигъ значительнаго могущества; но въ шестидесятыхъ годахъ Ольгердъ не могъ встрѣтить серьезнаго сопротивленія со стороны татаръ [2]). Мы видѣли, что въ извѣстіи Густинскаго свода присоединеніе Кіева соединено подъ однимъ годомъ съ завоеваніемъ Подолья; по сказанію литовско-русскихъ лѣтописей, Ольгердъ разбилъ на Синей водѣ трехъ татарскихъ владѣтелей, „отчичей и дѣдичей Подольское земли“—т. е. вѣроятно, областныхъ эмировъ, самостоятельно правившихъ тѣми областями во время анархіи, и такимъ образомъ завладѣлъ Подольскою землею. Источники наши не говорятъ, имѣло ли это столкновеніе какое-либо отношеніе и къ Кіевской землѣ. Позже мы видимъ однако, что въ Кіевѣ признавалась—хотя номинально—зависимость отъ татарскихъ хановъ. Выраженіемъ ея является татарская тамга на кіевскихъ монетахъ Владиміра Ольгердовича; тамга служила обычнымъ выраженіемъ признанія верховной власти хана: извѣстенъ разсказъ о переговорахъ относительно тамги между Витовтомъ и Эдигеемъ предъ битвою на Ворсклѣ [3]). На извѣстныхъ доселѣ монетахъ Владиміра Ольгердовича можно установить три или четыре различныхъ типа тамги: это указываетъ на болѣе или менѣе продолжительное время зависимости Кіева отъ хановъ, такъ какъ тамга, думаю, могла измѣняться лишь съ теченіемъ времени, со смѣною хановъ [4]). Объ установленіи этой зависимости можно сдѣлать двоякое предположеніе: или

---

[1]) Цитата изъ Ибнъ-Хальдуна—у г. Смирнова, Крымское ханство до нач. XVIII в. с. 130.

[2]) О татарскихъ дѣлахъ см. у г. Смирнова, op. c. с. 129 сл., Hammer Pugrstall Gesch. der Gold. Horde p. 315, Антоновичъ Монографіи I с. 120—121.

[3]) Никон. IV с. 281: „Витовтъ восхотѣ во всеи Ордѣ быти на денгахъ ординскихъ знамение Витовтово“, а Едигей, наоборотъ, потребовалъ отъ Витовта: „и во всемъ твоемъ княжении на твоихъ денгахъ литовскихъ моему ординскому знамени быти“.

[4]) О монетахъ Владиміра Ольгердовича я буду еще говорить ниже; несомнѣнно различные виды тамги представляютъ экземпляры, описанные у гр. Толстого (Древнѣйшія монеты в. кн. Кіевскаго) подъ № 1, 2, 4 и 5; тамга № 3 подходитъ къ № 1, хотя нѣсколько отлична, № 6 имѣетъ въ кругу, внутри надписи, крестъ—см. стр. 217—8 и табл. XII и XIV. О тамгѣ и татарскомъ верховенствѣ—см. реф. В. Б. Антоновича въ Трудахъ III арх. съѣзда II с. 153—154; концомъ татарскаго верховенства авторъ кладетъ здѣсь 1407 г.; ср. его же Монографіи I с. 128.

Ольгердъ, вслѣдъ за занятіемъ Кіева, чтобы смягчить впечатлѣніе этого факта, такъ или иначе освѣдомилъ хана, что съ переходомъ Кіева въ его управленіе не прекращается верховная власть татаръ надъ Кіевомъ, или—и это, пожалуй, болѣе вѣроятно—о своихъ правахъ на Кіевъ татарскіе владѣтели вспомнили и напомнили литовскимъ князьямъ въ болѣе спокойное время, чѣмъ сумятица 60-хъ годовъ, напримѣръ—когда усилился по сосѣдству, въ Крыму, эмиръ Мамай.

Для послѣдующаго времени, послѣ Владиміра Ольгердовича, мы не имѣемъ такихъ прочныхъ данныхъ относительно татарскаго верховенства. Думаю, что послѣ паденія Тохтамыша (1395 г.), когда Витовтъ вмѣшался въ татарскія дѣла, поддерживая своихъ кандидатовъ на ханство, сначала Тохтамыша, потомъ его сыновей и другихъ претендентовъ, вопросъ о ханскомъ верховенствѣ самъ собою долженъ былъ стушеваться [1]). Даже понесенное Витовтомъ пораженіе на Ворсклѣ 1399 г. едва ли измѣнило такое положеніе дѣла—Витовтъ все-таки не признавалъ режима Идики (Эдигея), велъ свою собственную политику въ Ордѣ, и нѣкоторымъ его претендентамъ удавалось даже одолѣть Идику [2]). Тѣмъ не менѣе, если татарское верховенство и не признавалось въ это время надъ Кіевомъ, ханы—ставленники Идики, несомнѣнно, не забывали своихъ правъ на этотъ улусъ. Правдоподобно, лишь съ полнымъ обособленіемъ Крымскаго улуса подъ властью Хаджи-Гирея, вскормленника и благопріятеля Витовта, совершившимся во второй четверти XV в., окончательно легализированы были права Русско-литовскаго государства на Кіевъ, и послѣдній былъ освобожденъ изъ-подъ притязаній татарскихъ. Извѣстна позднѣйшая грамота Менгли-Гирея, заявляющаго, что „великіе цари, дяды наши, и вели-

---

[1]) Въ вышеприведенныхъ переговорахъ на Ворсклѣ Витовтъ хлопочетъ уже не объ уничтоженіи татарской тамги на литовскихъ монетахъ, а о томъ, чтобы положить свою на татарскія.

[2]) Для литовско-татарскихъ отношеній см. Барбашева Витовтъ и его политика с. 94 сл., Смирнова Крымское ханство с. 159 сл., 174 сл., Молчановскій Очеркъ изв. о Подол. з. с. 287—295, Hammer—Purgstall op. c. c. 373—377, Bartoszewicz Poglad na stosunki Polski z Turcyą i tatarami p. 14—16, 19—23. Роль Витовта и вліяніе его въ татарскихъ дѣлахъ все еще не выяснены вполнѣ; оріенталисты не достаточно знакомы съ европейскими источниками, между тѣмъ послѣдніе нуждаются въ сопоставленіи и оцѣнкѣ сравнительно съ данными восточной исторіографіи.

кій царь Ачъжи-Кгирей, отецъ нашъ, пожаловали Кіевомъ, въ головахъ, и многія мѣста дали в. кн. Витовту" [1]); „нелѣпо притязательный" ярлыкъ этотъ имѣетъ въ основѣ, вѣроятно, дѣйствительный фактъ—передачу литовскимъ государямъ верховныхъ правъ надъ бывшими татарскими улусами, „за великую ласку и честь", оказанную крымскому владѣтелю и его приверженцамъ въ трудныя годины, „коли ихъ кони потны были".

Съ присоединеніемъ Кіевщины къ Русско-литовскому государству, для нея, по крайней мѣрѣ въ отношеніи внѣшнихъ политическихъ формъ, наступаетъ новый фазисъ существованія, который далеко выходитъ за предѣлъ, поставленный настоящему изслѣдованію; потому я лишь вкратцѣ, не входя въ детали, остановлюсь на событіяхъ промежутка отъ утвержденія литовскаго верховенства до конца столѣтія.

Довольно продолжительное княженіе Владиміра Ольгердовича мало оставило слѣдовъ въ исторіи. Не смотря на свое видное положеніе среди литовскихъ князей, онъ не принималъ дѣятельнаго участія въ той борьбѣ представителей разныхъ княжескихъ линій и народностей въ Русско-литовскомъ государствѣ, которая наполняла собою послѣднюю четверть XIV в. По настоянію Ягайла онъ выдаетъ ему одну за другою три присяжныхъ грамоты (1386, 1387, 1388 г.) съ обѣщаніемъ вѣрности ему и польской коронѣ [2]) и дѣйствительно поддерживаетъ его въ послѣдующей борьбѣ съ Витовтомъ, хотя поддержка эта не отличается энергіей [3]). Какъ представитель русской народности, Владиміръ не могъ сочувствовать полонизаторскимъ планамъ Ягайла, потому самому однако не поддерживаетъ и Витовта, представителя литовскаго элемента. Отложивъ такимъ образомъ внѣшнюю политику, онъ тѣмъ съ большимъ удобствомъ могъ отдаться внутреннему устроенію страны; къ сожалѣнію, и объ этой сторонѣ его дѣятельности намъ слишкомъ мало извѣстно. Весьма вѣроятно предположеніе, что ему нужно приписать важную роль въ колонизаціи

---

[1]) Акты Западн. Россіи II № 6 (1506—1507 г.).

[2]) Грамота 1388 г. издана въ Supplementum ad Hist. Russ. Mon. № 211, о прочихъ см. у Стадницкаго Bracia Władysława Jagiełły p. 115—116, Scarbiec I № 536.

[3]) Извѣстно только, что онъ посылалъ вспомогательный отрядъ во время осады Гродна Ягайломъ въ 1390 г.—Длугошъ X p. 125, Bracia Wład. Jag. p. 116.

южнорусскихъ окраинъ и томъ поступаніи ея въ степь, которое началось со второй половины столѣтія [1]). Случайно оброненное извѣстіе о поимкѣ имъ м. Діонисія, московскаго кандидата на митрополію, возвращавшагося съ посвященія изъ Константинополя, показываетъ, что Владиміръ принималъ живое участіе въ церковныхъ дѣлахъ: „изыма его князь Володимеръ Кіевскій Олгердовичь, глаголя ему: пошелъ еси на митрополію безъ нашего повелѣнія, и тако пребысть въ заточеніи въ нятьи и до смерти“ [2]); въ то же время Владиміръ поддерживаетъ Кипріана, „митрополита кіевскаго и литовскаго“, который проживалъ у него въ Кіевѣ до 1390 г. Наконецъ памятью внутренней дѣятельности Владиміра является его монета, послѣдняя кіевская монета.

Правилъ Владиміръ своею землею вполнѣ самостоятельно, какъ отдѣльный государь; въ грамотѣ 1388 г. онъ называетъ себя Wladimirus Dei gratia dux Kyoviensis. По замѣчанію современнаго ученаго, Кіевскую землю во второй полов. XIV в. „можно считать государствомъ самостоятельнымъ, находившимся лишь въ союзѣ съ Литвою и потомъ Польшею“ [3]). Несомнѣнно, князь этотъ, вполнѣ подпалъ вліянію земли; до конца онъ остается православнымъ, поборникомъ интересовъ кіевской митрополіи [4]), а свою солидарность съ русскою народностью выражаетъ кирилловскими надписями на монетѣ; его потомство является носителями той же національной идеи [5]).

Борьба Ягайла и Витовта закончилась совершенно неожиданнымъ для Владиміра образомъ. Незначительная поддержка, оказан-

[1]) М. Ф. Владимірскій-Будановъ Населеніе Ю.-З. Россіи до пол. XV в. с. 50 сл., passim. Къ этой сферѣ дѣятельности Владиміра можетъ быть отнесено указаніе на пожалованіе имъ земли Беховщизны (на р. Ушѣ) одному изъ Беховъ (Архивъ Ю.-З. Россіи IV, I с. 22); сюда же могла бы принадлежать и его грамота Юрію Ивантычу, родоначальнику кн. Рожыновскихъ, о которой я говорилъ уже выше (въ географическомъ очеркѣ с. 53) на dwòr Sołomiec w Kijowie i ziemię Swiętoszycką z danią i ze wszystkiemi obapuł Syrca (Rulikowski Opis pow. Wasylkow. p. 33)—если бы была достовѣрна ея подлинность.

[2]) Воскр. I с. 49, Никон. IV с. 143, 147—8, 1 Софійск. I с. 378 (въ П. с. р. л. V с. 239).

[3]) Населеніе Ю.-З. Рос. с. 51.

[4]) Что впрочемъ не помѣшало ему подписаться вмѣстѣ съ Скиргайломъ и Корибутомъ на грамотѣ Ягайла 1387 г., расточавшей льготы католикамъ и устанавливавшей нѣкоторыя ограниченія для православныхъ—Scarbiec I № 540, Bracia Wład. Jag. s. 44.

[5]) Антоновичъ Монографіи I с. 232, его же рефератъ въ Трудахъ III археол. съѣзда II с. 155.

ная послѣднимъ, не внушила Ягайлу къ нему признательности, и онъ безъ стѣсненія пожертвовалъ интересами Владиміра, когда явилась въ томъ надобность. Назначеніе Витовта в. княземъ литовскимъ нарушило интересы Скиргайла, нужно было его удовлетворить, и удовлетвореніе было дано на счетъ Владиміра. Въ концѣ 1392 г. между Витовтомъ и Скиргайломъ состоялось соглашеніе: Витовтъ обязался добыть для него Кіевскую землю [1]). Какъ скоро былъ осуществленъ этотъ договоръ, пока невозможно опредѣлить съ точностью; быть можетъ, что Витовтъ приступилъ къ осуществленію его немедленно. Первая л.-русская лѣтопись разсказываетъ, что Витовтъ предпринялъ походъ на Владиміра и занялъ Овручъ и Житоміръ; Владиміръ не нашелъ возможнымъ сопротивляться и явился къ нему для переговоровъ. Содержаніе послѣднихъ осталось намъ неизвѣстнымъ; весьма правдоподобно, что между Витовтомъ и Владиміромъ состоялось на время примиреніе [2]). Другія предпріятія отвлекли Витовта, и, вѣроятно, не раньше, какъ въ 1395 г. Владиміръ былъ окончательно выбитъ изъ Кіевской земли. Взамѣнъ ему дали незначительный Копыльскій удѣлъ [3]). Вла-

---

[1]) См. Scarbiec I № 622 и 623 (Codex epist Vitoldi № 98)—отъ 6 декабря 1392 г.; cf. Cromeri De origine p. 247, Dlugossi X p. 138. Предлогомъ къ походу для Витовта послужило, повидимому, то, что Владиміръ „не восхотѣ покоры учинити и чоломъ ударити в. кн. Витовту"—1 л.-русск. лѣт. въ изд. Даниловича р. 45, въ изд. Попова с. 39, ср. Stryjkowski II p. 102.

[2]) A. Prochaska Latopis litewski p. 21: отъ 18 февраля 1394 г. имѣемъ поручительную запись, выданную Витовтомъ, Скиргайломъ, *Владиміромъ* и Ѳедоромъ ратненскимъ за брата Андрея (Codex epist. Vitoldi № 109, регеста въ Scarbiec I № 647).

[3]) 1 л.-русск. лѣт. въ изд. Даниловича р. 46, въ изд. Попова с. 39—40, Pominiki do dz. litew. p. 34, Густ. с. 352, Никон. IV с. 50 (очень неточное извѣстіе), Stryjkowski II p. 102—103; Stadnicki Bracia W. J. p. 116—118, В. Б. Антоновичъ Монографіи I с. 232 - 3, Барбашевъ Витовтъ и его политика с. 67—8, Smolka Najdawniejsze pomniki dziejopisarstwa rusko - litewskiego p. 32, Prochaska Latopis litewski p. 20 — 22. Литовско-русскія лѣтописи относятъ первый походъ Витовта на Владиміра къ веснѣ, а смѣщеніе послѣдняго—къ осени того же года; Густин. пріурочиваетъ это къ 1392 г. Судя по датамъ договоровъ о смѣщеніи Владиміра, походъ во всякомъ случаѣ не могъ состояться раньше весны 1393 г.; на этотъ годъ указываетъ и запись въ расходныхъ книгахъ королевскаго двора объ отправкѣ пушкарей do Kijowa (Życie domowe Jadwigi i Jagiełły p. 35). Владиміръ въ началѣ 1394 г. былъ еще княземъ кіевскимъ, какъ видно изъ упомянутой выше поручительной грамоты его. Съ другой стороны, Скиргайло въ 1394 г. и даже, быть можетъ, въ 1395 (запись 22 января 1395 г.) живалъ при королевскомъ дворѣ—Życie domowe p. 40, 45, 47—50, 52, 60, 72, 77, 81. Поэтому смѣщеніе Владиміра едва ли могло случиться раньше 1395 г. Не совсѣмъ яснымъ остается еще, въ какомъ отношеніи къ походу Витовта на Владиміра стоялъ походъ Скиргайла на Черкасы и

диміръ „бѣгалъ на Москву“, ища помощи у московскаго князя, но успѣха не имѣлъ и дожилъ вѣкъ свой въ Копылѣ; тѣло его однако было похоронено въ Печерскомъ монастырѣ [1]).

Новый князь Іоаннъ Скиргайло, хотя былъ усердный сторонникъ своего единоутробнаго брата Ягайла, во многомъ являлся однако продолжателемъ и достойнымъ преемникомъ Владиміра; онъ также оставался православнымъ и былъ преданъ русской народности, которая платила ему искреннею любовью. Лѣтописецъ, являющійся выразителемъ мнѣнія кіевскаго населенія: самъ онъ былъ слишкомъ молодъ, по собственному признанію, въ правленіе Скиргайла и, слѣдовательно, говоритъ съ чужого голоса—этотъ лѣтописецъ называетъ его „чюдныи, добрый князь Скиргайло“. Длугошъ тоже проговаривается, что Русь очень любила Скиргайла, какъ своего единовѣрца. Къ великому горю кіевскаго населенія, Скиргайло вслѣдъ за своимъ вокняженіемъ, не просидѣвъ, можетъ быть, и года въ Кіевѣ, скоропостижно скончался, какъ думали—отъ отравы, не оставивъ потомства [2]). По свидѣтельству того же лѣтописца, умеръ онъ 10 января 1397 г. [3]).

Звенигородъ, сдѣланный по порученію Витовта же, послѣ удаленія Владиміра изъ Кіева; объ этомъ см. выше с. 50—51.

[1]) Pomniki с. 61; о погребеніи—въ грамотѣ кн. Андрея Владиміровича, Грамоты в. кн. литовскихъ № 6; Максимовичъ Собр. соч. II с. 227, Антоновичъ l. с.

[2]) 1 литов.-русск. лѣт., Pomniki, Густин. l. с., Длугошъ X р. 142—143, Stryjkowski II р. 103, Stadnicki op. c. p. 280—2, Антоновичъ Моногр. I с. 233. Разсказъ Густинскаго свода объ этихъ событіяхъ интересенъ для насъ въ томъ отношеніи, что ясно обнаруживаетъ пользованіе литовско-русскими лѣтописями, притомъ, вѣроятно, въ редакціяхъ отличныхъ отъ изданныхъ доселѣ; разсказывая о передачѣ Кіева Скиргайлу и его смерти, составитель ссылается на Кромера, Гвагнини и Бѣльскаго („лядзкіе лѣтописцы“, по словамъ свода говорящіе о погребеніи Скиргайла въ пещерахъ—это именно Кромеръ, Гвагнини и Бѣльскій), но ни эти писатели, ни Стрыйковскій не называютъ отравителя по имени (Cromeri op. c. p. 248, Guagnini ed. 1583 f. 54, Bielski ed. 1597 p. 278, Stryjkowski l. c.), изданныя л.-русскія лѣтописи называютъ его „Фома чернецъ изъ Уфовъ (Izufow)“—изд. Даниловича р. 46, изд. Поповымъ с. 40, Pomniki р. 34, а Густинскій сводъ называетъ его Ѳомою святогорцемъ.

[3]) Проф. Смолька совершенно справедливо возстановляетъ чтеніе первоначальной рукописи 1 л.-русск. лѣтописи такимъ образомъ: „разболѣся (кн. Скиргайло) канонъ канона Крещенія у четверкъ и на Крещеніе въ суботу въѣха въ городъ Кіевъ боленъ; болѣвъ 7 дней преставися въ среду“ (въ спискѣ изд. Даниловичемъ опущено „у четверкъ и на Крещеніе“, а въ спискѣ изд. Поповымъ „канона“) и днемъ смерти кладетъ 10 января 1397 г. (Najdawniejsze pomniki dziejopisarstwa p. 32); дѣйствительно, Крещеніе приходилось въ субботу въ 1397 г. (о лѣтописной датѣ смерти Скиргайла также у Шараневича O latopisach i kronikach ruskich p. 59, но авторъ, придерживаясь списка изд. Данило-

Кіевская земля возвратилась такимъ образомъ подъ власть Витовта. Послѣдній въ это время составилъ планъ упразднить удѣльную систему, господствовавшую въ Русско-литовскомъ государствѣ, замѣнить удѣльныхъ князей своими намѣстниками и такимъ образомъ придать болѣе прочную организацію государству. Поэтому по смерти Скиргайла онъ не передалъ Кіева кому-либо изъ членовъ правившей династіи, а отдалъ его „въ держанье“ („держати Киевъ“) своему ближайшему сподвижнику и родственнику—Ивану сыну Ольгимунта, князя Гольшанскаго. О дѣятельности этого кіевскаго намѣстника мы не имѣемъ ровно никакихъ свѣдѣній, неизвѣстно даже, какъ долго онъ оставался въ Кіевѣ. Въ числѣ погибшихъ въ битвѣ на Ворсклѣ князей во многихъ источникахъ упоминается князь Иванъ Борисовичъ кіевскій; этого Ивана Борисовича Густинскій сводъ отождествляетъ съ Иваномъ Ольгимунтовичемъ, но послѣдній былъ живъ въ 1401—2 г., да и христіанское имя Ольгимунта было не Борисъ, а Михаилъ [1]). Нужно ли считать ошибочными извѣстія о гибели кіевскаго князя, или Иванъ Ольгимунтовичъ весьма скоро послѣ своего назначенія былъ смѣненъ въ держаньи Кіева этимъ, ближе намъ неизвѣстнымъ, Иваномъ Борисовичемъ, пока не берусь рѣшать [2]).

Результатомъ этого же пораженія на Ворсклѣ былъ опустошительный набѣгъ татаръ на Кіевщину и Волынь. Темиръ-Кутлукъ подступилъ къ Кіеву, и послѣдній принужденъ былъ, по свидѣтельству лѣтописей, откупиться отъ разоренія огромною по тому времени сум-

---

вичемъ, впадаетъ въ ошибку). Въ Густинскомъ сводѣ смерть Скиргайла помѣщена подъ 1396 г.; весьма вѣроятно объясненіе проф. Смольки, что составитель его держался мартовскаго лѣтосчисленія (l. c.). Г. Барбашевъ высказалъ предположеніе, что истиннымъ виновникомъ смерти Скиргайла былъ Витовтъ, желавшій устранить опаснаго соперника (op. c. с. 71).

[1]) Scarbiec I № 726, 760, Codex epist. Vitoldi № 234. Въ Густинск. лѣт. (l. c.): „Іоанна Ольгимундовича или Борисовича“. Въ Печерскомъ помянникѣ: „князя Ѳльгимонта, нареченнаго въ святомъ крещеніи Михаила, а въ иноцѣхъ Евѳимія“. На то, что Иванъ Ольгимунтовичъ жилъ послѣ 1399 г., обратилъ вниманіе М. Ясинскій (Уставн. грамоты с. 66), онъ полагаетъ, что Иванъ Ольгимунтовичъ оставался въ Кіевѣ до 1401 г. Объ Иванѣ Ольгимунтовичѣ см. въ монографіи К. Пуласкаго—Szkice i poszukiwania p. 260 sqq.

[2]) К. Пуласкій въ своей монографіи о кн. Гольшанскихъ, обративъ вниманіе на то, что въ подписяхъ Ивана Ольгимунтовича 1398 г. нѣтъ указаній на его кіевское намѣстничество (и самъ онъ при этомъ фигурируетъ въ коренной Литвѣ, на нѣмецкой границѣ), дѣлаетъ предположеніе, что, быть можетъ, онъ не былъ уже тогда кіевскимъ намѣстникомъ (op. c. с. 263).

мою—тремя тысячами рублей; съ Печерскаго монастыря было взято отдѣльно тридцать рублей окупа. Этимъ печальнымъ эпизодомъ и завершился XIV вѣкъ [1]).

Прибавимъ къ этому еще то весьма немногое, что можно сказать относительно внутренней жизни земли. Выше было говорено, что разъ общинная автономія и демократическій складъ въ Кіевской землѣ получили въ XIII в., какъ я полагаю, широкое развитіе, то нѣтъ основаній думать, что появленіе здѣсь князей въ XIV в. знаменуетъ собою паденіе или ослабленіе такого строя. То же самое должно сказать и объ утвержденіи литовскаго верховенства; оно, особенно на первыхъ порахъ, не вносило никакихъ почти измѣненій въ жизнь русскихъ земель и не могло оказать рѣзкаго вліянія на земскій строй Кіевщины. Такой характеръ литовскаго верховенства отчасти обусловливался культурнымъ вліяніемъ Руси на литовцевъ, отчасти зависѣлъ отъ внѣшнихъ условій, въ которыхъ находилось Русско-литовское государство: отвлекаемые борьбою съ нѣмцами и внутреннимъ броженіемъ въ ихъ юномъ, на живую нитку сшитомъ государствѣ, литовскіе князья лишь урывками могли заниматься собираніемъ русскихъ земель, не могли затрачивать на это большихъ усилій [2]). Поэтому для нихъ было чрезвычайно важно возможно меньше затрогивать интересы русскаго населенія своею объединительною политикою, напротивъ—по возможности находить въ немъ поддержку себѣ. Въ особенности это было необходимо при присоединеніи южнорусскихъ земель, находившихся подъ татарскимъ верховенствомъ: наживая враговъ въ лицѣ татарскихъ владѣтелей, литовскіе завоеватели могли удержать эти земли только при сочувствіи туземнаго населенія. Потому мѣстнаго земскаго строя, общественныхъ отношеній, склада жизни они не

---

[1]) Объ Иванѣ Ольгимунтовичѣ и нашествіи Темиръ-Кутлука см. 1 л.-русск. лѣтоп. изд. Поповымъ с. 38, 40 и 42, Pomniki p. 31, 33, 34, 35—36, 39, 1 Новг. с. 101, Густин. с. 352, Никонов. IV с. 279—283, Воскрес. I с. 72—3, Софійск. I с. 420, Лѣт. Авраамки с. 145, 4 Новг. с. 104, Cromeri De origine p. 252, Bielski p. 283, Stryjkowski II p. 104, 116. Никон., Воскр., Соф., 4 Новг., Кромеръ, Бѣльскій и Стрыйковскій говорятъ, что Кіевъ откупился 3000 р., Густинская, ссылаясь на тѣхъ же Кромера и Бѣльскаго, вмѣсто того даетъ 1000 червонныхъ, въ 1 Новг.—500 руб.

[2]) Антоновичъ Монографіи I с. 59.

касались. Для подкрѣпленія и иллюстраціи этого положенія я опять обращусь къ аналогіи, представляемой все тѣмъ же драгоцѣннымъ свидѣтельствомъ л.-русскихъ лѣтописей о завоеваніи Подолья [1]); здѣсь разсказывается, что Коріатовичи, придя въ Подольскую землю, „вошли у приязнь со атаманы“, представителями мѣстныхъ общинъ, „почали боронити Подольскую землю отъ татаръ и босакомъ (байскакомъ) выхода не почали давати“. Здѣсь такимъ образомъ литовскіе княжата не только не нарушаютъ сложившагося политико-общественнаго строя, но въ немъ ищутъ себѣ поддержки въ борьбѣ противъ татаръ. Подобное должно было существовать и въ Кіевской землѣ: литовскіе княжичи, какъ видно, мирно улаживались съ населеніемъ, не трогая сложившихся порядковъ и ограничиваясь тою сферою, какую оставляло для нихъ общинное самоуправленіе. Правда, своеобразный феодальный строй Русско-литовскаго государства незамѣтно проникалъ въ жизнь русскихъ земель, внося новыя понятія о поземельномъ владѣніи и формируя постепенно классъ привилегированныхъ землевладѣльцевъ, стѣснявшій самостоятельную жизнь общинъ, но формировка эта происходила медленно и на территоріи Кіевской земли, даже во времена гораздо болѣе позднія, имѣла весьма не одинаковый успѣхъ [2]). На первыхъ порахъ общинная жизнь не потерпѣла ущерба. Въ частности извѣстно, что Витовтъ, быть можетъ непосредственно по смерти Скиргайла, гарантировалъ землѣ неприкосновенность ея правъ и порядковъ уставною грамотою—на нее ссылаются позднѣйшія грамоты литовскихъ государей [3]).

Что касается общаго состоянія земли, то выше было говорено, что сужденія о крайне тягостномъ ея положеніи, о разрѣженіи населенія, невыносимомъ татарскомъ гнетѣ въ XIV в. основываются на извѣстіяхъ или недостовѣрныхъ или не вполнѣ объективныхъ и преувеличенныхъ. Я приведу теперь нѣсколько данныхъ, которыя неоспоримо свидѣтельствуютъ о значительномъ экономическомъ благосо-

---

[1]) 1 л.-русск. лѣт. въ изд. Попова с. 44 (Pomniki p. 19). Возраженія, представленныя Н. П. Дашкевичемъ противъ этого эпизода (Замѣтки с. 75) во всякомъ случаѣ не могутъ умалить значенія его для обрисовки общихъ отношеній литовскихъ завоевателей къ земскому строю русскихъ земель.

[2]) О борьбѣ литовскаго государственнаго строя съ городскою общиною см. Антоновичъ Моногр. I с. 137 сл.

[3]) Антоновичъ Монографіи I с. 247, М. Ясинскій Уставн. грамоты с. 66.

стоянiи земли. Прежде всего я обращаю вниманiе на сравнительно многочисленныя монетныя находки, относящiяся къ XIV в. [1]); на территорiи теперешней Кiевской губернiи можно насчитать до пятнадцати такихъ находокъ; между ними есть дробныя, но есть и довольно значительныя. Наибольшiй процентъ даютъ т. н. широкiе пражскiе гроши (до 10 находокъ), серебрянная монета, послужившая прототипомъ для грошей литовскихъ и польскихъ; повидимому, она имѣла широкое распространенiе въ Кiевщинѣ: встрѣчаются находки въ нѣсколько сотъ этихъ полновѣсныхъ грошей; преобладаютъ гроши Вячеслава III (1305—1306 г.) [2]). Кромѣ чешской монеты, въ краѣ обращалась монета золотоордынская, литовская, туземная—кiевская, новгородскiя гривны, наконецъ галицко-польскiе денары [3]). Замѣчательно, что большинство находокъ падаетъ на южную полосу Кiевщины—уѣзды Каневскiй, Сквирскiй, Таращанскiй, Уманскiй, Чигиринскiй, на полосу менѣе защищенную и представлявшую меньше удобствъ для развитiя благоустроенной жизни и экономическаго благосостоянiя [4]).

Другой фактъ заслуживающiй вниманiя—это существованiе туземной монеты—Владимiра Ольгердовича. Это мелкая серебрянная монета, отъ 7 до 19 долей вѣсу; она весьма рѣдка, доселѣ извѣстно всего лишь шесть экземпляровъ ея, которые представляютъ пять совершенно различныхъ типовъ [5]). Этотъ фактъ указываетъ на то, что

---

[1]) Въ суммѣ ихъ не многимъ меньше, чѣмъ сколько мы имѣемъ находокъ отъ удѣльно-вѣчевой эпохи, если исключить территорiю г. Кiева.

[2]) О находкахъ пражскихъ грошей см. у Бѣляшевскаго Монетные клады с. 45, 67, 68, 83, 84, 95, 105, 116—117, Объяснит. записка В. Б. Антоновича (с. Полствинъ Каневск. у.); къ этому слѣдуетъ, можетъ быть, присоединить неопредѣленное свидѣтельство о богемскихъ пфенигахъ XIII в. (двѣ находки)—Бѣляшевскiй ор. с. с. 49. Наиболѣе богатые клады—третiй, седьмой и восьмой изъ указанныхъ (172 грошa и 197 денаровъ, 235 гр., 670 гр.). Изъ другихъ—болѣе значителенъ Гроздовскiй кладъ, Бѣляшевскiй с. 58.

[3]) Золотоордынскiя монеты XIV в. встрѣчаются четыре раза—Бѣляшевскiй с. 58, 114, Объяснит. зап. (с. Ольшаница Васильк. у. и Полствинъ Кан. у.); новгородскiя гривны—с. 58, также с. 81 (съ генуэзскими монетами); литовскiе денары—с. 68; въ с. Пастырскомъ Чигир. у. найдено въ 1887 г. 38 серебр. денаровъ червонорусскихъ Людовика венгерскаго—Объяснит. записка.

[4]) Вотъ мѣстонахожденiя монетъ: Кiевъ (3 наход.), Гвоздовъ—Кiев. у., Ольшаница—Васильк. у., Бердичевъ, Быкова—Сквир. у., Лука—Таращ. у., Каневъ, Бучакъ и Полствинъ—Каневск. у., Постырское—Чигир. у., Уманск. у. (неизвѣстно, гдѣ именно).

[5]) Монеты эти (2 экз.) были впервые найдены въ 1873 г. въ с. Гвоздовѣ Кiевск. у., вмѣстѣ съ 6 золотоордынскими монетами, 7 гривнами и 3 полугривнами новгородскаго

монета чеканилась разновременно, чеканъ слѣдовательно составлялъ не случайное явленіе, а имѣлъ извѣстное постоянство. И конечно, если монета чеканилась, то существовала потребность въ ней.

Бойкая иноземная торговля, замѣчаемая въ Кіевѣ въ XV в., привлекавшая сюда иноземныя колоніи, какъ и въ до-монгольскую эпоху [1]), не возникла, конечно, именно въ этомъ столѣтіи, а существовала, хотя бы въ болѣе слабомъ видѣ, и раньше. Я отмѣчу тотъ фактъ, что въ договорѣ Тверскаго князя Бориса Александровича съ Витовтомъ (вѣроятно 1427 г.), гарантирующей между прочимъ интересы тверскихъ гостей, въ числѣ торговыхъ городовъ посѣщаемыхъ послѣдними, вмѣстѣ со Смоленскомъ, Витебскомъ, Вязьмою и Дорогобужемъ, упомянутъ и Кіевъ, причемъ дѣлается ссылка на давніе порядки: „пошлины (въ этихъ городахъ) имати по давному, а нового не примышляти“; очевидно, торговля съ ними велась и въ болѣе раннее время, издавна [2]). О значительной зажиточности Кіева, косвенно—о развитіи въ немъ торговли и промышленности свидѣтельствуетъ и тотъ очень значительный окупъ, который взялъ съ него въ 1399 г. Темиръ-Кутлукъ.

типа, и были опредѣлены В. Б. Антоновичемъ—см. Труды III арх. съѣзда II с. 150 сл.; его опредѣленіе приняли и послѣдующіе изслѣдователи — гр. Гуттенъ-Чапскій (Удѣльныя и пр. деньги древней Руси с. 4), гр. И. Толстой (Древнѣйшія монеты с. 221—съ оговоркою относительно нѣкоторыхъ деталей). Впослѣдствіи было открыто еще 4 экземпляра (два найдено около Путивля, одинъ—въ Никольской слободкѣ у Кіева), всѣ они изданы у гр. Толстого (ор. с. таб. XII, XIV, с. 217 сл.). Три монеты имѣютъ 14 доли вѣсу, одна —$18^1/_2$, одна—19 и одна $7^1/_2$; съ одной стороны всѣ имѣютъ имя Владиміра кириллицею вокругъ тамги, съ другой—трудно объяснимую фигуру геральдическаго характера.

[1]) О ней см. Моногр. В. Б. Антоновича I с. 253—5.

[2]) Грамота эта много разъ издавалась: въ Сборникѣ Муханова № 1, въ Актахъ Зап. Россіи I № 33, въ Codex ep. Vitoldi № 107, въ переводѣ—Scarbiec I № 642; Срезневскій издалъ точный текстъ ея по оригиналу, значительно впрочемъ испорченному, съ большими пропусками—Свѣдѣн. и зам. LIV. Въ нѣкоторыхъ изданіяхъ грамота эта помѣчена 1393 г., но эта дата не можетъ быть принята, потому что Борисъ Александровичъ княжилъ съ 1425 г. (см. Экземплярскаго Князья Сѣверн. Руси II с. 509); въ подлинникѣ грамота помѣчена: „въ лѣто ꙃ҃ ное девять сот... индикта є҃“; индиктъ съ 6900 г. не сходится, очевидно здѣсь есть пропускъ; въ пространствѣ между 1425 и 1430 г. (смерть Витовта) индиктъ 5 падаетъ на 1427 г. (см. Срезневскаго l. c.). Подобныя же постановленія о торговлѣ содержатся и въ договорной грамотѣ Бориса съ Казиміромъ—Акты Зап. Рос. I № 51 и др.

Говоря о внутренней жизни земли, нужно еще сказать о церковныхъ отношеніяхъ, точнѣе—о судьбѣ митрополіи; кстати по этому вопросу мы имѣемъ болѣе обстоятельныя данныя. Какъ извѣстно, этотъ періодъ въ исторіи русской церкви имѣетъ характеръ переходной: въ это время постепенно входитъ въ силу и получаетъ признаніе обычай ставить митрополитовъ изъ туземцевъ, мѣстныхъ кандидатовъ, слѣдовательно подготовляется полная національзація іерархіи, съ другой стороны—дѣлаются попытки къ образованію отдѣльной западнорусской митрополіи послѣ того, какъ бывшіе кіевскіе митрополиты переселились на сѣверъ. Въ этомъ общій интересъ періода. Частный, спеціально-кіевскій интересъ заключается въ томъ, что вопросъ о митрополіи, о митрополичьей резиденціи тѣсно былъ связанъ съ престижемъ Кіева. Не входя въ подробности, я изложу лишь то, что именно ближе касается Кіевской земли.

Во время татарскаго нашествія митрополитомъ былъ Іосифъ, прибывшій въ 1237 г.; полагаютъ, что онъ погибъ во время Батыева погрома, такъ какъ изчезаетъ въ это время безслѣдно [1]). Непосредственно за тѣмъ Даніилъ избралъ на митрополію нѣкоего Кирилла; послѣдній нѣсколько лѣтъ жилъ въ его волостяхъ нареченнымъ митрополитомъ; лишь около 1247 г. онъ былъ отправленъ въ Царьградъ для посвященія, которое и было совершено надъ нимъ—фактъ еще небывалый! [2])... Послѣ этого, въ 1250 г., Кириллъ прибылъ на митрополію въ Кіевъ, но оставался здѣсь не долго: отправился въ Черниговъ, Рязань, во Владиміръ на Клязьмѣ; въ 1251 г. видимъ его въ Новгородѣ, потомъ снова во Владимірѣ, гдѣ онъ упоминяется нѣсколько разъ въ 50-хъ и 60-хъ годахъ; проживая главнымъ образомъ во Владимірѣ, онъ поэтому не назначалъ на эту каѳедру епископа до1272 г., когда былъ поставленъ на владимірскую епископію печерскій архимандритъ Серапіонъ. Затѣмъ м. Кириллъ снова появляется въ Кіевѣ, гдѣ посвящаетъ около 1275 г. архіепископа новгородскаго Климента, но въ 1280 г. возвращается опять на сѣверъ; здѣсь—въ Переяславлѣ Залѣсскомъ онъ вскорѣ и скончался; тѣло его было отвезено въ Кіевъ и погребено у св. Софіи [3]).

---

[1]) Лавр. с. 487 (1 Соф. I с. 238, Ник. II с. 103—подъ 1236 г.), Макарій Ист. р. ц. IV с. 2.

[2]) Ипат. с. 528, 537, Макарій ibid. с. 7—9.

[3]) Лавр. с. 449, 1 Новг. с. 63, 64, Воскрес. I с. 172, 174, 175, Никон. II с. 137, 157, 158, Густ. с. 342.

Образъ жизни этого митрополита очень любопытенъ. Монгольскій періодъ оборвалъ іерархическія традиціи; Кіевъ, еще раньше переставшій быть центромъ политической жизни русскихъ племенъ, теперь окончательно лишившійся политическаго значенія, перестаетъ быть и резиденціею митрополитовъ; но на смѣну старой традиціи новый порядокъ слагается лишь со временемъ. Митрополичья резиденція долго не можетъ прочно установиться на новомъ мѣстѣ; оттуда постоянные разъѣзды митрополитовъ. Любопытно еще, что м. Кириллъ, ставленникъ Даніила и, правдоподобно, по происхожденію южноруссъ, проживаетъ больше на сѣверѣ; это объясняется весьма правдоподобно тѣмъ, что на сѣверѣ было больше епархій, чѣмъ на юго-западѣ; интересы церковные заставили митрополита предпочитать сѣверный центръ южному, Владиміръ—Галичу.

Въ отсутствіе митрополита дѣлами митрополіи въ Кіевѣ завѣдывали его намѣстники[1]). Епископы бѣлгородскій и юрьевскій ни разу не упоминаются послѣ монгольскаго нашествія: правдоподобно, каѳедры эти были упразднены вскорѣ послѣ него. Кромѣ общаго захуданія земли, это объяснятся, мнѣ кажется, перенесеніемъ митрополичьей резиденціи изъ Кіева: каѳедры эти были въ свое время учреждены, правдоподобно, для того, чтобы митрополитъ для церковныхъ нуждъ могъ имѣть при себѣ законное число епископовъ; теперь, когда митрополиты являлись въ Кіевъ лишь урывками, этой надобности не представлялось.

То, что видѣли мы при м. Кириллѣ, повторялось и при трехъ его преемникахъ—Максимѣ, Петрѣ и Ѳеогностѣ. Оффиціально резиденціею считался Кіевъ, но митрополитъ „по обычаю своему хожаше по всей землѣ Русстей", такъ что подчасъ и неизвѣстно было, гдѣ въ данный моментъ находится митрополитъ[2]). М. Максимъ въ 1284 г. по прибытіи на митрополію, собираетъ соборъ епископовъ въ Кіевѣ, ставитъ здѣсь въ 1288—9 гг. епископовъ (владимірскаго, ростовскаго и тверскаго), потомъ появляется здѣсь еще въ послѣднихъ годахъ

---

[1]) См. Густин. с. 346, 3 Новг. с. 221 (извѣстіе, тождественное съ густинскимъ до буквальности и заимствованное, очевидно, изъ западно-русскаго источника); о намѣстникахъ см. еще 1 л.-русск. лѣт. въ изд. Даниловича р. 47, въ изд. Попова с. 40, Никон. IV с. 313; списокъ кіевскихъ намѣстниковъ у Закревскаго II с. 890—маловажный; см. Рыбинскаго Кіевская митроп. каѳедра—Тр. Кіев. Дух. Акад. 1891, кн. I с. 121 сл.

[2]) Никон. II с. 166, 172, 1 Новг. с. 67.

столѣтія и затѣмъ переселяется во Владиміръ, „со всѣмъ своимъ житьемъ", „не терпя татарскаго насилья" [1]. М. Петръ въ Кіевѣ появляется только непосредственно за своимъ посвященіемъ (въ 1308 г.) [2] и затѣмъ отправляется на сѣверъ. М. Өеогностъ былъ подвижнѣе и побывалъ въ Кіевѣ раза два-три (послѣ поставленія—въ 1328 г., потомъ около 1329 и, можетъ быть, около 1349 г.) [3]. Начиная съ м. Максима митрополиты и погребались уже на сѣверѣ—во Владимірѣ и Москвѣ; новый порядокъ крѣпнетъ; южнорусскій сводъ съ м. Максима отмѣчаетъ, какъ постоянное явленіе, пребываніе митрополитовъ на сѣверѣ [4]): мѣстопребываніемъ ихъ становится Владиміръ, потомъ, съ м. Петра—Москва. Но все это, по замѣчанію м. Макарія, еще „было ихъ личное переселеніе, а отнюдь не перенесеніе самой каѳедры митрополитской въ тотъ или другой городъ" [5]; оффиціально каѳедрою оставался Кіевъ.

Первый, кто вознамѣрился легализировать это перенесеніе каѳедры,—былъ вмѣстѣ и первый сѣвернорусъ на каѳедрѣ, москвичъ по рожденію и воспитанію—св. Алексій. При своемъ поставленіи, какъ было уже упомянуто, онъ ходатайствовалъ предъ патріархомъ объ утвержденіи митрополичьей резиденціи во Владимірѣ, ссылаясь на то, что Кіевъ совершенно разоренъ, не можетъ доставить средствъ для пребыванія митрополита; да вдобавокъ въ немъ засѣлъ Өеодоритъ, о которомъ будемъ говорить ниже. Резолюція послѣдовала весьма интересная: постановлено, „чтобы сей преосвященный митрополитъ русскій и всѣ его преемники пребывали и находились во Владимірѣ, имѣя здѣсь свое постоянное и неотъемлемое мѣстожительство, такъ чтобы Кіевъ, если онъ останется цѣлъ, былъ собственнымъ престоломъ и первымъ сѣдалищемъ архіерейскимъ, а послѣ него и вмѣстѣ съ нимъ—святѣйшая епископія владимірская была бы вторымъ сѣдалищемъ и мѣстомъ постояннаго пребыванія и упокоенія (ἀνάπαυσις) митрополитовъ" [6]. Такимъ образомъ резиденція митрополитовъ окончательно, навсегда (это прямо оговаривается ниже) была перене-

---

[1]) Лавр. с. 461 и 500, Воскр. I с. 179, 182, Никон. II с. 162, 167.
[2]) Воскр. I с. 185. По крайней мѣрѣ больше мы не имѣемъ свѣдѣній.
[3]) Воскр. I с. 202, Никон. II с. 195, 203, 221, 1 Новг. с. 77.
[4]) Густинск. с. 346.
[5]) Исторія русской церкви IV с. 21.
[6]) Русск. ист. библ. VI, прил. с. 68—70.

сена изъ Кіева; за послѣднимъ остался лишь титулъ каѳедры, оффиціальною резиденціею становится Владиміръ, а дѣйствительною и въ это, и въ послѣдующее время была Москва.

Этотъ новый порядокъ, несомнѣнно, уже раньше возбуждалъ неудовольствіе въ Кіевѣ и вообще въ Южной Руси, но дѣятельныя мѣры противъ него стали приниматься лишь тогда, когда Южная Русь стала подвергаться притязаніямъ и захватамъ литовскихъ и польскихъ государей, въ интересахъ которыхъ было возможно обособить завоевываемыя земли. Такъ Казиміръ В. хлопочетъ объ образованіи отдѣльной галицкой митрополіи, Ольгердъ—литовской. Стремленія ихъ однако находили весьма мало сочувствія въ Константинополѣ: съ одной стороны, освященная вѣками традиція и тѣ притязанія и споры изъ-за предѣловъ епархій, которые порождались съ образованіемъ новыхъ митрополій, съ другой—вліяніе московскихъ митрополитовъ и государей—препятствовали обособленію галицкихъ и русско-литовскихъ епархій, и особые митрополиты въ XIV в. являются здѣсь только по временамъ.

Первымъ митрополитомъ литовскимъ былъ упомянутый выше Романъ. Но Кіевъ еще раньше имѣлъ уже своего особаго митрополита, хотя и незаконнаго съ точки зрѣнія каноническихъ правилъ. Въ 1352 г. сюда прибылъ нѣкто Ѳеодоритъ: онъ искалъ посвященія сначала у константинопольскаго патріарха, потомъ посвященъ былъ въ митрополиты патріархомъ тырновскимъ. Не смотря на протесты со стороны патріархата константинопольскаго, онъ былъ принятъ въ Кіевѣ и оставался здѣсь нѣсколько лѣтъ, „разбойнически и насильственно владѣя Кіевомъ“, выражаясь словами константинопольскаго акта 1354 г.—очевидно, онъ находилъ поддержку въ населеніи [1]). Потому, быть можетъ, и Романъ, непосредственно за своимъ посвященіемъ явившійся въ Кіевъ, не былъ принятъ населеніемъ, что тамъ еще жилъ Ѳеодоритъ [2]).

Какъ было упомянуто уже, вслѣдъ за посвященіемъ св. Алексія, Ольгердъ потребовалъ, чтобы былъ поставленъ особый митрополитъ

---

[1]) Никон. II с. 226 („инокъ Ѳеодоритъ поставленъ бысть митрополитомъ отъ Терновскаго патріарха и пріиде въ Кіевъ“), Р. ист. библ. ibid. с. 62 и 68, Макарій ibid. с. 30—31, 40.

[2]) Лѣтопись изд. Даниловичемъ с. 174 (цитату см. выше, с. 488).

для епархій русско-литовскихъ, и кандидатъ его—Романъ въ томъ же 1354 г. былъ посвященъ въ „митрополита литовскаго“ (τῶν Λίτβων). Однако Романъ скоро сталъ заявлять притязанія и на другія епархіи: снова явился въ Кіевъ, захватилъ новозавоеванную Ольгердомъ брянскую епархію, въ 1360 г. является въ Тверь. Въ Кіевѣ, какъ сказано было выше, его на этотъ разъ приняли—вѣроятно, Θеодорита тамъ уже не было. Но когда св. Алексій, обезпокоенный, должно быть, этими притязаніями, явился тоже въ Кіевъ, то, очевидно, также былъ принятъ населеніемъ и прожилъ здѣсь около двухъ лѣтъ [1]). Судя по всему, кіевское населеніе мало входило въ вопросъ, кто по каноническимъ правиламъ имѣетъ право на кіевскую каθедру и принимало всѣхъ безразлично, лишь бы имѣть въ Кіевѣ своего митрополита. Романъ скоро скончался. Во избѣжаніе новыхъ пререканій, патріархатъ не желалъ назначать ему преемника, и до 1376 г. Кіевъ находился снова подъ властью московскаго митрополита, хотя послѣдній, повидимому, болѣе не посѣщалъ его.

Въ 1371 г. Ольгердъ отправилъ грамоту къ патріарху, домагаясь поставленія митрополита для западно-русскихъ земель; онъ ссылался на то, что св. Алексій вовсе не посѣщаетъ ихъ, не смотря на приглашенія, и всецѣло вошелъ въ интересы московскихъ государей (что, пожалуй, отчасти было и справедливо [2]). Но эта просьба не была уважена: патріархъ деликатно выговаривалъ св. Алексію за его предпочтеніе Москвѣ, но особаго митрополита не поставилъ [3]). Только въ 1376 г. Кипріанъ, патріаршій посолъ по дѣлу о столкновеніи св. Алексія съ Ольгердомъ и Михаиломъ тверскимъ, сблизившійся въ то время съ Ольгердомъ и затѣмъ вошедшій въ довѣренность у патріарха, успѣлъ достичь поставленія въ митрополиты „кіевскіе и литовскіе“ [4]). Однако и этимъ обособленіе кіевской каθедры достигуто было лишь на время: было прямо оговорено, что назначеніе м. Кипріана не означаетъ раздѣленія митрополій, и патріархъ предоставилъ ему право по смерти м. Алексія принять подъ свою власть

---

[1]) Рус. ист. библ. ibid. с. 72—80, 86—88, 168, Воскр. II с. 10, 11, 1 Новг. с. 87, Никон. II с. 228, 230, 231.

[2]) См. напримѣръ отлучительныя грамоты въ Р. ист. библ. № 20 и 21.

[3]) Ibidem № 24 и 28.

[4]) Ibidem с. 170—174, ср. 200—204 (Acta patr. II p. 13—14, 118—120), Воскр. II с. 25, Макарій ibid. с. 59—60.

и сѣверныя епархіи, сдѣлаться митрополитомъ „кіевскимъ и всея Руси“. По смерти св. Алексія († 1377 г.) Кипріанъ дѣйствительно отправился въ Москву; но тамъ имѣли уже своего кандидата, Кипріана не приняли и обезчестили. Мало того, въ Константинополѣ, вѣроятно подъ вліяніемъ московскаго духовенства, было поднято дѣло о незаконномъ поставленіи м. Кипріана, и въ 1380 г. у него была отнята кіевская каѳедра: онъ остался, и то лишь „по снисхожденію“, „митрополитомъ литовскимъ“. Кіевская каѳедра была отдана московскому митрополиту: „такъ какъ невозможно быть архіереемъ Великой Руси, не получивъ сначала наименованія по Кіеву, который есть соборная церковь и главный городъ (μητρόπολις) всей Руси“, какъ сказано въ соборномъ постановленіи [1]). Не смотря на это Кипріанъ отправился на житье въ Кіевъ: Владиміръ Ольгердовичъ держалъ его сторону, а вскорѣ, по измѣнившимся обстоятельствамъ, онъ былъ приглашенъ и въ Москву. Впрочемъ Кипріанъ не долго ладилъ съ в. кн. Димитріемъ и въ 1382 г. выѣхалъ, изъ Москвы; онъ возвратился въ Кіевъ и здѣсь проживалъ до 1390 г. [2]). Послѣ долгихъ смутъ московской митрополіи, патріаршимъ постановленіемъ 1389 г. Кипріанъ возстановленъ былъ въ санѣ митрополита „кіевскаго и всея Руси“; въ 1390 г. онъ отправляется въ Москву и послѣдняя становится главною его резиденцію, Кіевъ онъ только посѣщаетъ: такъ онъ прожилъ здѣсь полтора года въ 1397—8 г. [3]). Такимъ образомъ дѣятельность Кипріана не согласовалась съ видами литовскихъ владѣтелей, въ частности Владиміра Ольгердовича кіевскаго: въ своихъ интересахъ онъ стремится соединить сѣверныя епархіи съ западными и достигнувъ признанія своей власти на сѣверѣ, не остается въ Кіевѣ, а переноситъ свою резиденцію въ Москву. Что у Владиміра Ольгердовича были совсѣмъ иные виды относительно этого предмета, это довольно ясно показываютъ слова, влагаемыя ему въ уста въ описаніи поимки Діонисія, который былъ посланъ изъ Москвы въ Константинополь для посвященія и неосторожно возвращался назадъ чрезъ Кіевъ,—

---

[1]) Р. ист. библ. с. 173—175, прилож. с. 174—182 (Acta patr. II p. 15—17), Никон. IV с. 48.

[2]) Воскр. II с. 48, Никон. IV с. 77, 139—140, 144, 157.

[3]) Р. ист. библ. прил. с. 224—6 (Acta patr. II p. 127—8), Воскр. II с. 60, Никон. IV с. 193, 268, 301, Макарій ibid. с. 71—79.

„пошелъ еси на митрополію безъ нашего повелѣнія“ [1]). Въ этихъ словахъ видно желаніе возвратить къ жизни старую кіевскую традицію, сдѣлать Кіевъ снова центромъ церковной жизни и дѣла митрополіи поставить въ зависимость отъ воли кіевскаго князя.

Замѣчу кстати, что вообще съ присоединеніемъ Кіева къ могущественному Русско-литовскому государству, съ появленіемъ на кіевскомъ столѣ членовъ знаменитой династіи, политическое значеніе Кіева, его престижъ, несомнѣнно, поднимаются, въ иноземныхъ лѣтописяхъ чаще появляется его имя и имена его князей. По замѣчанію современнаго историка, въ Русско-литовскомъ государствѣ „русская партія сосредоточивается въ Кіевѣ, и Кіевская земля получаетъ значеніе твердыни русской народности [2])“. Отголоски этого значенія Кіева слышатся въ словахъ Ягайла, назвавшаго однажды Кіевъ „изначальною столицею всѣхъ русскихъ земель [3]).

На этомъ я покончу свое повѣствованіе о судьбахъ Кіевской земли. Быть можетъ, „времени минувшу“, я буду имѣть возможность повести это повѣствованіе чрезъ дальнѣйшій рядъ вѣковъ до того времени, когда новыя теченія, стремленія народной жизни, которыя я старался подмѣтить во мглѣ переходнаго времени, проявились съ полною ясностью и опредѣленностью. А пока — „будь здоровъ, чителнику ласкавій!“.

---

[1]) Воскр. II с. 49. Въ Никон. (IV с. 144): „по что пошелъ еси въ Царь градъ к патриярху ставитись в митрополиты безъ нашего совѣта, се бо на Кыеве есть мр. Киприянъ, и тои есть всеа Руссии митрополитъ, пребуди убо здѣ седя в Киеве“.

[2]) В. Б. Антоновичъ Монографіи I с. 231.

[3]) Kywen ein hept ist von alders aller Russischen landen -- Codex epist. Vitoldi p. 780 (1423 г.).

Дополненія и поправки.

Къ с. 5 пр. 2. Теперешняя р. Деревичка, быть можетъ, упоминается въ лѣтописи подъ именемъ „рѣкы Деревное“, находившейся въ сосѣдствѣ р. Случи и Бѣлобережья—см. Ипат. с. 511, ср. Болоховская земля пр. 43.

Къ с. 17 пр. 5. О церкви Богородицы Пирогощей еще статья г. Завитневича въ Тр. Кіев. Дух. Акад. 1891 кн. I; авторъ предпочитаетъ помѣщать ее въ верхнемъ городѣ, около Михайловскаго монастыря (с. 164).

Къ с. 18 пр. 7. Что до польской колоніи въ Кіевѣ—см. объ этомъ въ рефератѣ г. Юрченка „О происхожденіи названія Лядскихъ воротъ въ Кіевѣ“ въ Трудахъ III археол. съѣзда т. II с. 59—60.

Къ с. 21 пр. 1. Теперь Долобское озеро, какъ мнѣ передавали, называется также Долбенскимъ заливомъ.

Къ с. 21 пр. 4. Подробное описаніе городища и произведенныхъ въ немъ раскопокъ см. въ рефератѣ г. Завитневича—Чтенія Общ. Нестора кн. V с. 134 сл.

Къ с. 21 пр. 1. См. Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ Іакова—въ изд. Срезневскаго с. 75—76.

Къ с. 99 пр. 3. Относительно народныхъ легендъ о Бонякѣ см. еще статью Р. Л. Н. „Къ разсказамъ о Шелудивомъ Бунякѣ“ въ Кіевск. Стар. 1891 г. кн. VIII.

Къ с. 126 пр. 2. Литературу вопроса о Мономаховыхъ регаліяхъ см. у г. Дьяконова Власть московскихъ государей с. 76—77.

На с. 139 примѣчанія 1 и 2 нужно переставить одно на мѣсто другого.

Къ с. 161 пр. 4. О политикѣ галицкихъ князей весьма справедливыя замѣчанія см. въ рецензіи П. В. Голубовскаго въ Кіевск. Стар. 1890 кн. X с. 162—163.

Къ с. 181 пр. 2. Объ участіи Гейзы въ предпріятіяхъ Изяслава см. въ книгѣ г. Грота Изъ исторіи Угріи и Славянства въ XII в. с. 152 сл., также еще с. 206 сл. (иноземные источники впрочемъ очень мало прибавляютъ къ извѣстіямъ нашихъ лѣтописей по этому вопросу); тамъ же с. 81—82, 94—100—о родственныхъ связяхъ Изяслава съ угорскимъ и чешскимъ государями.

Къ с. 279 пр. 1. О первомъ нашествіи татаръ см. у Ибнъ-эль-Атира—въ Ученыхъ Запискахъ Акад. Н. по I и III отд. с. 660 сл.; тамъ же о датѣ Калкской битвы—с. 773 сл.

Къ с. 287 пр. 5. Извѣстіе о смерти Владиміра Рюриковича дѣйствительно есть въ 1 Псковской, подъ 1230 г.: „по Рязанскомъ взятьи на лѣто Переславль Рускій взятъ бысть... Того же лѣта (т. е. 1239) Володимеръ умре Кіевскій Рюриковичь. Того же лѣта и Черниговъ взятъ бысть на осень“ (с. 179). См. Экземплярскаго Князья Сѣверной Руси I с. 16; здѣсь же (с. 15—16) о смѣнѣ кіевскихъ князей 1236—38 г.; авторъ принимаетъ догадку Карамзина, что Владиміръ уступилъ Кіевъ Изяславу по настоянію Даніила и Юрія Всеволодовича.

Къ с. 383 пр. 2. О софійской мозаикѣ см. также въ трудѣ Айналова и Рѣдина Кіево-Софійскій соборъ с. 14 сл.

Считаю нужнымъ оговориться еще относительно плана окрестностей Кіева, приложеннаго къ книгѣ; теченіе Днѣпра, конечно, измѣнялось сильно въ разныя времена, но возстановить его тогдашнее направленіе слишкомъ трудно—если возможно; я ограничился только немногими реставраціями (относительно Долобскаго озера, устья Почайны) и въ остальномъ придерживался современнаго плана.

ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ. [1]

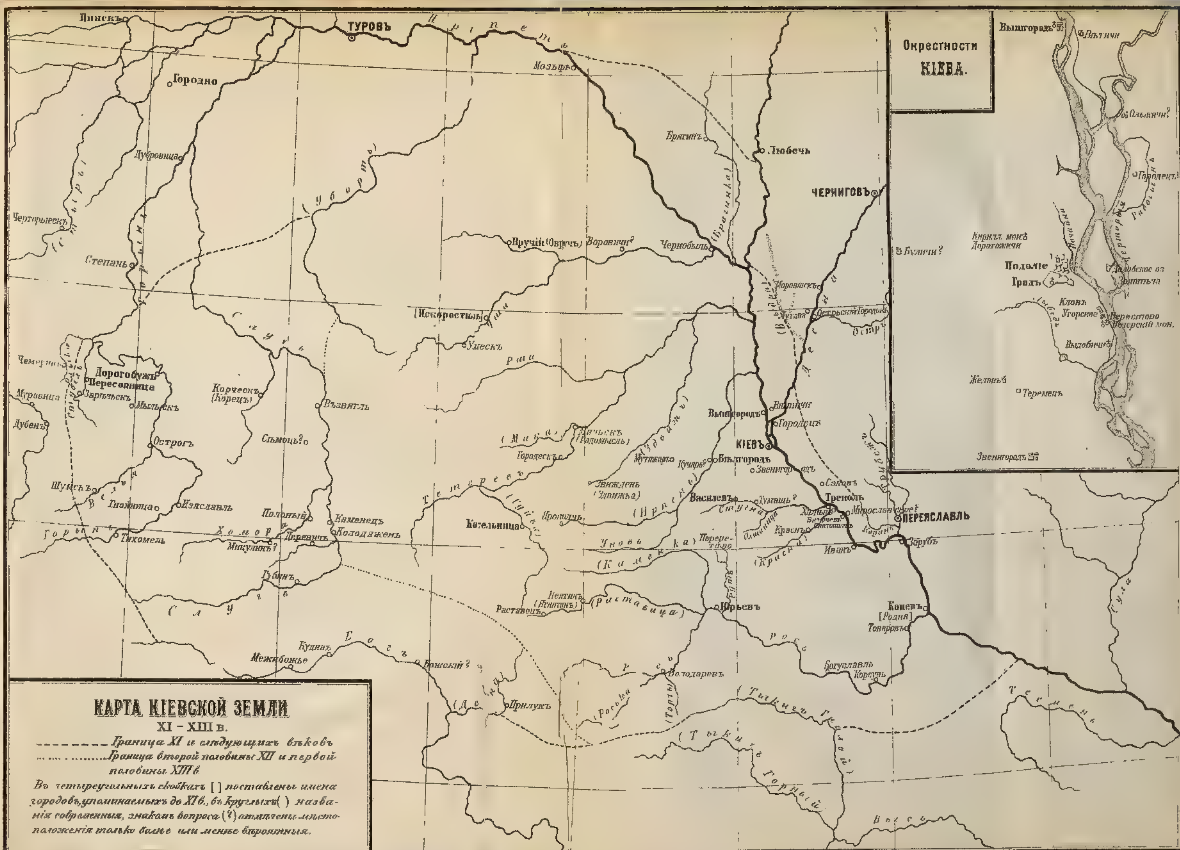
[1] Въ настоящій указатель внесены мѣстности Кіевской земли и нѣкоторыя смежныя либо относимыя къ ней; указаны тѣ лишь страницы работы (преимущественно географическаго очерка), гдѣ дается описаніе ихъ, опредѣленіе мѣстоположенія и т. п.

Важнѣйшія замѣченныя опечатки.

Стр.	строка	Напечачано:	Слѣдуетъ читать:
4	1 св.	имъ же	тѣмъ же ученымъ
5	1 св.	она	Турово-пинская волость
7	10 св.	ея часть	часть Полянской земли
7	4 сн.	255—256	68
10	10 сн.	оставилъ	онъ оставилъ
15	4 св.	города именно	именно города
18	17 св.	1192	1092
18	1 сн. и др.	церквахъ	церквяхъ
20	8 св.	Угорскі	Угорскіе
21	12 сн.	у Барсова	(у Барсова
23	17 св. и др.	черезъ	чрезъ
24	4 св. и др.	передъ	предъ
28	8 св. 13 св.	Торчицы	Торчища
29	20 св. и др. под.	пріурочитъ	пріурочить
28	5 сн.	С. Кт.	К. Ст.
32	5 св.	вежами	вѣжами
34	6 сн.	церквии	церкви
38	8 сн.	Кунилъ	Куниль
42	4 св.	половдамм	половцами
42	8 св.	1095	1195
45	11 св.	1393	1345
45	18 сн.	притокъ	притокѣ
45	6 сн.	росхожусь	расхожусь
46	15 сн.	Пересоиница	Пересопница
47	16 сн.	независимыхъ, общинъ	независимыхъ общинъ,
48	10 сн.	ср.	вм.
51	6 св.	„Чиркассы	Чиркассы
53	6 св.	онѣ	они
53	11 сн.	34—35	33—34
55	7 сн.	не было	вѣроятно, уже не было
55	17 сн.	относящаго	относящагося
64	17 сн.	съ	въ

Стр.	строка	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
73	5 сн.	arcem,	arcem
74	12 сн.	Подольи	Подольѣ
76	15 сн	Зубрицкій	Зубрицкій (II с. 14)
76	12 сн.	ставка	вставка
85	13 сн.	но соблюденіе	на сблюдение
102	13 сн.	угнанныхъ	уведенныхъ
111	7 св.	общепринятый разсказъ	общепринятое представленіе
114	15 сн.	въ сказаніи	въ сказаніи Василя
117	4 сн.	потому	по тому
122	17 св., 20 св.	преемникомъ	кандидатомъ
125	6 св.	породился	породнился
132	19 сн	Выдобича	Выдобичъ
132	6 сн.	Предварительныя I, см. изслѣдованія	см. Предварительныя свѣдѣнія
135	5 сн.	Мьстислова	Мьстислава
151	15 св.	онъ	Ярополкъ
173	16 сн.	доканать	доконать
179	7 св.	въ его распоряженіи	въ распоряженіи Изяслава
179	11 сн.	с. 565	с. 265
180	5 сн.	словомъ	словамъ
180	15 сн. и др.	затѣмъ	за тѣмъ
186	11 св.	перевѣсъ	перевѣтъ
190	12 св.	му	ему
200	2 св.	Дадыдовичемъ	Давыдовичемъ
201	13 сн.	выдить	выдать
202	15 сн.	союзниковъ	союзниковъ Юрія
211	12 св.	1191	1161
217	17 сн.	видимъ его	видимъ Владиміра
218	1 сн.	Ожицѣ	Оржицѣ
226	12 сн.	пятнадцатилѣтнее	тринадцатилѣтнее
226	11 сн.	1195	1194
253	7 сн.	1195	1194
255	6 св.	Володимери	Володимеря
256	14 св.	Ростиславича	Ростислава
264	17 сн.	толомъ	столомъ
291	13 сн.	княжене	княжение
298	4 св.	Кіева.	Кіева,
300	14 св.	также	такъ же
304	10 св.	1168	1167
308	15 св.	настолько	насколько
310	2 св.	ее	ея
310	8 сн.	предлагаетъ	навязываетъ
314	5 св.	IX в.	X в.
323	1 св.	превращаяся	превращался
331	14 сн.	княшнею	княгинею
335	7 св.	Лазаръ	Лазарь

Стр.	строка	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
336	7 св.	1067	1068
348	17 св.	проводи	провади
351	16 сн.	онъ не принадлежалъ	оно не принадлежало
360	15 сн.	Зернова	Зернина
362	4 св.	Клима)	Клима [1])
363	15 св.	вяшщаго	вящшаго
367	9 си.	лишеніи	лишеніе
374	2 сн.	памяти	память
375	14 св.	скирды	копны
378	11 св.	княжескій	до-княжескій и княжескій
386	16 сн.	Окскаго	Волжскаго
398	7 сн.	инвинтаря	инвентаря
414	5 св.	прочіе	прочія
416	18 св.	христіанствамъ	съ христіанствомъ
430	15 сн.	1202	12 3
432	5 св.	1202	1203
432	8 св.	Лыбопытно	Любопытно
437	8 сн.	внесено	внесена
438	12 св.	одни—цѣликомъ, другіе	послѣдніе – цѣликомъ, первые
440	10 сн.	помѣщичьей	тяжелой помѣщичьей
442	3 сн.	къ Вильну	—
446	10 сн.	придаетъ	придавалъ
447	17 сн.	заключить	заключить также
461	4 св	соглашалась	соглашалось
461	7 сн.	городахъ,	городахъ)
463	15 сн.	отпора	отпора такимъ нападеніямъ
466	10 сн.	дѣйствующимъ лицамъ	дѣйствующими лицами
467	11 св.	сведеній	свѣдѣній
471	6 св.	до-монгольскій	въ до-монгольскій
472	6 сн.	Давидъ	Давилъ
488	2 сн.	нрияша	прияша
503	11 св.	улаживались	уживались



КАРТА КІЕВСКОЙ ЗЕМЛИ
XI – XIII в.
Граница XI и слѣдующихъ вѣковъ
Граница второй половины XII и первой половины XIII в.
Въ четыреугольныхъ скобкахъ [ ] поставлены имена городовъ, упоминаемыхъ до XI в., въ круглыхъ ( ) названія современныя, знакомъ вопроса (?) отмѣчены мѣстоположенія только болѣе или менѣе вѣроятныя.
Окрестности КІЕВА.
ТУРОВЪ
Пинскъ
Городно
Мозырь
Брягинъ
Любечь
ЧЕРНИГОВЪ
Дубровица
Черторыескъ
Степань
Вручій (Овручь)
Воровичи?
Чернобыль
[Искоростынь]
Ушескъ
Дорогобужъ
Пересопница
Зарѣчьскъ
Мыльскъ
Корческъ (Корецъ)
Възвягль
Муравица
Дубенъ
Острогъ
Сьмоцъ?
Шумскъ
Изяславль
Полоный
Каменецъ
Колодяженъ
Деревичь
Микулинъ?
Тихомель
Губинъ
Котельница
Вышгородъ
КІЕВЪ
Городецъ
Бѣлгородъ
Звенигородъ
Васильевъ
Треполь
ПЕРЕЯСЛАВЛЬ
Заруб
Иванъ
Юрьевъ
Каневъ
[Родня]
Товаровъ
Богуславль
Корсунь
Володаревъ
Кудинъ
Межибожье
Бужскій?
Прилукъ
Растовецъ
Неятинъ (Ятинъ)
Городескъ
Мичьскъ (Радомысль)
Морововскъ
Остерскій Городокъ
Подолие
Градъ
Кловъ
Угорское
Берестово
Печерскій мон.
Выдобичи
Желань
Теремецъ
Звенигородъ
Уг. Припеть
Горынь
Случь
Тетеревъ
Ирпень
Стугна
Рось
Десна
Роська
Тикичъ Горный
Высь
Тясминъ
Сула

½ 55 [illegible]

РОДОСЛОВНАЯ ТАБЛИЦА.

Ярославъ Владиміровичъ † 1054

Изяславъ † 1001
Брячиславъ † 1044
Всеславъ † 110[illegible]
Давыдъ, Ростиславъ, Глѣбъ

Владиміръ † 1052
Ростиславъ † 1066
Рюрикъ † 1092, Володарь † 1124, Василько † 1124
Володимірко † 1152, Ростиславъ
Ярославъ † 118[illegible], Иванъ Берладникъ
Владиміръ, Олегъ

Изяславъ † 1078
Мстиславъ † ок. 1070, **Святополкъ † 1113**, **Ярополкъ † 1087**
Мстиславъ † 1099, Ярославъ † 1123, Брячиславъ † 1128, Изяславъ † 1128, Ярославъ † 1103, Вячеславъ † 1104
Юрій
Святополкъ, Иванъ, Ярославъ, Глѣбъ, Ярополкъ

Святославъ † 1076
Глѣбъ † 1078, Романъ † 1079, Давыдъ † 1123, **Олегъ † 1115**, Ярославъ † 1130
Святоша, Владиміръ † 1151, Изяславъ † 1161, **Всеволодъ † 1146**, **Игорь † 1147**, **Святославъ † 1164**, Ростиславъ
Святославъ † 1194, Ярославъ † 1198, Олегъ † 1180, **Игорь † 1202**
Всеволодъ † 1214, Глѣбъ, Мстиславъ † 1223, Владиміръ
Михаилъ † 1246
Ростиславъ

Всеволодъ † 1093
Владиміръ † 1125, Ростиславъ † 1093

Игорь † 1060
Давыдъ † 1112
Всеволодко † 1140
Борисъ, Глѣбъ, Мстиславъ

Вячеславъ † 1057
Борисъ

Владиміръ Мономахъ † 1125

Мстиславъ † 1132
Всеволодъ † 1138, **Изяславъ † 1154**, **Ростиславъ † 1167**, Святополкъ † 1154
Мстиславъ † 1170, Ярославъ † послѣ 1175, Ярополкъ † 1158
Романъ † 1205, Всеволодъ † 1195, Святославъ, Ингварь, Василько
Даніилъ † 1263, Василько † 127[illegible], Александръ
Ярославъ
Романъ † 1180, **Рюрикъ † ок. 1214**, **Давыдъ † 1197**, **Святославъ † 1170**, Мстиславъ † 1180
Ярополкъ, **Мстиславъ † 1223**, Борисъ?, **Ростиславъ † 1218**, **Владиміръ † 1239**, Мстиславъ † 1230, Мстиславъ † 1228
Изяславъ, Ростиславъ?

Ярополкъ † 1139
Вячеславъ † 1154
Владиміръ † 117[illegible]
Михаилъ † 1129
Мстиславъ, Ярославъ, Ростиславъ, Святославъ

Юрій † 1157
Ростиславъ † 1151, Андрей † 1174, **Глѣбъ † 1171**, Мстиславъ, Василько, Борисъ † 1159, **Михалко † 1176**, Всеволодъ † 1212
Мстиславъ † 1178, Ярополкъ, Мстиславъ † 1172, **Владиміръ † 1187**
Константинъ † 1218, Юрій † 1238, Ярославъ † 1246
Александръ † 1246, Андрей † 1264, Михаилъ † 1248, Ярославъ † 1272, Василій † 1276

Андрей † 1142
Владиміръ † 1170

Въ эту таблицу, примѣнительно къ содержанію изслѣдованія, внесены преимущественно тѣ лишь князья, которые такъ или иначе играли роль въ исторіи Кіевщины. Жирнымъ шрифтомъ набраны имена князей, занимавшихъ кіевскій столъ, а чертою отмѣчены князья, сидѣвшіе въ городахъ Кіевской земли.